

Я. А. Коменский

2

Педагогическая
библиотека

Педагогическая
библиотека

Я. А. Коменский

2

Я. А. Коменский

Избранные педагогические сочинения

В двух томах

**Академия
педагогических
наук СССР**

**Педагогическая
библиотека**

**Редакционная
коллегия:**

М. И. Кондаков
(председатель),
Ю. К. Бабанский
(зам. председателя),
Ю. В. Васильев,
Е. М. Кожевников,
Н. П. Кузин,
А. В. Петровский,
А. И. Пискунов,
В. С. Хелемендик,
Э. Д. Днепров
(ученый секретарь)

Я. А. Коменский

Избранные педагогические сочинения

Том второй

Под редакцией:
А. И. Пискунова
(отв. редактор),
И. Кырашпа,
Б. Куяла,
Д. О. Лордкипанидзе,
А. Чумы

Москва
«Педагогика»
1982

ББК 74.03
К 63

Утверждено к печати Редакционной коллегией
серии «Педагогическая библиотека»
Академии педагогических наук СССР

Рецензенты:

Г. С. Батищев — кандидат философских наук,
В. М. Кларин — доктор педагогических наук

Составители:

**Э. Д. ДНЕПРОВ, И. КИРАШЕК, М. Н. КУЗЬМИН,
Д. ЧАПКОВА**

Коменский Я. А.

К 63 Избранные педагогические сочинения: В 2-х т.
Т. 2.— М.: Педагогика, 1982.— 576 с.— (Пед. б-ка).

В надзаг.: АПН СССР.

Пер.: 1 р. 90 к.

Во втором томе представлены работы, относящиеся ко второму периоду жизни и творчества Я. А. Коменского, и фрагменты из его последнего большого философского труда «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», в которых рассматриваются проблемы воспитания и образования.

Некоторые произведения публикуются на русском языке впервые. Для ученых-педагогов, работников народного образования, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей педагогики.

К 4302000000-031
005 (01)-82 1-81

ББК 74.03
37(09)

О развитии природных дарований (De ingeniorum cultura)

(Речь, произнесенная в главной аудитории
Патакской школы 24 ноября 1650 г.
Яном Амосом Коменским,
Моравянином из Венгерского Брода)

Перед вами выступает на сцену новый человек, для которого и вы сами являетесь новым обществом. Новизну эту доказывает настоящее необычайное собрание, на котором, как это и полагается при начале нового дела, присутствуют не только достопочтенные, знаменитейшие и ученыйшие представители науки и церкви, но также знатные, благороднейшие господа и именитые граждане здешнего города и его окрестностей.

Вы удивлены, я полагаю, присутствием человека, видеть которого вам и на ум не приходило; для меня это также неожиданно, так как и у меня не было этого в мыслях. Как же это случилось? — спросим мы друг друга. Не к этому ли случаю применяются слова комического поэта: «С нами Боги обращаются, как с мячиками: бросают куда хотят» — или еще лучше — пророка: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление шагам своим» (Иер. 10, 23).

Действительно, мои собственные помыслы, а также и советы мне со стороны других людей уже в течение нескольких лет клонились совершенно в другую сторону. Однако иначе направил шаги наши тот, который управляет всем: отвращая нас от Запада и Севера, он повелел идти к вам, на Восток¹. Тогда-то именно Светлейшая княгиня Трансильванская и владелица венгерских земель госпожа Сусанна Лорантфи из героического рвения к возвеличению славы божией, с благочестивым намерением, троекратно повторенными милостивейшими письмами соизволила вызвать и нас для совета о столь священном и трудном деле. Она намеревалась преобразовать на более широких и совершенных началах существующую в сем королевстве с самого начала церковной реформации славную гимназию — родоначальницу правоверных венгерских школ. И я не мог противиться такому призыву, внушенному самим Богом (таким признали его те, волей и сочувствием которых мне следовало руководиться).

Богу угодно было, чтобы и сам я почувствовал в себе необыкновенное стремление к тому же. Явившись сюда на некоторое время, почему бы мне не испытать, что именно желает совершить через наше ничтожество десница того, который обычно для дел своих пользуется ничтожнейшими в глазах мира средствами.

О, если бы не напрасным обольщением было мое убеждение, что здесь оправдывается та старая поговорка, что Бог «подобное приводит к подобному». Признаюсь, что я, смиренный раб Христа, искренно познал свою немощность и в сознании этой немощи охотно выискиваю те искры света, которые небесный отец светов не перестает ниспосылать нам, ученикам этой поднебесной школы, и с благодарностью воспринимаю их, откуда бы они ни посылались. Я также начинаю убеждаться, что и вас коснулось сознание своего несовершенства и вы всецело одержимы стремлением к лучшей, высшей и полнейшей образованности. Отсюда у меня возникает светлая надежда, что нас, объединенных в этом желании, не оставит благодать того, который мужам желаний, боящимся его, и кротким обещал милость свою и откровение пути своего (Дан. 9, 23; Пс. 25, 10, 13, 15). Итак, любезные мои венгры, вы моя надежда, да мыслим право о Господе и в простоте сердца ищем его; человеколюбив бо дух Премудрости (Премудр. 1, 1, 6). Любящих ее она любит, и усердно ищущие найдут ее (Притч. 8, 17). Для того же, чтобы мы уже начали искать Премудрость теперь же, когда я впервые выступил перед лицом вашим, я почитаю долгом сказать вам: приступите с бодрым духом и выслушайте благосклонно, когда я буду держать речь о столь необходимом для нас с вами деле. Дай Бог, чтобы вы не пожалели о том, что меня выслушали.

Какой же предмет рассуждения оказался бы достойным столь многочисленных слушателей, отвечающим нашим общим стремлениям и, наконец, мог бы послужить для нас побуждением к делу, которое предпринимается нами с самыми серьезными намерениями? Я избрал тему, приновленную к месту, ко времени и к лицам и которая, благодаря предоставленному мне их светлостями случаю, вышла из-под моего пера, а именно:

О развитии природных дарований

Чтобы высказаться об этом во славу божию и в честь тех, которые поручили нам это дело, я полагаю наиболее удобным для себя и для вас, а равно и отвечающим существу самого дела вести рассуждение в следующем порядке:

Во-первых [раскрыть], что такое природное дарование и в чем заключается воспитание (*cultura*) дарований.

Во-вторых [выяснить], что необходимо требовать, чтобы дарования не оставались необработанными, как дебри лесов или пески пустынь; но чтобы они были возделываемы тщателью, как мы обыкновенно возделываем огороды, виноградники и сады.

В-третьих [показать], каким образом такое образование можно было бы удачно привить целому народу, в частности, есть ли условия для некоторого, более широкого, полнейшего и лучшего образования природных дарований в вашем народе.

Наконец, так как нужно иметь в виду не только повод к столь высоким стремлениям, но и благоприятные для них условия, то в дополнение ко всему указанному нужно еще рассмотреть, почему вопрос ставится именно теперь и почему именно в этом городе. Почему это дело во имя божие должно быть начато именно нами, здесь присутствующими, без всякого дальнейшего отлагательства и без ожидания других, более благоприятных, обстоятельств. И каким образом.

Изложив все это по порядку и возможно кратчайшим способом, мы, с благочестивыми желаниями и искренними молитвами, представим все это дело Богу и тем, которые здесь заступают его место.

Слово «дарование» в этом случае обозначает ту врожденную силу нашей души, которая делает нас людьми. Именно эта сила делает нас, созданных по образу божью, способными к пониманию всех вещей, к выбору из понятых нами вещей — одних лучших, к настойчивому достижению избранных, наконец, к свободному господству над вещами, уже достигнутыми, и к наслаждению ими, а через то — и к возможно большему уподоблению Богу (который все ясно разумеет, всего свято желает, всемогуще совершает и всем преславно управляет). Угодно вам подробнее слышать об этом? — Так слушайте!

Человеку прирождены четыре части, или качества, или способности. Первая называется ум — зеркало всех вещей, с суждением — живыми весами и рычагом всех вещей и, наконец, с памятью — кладовою для вещей. На втором месте — воля — судья, все решающий и повелевающий. Третья — способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь — истолковательница всего для всех. Для этих четырех деятелей в теле нашем имеется столько же главнейших вместилищ и органов: мозг, сердце, рука и язык. В мозгу мы носим как бы мастерскую ума; в сердце, как царица в своем дворце, обитает воля; рука, орган человеческой деятельности, является достойным удивления исполнителем; язык, наконец, — мастер речи, посредник между различными умами, заключенными в различных, друг от друга разделенных телах, связывает многих людей в одно общество для совещания и действия. Так изваял нас наш Творец! Этими четырьмя пределами ограничил

он свой малый мир. Так осуществляем мы в себе все свойства божественного образа. Действительно, быстрый ум, облетающий небо и землю, способностью понимания все покоряет, способностью суждения все разграничивает и распределяет и в сокровищницах памяти все складывает. Воля, со своей свободой решения, избирая из всего лишь то, что она облюбовует, и отвергая то, чего не одобрит, надо всем царствует. Рука, следуя предначертаниям ума и приводя в исполнение постановления воли, производит новое и только что не создает новые миры. Наконец, язык, перечисляя по мере надобности все то, что было обдуманно, высказано, совершено (или то, что еще должно быть обдуманно, высказано, совершено), и расцветившая все это своими красками, распространяет свет от света, приумножает его и от одних людей переносит к другим.

Итак, вы понимаете, любезнейшие слушатели, что природным дарованием в нас является то, благодаря чему мы представляем собою образ божий, т. е. маленьких Богов, оставаясь тем не менее людьми. А отсюда, я полагаю, уже легко понять, в чем состоит воспитание природных дарований. Именно: в каком смысле о человеке говорится, что он усовершенствует поле, огород, виноградник и какое-либо искусство и, наконец, свое собственное тело, в том же смысле можно говорить, что он усовершенствует и душу свою или свое природное дарование. Он усовершенствует каждую вещь, приспособляя и принаравливая ее к своим потребностям, приготовляя, изощряя, сглаживая, украшая ее таким образом, чтобы она соответствовала своей цели и на деле приносила наибольшую пользу. Так, поле, огород, виноградник тогда называются хорошо обработанными, когда они приносят много хороших плодов и овощей. Искусство считается хорошо усовершенствованным, когда оно легко и изящно производит свои творения. Тело выхолено, когда волосы хорошо причесаны, кожа гладка и здорового цвета и когда в работе оно проворно. Точно так же и духовное дарование человека будет тогда усовершенствовано, когда, во-первых, он приобретет способность обо многом мыслить и во все быстро вникать; во-вторых, когда он будет опытен в тщательном различении вещей между собой, в выборе и преследовании всюду одного доброго, а также в пренебрежении и удалении всего злого; в-третьих, когда он будет искусен и в выполнении совершеннейших дел; в-четвертых, когда будет уметь красноречиво и поучительно говорить для лучшего распространения света мудрости и для яркого освещения всего существующего (*res*) и мыслимого (*mens*).

Хочешь ли узнать хорошо образованного (*bene cultus*) человека? Наблюдай за его действиями и движениями, за его речью и даже молчанием, равным образом — за его походкой, посадкой, осанкой, глазами, руками и за всем, относящимся к нему: всюду

будут просвечивать приличие, достоинство и любезность; всюду он будет верен сам себе; во всем изящен и аккуратен. Хочешь познакомиться с ним в деле? Все плавно идет под его рукой, так как всякое дело поведет он разумно, по предварительном здравом обсуждении. Хочешь слышать его речь? Он может дельно рассуждать о чем угодно, не обнаруживая ни в чем постыдного невежества. Если, напротив того, ему надо молчать, то даже самое молчание он сумеет смягчить благоразумием и приличием, чтобы и из молчания его ты мог чему-либо научиться. Если он возвращается между людьми — одно удовольствие на него смотреть. Если ему когда-либо придется жить без сообщества людей, никогда он не будет чувствовать себя одиноким, так как он полон серьезных мыслей и утешения в работе. В жизни он так ведет себя по отношению ко всему доброму и злomu, что на деле обнаруживает, что он умеет различать вещи и может распознавать полезное от бесполезного. Идет ли все по его желанию — он не заносится, не гордится, не становится высокомерным. Впадает ли он в несчастье — он все тот же: не опускается, не падает духом, не отчаивается. Одним словом, «кто мудр, тот приспособится ко всевозможным обычаям», — говорит поэт. А мы скажем: кто мудр, тот всюду сумеет быть полезным и будет подготовлен ко всяким случайностям.

Если бы можно было показать тебе хорошо образованный целый народ, то ты увидел бы, что в нем все или, по крайней мере, большинство именно таковы, какими я очертил отдельных лиц. Если желаете, чтобы я еще подробнее разъяснил вам это, я сделаю это путем сопоставления образованных народов с необразованными, или так называемыми варварами.

1. Образованные люди суть истинные люди, т. е. человечны по своим нравам; варвары же отличаются скотской грубостью или же зверской жестокостью, так что, кроме человеческого образа (если только они говорят, а не ревут), едва ли и признаешь в них что-либо человеческое.

2. Если ты присмотришься к порядку, господствующему в общественных и частных делах у хорошо образованного народа, там все идет, как часы; если затронута одна часть, приводятся в движение и все остальные: одно колесико толкает другое, и все определяется числом, мерой и весом. У варваров же все похоже на развязанный сноп или песок без цемента.

3. Возьми взаимоотношения людей между собой. В образованном народе все служат друг другу, каждый на своем месте выполняет то, что полезно ему и другим. У варваров же никто не считается с потребностями другого: все делается вразброд, а потому один другому мешает, и получается общая сутолока.

4. У образованных народов все стихии мира несут людям дань, и даже самые недра земли не могут скрыть от них свои сокровища

(металлы, драгоценные камни и минералы). У необразованных все пропадает без пользы: они не умеют ни подчинять себе природу, ни сосать ее грудь, ни даже пользоваться ею тогда, когда она сама изливает на них дары свои. Отличнейший климат, плодороднейшая земля, удобнейшие для судоходства реки остаются без использования, как это можно видеть у американских народов, проводящих грубую жизнь, подобно диким зверям.

5. Образованные народы не позволяют ни одному клочку земли пустовать, никакому материалу пропадать бесполезно. Деревья и хворост, камни и щебень, даже песок и уличную грязь они подбирают и находят всему этому известное употребление. У необразованных же, смотришь, ничто не возделывается, сор и грязь, кругом все гниет и разлагается.

6. Отсюда у первых даже самые бесплодные по своей природе области, не представляющие ничего, кроме песка, или скал, или болот и мхов, так хорошо обрабатываются, что кажутся раем. У необразованных же народов даже страны, сами по себе имеющие вид рая (где, как кажется, само небо вступило в брачный союз с землею), засоряются отбросами и теряют свою прелесть.

7. Вот почему образованные народы в избытке располагают не только всеми необходимыми для жизни предметами, но и различными удобствами, даже роскошью; тогда как необразованные едва имеют средства влачить жизнь, питаюсь по-звериному сырой пищей.

8. Образованные, заботясь и о будущем, обеспечивают себе все необходимое в жизни, даже для непредвиденных случаев, какие могут их постигнуть: неурожая, нападения врагов, моровой язвы или иных болезней. Они своевременно противопоставляют им благоустроенные житницы, арсеналы, аптеки. У варваров же не существует никакого разумного попечения о жизни, здоровье, безопасности; живут они изо дня в день, от случая к случаю; все у них необдуманно и случайно.

9. Народ образованный обнаруживает изящество своего ума даже красивой и изящной одеждой, так как все и каждый, малый и великий, знатный и незнатный, одеваются если не изысканно, то во всяком случае опрятно; тогда как необразованные ходят нагими или полунагими, в лохмотьях и рубищах, грязные и истощенные.

10. Образованный народ имеет великолепные многолюдные города, полные произведениями искусств и ремесел. У необразованного — вместо городов пустыри, а если он что-нибудь и называет городом, то это не более, как жалкие лачуги.

11. Образованные народы, связанные узами закона, содержат свои области, а в них города, села, дома, отдельные семейства и, наконец, самих себя в границах установленного порядка, так что

никому нельзя безнаказанно их переступать. У народов же необразованных или ложно образованных место свободы занимает своеволие: кому что вздумается, тот то и делает, не зная ни в чем никакой узды.

12. Отсюда у первых все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у последних господствуют кражи, разбои и насилия; а потому нет истинной безопасности, и все полно козней и страхов.

13. У народа истинно образованного даже среди сельских жителей нет деревенской грубости: до того все проникнуто городской утонченностью нравов. У необразованных, наоборот, и горожане суть те же селяне, и сам город по нравам — не что иное, как настоящая деревня.

14. Люди, принадлежащие к образованному народу, приветливы к пришельцам, ласково указывают дорогу, вежливы к тем, кто к ним обращается, остерегаясь причинить им какую-либо неприятность. Варвары же или отталкивают от себя незнакомцев, или сами бегут от них, и, во всяком случае, отпугивают их от общения с собой своими гнусными нравами.

15. У образованных народов ленивые люди и здоровые нищие нетерпимы; их даже вовсе нет, так как каждое государство держит всех своих граждан в порядке и печется о своих бедных. У варваров — целые полчища ленивых людей, которые, поддерживая свое существование нищенством или воровством и грабежами или существуя и в нищете и голоде, производят различные смуты и бедствия. И если с этим злом и борются, то только с помощью силы; и тогда начинается сплошная каторга, угнетения, казни и истязания.

16. Образованные, находя удовольствие в свободных науках и искусствах², охотно занимаются ими, ни одного из них не выпуская из поля зрения. Они исчисляют звезды и измеряют небо, землю, пропасти и невесть что, не желая, чтобы где бы то ни было, хотя бы в отдаленнейших областях земли, воды, воздуха, что-либо происходило ими не понятное. Они стараются также узнать: бег веков, как далеко отстоим мы от начала мира, как скоро мы можем ожидать его конца, чтобы, имея перед глазами прошедшее, лучше располагать настоящим на пользу будущего. Необразованные [не только] всего этого, а даже и самих себя не знают, не задумываясь о том, откуда они пришли сюда, куда пойдут, что происходит с ними или вокруг них; а потому они несведущи в прошедшем, неразумны относительно настоящего, не приготовлены ни к чему, что предстоит в будущем.

17. Образованных услаждает лира Орфея, и они охотно предаются божественной музыке, чтобы, пленяясь сладостью звучной гармонии, тем лучше всюду ей внимать по примеру Давида и

Соломона. Необразованные же — ослы в музыке; если услышишь между ними какие-либо звуки, то разве — нестройный гам пьяных или дикие гиканья неуклюжих плясунов.

18. Наконец, образованные живут между собой мирно, исполненные света, разума, благой воли и чистой совести, довольные богом и собой и радуясь своим сокровищам. Необразованные, не обладая ничем внутри самих себя, всецело предаются одной внешности и, гоняясь вместо вещей за призраками, становятся предметом насмешек, чахнут и, наконец, гибнут. И пусть гибли бы, если бы этой смертью они не обрекались бы заживо и на смерть вечную! Но если уж необходимо так бывает, что люди, не достойные этого имени, отклоняются от своего предназначения — блаженной жизни, то лучше бы им вовсе не родиться, или, точнее, лучше родиться не людьми, а немой тварью, чем рождаться такими людьми, которые никаким человеческим образованием не возвышаются до истинной человечности.

Надеюсь, вы поняли теперь, благосклоннейшие слушатели, что такое человек или народ образованный и чем образованные отличаются от необразованных. Нужно, однако, сверх того, иметь также в виду, что верх человеческой образованности есть благочестие, или страх господень, который прославляется как венец премудрости (Сир. 1, 18). Без этого же и самый образованный будет чистейшим варваром, ибо Бог всех нечестивых называет несмысленными и приравнивает их к скотам (Пс. 49, 21, 94, 8). Они умны, говорит Господь, на зло, но добра делать не умеют (Иер. 4, 22). Называя себя мудрыми, обезумели (Рим. 2, 5, 22). И еще: Как вы говорите: мы мудры, и закон господень у нас? Вот они отвергли слово господне; и нет в них никакой мудрости (Иер. 8, 8, 9). Такую мудрость апостол называет земной, животной, бесовскою (Иак. 3, 15), хотя сыновья Агари (люди плотские) только и ищут этого земного знания; купцы земные и баснословы и исследователи знания, они не познают пути истинной премудрости и не помнят стезей ее (Вар. 3, 23). Так как между образованнейшими народами Европы встречаются и такие, которые образованы не по образу божию, а по образу сатаны, то я должен вас, мои дорогие, предостеречь, чтобы кого-либо не сбило с толку слово «образование», которое одинаково относится к людям, изоцрпленным как во зле, так и в добре. Лучше вовсе не получить образования, чем приобрести его для мирских сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия; лучше остаться народом грубым, но простым и богобоязненным (каковы были в первые века, во времена патриархов), чем приобрести тот лоск, которым прикрывает себя свет. Однако же и грубое невежество влечет за собою незнание Бога и пренебрежение к улучшениям, тогда как истинное познание всех вещей есть путь к познанию Бога; а чем более мы познаем его, тем более лю-

бим. Да исчезнет же злоупотребление образованием и останется одна польза от него!

Об истинном же и спасительном образовании людей я, сверх того, добавлю, что никто не может сделаться образованным без воспитания или культивирования, т. е. без прилежного обучения и попечения. Если же скажут или подумают, что «духовное дарование есть дар божий и вложено в нас его десницей, а потому может ли человек совершенствовать дела божии?», то я отвечу: те дела божии, которые Творец изъял из нашей власти, действительно не могут быть ни изменены, ни тем более усовершенствованы нами, как, например: внешний вид мира, течение звезд, небесные явления и т. п. Все же то, что он вложил в нашу руку или душу, он как бы подчинил нашей власти, так что от нашего усмотрения зависит приспособить все это к нашим потребностям и с этой целью перемещать, переделывать, отшлифовывать, т. е. вообще совершенствовать. Здесь подразумеваются камни, металлы, травы, дерево, животные и само наше тело. На равном основании Премудрый строитель восхотел, чтобы в нашей власти и на нашей обязанности было совершенствовать и свои врожденные способности: ум, волю, руку, язык, чтобы каждая из них прямо-таки блистала своей отделкой и отвечала своему назначению. Ибо, если бы он что-либо из дарованного нам или нас самих изъял из нашей власти, то этим он умалил бы в нас то величие, которым нас украсил (т. е. свой образ). Однако же он не пожелал умалить его, а потому предоставил нам право распоряжаться собой так или этак и самих себя усовершенствовать с его помощью. Итак, нам нужно такое образование, которое делало бы нас способными всегда все правильно разуметь, желать, делать, высказывать; только тогда, достигнув умом, душой, рукой и языком должного совершенства, мы будем справедливо называться людьми. Отними образование духа, и ты увидишь, что люди хотя и пасутся и тучнеют чревом, но скудеют духом; здоровают телом, но болеют душой; блестят кожей, но грязны совестью. Ибо почему для человека, земной твари, должны существовать иные условия, чем для других земных тварей? Взгляни на драгоценный камень, лучезарно блистающий в царской короне или на княжеском пальце. Таким он, полагаешь, и родился? Ошибаешься, если так думаешь. Он родится шероховатым, темным, грязным; ты бы его и с земли не стал поднимать. Чтобы он заблестел, надо его скоблить, чистить, пилить, гранить, обтачивать, выравнивать, обтесывать, всячески шлифовать и полировать. Даже грубый камень, служащий для постройки домов, башен, стен, колонн и других подобных потребностей, может идти в дело не иначе, как огранный, вытесанный и установленный нашей рукой. Равным образом металлы, созданные для важнейших потребностей нашей жизни, приходится выры-

вать, плавить, очищать, отливать и ковать различным образом; иначе пользы от них будет не больше, чем вот от этой земляной грази. От растений мы получаем пищу, питье, лекарство; однако травы и хлеба́ нужно для этого сеять, бороновать, косить, молотить, молоть, толочь; деревья — сажать, подчищать, удобрять, снимать с них плоды, сушить последние и т. д.; еще более сложной и разнообразной обработки требуют они, если предназначаются для изготовления лекарств или для строительных целей. Животные, например такие, которые служат нам самой своей жизнью или же как тягловая сила, по-видимому, хотя и сами могут все добывать для поддержания самих себя, однако, чтобы пользоваться их работой для тех потребностей, для которых они нам дарованы, ты никогда не обойдешься без предварительного их приучения. Вот, посмотрите: конь рожден для войны, бык — для упряжки, осел — для вьюка, собака — для сторожевой службы и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и т. д.; однако, если ты каждого из них не приучишь к его делу, они ничего не будут стоить. Так и человек: его тело предназначено для трудов, однако мы видим, что, кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено. И сидеть, и стоять, и ходить он должен быть постепенно приучаем; даже есть и пить он не умеет без приучения. Откуда бы явилось такое преимущество для нашего ума, нашей воли, нашей руки, нашего языка, чтобы последние могли, без предварительной подготовки, в совершенстве исполнять свои обязанности? Нелепо было бы даже это и предположить, ибо для всех тварей существует один закон: получать начало из ничего и постепенно возвышаться и совершенствоваться как по своей сущности, так и по действиям.

Итак, необходимо все дарования развивать в совершенстве, чтобы родившийся человеком учился и действовать по-человечески. Но прежде всего необходимо, чтобы такую обработку получали те, кто должен стать зеркалом, правилом и опорой для других, т. е. кто предназначен к управлению какой-либо частью человеческого общества: семьей, школой, городом, царством. Но надо наставлять и тех, кого природа предназначила к подчинению, чтобы они умели разумно покоряться и повиноваться порядку. Надо обучать бездарных, чтобы они доставляли какую-нибудь пользу, хотя бы ремесленным трудом; надо обучать даровитых, чтобы, по чрезмерной подвижности ума, они не ударились во зло и не погибли бы от собственных заблуждений. Хорошим натурам образование нужно для того, чтобы предохранить их от испорченности; нужно оно и испорченным, чтобы исправить их природные недостатки; так было, по его собственному признанию, с Сократом, испорченная и склонная к порокам природа которого была исправлена благодаря воспитанию. Одним словом: как плодородная земля при отличной обработке становится раем, а если остается в небрежении —

печальной пустыней, наполненной крапивой, тернием и гадами, так и дарования при прекрасном воспитании совершенно уподобляются нас ангелам и даже самому Богу, образ которого отражают; оставленные в пренебрежении низводят нас к скотам, а совершенно отдалившись от своего первообраза, увы, — даже к самим нечистым духам! Итак, усовершенствование природных дарований, которое одно может возвысить нас до уподобления Богу, необходимо людям более всех сокровищ мира, почестей, удовольствий и всего, что только может входить и обыкновенно входит в круг наших желаний, и потому оно должно быть высшей целью наших стремлений.

Теперь спрашивается: возможно ли культуру природных дарований распространить на какой-либо народ в целом и каким образом можно было бы легко привить ее народу, еще недостаточно образованному? Впрочем, я не вижу нужды ставить вопрос об этой возможности, когда об этом свидетельствует самый факт наличия у многих народов блестящей культуры, хотя и едва ли вполне совершенной у какого бы то ни было народа. Очевидно, однако, что возможно быть и вполне образованным, если отнестись к этому делу с серьезным усердием и желанием, так как вовсе не трудно, а тем более не невозможно направлять известное дело туда, куда оно уже само по себе клонится, только бы были устранены препятствия и разумно направлялось само его природное стремление. По крайней мере, не требуется особенного искусства, чтобы из птицы наверняка сделать птицу, из коня — коня, из воды — воду, из камня — камень (т. е. достигнуть того, чтобы птица летала, конь бегал, вода текла, камень лежал там и так, как тебе угодно), а следовательно, и из человека сделать человека, если только знаешь способ для этого. Ибо природа всех людей одна и та же. Если хорошо знаешь одного — знаешь всех; если умеешь сделать образованным одного — сумеешь и всех. Многим даже без чужого руководства, по внушению более щедрой к ним природы, удается достигнуть того, что они находят в самих себе и учителя, и ученика, и учение, и путь, или метод учения. Я разумею самоучек, которые, без постороннего руководства, становятся учеными, честными, предприимчивыми и красноречивыми. Правда, не все бывают так счастливы, и многим достаются в удел более скромные способности, но, как справедливо пел Гораций:

Самый суровый дикарь непременно нравом смягчится,
Стоит к природе ему терпеливым прислушаться ухом,

так как (говорит Овидий)

Ведомо, что уж одно изученье искусств благородных
Нравы смягчает всегда и дикими быть не дает.

И в самом деле, каким бы человек ни родился, он рождается человеком, т. е. (как сказал Климент Александрийский) «одушев-

ленным полем», а потому (добавляет Гиппократ) «какова роль семян в отношении к земле, такова же и роль знания в отношении к человеческому духу». Как нет такого несчастного поля, которое, будучи возделано, не восприняло бы каких-нибудь семян и не принесло бы плода, так едва ли бывают окончательно бесплодными и дарования, если только они возделываются прилежно, получая всяческую, какая только возможна, помощь. Средств, служащих общему развитию [человека], восемь. Я скажу о них, вы же выслушайте только, и тогда вы поймете, что вам советуют дело, во всех отношениях прекраснейшее и легко осуществимое.

I. Первое средство состоит в том, чтобы родители и няньки полагали первое основание счастливому развитию природных дарований, старательно заботясь, чтобы с детьми не приключилось чего-либо пагубного для их жизни, здоровья, чувств, нравов. Об этом многое следовало бы сказать, но здесь не место. Мы написали по этому предмету, еще 18 лет тому назад, особую книгу под заглавием «Schola materna» — «Материнская школа» — на немецком и польском языках. Там описывается, какие обязанности лежат на родителях в отношении их ребенка: до того, как они его зачнут, пока мать носит его в утробе, во время появления его на свет и в его нежнейшем, требующем особенных забот, возрасте, чтобы прежде всего и главнейшим образом они сами не погубили его своей дорого обходящейся беспечностью или не испортили равносильным жестокости баловством. Это составляет краеугольный камень подлинного воспитания дарований, первое основание общественного благополучия, при правильном о нем попечении.

II. На втором месте стоят воспитатели, попечению которых родители вверяют сыновей с той целью, чтобы те внушали все доброе дарованиям еще слабым, но уже предрасположенным к росту, подавали примеры честности, указывали образцы всяких разумных действий и остроумной речи и, таким образом, не упуская ни одного удобного случая, напечатлевали в них образ божий и умело вылепливали эти хрупкие произведения, этих своих меркуриев. Велика польза от этого дела, если оно ведется разумно, потому что первый возраст имеет свойство воска, из которого можно все вылепить, и, подобно обезьянам, подражает всему, что только видит, — хорошему и дурному. Вот почему нет ничего справедливей изречения, утверждающего, что мы остаемся на всю жизнь такими, какими, какими нас воспитали в отрочестве.

III. Третьим средством общественного образования являются общественные школы, как бы общественные мастерские гуманности. Здесь надежными учителями, облеченными общественным авторитетом, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему необходимо верить, что говорить и что делать; здесь же усердным и непрерывным упражнением во всем, заслуживающем

уважения, развивается и укрепляется в детях склонность к науке, мудрости, добродетели и красноречию. Все это совершается приятно, когда учителя и на деле являются тем, чем они слынут, будучи как бы ходячими библиотеками и живыми примерами всего, что нужно делать и чего избегать, так что подражать им и легко, и надежно. Ибо легко следовать правильно за тем, кто правильно идет впереди, и «каков предводитель, таковы и предводимые». Счастлив народ, получающий наставления в многочисленных и разумно устроенных школах!

IV. Четвертым средством всеобщего образования и в школах, и вне школ служат хорошие книги, подкрепляющие дарования более широким познанием вещей, всевозможными добродетелями и потоками красноречия. Говорю — хорошие книги, ибо если они действительно хорошо и мудро написаны, то представляют поистине оселок для отточки дарований, напилочек для изощрения разума, мазь для глаз, воронку для вливания мудрости, зеркало чужих мыслей и действий и руководство для наших собственных. Если бы какой бы то ни было народ во всей своей массе в достаточной мере был обеспечен такими книгами, он был бы озарен светом. Подчеркиваю: *светом был бы озарен любой народ во всей своей массе, если бы он в достаточной мере был обеспечен хорошими книгами.*

V. Следующее, пятое, средство изощрения дарований — частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. Ибо справедливо сказано: как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и нравов. Следует поэтому заботливо отстранять от дурного товарищества молодежь того народа, которому мы хотим сообщить образование, и постоянно привлекать ее к общению с людьми учеными, благочестивыми, честными и усердно занятыми делом: тогда молодежь не может не усовершенствоваться. С этой целью многие государи и иные отцы отечества у различных народов находили нужным или приглашать к своей молодежи мудрых мужей из других стран, или отправлять к ним своих, чтобы они жили там и совершенствовались не днями или месяцами, но целыми годами.

VI. Однако недостаточно жить в общении с мудрецами, чтобы привывать всю жизнь проводить в труде; сами юноши должны постоянно упражняться в деятельности; только тогда выйдут из них будущие мастера, если они приобретут соответствующий навык. Действительно, никто иначе не научается избегать ошибок,

как часто ошибаясь, осознавая и исправляя эти ошибки; никто не делается мастером, не упражняясь в мастерстве. Именно в такой школе постоянного практического опыта, начиная с раннего возраста, возникли военные познания Ганнибала, так как он, будучи еще мальчиком, сразу же последовал за отцом в лагерь и всю жизнь только и делал, что воевал. Таков и Александр Великий, и другие древние герои, воспитанные практическим опытом. Но к чему вспоминать древних? И ныне превозносимая выше других мудрость венетов и белгов³, а также благоденствие их государств происходят не из другого источника, как из обычая с ранних лет упражнять своих сыновей в трудовой жизни и в общественных делах. Там сын хотя бы дворянина, барона, графа, сенатора и даже самого дожа не допускается к почестям иначе, как постепенно, начиная свое служение родине (вместе с самыми простыми людьми) не иначе, как с низших должностей, и достигает высших только после основательного ознакомления с предшествующими. Таким путем все делается ловкими и способными ко всему, и никому не дозволяется быть праздным или бесполезно обременять землю.

VII. Седьмое средство, содействующее общественному воспитанию природных дарований, составляют сами мудрые правители с их благочестиво-ревностным попечением (чтобы у подвластных им не было недостатка в школах, у школ — в учителях, у учителей — в учениках, у учеников — в книгах и прочем необходимым, у всех же — в мире и в общественном спокойствии). Так заботились о своих народах Давид, Соломон, Иосафат и другие благочестивые еврейские цари, а Антонин Пий, щедрейший из римских императоров, назначил в каждой провинции (не исключая и самых отдаленных) особое содержание для служителей муз. О Карле Великом читаем, что однажды, когда к нему, провозглашенному государем Галлии, пришли из Шотландии два философа, он спросил их, чего они желают. Они отвечали, что принесли новому государю новый дар — мудрость. Государь спросил, что это за мудрость, и они с философской прямоотой отвечали, что до них дошел слух, будто в его государстве школы в упадке и нет попечения о науках, а потому они пришли подать совет об устройении школ. Тогда император, приняв их совет, основал Парижскую академию, а вскоре и много других школ. Отсюда ведет начало блеск галльского народа — между европейскими народами самого образованного. О, если бы таких Карлов, Антонинов, Юстинианов, Константинов, Иосафатов, Соломонов, Давидов выдвинул Бог среди всех, доселе необразованных народов! Тогда бы вся вселенная поднялась от варварства до блеска.

VIII. Наконец, последнее и необходимейшее средство при культуре дарований есть благодать от Бога — того Бога, «без воли

которого ничего в человеке не происходит, который один может отверзать очи слепым и содействовать тому, чтобы мы не были подобны коням и бессмысленным лошнякам» (Пс. 32, 10), который один есть тот свет, что освещает всякого человека, грядущего в сей мир, и света этого тьма не обымет, т. е. не захочет соприкоснуться с ним и быть освещенной им. С нашей же стороны требуется лишь одно — стремиться к свету и, обращаясь к нему, воспринимать лучи блеска его, чтобы быть в свете. Это обращение совершается как через молитвы и призывание, что явствует из примера Соломона, так и через старание сохранить души и тела наши чистыми от грехов, ибо «в лукавую душу не войдет дух премудрости» (Премудр. Сол. 1, 3, 5). Таким образом, чтобы довести до блеска умственное и нравственное состояние того или иного народа, нужно устранить все препятствия, которые, находясь между нами и Богом, производят затмение умов; таковы: чрезмерная привязанность к миру и мирским делам и пренебрежение небесным — греховная скверна, оскверняющая и омрачающая души, и, наконец, оскудение в молитвах и вере. Если служители Евангелия приложат старание для устранения всех препятствий и не прервут пробуждать людей от усыпления, возбуждать в них стремление к лучшему и указывать это лучшее, испрашивая его у Бога воздыханиями и молитвами, тогда легко будет умолить Бога, чтобы «он приподнял покрывало, покрывающее все народы, и снял поношение с народа своего по всей земле» (Ис. 25, 7, 8).

Вы видите, мои слушатели, что полная и всеобщая культура природных дарований не возможна ни для какого народа, даже самого варварского, если только люди захотят руководствоваться разумом. Но возникает вопрос о моем и вашем народе: имеют ли они потребность в приобретении некоей лучшей образованности и каким образом? Сомнение это вызывается врожденным человеческой природе самолюбием и слепым пристрастием к себе, которое не видит собственных недостатков. Мы также люди и также можем страдать человеческими слабостями. Ибо хотя и весьма достоверно, что в ином народе нет никакой культуры природных дарований; в ином — она слаба и причисляется к вещам второстепенным; в ином — хотя и существует, но превратна, так как направлена на один внешний и светский лоск; кое-где хотя и направлена к лучшему, но скудна и холодна, — однако как мало таких, которые, оставаясь довольными собой, своими привычками и нравами, признали бы эти недостатки. Известно, что большинство самообольщается и любит собственные язвы; нужно остерегаться, чтобы не обольститься и нам; вот почему следует кое-что сказать об этом предмете; однако кратко и осторожно, так как никто не любит, когда неосторожно дотрагиваются до его язв.

Что касается до нас, венгров и моравов, то, сказать по правде,

и мой, и ваш народ доселе еще недостаточно образован. Поэтому у нас, в сравнении с образованнейшими народами Европы, нет никакого особенного умственного блеска; к тому же и на церковном небосклоне, среди других ярких светил, нас считают как бы туманностями. Но в настоящее время я не забочусь о достижении какого-либо блестящего образования для своих соотечественников, так как это было бы напрасно и затевать; а потому соседская любовь заставляет меня обращаться к вам, любезные соседи мои венгры, и преимущественно перед другими серьезно убеждать вас, чтобы вы старались ближе узнать свои достоинства и недостатки, изощряя первые и искореняя последние. Я не утверждаю, что культура природных дарований в вашем народе вовсе была забыта, но совершенной культуры не было. Чтобы и вы сами признали это — если еще не признали, — я осмелюсь сравнить обработку ваших дарований с обработкой вашей земли. Что последняя у вас возделывается, это доказывает обилие хлеба, вина, скота; но что она возделывается не настолько, насколько возможно, доказывают существующие до сих пор пустыри или полупустыри и поверхностная обработка остальных земель. Вот почему необходимейшие для жизни вещи (не говоря уже о предметах роскоши) производятся у вас не в таком разнообразии, как это возможно в такой благодатной стране. Ни зданий, ни одежд, ни утвари нет у вас в таком количестве и великолепии, как в других странах; нет у вас и столь же населенных, как в других странах, сел, местечек и городов. Не добываете вы, наконец, собственным трудом ископаемые ваши богатства — металлы и драгоценные камни, предоставляя другим ими обогащаться. Словом, ваша счастливая страна могла бы кормить вдвое и втрое большее население, чем она кормит, если бы она возделывалась вся и возделывалась разумно. Вы могли бы, пожалуй, вдесятеро больше иметь довольства и блеска, если бы знали свои сокровища и умели ими пользоваться. Каждый ваш селянин мог бы жить по-дворянски, каждый дворянин мог бы по-княжески купаться в богатстве и удовольствиях. Равным образом само дело достаточно говорит, что у вас имеется налицо и некоторая культура дарований. Есть у вас и школы, а в школах — учащие и учащиеся, и даже в большом числе: отсюда-то и выходит так много говорящих по-латыни, что известное изречение Штурма — «Нет такого народа, где бы ты не встретил человека, говорящего по-латыни, который мог бы тебе, страннику, указать дорогу», — пожалуй, применимо к вам вернее, чем к какому-либо другому народу, даже из самых образованных. И какая у вас любовь к христианской религии! Какое изобилие храмов и священнослужителей почти в каждом селении! Какое стечение народа при божественных службах! Если бы, странствуя в праздничные дни по многим местностям, я не видел

этого собственными глазами, я, может быть, другим бы и не поверил: так велико равнодушие в этом отношении у соседних с вами народов! Не говорю уже о других вещах, доказывающих, что вы вовсе не так низко стоите и что вы уже сбросили с себя скифскую дикость. Тем не менее правдивость заставляет меня признать, что духовная образованность у вас еще не достигла вершины, но остановилась на полпути. Это доказывается шероховатой, скудной и несвязной латынью ваших школ; доказывается исключением из них большинства изящных искусств; доказывается тем, что в них еще не допущены высшие отрасли знаний — медицина и юриспруденция, равно как и наивысшие — философия и богословие. Доказывают то же самое и города ваши, в которых имеются еще не все роды ремесел и ремесленников; доказывают и доселе еще дикие нравы черни, и мало облагороженная наружность, и мало ли что еще... Думаю, что нет никакой нужды еще долее останавливаться на доказательствах этого, зная, что благоразумнейшие из вас сами сознают это и ревностно ищут случаев для улучшения образования. Ревнуйте же, мои дорогие, ревность ваша не будет бесплодной: ибо я вижу и, не колеблясь, могу удостоверить, что если вы, мои венгры, сумеете воспользоваться своими дарованиями, то не уступите в мудрости ни одному народу Европы, так как и ваша природа, и небо, и земля не против вас; напротив того: как телом, так и душой вы свободны в собственной стране. Мне не безызвестно, что дарования ваши считаются слишком грубыми, как это, может быть, и вам самим кажется. Положим, что это действительно так. Но разве это обстоятельство может служить препятствием к изучению мудрости? Так же мало, как и возделыванию земли твердость ее в сухое лето или вязкость — в мокрое. Будь даже вся земля глинистой, вспахать ее [конечно] было бы очень трудно и требовало бы большого количества рабочего скота. Но зато как роскошно вознаграждает она эти тяжелые труды доброкачественностью и обилием получаемого урожая! Так же рассуждайте и о своих духовных дарованиях. Невидимый творец душ наших — Бог распределил духовные дары не только между отдельными людьми, но и между народами таким образом, что у иных они как пух, у иных — как дерево, у иных — как олово, у иных — как железо и сталь. Но именно это разнообразие указывает на божественную мудрость: такого разнообразия требует польза самого дела, ибо не всё мы можем изготовлять только из воска, глины, гипса: нам бывают нужны также мрамор, железо и сталь. Но разве нельзя и стальной меч, который сделан из стали именно для того, чтобы сильнее разить, вместе с тем и позолотить, чтобы он еще и блестел? Так и народ, издревле преданный железнору Марсу, может посвятить себя золотому искусству и, где это нужно, сдерживать свою силу и проявлять свой блеск. Милые соседи,

говорю я это не ради красноречия, но чтобы воодушевить вас к познанию своих достоинств и к достижению того, чего ещё недостает им до полного совершенства. Ушам я не даю ничего, но стараюсь воздействовать на души. Докажите же, прошу вас, что ваша земля обладает не одними обширными равнинами, где вода может лишь застаиваться и образовывать одни болота, но богата также и горами, и источниками живых вод, доставляющих приятное орошение. Докажите, говорю, что у вас дома имеются источники не только воды, но и духовных дарований. Докажите, что вы владеете не только рудниками золота в недрах земли вашей, но и рудниками мудрости в душах ваших. Смело и мужественно страхните с себя скифскую скверну, если что-нибудь от нее еще осталось в вас, чтобы явиться, наконец, в полном блеске. Чтобы вселить в вас уверенность, я с божьей помощью прочту то, что написал в другом месте (в «Новейшем методе языков», гл. XXVI, § 9), и применю к предмету настоящей речи: «Пишут, что Греция была маленькая страна, жители которой, желая иметь хлеб для пропитания, привозили зерно с Лесбоса (плодоноснейшего острова), из города Эразо, между тем как, приложив должный труд к земледелию, они могли бы в избытке получать хлеб с собственных полей. Достоинно смеха, если это верно! Но более чем достоверно то, что подобная и даже более пагубная леность овладела племенем ученых, которым Бог на тех же условиях вверил духовное поле, плодороднейшее во всех отношениях; но они редко обрабатывают его так, чтобы иметь у себя дома все необходимое для поддержания духовной жизни. Мы призываем из чужого народа и из другого века какое-нибудь дарование, чтобы оно вещало нам свои прорицания. Если же мы и возделываем у себя дома дарования, то весьма немногие из нас возделывают их так, чтобы поддерживать себя собственными средствами, большинство же живет нищенством, к личному и общественному (говоря прямо) бесчестию и ущербу. Немного мы находим потому, что немного нас, кто ищет». Тщетно оправдание: не каждый может все, и не всякая земля все родит. Ведь каждая земля что-нибудь да родит. В каждом даровании, если в нем порыться, можно открыть свою жилу. Платон (в своей книге «О государстве») сказал, что никому не дозволяется черпать воду из чужого колодца раньше, чем докажет перед властями, что он прилежно старался вырыть себе колодец в собственном доме, но не мог достигнуть этого никакими трудами и издержками. Подобное тому говорит и премудрый Соломон: Пей воду из твоего водоема и текущую из колодца твоего (Притч. 5, 14). Наконец, Христос желает, чтобы учитель церкви старое и новое выносил из своей сокровищницы (Матф. 13, 52). Если даже в божественных делах предоставляется возможность выносить из своей сокровищницы и к возможности присоединяется

еще желание, то почему не применить того же и к прочим вещам, проистекающим главным образом из источника чувств и разума?

Эти приведенные из другой книги мысли должны быть применимы и к настоящей цели. Внемлите же мне, прошу вас, мои родичи и соплеменники: венгры, моравы, чехи, поляки и славонцы! Неужели мы будем поступать столь же глупо и смешно, как вот эти, достающие хлеб и воду от других (между тем как дома у них нашлись бы поля и колодцы, если бы только они захотели их копать)! Доколе мы будем жаждать чужих школ, книг и дарований, ими одними стремясь удовлетворить наш голод и жажду? Или мы, по воле божией, вовсе лишены духовных полей? Почему же мы их не возделываем у себя дома? Почему мы тщательно их не орошаем, не пашем, не перепашиваем второй и третий раз? Почему их не бороним, не засеваем? Словом, почему мы дома не подготавливаем обильнейших жатв? Почему мы охотнее бежим, как нищие, подбирать чужие колосья? Знаю, что это дозволено бедным и нуждающимся, что от самого Бога даровано им такое преимущество (Лев. 19, 9, 10); однако премудрому сыну Сирахову нищенство казалось столь постыдным делом, что, по его выражению, «лучше умереть, чем нищенствовать» (40, 29). Или вечно будем мы, как здоровые нищие, выпрашивать у других народов разные сочиненья, книжицы, диктовочки, заметочки и отрывочки и Бог весть что еще? Или всегда будем мы, вместе с неверным управителем, тянуть одну песню: «копать не могу», а никогда не запоем той, другой песни: «христарадничать стыжусь», охотнее воруя с чужих столов и из чужих книг, чем заготавливая у себя дома целые бочки масла и меры пшеницы? (Лук. 16, 3). Зачем мы всегда лишь в чужих колодцах ищем воды удовольствий или каких бы то ни было отличных изобретений? Зачем мы не открываем своих собственных источников? Трудно тебе, ленивец, доказать нам, что ты не мог открыть в себе никакого источника воды! Ведь Творец твой облек тебя, созданного наравне с другими по образу его, доблестью, он даровал тебе смысл, язык, глаза, уши и сердце для изобретений. Он исполнил тебя учением разума, вдохнул в тебя разумение духа и наполнил сердце твое чувством (врожденными понятиями), указал тебе (законом своим) добро и зло и вложил око свое (т. е. подобие своего всеведения — проницательность ума) в сердце твое, раскрывая пред тобой величие дел своих (рассеянных в мире), чтобы ты превозносил святое имя его, и хвалился дивными делами его, и провозглашал величие дел его; так вещает премудрый сын Сирахов (17, 1) во славу щедрот божиих ко всем нам и в посрамление наше, если мы не образуемся.

После того как я стал замечать в вас такую жажду лучших познаний в отношении вашего народа, милые венгры, я питаю иные надежды. Я смотрю на это стремление ваше, как на вложен-

ное в вас самим Богом: ибо он, в своей высочайшей мудрости, ничего не творит напрасно и ничего не начинает без цели. Не сомневайтесь, что он довершит дело свое, основание которому заложил в вас. Когда земледелец видит, что сад, поле или виноградник покрывается обильным цветом, у него не без основания является надежда на хороший урожай. Когда копатель колодцев ранним утром видит поднимающийся из земли некий пар, он принимает его за признак сокрытых там вод. Точно так же, когда в душе человека или даже целого народа проявляется любовь к мудрости и страсть к учению, то не без основания можно надеяться, что вот-вот пробьется ключ и что уже наступает жатва мудрости. Только не отступай от предпринятого, любезный венгерский народ! При помощи божьей ты можешь соделать себя всецело и прекрасно образованным, если только не преминешь принять восемь вышеприведенных средств для всеобщего образования, а именно:

1. Если ты предложишь вниманию своих граждан переведенную на ваш язык книжечку «Материнская школа» и убедишь их следовать ее указаниям.

2. Если ты посоветуешь родителям (особенно знатным, богатым и не могущим уделять время тщательному воспитанию своих детей) пользоваться педагогами, причем, однако, те, которые привлекаются к руководству детьми, должны сами быть сделаны зрячими и способными к столь священной обязанности.

3. Если ты всюду откроешь школы и обеспечишь их правильным методом и мудрыми, владеющими этим методом учителями, создав таким образом из школ истинные мастерские гуманности.

4. Если обеспечишь свою страну хорошими и мудрыми книгами, не только латинскими, но и отечественными, занимательно излагающими все, достойное изучения, и приведешь своих земляков к тому, что, вместо плотских удовольствий и праздности, они полюбят науки и искусства и будут заниматься ими.

5. Если ты, ради ученого общения, призовешь откуда-либо мужей просвещенных, мудрых, даровитых, изобретательных или дашь поручение своим людям, посланным в чужие страны, пересаживать на родину и прививать в ней все, что только им удастся где-либо подметить прекрасного, гениального, изящного, почитая своим долгом распространять здесь, дома, все, наилучшее ими изученное, а не так, чтобы, возвратившись, снова подлаживаться (как доселе поступала большая часть таких путешественников) к правам народа грубого и необразованного и вследствие этого оставить все по-прежнему вязнуть в старом болоте, теряя, таким образом, плоды своего путешествия.

6. Если ты постарайся освободить народ от лености и праздности и всех (а преимущественно юношей в школах и вне школ)

занять полезными делами, чтобы весь народ представлял собой как бы пчельник или муравейник (государство, где не видно никакой праздности).

7. Если люди, занимающие высокое положение, родовитые, богатые, знаменитые, начнут несколько мягче обращаться с подчиненным простонародьем, мало-помалу привлекать его к лучшему, относясь к подвластным им людям не как к рабочему скоту, но именно как к людям, носящим образ божий, и соучастникам будущей жизни, и усерднее заботясь об усовершенствовании их души и тела, нравов и образа жизни.

8. Если, наконец, пастыри церкви будут строже наблюдать за тем, что относится к истинному выполнению истинного христианства и внутреннего благочестия, чтобы все, малые и великие, обращаясь к Богу с более чистою душою, стали способны более полно воспринимать лучи его, тогда воистину исполнится то, о чем поет Псалмопевец: «Близко будет спасение его и водворится слава его в земле нашей» (Пс. 85, 10). Дай Бог, чтобы все это точно выполнили те, кому надлежит! Особенно же те, которые наиболее имеют возможность или поощрять, или приводить в исполнение, или расширять это святое предприятие, — князья народа и представители его обоих руководящих сословий. О, если бы в ушах их звучали мудрые слова Цицерона, сказавшего: «Какой больший и лучший дар можем мы предложить отечеству, как не тот, чтобы воспитать и обучить юношество, особенно при таких нравах и в такие времена, когда оно до того пало, что только общими усилиями может быть обуздано и укрощено»; а также то золотое изречение Платона, которое доселе более знают, чем исполняют: «Тогда только, наконец, государства станут счастливыми, когда править ими будут ученые или когда правители их будут стремиться сами сделаться учеными и мудрыми».

Ты, перл народа, Сигизмунд Ракоци, на которого народы начинают взирать, как на лучезарную звезду, ты будешь у нас для этого города, а отсюда, по воле божией, и для всего отечества, тем блистающим солнцем, которое освещает, согревает и оплодотворяет лучами своими этот наш, вернее божий, садик. Твою светлейшую и в то же время нашу общую милостивейшую мать, благочестивую рачительницу как этой школы, так и церкви, ты воодушевишь благочестивыми мыслями о том, что ничего нельзя представить себе более великого, высокого и святого, чем то дело, которому преданная Богу душа своими обетами, стремлениями, помыслами и даже [первыми] попытками уже дала начало. А именно: с помощью преобразованного, шире и лучше распространенного в этом народе способа изучения мудрости усилить блеск отечества, возвысить благосостояние церкви и возвеличить славу всевышнего Бога. Пусть благочестивейшая Табита помнит золотое

изречение, принадлежащее Бернарду, что «просвещать душу [людей] знанием не менее богоугодно, чем снабжать [их] тело пищей». И как более милосердия в том, чтобы накормить многих бедных, чем немногих, так более благочестия и в том, чтобы сообщить знание многим, чем немногим. Пример широчайшего милосердия показал Иосиф, когда он, по ниспосланной ему божественной мудрости, во время голода кормил не только отца и братьев своих, но и все царство Египетское и население окрестных племен. Точно так же в высшей степени богоугодно сделать причастными благочестию и мудрости не только своих детей и подвластных, но и целые племена, особенно когда соседей угнетает голод, но голод не по хлебу, не жажда воды, а голод и жажда по слушанию слова Иеговы (Ам. 8,11). Это великое было бы дело, если бы во время гонения Бог воздвиг нового богобоязненного Авдия, который, целыми сотнями принимая к себе пророков божиих или сынов пророческих, укрывал бы их от неистовства Иезавели и питал бы их своим хлебом и водою, несмотря даже на засуху и бесплодие, при нестерпимой дороговизне хлеба (1 Цар. 18, 3, 4). Ты же, преславная душа, размыслишь мудро об этом, воодушевляя себя и свою достославную мать на это доблестное предприятие, и приложишь старание, чтобы на деле осуществились намерения, направленные к столь исключительной цели, благочестиво подчиняя твое дело благодати божией. Мы же остальные, в сердце которых Бог вложил подобное стремление, не пренебрежем своими молитвами, советами, трудами и бдительностью содействовать вашим святым начинаниям.

Впрочем, имеются у нас налицо и такие обстоятельства, которые препятствуют осуществлению нашей надежды и грозят или разрушить, или ослабить ее, чего не случится, если мы будем мужами, постоянными в доблестном предприятии. Прежде всего может, по-видимому, устрашать обширность самого дела, так как исправлять испорченное, конечно, гораздо труднее, чем созидать новое, это знают мудрые. Но надо принять во внимание, что к каждому прекрасному делу присоединяются затруднения; так уж установлено божественной мудростью, чтобы все прекрасное являлось наградой не за леность, а за труд. Итак, пусть это будет трудно, лишь бы не невозможно; не будем смущаться! Эту трудность победят любовь и сознание [нашей] светлой цели. Что за беда сделать попытку в серьезном деле? Уж лучше тысячу раз потерпеть неудачу в попытках, чем тысячу раз откладывать столь славное, столь угодное Богу дело, столь полезное всем нам, столь необходимое для потомства. Опасаться приходится и предубеждений; едва ли что-либо может быть задумано так счастливо, чтобы не быть извращенным теми, которые составляют о нем свое суждение не по доводам разума, а лишь по примерам и по привычке. Они полагают, что правильно делается лишь то, что основано на привычке, и

не выносят ничего, что хоть малейшим образом от нее отступает и представляется новым. Неужде сладко само невежество, порочному мил самый порок как его собственный образ, который он боится утратить. Заставишь ли иного учиться чему-либо другому, кроме как только привычному? или по другому, чем привычный, способу? Ему покажется, что его переносят в другой мир, и он станет бояться, что волны океана поглотят его на этом неведомом пути. Ленивый говорит: «Лев на улице, погибну я посреди площади» (Притч. 22, 13). Но мы советовали бы вам собственным примером рассеять такой ложный страх, чтобы не было повода подражать ему. Никогда дух человеческий не принуждал себя ни к чему столь трудному, чего бы, надеясь на Бога и добродетель, он не одолел.

Надо также опасаться и ненависти зложелателей, которые если не смогут ничего другого, то будут пытаться противодействовать нововведениям, внушая к ним подозрения. Что касается зависти, то я, по крайней мере, научился не завидовать никому, кто бы ни выдавался ученостью, или добродетелями, или красноречием в каком бы то ни было сословии, народности, вероисповедании или секте. Если бы кто вздумал завидовать мне (который сам по себе ничто, и не могу сделать ничего, разве не сподобит совершить через меня что-либо благодать божия), я постараюсь это претотворить, если смогу; если же нет, то Бог будет щитом простоты моей. Если кто станет противодействовать стремлению к нововведениям, тот обнаружит собственное недомыслие. Ибо не ново то, что восходит к старым, даже вечным идеям; нам же предписывается все у себя обновить как велением Божиим, гласящим: «Распахните у себя новые нивы» (Иер. 4, 3), так и самим примером: «Вот я делаю все новым» (Откр. 2, 5), т. е. падшее и растленное привожу в состояние непорочности. Есть и такие, что шепчут об опасностях, которые повлечет за собой изменение привычного хода дел. Примеры это подтверждают. Мойсей едва не был побит камнями со стороны израильтян, освобожденных им из Египта и ведомых к обладанию землею Ханаанской. Чего стоило пророкам, апостолам и даже самому Христу обновление божественной религии! Ликург, исправляя государство лакедемонян, вызвал восстание ростовщиков, во время которого лишился глаза и едва спас жизнь бегством. А сколько раз в Афинах и в Риме происходили возмущения против законодателей, старавшихся улучшить государственный строй! Но когда совершается дело божие, а не наше, должно внимать Богу, который повелевает, а не самим себе, которые страшатся. Да сокрушатся же зависть и злоба, прежде чем они извратят дело божие или тех, которые являются верными работниками перед богом! Премудрость божия в том и проявляется, что если она и допускает гибель одних из своих избранных,

то зато через нее она приводит других из них к награде, а дело свое — к цели.

Итак, откинув всякие колебания, вы — в народе, в граде сем Богом пробужденные умы, действуйте так, чтобы уже при существующих условиях, уже теперь, уже здесь, уже самостоятельно, не ожидая других, начать это дело божие — исправление ваших школ! Прежде же всех других — этого Ракоциевского Атенеума⁴, чтобы он был образцом для прочих, как бы истинным оселком дарований, истинной (после уничтожения остатков варварства, если они еще сохранились) мастерской гуманности, истинным родником мудрости, истинной лабораторией языкознания.

Немедленно приступить к этому приглашает вас, с одной стороны, гальциона⁵, ниспосланная в это государство свыше, а с другой — варварство у других народов, даже у тех, которые сами по себе кажутся весьма образованными и презируют других, — имею в виду те варварские войны и жестокости, которыми доселе разоряют, губят, ниспровергают друг друга в Италии, Испании, Галлии, Англии, Шотландии и т. д. Мы же, отклоняя наших сограждан от подобного зверства и приводя их к кротости, постараемся показать тем недоучкам, насколько иные нравы приличествуют народам, облагороженным науками и искусствами. И если те замешательства в делах, которые мы усматриваем у всех народов, являются по божественному промыслу не столько смутами, сколько — школой, в которой дарования благочестивых упражняются, а дарования развращенных из состояния испорченности возвращаются к исправлению, и если иные, может быть, не понимают этой тайны, то мы, которые понимаем ее, докажем это понимание. А чтобы и им дать возможность понять это, воздвигнем школу улучшения и образец исправления вещей, чтобы и другие, если пожелают, следовали за ними. Если же и другие народы, получившие отдых от войн (именно германцы), начнут за это время восстанавливать разрушенные мастерские гуманности, а они уже начинают, тогда мы, воодушевленные их примером, будем делать то же самое, чтобы, передавая друг другу искры, возжигать факелы общего дела. Более же всего побуждают нас ныне к действию ниспосланные свыше благоприятные обстоятельства, в лице пробужденных духом светлейших князей наших, готовых зажечь в своем лице свет лучшего метода вместе с пылким рвением к начатому делу. Создавать благоприятные для наших дел обстоятельства не в нашей власти, упустить же представившиеся зависит от нашего усмотрения, но, если мы упустим этот благоприятный случай, нам придется заглаживать двойную вину — неблагодарности и лености. И так как, по благости божьей, у нас нет недостатка в тех, кто идет впереди, то да не будет недостатка и в тех, которые последуют за ними!

Но почему эти благие намерения нужно исполнить именно в этом месте, в этом городе и в этой школе — этого также следует коснуться хоть вкратце. Во-первых, потому, что святое усердие предков именно здесь заложило краеугольный камень благочестия основанием национальной школы, которую великодушные и щедрость славнейших наших князей (недавно в Бозе почившего, блаженной памяти, князя⁶ и оставшейся после него светлейшей вдовы) укрепили новыми пожертвованиями и готовы еще более возвысить. Конечно, легче пристраивать, что требуется, к однажды уже возведенным зданиям, чем закладывать совершенно новые. Во-вторых, потому что этой школе вашей в текущем году исполнится уже столетняя годовщина со времени ее основания, и сама роковая сила времени (если таковая существует) вынуждает нас ожидать или, вернее, предвидеть в жизни этой школы перемену к лучшему или худшему. От вашего благоразумия и благочестия будет зависеть позаботиться о том, чтобы перемена эта была к лучшему. В-третьих, потому, что во всей Венгрии правоверная церковь уже привыкла настолько уважать эту Патакскую школу, что отсюда избираются ректоры для большинства прочих школ, и всего лучше поэтому, чтобы эти возделыватели дарований имели здесь хорошо устроенную мастерскую для собственного усовершенствования и учились бы здесь не просто начальствовать в школах, но и приносить им пользу. Здесь, говорю, пусть будет Вефиль, дом божий, где, под руководством Илии и Елисея стекающиеся отовсюду сыны пророческие могли бы иметь свои собрания. И пусть школа эта слывет школой божией, в которой учителем будет один Бог; мы же все будем восседать у подножия его, чтобы слушать лишь толкование трех книг божиих: природы, Писания и внутренней книги разума — совести. К этому надо добавить, в-четвертых, прелесть самого места и изобилие всего необходимого для жизни. Само название города служит здесь добрым предзнаменованием, так как «поток» на общем языке всех славянских племен означает «реку». И в самом деле, прекрасная река Бодрок изобилует водой и рыбой, соседние горы — отличными винами; окрестные поля — плодами и скотом, леса и рощи — зверями и птицами. Мы надеемся поэтому, что здесь будет самое удобное местопребывание для муз, в каком бы числе ни стекались сюда их питомцы. Правда, из-за грязи город получил название Шарош-Патак (Болотный поток), но это не должно нас смущать. Лучшая культура уничтожит эти болота, и тогда (если я верно пророчу) потомство (если еще не сами мы собственными глазами), вместо болотистых жванин, увидит здесь прекрасную каменную мостовую, а вместо деревянных построек — каменные, чтобы владетель этого места мог когда-нибудь сказать, как некогда Цезарь Август: Я нашел Рим кирпичным, а оставлю его мраморным.

Нет причины считать это место не вполне удобным и вследствие присутствия здесь двора. Правда, поэты — древнейшие носители мудрости — не без основания уверяли, что музы привыкли обитать не в дворцах городских и царских, но в местах уединенных и на неприступных горах — Парнасе и Геликоне; согласно с тем, что, как говорит Овидий:

Песен слагатели уединенья, спокойствия ищут —
или Гораций:

Весь писателей хор любит леса, убегая из града.

Потому-то академия Платона, лицей Аристотеля и прочие учебные заведения древних помещались вне города. Однако мы знаем, что ученые сестры (музы) впоследствии переселились в самую середину городов и в наши дни с удовольствием обитают в самых многолюдных городах, лишь бы только, если уж нельзя вполне отделить их от окружающего их народа, они были достаточно ограждены от рыночного шума и придворной суеты. Так и устроено здесь у нас предками, и в этом отношении обнаружившими свою мудрость.

Мне остается коснуться того, почему приступить к делу преобразования здешних школьных занятий следовало бы именно нам самим, которые здесь присутствуем, друг друга видим и друг с другом беседуем (с вашего разрешения включая сюда и себя, которого вы избрали и пригласили к себе для совместного ведения этого дела). Для этого не нужно целого арсенала доказательств; достаточно одного: мы сами замыслили это дело, на нас лежит и обязанность его исполнить. Не точно ли так же, когда Иосиф во время борьбы с голодом подал совет о построении житниц и об избрании начальника над ними, он услышал от Фараона: «Ты им и будешь, поскольку тебе пришло в голову дать этот совет». А когда в Греции кто-то хвастал какой-то пляской, исполненной им на острове Родос, он получил ответ: «Здесь Родос, здесь пляши!» Так и к вам, внушившим светлейшим князьям свои предложения о преобразовании этой школы; к вам, убедительно доказавшим необходимость призвать сюда опытных учителей, учредить типографскую мастерскую и открыть общественную столовую для учащихся; к вам, наконец, собравшимся сюда и принявшим участие в деле, необходимо относятся эти слова: «Здесь Родос, здесь пляшите!», «Здесь Египет, здесь приготовляйте житницы ради устранения духовного голода!» Если вы этого не сделаете, уподобитесь тем, о которых Христос сказал: «Они говорят и не делают. Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (Матф. 23, 3, 4).

Что касается меня, то я выражаю вам полную готовность не бежать от бремени, которое ваши просьбы, советы друзей и сам

Бог возложил на меня: в этом вы и сами, конечно, убедитесь. И если Богу и вам так угодно, я не отказываюсь служить для вас примером, ибо, если от дела вашего благость божия даст нам увидеть нечто доброе, то, я уверен, от этого будет и общая польза церкви. Итак, памятуя, для какой цели я временно призван, послан и привлечен сюда, я постараюсь по мере сил выполнить свое дело. Во-первых, я постараюсь приятным общением с вами сильнее расположить и лучше привлечь вас и ваших соотечественников к более ревностному изучению гуманистических наук. Я постараюсь помочь в лучшем составлении методических книжек, которые были бы оселками ваших дарований, напильниками для изощрения суждения о вещах и руководством в языке (латинско-отечественном). В-третьих, примером и постоянным упражнением я постараюсь указать учащемуся юношеству способ успешно объяснять и применять эти книги. И наконец, я постараюсь таким образом обеспечить возможность (насколько Бог позволит) полного, с помощью вас же самих, преобразования как этой школы, так и прочих правоверных школ во всей Венгрии. С помощью вас самих, ибо сам я, 60-летний старец, не снесу на своих плечах такого бремени, а если бы и снес, не так-то безопасно и приятно было бы мне, чужеземцу, принимать на себя должность, вызывающую зависть. Подавать добрые советы, если потребуется, можем и мы, даже иноземцы, даже бессильные старцы, но каждый трудолюбивый человек или целый народ сам должен заботиться о своей собственной пользе.

Итак, я буду смотреть и уже смотрю на вас, славнейшие профессора и учителя этой знаменитой школы, как на верных советников, как на дорогих союзников и друзей, как на усердных сотрудников в этом деле божием. Соединим же, прошу, наши руки, соединим сердца, соединим молитвы во имя Господа и праведной силы его! Праведный, он не оставит святых стремлений и усилий без обещанной им помощи. Приветствую теперь и вас, дружная рать учащихся, которые вписались в это ополчение против варварства. Приветствую не как моих будущих учеников, но как соучеников истины и света, с радостью подражая тем римским полководцам, которые для поднятия духа в своих ратниках называли их обыкновенно не воинами, но соратниками, делились с ними своими планами, как с союзниками, и, крепко спаяв их души таким гуманным отношением, совершали славные подвиги. Позвольте мне также привести пришедшее мне на мысль прелестное восклицание Филиппа Меланхтона, который, войдя однажды в тривиальную школу и обнажив голову, так приветствовал учащуюся молодежь: «Здравствуйте, господа бакалавры, магистры, доктора, синдики, консулы, сенаторы, секретари, канцлеры» и т. д. Когда же некоторые присутствующие приняли это со сме-

хом, он ответил: «Я не шучу, а говорю серьезно, ибо именно в таких мужах, после нашей смерти, будут нуждаться государство, церковь и школа. Откуда же нам их ожидать, как не из этой учащейся толпы?» Так и я, мои милые ученики, без смеха и без шуток, во имя тех надежд, которые я возлагаю на вас в своей душе, не колеблюсь приветствовать вас как знаменитейших ректоров школ, достопочтенных пастырей церкви, уважаемых окружных сениоров и судей, благороднейших гофмейстеров, секретарей и канцлеров, а также распространителей света в этом народе, искоренителей нечестия, варварства, смут и т. д., не колеблюсь и наставлять вас в мыслях и действиях, которые сделали бы вас таковыми.

Обрацаюсь равно и к вам, благородные отпрыски, надежда отечества, цвет дворянства, которые здесь пребываете или будете пребывать впоследствии! С помощью счастливо получаемого вами образования возрастайте и вы счастливо в деревья, приносящие обильный плод, под листьями которых гнездятся птицы небесные — ваши будущие подданные! Я уже смотрю на вас, как на будущих покровителей церкви, попечителей школ, свет и опору семей, украшение народа, красу отечества. Постарайтесь не обмануть столь великой надежды, наше же дело — смотреть, чтобы к этому и поводом никаких не возникало.

Да будет Иегова также милостив ко мне, так как я ничего не ищю и не буду искать у вас, мои венгры, кроме вашего же благоденствия, пока я здесь с вами. Вы же только молитесь богу, чтобы нам, решающимся на это святое предприятие, он сохранил жизнь, дал крепость, ниспослал мир; чтобы он послал нам новых и истинных питателей церковей и школ; чтобы сохранил тех, которых уже даровал нам; чтобы ниспослал им долгоденствие и наделил их духом мудрости, совета и силы к святому совершению того святого дела, которое начато во имя Всевышнего! чтобы наделил этим духом и тех, кого вы получите в руководители ваших учебных занятий, так чтобы они при помощи божией сделались для вас истинными вождями истинной мудрости.

В качестве же дороги к мудрости мы решаемся предложить вам, во-первых, прекрасный краткий курс латинского языка для достижения его приятной чистоты приятными же путями; во-вторых, зеленые луга совершеннейшей философии для разумного исследования смысла всех вещей (конечно, в той мере, в какой это соответствует христианской скромности); в-третьих, прекрасные упражнения в свободных искусствах (арифметике, геометрии, астрономии, оптике, музыке и в прочих полезных для жизни знаниях) для усвоения искусного их применения; в-четвертых, отменную шлифовку нравов, чтобы вы вышли отсюда воспитанными гражданами, способными к обхождению с какими угодно людьми; нако-

пец, священные тайны богословия, теоретического и практического, чтобы вы уразумели, что страх божий есть начало и венец премудрости, и, таким образом, проникнувшись здесь строгим благочестием, вышли отсюда (по изречению Христа-Спасителя) как «свет мира и соль земли». Поймите, дражайшие, как горячо желаем мы приносить вам пользу! И если только и вы будете так горячо стремиться к совершенствованию, то вы можете на многое надеяться от божественной благодати. Но я снова и снова прошу вас, чтобы вы напрягли все силы к подавлению лености и своим прилежанием доказали, как высоко вы цените те благоприятные возможности, которые ниспосылает вам Бог.

Остается только испросить у Бога милости к нам, чтобы он, по вечной благодати своей, по которой он не отвергает смиренных сердцем и не отвращает от себя тех, кто всецело посвящает себя ему, сподобил своим благословением и это наше предприятие. Вложи, Боже, всем нам в сердце, чтобы все помыслы, все усилия свои мы устремляли на общественную пользу отечества и твоей в нем церкви! Наполни, святой боже, всех нас этим желанием и дай нам также силу выполнить это наше желание, как бы мало нас ни было, чтобы твоя хвала совершалась из уст младенцев и сосущих. Свет твой, Господи, истина твоя, благословение твое пусть наполнит как эту школу, так и все прочие в этом царстве и во всем христианском мире! Сохрани церковь твою среди этих смут в царствах и среди запустения в народах. Даже в самых бедствиях умножь ее светом и очисти ее на всяческое услаждение тебе как повсюду, так и в этом царстве. Воздвигни для нее благочестивых питателей и защитников; для школ же — славных зиждителей: Моисеев, Давидов, Соломонов, Иосафатов, Иосий, Константинов и др. — и верных сподвижников их: Ааронов, Нафанов, Иойданов, Илий, Елисеев и всех мужей по сердцу твоему. Тем же, которых ты уже воздвиг, а в том числе и светлейшим князьям нашим и другим начальникам и покровителям Евангелической церкви в этом царстве, — всем им сохрани жизнь, здоровье, силу и ревность на служение тебе чистым сердцем; укрепи же с небеси силою твоею и возвеличь их! Услышь нас, Господи, во славу пресвятого имени твоего! Да будет близко к боящимся тебя спасение твое! Да водворится слава твоя с нами в земле нашей! Милость и верность да встречаются! правда и мир да лобызаются! (Пс. 85, 10, 11). Да явится через рабов твоих дело твое! Да будет слава Иеговы, Бога нашего, с нами, и дело рук наших ты сам утверди! (Пс. 90, 16, 17). Аминь. Во имя Христово. Аминь.

Вы же, меценаты, патроны, покровители, пастыри, сенаторы, граждане и гости, здравствуйте, будьте счастливы и молитесь небо о благоденствии этой школы и тех, которые прилагают труд к увеличению света ея! Я все сказал.

Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом развития природных дарований

Речь, произнесенная в большой аудитории
Патакской школы 28 ноября 1650 года
перед началом занятий

Дорогие слушатели, как вам небезызвестно, меня пригласили сюда к вам, чтобы я, насколько Господу будет угодно, помог вам советами в вашем труде, посвященном постижению свободных наук. Весь я к вашим услугам! Положу начало делу сегодня! Положите и вы ему начало, внимательно восприняв слова советчика, чтобы они не развеялись по ветру. В самом деле, я обращаюсь к вам, а не к этим стенам и собираюсь сказать что-то полезное.

Рассматривая в течение вот уже целого проведенного среди вас месяца все ваши занятия и их распорядок, я, как мне кажется, понял три важнейшие причины медленности ваших успехов. Первая в том, что вы недостаточно снабжены полезными книгами, этими носителями знаний. Во-вторых, даже если прекрасные подспорья образования в большой своей части все-таки имеются, они часто лежат понапрасну, так упрятанные в библиотеке школы, что немногие получают к ним доступ и даже хотя бы просто знают о существовании этих сокровищ, не то что овладевают ими. В-третьих, я не замечаю ни у наставников, ни у учащихся особого умения обогащать себя сокровищами разностороннего образования так, чтобы избегать лишних усилий¹, перелagая бoльшую часть трудов и тягот на этих безмолвных учителей².

Раз уж я подметил эти недостатки и уверен, что при разумном подходе их можно исправить, то молчать мне не пристало. Не думайте только, что одних вас попрекаю в ошибке: это общая болезнь школ в наше время — загружать умы отвлеченными пустяками, совершенно исключая настоящих писателей или допуская едва одного-двух, да и с ними обращаясь так, что получается пытка и для них, и для молодых умов.

Итак, надо сразу же поразмыслить о лекарстве. Для разговора о нем прошу от вас на полчаса наостренных ушей и душевного внимания. Я намерен доказать, что (1) стремящийся к учености

должен ценить книги выше золота и драгоценных камней; (2) ни днем, ни ночью не выпускать их из рук; (3) извлекая из них отборный цвет мудрости, переносить его в ульи собственных познаний и (4) не оставаться в неведении о том, как прекраснейшим образом использовать эти отовсюду почерпнутые сокровища мудрости.

Указав вам на это, призову вас приняться ревностно за чтение авторов, во святое имя божие. Не страшитесь моего многословия: не все, что можно сказать по этому поводу, собираюсь говорить, а хочу для начала только воспламенить в вас любовь к книгам, оставив частности самой практике дела.

I

Я сказал, что стремящийся к мудрости должен любить книги больше золота и серебра. Это поистине так. Ведь именно книги, а не золото и серебро способны привести такого человека к исполнению желаний; так что же, выходит, предпочтительнее? Голодный наверняка предпочтет хлеб золоту, слепнувший — лекарство для глаз серебру, тяжело больной — врачевание сокровищам. Бесплодным останется поле, если не бросить семена; бесполезны будут пчелы, если не станет медоносных садов и лугов; праздно муравьи, если не будет лужаек, где они собирали бы себе пропитание. Но еще бесполезней глаза, если нет зрительных впечатлений; бесполезны ноздри, если нет запахов; уши — если нет звуков, и т. д. И точно так же напрасен ум, если нет пищи мудрости, какую доставляют добрые книги, полные благих наставлений, примеров, нравственных заветов, законов и благочестивых правил. Словно задушевные друзья, они охотно беседуют с нами, и, искренне, открыто, без обмана рассказывая по нашему желанию о чем угодно, учат нас, наставляют, ободряют, утешают и как бы зримо являют нам самые далекие от наших глаз вещи. О дивное могущество книг, их величие и чуть ли не божественная сила! Не будь книг, дикарями были бы мы все и невеждами, не хранили бы никакой памяти о событиях прошлого, не знали бы ни божественной, ни человеческой науки. Если бы что и оставалось, то лишь сказки и предания, тысячекратно переиначиваемые непостоянством бродячей молвы. О этот божий дар человеческому уму — книги! Нет вещи, лучше них поддерживающей жизнь памяти и ума. Не любить их — значит не любить премудрость, а не любить премудрость — значит уподобляться скотам, что означает уже дерзость перед Богом — творцом, пожелавшим, чтобы мы были его образом и подобием. Итак, остережемся этого! И поскольку с помощью книг многие научились даже вне школы, а

без книг никто не научится даже и в школе, то, если мы любим школы, будем любить и книги, душу школ, которые без одушевления книгами мертвы.

II

Я сказал об уважении к книгам. Но мало предпочитать их золоту и хранить пуще сокровищ; ибо от спрятанного сокровища какой толк? Книги надо еще и читать, откапывая скрытые в них клады премудрости и вынося их на свет, на пользу всем. Если бы кто-то более прозорливый стал утверждать, что не книги эти, писанные рукой человека, но сам Дух наш и простертые во Вселенной создания рук Всемогущего, а также слово божьего писания суть золотые россыпи премудрости, мы бы согласились. Но только пусть и с нами согласятся, что мудро составленные человеческим трудом книги — это золото, уже открытое из недр, разнообразно очищенное водой и огнем и, может быть, уже и прошедшее чеканку и пригодное для общественного пользования, уже получившее определенную ценность и таким образом служащее повседневным нуждам. Как сложенное в сундуки золото считается более надежным имуществом, чем золото, еще сокрытое в подземных рудоносных жилах, так и мудрость, уже разобранный по сундукам-книгам, доступнее той, которая, пока еще скрываясь от нас в своих источниках, может быть только со временем оттуда извлечена. Кроме того, поскольку не было, нет и не будет такого счастливого дарования, которое извлечет все из самого себя, подобно тому, как паук тклет паутину из собственного брюшка, то почему нам не заимствовать друг у друга? Почему не употребить и усилия других людей для нашего дела? Не лучше ли уподобиться пчелам, которые медоточат не сами из себя, но, летая по садам, лугам и полям, собирают цветочную пыльцу и из нее уже приготавливают мед? Именно так всегда и поступали просвещеннейшие мужи. Катон, мудрейший из римлян, назван у Туллия «пожирателем книг», потому что в его руки не попадало книги, которую он тотчас же не прочел бы и не вобрал в себя³. О Плинии, этом выдающемся знатоке всего, что достойно знания, пишут, что на глаза его не попадалась книга без того, что бы он ее не прочел. Есть много свидетельств, что святой Иероним (о нем у Августина: «Ни один человек не знал такого, чего не знал бы Иероним») был человек бесконечной начитанности; между прочим, он утверждает, что прочел шестьсот книг одного только автора, Оригена.

Какие же книги надо таким образом просматривать? Все. Нет столь плохой книги, которая не содержала бы хоть что-то полезное, по свидетельству Плиния⁴. Если всё прочесть невозможно (особенно с тех пор, как безбрежно разросся книжный потоп),

то хоть ббольшую часть. А если и это не дано, то — как можно больше хороших; и если уж совсем мало — то лучших.

А как их выбирать? Скажу по своему разумению; слушайте и не гнушайтесь советом. Во-первых, призываю читать книги, полные *вещей*, а не слов, т. е. книги, говорящие о нужных для жизни предметах, а не изобилующие речами. Ради одного только стилия вряд ли сто́ит что читать, и если уж понадобится, то от силы одну-две книги. Ведь если мудрый писатель прекрасно излагает прекрасные мысли, то вот мы и учимся одновременно и тому и другому, словно у нас в руках орех в скорлупе, вино в сосуде, меч в ножнах и т. д.! Зачем разрознивать взаимосвязанные вещи? Во-вторых, книги следует читать больше содержательные, чем формальные, т. е. содержащие примеры и практику — прежде преподающих умозрительные наставления. Этим последним особенно грешат школы, изнурая и обволакивая умы учеников абстрактными наставлениями, грамматиками, логиками, риториками вместо того, чтобы скорее вести их прямым путем к делу. Зачем кузнецу молот, если нет того, что надо ковать, — железа? К чему портному пускай даже и тысяча иголок, наперсточков, ножниц, линейек, если нет у него тканей, из которых можно шить одежду? А ведь именно таковы маленькие кандидаты в мудрецы, которые раздулись от пустых наставлений и правил; переходя к делу, они молчат, колеблются или производят бесполовый шум; сухи и скучны, далеки от подлинного понимания сути, тем более от практики, словом, тощи и бесплодны. Это уклонение школ от истинного пути, пусть и очень застарелое, надо решительно исправить; вместо множества методических наставлений будем как можно скорее вводить чтение авторов. В-третьих, следует наблюдать за тем, чтобы древних авторов не читали в отрыве от новых, произведения универсальные — в отрыве от частных. Ты прочел писателей нашего века? Вкуси античных: старое вино лучше, говорит Спаситель. Прочел древних? Не презирай поздних; они несут новые наблюдения, неведомые прежним. Прочел что-то общего характера? Ищи частные выводы из этих начал. Рассмотрел частные стороны? Подумай, как они сочетаются в целое. Словом, знания древних почтенны из-за давности, поздних — из-за возросшего просвещения; частности надо изучать, потому что они дают много практических навыков, общие вещи — потому что они возносят ум ввысь, как пирамиду, придавая ему цельность и крепость.

III

Но мало читать книги, их надо читать внимательно, отмечая и выписывая главное. Отмечая в самой книге, если она твоя; выписывая или делая выдержки — всё равно, твоя она или чужая. Отбирать полезнейшее — дело такой важности, что немислим толковый читатель без умения отбирать. (В самом деле, ведь ученым тебя делают не книги, а их изучение.) Единственный надежный плод чтения — усвоение прочитанного, выбор полезного. Поистине только это обостряет внимание, держит ум в напряжении, запечатляет воспринятое в памяти и озаряет ум каждый раз всё более ярким светом. Не пожелать выделить из книги ничего — значит всё пропустить. Полагаться на одну память — всё равно что писать по воде, потому что память наша крайне зыбка и много вбирает в себя такого, что тут же и выпускает, если ей не помочь оградой письма. Итак, будем помогать ей в уловлении полезного насколько возможно; а всего легче это сделать, выписывая и занося в свои книги для заметок всё достопамятное, откуда его легчайшим образом можно извлечь при первой надобности. Именно этим путем многие на удивление ученые люди дошли до высот, которые способны только привести в изумление не знающих, какими способами такого достигают. О Плинии сказано: «Он не видел книги, которую бы не прочел; он не прочел ничего достопамятного, не сделал выписку; и он не сделал выписки, которую опять-таки не внес бы в сочинения» (то есть в свои книги). И Геллий писал о себе: «Какую бы книгу я ни брал в руки, греческую или латинскую, я сразу делал в ней заметки»⁵. А вот Липсий: «Я не собираю, а отбираю»; и он не отрицает, что, выписывая не наугад, а вдумчиво, все-таки выписывает. Недаром о нем свидетельствовали: «Липсий говорит свое, но большей частью не своими устами».

Так что же, спросишь ты, надо отбирать и извлекать? Отвечаю. Вопрос этот не слишком мудреный. Пиши всё, что сочтешь для себя новым, доселе не известным; всё, что сочтешь прекрасным и могущим тебе когда-нибудь пригодиться, будь то слово, или фраза, или целый период, или повествование; всё, что блеснет перед твоими глазами, словно драгоценный камешек. Некоторые выписывают только нужное им для занятий (скажем, богословы) и лишь это выписывают, опуская остальное; таким путем они отбрасывают целые, и даже прекрасные, книги, не видя в них никакой пользы для своего дела. Но мы, рекомендуя занятия всеобъемлющие, советуем из любой книги, какая попалась под руки, отбирать и собирать всё достопамятное.

А каким образом? — спросят меня. Мнения разных людей о предпочтительной форме записей различны; поскольку долго их все излагать, скажу только то, к чему пришел на собственном опы-

те. Простейший способ — пользоваться дневниками, т. е. книжками, куда ты постоянно будешь записывать всё прекрасное из прочитанного, услышанного, увиденного в этот день, а то и из прошедшего тебе на ум. Так, просматривая дневник, ты будешь с удовольствием видеть, насколько продвинулся за каждый день. Но запомни: дневник этот следует снабдить алфавитным указателем, чтобы при поисках нужного он тебе подсказал, где что записано, и помог тотчас разыскать. Поскольку эта твоя сокровищница день ото дня будет расти, и расти до бесконечности, окажется невозможным вспомнить, куда что занесено, без перечня обширных твоих богатств. Если же хочешь все-таки обойтись без перечня и тем не менее держать свои сокровища на строгом учете, составь себе пандекты, или свод, где в определенном, неизменном и известном тебе порядке будут стоять рубрики всех предметов и куда ты сможешь разносить понятия, фразы, суждения, повествования и всё, что придется. Такую книжицу представляет собой «Новейшее введение в языки»⁶, являющее или, по крайней мере, долженствующее явить облик целой энциклопедии, когда эта книга будет в конце концов с божьей помощью создана. Подшив достаточно листов бумаги, ты сможешь вписывать туда, что захочешь. Перейдя к частностям, мы сможем подумать обо всем этом полнее.

IV

Перехожу к пользе, которую принесет с собой многолетний труд, вложенный в чтение и разбор авторов. Во-первых, это будет ослепительный свет разума, озаряющий все вещи, — и не такой, который тебе еще придется особо отыскивать или зажигать, когда понадобится что-то продумать, сказать или сделать, но всегда готовый и, куда бы ты ни обратился, всюду тебе сопутствующий, а это — великое дело. Во-вторых, ты будешь богат своим собственным, законно полученным достоянием; никто не сможет тебя обвешать, что сокровищами знания ты обладаешь незаконно. В-третьих, сокровища твои будут в твоей власти и смогут сослужить тебе большую службу, чем сотня чужих «Флорилегий», «Полиантий», «Общих мест», «Тезаурусов» и т. д.⁷; ведь что не мы сами сделали, то, как мне кажется, не совсем наше. Кроме того, редко в этих чужих пособиях найдешь то, что как раз всего больше нужно; наоборот, что сам для себя обдуманно собрал, всегда к твоим услугам. К тому же в тех пособиях бесчисленное множество вещей тебе никогда не пригодится, а ведь их всё равно придется пробегать каждый раз, пока ищешь нужное, и лишний этот труд ты будешь вынужден каждый раз повторять, хоть, возможно, и будешь оставаться ни с чем. Этого никогда не случится с твоими собственными записями, которые всегда настроят тебя на благие размыш-

ления. Сверх всего, в тех пособиях содержатся ссылки на чужие мнения в сбивчивых или измененных выражениях, и вряд ли можно когда на них вполне положиться; а что сам выписал и, значит, уверен, что читал собственными глазами, тому не доверять невозможно. Четвертый плод будет в том, что, составив эту обширную сокровищницу извлечений, ты получишь невероятную возможность: за один день пробегать хотя бы и шестьсот авторов (то есть столько, сколько ты всего прочел и усвоил), справляясь у них о сомнительных вещах; у тебя почти не останется дурного незнания; тебя назовут живой ходячей библиотекой; ты будешь казаться всеведущим, и к тебе будут обращаться, как к оракулу (в среде не причастных к этому секрету). Да и не только казаться: ты станешь таким на деле. Хорошо оснащенный своим сводом выписок, ты сможешь (1) для любой данной темы назвать писавших о ней авторов; (2) при надобности рассуждать на эту тему, и в материале у тебя никогда не будет недостатка, всё равно, понадобится ли излагать его письменно или устно, — времени для подготовительной работы потребуется немного; (3) ты приобретешь способность пронизательно судить о мнениях авторов, указывая на более верные и правдоподобные из них; (4) благодаря этому ты сможешь быть полезен всем ищущим путь среди сомнений; (5) у тебя будет постоянное лекарство для ненадежной памяти; (6) при всякой надобности ты сможешь рассуждать о любой теме хоть целый день, что для не имеющего свода выписок недоступно; (7) так драгоценным камнем просияет твоя ученость, если к тому же ты приобретешь навык хорошо говорить. Чтобы всё случилось именно так, очень поможет, если, делая особо важные выписки, ты будешь тотчас прикидывать, к чему в твоих работах, когда, где и каким образом ты пожелаешь их применить, занося особо уместные соображения в особую книжицу (озаглавь ее «Для исполнения» и время от времени просматривай). Впрочем, подробнее об этом — тоже потом, когда мы приступим к Геллиевой коллегии.

Видите, дорогие мои, как откровенно я с вами говорю! Как без обмана открываю вам секрет восхождения к обширной и разносторонней образованности! Любовь к вам побуждает меня выносить на свет эти секреты. Ваше дело — ответить мне таким же чувством, и пусть это чувство пробудит в вас жажду дела, столь необходимого вам для вашего блага. Всё познаваемое знать так, чтобы ни в чем не быть слишком несведущим, — как это прекрасно! И обо всем обсуждаемом знать наперед несколько мудрейших изречений — как это великолепно! Если я к этому вас не прихочу, напрасно мое появление здесь. А мне не достичь этой цели более кратким и верным путем, чем советуя вам читать авторов, и советуя настойчиво. Вот я показал вам, какие сокровища мудрости можно откопать на поле библиотек. Неужели вы не последуете

совету Христа в его притче о человеке, нашедшем клад на чужом поле? Он пошел, скрывая радость, продал свое имущество и купил это поле (Матф. 13, 44). Идите и вы, возлюбленные мои, продайте, что имеете, и купите поля, в недрах которых таятся сокровенные клады мудрости — хорошие книги. Этими сокровищами оснастите себя и других, кого захотите обогатить, а также отечество и саму церковь.

Неужели всё это действительно так уж важно? — скажет кто-нибудь. Безусловно. Вот послушайте. Каждому народу придает блеск наличие ученых мужей, знаменитых опубликованными сочинениями. Ими ярко блистают многие другие племена; что ж мы? И почему так? Ведь не зажигаются великие светочи другим путем, чем от собранных отовсюду воедино светонесущих лучей, как мы уже говорили. Неужели мы решим, что надо и впредь пренебрегать тем, чем у нас всегда до сих пор пренебрегали? Здесь именно и была до сих пор слабость нашего с вами племени: припав к ручейкам, не продвигаться к истокам; довольствоваться каплями мудрости, пренебрегая реками, озерами, морями и самим океаном ее. Наша образованность сводилась к тому, что мы пробавлялись только чужими книжонками, компиляциями, цветничками, всевозможными начальными руководствами, кое-какими комментариями, даже словариками и грамматиками. О эти несчастные руководства! О губительный ущерб! Что позволило италийцам, испанцам, галлам, англам, бельгам превзойти нас образованностью? Что еще, кроме названной нами причины? У них читают не книжонки, а книги; не книги — библиотеки. И постигают писателей не одного нашего века — исследуют всю древность; и и ко всему свежему, где бы оно ни появилось, относятся со вниманием. И не на одном лишь языке — на всех, какими могут овладеть и от каких ожидают чего-либо разумного. Неужели мы такие недоумки? Или у нас недоразвиты наши пять чувств? Или восприимчивая сила фантазии? Или сокровищница-память? Ничего подобного. Мы равны другим народам, одинаково с ними богаты природными талантами. Что же нас от них отличает? Только энергия, которая кипит у них, а у нас угасла. А рвение нас покинуло потому, что засосала лень. Так изгоните лень, дурную гостью, венгры! Отриньте малодушие! Дерзайте, как на ваших глазах дерзают другие! Даст Бог и вам то, в чем он не отказывает другим; только будьте неотступны на тех же путях. И тем увереннее уповайте, что будет так, чем очевиднее уже проявилась милость божия еще к вашим предкам. Ведь как прекрасно писал полтора века назад сам великий Эразм к Иоанну Турзону, епископу Братиславскому: «Не диво, что среди венгров есть прекрасные дарования, если Ян Пáнний удостоился в поэзии такой славы, что даже Италия сама предлагает ему венец. А Пизона, память о

котором ты во мне освежил, вспоминать так же приятно, как приятно была нам некогда дружба в Риме. Кто его учнее и приветливее? С таким наставником я охотнее готов поздравить вашего светлейшего короля, чем с самим его королевством».

Так говорил Эразм, и прошу вас не пропускать мимо ушей его суждение (то, что он предпочитал одного талантливому венгра целому венгерскому королевству), но пусть оно пробудит в вас жажду соревнования — ведь та же у вас страна, то же небо, тот же Бог. Разумеется, до сих пор в недрах вашего племени зарождалось немало дарований, сомнения здесь нет. Но поскольку эти замыслы природы неумело развиваются нашим искусством, они не получают должной обработки или получают плохую, во всяком случае недостаточную, — и так получается, что при формировании умов бывает больше выкидышей, чем благополучных родов. У меня возникла большая надежда на вас и ваши умы. и я охотно послужу Господу, выводящему таланты на свет; только не отворачивайтесь, не отталкивайте от себя дружескую руку. Да не будет того, чтобы я захотел что-либо знать для себя одного, а не вместе со всеми в общем доме Церкви! Да не будет того, чтобы и ты, кто бы ты ни был, упустил по лености малейшую возможность совершенствования!

Я открыл вам сегодня дорогу, идя по которой каждый из вас сумеет достичь высокой учености, — так неужели вы не вступите на нее? О, если бы Юпитер вернул мне протекшие годы! О, если бы кто-то преподавал мне это искусство 40, 30, даже 20 лет назад! Чего я не смог бы тогда сделать за всё это время? Но не было никого меня этому научить. А у вас вот — есть! Бог послал вам провожатого и, если хотите, водителя на этом пути, возвратив его на немалое расстояние назад и отняв его на время ради вас у других. Воистину могу сказать о себе то, что сказал о себе философ Сенека: «Прямой путь, поздно и в утомительных блужданиях найденный, я показываю другим!»⁸ Неужели вы, кому этот путь открывают не поздно, а как раз вовремя, не потрудитесь вступить на него? Не будете жадно впитывать содержание не только первой же хорошей книги, какая попадется вам сегодня, но и других, одну за другой, начиная с этого дня и в течение всей жизни? Да будет так, милые мои, любовью к премудрости вас заклинаю: да будет так. Всё время, какое вы до сих пор потратили на растрепанные книжонки-компендии или сгубили в праздности и в посторонних забавах, во всевозможном распылении душевных сил, теперь наверстайте насыщенно и уплотненно, став пожирателями не только книг, но и самого времени. Только в отношении времени почтенна жадность, говорит мудрец.

Остерегайтесь, любезные, чтобы не случилось с вами, как с большинством смертных, которые в течение всей жизни так и не

начинали мыслить! Или как с немногими, в их числе со мной, которые начинали жить лишь тогда, когда пора бы уж и на покой. Начни раньше ты, юноша, и всякий, слушающий мои советы! Начни деятельно распоряжаться своим существованием, чтобы со временем радостно наслаждаться им! Если потеряешь время в жизни, потеряешь себя самого. А потеряешь себя самого — кто тебе тебя вернет?

Мне кажется, однако, что я слышу безмолвный ропот и вижу, будто ко мне поворачиваются спиной. Иной скажет: к хорошим вещам зовешь, да трудным. Отвечаю. Надо расколоть орех, если хочешь съесть его, и кто хочет овладеть найденным кладом, должен копать. Ленившиеся копать вынуждены попрошайничать, а это очень стыдно. И не правда ли, студенческая жизнь подобна воинской службе? Так вот, римский солдат, столь победоносный в древности, считал для себя законом носить снаряжение четырех видов: первое — предметы личного пользования, второе — оружие наступательное и оборонительное, третье — кол или жердь для устройства лагеря везде, куда бы ни довелось прийти, четвертое — пища на несколько дней. Вот хорошенькая поклажа! Но только при такой поклаже они могли побеждать. Подражай им, проходя службу в лагере муз! Да и почему, наконец, непривычный труд должен казаться таким тяжелым? Есть достаточно примеров, и всякий сможет понять правила этой воинской службы. Да будет стыдно одаренному юноше, если он, имея при желании всю возможность, предпочтет стать рабом скудной образованности, а не благородным обладателем обширной.

Иной думает: откуда у меня возьмутся книги? Стесненные личные обстоятельства — помеха добродетелям! Отвечаю. Пока ты здесь, мой друг, тебе может с избытком хватить библиотеки этой школы, которую мы постараемся еще и пополнить в меру возможного. Мы надеемся добиться, чтобы и хорошо оснащенная прекрасными и разнообразными авторами библиотека светлейшего князя тоже служила тем же целям⁹. Вне школы поможет щедрость других благодетелей, которые увидят твою старательность; лишь бы не упускать любой представившийся случай, лишь бы отбросить стеснительность, лишь бы не стыдиться быть попрошайкой в таком деле. Не оставит Бог, если сам себя не оставишь; молитвой и трудом добываются Божиих даров. Так ищи — и найдешь, добивайся — и получишь, стучи — и тебе отворят. Ты же, благой Иисус, всё наше благо, ниспосли нам желаннейшее благо — свет премудрости! Пусть в твоей школе премудрости мы совершенствуемся день ото дня во славу всесвятого имени твоего, аминь.

Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости,

учреждение которой было
желательно уже многие годы
у всех народов и которая теперь
под покровительством сиятельного
господина Сигизмунда Ракоци
счастливо призвана к жизни
у Венгров в Шарош-Патаке
в 1651 году спасения нашего

Часть первая

Начертание пансофической школы

Что такое школа
вообще.

1. Согласно обычному словупотреблению под словом «школа» понимают как здание, так и собрание, в котором обучаются для приобретения познания вещей, понимания и умения применять всякого рода искусства. Хотя человек рождается способным ко всему, но на самом деле он ничего не знает, кроме только того, чему он научен благодаря руководству других людей и часто повторяемому опыту, а потому его необходимо учить всему и для этого посылать в мастерскую, где это делается. Оттого-то у высокообразованных наций есть столько же школ, сколько искусств; есть даже гимнастические (атлетические) школы, где юношество обучается употреблению оружия и т. п.

Что такое ученая
школа.

2. Под ученой (literaria) школой мы разумеем учреждение, где упражняются молодые люди, недавно вступившие в жизнь и намеревающиеся приступить к житейским занятиям.

Какова должна
быть мастерская
гуманности,
школа ума.

3. Истинными школами подобного рода, мастерскими гуманности, должны быть все учебные заведения (ludi literarii), предназначенные для обучения юношества. Но большинство школ, увы! слишком уклонились от своей цели и занимаются только тем, что играют науками, или, скорее, тоскливо мучаются над ними. Они не делают ничего, что бы соответствовало нуждам всей жизни, занимая умы лишь отдельными крохами наук.

вещами, совершенно посторопными для действительной жизни. И вполне справедливо говорят: «Они не знают необходимого, потому что изучают не необходимое».

Что такое школа всеобщей мудрости.

4. Мы желаем пмечь школу мудрости, и притом *всеобщей мудрости, пансофическую школу, т. е. мастерскую, где к образованию допускаются все, где обучаются всем предметам, нужным для настоящей и будущей жизни, и притом в совершенной полноте (omnino)¹. И все это должно вестись столь надежным путем (NB), чтобы из обучавшихся в ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не знал о вещах, ничего бы не понимал в них и не в состоянии был бы сделать истинного и должного применения и, наконец, не был бы в состоянии удачно (commode) выразаться.*

Что значит, что все должны быть обучаемы.

5. Мы желаем, чтобы все получили такое образование, чтобы всякий, кто родился человеком (т. е. создан по подобию божью и предназначен Богом для вечного блаженства, но будет шествовать среди бурь житейских), — был предохранен от опасностей и метаний в различные стороны, а также не погиб навеки, сбившись па пути к пристанищу вечного покоя. Ибо в этом — все важное для каждого человека (Еккл. 12, 13). Этого все должны остерегаться больше всего (именно вечных опасностей для души), хотя невозможно всем дойти до того, чтобы знать все подробности истины и добра (ибо они бесконечны), понять их и наслаждаться ими.

Что значат, что все должны быть обучаемы всему.

6. Мы желаем, чтобы новички мудрости были обучаемы *всему*. А именно, *во-первых, чтобы умы наполнялись светом познания того, незнание чего было бы вредно*; даже руки вместе с другими способностями должны быть подготовлены ко всякому хорошему делу; язык должен быть вооружен приличествующей плавной речью.

1. Познание вещей.

7. Мы желаем, чтобы *умам внедрена была вся совокупность лучшего из всей области знания*. А именно, чтобы ничего не существовало ни на небе, ни на земле, ни в воде, ни в подземных глубинах, ничего в теле человека и в душе его, ничего в Священном писании, ничего также в ремеслах, в хозяйстве (oeconomia), в государственной жизни, в церкви, ничего, накопец, в жизни и смерти и в самой вечности, — чего бы основательно не постигали юные кандидаты мудрости; чтобы они все знали необходимое, понимали причины всего, знали истинное и спасительное применение всего, чтобы, таким образом, дух каждого из них стал точнейшим подобием всеведущего Бога, светозарнейшим зеркалом его творений (ludorum), вернейшим отраженным миром.

**2. Искусность
в действиях.**

8. К познаниям надо присоединить подготовку к деятельности, в чем необходимо упражнять наших учеников, т. е. к познанию вещей нужно прибавить практическую деятельность. Без этой деятельности даже человек, знающий вещи, будет неумело вращаться среди вещей, и, даже будучи знаком с искусством, он будет представляться неспособным и вследствие этого негодным для житейской деятельности². Чтобы чего-либо подобного не случилось с учениками пансофической школы, она ради этой высокой цели прибавит требование, чтобы никто из обучающихся в ней не был выпускаем, прежде чем он не будет самым лучшим образом напрактикован в тех видах деятельности, которые требуют особенной предусмотрительности, чтобы наши ученики в этом месте обучения учились не для школы, а для жизни. И пусть отсюда выходят юноши деятельные, на все годные, искусные, прилежные — такие, которым со временем можно будет без опасения доверить всякое житейское дело. Если бы были подобные школы, и притом у каждого народа (gente), то это было бы всеобщим противоядием против лености и косности, а потому и против нестроения, бедности, нечистоплотности. В особенности это будет достигнуто, если школы эти, сверх того, приучат (как и должно быть в действительности) украшать деятельность честными нравами и всем приятной речью и станут увенчивать все это богобоязненностью, сердцем, воспламененным любовью к Богу и готовностью проводить жизнь угодным Богу образом.

3. Изыскство речи.

9. Последнее, к чему стремится пансофическая школа, — это усовершенствовать язык всех настолько, чтобы довести его до приятной речистости. И это не только на каком-нибудь одном языке, но также еще и на трех ученых языках, которые посвящены описанию крестной смерти Христа и поэтому как бы рекомендуются божеством для изучения народами, стремящимися усвоить Евангелие, — на языках латинском, греческом и еврейском. На латинском потому, что этот язык в настоящее время считается первым образовательным средством и связью между народами; на греческом потому, что он — родной для латинского³, который без него не может быть вполне понят, преимущественно же потому, что он служит охранению и истолкованию тайн Нового завета. Что же касается еврейского языка, то нечего и говорить о том, что сынам церкви он служит для понимания изречений Ветхого завета и потому никоим образом не может быть исключен из пансофических занятий.

**Что значит учить
совершенно
(omnino).**

10. К этому мы прибавим: все это в пансофической школе должно быть изучаемо, делаемо, соблюдаемо в совершенстве, т. е. с такой легкостью и обеспеченностью успеха, чтобы наподобие механических мастерских ничего в ней не делалось насильственно, но все проис-

ходило естественным путем и чтобы впоследствии каждый ученик становился магистром.

Что значит, что пансофическая школа предназначается для устройства законов христианства.

11. Вот наши желания относительно пансофической школы. Мы утверждаем, что она должна быть предназначена для устройства законов истинного христианства. Ибо что такое христианство? Разве оно не есть ясный свет в наших сердцах, озаряющий нас, дабы просветить нас познанием славы божией (2. Кор. 4, 6)? Разве оно не дело божие, открывающее глаза слепым, чтобы они обратились от тьмы к свету (Деян. 26, ст. 18)? Разве мудрость христиан не есть мудрость, угодная Богу, руководимая Христом, вечной премудростью Бога, который один знает, что подобает нам знать, и который умел и мог положить предел нашему христианскому всезнанию, ограниченному человеческим неведением? Ибо посредством естественного света, который, как свет истинный, просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоан. 1, 9), посредством света своего закона, ибо закон есть свет (Притч. 6, 23), наконец, посредством всего того, что он, живя среди людей, показал им словом и делом; он научил нас облекаться в нового человека, обновленного по образу того, который нас создал (Кол. 3, 10). И пусть никто не говорит: Христос учил нас возрождаться, а не заниматься науками, искусствами, языками. Ибо этого он не воспрещает, а предпосылает в составе того света, который, как сказано, просвещает каждого человека. Разве он не послал с неба духа святого как учителя языков; разве он не заповедал, чтобы божественный свет (Евангелие) постоянно передавался от одного народа к другому в церкви? Поэтому нельзя представить себе ничего более христианского, чем заботиться всем нам о распространении царственного, т. е. христового, света.

И как это прекрасно!

12. Особенно когда Христос отнес все к единому закону любви, заповедуя словом и примером, сам от себя и через апостолов, чтобы никто не искал блага только себе, но всем (Матф. 28, 19; Рим. 12, 17; Кор. 10, 24 и др.). Этой заповеди следовали апостолы, стараясь проповедать народам Христа надежду славы, убеждая всякого человека и наставляя всякого во всей мудрости, чтобы сделать всякого совершенным во Иисусе Христе (Кол. 1, 28). И «Пансофическая школа» стремится только к тому, чтобы принести пользу каждому человеку, каждому народу, насколько сможет проникнуть свет божий, потому что это самое требуется от истинного христианина.

И как это необходимо!

13. Школ, устроенных согласно этим законам, еще нет; но их надо и можно учредить.

14. Необходимость этого становится очевидной, так как мы не должны быть неблагодарными Богу, который призвал нас из мрака к своему дивному свету (1 Петр. 2, 9). Напротив, мы должны скорее отовсюду собирать лучи света и заставить их отражаться от одного человека к другим и, наконец, ко всем, чтобы все мы стали сынами света, светом в Господе (Лук. 16, 8; Еф. 5, 6). Если мы этого желаем, то *учреждение всеобщих мастерских света* ⁴ необходимо.

15. *Необходимость учреждения пансофических школ становится еще очевиднее, когда мы представляем себе опасность, возникающую от пренебрежения делом, приносящим столь значительную пользу.* Так как без полного света нельзя вполне познать вещи, а без полного познания нельзя выбрать лучшего, а без серьезного выбора не может быть также серьезной деятельности, то *без серьезных усилий и труда мы не сможем достигнуть своих целей.* Следовательно, чтобы достигнуть нашей цели — блаженства, мы должны совершать правильные действия; а чтобы действия были правильны, мы должны стремиться к тому, чтобы наш выбор не уклонялся в сторону, а для этого необходимо дать ясное понимание вещей. Но до понимания ничто не доходит, прежде чем не пройдет через чувство. Поэтому незнание вещей (первый источник всякого человеческого несчастья и испорченности, как говорит о том слово божие: «Истреблен будет народ мой за недостаток ведения», Осия 4, 6) следует основательно удалять из человеческих умов и возжигать в них всеобщий свет, в котором все можно видеть ясно и в котором доброе везде различается от злого, для того чтобы люди избегали последнего и достигали первого, направляя к нему свои стремления ⁵.

16. Необходимость эта становится все более и более настоятельной, так как мы приближаемся к концу времен ⁶, когда все достигает своей высочайшей ступени: мрак и множество различных заблуждений, а также возникающие из этого несправедливости. И если даже допустить, что божеством дан свет наук, что с неба нам подан светильник истины, то все же этими дарами мы воспользовались только отчасти. Поэтому справедливо, чтобы пауки, искусства, языки и сама религия, которые до сих пор росли по частям, ныне были соединены воедино так, чтобы то, что до сих пор знали многие, теперь узнал всякий, дабы — по слову апостола — быть совершенным человеком во Христе. И так как сатана не перестает затемнять свет мраком, то возьмем на себя обязанность противопоставить всему его мраку всеобщий свет, чтобы с помощью божьей рассеять весь этот туман.

Но возможно ли это?

Это возможно, если

1. Мы не будем заниматься мелочами.

17. Но достижима ли та широта, к которой мы стремимся? *Возможно ли распространение среди всех людей полного всеобщего знания?* Возможно, если только мы не будем направлять свои природные силы на незначительные дела, не будем одержимы той болезнью, которая, по словам Сенеки, была свойственна грекам⁷; если затем мы не будем направлять наши желания на странные и запретные дела и ими заниматься, к чему именно склонял сатана первых людей и как это он и доныне делает; но будем стремиться только ко всему, что показывает нам величие божие, цели мира и созданий и наши обязанности относительно всех дел, что выводит нас, таким образом, к пограничным камням между наукой и неведением⁸ и предохраняет от стремительного впадения в заблуждение.

2. Если мы обратимся к указаниям, данным Богом.

18. *Подобное всезнание вполне приличествует человеку и вполне возможно для него.* Ибо Бог предназначил его здесь для владычества над вещами, а там для сопричастия своей вечности и создал его соответственно этим целям, а именно по своему образу. Ввиду этого Бог открыл ему письмена всего изучаемого, т. е. три свои книги: мир, воздвигнутый вокруг нас и полный дел его; дух, данный нам, внутренне полный разума и содержащий в себе число, меру и вес всех вещей; наконец, закон, данный нам в руки, истолковывающий там и здесь не понятое нами и предостерегающий нас от уклонения от первоначальной цели. В этих трех книгах, или зеркалах, он предложил нашему созерцанию все, что хотел, чтобы мы знали⁹.

3. Если мы старательно будем применять все данные нам средства.

19. Чтобы созерцать это, Бог дал нам *три глаза*: I — *чувства, постигающие все телесное*; II — *разум, исследующий все умственное, и III — веру, постигающую все сокровенное*. Но в качестве *орудия орудий* он дал нам руки, чтобы *искусно делать все* то, что требует выполнения на практике, и язык, чтобы *с удивительной скоростью произносить все*, что нужно привести в связь с знанием другого. *Поэтому нет, по-видимому, ни малейшего недостатка ни в чем на тот случай, если бы кто-нибудь преисполнился серьезным желанием все узнать, все сделать, все высказать, несмотря на разнообразие умов, благодаря которому один скорее и сильнее чувствует, понимает, верит, делает и говорит одно, другой — другое.*

Возражение.

Ответ I.

20. Тут кто-нибудь мог бы — как это и бывает — сделать гиппократово возражение, что жизнь коротка, а искусство требует долгого времени. Я бы ответил на это: но ведь дано достаточно времени, чтобы подготовиться к жизни; человек растет мало-помалу, медленно, до двадцатого года и дальше, а это — столько времени,

сколько не дано никакому другому телесному созданию. В то время как гораздо большие тела быка, верблюда, слона и др. вырастают в продолжение двух или трех лет, рост человеческого тела и развитие его достигают зрелости едва на двадцать пятом году. Для какой же цели, как не для той, чтобы в течение столь большого времени не способный к исполнению житейских обязанностей человек посредством непрерывающейся шлифовки сделался, наконец, ко всему способен?

Ответ II. 21. И само дело говорит за это. Какие были бы у нас силы и способности, если бы мы перестали заниматься мелочами, все равно, человеческими или дьявольскими, — делами, которыми жалким образом заполняют свою жизнь и на которые жалко растрачивают ее жалкие смертные! Несомненно, люди, получившие светское образование, чувствуют себя обладателями высокоодаренного ума, если они проглатывают и разжевывают громадные библиотеки и раздуваются от всеведения. Этого не было бы, если бы они, вместо стольких стоячих трясин, обратили свое прилежание на три единственных источника истинного всеведения, на книги божии¹⁰. В самом деле, в свете божьем увидели бы мы свет (Пс. 36, 10), и на живущих в стране тени смертной воссиял бы свет (Ис. 9, 2).

**Заключение
о возможности,**

лишь бы мы не пренебрегали применять эти средства.

**а также о легкости;
доказательство
того, что она
велика
при сделанных
допущениях.**

22. Таким образом, можно обучать всех всему всеобщим способом. Осведомлять всех всему нужному при помощи всеобщих средств, 23. Но легко ли это? Конечно, не трудно, чтобы вещь двигалась туда, куда она естественно стремится по природе; мало того, она рвется вперед. Что камень катится вниз, вода стекает в долину, птица летает, четвероногое животное бежит — все это необходимо и вовсе не нуждается в принуждении; каждая вещь делает то, к чему чувствует себя от природы способной, если только ей в этом не ставят препятствий. Поэтому и людей не нужно побуждать все познавать, делать хорошее, говорить приятное, так как человеку врождена любовь к изучению, к производству одного из другого, желание говорить о том и о другом. Мало того, дух наш есть некоторый автомат (некоторая божия машина, постоянно работающая посредством собственного движения), так что он нуждается только в направлении, чтобы ничего не происходило без меры, без порядка, без пользы¹¹.

24. Сюда присоединяется и то, что всем врождено стремление к делу скорее как к чему-то связному, нежели как к чему-то отрывочному, что никто не желает быть запертым в тесных пределах, а всякий всегда охотнее стремится к целому, чем к части. Если

кто сомневается в этом, пусть сделает опыт на ребенке, живущем еще природными влечениями. Попробуй начать рассказывать ребенку историйку или басню, соответствующую его пониманию, и прерви свой рассказ на середине: как он, исполненный желанием узнать целое, будет к тебе приставать и упрашивать довести рассказ до конца!.. То же самое будет, если начнешь ему строить домик, клетку или что-либо подобное; он не устанет просить тебя окончить постройку или попытается сам закончить ее. Таким же образом лепечущий ребенок — плохо ли, хорошо ли — подражает всякой речи, какую он слышит. И как не надеяться, что все произойдет вполне подобно этому, если школа будет универсальной? Разве она не будет представлять подобие театра, в котором приятно и привлекательно в общих чертах будет изображаться полный цикл вещей и деятельностей (как преходящих, так и вечных)? Разве каждый из нас в отношении Бога не ребенок, которому было бы приятнее познакомиться с целой поэмой божией, нежели с одним ее отрывком?

Универсальные средства для универсальной мудрости.

25. Мы видели, какой нужно желать школы и на каких основаниях. Мы видели также, что этим желаниям не препятствует их неисполнимость; напротив, если мы сумеем воспользоваться данными средствами, будет устранена даже всякая трудность. Теперь следует выяснить, каковы эти средства и каково их применение.

26. Уже указано, что данные Богом универсальные средства для универсальной мудрости — тройкого рода. Если человеческое трудолюбие прибавит к ним три других средства, то мы получим то, чего ищем.

Богом даны три средства.

27. Богом даны нам:

I. Три божественных зрелища (*theatri*), или три книги, открывающие человеку все, что ему необходимо знать, представляющие образцы всего, что нужно делать, и дающие материал для всего, о чем должно говорить (ср. выше § 18).

II. Далее, человеку даны три глаза, одаренные стремлением подражать всему виденному, а также распространять среди людей практику и знание вещей (§ 19).

III. Мы наделены медленно протекающей юностью (§ 20), чтобы никто не испытывал недостатка во времени для подготовки к жизни.

Вспомогательные средства, предлагаемые способностям со стороны человека.

28. Таким образом, Господь выказал особенную заботу о нас, дав нам для достижения мудрости указанные средства, к которым, как я выше заметил, наша изобретательность должна прибавить три других. Это 1) хорошие книги, представляющие собой извлечения из книг божьих;

2) надежные учителя, способные с помощью этих книг ввести юношество в содержание книг божьих, и 3) хороший метод, облегчающий тяготу учения и обучения.

1. Книжки, вводящие в божественные книги. 29. Как никто не может читать человеческие книги, не будучи обучен искусству чтения посредством азбучных упражнений, так никто не прочтет надлежащим образом божественных книг, если не будет предпослано умелое введение. Поэтому необходимы (приспособленные к человеческим силам) элементарные книги, которые бы открыли наши чувства для более отчетливого схватывания вещей, которые, далее, изощрили бы наш разум, чтобы он проникал в глубину вещей, и которые, наконец, принудили бы нашу веру быстрее и тверже доверять Откровению.

2. Хорошие руководители. 30. Но так как немногие могут учить самих себя (быть автодидактами) или могут заняться этим поздно и с потерей времени, то эти занятия мудростью требуют руководителей, которые сами были бы также универсальны, т. е. людей, обнимающих умом все знание и знающих его применение, готовых служить всем, доказывающих это на деле и ежедневно возжигающих от своего света свет, правильное сказать светильники.

3. Целесообразный метод введения (в знание), 31. Пансофические занятия требуют и пансофического метода, столь же универсального, сколь и везде согласного с самим собой, приятного и легкого, чтобы как учащие, так и учащиеся чувствовали не отвращение от трудов, а их плоды и радость. Таким образом, школа перестанет быть лабиринтом, толчейной мельницей, темницей, пыткой для умов, а станет для них, скорее, развлечением, дворцом, пиршеством, раем.

основанный на законах точного порядка. 32. Приятная сторона школ такого рода всецело коренится в порядке, который обнимает все, что происходит в школе. Ибо только порядок есть душа вещей. Через него возникает, живет и достигает своего совершенства все, что рождается, живет и развивается. Где он устойчив, там все устойчиво; где он колеблется, там все колеблется; где он расшатан, там и все расшатано и приходит в хаос; а когда порядок восстанавливается, тогда восстанавливается и все.

Порядок делает школу подобной часовому автомату 33. Прочное устройство пансофической школы будет состоять в том, что в ней всюду будет царствовать полный порядок в отношении дел и лиц, места и времени, книг и работ, наконец, и в отношении вакаций¹². Этой школе, созданной для человеческих детей божественной мудростью, и следует придать вид аккуратно идущих часов, в которых есть все, что нужно для их самопроизвольного хода, в которых нет ничего (будь это хоть

малейшее колесо, или колопка, или зубчик) бесполезного, но все так расположено, что движется только приложением тяжестей, как если бы все было живым, и притом самым регулярным образом, направляя своим движением мысль на движение неба и на течение мирового времени.

и типографскому искусству, быстро и изящно запечатлевающему образование ума.

34. Порядок делает школу духовной мастерской, похожей на типографию, где книги умножаются с такой скоростью, изяществом и правильностью орфографии, которая граничит с чудесным, чему нельзя было бы поверить, если бы это не было общеизвестным.

С той же, говорю я, легкостью, быстротой, изяществом и верностью в школах должно умножаться знание и запечатлеваться в чувствах и умах мудрость. Это происходит так же, как в типографии, где в один день не печатают целой книги, а ежедневно отпечатывают один лист и откуда через известное время выходят сотни и тысячи объемистых и изящных книг — носительниц скрытой в них мудрости¹³.

Для полной школы необходим порядок в семи отношениях.

35. Чтобы освободить школы мудрости от всякого нестроения, я попытаюсь с божьей помощью привести все [из чего они состоят] в точный порядок таким образом:

1. Вещи, подлежащие преподаванию и изучению.
2. Лица, которые призваны учить и учиться.
3. Орудия (instrumenta) обучения: книги и т. п.
4. Места, которые должны быть предназначены для обучения.
5. Время, которое должно быть установлено для занятий.
6. Сами работы.
7. Перерывы и вакации.

I. Порядок, касающийся того, чему следует учить и учиться

Три главных правила для того, чему следует учить и учиться.

36. Во главе этого отдела следует поставить требование, чтобы учили и учились, предлагали и осуществляли: 1) первичное — раньше остального; 2) более важное — раньше менее важного; 3) имеющее связь — одновременно.

37. Первичным является (1) чувственное по сравнению с интеллектуальным, последнее по сравнению с откровенным; (2) целое по сравнению с частями и (3) простое по сравнению со сложным.

38. Более важное есть Бог перед человеком, человек — перед другими созданиями, душа — перед телом; равным образом духовные вещи — перед телесными, небесные — перед земными, вечные — перед временными и, следовательно, благочестие — перед образованием нравов, нравы — перед наукой и т. п.

39. Параллельна или соотносительна вещь, понятие о вещи и ее словесное выражение; ибо представления суть образы вещей в уме, а слова суть образы представлений. Отсюда следует необходимый вывод, что уму должны быть предлагаемы вещи, рассматривая которые он образует образы вещей и которые он, постигнув, может сейчас же научиться называть. Таким образом, надлежит всегда соединять три следующих элемента: вещи, ум и язык¹⁴, и притом таким образом, чтобы предшествовало чувственное восприятие вещей, затем следовало указание относительно правильного их понимания, наконец, чтобы присоединялось название. Если что-нибудь из этого пропущено, явится прореха; если что-нибудь сделано в обратном порядке, получится неровность.

1. Чувственное прежде умственного, а последнее прежде откровенного.

40. Восприятие вещей внешними чувствами идет прежде представлений; ибо *нет ничего в сознании, чего раньше не было бы в ощущении*¹⁵. Откровение же (так как оно дополняет наше знание о том, до чего мы не доходим ни чувством, ни разумом, но о чем мы охотнее узнаем все через самих себя, если это возможно) находит свое естественное место лишь после представлений. Другая причина того, почему в школе мудрости должно быть преподаваемо прежде всего чувственное, за ним умственное и, наконец, то, что, исходя из божественного откровения, требует веры и послушания (с устранением чувств и разума), такова: вещи лучше всего познаются таким образом, как они возникают и следуют одна за другой. Бог прежде всего сотворил мир, наполненный его творением, которое мы рассматриваем посредством наших чувств; затем — человека, исполненного разума, — человека, который может познать самого себя не прежде, чем увидит себя наполненным образами вещей; ибо только тогда познает он, что он есть мир в малом, подобие всеведущего Бога, только тогда умножит он в себе свет разума и наслаждение, сопоставляя различным образом один с другим отвлеченные образы вещей, разделяя их и снова соединяя. Наконец, созданному и введенному в мир для его созерцания человеку бог дал, обратившись к нему со своим словом, известные наставления, которые должны его поучать относительно правильного употребления вещей и должного послушания Творцу. Этот порядок не может быть перевернут; и нет сомнения, что наша школа, закладывая основы великого света, должна занимать учащихся сначала чувственным, затем умственным, наконец, откровенным.

2. Целое — прежде частей. 41. Целое изучается раньше частей, потому (Роды раньше видов.) что оно больше их (ибо всякое целое больше своей части) и поэтому скорее входит в соприкосновение с чувствами и сильнее на них отпечатлевается. Большой предмет виден даже издали, а малые — только тогда, когда к ним подойдешь ближе

и когда их рассматриваешь один за другим. Далее: целое есть одна вещь, частей — много: а одну вещь можно постигнуть легче и скорее, нежели многие. То же правило имеет место и по отношению к роду и виду; ребенок легче выучивается узнавать дерево, нежели определять виды деревьев. Следовательно, «целые» вещи, т. е. роды, должны быть самым первым предметом учения и обучения, и только за ними должны следовать части и виды так, чтобы знание отдельных и специальных вещей (индивидуумов) составляло высшую ступень человеческой мудрости. Это доказывает и пример Соломона, который умел говорить обо всех вещах — как величайших, так и малейших — и был мудрее всех (1 Цар. 4, 33).

3. Простое —
прежде сложного.

42. Простое также должно предшествовать сложному: оно изучается легче. Мальчик, например, скорее выучивается писать и произносить десять цифр, нежели различные соединения чисел до бесконечности. Также и двадцать пять букв¹⁶ изучаются легче, нежели составляемые из них многие тысячи слов. Так как при общем изучении языков, наук, искусств, знаний, мудрости, наконец, даже самого благочестия выступают известные простые вещи, из соединения и различного распределения которых происходит все разнообразие материала (почему они и называются началами или элементами тех знаний), то эти начала, если только они везде надлежащим образом предпосылаются, дают удивительно ясный, легкий и приятный метод обучения и изучения.

Святое правило
метода — изучать
более важное
прежде менее важного.

43. Но этому методу придает мудрость и освещает его то золотое правило, чтобы преимущественным, более важным и занимались преимущественно. Так как Бог, в котором и через которого все существует, к которому все стремится и в котором все имеет свой конец, занимает важнейшее место в пансофических занятиях, то все мы должны учить и учиться, всюду иметь его перед глазами, думать о нем, любить его, бояться, славить его внутренним почитанием и стремиться к нему, как к высочайшему нашему благу. Тогда с радостью мы будем искать пути к нему и к вечному блаженству и, найдя его, будем ему верными, будем остерегаться уклониться от него. Наконец, мы привыкнем разумно заниматься тем, что нужно для этой преходящей жизни, как чем-то, требующим ограничения и оставления позади нас. Счастлива та школа, которая учит ревностно изучать и делать хорошее, еще ревностнее — лучшее и всего ревностнее — наилучшее.

Имеющее между собой связь изучается параллельно.

наименование, если, следовательно, будут совмещаться понимание, деятельность и правильное употребление речи. Таким образом, обучение надобно всегда вести по всем этим пунктам к следующей ближайшей ступени¹⁷.

II. Порядок, касающийся лиц

Порядок классов.

44. Порядок, касающийся лиц, водворится в школе от распределения учащихся в зависимости от возраста и успехов по отделениям, или куриям, которые мы, согласно принятому в школах обозначению, называем классами. Класс, следовательно (в этом случае), есть не что иное, как соединение в одно целое одинаково успевающих учеников, для того чтобы легче можно было вести вместе к одной и той же цели всех, кто занят одним и тем же и относится к обучению с одинаковым прилежанием.

Семь классов пансофической школы.

46. Чтобы исчерпать всю область познаваемого¹⁸ во всем его объеме, мы организуем семь таких классов (предпослав им школу родного языка, где обучают начальному чтению). Три первых, низших, класса должны служить возбуждению внешних чувств; столько же классов должны служить усовершенствованию понимания вещей и, наконец, последний класс — посредством света Откровения — возвышению умов к Богу. И так как точнейшее деление познаваемого обнаруживает в нем реальное, умственное и словесное бытие, раннее детство в первых трех классах мы занимаем преимущественно словесным бытием, т. е. чувственным анализом языка, привлекая к этому поверхностное знание вещей. Четвертый класс мы назначаем для изучения реального бытия, объясняемого философией путем тщательного сопоставления и открытия законов всех вещей. Пятый класс исследует умственное бытие, проникая в тайны человеческого ума. Шестой класс извлекает из всех этих вещей пользу для разумного устройства им настоящей жизни. Наконец, седьмой класс полнее покажет путь к будущей жизни, а также путь для домогающихся блаженства¹⁹.

Какими именами различать эти классы.

47. Для отличия друг от друга эти семь классов мы будем называть следующими именами:

I — вестибулярный²⁰,

II — януальный²¹,

III — атриальный²²,

IV — философский,

- V — логический,
 VI — политический и
 VII — богословский, или теософический.

И почему так.

48. Отсюда ясно, что я следую совету Альштеда²³, который рекомендовал установить три грамматических класса и столько же гуманитарных. Здесь впервые появляется тройного рода грамматика для объяснения: 1) оснований, 2) состава и 3) украшений языка. Затем следует: 1) прямо на все вещи направленная познавательная способность человеческого ума; 2) способность направленного на себя самого духа — властвовать над собой в данных ему пределах — и 3) стремление улучшать человеческое общество. Мы прибавляем еще седьмой класс — класс богословских занятий, чтобы мы образовывали не только сыновей мира сего, но и наследников неба.

III. Порядок, касающийся учебных пособий, книг

1. Семиклассная школа должна иметь семь классных книг.

49. Он будет состоять в следующем: 1. Эта семиклассная школа должна иметь семь книг, между которыми вся сумма того, что должно составить предмет мудрого изучения и обучения (см. выше § 4, 6, 7, 8, 9), изложена так, что ничего не придется искать в другом месте, но все необходимое можно будет найти в них. И это сделано для той цели, чтобы каждый прошедший все классы этой школы и исчерпавший назначенные для всех этих классов книги мог выйти универсально ученым и не находиться во вредном неведении относительно всего, что необходимо.

2. Каждая из этих книг должна содержать в себе весь курс класса.

2. Каждая из упомянутых книг должна содержать в себе курс соответствующего класса — так, чтобы каждый ученик был уверен, что он все свое носит с собой²⁴ и что никто не лишит его этого достоинства, и тем усерднее старался плавать по своему малому океану.

3. Все книги должны быть записаны по плавню текущему (liquido) методу.

3. Все эти книги должны быть так составлены, чтобы учителям и ученикам не приходилось блуждать в них, как в лабиринте, но чтобы они находили в них такое удовольствие, какое находят в привлекательном саду.

IV. Порядок, касающийся места

1. Сколько классов, столько комнат.

столько учебных комнат; иначе учащие и учащиеся не будут в состоянии беспрепятственно делать свое дело; им будут постоянно мешать вид и голоса тех, кто занимается чем-либо другим²⁵. Чтобы, следовательно, все, занимаясь одним и тем же делом, исполняли его с полным вниманием²⁶, они должны быть ограждены от постороннего шума: классы должны быть отделены один от другого.

2. Сколько десятков учеников, столько скамеек.

50. Относительно помещений обязателен такой порядок: во-первых, сколько классов, необходимо еще дальнейшее разделение, особенно если число учеников велико. Их следует поделить на десятки и каждому такому отделению указать особое помещение, равно как во главе его поставить декуриона (десятского), дав ему титул «инспектора», «руководителя» или «педагога» и выбрав его из учеников, выдающихся своим возрастом, способностями или прилежанием, или же из числа тех, кто уже прошел этот класс и уже сведущ в том, чем тут занимаются, чтобы он тем легче мог помогать классному учителю²⁷.

Обязанности декуриона.

51. Во-вторых, в каждой учебной комнате необходимо еще дальнейшее разделение, особенно если число учеников велико. Их следует поделить на десятки и каждому такому отделению указать особое помещение, равно как во главе его поставить декуриона (десятского), дав ему титул «инспектора», «руководителя» или «педагога» и выбрав его из учеников, выдающихся своим возрастом, способностями или прилежанием, или же из числа тех, кто уже прошел этот класс и уже сведущ в том, чем тут занимаются, чтобы он тем легче мог помогать классному учителю²⁷.

52. Его обязанностью будет: 1) замечать, все ли своевременно приходят в класс и на своих ли местах сидят; 2) наблюдать, чтобы каждый занимался тем, чем ему следует заниматься, и 3) в случае, если он заметит, что кто-нибудь более слаб или медлителен и потому не в состоянии поспевать за другими, помочь такому или указать на него учителю. Словом, он должен оберегать свой десяток как вверенное ему стадо, идти во главе его, подавая хороший пример в прилежании и добродетелях, и во всем остальном держать себя как добросовестный заместитель учителя и ревностный соперник других десятских (декурионов). Если он не исполняет тщательно своих обязанностей, то его следует устранить от декурионата и притом публично, чтобы это послужило предостережением для других.

Ученики должны постоянно видеть учителя.

53. Наконец, следует еще отметить то, что учитель должен занимать надлежащее место, откуда бы он мог всех видеть и где сам был бы у всех на виду. Я не могу допустить, чтобы учитель стоял где-нибудь в углу или в стороне, в толпе, или чтобы он, прохаживаясь, подходил то к одному, то к другому ученику, диктовал или объяснял что-нибудь отдельно кому-либо из учеников (или нескольким, но не всем)... Учитель должен, как солнце всего мира, стоять на высоте, откуда бы он мог одновременно на всех распространять лучи учения, притом сразу одни и те же, равномерно освещать всех. Кафедра поэтому должна стоять выше, нежели

скамьи, — на стороне, противоположной окнам, и так, чтобы, если учитель (для автопсии)²⁸ что-нибудь рисует на доске, все это видели ясно и отчетливо.

V. Порядок, касающийся времени

В чем состоит мудрое распределение времени.

54. Если где-либо нужно мудрое распределение времени, то больше всего оно нужно, несомненно, там, где прилагают старание к приобретению мудрости: чтобы и частичка ее не пропадала без пользы и не оставляла умы неоплодотворенными, а также, с другой стороны, чтобы время, отмеренное нам Богом, правда, в достаточном количестве, но слишком суживаемое нашей скупостью, не вызывало бы насилия над умами²⁹. В пансофической школе время должно быть так распределено, чтобы отдельные годы, месяцы, дни и часы имели свои определенные задания, которые должны быть разрешены в свое время. Но как это сделать?

В приспособлении заданий к средним способностям.

55. Для каждого класса должен быть назначен такой приспособленный к средним способностям годовой курс, чтобы его можно было легко усвоить в продолжение одного года, но так, чтобы и с быстро и медленно работающим умом было возможно пройти его в одинаковый промежуток времени. Это принесет существенную пользу: на слишком быстрые способности следует наложить путы, для того чтобы они не были обесилены раньше времени; слишком же слабые головы следует возбуждать примером и участием, приводить в движение и поддерживать, чтобы они, по крайней мере, не отставали.

В одновременном начале и окончании занятий в классах.

56. Отсюда следует, что будет согласно с требованиями хорошего порядка, если все классы будут начинать и заканчивать свои годовые занятия в одно время: весной или, что, по-видимому, удобнее, осенью. Поэтому вне этого времени никого не следует (как общее правило) принимать в школу, чтобы обучение всех подвигалось равномерно и курс одинаковых занятий заканчивался всеми учениками каждого класса в конце года. Это должно происходить так же, как в типографии, где с самого начала печатания отпечатывают столько экземпляров [каждого листа], сколько надо отпечатать экземпляров всей книги, так что потом нельзя ничего ни добавить, ни выкинуть без ущерба. Если все это исполнять надлежащим образом, то каждый класс по истечении года может целиком перейти в высший класс, показывая тем, как умножается образование.

57. Что касается до месячных, четвертных, полугодовых и других заданий, то дальше будет говорить о них пространные. Замечу вообще только следующее: ни в один день юношество не

должно заниматься более шести часов, и притом только в классе; на дом ничего не следует задавать (особенно в младших классах), кроме того, что имеет отношение к развлечениям и домашним услугам. Если кто-либо скажет, что не давать ученикам никаких занятий вне школы значит давать слишком много свободы, то я на это отвечу: 1) Школа называется учебной мастерской; следовательно, именно в ней, а не вне ее, надо делать то, чем обуславливается научный успех. 2) Сколько ни приказывай, чтобы ученики делали вне школы то или другое, они все-таки — таково уж свойство юности — будут исполнять это лишь поверхностно, небрежно и с ошибками; а уж лучше ничего не делать, чем делать с ошибками. 3) Я так распределил время занятий, чтобы на работу приходилось восемь часов, столько же на ночной отдых и еще восемь часов на выполнение житейских обязанностей и на развлечения³⁰. Я прошу быть терпимым и к тому, чтобы ученики не испытывали недостатка времени для выполнения кое-чего по собственному усмотрению (что отвечает их природе) и чтобы, выполняя свои работы, они снова становились склонными к тому, что они должны делать по нашему мнению.

58. Но эти ежедневные занятия, в течение шести часов, ни в коем случае не должны продолжаться непрерывно, — между ними должны быть промежутки для отдыха. В предобеденные часы должны упражняться преимущественно ум, суждение, память, а в послеобеденные — руки, голос, стиль и жесты.

VI. Порядок, касающийся занятий

Занятия
разделяются на:

1. Главные

те, которые заключают в себе сущность, ядро и содержание мудрости, красноречия, честного поведения, равно как и благочестия; таковы занятия языками, философией и богословием.

2. Второстепенные.

Занятия второстепенные суть те, которые служат для главных вспомогательными и нужны для лучшего усвоения первых; таковы занятия историей, при которых дело не в изучении общих, определенно установленных мировых событий, а в собирании исключительных случаев, и мн. др. (см. § 70).

3. Третьестепенные.

Под занятиями третьей степени я разумею заботу о вещах, не дающих ничего для мудрости, красноречия, добрых нравов и благочестия, но весьма способствующих свежести здоровья и бодрости духа; таковы, например, различные развлечения, игры и т. п. Но так как ничто из этого не должно быть устранено из папсифической школы, то все следует

вставить в общий порядок таким образом, чтобы ничто не встречало в другом помеху, но одно помогало другому.

Главные занятия

в области: —

1. Чувства.

2. Ума.

3. Памяти.

4. Языка.

5. Рук.

6. Духа.

7. Сердца.

Во всем должно упражняться везде, но постепенно.

постоянный рост, точно таким же образом, как ежегодно все более разрастается удачно посаженное деревцо, причем оно постоянно сохраняет свои первоначальные ветви, только доводя их до все большего развития.

Так как строго определенных ступеней в каждом занятии есть три: начало, продолжение и завершение, то при надлежащем их прохождении мы будем идти от одних достижений к другим. Вот эти ступени в семи предметах первостепенного значения.

1. Ступени чувственных восприятий.

62. Первая ступень чувств, или чувственных восприятий, наблюдается у всех малых детей в том, что они начинают поворачивать глаза к свету, уши к звукам, зубы к вкусным вещам и т. п. Вторая ступень у взрослых, но еще не обученных искусству, состоит в том, что они при помощи многочисленных упражнений много и ясно видят, слышат и т. п. На третьей ступени люди уже знают способ действия, причины и различия в свете и красках, в лученспускании, в видении, в зрительных приборах и т. п., равно как и то, что входит в область других чувств, и научаются пользоваться остротой своих чувств для понимания тонокостей.

60. Главные занятия должны вестись в первую очередь: 1) во всех классах, 2) постепенно и 3) по одному и тому же методу.

Если я говорю: во всех классах, то я требую, чтобы у учеников всегда и везде совершенствовались:

1. Чувства — для все более и более отчетливого наблюдения вещей.

2. Ум — для все более и более глубокого проникновения в вещи.

3. Память — для все лучшего и лучшего усвоения.

4. Язык — для того, чтобы понятое уметь высказывать все лучше и лучше.

5. Руки — чтобы со дня на день искуснее выделывать то, что нужно.

6. Дух — чтобы лучше и лучше предпринимать и производить все, что достойно уважения.

7. Сердце — чтобы пламеннее любить и призывать все святое.

61. Я говорю: постепенно, т. е. я хочу, чтобы то, чему положено было основание в первом классе, в следующих классах получало по-

2. *Ступени ума.* 63. Понимание вещей также имеет три ступени. На первой ступени мы воспринимаем исторически, что что-нибудь есть³¹, на второй — научно, что и почему есть, и на третьей ступени — при помощи умозаключения, т. е. разумно, рассматриваем основания какой-нибудь вещи³², так что можем выдумать даже новую вещь того же рода. Например, если кто-нибудь знает употребление компаса и, наученный лишь опытом, умеет им пользоваться, то он стоит на первой ступени знания. Но если он понимает и основания таким образом устроенного компаса, то он находится на второй ступени. Если же, наконец, он дошел до того, что в состоянии выдумать компас нового вида, то он стоит на третьей ступени.
3. *Ступени памяти.* 64. Ступени памяти следующие: первая — вообще удерживать в голове вещь, вторая — уметь перечислить большее и более важное и третья — передать все до мельчайших подробностей.
4. *Ступени языка.* 65. Для рационального занятия языками существуют те же ступени: лепет (отдельные слова), связанная речь (*loquela*) и красноречие. На первой ступени изучаются основания языка, слова, которые надо в отдельности понимать, произносить и изменять, особенно краткие, первоначальные и простые; на второй учат, как связывать из слов фразы и строить из них предложения и периоды, на третьей ступени — как из всех этих словесных элементов вытекает поток речи, приятный и действующий на других.
5. *Ступени упражнения.* 66. Рука также приучается к движениям и к известной деятельности: прежде всего мы начинаем владеть ею и двигать по желанию своего разума, затем делаем свою работу без очевидных ошибок и, наконец, работаем красиво и быстро.
6. *Ступени для изучения поведения.* 67. То же самое можно наблюдать и в поведении: мы прежде всего остерегаемся грубых промахов, затем более тонких и, наконец, доходим до того, что в наших действиях, жестах и словах все становится благоприличным и приятным.
7. *Ступени благочестия.* 68. По таким же ступеням идет и образование сердца или души для внутреннего благочестия. Первая ступень — теоретическая, т. е. истинное и полное знание того, что Бог открыл, повелел, обещал (ибо знать только это, даже в тонкостях, доступных ангелам, есть не более как порог благочестия). Вторая ступень — практическая, т. е. постоянное упражнение в вере, любви, надежде посредством живой деятельности. Об этом Писание говорит таким образом: разум верный у всех, исполняющих [заповеди его], или, как звучит еврейский текст: хороший успех всем, исполняющим заповеди его (Пс. 11, 10).

Последняя ступень есть совершенство веры, любви, надежды, вплоть до уверенности — то, что апостолы называют совершенной уверенностью и совершенным разумением (Кол. 2, 2; Евр. 6, 11 и др.), все побеждающей верой (1 Иоан. 5, 4), любовью божьей, излитой в сердца наши духом святым (Рим. 5, 5), изгоняющей страх (1 Иоан. 4, 18), надеждой, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее, за завесу (т. е. на небо. — Евр. 6, 19, 20), где она является нашим предтечею, миром божьим, который выше всякого чувства (Филип. 4, 7), и т. д. Ибо подобное твердое убеждение делает то, что мы (как это Бог открывает для неколеблущейся веры, чему он строго заповедует следовать, что он обетовал нам в надежде за надежду) чувствуем, что Бог обитает в нас и мы обитаем в Боге, и поэтому уже под небом начинаем вести небесную жизнь (т. е. среди скорбей преисполняться чувством вечного блаженства).

69. Я сказал (§ 60), что эти главные занятия должны все вестись по одному и тому же методу. Это достигается: 1) посредством постоянного параллелизма предметов, понятий и слов; 2) посредством знания, понимания, применения; 3) посредством примеров, правил, упражнений. Упражнения, или практика, происходят посредством самостоятельного наблюдения, самостоятельной речи, самостоятельных действий. Предмет, подлежащий изучению, или то, что должно быть сделано или сказано, сначала надлежит хорошо показать, или проделать, или выразить словами; затем, в случае необходимости, пояснить так, чтобы никто не мог не понять его, затем посредством подражания (все равно — будет ли это сделано посредством повторения объяснения вещей, или запечатления в памяти, или выполнения рукой) делаются опыты воспроизведения, и притом так долго и тщательно, что образец передается самым точным образом. Таким только путем возможно достигнуть того, чтобы «день ни один не прошел, не оставив следа за собою»³³, мало того, не пройдет ни одного часа, в который бы не было сделано нового и очевидного приращения к знанию.

Второстепенные занятия двойного рода:

70. Занятиями второстепенными я назвал те, которые для первостепенных служат поддержкой, а именно: 1) занятия историей³⁴, 2) умственные занятия, организованные в силу непосредственного интереса, и 3) некоторые экстраординарные занятия, предоставляемые некоторым учащимся вне обычного порядка (о них см. § 83).

1. Занятия историей.

71. Так как изучение истории чрезвычайно радует чувства, возбуждает фантазию, украшает ученость, обогащает язык, изощряет суждение о вещах и молчаливо развивает благоразумие и т. п., я требую, чтобы оно постоянно сопровождало главные занятия во всех классах. Но и эти

занятия следует расположить по ступеням так, чтобы они находились в согласии с целями отдельных классов в главных занятиях. Так, например, третьему классу (рапше нельзя, да и не нужно, пачинать этих зайчат, потому что для пачинающих вместо истории служит сама номенклатура вещей) можно предложить сборник историй, имеющих отношение к ежедневной жизни, а именно моральные рассказы, способные вызвать любовь к добру и отвращение ко злу. Для четвертого, философского, класса можно рекомендовать историю естественных вещей, представляющую редкие и удивительные явления в творениях божьих. Для пятого, или логического, класса годится история механических проблем, дающая наслаждение уму человеческому, излагающая то, чего искали и что изобрели, то, что еще надо искать и изобретать. Политическому классу хорошую услугу окажет история обычаев, которая должна повествовать о различных обычаях народов. Для последнего класса приятной спутницей будет всеобщая история, которая должна иметь своим предметом течение веков и разнообразные столкновения человеческого ума и глупости (как между собой, так и с промыслом божьим), удивительные случаи и т. д.

2. Различные упражнения.

72. Так как только упражнение делает людей искусными, а мы исполнены стремлением сделать людей сведущими во всех вещах, искусившимися во всем и поэтому годными ко всему, мы требуем, чтобы во всех классах учащиеся упражнялись на практике: в чтении и письме, в повторении и спорах, в переводах прямых и обратных, в диспутах и декламации и т. д. Упражнения такого рода мы разделяем на упражнения: а) чувств, б) ума, с) памяти, d) упражнения в истории, е) в стиле, f) в языке, g) в голосе, h) в нравах и i) в благочестии.

1. Упражнения чувств. 73. Упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке. Поэтому мы должны стараться, чтобы все то, знание чего мы желаем сообщить ученикам, было представляемо их чувствам, чтобы сами предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили в движение, привлекали чувства, а последние — в свою очередь — ум, и таким образом, чтобы не мы говорили ученикам, а сами вещи. Как Бог поступает с нами в этой школе мира, где он все зрелище природы наполнил картинами, статуями и образами, и притом такими, которые можно видеть, осознать, вкушать, слышать, обонять и т. д., посредством которых он молча, но внушительно поучает нас, присовокупляя в слове своем лишь весьма немного правил, так должно поступать и в нашей школе, чтобы то, что нужно знать о вещах, было преподаваемо посредством самих вещей; т. е. должно, насколько возможно, выставлять для созерцания, осознания, слушания, обоняния и т. п. сами вещи либо заменяющие их изображения.

Пусть вся школа будет
полна изображений,

Частью таких упражнений чувств будет, если мы наполним все стены учебной комнаты, извне и внутри, картинами, письменами, изречениями, эмблемами и т. п., но об этом подробней ниже.

а также все
школьные книги.

74. Также и книги могут быть наполнены изображениями такого рода; расход, однажды сделанный для подобной цели, сослужит службу всем школам, а не только той, для которой эти изображения будут сделаны. Это будет и прочнее, и тогда учеников можно будет обучать не только в общей учебной комнате, но и в любом месте. И если это достижимо, то следует сделать и то и другое, чтобы как стены, так и книги содержали изображения всевозможных вещей, которые мы хотим глубоко запечатлеть в уме юношей, так, чтобы куда ни обратят они глаза, всюду им попадались эти предметы. Здесь применимо положение: лучше изобилие, чем недостаток.

2. Упражнения ума.

75. Упражнения ума обыкновенно будут происходить непрерывно на отдельных, проводимых по нашему методу, уроках. Каждая задача прежде иллюстрируется и объясняется, причем от учеников требуется показать, поняли ли они ее и как поняли. Так как мы воспитываем людей, а не попугаев, то они должны быть постоянно руководимы ясным светом ума. Хорошо также в конце каждой недели или перед каникулами, по усмотрению учителя, устраивать повторения. Репетиции эти учитель должен распространять на все, чем занимались на данной неделе, в данном месяце, в данном триместре; при этом прилежные, твердые в знаниях и послушные ученики должны получать похвалу, а остальные — порицание.

3. Упражнения памяти.

76. Упражнения памяти должны практиковаться непрерывно, ибо вполне справедливо говорит Квинтилиан: «Мы знаем столько, сколько удерживаем памятью»³⁵. Но мы никоим образом не должны обременять учеников и заставлять их мучиться дома заучиванием наизусть; мы должны только посредством достаточного и приятного повторения ясно понятого достигнуть того, чтобы все само собой закрепилось в памяти. Чтобы убедиться, засело ли в памяти изученное таким образом, можно устроить такого рода упражнения, чтобы ученикам предоставить случай вызывать друг друга на соревнование, кто из них в состоянии точнее передать прежние уроки. Можно, например, во время недельных испытаний дозволить низшему вызвать высшего³⁶ перед лицом всех товарищей на состязание памяти; награда победителю — высшее место. Таким образом, посредством обоюдного соревнования (сидящие ниже будут желать подняться выше, а сидящие выше будут опасаться понижения) можно возбуждать прилежание всех³⁷ и в высшей степени обогащать память, сокровищницу мудрости.

4. В истории.

77. Упражнения в истории можно отнести к упражнениям памяти, так как и здесь ученики могли бы вызывать друг друга [на составление]; но здесь следует применить другой порядок. Можно, например, назначить один час (хотя бы в среду, в послеобеденный час, вскоре после еды), когда всем ученикам школы читают обычные «Гражданские ведомости», если где таковые имеют. Если же их нет, то следует читать из французско-бельгийского «Меркурия»³⁸ и пояснять, что где-либо на земле случилось замечательного за последнее полугодие. От этого будет двоякая польза: 1. Это укрепит учеников в употреблении языка. 2. Будет способствовать до известной степени изучению современной истории (например, знания того, какие цари теперь живут, с кем они в мире, с кем ведут войну те или иные народы, какие состоялись сражения и с каким исходом, какие города осаждены и взяты и т. п.). 3. Наконец, ученики мимоходом ознакомятся с географией и с положением стран, причем учитель для незнакомых с подобными вещами расскажет все это подробнее, нежели автор статьи, излагавший события вкратце для читателей, знакомых с личностями и местностями.

5. В стиле.

78. Обычные упражнения в стиле должны также происходить ежедневно, и притом в последний послеобеденный час: цель их — приучить руку быть ловким истолкователем ума. При этом ничто не мешает устроить еще необычные упражнения; например, начиная с третьего класса давать ученикам совет почаще писать письма, все равно, к отсутствующим ли родственникам, или друзьям, или двоим назначенным для этого ученикам — друг другу, и притом об одном предмете. Десятские должны при этом следить, чтобы никто из их десятка не уклонялся от подобного рода необычных упражнений. Учитель же от времени до времени (хотя бы ежемесячно, около календ³⁹) должен спрашивать, сколько писем, кому и насколько прилежно каждый написал в прошедший месяц. Затем пусть он заставит того или другого ученика, которого он сам назовет, прочесть вслух какое-либо письмо. Наконец, пусть он даст возможность встать и прочитать свою работу тому, кто думает, что он был прилежнее или счастливее обычного и что он произвел что-нибудь лучшее в сравнении с тем, что сейчас слышал. Трудно поверить, насколько подобного рода упражнения способствуют изощрению ума и стиля.

6. В языке.

79. Ученики будут иметь хорошие упражнения в языке, если в Латинской школе будут говорить только по-латыни. Для развития чистоты языка полезно устраивать разговоры вне обычного времени, и притом таким образом: стражем прилежания, называемым «Знаменем исправления» (Signum emendationis), мы делаем книжку из белой бумаги под названием Priscianomastix, или «Бич Присциана»⁴⁰; она дается

в виде наказания в руки тому, кто погрешит против Присциана; туда он должен занести свою ошибку против латинского стиля. Таким образом, возникает каталог ошибок, и ученики, часто заглядывая в него и узнавая, в чем они больше всего делают промахов, научаются избегать ошибок. Особенно если будут установлены степени наказания, а именно: погрешающему впервые наказание назначается довольно мягкое; допустившему ту же ошибку вторично — самое строгое. Ибо тот, кто, будучи неоднократно наказан, не образумливается, обнаруживает крайнее упорство. Такой «Бич Присциана» принесет ту пользу, что ученики будут стараться не повторять одних и тех же ошибок; в особенности же он поможет удалять идиотизмы⁴¹: унгаризмы, славянизмы и германизмы⁴², которыми обыкновенно портят латынь. «Бич Присциана» должен быть не столько наказанием за допущенную ошибку, сколько средством предохранения от ошибок; он должен дать ученику возможность видеть свои и чужие ошибки и отвыкать от них.

7. В голосе.

80. Упражнения голоса представляет музыка, ежедневное пение — в школе и вне школы — духовных песен. От этой обязанности не следует освобождать никого: ни благородных, ни простых; все должны, по примеру Давида, приучаться воспевать господу и петь псалмы — как на собраниях набожных людей в церкви и в школе, так и дома частным образом. На нотное пение также следует назначить определенные часы. Не мешает ввести и музыкальные инструменты; это особенно приличествует благородным.

8. В нравах.

81. Так как наше обучение имеет более высокую цель, нежели образование одних литераторов, то следует обратить внимание на развитие благородных нравов. Это должно послужить всем к украшению и к воспитанию привлекательного обхождения; а благородным, кроме того, к особенной ловкости в ведении дел и к благородному достоинству в словах, жестах и действиях. Таким образом, надлежит устраивать упражнения, посредством которых юноши усваивали бы привычку делать все, достойное уважения, благоразумно и с энергией. Эти упражнения будут такого рода:

1. Учитель будет заботиться о том, чтобы юноши делали все, что делают, с полной энергией, с вниманием, без малодушия и не отворачивая глаз и лица.

2. Он будет им часто поручать заботиться о том или ином деле, исполнить то или другое поручение, устроить то или другое и дать в надлежащем порядке дельный отчет в том, что и как сделано. Хотя это иногда и не бывает необходимо, так как некоторые поручения учитель может исполнить лучше или сам, или через кого-либо другого, тем не менее, чтобы упражнять прилежание учеников и приучать их умело исполнять дела, пренебрегать такими

упражнениями никак не следует, особенно с теми учениками, которых хотят сделать особенно деятельными людьми. Как мы учимся письму писанием, рисованию — рисованием, пению — пением, так и деятельности мы учимся путем деятельности и исполнением различных действий именно в то время, когда мы их исполняем. Отсюда положение, которое мы приведем здесь наподобие изречения оракула: работая, мы сами развиваемся (*fabricando fabricamur*)⁴³.

3. Затем вся школа и каждый класс ее пусть представляет из себя государство, со своим сенатом и председателем сената, со своим консулом, или судьей, или претором⁴⁴. Пусть они в известные дни на общих собраниях разбирают дела, как это происходит в благоустроенном государстве. Это будет действительно готовить юношей к жизни путем навыка к такого рода деятельности.

82. Упражнения в благочестии будут состоять в том, что не будет дозволено ложиться в постель и вставать, садиться за стол и уходить из-за стола, начинать занятия и кончать их без воссылания к господу вздохов, без произнесения молитв и пения песнопений, без благочестивого чтения и обдумывания божественного слова, дабы ученики привыкали видеть, что все начинается и заканчивается во имя божие, и обращали внимание на то, что главный учитель, образующий и просвещающий нас, великий податель всяких благ, есть не тот или другой человек, но Бог, к которому одному мы должны обращать нашу душу, и что чем чище душа, обращающаяся к нему, тем яснее она просвещается, и чем смиреннее она перед ним преклоняется, тем обильнее приток к ней его милости.

**Что такое
экстраординарные
задачи.**

83. Из второстепенных занятий остается указать еще на внеочередные задачи, которые должны быть предлагаемы известным лицам. Чтение некоторых сочинений, достойных ознакомления с ними, не требует ни томительных объяснений, ни участия и руководства учителя. Сюда относятся диалоги Себастьяна Кастеллио⁴⁵, разговоры Эразма и его трактат о нравах⁴⁶, разговоры Вивеса и его «Введение в мудрость»⁴⁷, «Письма» Текстора⁴⁸, Мануция⁴⁹, Сенеки и др., исторические сочинения Непота⁵⁰, Юстина, Курция⁵¹ и др., а также поэты и подобные сочинения разного содержания.

Основания этого. 84. Подобные внеочередные чтения должны быть допускаемы по трем причинам, а именно:

1. Потому что уроки при классных чтениях соразмеряются со средними способностями; поэтому, чтобы более способные головы не оставались незанятыми, будучи задерживаемы на одном и том же предмете больше, чем этого требует их понятливость, им должно быть дозволено проходить лишнее и прочитывать писателей, не

уклоняющихся от курса класса. Такое чтение не нарушает проходимо-го в данное время учебного курса, а, скорее, способствует его усвоению⁵².

2. Потому, что таким образом, а именно благодаря соревнованию, еще больше возбуждается прилежание прочих учеников и любовь к занятиям, так как никто (за исключением вполне равнодушных к учению) не желает быть в числе последних.

3. Потому, что они при этом учатся (и под руководством учителя привыкают) рационально читать писателя.

Способ выполнения. 85. Но тут следует соблюдать известное благо-разумие. Во-первых, в самом начале курса известного класса, прежде чем ученики привыкнут к обязатель-ным авторам и урокам, не следует позволять им заниматься чем-нибудь вне обычного порядка, набивая этим свои головы; это можно позволить лишь по истечении первого, второго или третьего меся-ца. Во-вторых, не должно позволять одному ученику читать раз-личных авторов; пусть один все время читает одного автора, дру-гой — другого, чтобы не произошло путаницы. Пусть учитель рас-пределит их по своему усмотрению между учениками; пусть он сообщит им об особенностях и стиле писателя и научит, как с поль-зой читать его, как выбирать в нем все, заслуживающее внимания, и заносить это в свою записную книжку. Наконец, пусть учитель раз в неделю во внеочередной час соберет этих учеников вместе, узнает, сколько каждый прочитал из своего автора, и заставит их прочитать или сказать наизусть сделанные извлечения. Это дол-жно происходить в присутствии прочих учеников, чтобы другие, если заметят что-нибудь красивое или достопримечательное, также могли занести это в свои записные книжки. Таким образом, то полезное, что отдельный ученик вычитает, принесет пользу всем, даже менее способным, которые, не утомляясь этим внеочередным чтением, смогут усвоить себе его суть.

Третьестепенные занятия.

86. Третьестепенные занятия содействуют не столько внутренней культуре ума, сколько внешней подвижности тела и через это — развитию свежести ума. Сюда принадлежат в особенности игры и драматические представления.

1. Игры.

87. Под играми мы понимаем движения духа и тела, которые в годы юности ни в коем слу-чае не следует задерживать, а, скорее, вызывать и развивать; но их необходимо проводить благоразумно, чтобы от них не произошло вреда, а была польза. Таковы телесные, гигиенические упражнения, сопровождаемые движением, например бегание, прыгание до изве-стного пункта, умеренная борьба, игра в мяч, в шары, кегли, жмурки и другие подобные, которые можно проводить без нарушения благопристойности. Полезно также выйти из дому и гулять на дворе

или в саду, но всегда лучше вместе, чем в одиночку, чтобы и упражняться в разговоре и отдохнуть, освежиться. Можно разрешать также сидячие игры, но только такие, в которых есть повод изощряться остроумие: как, например, шахматы и т. п. Игры в карты и кости следует совершенно запретить прежде всего потому, что это игры азартные, затем потому, что, благодаря неизвестности исхода, они скорее возбуждают дух, чем успокаивают, и, наконец, потому, что вследствие частого злоупотребления ими они пользуются дурной славой.

2. Желательны драматические представления.

88. Мне небезызвестно, что из некоторых школ изгнаны театральные представления, в особенности комедии; но в пользу того, чтобы их удерживать и ввести там, где их нет, говорят разумные основания. Прежде всего: этими публичными представлениями на сцене перед зрителями можно развивать остроумию человеческого ума более мощно, нежели какими бы то ни было наставлениями или всей силой дисциплины. От этого и происходит то, что вещи, назначенные для усвоения памятью, легче запечатлеваются в ней, если они, таким образом, представляются в живой форме, нежели если их только слышат или читают; таким способом легче заучиваются многочисленные стихи, изречения, даже целые книги, нежели гораздо меньшие вещи посредством одного затверживания. Далее и ввиду последующего — одно ведь следует из другого — они служат прекрасным поощрением для учеников, когда те знают, что перед многими должна быть произнесена или похвала прилежанию, или порицание лени. Затем (в-третьих) и для учителей подобная личная проба прилежания вверенных им питомцев служит поощрением, внушая им уверенность, что от их похвалы зависит выступление на сцене порученных им учеников, и представляет случай обнаружить служебную ревность. Эти же представления, в-четвертых, радуют и родителей, и они не жалеют издержек, видя, как их дети хорошо идут вперед и имеют успех перед публикой. Таким путем, в-пятых, лучше обнаруживаются выдающиеся таланты и легче заметить, кто к каким занятиям преимущественно годен, равно как и то, кто из бедных учеников более достоин поощрения. Наконец (и это самое главное, мало того, этого одного вполне достаточно, чтобы рекомендовать театральные представления), так как жизнь людей (особенно тех, что предназначаются для церкви, государства и школы), которым школа берется дать образование, должна быть посвящена беседам и действиям, но таким образом — посредством примера и подражания — юноши кратким и приятным путем приучаются наблюдать в вещах различные стороны, сразу отвечать на различные вопросы, искусно владеть мимикой, держать лицо, руки и все тело сообразно с обстановкой, управлять своим голосом, изменять его, — словом, благопристойно выполнять вся-

кую роль и во всем вести себя непринужденно, оставив в стороне граничащую с деревенскими манерами застенчивость.

89. Напротив, никакого значения не имеет **Ответ на возражения:** возражение некоторых, что у древних считалось позорным выступать актером⁵³.

1. **Актерствовать позорно.**

Это не совсем правильно; ибо известно, что Цицерон, столь великий и в отношении чести столь требовательный человек, был дружен с актером Росцием. Далее, мы восхваляем вовсе не профессию актера, а только подготовку к серьезным делам посредством этих игр (разумеется, в форме, приспособленной к юношескому возрасту). Наконец, сюжеты древних комедий бывали обыкновенно легкомысленными, пошлыми, нечистыми, стихи грязными и неудобопроизносимыми; в них выступали сводники, продажные женщины, паразиты, лукавые рабы, распущенные и расточительные юноши и другие в этом роде; всего этого лучше не знать, не говоря уже о том, что нехорошо, чтобы благонравный юноша играл столь нецелесообразные роли. Но мы можем выбрать прекрасные и достопримечательные истории (безразлично, священные или светские, выдуманные или действительные), которые когда-нибудь понадобятся образованному человеку, и посредством приятного и живого представления не только основательно запечатлеть их в памяти, но, кроме того, содействовать приобретению той живости, той резвости в изображении, какие должны себе усвоить юноши во всем.

2. **О масках и гримировке.**

90. Мне неизвестно, что некоторые набожные люди считают мерзостью надеть на лицо маску или нарядиться в женское платье, потому что Бог (Втор. 22, 5) запретил это. Но Бог запретил нам скрывание злодеяний и поводов к ним; а здесь нет и тени подобного преступления. Того и другого можно избежать при нашем методе, устранив все посторонние истории и допуская сценическую обработку наших классных курсов. Эти игровые упражнения являются в то же время прекрасной подготовкой к серьезным вещам; без них мы напрасно будем надеяться на полную культуру духа. Мы их сохраним у себя с тем, чтобы в каждую четверть давалось одно театральное представление. О способе исполнения скажем после подробнее.

VII. Порядок, касающийся перерывов и вакаций

91. До сих пор (см. § 59) мы говорили о порядке, касающемся занятий, теперь мы скажем о перерывах в занятиях. Так как недолговечно то, что не чередуется с отдыхом (а мы хотим развивать спо-

способности так, чтобы они были долговечны), то необходимо, чтобы за работой следовал отдых — промежутки покоя. Каковы должны быть эти перерывы? Ежечасные, ежедневные, еженедельные и годовичные. А именно требуется, чтобы после каждого часа напряженной умственной работы давался получасовой отдых, а после завтрака и обеда, по меньшей мере, час для гуляния и развлечения. Наконец, после окончания дневной работы — восемь часов для покоя и сна; а именно от восьми часов вечера до четырех часов утра. Далее, два раза в неделю, по средам и субботам, все время после обеда должно быть свободно от классных занятий и отведено для частных занятий и развлечений. Также должны быть свободны от занятий по одной неделе до и после годовых христианских праздников (рождества, пасхи, троицы) и, наконец, целый месяц во время сбора винограда.

92. Если кто-нибудь думает, что при назначении вакансий мы были слишком щедры, то пусть он только примет в расчет, что все же для занятий остается полных 42 недели в год, в каждой неделе 30 часов. А это составит в год 1260 часов. По правилам нашего метода ни один час не должен проходить без нового полезного приращения к образованию; подумайте же, какую массу образованности и мудрости можно собрать в целый год и сколько, наконец, за целые семь лет.

93. Здесь я прилагаю таблицу, содержащую распределение работ для всех классов. Чем она проще, тем более можно надеяться, что все будет свободно от путаницы и затруднений.

Ч а с ы д о о б е д а :

1. От 6 до 7 часов — чтение и повторение священных песнопений и Писания, молитва.
2. От $7\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{2}$ часов — главная классная задача, больше теоретически.
3. От 9 до 10 часов — то же, больше практически.

Ч а с ы п о с л е о б е д а :

1. От 1 до 2 часов — музыка или другое приятное математическое упражнение.
2. От $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ часов — история.
3. От 4 до 5 часов — упражнения в стиле.

Конец общего начертания школы.

Пансофической школы

Часть вторая, содержащая специальное описание в отдельности ее семи классов

Теперь дадим описание классов в отдельности и, предполагая, что каждый имеет свою особую классную комнату, проследим по порядку:

1. Какое название дать каждому классу и на каком основании.
2. Какими изображениями украсить стены.
3. Какие благочестивые упражнения установить в начале и в конце работы.
4. Какие классные книги изучать как главные предметы курса.
5. Какие математические упражнения давать после завтрака.
6. Что здесь и там проходить из истории.
7. Каким стилистическим упражнениям нужно обучать и каким образом.
8. Какие установить дополнительные занятия и как.
9. Какие допускать игры и развлечения (особого характера для каждого класса).
10. Какие репетиции, испытания и театральные представления учредить в каждом классе.

I. «Преддверный» (подготовительный) класс (classis vestibularis)

Надпись на двери: *«Да не вступает сюда никто без знания грамоты».*

1. Смысл надписи тот, что не должно допускать никого, кто еще не сведущ в грамоте, но только тех, кто умеет читать. Если принимать тех, которые еще не умеют читать, то это послужит задержкой не только для учителя этого класса, но и для всего состава учеников. Стало быть, новобранцы мудрости должны покончить со своими упражнениями в первоначальных элементах где-либо в другом месте, чтобы они приходили сюда уже грамотными.

**Изображения
в классной комнате.**

2. Для того чтобы принятые сюда имели повсюду, куда они ни обратятся, поучения для своих чувств, все четыре стены комнаты нужно расписать предметами, которые они будут изучать здесь. А именно:

1) вполне чисто написанные буквы латинского письма (прописные и строчные, древний и курсивный шрифт), по которым ученики должны научиться каллиграфии;

2—3) образцы склонений и спряжений, на которые должны смотреть начинающие при склонении имен и спряжений глаголов до тех пор, пока им не наскучит быть в зависимости от написанного перед ними и пока им, по основательному усвоению и укреплению через упражнение, не станет приятнее говорить все на память, чем утомлять глаза рассматриванием;

4) самые краткие нравственные изречения, содержащие важнейшие жизненные правила, которые ученики должны заучить на память к концу учебного года.

Закон божий.

3. Для благочестивых упражнений следует выделить главы катехизиса вместе с некоторыми, самыми краткими, песнопениями и молитвами.

Классная книга.

4. Первая книга «преддверного» класса носит заглавие *Cardines regum*, т. е. «Пределы вещей», из которых состоит мир, корни слов, из которых вырастает язык, и таким образом обнимает первые и самые элементарные основания нашего знания с прибавлением учения о нравственности для детей.

Занятия математикой.

5. И для математики также следует уже здесь назначить известный курс, так чтобы было ясно, что совсем не в шутку написал Платон над дверями своей школы: «Да не вступает сюда никто без знания геометрии». В древности было мудрое правило, чтобы юношество, приступающее к изучению мудрости, начинало с изучения числа и меры и предварительно упражнялось в этом. Ведь точно таким образом, как мир и все гармоническое создано и создается по числу, мере и весу, так и дух наш посредством изучения числа, меры и веса достигает света и проницательности для более разумного исследования вещей. Поэтому-то науке, которая занимается количественным отношением вещей, и дано имя «математики», т. е. «науки»⁵⁴.

И в самом деле, для несведущих в математике сокрыты многие тайны вещей. Поэтому при поступлении детей в школу всеобщей мудрости мы с самого начала ставим преддверие к божественной премудрости, чтобы вместе с буквами дети учились также писать, выговаривать и понимать числа. Это необходимо уже для того, чтобы они были в состоянии понимать и легко объяснять числа, которые содержатся в назначенной для «Преддверия» книге⁵⁵. Это будет для них началом учения о числах. Из геометрии мы не даем им ничего, мы только заставляем их рисовать точку и линию; из музыки — ска́лу тонов и ключей вместе с сольфеджио.

Ибо нельзя допустить, чтобы питомцы муз были несведущи в му-

зыке; потому-то некогда Фемистокл, оттолкнувший лиру, считался необразованным человеком ⁵⁶.

История.

6. Для истории здесь нет никакой книги, кроме классной книги. Из нее можно рассказать ученикам по поводу того или другого слова что-нибудь на их родном языке, для того чтобы занять их слух и воображение и наполнить дух их любовью к истории.

7. Упражнения в стиле точно так же будут состоять не в чем другом, как в списывании слов, переводе на родной язык и обратно, в склонении и спряжении, то по книге (или по изображениям на стене), то на память. Однако к концу года можно испробовать также соединения слов в предложения.

Дополнительные занятия.

ими частным образом.

Игры.

Театральное представление.

8. Собственно дополнительных занятий мы не указываем, кроме каллиграфии и рисования, чтобы ученики тем ревностнее занимались ими частным образом.

9. Игры дозволяются, и притом такие, которые приспособлены к возрасту и народному обычаю.

10. Театральным представлением будет публичный экзамен в таком виде, что из учеников каждый выберет партнера и начнет осажать его вопросами; притом в конце первой четверти года — из первой главы «Преддверия», в конце второй четверти — из второй и третьей, после третьей четверти — из остальных глав, а по истечении учебного года — из грамматики, приложенной к «Преддверию».

При правильной постановке дела борцы, участвующие в этой первой стычке, унесут с собой хорошую добычу: а именно первые, низшие основания латинского языка, а с ними — философии и логики ⁵⁷.

II. Вступительный класс

Надпись на двери: *«Да не вступает сюда никто, не сведущий в мерах».*

1. Из сказанного уже понятен смысл этого изречения. Так как числа, проливая больше света на различия вещей, употребляются здесь уже чаще, то необходимо, чтобы сюда были привнесены начала математики, — по крайней мере, в тех пределах, в каких мы указали их для первого класса.

Изображения в классной комнате.

2. Хорошо иметь здесь изображения вещей, описанных в книге этого класса (тех, которых нельзя иметь для непосредственного наблюдения в здешней стране), а именно: на одной стене — изображения вещей естественных, на другой — искусственных. Две остальные стены пусть содержат грамматические правила — об особенностях, на которые необходимо обращать внимание в отношении родного языка.

Закон божий.

3. Следует присоединить также благочестивые упражнения вместе с изучаемым в этом классе катехизисом.

4. Классной книгой служит здесь вторая часть учебного курса⁵⁸, содержащая внешнее распределение вещей и языка в триедином сопоставлении, а именно: словарь с латинского на родной язык, полная и ясная грамматика, достаточная для естественного и простого строения языка, и текст януального, или вступительного, класса — краткая история вещей.

Математика.

5. Из арифметики ученики должны научиться сложению и вычитанию, из геометрии — фигур на плоскости, из музыки — в совершенстве изучить сольфеджио.

История.

6. В качестве книги по истории служит и здесь не что иное, как текст «Двери». Если учитель будет повторять его в час, назначенный на историю, и если он, пользуясь любым материалом (который ученики уже в предыдущий час прошли так, что усвоили как слова, так и содержание), при подходящем случае приятным образом будет рассказывать ученикам какие-нибудь полезные вещи, пленяя тем их слух и ум, то ему легко удастся, если только он прилежный учитель, возжечь в них желание почаще слышать какие-либо исторические сообщения.

Упражнения в стиле.

7. Упражнения в стиле обнимают на этой ступени построение фраз, предложений и периодов. Ученики должны при всяком слове (имени существительном, прилагательном, глаголе, наречии, предлоге и т. д.) находить зависящие от него слова и уметь делать построения согласно правилам. После того как это упражнение продлится шесть месяцев, ученики могут начать образовывать из комбинаций слов всякого рода предложения и упражняться в этом в течение целого триместра. В последнюю четверть они могут упражняться в разборе и образовании периодов.

Дополнительных занятий здесь нет.

8. Предметов дополнительных здесь не должно быть, чтобы не отягощать неокрепшие умы, которым еще опасно разбрасываться. Одним только могут они заниматься — тем, что представляет основу всякого обучения, а именно: точным усвоением различных вещей, а затем — их названия и сохранения усвоенного в памяти.

Игры.

9. Род игр определяет учитель.

10. Театральные представления будут состоять в том, что текст «Двери» разбивается на простые вопросы и ответы и эти разговоры представляются потом некоторыми учениками на сцене.

III. «Зальный» класс

Надпись: *«Да не вступает сюда никто, не владеющий словом».*

1. Это следует понимать в том смысле, в каком Цицерон говорит, что он не может учить говорить (красноречиво) того, кто не умеет говорить⁵⁹. Если особенность этого класса — научать украшению речи, то как может кто-либо изукрашивать то, чего в нем нет? Следовательно, от того, кто сюда поступает, требуется знание строения простого и естественного языка; иначе его пребывание здесь будет бесполезно.

Изображения.

2. Если украсить стены этой комнаты талантливо исполненными рисунками, а также избранными замечаниями относительно украшения речи, то это принесет отменную пользу.

Закон божий.

3. Можно составить собрание священных гимнов, псалмов и молитв. А так как здесь уже начинается чтение Священного писания, то должно дать в руки первую часть Извлечения из Библии (оно должно быть сделано словами самого Священного писания, но сокращено и приспособлено к детскому пониманию). Благодаря ежедневному чтению, объяснению, повторению и заучиванию на память отрывков из него ученики привыкнут быть в общении с Богом и с благочестивыми мыслями.

Классная книга.

4. Основной книгой этого класса будет третья часть учебного курса,⁶⁰ излагающая украшения вещей и латинской речи. К ней прибавлены предписания изящного стиля и реперторий, называемый латино-латинским лексиконом; они открывают искусство разнообразить речь на тысячу различных ладов. (Заметь: второй класс показывает источник чистой латинской речи; этот — третий — ее ручейки и реки).

Математика.

5. Из арифметики войдут умножение и деление вместе с «Картинкой» Кебеса, из геометрии — фигуры трехразмерных тел, затем симфоническая музыка и первые начала латинской поэзии с избранными стихами Катона, Овидия, Тибулла и др.

6. Из истории здесь следует изучать достопамятные рассказы из священной истории, чтобы насадить стремление к добродетелям и отвращение к порокам.

Стиль.

7. Здесь нет никаких иных упражнений в стиле, кроме изменений фраз, предложений и периодов, и притом в первый месяц только через перемещение слов и членов, в следующие два месяца — через замену их, что уже значительно труднее; в четвертый и пятый месяцы — через идиоматизмы, в шестой и седьмой — через тропы и фигуры, в восьмой и девятый — через распространение, в десятый — через сокращение (кто знает пути распространения, тот очень легко сумеет затем в обратном порядке сделать сокращение); в одиннадцатый месяц, наконец, можно испробовать основы метрики.

Дополнительные занятия.

8. Давать этому классу еще дополнительные занятия я считаю делом сомнительным. Ученикам достаточно дела со своими прямыми задачами; им нужно ясно усвоить столь разнообразными способами изменений в языке, наблюсти их как следует и искусно подражать им. И богатый плод с этого класса пожнут они лишь тогда, когда будут в состоянии объяснять любого латинского писателя и затем выражать все на этом ученом языке.

Рекреации.

9. Известные виды отдыха могут быть допущены или назначены в определенные часы.

Театральные представления.

10. Театральные представления следует устраивать (да они, может быть, уже и существуют) в стиле комедий под названием «Школа-игра»⁶¹; они изображают самые привлекательные действия, причем все перечисленное содержание этого класса может быть живо представлено.

IV. Философский класс

(Вместе с подчиненным изучением греческого языка)

Надпись: *«Да не вступает сюда никто без знания истории».*

1. Надпись эта означает: основания вещей не в состоянии понять тот, кто не познал еще самих вещей. Ибо сначала нужно знать, что что-нибудь есть, прежде чем начать исследовать, откуда это и как. Следовательно, этим дается знать, что дверь философии открыта только для тех, кто (из школьных книг обоих предшествующих классов) начал объяснять вещи в мире с их внешней стороны, называть, изменять названия и через это различать их. Теперь, благодаря проникновению от внешней вовнутрь, представляется возможным исследовать само нутро вещей. Что остальных не должно еще считать за способных к философии, может считаться делом решенным.

Изображения. 2. Классная комната должна содержать изображения, представляющие расчленение вещей; арифметические, геометрические, механические (статические) и тому подобные изображения; изображения анатомии, химической лаборатории со всеми ее принадлежностями и т. д.

Закон божий. 3. Для наставления в религии следует составить особую книгу, содержащую избранные гимны и псалмы, вместе с образцами для молитв утром и вечером, до и после учения, перед обедом и после него. К ним можно присоединить извлечение из Нового завета, содержащее жизнь Христа и апостолов и важнейшие изречения и учения в таком порядке, чтобы из четырех евангелистов составила одна непрерывно идущая история.

Классная книга. 4. Классной книгой служит здесь четвертая часть школьного курса, содержащая первую часть «Дворца мудрости»⁶², в котором обзор творения должен быть выполнен таким образом, чтобы было очевидно, чьей властью совершается все в природе. Здесь имеет место и дальнейшее облагораживание языка (все пишется в стиле, приспособленном к предметам) и еще более блестящее прояснение ума через прямое рассматривание всех предметов.

Математика. 5. Из арифметики здесь преподается правило пропорций (так называемое тройное правило), — а из геометрии — тригонометрия, к которой примыкают основания статики. [К этому присоединяется] инструментальная музыка.

История. 6. Естественная история⁶³ доставит умам великое удовольствие и свет, для того чтобы лучше понимать все, встречающееся в природе; ее следует составить из сочинений Плиния⁶⁴, Элиана⁶⁵ и др.

Стиль. 7. В качестве учителей для упражнений в стиле надо привлечь древних писателей. Но так как к этому классу следует отнести изучение греческого языка (от обычных учебных часов не остается ни одного, который можно было бы уделить на этот предмет, а переносить его на добавочные часы нецелесообразно ввиду того, что он тогда стал бы слишком низко цениться), то мы отведем для него последний послеобеденный час, назначенный для упражнений в стиле, в надежде, что от этого не потерпят ущерба упражнения в латинском стиле, которые со всей силой возобновятся в следующем классе, тем более что истории, написанные для этого класса в гладком стиле авторов, дают разнообразные сведения относительно различных вещей и что, благодаря последующему грамматическому и риторическому экзамену, можно добиться того, чтобы на это было обращено внимание.

Дополнительные
предметы.

8. Итак, дополнительным предметом в этом классе является изучение греческого языка. Хотя я не отрицаю того, что этот язык сам по себе труден и содержит обширный материал, однако ввиду того, что более солидное образование, как его требует эта школа, никоим образом не может обойтись без знания этого языка, трудность (если таковая есть) должна быть преодолена. Я надеюсь, что она не будет так уж велика, — во-первых, потому, что не для всякого ученого необходимо изучить этот язык вполне; затем потому, что то, что достаточно для понимания Нового завета (а об этом преимущественно идет дело), не особенно значительно; наконец, потому, что, если бы все-таки остались некоторые тернии, их можно устранить с помощью хорошего метода и остающаяся работа будет столь приятна, что при четырех еженедельных часах, отведенных на этот предмет, к концу курса, т. е. по истечении года, трудности можно преодолеть. Тогда весь Новый завет можно будет читать по-гречески и понимать, а вместе с тем могут быть понимаемы учениками следующих классов писания евангельские без толкователя — в таком виде, в каком они вышли из уст и из-под пера апостолов. Было бы великим делом — с пользой черпать воду жизни из самих источников; можно было бы, кроме того, перенести к нам еще из языческой греческой письменности кое-что в отменно прекрасных изречениях, сентенциях и целых сочинениях.

Игры.

9. Об играх я не хочу говорить ничего, так как желательно, чтобы ученики постепенно более и более обращались от них к вещам серьезным. Вполне приятный отдых для тела и духа не должен быть запрещаем как вообще человеческой природе, так и этому возрасту.

Театральные
представления.

10. Представить философскую сцену в философском классе далеко не неуместно. Таки-ми могли бы быть «Циник Диоген, выведенный на сцене, или Вкратце о философии» (de compendiose philosophando); драма уже готова и уже три раза с успехом была поставлена в латинских школах⁶⁶.

V. Логический класс

Надпись: *«Да не вступает сюда никто, не сведущий в философии».*

1. Смысл сказанного — в следующем: Если кто-либо еще не наполнил духа, созерцателя вещей, образами вещей, то он не сможет их и обдумывать, так или иначе располагать и исследовать.

Ибо что можно видеть, искать, исследовать там, где еще ничего нет? Сюда вполне справедливо подходит известное изречение: чистый логик есть чистейший осел. Итак, чтобы не делать из людей ослов, мы не хотим допускать сюда никого, кто не приносит с собой ничего, кроме чистого ума (т. е. только *tabellam gasam*, или пустую доску, на которой еще ничего не написано, как любил выражаться Аристотель⁶⁷). Пусть он сначала пойдет и наполнит дух свой образами вещей, в точности отвлеченными от вещей (как мы это установили в предыдущем, философском классе). И тогда пусть придет он и научится усваивать сокровище всего им приобретенного и то, что еще предстоит приобрести для немедленного и сознательного употребления.

Изображения.

2. Изображения должны предлагать или избранные правила логики и некоторые художественно составленные картины проявлений духа и распространения его на область вещей, или и то и другое, или еще что-либо, что может быть придумано полезного. Ученику нет досуга самому останавливаться на этом; он будет иметь время, когда вещи потребуют этого, в последующей жизни.

Закон божий.

3. Упражнениями в благочестии будут служить здесь гимны, псалмы и молитвы, как бы новый трут для священного огня, возжигаемого на алтаре сердца. К этому следует присоединить пересказ всей Библии, или библейское руководство (*Manuale Biblicum*), так называемую «Дверь святыни»⁶⁸, содержащую в собственных словах Писания главные элементы всего Священного писания (истории, догматы, изречения), но только в сокращенном виде, и притом расположенные таким образом, чтобы в продолжение одного года все могло быть изучено и главная сущность Священного писания могла быть исчерпана рассудком (а большая часть — и памятью). Если к каждому утреннему часу присоединить главу из Нового завета на греческом языке, то точно так же можно было бы в течение года закончить с греческим текстом Нового завета (последний заключает в себе 260 глав; столько же первых утренних часов имеют 43 недели, считая по шести часов в неделю).

Классная книга.

4. В качестве классной книги здесь следует иметь пятую часть учебного курса⁶⁹. Она содержит полеты ума человеческого в область различных искусств, наряду с теми границами, в которые он должен быть заключен. Здесь разум, уже исполненный образами вещей, возвращаясь к самому себе, созерцает свое собственное существо, т. е. подвергает испытанию собственные и чужие представления о вещах, чтобы везде точно и искусно отличать предположения от истины. Это сочинение будет разделено на три части. Во-первых, материальную часть, содержащую ту часть пансофии, которая разъяс-

няет как уже сделанные, так и предстоящие изобретения человеческого ума и силу искусства, изливающегося на творении. Вторых, вместо формальной части там будет «логическое искусство»; оно покажет, что вся мастерская человеческого разумного мышления отлично оборудована и что все может быть найдено с помощью аналитического, синтетического и синкритического (сопоставляющего, или сравнивающего) метода, приведено в порядок и истинное отделено от вероятного и ложного. В-третьих, будет приложен репорторий, или указатель всех вещей, которые человеческий ум может найти и которые он обыкновенно находит как тогда, когда он стоит на правильном пути, так и тогда, когда он блуждает без дороги.

Математика. 5. Для послеобеденных развлечений будут здесь служить:

- а) из арифметики — правила товарищества и смешения, фиктивные предположения;
- б) из геометрии — измерение длины, ширины и высоты;
- в) из географии и астрономии — учение в общих чертах об обоих полушариях;
- г) из оптики — несколько главных положений.

История. 6. Для того чтобы в занятиях историей сделать шаг вперед к более важному, мы ставим здесь историю механики, объясняющую изобретение вещей (где, когда, по какому поводу то или другое было или случайно открыто, или выслежено и подмечено благодаря размышлению). Это весьма приятное питание для умов.

Упражнения в стиле. 7. Для стиля теперь время привлечь образцовых писателей, и притом следует брать писателей того времени, когда процветала латынь. Ибо хотя наши школы пекутся более о вещах и всякий благоразумный человек справедливо предпочтет мудрость, связанную с Цицероном, глупой болтливости, однако высшее благоразумие советует нам желать скорее того и другого вместе, чем только одного из них. Как блестящие драгоценные камни нам приятнее видеть оправленными в золото, чем в свинец, и как золотые кольца украшают чаще драгоценными камнями, нежели стеклышками, так следует прилагать старание и к тому, чтобы воспринятое умом было выражено прекрасным языком. Но так как существуют различные степени стиля, то, по нашему мнению, на этой ступени следует выработать тот средний, приспособленный к вещам стиль, который свойствен историкам. И потому в этом классе ради стиля следует изучать лучших историков: Корнелия Непота — «О знаменитых полководцах Греции»⁷⁰, Курция — «О деяниях Александра»⁷¹, Цезаря с его «Комментариями»⁷², Юстина⁷³ и др.

Дополнительные занятия.

8. Дополнительных занятий здесь нет; разве что те, кто возымеет желание усовершенствоваться в греческом языке, будут читать бегло кое-что из наиболее изящных писателей: например, речи Исократ⁷⁴, легкие для понимания и полные прекрасных выражений; а также этические трактаты Плутарха⁷⁵, Сираха⁷⁶ и т. п.

Игры.

9. К числу забав, служащих для отдыха, можно причислить состязание в разгадывании загадок и т. д.

Театральные представления.

10. Прекраснейшее представление могло бы дать состязание триединого искусства — Грамматики, Логики и Метафизики. Сперва борьба из-за первенства, а затем их мирное соглашение — мудро управлять всем в царстве Мудрости⁷⁷ — и их поцелуй. Эта драма, в которой пятьдесят человек участвующих, представляет много привлекательного. Кроме того, она во многих отношениях проливает свет на то, как правильнее понимать самые основы искусства речи, рассуждения и действия.

VI. Политический класс

Надпись: *«Да не вступает сюда никто, не мыслящий разумно, или не опытный в логике».*

1. Логике свойственно полагать границы человеческому мышлению, а людям, играющим роль в государстве, особенно свойственно, как полагают, руководствоваться разумными основаниями и руководить другими.

Изображения.

2. Изображения будут состоять в искусных рисунках, передающих силу истинного порядка и налагаемых им оков. Подобного рода изображением могло бы быть изображение человеческого тела, представляющее его в четырех различных видах: 1) с отсутствием известных членов, 2) с их избытком (двуглазое, трехглазое, четырехрукое и тому подобное тело), 3) с уродливо помещенными или даже с правильно поставленными, но отделенными друг от друга и не находящимися в связи членами и 4) совершенное тело, в котором части связаны, красиво сложены и т. д.

Закон божий.

3. Сообразно этой ступени следует установить упражнения в благочестии; для закона божия должен служить полный текст Библии.

Классная книга.

4. В качестве классной книги здесь должна служить третья часть «Дворца всеобщей мудрости», наглядно представляющая разумность человеческого общества (насколько далеко она простирается). Весь свет знания,

доселе собранный, должен (так как все это имеет в виду человеческое общежитие) быть поставлен перед глазами, как вещь, лучше других удовлетворяющая запросам человеческой жизни.

Математика. 5. Развлечение в послеобеденное время дадут: в арифметике — логистика, в геометрии — архитектоника, в географии — изображение мира, изящно составленное в небольшом объеме, наряду с той частью астрономии, которая содержит теорию планет и учение о затмениях.

История. 6. Из истории на долю этого класса приходится история обычаев, которая, если ее как следует изукрасить, может быть в высшей степени интересной и полезной.

Писатели, которых надо читать, и способ их чтения. 7. Ради стиля объясняются писатели, занимающие видное место; так, в прозе — Саллюстий⁷⁸ и Цицерон, из поэтов — Вергилий, Гораций и др. Относительно способа и характера обращения с ними сказано было в книге о новейшей методе, в главе XVII; здесь следует прибавить несколько замечаний относительно того, как вести упражнения в стиле. Ученики должны привыкнуть (тем более что они сведущи в грамматике, риторике и логике) свободно выражаться о вещах, придется ли им говорить согласно правилам искусства без подготовки, например о предмете, который задал учитель, или на тему, которая служила материалом для их состязания, или составить предварительно обдуманное (но в течение не слишком большого времени) сообщение относительно задач более трудных. Эту работу должны исполнять в прозаическом стиле все, не исключая никого. Наоборот, упражнения в поэтическом стиле не следует вести со всеми, так как вполне справедливо, что поэтами люди скорее рождаются, чем делаются. Едва ли можно ожидать от поэзии серьезной пользы (будь то для церкви или для государства) при скупо отведенном, едва для самого нужного достоящем времени; не следует занимать юношей вещами бесполезными или полезными в малой степени.

Лучше учить их, по примеру муравьев и пчел, во время юности делать запасы на зиму и на старость, чем, подобно стрекозам, проводить лето в песнях, а затем голодать⁸⁰. Как хорошо предостерегает своего брата Мурет⁸¹ против искусства поэзии: «Писать дурные стихи, — говорит он, — позорно, посредственные — бесславно; хорошие — слишком трудно для того, у кого еще есть другие занятия». Однако нельзя в силу этого оставлять непрочитанными поэтов или препятствовать поэтическим упражнениям, если кто чувствует к ним склонность. Исключительную прелесть заключает в себе эта гармония слов, мыслей, подобранных по числу, мере, значению членов; одного из благороднейших удовольствий для слуха и сердца лишают себя и своих учеников те педан-

ты, которые сами пугаются изучения поэзии и удерживают от него своих учеников.

Дополнительные занятия.

8. Из дополнительных занятий я не могу рекомендовать ничего другого, как то, чтобы личному прилежанию всех учеников этого класса было предоставлено читать хороших, по совету учителя выбранных писателей, делать себе извлечения редких слов, прекрасных оборотов, особенно же изящных мыслей и, таким образом, как бы выжимать весь сок их. Следует также советовать привыкать осмысленно выражаться и иметь в запасе меткие изречения, которые они, при подходящем случае, могли бы искусно пустить, как стрелу, в цель; они могут также, взаимно состязуясь, упражняться в этом искусстве. Если кого-нибудь, кроме того, охватит желание посвятить себя более глубокому изучению греческого языка, тому следует дозволить, и даже рекомендовать, чтение некоторых писателей, например таких историков, как Фукидид⁸², поэтов, как Гесиод⁸³, и др.

9. Можно бы кое-что сказать и относительно видов отдыха; но я предоставляю это на волю каждого. Следует только обращать внимание на то, чтобы отдых не отсутствовал совсем, а с другой стороны, чтобы его не было слишком много и чтобы при этом не происходило ничего непристойного и опасного.

10. В театре могут быть представлены: Соломон — благочестивый, мудрый, богатый и славный, а затем заблуждающийся, разрушитель закона, привлеченный к наказанию и снова образумившийся, или трагедия о суетности мира.

VII. Богословский класс

(К нему присоединяется изучение еврейского языка)

Надпись: *«Да не вступает сюда ни один нечестивец».*

1. Смысл этой надписи объясняет Священное писание словами: страх господень — начало премудрости. Это та истинная премудрость, которой нет доступа в душу коварную (*malitosam*) и которая не обитает в теле, подверженном греху. Об этом с полным правом напомним в самом начале тем, кто хочет вступить в это святилище.

Изображения.

2. Изображения будут заимствованы из Священного писания и через это будут таинственно внедрять в сердца сущность этой божественной мудрости. На одной стене могут также помещаться таблицы еврейской грамматики; точно так же на других стенах, на дверях, окнах, кафед-

ре могут быть написаны избранные еврейские изречения, которые при начале богословских занятий раскрывают повичкам их смысл и возбуждают в них любовь к священному языку, а впоследствии исполняют их даже и восхищением и т. д.

Закон божий.

3. Средствами возбуждения благочестия будут служить: а) избранные псалмы и церковные гимны; б) самые выдающиеся молитвы — как собранные из Священного писания, так и заимствованные из творений знаменитых богословов и некоторых святых мучеников; в) запись того, во что должно веровать, что должно делать и на что должно надеяться — все это словами самого Писания, — для ежедневного чтения.

Классная книга в 3 частях.

4. В качестве классной книги здесь служит последняя часть «Дворца мудрости»⁸⁴, изображающая конечное назначение человека под небом мудрости (а именно общение душ с Богом), в тройном делении, а именно:

1) Сборник «воспарений духа к Богу» посредством лестницы вещей, которые суть, были и будут. Здесь вся вселенная (опять-таки по известному уже порядку «Двери») излагается так, чтобы по поводу всякой вещи, как хорошей, так и дурной, было сообщено, как учит нас о ней Бог в Писании или здравый разум; как небо, земля и все, что в ней есть, возвещают славу божию и учат почитать достойное поклонения Существо, как они служат наградой за благочестие или наказанием за безбожие и т. д. Словом, доведенные до этой мудрости юноши должны быть научаемы тому, как из всего, что является перед взором человеческим или проникает в сердце, извлекать средства, укрепляющие веру, оживляющие любовь и поддерживающие надежду на вечное милосердие, — так, чтобы они повсюду, куда ни обратятся, чувствовали себя залитыми божественным светом и еще под небесами начали блистать друг перед другом небесной славой.

2) На место формальной части здесь прилагается ключ к книгам божьим, т. е. практическое руководство о том, как (с целью освящения) с пользой читать священные книги, как смотреть на дела божьи в мире как бы на наших руководителей к Богу и, наконец, как с пользой слушать откровения совести как бы некоего, данного нам от Бога увещателя, наставника, судьи и свидетеля. Может быть, удалось бы присоединить и параллелизм тройкой книги божьей; а именно триединый комментарий на божественные книги: 1) посредством самого Писания; 2) посредством рассуждений разума; 3) посредством чувственного опыта. В качестве такого рода комментария мы предложили в «Методы языков»⁸⁵ в главе 23 параграф 14 и след.; если же намерения эти хороши, то ввиду такой желанной цели должен быть сделан почин, как бы

дело ни пошло вначале. Но где же он должен быть сделан, как не во всеобщей школе мудрости? и затем где удобнее это сделать, как не на этом месте?

3) Можно было бы присоединить богословский указатель всего того, что содержится в тайнах спасения (будет ли это истинно и согласно со строгой верой или ошибочно и еретично), указывая соответствующие места.

Математика. 5. К математическим развлечениям могут быть присоединены добавления. Из арифметики таковыми могут быть священные и мистические числа, рассеянные по всему Писанию; затем может быть объяснено священное зодчество на ковчеге Ноя, на Моисеевой скинии, Соломоновом и Иезекииловом храме, Новом Иерусалиме (Откр. 21, 10 и след.). Из астрономии может быть взято счисление и вся система священной хронологии.

История. 6. В этом классе проходится всеобщая история в избранных очерках, обнимающая, однако, все главные перемены в человеческом роде, только с особым отношением их к церкви, ради которой стоит и существует мир, так чтобы было видно, как здесь совмещается вся сила божественного провидения. Ибо таким образом явится, наконец, возможность спасительно созерцать течение времен.

Ораторские упражнения. 7. Следует ли вести здесь также и упражнения в языке и стиле? Конечно, чтобы никоим образом не было отступления от метода гармонии. Но эти упражнения должны носить божественный и, по возможности, возвышенный характер. Тем, кто хочет посвятить себя духовной деятельности, всего лучше обратить свое рвение на устраиваемые в классах (которые могут служить прообразом будущей церкви) благочестивые собрания, притом ежедневно посвящая на одно из таких собраний по получасу; тут не должно говорить ничего, кроме того, что, будучи заимствовано из собственных изречений божьих (а именно в отношении содержания, выражения, произношения и стиля) и прекрасно обработано, может возбудить во всех слушателях добрые, благочестивые чувства. Для достижения этого должно соблюдать предписания божественной риторики, а не гоняться за приманками человеческого красноречия. Для будущих деятелей на политическом поприще полезно будет подобным же образом упражняться в кратких, остроумных, обоснованных речах (или повествовательного, или аналитического, или судебного характера). Особенно рекомендуются речи, подобные тем, которые произносятся на общественных собраниях, свадьбах, крестинах, похоронах и пр., для того чтобы мудрым обращением к присутствующим напомнить им о том, что необходимо, и пробудить в них добрые чувства.

Дополнительные занятия.

8. Из дополнительных занятий придется здесь, наряду с чтением некоторых избранных древнейших и новейших писателей, заняться священным еврейским языком — дело, необходимое для всех будущих богословов. Этим языком должны заниматься все без исключения так ревностно, чтобы каждый в конце класса мог для себя читать и понимать библейский текст. Этого легко можно достигнуть при помощи разработанного разными учеными метода этого древнего простого языка. И пусть посвятившие себя государственной деятельности также возьмут на себя этот небольшой труд, который даст им возможность слушать, как некогда апостолы и пророки провозвещали на своем родном языке великие дела божии; этого им нельзя запрещать, наоборот, их следует привлекать к тому, чтобы они (в убеждении, что прекрасное дело понимать язык, возникший одновременно с миром), из желания познакомиться со столь глубокой древностью (в сравнении с которой греческий и латинский языки можно назвать новыми), не задумались приложить к этому делу столь небольшое старание.

Игры.

9. Развлечения допустимы и здесь, только они не должны идти вразрез с занятиями религиозного класса.

Сценические представления.

10. Могут ли быть и здесь зрелища? Отчего же нет? И даже интенсивнее, чем в других классах. То, что происходит в жизни общественной, само по себе носит характер зрелища; поэтому тех, кого в скором времени надо будет послать в общественную жизнь, следует приучать к тому, чтобы они умели прилично держаться в обществе и искусно подчинять себя выпадающим на их долю обязанностям; и это-то и есть главная цель этих упражнений. Что же, следовательно, нужно делать? Соответственно учебному материалу этого класса можно было бы представить в живом изображении героическую добродетель веры, преодолевающую все препятствия, или прекрасные плоды истинного благочестия. Главное лицо в первой драме, которая уже готова⁸⁶, — Авраам; во второй — Давид⁸⁷, и притом под таким заголовком: Давид в унижении, благочестивый, всеми презираемый, угнетенный, а затем великий, всем любезный, знаменитый, торжествующий.

Обсуждение вопросов о школе, так организованной

Таков план семиклассной пансофической школы. Я нахожу, что могут быть предложены еще некоторые вопросы, а именно следующие:

I. Будет ли пансофическая школа существовать в действительности или только в воображении?

II. Возможно ли в течение семи лет прочно укоренить в умах, притом еще детских, столь многое и столь великое?

III. Что предстоит делать тем, кто доведен до этой ступени?

IV. Как, наконец, осуществить все это?

Чтобы не оставить никаких сомнений, я хочу дать ответ на каждый из этих пунктов.

I

Нужны ли еще словесные доказательства там, где дела налицо. Впрочем, если кто думает, что здесь еще нет всего, что образует человека до полной человечности, то пусть он укажет, чего, по его мнению, недостает, будь то в отношении языков, вещей, нравов или — во что все разрешается — благочестия. Во всяком случае, что латинский язык, который сейчас считается основой всего образования, будет изучаться здесь действительно основательно — это подтвердится фактически, и притом иначе, чем сейчас: он будет изучаться с охотой. Греческий и еврейский языки должны служить средством для более близкого познания самого Бога. Если здесь не преподаются реалии во всех частностях, то нужно принять в соображение, что это, во-первых, не обещано, да и невозможно, чтобы один ум воспринял в себя все частности, хотя бы человек занимался этим всю свою жизнь; тем менее можно было бы в этом смысле исчерпать все это в течение семи лет. И однако на деле здесь будет преподаваться все во всех классах. Мало того, никто не должен быть отпущен из этой школы, пока он не пройдет до конца тройной книги божией; а именно, пока он, во-первых, не узнает, не поймет и не усвоит применения всего, что содержит мир, и пока он не будет в состоянии говорить обо всем (поскольку это касается всех более важных вещей); во-вторых, пока он не исследует золотосных россыпей духа и не будет в состоянии назвать выкопанные отсюда сокровища премудрости божией и, наконец, в-третьих, пока он не усвоит Священное писание — ручейки сокровенной премудрости божией — в их буквальном и таинственном смысле (опять-таки, говорю я, поскольку это касается главных вещей).

Если окажется, что мы в чем-либо не осуществим это наше столь полное предначертание, то это будет простительно, пока не будет выполнено все теми, которых Господь призывает одного за другим. Ведь и все бывает на первых ступенях несовершенно, а затем на последующих дополняется и совершенствуется. Я с божией помощью принялся за исправление этих начал, чтобы никто

не имел права бросить мне в упрек известное изречение: «Всего понемногу, в общем — ничего». Ибо я стремлюсь достигнуть как во всех частностях, так и в целом не чего-нибудь, но всего и целого, т. е. оснований, главнейших построений, важнейших положений и сути всего, — так, чтобы тот, кто постиг это, мог бы обо всем здраво судить, ни в каком важном вопросе не делать вредных промахов и, таким образом, вооруженный этим общим познанием всех вещей, мог бы быть допущен до всех человеческих и божественных книг, а затем и до самой житейской деятельности.

II

Возникает другое сомнение: возможно ли, чтобы даже это, наиболее главное, в назначенный для изучения его семилетний период времени было исчерпано умами, и притом детскими. Я отвечаю: если мы с помощью метода добьемся того, чтобы работа учащихся уменьшилась, их отвращение исчезло, их бодрость увеличилась, то для посредственных голов в течение семи лет все это будет доступно. Кто видал «Nobile Triennium» («Знаменитое трехлетие») Клоппенбурга⁸⁸, признает, что там требуется от ума гораздо больше работы. И если это руководство считалось разумным, хотя оно не было проверено на практике, то почему же не признать нашего, где [на изучение] отводится больше времени, предлагается меньше задач и дается лучшее руководство? Сомневаться в успехе дела нет никакой причины для того, кто знает силу поступательного движения (арифметического и географического); а последняя — удивительна. Справедливо говорит кто-то: чтобы быстро попасть туда, куда хотят прийти, не столько необходимо бежать, сколько не отставать. Легко можно доказать на бесчисленных примерах, что значит настойчивость. Известна половица, и она весьма верна: капля долбит камень не силой, но частым падением; так и человек становится ученым не через насилие, но через частое чтение. Как миниатюрно малы зернышки, которые уносит муравей, и, однако, в какую кучу они вырастают за лето? Крошечными каплями цветочного сока наполняют пчелы свои соты; и сколько ячеек наполняют они в один-два месяца! И не произойдет ли то же самое, если наши пчелки, под нашим руководством, в течение нескольких часов соберут в ячейках своей памяти сперва несколько слов, а затем прекрасные изречения (а они очень легко могут сделать это при столь привлекательном методе) и будут так делать в течение семи лет. Мы надеемся, что самый опыт внушит веру; Бог же да поможет благу начинанию.

III

Что будут делать вышедшие из пансофической школы.

Наконец спрашивают: Что станут делать юноши, которые пройдут эту школу, особенно если они окончат ее на шестнадцатом или на восемнадцатом году жизни? Я отвечаю: прежде всего они будут благодарить Бога за то, что они счастливо перешли Иордан и дошли до прелестей земли обетованной. Ибо так как они уже в состоянии читать великие божественные книги, то они будут в состоянии в течение всей своей жизни в высшей степени наслаждаться ими; причем им не нужно будет руководство, но лишь один или несколько товарищей, для того чтобы испытывать больше радости.

Далее, воспитанные таким образом юноши в случае, если они еще не годятся для житейской деятельности вследствие своего возраста, тем более будут пригодны, если им поручить руководство детьми, особенно из знатных семейств, для того чтобы таким образом начало улучшаться и состояние отечества во всех областях.

В-третьих, если некоторые не получают такой работы, то они могут остаться при ректоре школы (уже как студенты или как прослужившие свой срок солдаты) и при нем лучше подготовиться для того будущего призвания, которое каждый изберет. Ибо для них приходит уже время выбрать определенное жизненное поприще, на котором каждый может служить Богу и человеческому обществу, и приложить все старание к этой своей специальности. Один всецело посвятит себя богословию, другой — медицине, третий — философии и школьному делу, четвертый, может быть, — астрономии (так, чтобы отечество имело среди граждан все специальности); иной поступит на княжескую службу или посвятит себя хозяйственным занятиям (чтобы в будущем вести приятную, почетную и благочестивую жизнь на пользу своей семье и на украшение отечества) и вообще тому, что служит к поддержанию общественного блага и порядка. Распределив, таким образом, учеников по классам их будущих занятий, ректор сможет прийти им на помощь советом, так чтобы молодые люди знали, какими хорошими писателями им заниматься, как читать их с пользой, как им учредить в своей среде Геллиевы коллегии⁸⁹, причем всем должна быть дана возможность пользоваться общественной библиотекой.

Наконец, более достаточным (особенно юношам благородного происхождения и тем, кого природа снабдила более благородным умом⁹⁰) можно рекомендовать путешествия к другим выдающим-

ся по своему образованию народам; но не за тем, чтобы поглядеть и на манер детей подивиться на горы, реки, моря, здания, различные одежды народов и тому подобные чисто внешние вещи, но за тем, чтобы, под влиянием бесед с мудрыми мужами и похвальных обычаев хорошо образованных народов, стать более развитыми сравнительно с теми, которые не видят ничего, кроме того, что можно найти у них дома⁹¹.

IV

1. Так как правило всякого искусства состоит не в том, чтобы просто делать что-либо, но в том, чтобы доводить все до конца, то является вопрос: как взяться за это столь важное дело? Я отвечаю: это очень легко, лишь бы не было недостатка в необходимых принадлежностях, из которых (кроме милости всевышнего Бога и высоких властей) следует предпочтительно назвать четыре: книги, классные комнаты, учеников и учителей.

2. Относительно книг следует заметить, что наибольшая часть трудностей состоит в том, что мы не все книги еще имеем налицо в таком виде, в каком они должны употребляться. Необходимость в новых книгах, тщательно составленных по законам метода, является в силу следующих трех обстоятельств: во-первых, потому, что у нас нет таких книг, которые бы содержали истинные и полные извлечения из трех книг божиих и благодаря этому были бы вполне верным введением к этим книгам; во-вторых, потому, что необходимо, чтобы они были чистыми, без всякой примеси ереси или какой-либо языческой пошлости; в-третьих, потому, что их должно быть большое количество, так чтобы их хватило для столь большого, как мы надеемся, числа учащихся.

3. Последней трудности легко было бы помочь через типографское их умножение, если бы только все было готово для печати. Но этого до сих пор еще нет, что, понятно, пугает всякого. Выпустить такое большое количество книг, исполненных сообразно тщательно обдуманым идеям, представляется огромной работой, да она и не может быть исполнена одним человеком, особенно пожилым, у которого смерть стоит за спиной.

4. Но так как я более двадцати лет занимался этим предметом и добрая часть материала уже готова⁹², то я льщу себя надеждой — если Бог мне поможет и один или два ученых мужа окажут содействие — настолько привести эту работу в исполнение, насколько это возможно и обычно бывает на начальной ступени. Я хочу оставить это дело моим преемникам и особенно также моим ученикам; пусть они его дальше продолжают, исправляют, пополняют; пусть это служит им не только образцом для легкого подражания, но и побуждением к скорейшему выполнению.

5. Чтобы изобретения уже на начальной ступени приближались к совершенству — это прямо невозможно; возможно и даже легко прибавлять к найденному, пока искомое не станет завершённым. Невозможно было бы для Колумба, открывшего Америку, открыть всю окружность этого материка вместе со всеми вокруг лежащими островами (на это не хватило бы жизни одного человека), но для преемников его это оказалось возможным. Изобретатель печатного искусства не пошел далее самых первых его начал; а до какого совершенства довели это дело его ученики!

6. Превыше всего чудесно то, что в этом отношении говорит Спаситель о себе и о своих последователях в словах: «Верующий в меня сотворит дела, которые творю я, и сотворит больше сих». Если я, грешник, могу надеяться, что мои ученики некогда произведут большее, то дайте мне из вашей среды избранные таланты, которым доставляет удовольствие заниматься этим и которые, раскапывая открытые золотоносные россыпи мудрости, обогащают добычею света при помощи божией как самих себя, так и делают богатыми других. Результаты будут таковы, какие даст Бог и на какие вы сами, может быть, не смеете надеяться.

7. Таких талантов жду я от вашего народа предпочтительнее, нежели от какого-либо другого, так как я в ревностных молитвах начал выражать пожелания вам блага — пожелания, чтобы ваш народ начинал поднимать голову благодаря изучению мудрости. Если я желаю, чтобы вы овладели ею, то мне надо воодушевить ваши умы, привлечь их сюда, осветить их этим светом. И, согласно положению вещей, не может и быть иначе, как то, что те, кто должен поддерживать нас, были бы поддержаны нами укреплением своих сил. Никакая повивальная бабка не в силах вывести на свет плод, если не будет живого и сильного движения и напряжения самого плода. А вывести разум на свет из мрака невежества есть не что иное, как исполнить обязанность духовной акушерки. Так, мудрейший из философов, Сократ, сын афинской повивальной бабки, обыкновенно говорил о себе, что он не может больше ничего делать, как оказывать уму услуги повивального искусства, т. е. раздувать божественные, сокровенно лежащие в душе каждого человека искры и вызывать из них пламя⁹³. Придя за тем, чтобы помочь разрешению от бремени умов ваших, мы вовсе не хотим вдохнуть жизнь в мертвых, а как бы подвинуть живых к проявлению признаков деятельной жизни.

8. Поймите же хорошо, что я говорю; и тогда вы возложите свою надежду не столько на меня, сколько на себя и на своих [близких], чтобы разумно начать и выполнить это дело мудрости, и притом не моей и не вашей силой, но силой того Бога, для которого является радостью устроить хвалу из уст младенцев и грудных детей, дабы смирить врага и мстителя.

9. Сама вечная, во плоти открывшаяся Премудрость приступила к своему делу таким образом, что она избрала тех, через кого должен был распространиться свет Евангелия, не из тонких господ, которые считали самих себя мудрецами, но из толпы необразованных. Христос преподавал нам также (чтобы мы лучше постигли эту тайну) правило, что новое вино вливают не в старые мехи, но в новые. Если мы будем следовать этому правилу и примеру того, кто его дал, то мы можем быть уверены, что не уклонимся с пути мудрости. Я скромно держусь положения: сам собой придет разум к вам и к вашим близким.

10. Что касается вообще снабжения книгами, необходимыми для пансофической школы, то не следует отчаиваться, если налицо все, для того потребное. Я мог бы, пускаясь в частности, показать вам также, как я надеюсь, что та или другая книга может быть составлена быстро и хорошо; но я отложу этот вопрос, пока не приду к убеждению, что этот путь вообще не противен вам.

11. Что касается устройства классных комнат, то я надеюсь, что это будет не моя забота. Да в этом деле не будет и никаких трудностей, если укоренится убеждение, что всякая деятельность может совершаться беспрепятственно только тогда, когда каждый класс, т. е. собрание людей, занимающихся одновременно одним и тем же, освободившись от всего, что могло бы отвлекать его, с напряжением будет заниматься этим единственным своим делом. Поэтому следует попросить наших Соломонов⁸⁴, чтобы, если будет решено открыть эту всеобщую палестру мудрости — эту всеобщую мастерскую для образования всего народа, — они серьезно принялись за устройство классных комнат.

12. Далее, что касается учеников, то я заранее предвижу, что у вас не будет недостатка в целых их стадах так же, как жарким летом не бывает недостатка в растениях, которые пьют росу выпадающего дождя. Следует, скорее, позаботиться о том, как бы разместить их по квартирам и как бы поддержать более нуждающихся. Для прокормления учащихся следует учредить столовые, и притом тройного рода: а) совершенно даровые, для прокормления бедняков; б) наполовину даровые, где часть стола оплачивается, а часть дается в виде одолжения, и, наконец, в) пансионны, где платят за содержание, а учение имеют даром.

13. Подыскать подходящих учителей, которым была бы по силе столь великая задача, — вот что будет трудно. Ибо подобно тому, как ни одна вещь не может делать ничего иного, как то, что есть она сама (белое — белить, тяжелое — придавливать, горячее — согревать), так никто не может сделать людей мудрыми, кроме мудрого; никто — красноречивыми, кроме красноречивого; никто — нравственными или благочестивыми, исключая нравственного или благочестивого; никто — математиками, естественни-

ками или метафизиками, кроме сведущего в этих науках. Словом: никто не может сделать другого пансофом — всемудрым, исключая того, кто сам пансоф. Следовательно, надобно сыскать мудрецов, красноречивых ораторов, математиков, метафизиков, словом, людей всемудрых, которые стояли бы во главе пансофической школы; особенно же должен быть передовым вождь и руководитель всех учителей.

14. Но где сыскать нам таких людей? Из какой страны нам их выписать? Мое мнение насчет этого может быть ясно из того, что я сказал несколько выше: в нашем собственном доме надо искать их; надо привлечь их из нашего народа; они будут верными проводниками нашими в этом предприятии. Но можно ли на них рассчитывать? Я непоколебимо держусь того убеждения, что не будет недостатка в людях, которые во славу божию умело возьмутся за это дело.

15. Надежду эту я обосновываю трояко. Во-первых, на способности пансофического метода создавать себе свои орудия, а также и самих работников для пользования этими орудиями. (Если мы не совершенно обманываемся, то возможно и даже необходимо, чтобы пансофы рождались вместе с самой пансофией и были воспитаны в ее колыбели.) Во-вторых, надежда моя основывается на том, что ваши умственные способности не отступят перед трудами и трудностями, если только будет надежное руководство. Поэтому надо искать руководителей для этого благороднейшего воспитания умов — будут ли таковые уже утонченно воспитаны и энциклопедически образованы, или в них будет только стремление к энциклопедическому знанию и благородству и резко выраженная ненависть к лени и варварству — недостаткам, которые они желают видеть раз навсегда искорененными; тогда с божьей помощью они будут победителями и приготовят великий триумф себе и своему народу. Третье основание: настойчивость в этом деле; а именно если для классов будут назначены определенные учителя, которые, постоянно внушая другим данные для исполнения предписания, постоянно будут наставлять самих себя. Таким образом, один день будет все время научать другой, так что кто сегодня был несведущим завтра будет обладать знанием и принесет свои наблюдения, обязательные как для него, так и для его преемников. Таким образом, с божьей помощью успехи учащихся и учащихся неизменно пойдут вперед.

16. Таких людей — исполненных любви ко всеобщей мудрости, готовых для нее на перенесение трудностей, послушных добрым советам, обладающих тихим нравом, от всего сердца благочестивых — следует, как драгоценные камни, искать для этого божьего дела. И где только можно увидеть их, там и следует брать — как будто бы Бог показывал на них простертым перстом, —

упрашивать их и стараться приобрести их просьбами и подарками всякого рода.

17. С другой стороны, пусть приходят сюда и те, кому их собственное сознание говорит, что они — люди именно такого рода и что они не ошибочно имеют о себе столь хорошее мнение. Им может быть дозволено принять участие в пансофическом преподавании изящных наук, чтобы испытать в данном случае истинность известной поговорки: «Кто учит других, учит себя»⁹⁵. Ибо как Августин⁹⁶ — этот в высшей степени пылкий почитатель Христа, деятельнейший и неутомимейший работник церкви, какой только мог быть, — чувствовал, что он, пиша, преуспевал и, преуспевая, писал (как он об этом сам свидетельствует), так и эти отменные мужи, кто бы они ни были, поучая других всему, будут поучаться всему и сами и, ежедневно преуспевая во всем, будут в состоянии со дня на день все лучше выполнять все, что они сейчас выполняют вместе с нами в элементарном виде.

18. В самом деле, либо тот свет всеобщей мудрости, который по великой милости божией начинает нам светить, есть свет ложный, либо должны подтвердиться известные слова Соломона: «Стезя праведных — как светило лучезарное; она все более светлеет до полного дня» (Притч. 4, 18).

С своей стороны, во имя святой веры, я ничего не упущу из того, что должно быть предпринято первым руководством для кандидатов и будущих «магистров», или жрецов мудрости.

19. Однако прежде всего я советую покончить с тем, что требуется для устройства трехклассной Латинской школы, — чтобы нам начать строить нашу башню не с верхушки, а с основания. И так как школы прежде всего и главным образом нуждаются в книгах, то надобно утолить эту первую жажду; это лучше поможет осуществить и устройство более крупного дела — высших классов.

20. Лучшее да внушит Господь другим, на суд которых повергаю я это дело! А он сделает это, если мы при столь священном предприятии выкажем себя набожно настроенными, разумными и осмотрительными. Ибо хотеть и жаждать добра, просить и надеяться на Бога, изыскивать средства для исполнения и держаться за них — вот царская дорога, чтобы прибыть туда, куда хочет вести нас Бог.

Сенека в восьмом письме говорит:

*Я делаю для потомства нечто такое, что для него может быть полезно, и т. д. Я показываю другим правильный путь, который я сам, утомленный от блужданий, поздно познал*⁹⁷.

Примечание. Для семи классов следует назначить такое же количество учителей, чтобы каждый украсил свою Спарту⁹⁸ как можно тщательнее; во главе же всех надобно поставить

ректора, на обязанности которого должно лежать ежедневно обходить классные комнаты, чтобы видеть, все ли, повсюду ли и во всякое время идет в добром порядке, не пристало ли где-нибудь что-либо вредное, или не делается ли что-либо небрежно. Если кто-либо из учителей, вследствие болезни или вследствие еще какой-нибудь уважительной причины, не может исполнять своей обязанности, он должен заступить его место, чтобы не было никаких упущений и перерывов. Так как для этого необходим весьма деятельный, ученый, предусмотрительный муж, то для него (как, конечно, и для классных учителей) должно быть назначено весьма приличное содержание, так чтобы ни один человек выдающегося ума не имел побуждения покидать это место и искать другого. Лишь тогда можно будет все содержать в хорошем состоянии, если действительно выдающиеся мужи будут твердо вести все юношество. Сократа, который некогда с великим рвением занимался с юношами, раз спросили: почему он не возьмет на себя лучше какой-либо государственной должности? И он ответил на это: больше делает тот, кто образует многих способных вести государственные дела, чем тот, кто сам управляет государством⁹⁹. Так будет и здесь: эти пансофические образователи умов при своей работе будут иметь в виду благо отечества, церкви и государства гораздо более, нежели те, кто действуют вне этой мастерской в качестве каких бы то ни было магистратов, политиков и священнослужителей. Следовательно, столь значительный работник будет заслуживать значительного вознаграждения, при котором он мог бы в полном довольстве, спокойно (или, скажу лучше, с воодушевлением), ревностно заниматься столь возвышенным делом.

Но откуда взять требуемые для этого значительные суммы? Собственно говоря, не моя задача находить эти источники; однако я предлагаю следующие соображения.

1. Разве не правильно писал Лютер: Если для постройки и защиты города или пограничной крепости расходуют десять червонцев, то для мудрого воспитания одного юноши следует израсходовать сто, даже тысячу¹⁰⁰. Ибо мудрость лучше силы (Еккл. 9, 16).

2. Разве те, которых Бог благословил свыше обычного и которым даровал богатство, почести, власть, не обязаны в свою очередь свершить что-либо свыше обычного во славу божью?

3. Разве не обязаны все люди одинаково, по предписанию божественного закона, приносить Богу седьмую часть своего времени и десятую часть своих внешних благ? А может ли кто надеяться дать лучшее применение десятой части своего имущества (или хоть двадцатой или тридцатой), чем если он будет поддерживать орудия славы божией? Едва ли он в состоянии придумать что-либо лучшее.

4. И если бы первые лица в народе, высокие покровители и пастыри церквей, и, наконец, все остальные дворяне и горожане пожелали отдать на это десятую (или хоть двадцатую) часть своих доходов, то разве не пришлось бы уже скоро воскликнуть (как и при построении скинии): Народ приносит больше, чем надобно! И, как тогда, пришлось бы поведать: Пусть никто не прибавляет ничего более (Исх. 36, 5, 6).

5. И разве (как и тогда) не может князей народных охватить такая же потребность жертвовать, стремление приносить драгоценные камни и щедрые подарки? (Исх. 35, ст. 27). И разве не станут жертвовать побуждаемые их примером и другие благочестивые души? (Исх. 35, 29).

6. Разве не было бы побуждением для богатых, если бы имена и фамилии тех, кто отличался своей благочестивой щедростью, стали предавать памяти потомства? Ведь видим же мы нечто подобное во многих университетах, где коллегии, классные комнаты (аудитории), библиотеки, общежития, даровые столовые и т. п. называются по именам их основателей, на бессмертную славу им и на благодарную память в потомстве? Мало того, то же самое при постройке стен иерусалимских, причем было помечено на вечное воспитание и даже внесено в священные книги, какое лицо или семейство построило какую часть или какие ворота в стене (Неем. 3).

7. Разве нельзя было бы, наконец, тем, кого Бог изобильно одарил благами, но кому он отказал в наследниках, на которых вместе с их именем могло бы перейти и благословение божие, — разве нельзя было бы внушить им, что они не могут сделать лучшего применения своим внешним благам, как употребив их на благочестивые и торжественные цели (во славу божию, на преуспевание церкви, на прославление отечества) и т. д. и т. д. (ср. слова Давида в 1 Пар. 29,9—18).

О пользе точного наименования вещей

Речь, произнесенная при открытии второго,
вступительного, класса (в Патаке)
14 марта 1651 года

Высокочтимые слушатели всех сословий!

Слава Богу! Наступает *пора весны*, которая все призывает к жизни,— наступает время *равноденствия*, когда на всем земном шаре, у всех народов день равен ночи, а затем и время *света*, когда солнце, пребывая в северных знаках зодиака и стоя почти отвесно над нашей головой, почти не покидает нашего горизонта.

Да дарует же Бог, чтобы возвратилась также и весна церкви! Да дарует Бог, чтобы солнце мудрости взошло и на нашем горизонте! Да дарует Бог, чтобы наш народ стал наравне с образованнейшими нациями! К этому именно направлены мои преобразовательные усилия, начатые по воле высочайших князей и согласно собственным стремлениям. Приложите же к ним новые стремления, дорогие, чтобы, как верно мы достигаем того, что вытекает из естественного хода вещей, так же верно, с божьей помощью, мы выполнили и то, что мы обязались осуществить своим искусством и старанием.

Недавно мы открыли первый, или подготовительный, класс Латинской школы и снабдили его методическими указаниями, чтобы начинающие учиться заложили здесь первые, но прочные основы познания вещей и языка. Сегодня предстоит нам открыть второй класс, вступительный, в котором маленьким адептам истинного образования должно быть преподано все строение вещей и языка в простом и естественном порядке, чтобы достаточно подготовить умы их для более высоких занятий.

Так как мне необходимо, размышляя я, сказать что-либо в качестве вступления, то возникает вопрос: какой предмет мне следовало бы избрать для моей речи? Желательно было бы, конечно, указать на преимущества порядка и постепенности и доказать необходимость того, что во дворец образования не следует врываться через окно или подземные ходы, но должно вступать чрез преддверие, вход и атриум. Однако, подходя к делу ближе, лучше всего, по-видимому, будет наставить вас в пользу точного

наименования, потому что последнее представляет для всего образования не только издалека ведущую дорогу, но широко раскрытую дверь, непосредственно в него вводящую. Излагая соображения относительно этого предмета, я прошу вас склониться ко мне терпеливо слух ваш. Я не стану слишком долго вас задерживать, если встречу с вашей стороны необходимое внимание.

Ничего, как известно, нельзя ни хвалить, ни порицать, не поняв предварительно сути и свойств того предмета, который подлежит похвале или порицанию. Тщетной поэтому оказалась бы моя попытка говорить перед вами, моими слушателями, о достоинстве точного наименования вещей, если не условиться наперед о том, что понимать под таким наименованием. Поэтому я хочу объяснить вам это, если вы захотите выслушать.

Человеческий язык состоит из слов. Слова же относятся не к чему-то несуществующему, но к вещам, которые они обозначают; причем, обозначая их, они вместе с собой переносят их образ из ума говорящего в ум слушающего. Отсюда ясно, что ничего не значащие слова, например «болда, датит, фиту», которых, быть может, и нет ни в каком языке, бесполезны, точно так же как и такие слова, которые хотя и имеют известное значение, но оно нам не известно, как, например, арабские слова: «абах, ибил, ха» и пр. Следовательно, речь тем лучше, чем более содержит она вещей и смысла, и тем непригоднее, чем менее заключает она вещей и понимания. Ибо именно в этом заключается преимущество человеческой речи перед словами попугаев и преимущество разговора мудрых мужей перед болтовней старых баб.

Точным же бывает наименование вещей, если оно: 1) полно, 2) параллельно вещам и 3) вполне продумано.

1) *Наименование вещей полно*, если оно для всего, что существует и имеет свою собственную, от других отличную, сущность, содержит также и собственное, от других отличное, название, так что среди вещей не существует ничего, для чего не было бы имени, ничего, что имело бы два имени, наконец, ничего, что имело бы общее имя с другой вещью. Этим мы избегаем как недостатка, так и излишка и неясности в речи и достигаем возможности все, о чем думаем, выражать удачно, ясно и отчетливо.

2) Это едва ли осуществимо, если не будет установлен параллелизм вещей и слов, т. е. когда мы перебираем вещи по их порядку, то каждая отдельная вещь должна облечься в свое особое название, и, наоборот, когда мы перебираем слова по их порядку, то каждое слово должно получить свой предмет.

3) Это точное приурочение вещей к словам и слов к вещам может быть установлено не иначе, как при помощи внимательной мысли, внимающей как в вещи, так и в слова. Она вникает в вещи, чтобы знать, что каждая из себя представляет, из каких частей

состоит, что и каким образом она благодаря им исполняет, она вникает в слова, чтобы понимать, в чем заключается свойственное каждому слову особое значение и откуда происходит его смысл. Достигнув этого, мы в состоянии установить и точную номенклатуру вещей.

Могут возразить: а к чему это? какая польза в этом копаться? не довольно ли знать только то, что требуется в повседневной жизни? Что нам за дело до остального, что за нужда гоняться за всем на свете и привязываться к каждой мелочи? Отвечаю: человеческая природа так устроена, что она представляет образ единственно мудрого, т. е. всеведущего, Бога. Если сознательно и самовольно уклонишься от этого подобия, то отступишь от предназначения божья; даже более того, отступишься от себя самого, не желая быть тем, чем хочет тебя сделать Бог. Но разве знание, возразят нам опять, невозможно без этой номенклатуры вещей? На это пусть отвечает Соломон (Премудр. 7), указывающий на то, что именно делает мудрым; это то, что он (т. е. мудрый) раскрывает все, что обнимает и сокрывает в недрах своих небо, земля и море. Но если недостаточно выслушать Соломона, так послушаем самого Бога, по свидетельству которого точная номенклатура вещей есть основание человеческой мудрости, мало того, даже человеческого всезнания. Ибо, сотворив первого человека по образу своему и введя его в школу рая, он заставил его начать с отшлифовки в себе зеркала божественного образа, рассмотрев все вещи и дав им имена. И мы не будем подражать этому? К чему же и мы равным образом получили зеркало ума? к чему глаза? к чему язык? к чему вступили мы в этот великолепный театр мира, изобильно повсюду наполненный столькими зрелищами? Что же нам делать, если мы не займемся этим, особенно в юношеские годы, когда мы по воле Творца не способны ни на какие другие дела именно ввиду той цели, чтобы мы могли справиться с изучением и наименованием вещей? На что же обратим мы врожденное всем людям стремление к знанию? Какими вещами наполним его ненасытность? Ибо, по свидетельству Соломона, глаз не наполняется видимым, ухо — слышимым, разум — познанием вещей, хотя мы ежедневно видим, слышим, воспринимаем что-либо новое (Еккл. 1, 8). Может быть, лучше заполнить его бесполезными пустяками, нежели серьезными предметами? Если ты вообще не сбросишь человеческой природы, то, куда ни повернись, ты непременно будешь что-нибудь делать; ты принужден, волей или неволей, отдать юношеские годы тем или иным занятиям. Но ты, быть может, предпочитаешь заниматься бездельем, чем делом? Посвящать свой досуг ничего не стоящим вещам, ведущим лишь к отупению вместо познания, к пустословию вместо разумной речи? Кто, будучи даже взрослым, умеет говорить лишь одними словами, а не делами, тот

и человеком-то считаться не вправе. Ступай прочь, примкни к попугаам, сорокам, воронам, скворцам, которые также издают членораздельные звуки, только без понимания, почему они и не представляют из себя речи,— это лишь пустой звук без смысла. Не воображай, что ты говоришь, пока ты высказываешь вещи, тебе не понятные; это значит болтать, а не говорить... Если бы ты даже в совершенстве знал свой родной язык, да еще сверх того латинский, греческий, еврейский и другие, да хотя бы даже все языки мира, все-таки, если тебе недостает понимания вещей, которые лежат в основе слов, ты был бы не более, как попугай, а во все не мудрец. Ибо мудрость заключается в обширном, истинном, ясном познании вещей, а не в словах, которые без понимания вещей суть нечто попугайское. звук без смысла. Тысячу раз возвращаюсь я к этому, ибо никогда не напрасно повторять то, что недостаточно ясно; тем более что до сих пор положение дел таково, что у вас, в этом народе, как раз не обращается на это достаточного внимания.

Мне снова могут возразить: точное понимание вещей — это дело философов, а не наше. На это я отвечу: что значит быть философом? не значит ли это разумно вращаться среди божьих творений? не значит ли это изучить начало, середину и конец вещей, т. е. их назначение? а разве это не обязанность всех, поставленных среди творений божьих, если только они не хотят существовать попусту, себе же во вред, бредить, ошибаться, обманываться, падать и гибнуть? И разве ты, как и всякий другой сын Адама, не образ божий, не наследник земли, не повелитель тварей? почему ты сам себя исключашь? почему ты сам лишаешь себя права на свое наследство? Почему ты сам закрываешь себе глаза? почему ты сам хочешь отнять у себя то, чего не отнимают у тебя ни Бог, ни природа, ни обстоятельства?

«У кого на то есть досуг, а у нас нет». — Что я слышу? Нет досуга, чтобы быть людьми? Если есть досуг на изучение кое-чего, что волей или неволей знать необходимо, то почему — не всего, к изучению чего есть возможность? Разве лучше быть лишь частичкой человека, чем человеком? И если есть время для поверхностных занятий, то почему его не находится для занятий солидных? Казалось бы, его должно быть тем более: ведь в них и бесконечно больше удовольствия, и бесконечно больше пользы. Однако изучение латинского языка без изучения вещей не только бесполезно, но даже прямо вредно, потому что понятия, не проверяемые вещами, становятся нетвердыми, шаткими, сомнительными, одно принимается за другое, откуда и возникают всякого рода заблуждения. Правильно в этом смысле пишет Платон: «Многие занимаются словами, не вникая в самые вещи, о которых говорят. От этого потом и возникает много бесполезных вопросов и споров,

которые лишь запутывают разум». О, как это справедливо! Ведь это-то и есть источник заблуждения — вещи приспособлять к словам, а не слова к вещам, т. е. извращать истинную сущность вещей в угоду фальшивой или бессмысленной номенклатуре. А ведь именно это и делают те, которые изучили слова какого-нибудь языка без тщательного сопоставления их с вещами; таким путем невозможно не нарушить истины и не затруднить ее понимания.

Будем же надеяться, что мы осуществляем доброе дело, основывая сегодня второй класс Латинской школы с целью преподавания и изучения в нем точной номенклатуры вещей, имеющих в мире наиболее существенное значение. С помощью божьей мы уже имеем то, что нам для этого нужно: общую наглядную сводку вещей и слов, в которой параллельно сопоставлена как бы вся мастерская мира, со всем, что она содержит, т. е. полный состав слов латинского языка. И все это в простых словах, в маленьких предложениях и в таком непрерывном и последовательном порядке, что конец можно найти только в конце, и все посредствующие звенья — как вещи, так и слова — каждое помещено на своем месте, так что нет никаких повторений. И притом все изложено так ясно, легко и плавно, что с удовольствием читается и без труда понимается, и так, что ученик, пройдя, увидав и поняв все это, получает уверенность, что он ознакомился со всеми родами вещей и постиг полностью язык, поскольку это требуется для начала. «Дверью языков» назвал я эту общую номенклатуру вещей, сообразно с чем и этот класс назван вступительным.

Приступите же с бодрым духом, вы, юные адепты начального образования, откройте живее это «извлечение» из мира и научитесь точно применять к встреченным вами вещам те имена, которые им соответствуют. Если сначала будет вам трудновато, зато от дальнейших занятий вы скоро получите удовольствие для ума, а затем и большую пользу, если только учителя ваши будут вести занятия увлекательно, все обстоятельно показывать, все толково объяснять и посильными упражнениями доставлять вам развлечение. Пусть только тот, кого мы даем вам теперь первым руководителем, счастливо начал бы дело — вот чего мы всеми силами желаем, о чем молимся, напоминаем, на что надеемся. А вы, изучив с прилежанием этот, на первый взгляд поверхностный перечень вещей, будете в состоянии легче проникнуть затем в само нутро и приобрести себе более основательное познание вещей, которое будет вашим спутником и во всем помощником в продолжение всей вашей жизни. В самом деле, если, исходя отсюда, кто-либо захочет глубже погрузиться в познание природы, искусства, морали или перейти к искусству красноречия, он всегда будет в состоянии тем легче сделаться хорошим философом, естествоиспытателем, врачом, художником, сельским хозяином, государственным

ным деятелем, чем правильнее понял он наружные различия всех вещей и свойственные им названия; именно таким путем ему следует идти.

Я указал, таким образом, для класса, который мы собираемся основать, и его цель, и те средства, которые ведут к этой цели. Но так как помещение, в котором мы собрались, представляет новую, присоединенную к классным зданиям учебную комнату, то ее необходимо еще освятить для общественных занятий.

К тебе, вечная премудрость божия, Иисусе Христе, обращаемся мы и молим тебя смиренно, ниспошли лучи своего милосердия и яви место сие поприщем упражнений в доброй нравственности и мудрости, для чад церкви твоей предназначенных и тебе ранее всего посвящаемых! Осени его, как твое достояние, и всех, с добрым намерением здесь подвизаться хотящих, как верных рабов твоих, теперь и всегда твоим благословением, так, чтобы обитала здесь с нами милость твоя и слава и чтобы все обучающиеся еще здесь, на земле, постигали мудрость, которая пребудет и на небесах!

Благослови также светлейших князей, которые желанием возвеличить славу твою споспешествовали большому и лучшему возрастанию этой школы! Помяни и всех благочестиво ревнующих о преуспевании сего намерения их высочеств! Венцами благословения твоего увенчай их и с ними всех основателей, ревнителей, попечителей, управителей и наставников благочестивых школ в этом государстве и во всех странах христианских и, наконец, все христианское юношество, учению благочестия себя посвятившее, да благораспространится и расширится царство твое под небом. Аминь!

А теперь пусть благороднейший господин Фогт, милостивый покровитель нашей школы, и первый схолярх нарекут и властью учительской облекут того, кто избран в наставники этого второго класса; пусть будет ему прочтен список юношей рыцарского звания и из других сословий, назначенных учениками, и т. д.

Похвала истинному методу

**По сказанию о Дедаловом лабиринте
и нити Ариадны; произнесена
в Патаке при открытии первого,
т. е. подготовительного
(classis vestibularis),
класса Латинской школы
13 февраля 1651 года**

Благороднейший покровитель, знатнейшие, почтеннейшие и славнейшие мужи и вся дружина обучающихся! Мы собрались здесь во святое имя божие для того, чтобы приступить к исполнению нашего решения: привести в порядок ряды нашего учащегося юношества, поставить ему вождя в воинствовании словесном и завязать перестрелку, т. е. положить почин первоначальному обучению. Правда, по моему мнению, благоразумнее было бы отложить дело до того, как будет готово все оружие, необходимое для боя, т. е. до того, как будут отпечатаны все предназначенные для этой цели книги, которые из-за отсутствия типографов до сих пор даже еще не начаты печатанием. Поскольку [перед походом] надо все учитывать, я опасаясь, что это может остановить или замедлить наше продвижение. Тем не менее, так как вам не нравится дальнейшая отсрочка, я буду больше подчиняться вашему желанию, чем своему убеждению. Не таким уж будет грехом, если сначала, как это и вообще бывает, дело пошло бы у нас шероховато. Об одном лишь прошу: не ставить в вину мне или моему методу, если мы не сразу получим тот успех, какого желаем: Бог даст, со дня на день дело пойдет лучше.

Дабы ободрить вас этой надеждой, я и решил предпослать нашему нынешнему заседанию краткое рассуждение о славе и пользе истинного метода.

Чтобы приятнее вам было меня слушать, задумал я, по примеру Верховного учителя, открыть уста свои в притчах и рассказать вам о воспетых древними блужданиях по лабиринту и о выходе из этих блужданий с помощью счастливо затем полученной нити Ариадны. Внимание, благосклонные слушатели! Постараюсь, чтобы, слушая, вы не скучали, а выслушав — не пожалели [о затраченном времени]. Постараюсь доставить вам умственное развлечение, показав, как вымысел складно приходится к делу.

Но сначала я изложу самую легенду, как ее рассказывали древние, а затем уже применю ее и к настоящему нашему учреж-

дению, т. е. к раскрытию вреда, вызываемого беспорядком, и пользы, проистекающей от порядка.

Легенду древние излагали так. У Миноса, царя острова Крита, была жена Пасифая, женщина чудовищной похотливости, которая, прелюбодейно сойдясь с быком, родила чудовище — получеловека-полубыка, прозванное Минотавром. Случилось, что прибывший на Крит в качестве гостя гениальный строитель Дедал предложил царю свои услуги по части художественных построек, и царь просил его выстроить лабиринт, т. е. сооружение с запутанным выходом, с тем чтобы сделать его темницей для чудовищного ублюдка. Дедал и построил здание, до того изобиловавшее [всевозможными] закоулками, залами, камерками, переходами, лестницами вниз и вверх, что, кто бы туда ни был посажен или ни забрел своей охотой, был бы обречен на вечное блуждание в нем, не находя выхода. Царь Минос заключил в нем свое чудовище, Минотавра, и повелел вталкивать туда на съедение чудовищу или на голодную смерть приговоренных к смерти злодеев. Случилось так, что сын афинского царя, Тезей, заведенный [своей] любознательностью на Крит, был [также] схвачен и его должны были бросить туда же. Но так как юноша он был прекраснейший, то сжалившись над ним дочь царя Миноса, Ариадна, по совету Дедала снабдила его средством, как избавиться от вечных блужданий и [конечной] гибели. Средство очень простое, но вполне отвечающее своему назначению. Это был клубок ниток. Привязав конец нити у входа и разматывая его по пути, он мог найги выход, возвратившись тем же путем, каким он шел вперед. Хитрость удалась. Освободившийся Тезей увез с собой Ариадну, устроительницу своего спасения. После смерти отца Тезей сделался царем в Афинах и совершил столь достопамятные подвиги, что среди многих [других] он один считается равным Геркулесу. Среди других его подвигов ему приписывают учреждение палестры, т. е. сведение борьбы к искусству состязаний, которые до тех пор ограничивались одним [грубым] соперничеством в росте и силе, не имевшим ничего общего с искусством.

Вот вам, слушатели, легенда. А какой смысл вкладывала в нее мудрость древних — мифологи толкуют следующим образом. Лабиринт, говорят они, означает сложность человеческой жизни, до того изобилующей всяческими трудностями, что лишь с помощью исключительной мудрости можно из них выпутаться. А особенно это относится к тем, кто поставлен у кормила правления, к царям и князьям народов: перед ними вечно встают бесконечные трудности, одна тяжелее другой. Вот почему так много говорят о Тезее все писатели. А то, что Тезей не мог выбраться [из лабиринта] без искусства Дедала, значит, что без ума и вдохновения в больших предприятиях никогда не бывает достаточно одной си-

лы и напористости. Так легенду о Тезее и Дедале объясняет и прилагает к человеческой жизни замечательнейший мифолог нашего времени (Натанлис Комес) Ноэль.

Однако эту легенду можно гораздо точнее и яснее применить к делам человеческим, рассматривая ее как живое подобие всех тех затруднительных положений, которые благополучно разрешаются с помощью божественной премудрости.

Царь всего Крита Минос пусть знаменует царя вселенной — Бога. Когда с его женой Пасифаей, т. е. с человеком, сотворил блуд адский бык, т. е. сатана, народилось от этого чудовище Минотавр — это мудрость, состоящая из смешения семени божественного и сатанинского, по своим высшим качествам привлекательная и небесная, похожая на божественную, а по низшим — земная и безобразная, увлекающая в сторону грубости. Так и мы захотели стать богами, но с печатью дьявола: мы подобны Богу обладанием способностью к всезнанию, дьяволу же равны нарушением повиновения. Чтобы наказать нас, царь вселенной и превратил для нас сад радости в лабиринт; да не разумеет плотский человек, домогавшийся всеведения, от начала и до конца дел божиих, содеянных им в мире (Еккл. 3, 11). Таково Соломоново свидетельство о мире как о великом лабиринте, заключающем в себе все меньшие лабиринты. И мы блуждаем в этих бесконечных меньших лабиринтах, каждый в своем. Не верите? Не сомневайтесь. Нет ничего достовернее, чем то, что для каждого человека, как это, по крайней мере, обычно бывает, его занятие (для хозяев — их хозяйство, для политических деятелей — политика, для богословов — богословие, для юристов — юриспруденция, для медиков — медицина, для философов — философия, для логиков — логика, для грамматиков — грамматика) представляет лабиринт запутанных ходов, который Вергилий называет безысходным¹, а Катулл — необозримым². Не находя из него выхода, большинство либо погибает от голода, в никогда не насыщаемом, смертельном томлении по истинной мудрости и [другим] благам, либо становится добычей чудовища, т. е. впадает в чудовищные, еретические, погибельные мнения, будучи яростно раздираемо взаимной ненавистью, распрями и убийством, как это и наблюдается в государственной, церковной и школьной жизни всего мира.

Тезей, сын афинского царя, означает тех, кому присуща любовь к истинной мудрости (так как Афиной греки называли Минерву, почитавшуюся ими как богиня мудрости). И эти сыны мудрости, в силу ли врожденной человеческому уму любознательности, под влиянием ли чужих примеров — примеров людей, сбившихся с прямого пути, — случается, попадают в лабиринт. Но дочь вечного царя, вечная, все созидающая, сохраняющая и исправляю-

щая мудрость, сжалившись над ними, оказывает им свое содействие, чтобы они могли выбраться из этих переплетений; выбраться при помощи средства, повторю, самого простого, но вполне отвечающего своей цели и очень удачно представленного в образе нити. В самом деле, что можно представить себе проще нити? Нет в ней ни неразрешимых узлов, ни формы, кроме протяженности в длину, ни каких-либо свойств, кроме гибкости и непрерывности. Но ведь простота, или чистосердечие, и прямота, или справедливость, — это [как раз] то самое, что божественная мудрость предлагает нам везде в своем слове в качестве спасительного средства во всех трудностях. Простота и прямота да охраняют меня, говорит Давид (Пс. 25, 24). Марфа, Марфа, говорит Христос, ты беспокоишься о многом, а одно только нужно (Лук. 10, 42) И также: Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Матф. 11, 28). И опять: Святильник для тела твоего есть око твое; если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло (Матф. 6, 22). И у Соломона: Кто ходит в чистоте, тот ходит в безопасности (Притч. 10, 9). Итак, простота, и прямота, и единство, или единообразие, и кротость со смирением, а не вызывающая надменность, искание и забота о связи и цельности [во всем] — вот что мудрость божия уготовила [нам] как средство против всех человеческих хитросплетений. Если хотите, покажу вам это на одном-двух примерах.

В лабиринтах богословия нить Ариадны есть чистейшая вера, приемлющая все божественное откровение без всяких мудрствований. Это есть чистейшая любовь, соблюдающая все божественные заповеди без всяких кривотолков. Это есть чистейшая надежда, уповающая и на все божественные обетования, нимало не смущаясь тем, что обещанное не [вполне] еще объявилось. Блаженные патриархи, пророки, апостолы, мученики и все чистые сердцем и богобоязненные христиане владели этой нитью чистейшей веры, любви и надежды!

В медицине такой нитью Ариадны является воздержание и простой стол в сочетании с умеренным [физическим] трудом. В первые времена мира это заменяло патриархам всякое лечение и содействовало продолжительности их жизни чуть ли не до тысячи лет. Счастливы и по сию пору воздержанные, не ведающие ни слабительных, ни пилюль, ни клизм, ни надрезов на коже (scarificationes), ни кровопусканий, ни [всех] подобных (как выражается благочестивый теолог Ареций) телесных истязаний.

В юриспруденции такой Тезеевой нитью является искание добра и справедливости и суждение о делах, исходящее от любви, или если уже для любви не остается места, то (во всяком случае)

суждение, исполненное терпимости, ибо, где царствует правосудие, смягчаемое человеколюбием (ничего не уступающее недостойным из-за пристрасти и ничего не взыскивающее с достойных из-за неприязни, всегда награждающее добро похвалой и поощрением, всегда преследующее зло обличениями и карою), — отсюда не могут не бежать пороки, там не может не укрепляться и не возрастать добродетель. Счастливо государство, где во всех живет подобное стремление к добру и справедливости! А без него, чем больше хлопочут юристы, тем больше они усложняют свой лабиринт, утомляют и расстраивают умы бесконечным запутыванием и распутыванием всевозможных казусов на конечную гибель [делу].

Но обратимся, однако, к лабиринтам школьным, дабы [и] здесь, с помощью божьей, изобрести нить Ариадны, способную нас из них вывести. Великим лабиринтом является в школьном деле, во-первых, сама многочисленность подлежащих изучению предметов: и языки, и философия, и математика, и мораль, и чего только еще нет. Если взять школьную науку в целом, то это — какой-то густой, непроходимый лес, неисчерпаемый океан. Затем — такое разнообразие подлежащих изучению предметов, что стоит только посмотреть, как закружится голова! Наконец, метод преподавания и обучения настолько запутан, что всякий, желающий пройти через сад науки, наталкивается на тысячи и тысячи поворотов, изгибов, околиц и так заморочит себе голову, что едва отыщет выход к ясной свету мудрости; большинство же неизбежно застревает в пещерах суетливости и находит в них как бы свою могилу.

Отсюда сразу же и ясно, в какого рода Ариадниной нити нуждаются школы. Они нуждаются в таком, тщательно обдуманном методе занятий, который, будучи простым и легким, давал бы, однако, возможность смело и успешно проникать во все пещеры наук. Вместе с тем этот метод должен быть настолько прочен, что, как бы далеко он ни простирался, он никогда бы не изменял в странствованиях по наукам. Обладая такого рода методом обучения — прекрасным, гибким и надежным, при содействии многих умов и при помощи божьей тщательно разработанным и доведенным до такой ясности, что его не без основания можно сравнить с нитью Ариадны, — обладая этим методом, мы не скрываем его от вас, племя афинян и сыны Минервы, т. е. мудрости!

В чем именно заключается способ наиболее легкого усвоения всех предметов — сейчас об этом не позволяет подробно распространяться время, намекну лишь кратко. Вы же, возлюбленные Тезеи, глубже испытаете этот способ на собственном опыте, если только проявите склонность следовать нашему руководству и если наш метод не покажется вам слишком уж простым. Знайте, что пройти из конца в конец все изгибы словесного лабиринта

и не быть им поглощенным и не погибнуть вы можете посредством постоянного применения *анализа* и *синтеза*.

В какой бы закоулочек вы ни попали, *анализ* ничему не позволит ускользнуть от вашего внимания (что составляет основу любого рода учености). А *синтез* из ущелий теории снова выведет вас в [просторные] поля действия. Если же присоединить к ним еще и светильник *сравнения*, то, где бы вы ни оказались, у вас [всегда] будет с собой свет. Вам кажется, что я говорю загадками? Эти загадки разгадает и разъяснит само дело. Словом, тождество, или однородность метода в преподавании ли языков, истории ли, философии ли, богословия ли, других ли всех [наук], — вот что является светильником сравнения, который так осветит множество и разнообразие подлежащего изучению, чтобы можно было одним интеллектом постигнуть одновременно многое другое, похожее и непохожее, различное и противоположное. Преодоление одной какой-либо трудности тотчас же обеспечивает преодоление многих других. Но, как я уже сказал, здесь нет надобности входить в более подробные объяснения тайны лучшего метода.

Изложенная в правилах, подлежащая ежедневной иллюстрации на практике, она ни для кого из вас, кто только пожелает, не останется неизвестной.

А теперь мы лишь покажем на примере обучения латинскому языку (чтобы впоследствии сделать это более полно), в чем до сих пор в самом деле заключается этот лабиринт в первоначальном обучении — лабиринт, из которого мальчики, юноши, взрослые, зрелые люди и даже иные старцы в непрерывном по нему блуждании в течение всего своего детства, юности или даже всей жизни едва находили, а [иной раз] даже так и не находили выхода. В нашей же школе, будем надеяться, злосчастный лабиринт этот превратится в приятный сад благодаря подразделению всего курса этого обучения на три ступени, на три класса, проходимые в трехлетний промежуток времени. В первом классе путем постоянного параллелизма вещей и слов закладываются основы латинского языка и вообще всей изящной литературы; во втором — постигается строение языка; в третьем — [ко всему этому] прибавляется то, что служит украшением речи. Закончив эти три класса, можно будет, Бог даст, вступить и на луга высшего обучения и, установив в них подобным же образом отдельные задачи и соответствующие задачам средства, приятно пройти и эти луга. Будем же воспламененным духом неустанно молить Отца светов, от него же свыше исходит всяк дар совершен, да сбудется это по нашему желанию.

Вы же, возлюбленные венгры, блюдите, да не пренебрежете этой милостью божией [к вам]. До сих пор не было у вас недостатка ни в Дедалах, искусных строителях лабиринтов, в коих погрязла

молодежь, увлеченная своей любознательностью, ни в чудовищах софистических блужданий, в пасти которых погибали юноши. Так неужели вы откажетесь принять предлагаемую вам [теперь] путеводную нить Ариадны — этот метод, который даст возможность легко их все пройти и благополучно из них выйти.

Надеюсь, что нет. Надеюсь и вижу уже, с какой радостью и с каким рвением вы начинаете и продолжаете учение, идя этим путем! Поздравляю вас с добрым, неленостным подвигом учения! О, поверьте, не обольстит вас надежда ваша, если только в начале вами учении пребудете вы бодры, деятельны, постоянны!

А теперь перейдем [непосредственно] к тому делу, ради которого мы собрались: дабы первый, низший, класс Латинской школы получил [здесь], с высшего соизволения, свое начало. Сейчас будет объявлен и со стороны высокородного господина Фогта, именем их светлейших высочеств утвержден законно избранный руководитель этого первого класса. [Затем] будет прочтен список молодых людей (в достаточно большом количестве — 113 человек), поступающих [сюда] для получения образования. Наконец, пока совершается обряд освящения всей школы, будут оглашены законы [школы]. Во имя Господне!

(Затем последовал самый акт открытия [школы].)

Воскресший Форций, или Об изгнании из школ косности

Ко всем гражданам¹ всех школ,
особенно же к проникательным
попечителям славной школы
в Патаке

Дело молодых — работать,
дело старых — советовать.

Председателям, учителям и ученикам школ — во Христе здравствовать!

Не без удовольствия смотрю я на представляющиеся мне случаи оказывать услуги христианскому юношеству и школам, и не против воли пользуюсь я этими случаями, будучи уверен, что они предоставляются самим провидением: только бы было у нас усердие взяться за них. Самые болезни дают повод и толчок к изысканию необходимых оздоравливающих средств, самый беспорядок — к восстановлению порядка, сами дурные нравы — к созданию хороших законов. Однако дело показывает, что не всегда мы преодолеваем нашу медлительность и приводим в движение необходимые средства. Большею частью мы предоставляем дела их собственному течению или считаем свой долг исполненным, если мы жалобами и сетованием даем знать, что мы далеки от незнания наших бедствий. И вот мы жалуемся, что, видя перед собой нечто лучшее, мы вязнем в тине неурядицы и все-таки погрязаем в ней, потому что либо у нас не хватает решимости выбраться оттуда, либо мы никак не приложим рук к делу с надлежащей серьезностью и умением.

Вот отчего раз обуявшие нас недуги в такой степени прочно укореняются, что даже при неблагоприятных обстоятельствах непрерывно прогрессируют. Это наблюдение античная мудрость выразила образно в сказании о борьбе Геркулеса с лернейской гидрой, борьбе необычайно трудной, так как, лишь только он отрубал одну из ее многочисленных голов, на ее месте сейчас же вырастали две новые. Как бы там ни было, мы должны бороться с нашими пороками до тех пор, пока с помощью божьей их не победим. Мне же, в частности, предстоит теперь вступить в бой с язвой школ — косностью, повод к чему подает нам поднятая давно одним мудрым человеком жалоба на небрежность и на поверхностное только исполнение обязанностей почти всеми, кто учит в школах — не исключая нашей. Казалось, можно было

надеяться, что, раз возможен свет лучшего метода, господствующая в школах рутина тем самым хоть до некоторой степени будет вытеснена. Но что пользы зажигать факел, когда люди не хотят открывать глаз? Мне опять приходит на мысль известное изречение учнейшего мужа: тщетно стремиться к улучшению методов, если не удастся удалить из школ косность. И вот, в видах ее устранения, надумал я опубликовать золотую книгу Иоахима Форция «О способе занятий», замечательно воодушевляющую любовью к занятиям всех учащих и учащихся в школах. Я отпечатал у нас эту книгу. О, если бы только с тем же успехом, с каким несколько лет тому назад то же самое сделал Эрпений в Бельгии²! Эрпений сообщает, как много благодарностей получил он от всех за рекомендацию этого писателя. У нас нет ничего подобного, повсюду глубокое молчание. Читают ли его или не хотят понять — этого я не знаю; во всяком случае, мое дело — добиваться, чтобы его поняли. Известный вопрос моралистов, должно ли делать добро неблагодарным, для христианина вопрос, полагаю, совершенно праздный. И Христос говорит (Матф. 5, 44, 45), и апостол удостоверяет (2 Фес. 3, 13); и даже сам Сенека, руководимый светом естественного разума, признает, что должно жалеть несчастных. Несчастен же тот, кто не видит своего же блага; несчастен тот, кто не знает пути к тому, что составляет предмет его самого сильного стремления; несчастен и тот, кто знает средства для достижения своей цели, но пренебрегает ими; однако несчастнее всех тот, кто даже не хочет видеть того, что ему полезно, кто не слушает и даже ненавидит путевода, кто отталкивает человека, указывающего ему, чем он болен и как ему вылечиться. О, да пребудем мы в подражании Богу, продолжая желать блага и приносить пользу, божьим поспешением, даже и тем, кто этому противится. Вот что дало повод к появлению настоящего сочинения, которое я озаглавил «Воскрешенный Форций» и издал с той целью, чтобы, померкший в своем прежнем виде, он предстал перед нами в новом облике, более ясно изложенный и лучше приспособленный к нашим условиям. К заглавию я прибавил подзаголовок: «Об изгнании из школ косности»; ведь, пока не будет устранена косность, эта необъятная глыба, загромождающая дорогу ко всему славному и прекрасному, до тех пор, думаю я, все другие указания, все увещания, все добрые пожелания, все усилия и заботы благочестивых покровителей, все щедрые вспомоществования, все устроенные нами коллегии, аудитории, общежития, наконец, все хорошие уставы и их блюстители — словом, все окажется и навсегда останется тщетным. Так поставим же перед собой эту задачу — изгнание косности, этого столь вредоносного хищника, из садов мудрости, или, вернее, озаботимся приведением в исполнение наших

собственных начинаний. Я первый покажу пример своим рвением, я сам не пожалею никаких усилий и даром предоставлю в распоряжение всех тех, кто причастен к школе и кто вообще пожелает это краткое печатное произведение. Однако под условием, во-первых, что оно будет прочитано: ведь книги пишут не для моли, а для людей; во-вторых, что это будет сделано с пониманием; ибо читать и не понимать — то же, что совсем не читать; в-третьих, что не преминут говорить друг с другом об этом предмете и таким образом друг друга взаимно поощрять. Будьте же, прошу вас, общительны, а не замкнуты, ибо первое есть свойство света, второе — признак мрака.

Об изгнании косности из школ

1. Порядок нашей работы пусть будет такой же, как если бы у нас шло совещание относительно какого-либо вопроса. Сначала предположим случай, вызывающий беспокойство. Затем изыщем средства, способствующие устранению зла. Наконец, найдя их, постараемся внушить необходимость их применения тем, кто имеет к этому делу какое-либо отношение³.

2. Случай, который вызывает наше беспокойство, — некая тайная болезнь, в которую впали наши школы, и болезнь эта их так изнурила, что у них нисколько не остается подлинной силы или хотя бы краски в лице; осталась только худоба и бледность. Между тем спасительные средства они от себя отталкивают или принимают их неохотно, да и, приняв, не чувствуют никакого улучшения, а, наоборот, приходят в еще большее расстройство и падают еще ниже.

3. Я отдаю себе отчет в том, что зло это имеет много причин, и причин весьма разнообразных. Однако я полагаю, что (поскольку в настоящее время отдельные проявления зла уже изучены и средства против них уже изысканы) все они могут быть приведены к одному общему источнику. Это известного рода укоренившаяся спячка и равнодушие, которые мешают людям как самим видеть истинную цель школы, так и открывать глаза, когда кто-либо другой им ее указывает; и, наконец, даже видя эту цель, они не в состоянии стряхнуть с себя эту спячку.

4. Чтобы разъяснить дело, разберем по порядку те три момента, которые заключаются в заголовке:

1) школу, которая по своей идее есть не что иное, как поприще труда, пусть даже приятного, но все-таки труда (§ 5—22);

2) косность, полновластно и губительно завладевшую школами (§ 23—39);

3) изгнание косности, этого вредного хищника, как единствен-

но возможное средство для оздоровления школ, выяснив попутно и вопрос о том, на чьей обязанности лежит это изгнание (§ 40 и след.).

5. Школу всего проще можно определить как собрание учащихся и учащихся. Но и обучение есть один из видов труда; в этом смысле школа и есть поприще труда.

В самом деле, учить — это значит вводить в науку не знающих науки, учиться — это значит быть руководимым. Но кто ведет, тот предшествует; кого ведут, тот за ним следует. Предшествовать и следовать значит во всяком случае идти, а кто идет, тот не стоит, не лежит, не спит, не позевывает, но бодрствует, действует, напрягает свои нервы, находится в движении всем своим существом и достигает своей цели только благодаря этому непрерывному движению.

6. Иной по неопытности возразит, что слово «школа» (греческое *σχολή*) означает досуг, покой, а покой противоположен работе⁴. Такому я отвечу: да, но работе механической, утомляющей тело, от которой ученики с тем, очевидно, и освобождаются, чтобы все свои природные силы направить на более сильную умственную работу.

7. В латинском языке школа иногда называется *ludus*, т. е. игра; и опять-таки не ради того, конечно, чтоб ученики могли думать, что они могут заниматься игрой в кости, карты или шахматы или предаваться другим бесполезным забавам, — но в том смысле, что она представляет собой тихое пристанище, специально устроенное для научных знаний, несколько не обременительных и не утомительных, но, подобно игре, лишь приятно и легко упрямляющих ум и тело.

8. Что школа есть не что иное, как рабочая мастерская (*laboratorium*), ясно уже из почетных эпитетов, данных школам, или из метафорических [образных] определений, которыми весьма удачно характеризуют занятия школы и лиц, посвятивших себя школьной жизни. Рассмотрим некоторые из них.

9. Во-первых, школа называется мастерской гуманности⁵, в которой молодые и необразованные люди образуются (*efformantur*), чтобы вполне воспринять черты подлинной гуманности, чтобы не остаться болванами, а выйти из нее живыми образами божими, созданиями, в наибольшей степени похожими на их Создателя. В мастерских (особенно ремесленных, скульптурных, живописных) нет места для праздности и праздных людей, там кипит непрерывная работа — пила дерева, стругание, обточка, долбление, резьба и расписывание — по пословице: «ни дня без штриха» и не допускается никаких праздников, кроме данного Богом воскресенья. И в школах дело должно быть поставлено так, чтобы эти мастерские мудрости не уступали ни одной механической мастерской

в смысле трудового напряжения и чтобы они не знали никаких праздников, исключая посвященных Богу.

10. Школы весьма метко называют также мастерскими света, так как главная их цель — просвещение умов, чтобы рассеивать мрак врожденного нам неведения, заблуждений и грехов. Но если представлять себе школу в виде мастерской света и светильников, то тем самым должно предполагать наличие в ней деятельных и бодрых работников, часть которых разыскивала бы материал для изготовления из него светильников, другие изготавлили бы фитили, топили бы воск или сало, вставляли фитиль, выливали и вынимали из форм свечи, упаковывали то, что уже готово, третьи приготавливали бы трут, ударяли бы сталью о камень и извлекали искры; зажигали серничками свечи, вставляли их в подсвечники, доставали свечные щипцы, снимали нагар и делали так, чтобы все становилось освещенным.

11. Удачно также сравнивали школы со строительным искусством, потому что, в самом деле, люди здесь готовятся для того, чтобы, подобно хорошо обтесанным камням, войти в состав общественного здания — хозяйственного, политического, церковного — и содействовать прочности и красоте постройки.

Если же смотреть на это дело не как на чисто человеческое, ибо оно собственно и не есть таковое, но как на дело вечной Премудрости, которое она только осуществляет руками людей, то совершенно справедливо будет и в пример взять само воплощение этой Премудрости — премудрого Соломона. Когда он хотел построить Богу храм, себе — дворец, а жене своей, дочери фараона, — дом (символизирующие церковь, государство и школы), то он собрал для этого ошеломляющее количество искусных и прилежных работников. На Ливан послал он восемьдесят тысяч лесорубов и плотников и семьдесят тысяч грузчиков вместе с тысячью тремястами надсмотрщиков. Нарубленные и обрезанные здесь кедры были доставлены к морскому берегу, связаны в плоты и переправлены в Иерусалим. Литейные работы производились на полях Иерихонских между Сокхофом и Цартаном. Все это наглядно показывает, что тщательная обработка живых камней и бревен для строительства церковного и государственного невозможна без предварительной, усиленной и очень тщательной подготовки их посредством школьных наук. Следовательно, школа знает только работу, но, при правильной постановке дела, работу приятную, подобно работам в благовонном лесу Ливана или в долинах роз в окрестностях Иерихона (3 Цар. 5, 18 и 7, 46).

12. Если мы посмотрим на школу как на паству агнцев божиих, пасущихся на лугах мудрости, то увидим, что и в этом случае она означает работу и труд, а не праздность и леность. Этому нас учит праотец Иаков, который, пася с тестем своим,

Лаваном, стадо его, говорпл, что он служпл ему всеми силами (Быт. 31, 6), что днем томплся он от жары, почью — от стужи и что сон убегал от глаз его (40). А когда Бог сетует на пастырей Израйля, что они не пасут стад своих, слабых не укрепляют, и больной овцы не врачуют, и пораненной не перевязывают, и угнанной не возвращают, потерянной не ищут (Иез. 34, 4), то он ясно указывает, какой неусыпности, какой заботливости, какого труда требует также и человеческая паства (будет ли то паства «овец» в церкви, или «баранов, козлов, быков, медведей и львов» в государстве, или, наконец, «ягнят, козлят, телят и лввят» в школе).

13. Не неуместно сравнивают также школы с питомниками; ведь на самом деле они представляют собой питомники для церкви и государства. Именно, как разумный садовник сеет и сажает молодые деревца не тотчас же на то место, где они потом должны стоять и приносить плоды, но в особое место в саду, которое он называет питомником или рассадником, точно так же и людей нельзя тотчас же поместить в церковь и в государство и предоставить им там развиваться, но нужно развивать их заранее, в юношеские годы, не обремененные еще тяготами жизни и наиболее пригодные для упражнения во всех делах. Как садовник в своем питомнике прилагает величайшие усилия, чтобы юные растеньица выростали нормально из семян или чтобы, вырытые в лесу и перенесенные в сады, хорошо укрепились и привились; как затем он неотступно поливает, пересаживает, прививает черенки, чтобы сделать их способными к хорошему плодоношению, очищает и чего только не делает, пока растения, укрепленные многолетним заботливым уходом за ними, не окажется возможным пересадить на определенное место в саду и заставить их приносить плоды, совершенно так же бывает и здесь: и здесь питомники церкви и государства необходимо требуют большой заботливой работы, если мы не хотим, чтобы наши растеньица, будущие плодоносные деревья, зачахли, стали бесплодными и окончательно погибли.

14. Но всего правильнее сравнивать школу с ложем роженицы, как и апостол требует, чтобы новообращенных христиан считали за новорожденных младенцев и питали их словесным чистым молоком (1 Петр. 2,2). И философ Сократ, который был сыном повивальной бабки и который, сам сделавшись мудрецом, насыщал и многих других своей мудростью, по своему собственному признанию, исполнял дело повитухи. И это очень остроумно. В самом деле, Бог оплодотворил семенами мудрости и добродетелей свой излюбленный образ — человеческую природу, так что она во всех своих отдельных представителях обладает даром и способностью к учению, были бы только люди, которые ласковой и умелой рукой могли бы счастливо выводить на свет божий прекрасное дитя мудрости, статное дитя красноречия, веселое и живое дитя добродете-

тели. Но и в родильных домах нет места бездеятельности, и там идет оживленная работа: пока мать мучится родами, бабка присит ей лекарства, служащие для облегчения болей, искусно мешает и разумно применяет их; да и все присутствующие только и заняты тем, что способствуют сохранению жизни и здоровья роженницы и дитяти, а если ничего другого не могут сделать, то хоть молятся. Так как же можно думать, что духовное повивальное искусство менее серьезно и трудно и что им можно заниматься беззаботно или для забавы?

15. Наконец, не без основания школу называют также ареной состязания муз и сравнивают с войной. Именно здесь из отборной молодежи составляется войско, предназначенное для того, чтобы бороться с врагами человеческой природы: невежеством, заблуждениями, пороками — и чтобы изгонять из области церкви и государства всю эту скверну грубости, безбожия и т. п. Но кто же когда-либо видел, чтобы война велась без трудов и лишений? Ее начинают не для удовольствия, но для нее идут на бедствия и страдания, пока, с напряжением всех сил, она не будет доведена до конца и пока сам полководец и все военачальники и простые воины не обретут вновь мир и покой, славу и богатую добычу с радостью и ликованием.

16. Отсюда ясно, что такое школы и что они требуют людей деятельных, что относится и к учачим, и к учащимся, и к тем, которые приставлены к тем и другим, т. е. к начальникам и руководителям. Чтобы еще лучше это выяснить, рассмотрим теперь в отдельности образец хорошего учителя, хорошего ученика, хорошего школьного начальника.

17. Хорошим учителем является тот, кто старается не только слыть, но и быть таковым, т. е. учителем, а не одной лишь личной учителя. Следовательно, он не должен уклоняться от связанного с учительством труда, а сам его выискивать; исполнять его не ради формы, а серьезно; не на ветер, но для прочной и постоянной пользы учащихса, применяя к себе и внушая ученикам слова Сенеки: «Благородные умы питает работа. Не довольно того, что ты только не отрекаешься от работы, — ты должен ее требовать; не достойно мужа бояться пота»⁷. Хороший учитель ищет учеников («Хороший наставник радуется, если учеников у него много», — говорит Фабий⁸). Он ищет, чему учить, ибо он горит нетерпением обучить всех всему, что только возможно. Он думает о том, как учить, чтобы напиток науки проглатывался без побоев, без воплей, без насилия, без отвращения, словом, приветливо и приятно. Подобно усердному ваятелю, он старается по возможности красиво изваять и расписать божии изображения, без конца их шлифует и отделяет, чтобы придать им наибольшее сходство с оригиналом. Как чистый и непорочный служитель вечного света, он горит

нетерпением рассеять умственный мрак и пролить свет во все мысли и действия. Как предприимчивый архитектор, всюду валит он лес знаний, свозит его в одно место, доставляет, куда следует, соразмеряет, выравнивает и обрезает его так, чтобы, все во всех отношениях приладив и подогнав, застроить затем все уголки человеческого существа. Как хороший пастырь, он постоянно находится у своего стада с неусыпной заботой о том, как устеречь своих агнцев от ярости диких зверей, как предохранить их от заразной болезни, удержать от ложных путей, направить на здоровое жизненное пастбище и напоить их потоками вод живых. Как рачительный садовник, он ухаживает за всеми растениями под небом, которые поручено ему взрастить в саду его, чтобы они в течение всего времени своего произрастания пользовались хорошим уходом и были оживляемы и укрепляемы поливкой и удобрением. Как добросовестный акушер, призванный к постели мучающихся родами умов, он будет неусыпно заботиться, чтобы умы легче и счастливее разрешались от бремени. Наконец, как энергичный полководец, высланный против варварства и безбожия... и т. д. Счастливы школы, имеющие таких учителей!

18. Равным образом хороший ученик будет не чем иным, как тем, что вполне точно соответствует его имени: он будет сгорать от нетерпения учиться, не боясь никаких трудов, лишь бы овладеть наукой. И его благодородный дух будет питать работа; мало того, что он не будет избегать труда, он будет даже искать его и не бояться напряжения и усилий. Он будет ставить себе целью не что-либо посредственное, но самое высшее, постоянно стремиться чему-нибудь научиться, пока он чувствует, что ему чего-либо недостает, и постоянно искать, у кого ему учиться, во всем подражая своим учителям и соревнуясь с своими сотоварищами, всеми силами стараясь сравняться с одними, превзойти других. Без сомнения, он будет подобен хорошему материалу, стремящемуся превратиться в прекрасный образ, в подобие самого Бога; подобен чистому воздуху, который жаждет быть пронизанным лучами света; подобен выровненному для постройки месту, которое остается только заполнить всеми прекраснейшими зданиями мудрости; подобен агнцу, рвущемуся к корму на пастбище; подобен благородному растению, готовому стать деревом божьего рая и принести прекрасные, ароматные плоды в великом изобилии; подобен душе, которая чувствует себя оплодотворенной божественным семенем и, покорная заботам повитух, производит живой отпрыск мудрости и добродетелей; наконец, подобен хорошему солдату, который следит за каждым мановением своих вождей и ревностно добывается добычи.

19. Хороший попечитель (curator) школы тот, кто прилагает всевозможные старания к преуспеянию школы и кто не чувствует

себя хорошо, если не в хорошем состоянии его школа. Он смотрит на нее как на свою Спарту⁹, всячески поддерживать и украшать которую составляет его призвание. Он делает то, что делает хороший главнокомандующий со своим войском; он снабжает его хорошими полководцами и командирами, научает их в свою очередь вербовать или путем упражнений воспитывать хороших солдат и, наконец, устанавливает в войске надлежащий порядок. Снабжая его наилучшим вооружением, подчиняя его законному порядку, обязывая его к верности присягой и заботясь о назначении и своевременной уплате всем причитающегося жалования, ведя их затем на врага и побуждая их неослабно стоять в деле, он никогда не позволяет войску быть в сонливом покое, но постоянно поддерживает в нем бодрость крепостными работами, фуражировками, набегами, стычками с неприятелем. Когда же дойдет дело до битвы, он объезжает войска, устанавливает или приводит в порядок их ряды, все время убеждая, воодушевляя, возбуждая их обещаниями и угрозами, возвращая бегущих, поддерживая слабых, хваля храбрых и т. п., словом, неутомимо работает и все делает, чтобы добиться победы. Ведь он знает, что при дурном ходе дела отечество погибнет, а сам он покроет себя стыдом и презрением; что только победа обеспечит отечеству безопасность, а ему самому — триумф.

20. Смотри, как здесь везде требуется живость и усердие, постоянный подъем духа, напряжение сил, неутомимое прилежание, непрестанный ряд усилий и как бы непрерывное бодрствование, а не остановки и отступления; не оглядывание на сделанное, а предвосхищение того, что еще остается сделать, пока не будет достигнута цель.

21. Но так ли все это оказывается в школах, с таким ли жаром все там делается? О, если бы это было так! Тогда бы видно было, как и здесь, благодаря бдительности и усердию, благословением божием все преуспевает.

22. Но все это похищает у нас то губительное и наводящее оцепенение чудовище, о котором мы начали говорить, — косность.

В стремлении изгнать ее из умов рассмотрим теперь: 1) что такое косность; 2) в какой степени глубоко овладела она школами и 3) как велико ее вредное влияние.

23. Косность есть отвращение к труду в соединении с ленью. С нею увязаны: 1) бегство от работы и уклонение от задаваемых работ; 2) вялое, холодное, поверхностное и безучастное исполнение их и, наконец, 3) медлительность и прекращение уже начатых работ.

24. А разве не замечаем мы повсюду в школах все эти три явления? Разве не охотнее уходят из них учащие и учащиеся, чем поступают туда? Конечно, за исключением некоторых, кто при-

нужден в них оставаться, потому что здесь зарабатывают свой хлеб, которого иначе добыть не умеют. Но разве и те, которые в них остаются, не предпочитают тратить свое время на бездействие и праздность? И разве в часы, которые они принуждены посвящать занятиям, не ведут они дела сонно, вяло, флегматично, лишь бы отбыть время? И разве в конце концов не бегут они оттуда, как от работы на мельнице, не достигнув даже цели обучения?

25. Переходя, в частности, к учащим, необходимо отметить, что господство над ними косности выражается прежде всего в том, что они не думают, как бы приобрести самим себе свет истинного и полного просвещения, и еще менее того принимают на себя труд, потребный для достижения такого просвещения. Для подтверждения этого я поставлю перед их глазами в виде зеркала изречение Эразма, которое приводится Форцием, когда он говорит: «Кто начнет учить кого-нибудь (кого-нибудь, говорит он, т. е. одного; тем более это относится, стало быть, к тому, кто захотел бы обучать всю школу и посвятил бы этому призванию свою жизнь), тот постарается преподавать ему самое лучшее; но, чтобы преподавать наилучшее и притом самым правильным образом, нужно, собственно, знать все или, если в этом отказано уму человеческому, по крайней мере, самое главное из каждого учебного предмета. И в отношении его, т. е. учителя классических языков, нельзя довольствоваться десятью или двенадцатью авторами, но я буду требовать от него знакомства со всем кругом научного знания, чтобы для него (заметьте это хорошенько), даже если он берется учить лишь самой малости, ничего не оставалось неизвестным. Следовательно, он должен будет одолеть все «племя» писателей, чтобы остановиться на лучшем; отвесть от всех, никого не пропуская, и т. д.»¹⁰. Но кто из учителей заботится о приобретении в первую очередь для себя подобного рода полного образования, чтобы стать живой библиотекой, ярким солнцем для своих учеников, освещающим их со всех сторон?

26. Отсюда следует, что тот, кто мало знает, малому может и учить и что он не умеет, да и не дает себе труда добиться успехов от своих учеников. В каких школах руководители их знакомят учеников с хорошими авторами? Сколько авторов ежегодно они проходят? Десять или двенадцать? А ведь Эразм еще и этим не довольствуется.

27. Но если даже и занимаются с учениками тем или иным автором, с каким прилежанием это делается? Сколько часов в день ведется преподавание? Много ли таких людей, которые, подобно Форцию, могут сказать о себе: «Ежедневно я преподавал в продолжение двенадцати часов; кроме того, ради упражнения в красноречии, я иной раз еще произносил речь — о Боге ли, о мире ли, о других ли вопросах» (ср. гл. XVI его сочинения,

озаглавленного «De ratione docendi» («О методе учения»)? Где найдешь таких Фордцев?

28. Что сказать мне о питомцах школ? Разве не известно, что они осаждены со всех сторон их злейшим врагом — косностью? Прежде всего их ум и сердце опутаны таким густым мраком, что они даже не различают сияние истинного и полного образования. Поэтому они и не чувствуют внутренней в нем потребности; для них, подлинных рабов полубразования, довольно только капельной дозы наук, подобно тому как равнодушный и ленивый пленник, даже и будучи в состоянии разорвать свои оковы и освободиться из мрачной темницы, нисколько не заботится об этом, предпочитая влачить свою жизнь в темноте и смраде.

29. Далее, косность и уши им заложила, так что они тяготятся слушать своих учителей, если даже и является к тому возможность. А если они их слушают, то все равно, как если бы не слушали; сколько бы лет они ни учились, они так и остаются не чем больше, как учениками.

30. И глаза их заволочла и сделала незрячими косность, так что они слишком ленивы для того, чтобы хоть дома читать книжки; по имени они — студенты, т. е. люди, предавшиеся изучению изящных искусств и наук, на самом же деле они — питомцы косности и апатии.

31. Что мне сказать об их языке? Что он у большинства точно прилип к гортани, доказывает редкость вопросов, бесцветность ответов, небрежность в изложении.

32. Что сказать о внутренних чувствах? ¹¹ И там все мертво. Они не имеют ни малейшей потребности пасти свой ум на лугах мудрости; они отказываются утруждать память, ежедневно заучивая что-либо наизусть и слагая это в тайниках своего духа; еще менее склонны они изощрять свой разум собственным размышлением.

33. Руки у них делаются до того дряблыми, что они не заботятся даже выписывать себе ценные замечания из писателей, чтобы вооружить себя (без чего невозможно стать ученым) сокровищем подобных извлечений.

34. Эта праздность отдельных членов имеет результатом ослабление и изнеможение всего тела и духа, так что, наконец, большинство, забывая о той цели, для которой они сделались и стали называться студентами и посвятили себя школьной жизни, проводит время в еде, питье и сне (не только ночью, но даже сверх потребности и днем) и в этом ленивом покое расточает свои юные годы, прекрасную весну своей жизни.

35. Если они и принимаются за какого-либо рода занятия, то занятия грязные, не достойные благородного звания студента:

кости, карты, фехтованье, кулачный бой, празднотанье, пустые разговоры, бесшабашные попойки, ночной разгул и т. д.

36. А какой характер носит пощечение о школах со стороны схолахов [начальников школ]? Какое старание прилагают они к предупреждению беспорядков? Насколько серьезно их рвение, когда дело идет об устранении неустroйств? В иных местах совсем нет начальников над школами, потому что они не поставлены. А где таковые есть, то редко бывают они достойными своей должности, бдительными и энергичными, исполняющими, как подобает, свои обязанности. Они редко посещают школы, редко проверяют учащихся и учащихся, редко выговаривают нерадивым и т. д., но предоставляют дело собственному течению, только чтобы никого не обидеть.

37. Чтó иное может выйти из всего этого, как не то, что мы видим в рабочих мастерских, где ленивые работники убивают время на сон, игру и ничегонеделанье и где все работы остаются недоконченными или неисполненными? Чтó иное, как не то, что происходит на строительстве, где нужный материал не нарублен, не отесан, не обрезан и не обработан как следует и где поэтому места для построек остаются пустыми или вместо обещанных дворцов являются хижины, да и те со щелями, кособокие, неотделанные и уродливые? Чтó иное, как не то, что происходит на войне, где нерадивые полководец и солдаты, даже при наличии всех данных для победы, упускают ее из рук? Чтó иное, как не то, что наблюдается в садоводстве и полеводстве, когда на заброшенных полях вырастает сорная трава, вместо прекрасных кустарников — тернии, вместо плодовых деревьев — одни бесплодные?

38. Таким образом, вследствие господствующей в школах нерадивости они не приносят ожидаемого плода; из своих мастерских выпускают они вместо стройных статуй грубые чурбаны, вместо светильников мира — дымные головни, вместо невинных агнцев — похотливых козлов, вместо плодородных деревьев — колючий кустарник. Если хотите устранить когда-либо эти недостатки, нужно изгнать из школ косность.

39. Но что значит изгнать? Это значит принять насильственные меры против того, что причиняет нам большое неудобство и не хочет исчезнуть само собой или же не может быть удалено спокойным образом. Тогда мы кричим, отталкиваем руками, или бьем дубиной, или выгоняем кнутом или каким-нибудь другим подобным орудием, способным внушить страх и обратить в бегство.

40. Итак, если мы требуем изгнания косности, то тем самым мы требуем применения насильственных мер против гадкой привычки, погружающей нас в бессилие и сковывающей нас какой-то сонливой апатией, вследствие чего мы становимся неспособными предпринять состязание в достижении мудрости. И притом —

выкорчевать косность до конца, чтобы она уже никогда не была терпима в недрах школы.

41. Но кто приложит руку, чтобы изгнать это чудовище? Рассказывают, что когда известный, воспетый поэтами вепрь каледонский разорял поля Этолии и страшно опустошал прекрасный возделанный виноградник царя Энея, то собрались самые сильные охотники со всей Этолии, чтобы убить этого вепря¹². А когда у нас волк производит опустошения в стаде, то обыкновенно собираются дворяне, горожане и крестьяне и защищают свой скот. И когда неприятель вторгается в пределы нашего отечества, то никто не отказывается взяться за оружие. Не должны ли и мы все таким же образом сплотиться здесь, где полю государственному, винограднику церковному, пастве христовой — юношеству — причиняется гораздо больший вред, чем какой мог бы нанести какой-либо хищный зверь или озлобленный враг.

42. Прежде всего изгонять это чудовище надлежит, конечно, тем, в которых оно преимущественно укоренилось. Но кто же это такие? Часто слышатся жалобы на учащихся, а те приписывают вину учащимся. Но, несомненно, не без греха обе стороны. Учащие чувствуют неохоту бодро учить, ученики слишком ленивы для того, чтобы старательно учиться. Следовательно, обе стороны обуяла небрежность; но большая доля вины ложится на учителей, потому что они являются как бы ее источником, из которого на учащихся льются ручьи губительного подражания.

43. Впрочем, заботу об этом должны взять на себя вообще все те люди, труды которых, добродетели, добрая слава, собственная совесть, наконец, благосостояние терпят ущерб от этого чудовища. В школах сюда относятся учащие и учащиеся вместе с их инспекторами; вне школ — родители, пастыри духовные и те, попечению коих вверены все дела человеческие, т. е. начальники христианские.

44. Учащие должны изгонять косность как из себя самих, так и из своих учеников.

45. Из себя самих, — помня о высоте своего призвания, которое Бог выразил словом пророка: «Дабы ты насаждал небо и утверждал землю» (Ис. 51, 16). Смотри, — значит, школа есть сад церковный, основание государственное, а вы, начальники учащегося в школах юношества, вы являетесь садовниками того и другого рая, земного и небесного. Что же может быть для вас более почетного, как соответствовать этому своему званию?

46. Да содействует изгнанию косности пример трудолюбивых ремесленников, из которых каждый (если только он не какой-либо выродок) стремится отличиться в избранном им для себя искусстве и овладеть всеми необходимыми в его работе приемами и способами. Кузнец умеет так размягчать железо, что оно становится

растяжимым, как воск, после чего он придает ему любую форму. Литейщик умеет плавить металлы так, что они растопляются, и тотчас же создает из них прекрасные статуи. Живописец умеет так изобразить каждое лицо, как будто бы оно было живое. Садовник умеет с безошибочной уверенностью сеять, выращивать и придавать красивый вид растениям. А образователям человечества разве не стыдно стоять ниже их?

47. Даже и независимо от этого сравнения не мешает подумывать, как позорно очутиться в противоречии с самим собой и только называться тем, чем на самом деле не являешься. Что такое невежественный учитель, пассивный руководитель других, как не тень без тела, облако без дождя, источник без воды, лампа без света, следовательно, пустое место. Да будет ему стыдно! Ты же, раз ты позволил поставить себя на то или иное место, в соответствии с этим и действуй. Ты получаешь солдатское жалованье — так будь солдатом. Ты изображаешь собой учителя — так учи или сложи с себя эту маску.

48. Следует также принять в соображение и те неприятности, каких должны ожидать себе ленивые учителя. Ведь если прав был Диоген¹³, когда он, увидя мальчика, ведшего себя неприлично, бил палкой его воспитателя и говорил: «Так это ты его так наставляешь?», то на том же основании должны остерегаться побоев и те учителя, ученики которых постоянно проявляют незнание и дурное поведение. Ибо извинительно делать проступки тем, кто, будучи предоставлен самому себе или весьма плохо руководим, не умеет еще управлять собой; вся вина падает на их косных и неумелых руководителей, отвечающих за безупречность поведения тех, которых они приняли под свое руководство.

49. Особенно же должны были бы разорвать наложенные злощастной косностью оковы, с одной стороны, награда, обещанная верным просветителям других, т. е. вечное сияние на небе, подобное красоте тверди (Дан. 12,3), с другой стороны, страшные молнии божие: «проклят, кто дело божие делает нечестно» (Иер. 48, 10), «проклят, кто слепого сбивает с пути» (Втор. 27, 18), «горе вам, вожди слепые...» (Матф. 23, 16), «горе вам, пастыри, которые пасете самих себя... мой же стада не пасете» (Иез. 34, 2, 3), «горе тем, которые соблазняют одного из малых сих» (опять слова Христа. — Матф. 18, 6), а соблазняет тот, кто не наставляет, тогда как он мог бы это сделать, так как это входит в его обязанность. Но если горе соблазняющему одного, во сколько же раз больше горе тому, кто вследствие своей небрежности губит многих.

50. Из учеников косность изгоняет ревностный учитель тремя способами. Во-первых, постоянным примером прилежания и деятельности, постоянным трудом на их глазах. О, какое это имеет значение! Один тлеющий уголь, брошенный в груды потух-

ших уже углей, если его хорошо раздуть, зажжет все. И один Александр, бросающийся в глубокие сугробы снега, или в бушующие реки, или в густую толпу врагов, заставит следовать за собой и приведет к победе все войско¹⁴. Искорени же в себе леность, верный учитель, и скоро ты увидишь, как она исчезнет у твоих учеников. Такой мужественный Форций, не затрудняющийся ежедневно прилежно учить четыре, шесть, восемь, десять часов, не почувствует недостатка в людях, бодро и с успехом готовых ему подражать.

51. Во-вторых, из опасения наскучить им одними только призывами к смотрению и слушанию надобно предоставить им и практические упражнения, мало того, надобно их даже обязывать и понуждать к этим упражнениям. Пусть учитель заставляет их подражать тому, что он говорит, пусть он обращает внимание на то, как они подражают, и пусть ошибающегося он тотчас исправляет. Так в непрерывном делании будет возрастать и разум. Ибо человеческая природа склонна к деятельности; она рада всякому движению и упражнению, умеи лишь дать ей надлежащее направление, а не пригулять ее.

52. В-третьих, дружественная и мирная беседа будет содействовать тому, что они не будут дрожать перед учителем, как перед тираном (ибо боязнь приводит ум в замешательство), но будут любить его, как отца, и обращаться с ним непринужденно.

Сознаюсь, что при посещении некоторых школ я удивлялся и соболезнавал, видя, как неискусно велось дело обучения. Я заметил, что иные учителя весь свой авторитет основывают на том, чтобы как можно меньше говорить с учениками, но, расхаживая мимо них с видом истуканов, швырять им задания, все равно как собакам — кости, а затем приходить в бешенство, если они выполняются неудачно. Что это, как не способ подавлять естественную склонность и насильственно вызывать отвращение к занятиям? Что же ты — идол? у тебя есть язык — и ты не говоришь? у тебя есть уши — и ты не слышишь? у тебя есть глаза — и ты не видишь? Ты хочешь, чтобы тебе поклонялись? Не сможешь ты стать богом для своих учеников, пока не перестанешь быть идолом; не сможешь исполнять дело учителя, пока ты не научишься поступать как отец.

53. Конечно, ученики и сами должны стараться избавиться от косности. Как уже сказано, нет более действенного способа привить им это стремление, чем пример и разумное руководство. Если же приходится действовать при помощи доводов разума и убеждений, то прежде всего нужно внушить любовь к мудрости, затем следует подсластить необходимые для достижения ее труды и лишь в том случае, если ученики все еще не поддаются, прибегнуть к дисциплинарному воздействию.

54. Итак, в первую очередь нужно как можно больше превозносить мудрость, чтобы ученики, опьяненные любовью к ней, не чувствовали труда, потребного для ее достижения. Но что значит быть мудрым? Это значит знать различие вещей, всюду предпочитать доброе злему, лучшее — менее хорошему, всегда уметь найти лучшие средства к достижению намеченных благих целей, иметь наготове нужные для их применения способы и таким образом, где бы ты ни был и что бы ты ни делал или в каком бы положении ни находился, ясно все видеть и быть в состоянии и другим служить добрыми советами; быть человеком увлекательного красноречия, прекрасной нравственности и истинной религиозности, через то снискивать любовь от Бога и от людей и таким образом уже в этой жизни быть счастливым и блаженным.

55. Для достижения столь великого блага не следует жалеть никаких усилий; ведь путь добродетели труден и без напряжения сил ничего славного не достигнешь. За свои дары Бог велит смертным платить трудами; но нет ничего недоступного для добродетели, которая всякую работу предпочитает безделью. И кто берется за наивысшее, тот должен спознаться и с ночным бодрствованием и трудами и избегать пиров роскоши и всего, что ослабляет дух. Александр, будучи юношей, покорил мир благодаря тому, что он никогда не мешкал¹⁴; можно преодолеть и мир наук, если идти не останавливаясь и ежедневно занимать чем-либо свой ум. Косность есть скверный и достойный отвращения порок, потому что она превращает человека — ближайшее к ангелам творение в неуклюжий чурбан. Обратите внимание на другие творения неба и земли, каждое из которых тем благороднее, чем оно деятельнее и живее, например солнце и весь хор небесных созвездий в их от века установленном постоянном течении или ангелов в их постоянном служении. И наоборот, чем что-либо неподвижнее, тем оно ненавистнее и презреннее, как камни и грязь, для того и назначенные, чтобы их топтать.

56. Если кто эти примеры не убеждают удалить от себя косность, то, если он еще мал, гони косность из него розгой; если же он уже в возрасте, тогда гони его самого вон из школы как воплощенную леность. Что в самом деле делать незанимающемуся среди занимающихся, если он и без того фактически скорее отсутствует, чем присутствует среди них? Небольшая дружина решительных воинов представляет большую силу и скорее победит врага, чем бесконечное множество трусов и лентяев.

57. Но что могут сделать начальники школы, схолярхи¹⁵, для того чтобы удалить косность из школ? — Все, если они выполнят следующие пять требований. Во-первых, если они обеспечат юношество хорошими, т. е. учеными, набожными, доброжелательными (humanos), работающими, учителями. Эти последние должны быть

учеными — потому что никто не может учить других, если он сам мало знает; набожными — потому что только таким обещано преуспеяние во всем, что бы они ни делали (Пс. 1,3); доброжелательными — потому что подобные люди сколько сами получают света от Бога, столько же с охотою изливают и на других и потому что они готовы без всякого стеснения и сами научиться тому, чего еще не знают, и других научить без всякой зависти; работающими же, наконец, — потому что вся школа, как мы раньше видели, есть рабочая мастерская (*laboratorium*).

58. Во-вторых, начальники школ (схолархи) не должны довольствоваться тем, чтобы только привести однажды дело в надлежащий порядок, потому что дурные привычки (как и дурная природа), даже если их изгнать палкой и колотушками, все-таки в конце концов снова возвращаются¹⁶. В-третьих, они должны чаще посещать школы, чтобы убеждаться, все ли исполняют свою обязанность. В-четвертых, они должны заботиться о своевременной выдаче жалованья, для особенно же прилежных — и об особенном вознаграждении; с другой стороны, они должны неукоснительно держать небрежных в страхе как угрозами наказаний, так и действительным их наложением. Наконец, в-пятых, они должны приказывать ежегодно дважды прочитывать вслух все школьные законы, чтобы никто не оставался в неведении относительно своих обязанностей и не имел возможности извинять свою нерадивость незнанием.

59. Могут ли здесь сделать что-нибудь родители? Очень много. Насколько верно то, что косность нельзя удалить из церкви и государства, если она не будет устранена из школы, настолько же справедливо и то, что ее нельзя искоренить в школах, если она не будет изгнана из семьи, и что, наоборот, дети, поощряемые в семье к деятельности, тем самым получают прекрасную подготовку и для школы. Одно весьма мудрое изречение гласит: «Род человеческий и в колыхбели нужно оберегать от косной бездеятельности, губящей всю жизнь». По этой причине умный народ парфяне, а позднее — спартанцы строго приучали своих детей ежедневно к движению и работе, как и к немедленному во всем послушанию, для чего не давали им завтракать, прежде чем состязанием в беге и в бросании диска не доведут их до изнеможения и до пота на челе. Если бы школы получали юношей, уже получивших такую закалку (а не ленивых чурбанов, как бывает в действительности), как легко можно было бы построить на этом основании какие угодно виды школьной работы!

60. Итак, благочестивые и мудрые родители могут оказать большое содействие изгнанию косности из школы, если они еще в семье никогда не будут потакать этому пороку, т. е. ни сами не будут вести праздную жизнь, ни детям своим и другим членам

семья не будут позволять предаваться оупляющему бездействию, но будут настаивать на том, чтобы все, что имеет руки и ноги, находилось в движении и было занято какой-нибудь полезной работой. Даже совсем маленькие дети, которые еще не в состоянии заниматься чем-либо более серьезным, пусть занимаются играми, только бы не предавались тупой неподвижности.

61. Если бы к этому присоединились еще теплые молитвы родителей к Богу и своевременная отдача детей в школу, если бы они никогда по какой бы то ни было причине не отрывали их от школы и если бы они постоянно узнавали у детей, чем они занимаются и какие оказывают успехи, это не могло бы не укрепить и школьную работу. По меньшей мере, родители могли бы хоть за обедом или за ужином (когда это не отнимает времени и когда вообще нужно о чем-нибудь побеседовать ради души) спрашивать детей, что они выучили за этот день. И если они будут отвечать на эти вопросы, не заставит себя ждать и искомый результат — со дня на день ум их и язык будут все более и более развиваться.

62. Поразительно много могут содействовать восстановлению и сохранению благосостояния школы, если серьезно этого захотят, пастыри церкви. Если бы они, говорю я, хотели не только называться служителями Христа, но и быть его последователями и распространять свое пастырское попечение не только на взрослых, т. е. овец, но и на детей, т. е. на агнцев, то, по примеру Христа, они уговали бы себе радость с теми, с которыми веселятся Бог и ангелы. Не то, чтобы они сами воспитывали юношество: на это неостанет сил их; но они должны прилежно наставлять образователей юношества (родителей, мамок, воспитателей, учителей, ректоров и т. д.) в их обязанностях согласно слову божию и неустанно поощрять их серьезным увещанием, предостережением, заклинанием, наблюдением, исправлением. Встретив же сопротивление, они должны иметь наготове «оружие воинствования их, сильное Богом на разрушение замыслов и всякого превозношения, восстающего против познания божия» (2 Кор. 10, 4).

63. Пастырское участие в серьезной заботе о школе будет состоять также в постоянно воссылаемой всей церковной общиной к Богу горячей молитве, да ниспошлет он на школу свое небесное благословение. В благоустроенных государствах и церквях, когда люди ищут себе пропитания от рудников, от соляных копей или от торговли, да и во время посева, жатвы, сбора винограда заведен похвальный обычай устраивать общественные молебствия, чтобы попросить божию помощь работам, доставляющим населению средства для жизни. Но ведь здесь — нечто большее, чем забота о добывании хлеба, вина, соли, золота; здесь дело идет об «урожае» добрых и мудрых мужей на благо современникам и потомству. О, что это за святое дело, если всюду, где имеется гимназия, этот

первый рассадник для государства и церкви, при всех богослужениях воссылаются молитвы к Богу, которыми народ, родители, опекуны, няньки, а также и сами учителя, ученики, начальники школ и должностные лица воспламеняются к священной ревности при исполнении своих обязанностей и с неба призывается благословение божие. Только человек, не умеющий ценить вещи по достоинству, может не придавать этому значения.

64. О, да возбудит Бог пламенного Илию из среды этого народа или — если есть на это милость его — несколько таких, которые обратили бы сердца отцов к детям и сердца детей к отцам, чтобы, когда придет Господь, он не поразил землю проклятием (Мал. 4, 5, 6). Ах, где Иоанн Креститель, который в пламенном гневном своем достиг бы того, чтобы царство премудрости восхищаемо было силою (Матф. 11, 12)?

65. Не следует забывать своих обязанностей и людям, поставленным у власти. Пусть каждый из них применяет к себе то, что сказала царица Савская Соломону: посадил тебя Господь на престол свой царем во имя Иеговы, Бога твоего (2 Парал. 9, 8); т. е. помня, что он поставлен на место господне, делал бы только то или предпочтительно то, что служит и к прославлению имени господня, и к поднятию народного благосостояния; и притом не только на данный момент, что достигается правильным управлением государством и церковью, но и на будущее время, что достигается заблаговременной подготовкой юношества в школах.

Следующий век будет именно таким, какими будут воспитанные для него будущие граждане. В обилии мудрых — счастье мира, говорит мудрейший царь, под скипетром которого процветало как изучение мудрости, так вместе с ним и все другое (Премудр. 6, 26).

66. Но как именно эти высокопоставленные люди должны поддерживать бодрый дух в школах? Во-первых, также через пример, всюду проявляя энергию и распорядительность, так чтобы и другие ободрялись, видя, о сколь многих делах болеют они сердцем. Ибо редко обманывает поговорка: «Каков поп, таков и приход»¹⁷.

67. Далее, они могут это делать, открывая новые школы, восстанавливая пришедшие в упадок, преобразуя такие, в которых хромает учебное или воспитательное дело, поставляя в руководители юношества и в школьные инспектора людей почтенных, мудрых, набожных, деятельных; людей, если таковые вообще найдутся, ахиллесового склада; чтобы они не являлись, как трутни, в пчелиные улья для того лишь, чтобы пожирать мед, но как пчелы, с любовью его собирающие. Они могут это сделать, если они обеспечат верным работникам приличное содержание, так, чтобы голод не вынуждал их бежать от этого священного призвания. Я разумею такие оклады, которыми могли бы быть довольны

хорошие люди, посвящающие свои силы Богу и христианскому юношеству, а чрез то — церкви и государству. Иначе оправдается вполне справедливое четверостишие:

Коль в лампу масла не нальют,
Она светить во тьме не будет:
Так вянут силы, если труд
Награды должной не добудет.

68. Наконец, люди, поставленные у власти, могут это сделать поднятием авторитета школьных руководителей, принятием их под защиту собственного авторитета, чтобы доблесть и честность не страдали от злословия и нападков мелких людишек и врагов доблести, которые, не будучи в состоянии ей подражать, пускают в ход против невинных свои тайные происки, подрывая тем уже налаженное или начавшее налаживаться дело. Подобное неразумие человеческого и злокозненная хитрость сатанинская способны расстраивать или, по меньшей мере, задерживать даже наилучшие предприятия и планы, если не бодрствуют те, которые поставлены выше, и если они, полагаясь на помощь божию, не разрушают диавольские хитрости.

69. Мы исследовали, как злонамеренность противится доблести, косность — деятельности. Происходит это, конечно, путями тайными и скрытыми, составляющими характерную черту злой совести. Вступал я и в препирательство с нерадивыми, стараясь им показать, что им бы и места здесь не было, если бы добро возымело каким-либо образом предпочтение перед пошлостью. А злоумышленных да поразит гнев господен или гнев тех, которые поставлены на место Господа!

70. Ворчат они, будто новый метод очень труден; что он не приспособлен к природе человеческого духа. Если бы они только захотели выслушать, что говорит Сенека: «Великодушный считается не с своими личными силами, а с силами человеческой природы!»¹⁸ Если бы только, повторяю, эти духовные пигмеи умели сообразоваться не с текущим настроением умов в школе, но с самой природой ума и природой школы!

71. В частности, жалуются они на трудность новой грамматики. Если они и дальше будут делать то же самое, то я вправе буду поставить в начале ее Шоппово заглавие¹⁹ «Философская грамматика, предназначенная к тому, чтобы ученики были учителями, а учителя — учениками». В самом деле, если учителя не хотят быть впереди, то пусть будут впереди хоть ученики; если не ваши, то какие-нибудь другие.

72. Я же буду неуклонно, как если бы речь шла о каком-либо таинстве (ибо это и есть таинство), настаивать на том, чтобы молодежь привыкала ничего не делать, ничего не говорить, ничего не думать иначе, как во всеоружии соответствующих способов и

правил, так, чтобы, когда учеников спросят: что, каким образом и почему они так думают, говорят и делают? — они умели бы дать в этом отчет. А для этого нужно не такое обучение, которое дается у нас обычно.

73. Если кому-нибудь не нравится в этих вещах мое прямодушное, тот не знает, что значит сила любви, которая не останавливается перед тем, чтобы хоть за волосы извлечь кого-либо из пламени или омота, как бы ни было ему неприятно выполнение подобной обязанности. Будем же, прошу вас, помнить, что мы — люди, рожденные для человечности, а не для жестокосердия, и нет жестокосердия в том, кто добивается лишь всеобщего смягчения нравов.

74. Я считаю вполне и совершенно правильным, чтобы мы, будучи поставлены на эту дорогу, взаимно возбуждали друг в друге бодрость не только словами, но и примером, не только одним примером, но и словами. Для мальчиков, которые стремятся по ристалищу к цели, сказаны слова поэта:

Того, кто отстает, покроет короста ²⁰.

Будем же исполнять свое дело, особенно в этом, гораздо более важном стремлении к мудрости, мы все, мужи и юноши. Ведь кто не хочет здесь бежать, того, бесспорно, покроет короста косности. Если она кому понутру, пусть себе ею утешается. Я говорю и буду говорить впредь только с людьми более подвижными; с ними одними я занимаюсь и впредь буду заниматься.

75. Однако я все-таки не теряю надежды, что посеянное здесь во имя божие семя божьим велением созреет до жатвы, если не тотчас, то все-таки своевременно. Вот земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний, — говорит апостол (Иак. 5, 7). Надейтесь и вы вместе со мной, души благороднейшие! И если вы надеетесь, то к надежде на помощь божию присоедините свое собственное прилежание. Чтобы побудить вас к этому, я и задумал составить это сочинение об изгнании косности из школы; теперь, когда оно с божией помощью готово, передаю и посвящаю вам его, мои дорогие венгерцы. Благоденствуйте и преуспевайте, взаимно ободряя друг друга! Ибо солнце ваше восходит!

Законы хорошо организованной школы

Попечителям — привет!

Почтеннейшие! Аристотель мудро назвал жизнь, не руководимую никакими общественными законами, циклопической¹, а в другом месте он заявил, что государственное благополучие покоится на законах². Точно так же мудро говорит об этом другой философ в противоположной форме: кто захотел бы разрушить государство, тот стал бы нарушать порядок. Следовательно, мы, желающие благополучия маленькому государству нашей школы³, должны оградить его законами. И так как мы желаем, чтобы наше государство никогда не подверглось разрушению, то с необходимостью мы должны всемерно позаботиться о том, чтобы однажды установленный в нем порядок никогда не был нарушен. Эти соображения и послужили поводом к тому, чтобы изложить порядок всей школы в законах, т. е. в кратких и полновесных положениях.

I. Законы школьного порядка, касающиеся работы лиц и дисциплины

1. Организованным является то, начало и конец чего настолько связаны со всеми промежуточными членами, что все взаимно и в целом содействует общей цели.

2. Так как в школе сталкиваются:

I. *Работа, подлежащая исполнению,*

II. *Действующие лица,*

III. *Узы, связывающие то и другое, т. е. дисциплина, то работа лица и дисциплина должны быть приведены в совершенный порядок.*

3. *Работа заключается частью в главной цели, ради которой существуют школы; частью — в средствах, предназначенных для достижения цели: место, время, образцы того, что нужно делать, книги; частью — в способе действия, или методе.*

4. Лица суть частью те, кто почерпает знания, т. е. ученики вместе с их декурионами (десятскими)⁴, частью те, которые преподают знания, — школьные (общественные) учителя вместе с частными воспитателями под наблюдением и руководством ректора; затем те, кто пускают дело в ход, — инспектора и школьные начальники. Сюда, конечно, присоединяются избранные мужи, выделенные со стороны церкви и государственного строя, которым, вследствие их особенно наблюдающихся набожности, мудрости и преданности, государство и церковь вручают свою надежду на счастливое возрастание последующих поколений.

5. *Узы, связующие школы, суть законы и исполнение законов, т. е. дисциплина, которая должна иметь свои границы.*

II. Законы относительно целей школы, подлежащих предпочтительному осуществлению

1. Главнейшей целью христианской школы должно быть то, чтобы она представляла мастерскую для выработки из людей подлинных людей, из христиан — подлинных христиан. Это будет в том случае, если все, допущенные к этому сообществу мудрости, будут становиться: 1) мудрыми умом, 2) обладающими плавной, приятной речью, 3) способными в работе, 4) воспитанными в нравах и 5) благочестивыми сердцем.

2. *Знать, действовать и говорить — вот в чем соль мудрости, необходимая услада всей человеческой жизни, без чего все было бы нелепо, безвкусно⁵ и обречено на гибель.* Каждая из наших жертв (которую мы здесь приносим Богу, т. е. именно христианское юношество) да посыпается солью (Лев. 2, 13; Марк. 9, 49).

3. Учить только умению говорить и не учить вместе с тем понимать (т. е. учить языкам без понимания вещей) — это значит не усовершенствовать человеческую природу, а только придать ей наружное, поверхностное украшение. Учить же понимать вещи, но не учить вместе с тем действовать есть вид фарисейства: говорить, но не делать (Матф. 23, 3). Наконец, понимать и делать вещи, не отдавая себе, однако, отчета в пользе знания и действия, — это полунеужество. Чтобы образовать людей, знающих вещи, опытных в деятельности и мудрых в использовании знания и действия, наша мастерская гуманности⁶, школа, должна вести умы через вещи таким образом, чтобы везде соблюдалась польза и предупреждалось злоупотребление. Это принесет значительную пользу во всей жизни (хозяйственной, государственной, церковной).

4. И так как в жизни приходится вращаться не только среди вещей, но и среди людей, то и школы, как мастерские добродетелей и человечности, должны сделать своих питомцев способными также и для общения с людьми (во всяком обществе).

5. Наконец, так как мы постоянно ходим перед очами Божиими, то все должны быть приучены во всякое время взирать на него и свято почитать его. Поэтому школа должна стараться быть мастерской внутреннего благочестия и истинным святилищем.

6. Следовательно, во всех действиях и упражнениях в школе следует стремиться к тому, чтобы юные кандидаты в жизнь научились все, что им встретится в жизни, 1) знать, 2) уметь, 3) излагать, 4) применять к добродетели и 5) к благочестию.

7. При соблюдении этих целей школа могла бы быть и будет служить истинным рассадником государства и церкви, прекрасным прообразом жизни и счастья, пятиструнной арфой святого духа, исполняющей сладчайшие гармонии для слуха божия.

III. Законы о месте занятий

1. Сколько классов, столько же должно быть учебных комнат, чтобы каждый курс занимался отдельно и никогда не отвлекался [от занятий] посторонним шумом.

2. Каждая учебная комната должна быть снабжена кафедрой и достаточным количеством скамей; последние должны быть расставлены таким образом, чтобы учитель постоянно имел перед глазами всех обращенных к нему учеников.

3. Кафедра должна находиться не у окна или между окнами, но с противоположной стороны, так, чтобы свет, падающий на учеников сзади, делал видимым учителя вместе со всем, что он делает (в особенности если он пишет на доске).

4. В классных комнатах все должно быть опрятно, где возможно — даже изящно, чтобы ученики всюду, куда они ни обратятся, имели возможность воспитать в себе любовь к чистоте и затем впоследствии содержать подобным же образом свои собственные жилища.

5. Весьма полезно, если курс каждого класса будет расписан на стенах, дверях, окнах, колоннах учебной комнаты (в форме ли изречений, или кратких предложений, или в картинах и эмблемах)⁷, для того чтобы постоянно действовать на чувство, воображение и память.

6. Для общественных актов, будут ли то праздничные собрания или театральные представления, должен существовать особый зал, вмещающий всю школу, но он не должен быть украшен

картинами. Так как здесь собираются лишь в редких случаях и для экстраординарных актов, то чувства должны быть устремлены единственно на сценическое действие и не должны быть отвлекаемы посторонними предметами.

IV. Законы о надлежащем распределении времени

Мудрое распределение времени есть основа для деятельности. Поэтому мы предписываем следующее:

1. Для работы и отдыха должны быть одни и те же деления времени, именно часовые, дневные, недельные, месячные и годовые.

2. Каждый час должен иметь свою определенную задачу, которая непременно должна быть разрешена; раз она разрешена, дается отдых приблизительно в полчаса.

3. Серьезным занятиям посвящается ежедневно только четыре часа, к которым присоединяются один час утром для молитвы, после обеда — для музыкальных или математических развлечений, после школы — для повторения сделанного за этот день. Все остальное время остается свободным для домашних дел, пристойного отдыха и частных занятий⁸.

4. Еженедельно остается свободным послеобеденное время — в среду и субботу; воскресенье должно быть посвящено Богу.

5. В каждую четверть года одна неделя посвящается театральным представлениям, проводимым в течение пяти дней (см. об этом ниже — IX).

6. Ежегодно каждый класс начинает и кончает свои занятия осенью. Вне этого времени никто не принимается в школу, чтобы не вносить беспорядка в работу, исключая разве тех случаев, когда кто-нибудь является вскоре после начала учения и можно ожидать, что он благодаря частным занятиям нагонит других. Если он это обещает, то это можно разрешить.

7. Ежегодно бывает четыре большие вакации, по восьми дней до и столько же после годовых церковных праздников: 1) рождества Христова, 2) Пасхи, 3) Троицы и 4) полный месяц по случаю сбора винограда.

8. Где работы по уборке винограда не отвлекают от школы, там могут иметь место каникулярные праздники, но разумно, чтобы дать отдохнуть умам, а не ослабить их.

V. Законы об образцах для проведения работы

1. То, что подлежит в школе изучению (познанию, изложению или действию), нужно показать на таких примерах, созерцая которые можно было бы им подражать. (Без примера ничему не вычишься.)

2. Предлагаемое в виде примера должно быть точным, чтобы при тщательном подражании нельзя было ошибиться. (Невозможно не перенять ошибки от ошибочного образца.)

3. Образец, предложенный для подражания, должен представлять собой или подлинный предмет, или его изображение по подлинному оригиналу, будет ли то скульптурное изображение или картина, или описание на словах. (Однако лучше всего иметь живое созерцание самого предмета.)

4. Что не может быть представлено в изображении (как, например, добродетели), возможно, однако, в подражании. В этом учитель должен служить живым примером⁹.

VI. Законы о книгах

1. Книгой в широком смысле называют то, что нас научает и наставляет. Так, существуют книги божественные и человеческие. К божественным книгам относятся: 1) книги природы (сам мир), 2) книги Священного писания и 3) книги совести. Человеческие же книги содержат или как бы объяснения образцов вещей, или возмещают собой ряд оригиналов, одновременно предлагая и разъясняя вещи.

2. Правда, поскольку наша школа есть школа гуманности, она не устраняет ни одной из человеческих книг (разве уж там будет содержаться что-либо ничтожное, бесполезное, вредное). Однако ввиду того, что мы намерены воспитывать своих питомцев больше для Бога, нежели для мира, мы желаем, чтобы и здесь также господствовали преимущественно божественные книги.

3. Так как существует мнение, что эти последние в силу своей возвышенности превосходят понимание нежного возраста, то человеческие книги допускаются с той целью, чтобы они открывали путь к чтению и пониманию божественных книг и были верными путеводителями во всем том, что должно знать или не знать, делать или не делать, на что надеяться или чего бояться.

4. Те [книги], которые хорошо этому содействуют, должны быть нашими, а те, которые не содействуют, должны быть устранены.

VII. Законы, касающиеся метода, которого нужно придерживаться при обучении и учении

1. Далее, нам необходим надежный метод в занятиях, чтобы, следуя его предписаниям, воспитатель юношества так же быстро, как и изящно, приводил души к мудрости, красноречию, искусствам, добродетелям и благочестию, подобно тому как мастер механических искусств обрабатывает данный материал при помощи данных инструментов и делает его годным к употреблению.

2. Вечным законом метода да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле, или подражание ¹⁰.

3. Пример есть уже существующий предмет, который мы показываем. Наставление есть речь о предмете, разъясняющая, как он возник или возникает. Применение или подражание есть попытка сделать подобные же вещи.

4. Между этими тремя сторонами (моментами) метода должно быть установлено такое соотношение, чтобы пример равнялся одной, наставление — трем, подражание — девяти единицам. Например, если в каждый час должен быть окончен известный урок, то последний должен быть распределен таким образом, чтобы в течение $1/16$ часа предмет был показан и рассмотрен, в течение $3/16$ часа предмет был объяснен и воспринят в том виде, как обыкновенно он возникает, и чтобы остаток часа ($3/4$ часа) был отведен на подражание или на упражнения и исправление ошибок, без которых при обучении дело никогда не обходится ¹¹.

5. При теоретических занятиях место подражания занимает повторение посредством испытания (рег ехаме) того, что было предложено и объяснено, чтобы стало ясным, правильно ли восприняли ученики и могут ли они все пересказать то же самое и тем же способом.

6. Этот поистине практический метод (обучающий всему через личное наблюдение, личное чтение, личный опыт) должен быть применяем повсюду, чтобы ученики приучались всюду возвышаться до учителей.

VIII. Законы для испытаний

1. В этом смысле могущественное действие оказывают школьные испытания (ибо что знает тот, кто не испытывается? — Сир. 34, 10): 1) часовые, 2) дневные, 3) недельные, 4) месячные, 5) триместровые, 6) годовые.

2. Часовые испытания производятся учителем, дневные —

декурионом (десятским), недельные — самими учениками, месячные — ректором, триместровые и годовые — начальниками школ.

3. Учитель испытывает ежечасно всех своих учеников (хотя не каждого в отдельности, если их много), частью наблюдая глазами, внимательны ли они, частью выпрашивая (например: такой-то или такой-то, повтори это. Что я только что сказал? Как это ты понимаешь? И т. п.).

4. Ежедневно по окончании школьных занятий десятский повторяет с находящимися под его надзором, выпрашивая все, что было сделано в течение целого дня, причем он добивается и того, чтобы правильно понятое было прочнее усвоено.

5. Еженедельно, и именно в послеобеденное время последнего свободного от занятий дня¹², ученики испытывают себя сами, взаимно поощряя к прилежанию состязанием из-за места. При этом всякий ученик, занимающий [в разрядных списках] низшее место, имеет право вызвать на состязание занимающего высшее (даже из другого десятка). Если занимающий высшее место побежден, то он должен уступить победителю свое место и занять низшее; если он не побежден, то остается на своем месте.

6. Раз в месяц ректор (в сопровождении местного священника или кого-нибудь из начальников школы), посещая все классы, производит строгое испытание, выполнены ли месячные задания и насколько тщательно это исполнено.

7. Триместровый экзамен производится тем или другим школьным начальником совместно с ректором, чтобы узнать, кто в сравнении с другими способнее по памяти, языку и поведению и кто является более достойным для выставления напоказ при раздаче публичных наград за прилежанье.

8. С особой торжественностью должен быть производим ежегодный экзамен; он происходит осенью перед переводом из класса в класс в присутствии всех школьных начальников. Здесь должно выясниться, пройдены ли все задания всего года и с надлежащим ли успехом как вообще, так и в частности. Так как здесь невозможно или, во всяком случае, очень трудно было бы во всей массе учеников проэкзаменовать всех и каждого, то тут дозволительно воспользоваться военной хитростью. А именно вызывают вне очереди из рядов то того, то другого и заставляют его отвечать на вопросы по всему годичному заданию. Или выбирают по жребию из каждого десятка по одному, по два или по три ученика, которых перед лицом всего отделения, вместо всех, и испытывают, все ли они удерживают прочно в уме все из того, что было пройдено в течение года. Ведь если эти, не будучи выбранными как более способные, но назначенными наудачу по жребию, оказались в состоянии выдержать экзамен, то можно надеяться, что и другие подобным же образом в состоянии сделать это и что тут нет обмана.

9. Если при этом выяснится, что некоторые в их научных занятиях слишком отстали, то начальники школ вместе с ректором и учителями должны составить решение, допустить ли таких учащихся к последующим занятиям, или они должны быть возвращены родителям и избрать другое жизненное занятие.

10. Наконец, происходит перевод; в том же классе оставляются только некоторые — для исполнения обязанностей декурионов (десятских).

IX. Законы о театральном представлении

Мы говорим о театральных представлениях, так как ученики должны давать представления в присутствии многих лиц, созданных с этой целью. Подобного рода представления очень полезно давать в школах. Так как жизнь всякого человека так устроена, что он должен вести разговор и действовать, то нужно руководить юношеством кратчайшим путем и таким приятным образом, как пример и подражание, чтобы оно приучилось наблюдать различия в вещах, уметь тотчас реагировать на различия, делать приличные движения, держать лицо и руки да и все тело соответственно обстоятельствам, изменять и образовывать голос, словом, проводить любую роль приличным образом и во всех этих случаях держаться благопристойно, будучи далеким от всякой деревенской застенчивости¹³. Соответственно этому мы определяем:

1. Чтобы каждый класс ежегодно четыре раза выставлял своих учеников на подмостки театра.

2. Чтобы, распределенное по различным ролям, было представлено все, пройденное в течение триместра.

3. Чтобы представления во всех классах были закончены в одну неделю, и именно так, чтобы низшие классы играли дважды в один и тот же день, один раз до полудня, другой раз после полудня.

4. Чтобы самые торжественные представления давались в конце года, перед переводом из класса в класс.

X. Законы об отдыхе

Хотя наш метод посредством сочетания с некоторого рода развлечениями устанавливает все занятия так, что все наши умственные упражнения могут считаться играми¹⁴, однако, так как юношеский возраст таков, что требует проведения времени более в телесных движениях, нежели в умственных упражнениях, не следует

отказывать юношеству и в подобного рода отдыхе. Следует, однако, придать ему такой характер, чтобы не только не препятствовать, но, наоборот, содействовать благочестию, благопристойности и успеху в занятиях мудростью. Это произойдет в том случае, если будет соблюдено следующее:

I. Игры должны быть такого рода, чтобы играющие привыкли смотреть на них не как на какое-нибудь дело, но как на нечто побочное¹⁵. (Следовательно, играм и отдыху отводится время не раньше, чем обеспечены серьезные занятия. Как для покоя и сна наступает время лишь тогда, когда тело утомится от работ, так и для десерта — лишь тогда, когда покончено с настоящими кушаньями.)

II. Следует играть так, чтобы игра способствовала здоровью тела не менее, чем оживлению духа. (Поэтому Платон обыкновенно настаивал на том, чтобы тело не упражнялось без упражнения духа, и наоборот¹⁶. Итак, мы желаем, чтобы избегали тех игр, которые утомляют тело своей напряженностью, а также тех, которые ослабляют тело и дух; таковы сидячие игры и такие, которые держат дух в возбужденном состоянии, вызывая страх или надежду на успех. Сюда принадлежат те игры, в которых дело решает случай или в которые играют из-за большого выигрыша, например: игра в кости, в карты и т. п. Игры наших учеников должны состоять в движении, например в прогулке, беганье, в умеренном прыганье и т. д.¹⁷.)

III. Следует играть так, чтобы игра не грозила опасностью для жизни, здоровья, приличия. Этой опасности подвергают себя безрассудные люди при лазанье по деревьям, плавании, борьбе и т. д.

IV. Следует играть так, чтобы игры служили преддверием для вещей серьезных. (Например, [заимствовать игры] из экономических, политических, военных областей жизни и пр. Следовательно, можно делать экскурсии за город, чтобы смотреть деревья, травы, поля, луга, виноградники и работы, которые там производятся. Можно также заняться объяснением планов и стилей построек и лично осмотреть работы занятых при этом мастеров. Далее, можно образовать войско, назначить полководцев, начальников сотен, разбить лагерь, образовать боевую линию и пр. Но если участвующие хотят извлечь удовольствие из игр всякого рода, то они должны выбирать руководителя, по усмотрению которого ведется игра, чтобы все привыкли попеременно распоряжаться и повиноваться. Способ проведения подобного рода игры может свободно изменяться, и тогда он доставит не менее пользы, чем удовольствия.)

V. Следует играть так, чтобы игра оканчивалась раньше, чем она надоест. (Ведь ею хотят доставить не отвращение, а отдых.)

VI. Наконец, хорошо будет, чтобы почаще (если не всегда) при игре учеников присутствовал учитель, не за тем, конечно, чтобы отдыхать, но чтобы наблюдать, как бы не произошло чего-либо непристойного и неподходящего.

VII. При строгом соблюдении этих условий игра становилась бы не только игрой, но и серьезным делом, т. е. или развитием здоровья, или отдыхом для ума, или преддверием (подготовкой) для жизненной деятельности, или всем этим одновременно.

XI. Законы относительно поведения

Недавно мы распорядились отпечатать правила доброго поведения в их общем виде ¹⁸. Мы желаем, чтобы все имели их в руках, читали, соблюдали с той целью, чтобы наша школа была не чем иным, как мастерской благопристойности. Для достижения этой цели мы устанавливаем следующее:

1. Все наши [ученики] должны делать все скорее из любви к добродетели, чем из страха перед наказанием.

2. Делать они должны не то, что им нравится, но то, что предписывают законы, и то, что приказывают толкователи законов, учителя. (Действовать более по воле другого, чем по собственной, — вот одно из основных положений христианства.)

3. Пусть ученики во всем, что должны делать, приучаются предвидеть цель, изыскивать средства и выжидать благоприятного случая.

4. Поэтому никогда не следует делать ничего иного, кроме того, что подсказывается хорошей, благовидной целью, при стремлении к которой не придется испытывать стыда, а по достижении ее — раскаяния.

5. Если начинают входить в дело, то должны привыкнуть не оставлять его до тех пор, пока цель не достигнута.

6. Однако к цели следует стремиться не скачками, но постепенно, чтобы дела шли своим чередом, а не поспешно.

7. Пусть приучаются знать только полезное. (Следовательно, пусть везде имеют это в виду и к этому стремятся.)

8. Каждый должен привыкать сосредоточиваться, не быть рассеянным, для того чтобы все делать вполне обдуманно.

9. Нельзя допускать, чтобы кто-либо был безучастным к своему делу. (Если окажется, что кто-нибудь работает вяло, заставляй его работать больше других; и если нет никакого серьезного дела, то пусть он лучше играет, чем бездельничает. Подвижность, желание работать и отсюда выносливость в работе — это громадное сокровище в жизни.)

10. В сне, в еде и в питье ученики наши должны быть воздер-

жанны и избегать всякой неумеренности. (Наш Атений ¹⁹ посвящен музам, а не Вакху, а свет мудрости требует трезвой души.)

11. Послеобеденный сон (как вредный для здоровья и духовных сил) нельзя допускать ни одному из наших питомцев. Ночь и мрак сама природа назначила для отдыха, свет и день — для работы. Итак, послеобеденный отдых — эта дурная привычка, сильно распространенная среди венгерцев, — следует отменить, заменив несвоевременный покой гуляньем, разговорами, игрой.

12. Тело, как жилище души, все наши питомцы должны держать не изнеженно, однако же опрятно.

13. Точно так же, как орудие души, тело у всех наших учеников должно развивать для подвижности подвижностью; и закалять его к работе работой.

14. И так как наша школа есть школа мудрости, а не войны, то оружием всех питомцев должны служить книги, но не мечи. (Следовательно, употребление оружия следует воспретить совсем. Когти, рога, хоботы и клыки бесполезны для овец и ягнят.)

15. Наклонность к брани и злословию должна быть настолько удалена, что право на это теряет даже тот, кто попытался бы обратиться к брани по справедливому случаю.

16. Капризы и деревенская грубость не терпимы ни в ком. Все должны приучать себя к вежливости, услужливости в словах и делах. Школе подходит быть городом, но не деревней.

17. Гордое и пренебрежительное отношение к другому должно всячески искоренять всюду, где бы оно ни обнаружилось, чтобы все привыкли одинаково почитать образ божий как в других, так и в себе самих.

18. Особую заботу следует прилагать к тому, чтобы не вселилась в кого-либо страсть к присвоению чужого; никто, присвоивший себе чужое добро, не должен оставаться безнаказанным.

19. Ложь — рабский порок — не может быть терпима ни в ком. Пусть все привыкают откровенно говорить правду, даже если бы пришлось сознаться в вине, чтобы никогда не было заметно разлада между сердцем и устами — этого самого презренного порока.

20. Если в ком-нибудь будет замечено в чем-либо отступление [от правил], того следует дружелюбно убеждать, а убеждаемый должен дружественно принимать увещание.

21. Если же увещаемый не воспринимает этого по-братски и даже отказывается принять увещание, то его следует привести к учителю, устраняя всякие соображения о личной дружбе или неудовольствии и руководясь единственно желанием бороться со злом, чтобы оно как-нибудь не пустило корней.

22. Кроме того, пусть ректор раз в неделю (хотя бы в первый послеобеденный час в воскресенье) созывает вместе все школьные

общество и, прочитав правила доброго поведения, пусть осведомляется, как каждый усвоил их слова и смысл, и, если нужно, пусть потребует объяснить и иллюстрировать их примерами. Одновременно пусть проверит, не было ли с чьей-либо стороны допущено в прошедшую неделю против этого проступков. Если десятские укажут на что-либо или если кто-нибудь в чем сознается, то следует применить то более, то менее строгие взыскания, смотря по размеру проступка. Но пусть каждый учитель наказывает своих учеников, все равно своей или чужой рукой, если проступок такого рода, что его нужно исправить ударами.

ХII. Законы о воспитании (colendi) благочестия

Мы желаем, чтобы все наши питомцы, как предназначенные для неба христиане, самым ревностным образом предавались занятиям благочестия не в голой теории, но через постоянную живую практику. Поэтому:

1. Все наши питомцы под страхом вечного осуждения, по слову Христову, должны остерегаться соблазнить кого-либо дурным примером (открытым или тайным, выходящим, однако, наружу) и, наоборот, должны быть для всех образцами благочестия.

2. Как невозможно видеть солнце без солнца, так невозможно познавать, любить и почитать Бога без Бога. Поэтому все наши питомцы должны прежде всего научиться обращать к Богу все желания своего сердца и свои помыслы, чтобы всюду, где бы они ни были, помнить о том, что они ходят перед очами Божиими, живут пред лицом его.

3. Так как Бог, в нем же мы живем и движемся, и существуем, есть начало и конец всего, то никогда не следует пропускать случая, чтобы все питомцы нашей школы с пламенным сердцем хвалили и призывали Бога: приходя в школу и выходя из нее, перед работами и после них, перед едой и после нее, перед сном и после сна.

4. Формулы молитв (заимствованные главным образом из псалмов Давида и из писаний других благочестивых мужей) должны быть наготове для каждого класса, чтобы каждый привыкал изливать желания своего сердца и воссылать их к Богу.

5. Так как в устах грешника никакая хвала не звучит приятно, то все должны проводить жизнь, достойную Бога, и от всех должно требовать такой жизни и чистого сердца. Причем нельзя терпеть ни в ком ни малейшего, даже едва заметного пятна нечестия.

6. Для того чтобы все были преисполнены познанием божественной воли, никому не дозволяется отсутствовать при катехизических упражнениях, чтении Библии, изъяснении тайнств веры (в церкви или школе); чтобы все наши питомцы (по примеру Тимофея) сызмальства привыкали знать Священное писание (2 Тим. 3, 16).

7. Допускающий в данном случае небрежность, а тем более оскорбление благочестия должен быть очень строго наказан, ибо здесь проявляется порок развращенной воли, а не слабость ума.

ХIII. Законы хорошего порядка среди всех граждан нашей школы

Таковы законы, касающиеся р а б о т ы [ш к о л ы]; теперь следует рассмотреть, как удерживать в порядке л и ц, составляющих школьное общество, и сперва в общем.

1. Прежде всего, допущенные сюда учащие и учащиеся должны проникнуться убеждением, что они призваны Богом образовывать в себе образ божий, т. е. принимать участие в мудрости, добродетели и блаженстве божием.

2. Итак, пусть каждый ежедневно просит Бога и вместе с Соломоном желает, чтобы ему дано было сердце, боящееся и познающее Бога; пусть ревностно работает каждый на своем месте, ожидая благоволения от божией благодати.

3. Чтобы творить это единодушно для общего созидания, все объединяются так, что образуется благоустроеннейшее государство, имеющее свой сенат, свои коллегии, курии и декурии ²⁰.

4. Школьный сенат (здесь — в школе в Патаке) должен состоять из профессоров и классных учителей. Их постоянный председатель — ректор, а кто-нибудь, владеющий пером, — секретарь.

5. Школьные матрикулы ²¹ должны находиться у ректора; в них каждый, вступающий в школу в качестве нового гражданина, должен собственноручно внести свое имя и этим обязаться добросовестно исполнять школьные законы.

6. Подобным же образом заводятся ежегодники, которые также хранятся у ректора, но к ним должен иметь ключ и один из профессоров; в них секретарь записывает единогласно принятые в заседаниях сената решения:

(I) Основание школы, ее рост и перемены.

(II) Имена ректоров и профессоров, сообразно с тем, как они меняются.

(III) Торжественные акты, бывшие в то или другое время.

Здесь же будут обозревать все программы, торжественные речи и т. п.

7. Каждый класс также должен иметь вид маленького государства с своим собственным сенатом, состоящим из десятских и их заместителей; председательствует в нем руководитель первого десятка.

(Чтобы лучше содействовать общей внимательности, учителя выберут себе в помощники из числа своих учеников, наиболее способных и зарекомендовавших себя прилежанием, столько человек, сколько у них в этом году окажется по десяти учеников. А чтобы все точнее следовало своему течению, следует избрать этих десятских из учеников того же класса, предназначенных к переводу в следующий класс. Ибо, таким образом, пройдя уже весь курс класса и зная в нем все, они в состоянии будут оказывать надлежащую помощь учителю и действовать среди новых учеников класса в качестве помощников учителей. Но питомцы церкви не могут допустить, чтобы их определяли к этому против их воли; поэтому, ввиду безвозмездности их труда, точно так же как и для отличия перед сотоварищами, их должно называть и п о д и д а с к а л а м и (т. е. помощниками учителей). Поэтому выполнявшие такие обязанности в одном классе не будут более задерживаться где-либо, но должны быть непрерывно продвигаемы в следующие, высшие, классы.)

8. Можно позволять, хотя и не заставлять, чтобы десятские каждого класса, по меньшей мере, раз в неделю собирались в своей учебной комнате и обсуждали, не произошло ли где-либо нарушения порядка, и если они что-нибудь заметят, то исправляли бы либо самих себя, либо увещали своих сотоварищей, вышедших за пределы дозволенного, или примиряли бы возникшие среди них мелкие ссоры. Если это им не удастся, то они должны обратиться к учителю.

XIV. Законы для родителей и опекунов, отдающих своих детей в нашу школу

Очевидно, необычайного противодействующего средства требует вредный обычай то вступать в школу, то покидать ее, то начинать, то бросать занятия, не добываясь в них чего-либо серьезного, а следовательно, не достигая и истинного образования. Если дело обстоит так, то не следовало ли бы подчинить строгой дисциплине всякого, кто сам хочет поступить в нашу благоустроенную школу. И раньше, чем внести ученика в матрикул, пусть будет принята следующая формула обязательства.

1. Я добровольно и с полным правом передаю своего сына учителям этой школы для законченного обучения его наукам, нравам и благочестию.

2. Я оставляю его в этой школе и не буду брать его отсюда до полного окончания курса учения.

3. Чтобы доставить ему возможность непрерывно делать успехи, я или совсем не буду отвлекать его [от школы], или допускать это весьма редко.

4. Если, однако, когда-нибудь, вследствие какой-либо неустрашимой задержки, это допущу, то обещаюсь снова послать его в школу как можно скорее.

5. Если я не буду действовать таким образом и вследствие этого успехи его будут ниже, чем я надеюсь, то винить я буду себя, а не школу.

Затем отец и сын должны подписать матрикул и тем обязать себя к исполнению обещанного.

XV. Законы для учеников

1. Никто, допущенный в эту школу, не должен иметь другого намерения, кроме одного — преуспевать с божьей помощью в полезных науках, добрых нравах и истинном благочестии.

2. Следовательно, никто не должен здесь уподобляться тени, но каждый должен быть живым членом в живом теле, относясь ко всему с живым интересом; в противном случае его следует удалить.

3. Прежде всего каждый должен с чистым сердцем бояться Бога и никогда не делать ничего против его воли и против своей совести, но, воздавая Богу хвалу, всегда обращаться к его помощи.

4. Каждый должен искренно любить своего учителя как второго отца, тщательно и с готовностью подчиняться во всем его указаниям. Подобное почтение должен он проявлять также и по отношению к учителям других классов.

5. После учителя он должен почитать также его заместителя, десятского, и следовать ему во всех его добрых наставлениях.

6. Он должен жить в дружбе со всеми своими сотоварищами и никого не обижать рукой или словом, так чтобы ссоры и несогласие были далеки от нашей школы.

7. В урочный час каждый по данному знаку должен тотчас же отправляться в учебную комнату и занимать свое, а не чужое место.

8. Если кто-либо по неотложной причине принужден отсутствовать, то он должен о своем отсутствии и причине отсутствия оповестить дежурного (сам, или через другого, или письменно), чтобы дежурный дал знать об этом учителю. Кто этим пренебрежет один

раз, тому на первый раз следует сделать выговор; кто допустит это дважды или трижды, того во всяком случае нужно задержать в школе для того, чтобы он наверстал с другим то, что пройдено в его отсутствие, или подвергся наказанию.

9. На молитве каждый должен присутствовать с вниманием и не думать ни о чем другом, как только о Боге. Кто обнаружит признаки нерелигиозного настроения, тот должен подвергнуться наказанию.

10. Молитву должны читать все по очереди, чтобы все через то приучались надлежащим образом призывать Бога.

11. Когда учитель что-либо говорит, показывает, объясняет, то все должны слушать с напряженным вниманием, и если им покажут подражать этому, то они должны подражать возможно скорее.

12. Затем если он что-либо спрашивает, то все в одинаковой мере должны напрягать свое внимание, чтобы каждый, от кого он требует ответа, был готов тотчас дать его.

13. Все должны привыкнуть читать, писать, говорить, даже размышлять и действовать отчетливо, внятно и без всякого замешательства.

14. К еженедельному экзамену каждый должен явиться хорошо подготовленным, чтобы заслужить похвалу, а не порицание.

15. Всем должно быть позволено в школе и вне ее разговаривать друг с другом, однако только по-латыни и о предметах приличных. Кто не умеет выразить своих мыслей по-латыни, пусть молчит или пусть спросит, как это надобно сказать, и потом скажет; чтобы это не оставалось ему неизвестным впоследствии, пусть он запишет это себе в свой дневник.

16. Блустителем прилежания в подобном деле должен быть [штрафной] значок за латинский язык; каждый, кому он попадет в руки, обязан в наказание произнести одно хорошее изречение, а тот, у кого этот значок останется на ночь, должен произнести три изречения.

17. В уходе за телом все должны соблюдать чистоту. Каждый, кто явится в школу нечесанным, невытым или неприлично одетым, получает значок по поведению, за который следует такая же расплата, как за значок по латинскому языку.

18. Все должны приучаться к пристойности в движениях; тот, кто выказывает нескромность, легкомыслие, необдуманность и грубость, подвергается строгому выговору и получает значок за [плохое] поведение.

19. Находясь вне школы, идя по улицам, разговаривая с людьми, все должны помнить правила скромности и добродетели.

20. Кто не отвыкает от неподобающих поступков, несмотря ни на увещания своих сотоварищей или своего десятского, ни на штраф-

ные значки, того следует подвергнуть наказанию розгой. Если и таким образом не исправится, то его следует отвести к ректору школы для наказания по его усмотрению.

XVI. Обязанности декурионов (десятских)

1. Десятский должен наблюдать за тем, чтобы все члены его десятка своевременно были налицо в школе (до прихода учителя), заняли свои места, а также следить за тем, чтобы подготовился тот, кто должен читать молитву.

2. Если когда-нибудь десятский сам не может присутствовать [в школе], то должен назначить кого-нибудь в качестве своего заместителя, чтобы тот тем временем поддерживал хороший порядок.

3. Если кого-либо не хватает [в классе], десятский должен сообщить о том учителю тотчас после входа его в классную комнату.

4. [По окончании] молитвы он должен также доложить учителю о том, у кого оставались на ночь значки за поведение, латинский язык и другие, для того чтобы были заслушаны штрафные изречения.

5. Во время чтения, письма или какого-либо упражнения десятский должен следить за каждым из своих сотоварищей и помогать им, если видит, что кто-либо делает ошибку.

6. Вне школы он должен обращать внимание на то, все ли его соученики достаточно прилично ведут себя, увещевать тех, которые в чем-нибудь провинятся, а непослушных приводить к учителю.

7. Особенно должен он наблюдать за тем, все ли присутствуют на священных церковных службах и прилично ли ведут себя при пении священных гимнов и во время всего богослужения.

8. Десятские должны заботиться о своевременном открытии классной комнаты перед школьными занятиями и о закрытии ее по окончании учения, о сохранении помещения в чистоте; это осуществляется еженедельно по сменам одним [учеником].

9. В случае отсутствия десятского заботиться обо всем этом и наблюдать за всем этим будет его заместитель.

10. Прилежный десятский должен получить в награду почетный титул иподидаскала, или помощника учителя, а нерадивого нужно наказать или с позором отрешить от должности.

XVII. Специальные обязанности для служек (фамулянтов) ²²

(Для бедных учеников, которых по принятому в венгерских школах обычаю приглашают к себе знатные или студенты для услуг.)

1. Под страхом наказания розгой их нужно обязывать постоянно быть налицо во время учебных занятий и не отсутствовать под каким-либо вымышленным предлогом.

2. Если же кого-либо заставляют отсутствовать неотложные услуги, он должен принести о том свидетельство от своего господина.

3. Опущенное при этом классное занятие следует возместить privately прилежанием; ученик должен переписать и выучить из книг своих товарищей то, что было пройдено.

4. При еженедельном экзамене фамулянты должны присутствовать все без всякого исключения и поэтому должны покончить свои домашние дела раньше.

5. Все это будут они делать тем охотнее и старательнее, чем больше они желают приобрести расположение своих господ и через то — средства к продолжению своих занятий.

6. Но и в школе они будут исполнять обязанности по уборке помещения, по приведению его там в чистоту, и столько раз, сколько это нужно, по требованию учителя или десятского.

7. Чтобы это не было для них стыдно и чтобы это служило побуждением к прилежанию в занятиях, им должно быть разрешено при недельных экзаменах вступать в состязание друг с другом за освобождение от этих общественных услуг на следующую неделю.

XVIII. Законы для коллегии, т. е. для всех живущих в общежитии,— как студентов, так и знатных

1. Каждый, поступающий сюда, должен помнить, что он вступает в дом мудрости и дисциплины, и должен поддерживать настроение преданности дисциплине и уважения к законам.

2. Каждый должен жить в помещении, отведенном ему управляющим общежитием, и держать это помещение в полном порядке и чистоте.

3. Без разрешения управляющего общежитием, который здесь называется старшим, или, по меньшей мере, своего инспектора никто не должен выходить из общежития, а если будет необходимо выйти по каким-либо делам, он должен своевременно вернуться назад.

4. В общежитии никто не должен праздно бродить взад и вперед, а, скорее, именно благодаря общежитию следует привыкать к хорошо упорядоченной жизни.

5. Никто не должен входить в чужую комнату, предварительно не постучав.

6. Ночью никто не смеет вступать в спальню другого.

7. Всеобщие пиры не разрешаются никому (ни тайно, ни открыто).

8. Когда стучится в дверь управляющий, будь то днем или ночью, каждый должен тотчас же открыть ее.

9. В восемь часов вечера все должны идти спать (ночная работа никоим образом не должна продолжаться дольше девяти часов); вставать должны утром в четыре часа (или ни в коем случае нельзя спать дольше, чем до пяти часов).

10. Встав, каждый должен сделать свою постель, затем в течение получаса привести в опрятный вид свое тело, причесаться, вымыться, прилично одеться и через полчаса приступить к молитве, а затем к работе.

11. Без особо уважительной причины никому не разрешается отсутствовать на общих молитвах.

12. Все должны тщательным образом заботиться о мирной жизни, никто не должен обижать другого, обиженный не должен мстить и должен быть готов восстановить любовь и добрые отношения при помощи дружеского примирения.

XIX. Законы для воспитательного учреждения в Патаке

1. Всякий, кто должен быть допущен [в школу], обязан представить от той церкви, к которой он принадлежит, свидетельства о законнорожденности и беспорочном поведении, чтобы доказать, что он имеет право на продвижение.

2. Затем следует подвергнуть испытанию его дарования и успехи, чтобы выяснить, способен ли он к научным занятиям. Это [испытание] будет лежать на обязанности ректора.

3. Если же случится, что желающих поступить найдется больше, чем имеющееся число предназначенных для общежития стипендий, то следует распорядиться так, чтобы из числа совершенно равных во всем остальном учеников более нуждающиеся получили даровой стол, а остальные — часть содержания; если же для них недостает мест, то нужно позаботиться о них как-нибудь иначе.

4. Получившие наполовину даровой стол обязаны внести причитающуюся плату предварительно за весь год.

5. Допущенные и с благодарностью пользующиеся стипендией

должны пользоваться ею до окончания учебного курса, за исключением тех случаев, если кто-либо пожелает освободиться от стипендии, найдя какие-нибудь средства или будучи призван к педагогии, или же, наконец, если кто-нибудь за свои бесчестные поступки подвергнется лишению стипендии.

6. Все питомцы [интерната] должны подчиняться всем законам этой школы, даже старательнее остальных, служа для всех образцом честности, скромности, благочестия и прилежания, чтобы как-нибудь не укоренилось убеждение, что благодеяния оказываются недостойным людям.

7. Все должны внимательно слушать то, что во время завтрака и в обеденное время читается вслух чтецом, чтобы, по окончании чтения и еды, каждый удержал в памяти что-либо, что ему особенно понравилось, и чтобы, таким образом, все взаимно поощряли друг друга прекрасным упражнением во внимании.

XX. Законы о педагогусах и педагогах ²³

Правда, мы надеемся, что в нашей школе, учрежденной по этому методу, классных учителей будет достаточно для какого угодно количества учеников, и кроме часов, определенных для классных занятий, нет никакой надобности утомлять умы учащихся еще приватными работами. Тем не менее хорошо было бы к благородным юношам приставлять частных педагогов: во-первых и прежде всего — для надзора за их поведением, чтобы, предоставленные вполне самим себе и лишённые в своей частной жизни примеров хорошего обращения, они не научились чему-либо дурному; затем — для более верной заботы о благочестии, чтобы они никогда не забывали Бога (ложатся ли они, встают ли, или делают иное что), в-третьих — для развития ума и языка, которые образуются и укрепляются в процессе постоянного общения с образованным человеком, не говоря уже о том, что учащимся следует предоставить все то, что является полезным в жизни, и этим отчасти облегчить общественное сожителство и распространить его среди возможно большего числа людей. Для достижения этих целей нужно соблюдать следующее:

1. Воспитательской должности не должен домогаться никто в частном порядке, так же как не может и получить таковую без ведома и специального поручения ректора или начальника педагогов.

2. Нельзя доверить дело воспитания ни одному необразованному человеку, а тем более человеку, плохому в нравственном отношении, и уже никоим образом тому, чье благочестие и совесть сомнительны,

3. А кому доверено дело воспитания, тот, призвав божие содействие, должен стараться обладать качествами образованного, нравственного, истинно благочестивого человека, врага всякой лести, способного воспитывать других.

4. Воспитатель должен тщательно следить также и за тем, чтобы вполне соответствовать своему имени, т. е. чтобы непрерывным руководством одним или многими учениками развивать их и содействовать постоянным и хорошим успехам.

5. Однако он не должен тормозить классное обучение, т. е. он не должен делать ничего уклоняющегося (от классного обучения) или в уклоняющейся форме, но делать и обсуждать на дому как раз то и точно таким же образом, что делает классный учитель со всем классом.

6. Следовательно, перед обучением в школе нужно заранее разъяснять ученику смысл того, что затем обсуждается в школе, чтобы что-либо не запугивало кажущейся трудностью, и если бы что-нибудь подобное обнаружилось, то нужно это устранить своевременным объяснением, чтобы ученики, имеющие воспитателей, в общественной школе схватывали все быстрее остальных, получали бы похвалу перед прочими и вместе с тем надежду и побуждение успешно пройти и дальнейший курс.

7. Точно так же, когда питомцы придут из школы домой, воспитатели должны заставлять их воспроизвести то, что там было сделано, во-первых, для того, чтобы они лучше усвоили воспринятое там, а во-вторых, для того, чтобы научились постепенно и в историческом порядке перечислять сделанное.

8. Чтобы добиться умения обо всем быстро говорить по-латыни, все разговоры с учеником воспитатели должны вести по-латыни.

9. Все педагоги должны также прилагать старания к тому, чтобы быть не только руководителями своих питомцев, но также и друзьями их. Это произойдет в том случае, если воспитатели будут верными охранителями своих воспитанников во всем добром, чтобы их питомцы, будучи предоставлены самим себе, вместе с добродетелями не усвоили в чем-либо и пороков и чтобы и то и другое не вошло в привычку одновременно.

(Следовательно, разница между теми учениками, которые наряду с классным обучением имеют еще частных воспитателей, и теми, которые не пользуются таковыми, будет такая же, как разница между полем, засеянным хорошим семенем и, сверх того, очищенным прилежной рукой от прорастающих сорных трав, и таким полем, которое засеяно тем же хорошим семенем, но предоставлено самому себе, с тем чтобы лучшие растения сами заглушили худшие. Иногда это и удается; но вернее рассчитывать на плод с того поля, которому помогает рука, выпалывающая сорную траву.)

XXI. Законы для учителей

1. Учителями должны быть люди набожные, честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим. (Ничто притворное не может быть продолжительным.)

2. Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии и предохранить себя от скуки и отвращения, они должны, во-первых, остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как с жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение. Но наши полагают, что они поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем, именно, чтобы маленькое подобие Бога доводить до схождения с Богом или, как говорит Бог у пророка (Ис. 51, 16), насаждать небо и основывать землю, т. е. полагать основание церкви и государства. Уверенные, что их труды служат на благо человеческого рода, они будут воспевать с Давидом: мне выпал жребий самый приятный, мне досталось прекрасное наследство (Пс. 16, 6) и будут стараться, поскольку это от них зависит, сделать все возможное для столь возвышенной цели.

3. И так как это столь великое дело приходится предпринимать рискованным образом с применением собственной мудрости и собственных сил, то прежде всего они смиренно предадут самих себя, свои работы и преуспевания своих учеников Богу, по примеру великого наставника, указывающего, что он достиг одного, что никто из тех, кого ему дал Отец, не погиб, и просящего Отца соблюсти их в своей добродетели (Иоан. 17, 11, 12).

4. Итак, ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно увлекать учеников благим примером; ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыдущих и чтобы ученики воспитывались (*se compoant*) по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев²⁴, которые показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут.

5. Наши учителя должны помнить, что юношество, посвященное Христу, должно направлять преимущественно туда, куда хочет привести Христос, именно тогу Отца. Итак, прежде всего должно посвятить души познанию того Отца, который находится на небе-

сах, воле нужно внушить любовь во всем исполнять волю Божию, чтобы нам творить ее на земле так, как творят ее ангелы на небесах, и, наконец, должно возбудить надежду на вечное милосердие его. Всему этому они должны неукоснительно учить своих учеников своею достойною небес ангелоподобною жизнью, остерегаясь примером какого-либо мирского дела соблазнить кого-нибудь из малых сих (ибо тем, кто это делает, Христос предвещает горе).

6. Но так как учителя получают не таких лиц, которых они тотчас же должны вести к небу, но таких, которым предназначено первоначально вести среди людей, здесь, под небом, человеческую и богоугодную жизнь, они должны приучать вверенных им также и к требуемому от каждого человеческого образованию и к доброму повиновению законам человеческого общества, и опять-таки прежде всего и лучше всего примерами, нежели предписаниями. Следовательно, развитие умеренности и трезвости, а через то — здравого и бодрого духа будет лежать на обязанности всех учителей; пусть пиры платоновские будут им приятнее, нежели пиршества сибаритские²⁵. Подобным образом учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде образцом простоты, в деятельности — примером бодрости и трудолюбия, в поведении — скромности и благонравия, в речах — искусства разговора и молчания, словом, быть образцом благоразумия в частной и общественной жизни.

7. Наконец, так как успехи в благочестии и нравственности идут лучше, когда ум, оснащенный светом познания, умеет сделать лучший выбор среди вещей, а познание вещей почерпается из наук, то пусть учителя помнят, что их питомцы и в этом должны быть осведомлены. А потому учителя должны знать, хотеть и уметь сделать умы всех своих учеников мудрыми, языки — красноречивыми, руки — искусными для письма и других действий, и опять-таки при помощи постоянных примеров, наставлений и практики.

8. Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметить хорошенько) самые маловажные обязанности — диктовать что-либо, гораздо же более важные — наблюдать, внимательны ли ученики, частым спрашиванием возбуждать силу ума, чтобы они понимали, и в процессе исправления, когда ученики сбиваются, искусно исправлять.

9. Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным, страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями

духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова Горація:

Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным ²⁶.

Это возраст, который — не зная еще бремени жизни — измеряет полезное только сообразно с его приятностью и требует скорее сахара и меда, нежели настоящего кушанья.

10. Хороший учитель не пропускает ни одного удобного случая, чтобы научить чему-либо полезному. Итак, если нашим учителям придет на ум научить чему-либо хорошему, то они никогда не упустят такого случая, будет ли то в школе в присутствии всех, или вне ее частным образом, с кем-либо одним, но в этом последнем случае дело происходит затем следующим образом: то, что ученик усвоил частным образом, он должен повторить в классе перед всеми с двойной пользой, во-первых, чтобы все привыкли внимательно воспринимать также и то, что говорится кому-нибудь вне школы, и уметь передавать смысл воспринятого; во-вторых, чтобы то, что говорится кому-либо одному по какому-либо поводу, служило на пользу всем; ибо школьный учитель должен быть одинаково учителем всех.

11. Как сами они должны осуществлять прежде всего первоначальное и главнейшее, так и учеников своих учить тому же и требовать от них, чтобы они соблюдали это в таком, а не в обратном порядке, т. е. они должны прежде всего учить самому необходимому благочестию, затем добродетели в обращении с людьми и, наконец, внешнему украшению жизни — наукам.

12. Итак, прежде всего пусть под страхом вечного проклятия учитель остерегается терпеть, чтобы кто-либо уклонялся от благочестия, но пусть старается держать всех в страхе божием. Если он этого не добьется, то пусть считает весь свой труд затраченным даром.

13. Далее, учителя должны наблюдать, чтобы молитва общая и частная происходила с благочестивыми жестами и с сердцем, вознесенным к Богу. Каждую среду должны они заниматься с учениками законом божием, каждую субботу должны прилежно готовить их к воскресенью, каждое воскресенье должны все участвовать в общественном богослужении, каждый учитель с своим отделением на особом месте; они также должны настаивать на том, чтобы все ученики записывали проповедь и повторяли ее затем в понедельник на первом уроке.

14. Сколько раз совершается в церкви святое причащение, столько раз учителя должны готовить учеников с особым чувством благоговения либо к тому, чтобы они приняли достойное участие в священном таинстве, либо к тому, чтобы они благоговейно созерцали столь священное таинство.

15. Из числа нравственных добродетелей особенно настойчиво должен он рекомендовать и внедрять путем упражнений способность переносить труды, больше того, стремление к ним; ибо, достигнув этого, они будут иметь великое сокровище для жизни.

16. Каждый учитель должен в особенности иметь перед глазами цель и задачи своего класса, чтобы, хорошо зная, чего он должен достигнуть, все направлять сообразно с этим; он добьется похвалы, если всех своих учеников доведет до этой цели, заслужит позор, если допустит, чтобы кто-либо не достиг ее.

XXII. Законы для ректора

1. Ректор должен помнить о том, что он является главным светом для всей школы и ее опорой.

2. Поэтому он должен заключать в себе образец добродетелей, благочестия и трудолюбия и во всех отношениях служить живым законом и правилом (по которому легко выправляется все неровное).

3. Свой авторитет перед другими он должен поддерживать чистотой в моральной жизни, гуманным обращением с каждым и неутомимой бодростью в исполнении обязанностей; он должен также тщательно следить за тем, идут ли по его стопам все коллеги, учителя и воспитатели.

4. И так как он не имеет собственного класса, то, исходя из того взгляда, что все ученики представляют его класс (что они и суть в действительности), он должен ежедневно освещать всех подобно солнцу, со всех сторон освещающему небо.

5. От времени до времени он должен скрыто или явно проверять жизнь частных учителей и их занятия со своими учениками.

6. Он должен постоянно заботиться о том, чтобы ничего не делалось против законов и установлений [школы], но чтобы все сохранялось на своем месте, в своем порядке и в своей силе; и если он видит, что что-либо выходит из своей колеи, он должен тотчас же принять меры к исправлению и предотвратить худшее зло.

7. Особенно он должен сам помнить и от времени до времени напоминать своим товарищам, что никого нельзя научить через одни наставления, но что обучение происходит через частое показывание и постоянное подражание, чтобы учителя предпочитали быть и были бы лучше возбудителями, нежели образователями способностей, руководителями, а не диктаторами [молодежи], и чтобы это было не последней из тайн лучшей дидактики.

8. Он должен добросовестно хранить под своим верным попечением, как лучшее сокровище, архив школы (в котором заключаются данные об основании, привилегиях, законах и статутах, а также акты и история школы).

9. Точно так же он должен тщательно беречь матрикулы и записывать туда имена всех вступающих в школу и выходящих из нее или, лучше, пусть заставляет каждого записываться собственноручно с присоединением данных года, месяца и числа.

10. Каждому приходящему и желающему быть принятым в школу он должен сперва прочитать школьные законы и спросить его, обещает ли он соблюдать их, должен также дать понять ему, что права гражданства [в школе] доступны лишь тем, кто готов подчиняться законам и наказаниям школы и кто подкрепит это собственноручной подписью.

11. Он должен быть гостеприимен по отношению к чужестранцам и пришельцам.

12. Желающим уйти из школы и требующим свидетельства о прилежании и честном поведении он должен выставить отметки сообразно с истинным положением дела и по заслугам каждого.

13. Он должен добросовестно позаботиться о городах и школах, просящих учителей для школ, снабжая своими свидетельствами только тех, кто этого заслуживает.

14. Он должен вести историю школы и вносить в летопись ее все главнейшие события. В наиболее важных вопросах, однако, пусть он действует не по своему личному усмотрению, но предварительно созвав сенат и спросив у него совета.

15. Он должен быть убежден, что правильное распределение наград и наказаний есть основа государства, и только сообразно с этим пусть и распределяет их.

XXIII. Законы для схолархов ²⁷

Когда спартанцы получили от Ликурга ²⁸ хорошие законы, они все-таки не считали еще их имеющими достаточную силу, пока не поставили сверх того номофилактов ²⁹, т. е. стражей законов. Это было весьма умно, ибо и лучшие законы напрасны, если их не исполняют. А законов не станут исполнять, если нет стражей, которые побуждают к их исполнению. Таким образом, и для наших школьных законов следует назначить номофилактов, чтобы раз предписанное всегда оставалось в силе. И те из нас, кто призван вести борьбу с потоком невежества и варварства и снабжен оружием для победы над врагом, должны вести эту борьбу не пустым бряцанием оружия, но серьезным и решительным натиском. Мы назовем их схолархами, заимствуя их имя от школы. Их обязанности следующие:

1. Они должны знать, что им поручена высшая забота о питомнике для государства и церкви (т. е. основы человеческого счастья в настоящем и будущем). Следовательно, они должны серьезно

смотреть за тем, чтобы это общественное дело не потерпело какого-либо ущерба.

2. Далее, они должны считать, что школа — их Спарта, которую они должны украсить достойным способом³⁰. Так как другие служат ей больше своей ученостью, а они, скорее, примером и устремлениями, то они должны держать себя так, чтобы быть в состоянии своей бдительностью побуждать одних, закономерностью своих действий приводить к норме других.

3. Они должны заботиться о тех учителях школы, которые отличаются благочестием, ученостью и превосходством перед другими в искусстве ведения дела, как о людях, которые являются как бы созданными для этого призвания знанием и умением посвятить жизнь свою Богу и юношеству и принести пользу отечеству и церкви.

4. Они должны знать, что для блага школы будет лучше, если такие люди будут в ней постоянно, чем если то и дело будут происходить перемены, и должны желать и прилагать старание к тому, чтобы умеющие руководить юношеством постоянно стояли во главе [школ]. Итак, господствующий здесь обычай, чтобы в школу были привлекаемы только кандидаты на должность священников, которые вскоре затем покидают школу, следует отменить. Призвание к школе есть нечто особое по сравнению с призыванием к духовной должности; кто способен к этому (а быть учителем есть особый дар божий), тот пусть посвящает этому делу всю свою жизнь. И где бы ни появились такие люди, как будто бы Бог указывал на них простертым перстом, следует принимать их с радостью, привлекать просьбами и наградой поддерживать и ободрять их и, если они расположены остаться при этом занятии, охранять их от несправедливостей.

5. Если все же кому-нибудь, вследствие самой продолжительности, эта деятельность наскучит и он, может быть, захочет перейти к другому роду занятий или уйти на покой, то не следует насильно удерживать его (как раба, прикованного к жерновой мельнице), так как это не принесло бы ни малейшей пользы школе, требующей всего добровольного. Не следует также отпускать его с негодованием или с оскорбительным замечанием, так как по отношению к этому сословию (*statum*) не допустимо что бы то ни было нарушающее его честь и достоинство.

6. И так как, по изречению Высшего покровителя мудрости и правды, каждый работник достоин своей награды, то схолярхи, как его представители, должны считать своею обязанностью заботиться о том, чтобы учителя также получали свое справедливое и достоящее содержание, чтобы кто-нибудь из них не был вынужден как-нибудь пренебречь своей должностью и заняться чем-либо иным или, по крайней мере, не имел бы какого-либо повода к не-

брежности в своих работах или к жадности. (Правду говорят: работа становится противной, если за ней не следует награда.)

7. За утвержденными уже на работе они должны следить, достаточно ли искусно исполняет каждый обязанности своей профессии. Под этим предлогом они не будут находить для себя затруднительным неоднократно (то сообща, то в одиночку) посещать школу, присутствовать при работах и таким образом возбуждать к постоянному прилежанию в одинаковой мере как учащихся, так и учащихся. Ибо присутствие Турна воодушевляет в сражении³¹, и слушатель при занятиях возбуждает к рвению и пр.

8. С особой тщательностью они должны заботиться о том, чтобы в присутствии учеников сохранить неприкосновенным и чистым авторитет учащихся и предохранить учителей от низкой оценки их.

Пренебрежение к учителям прямо влечет за собой нарушение всей дисциплины.

9. Если же они заметят в ком-либо из учителей, или даже в ректоре, или в самом главном учителе пороки или слабости в жизни или небрежность в исполнении обязанностей, то они не должны этого терпеть, но дружелюбно увещавать провинившегося, однако наедине, чтобы этого не заметил кто-либо из учеников и не возымел повода к неуважению.

10. Если кого-либо из учителей нужно освободить или принять вновь, то, чтобы, по возможности, предотвратить вторжение в школу слишком больших беспорядков, обыкновенно следует позволить делать это не иначе, как только во время обычной подготовки к новому учебному году, следовательно, во время перевода учащихся в новые классы.

11. Под покровом светских властей и церкви надзор схолархов должен простираться на юношество всего города и окрестностей, а также на родителей и опекунов. Они должны наблюдать за тем, как родители и опекуны воспитывают детей: приготавливают ли их для школы, посылают ли они детей в общественную мастерскую добродетели или нет и почему они иногда удерживают их дома; они должны иметь право делать [таким родителям и опекунам] увещания, а противящихся привлекать к суду духовных лиц или, если они и на это не обращают никакого внимания, отдавать на суд светских властей.

12. И так как мудро сказано, что охрана человеческого рода должна найти место прежде всего в колыбели (т. е. что главным образом в юном возрасте нужно удерживать от зла), то схолархи должны обращать свое особенное внимание, чтобы в школу не закралось что-либо такое, что развращает нравственность и благочестие.

13. Если школ будет (и даже должно быть) несколько, то схолархи должны наблюдать за тем, чтобы школы во всех отношениях

были единомышленны и чтобы тщательно соблюдать согласие в среде учителей; они не могут терпеть, чтобы в этом освященном обществе мудрости разгорались ненависть и распря или даже зависть и вражда.

14. Праздник освящения школы (когда празднуется день основания школы и память о благочестивой благотворительности ее основателей передается позднему потомству) должен справляться ежегодно, и по этому случаю должны быть торжественно прочитаны все законы. Таким образом, схоластики будут заботиться о том, чтобы возобновлять в памяти весь порядок и поддерживать его в силе.

15. Особенно напоминаем мы о весьма распространенном обычае приставлять к начинающему учиться довольно неученым людям, тогда как тут как раз нужен ученейший человек и мудрейший, чтобы правильно заложить первые основания образования (*eruditio-nis*). Ибо, кто меньше знает, тот с меньшей ясностью учит. А если самое первоначальное не будет ясно понято, то и в последующем тем меньше будет ясности; и тот не поднимется к большему, кто не силен в меньшем.

16. Наконец, схоластики должны твердо знать, что правильное распределение наград и наказаний есть основа к сохранению этого их государства. Поэтому они должны специально наблюдать за тем, чтобы какая-нибудь добродетель не лишена была своей награды, а порок не остался безнаказанным; таким путем они легко все сохраняют в силе.

XXIV. Законы относительно школьной дисциплины

1. Никакое нарушение законов не должно быть терпимо ни в ком, начиная с высших и кончая низшими.

2. Однако для наказаний должны быть известные ступени в соответствии с проступками. Наибольшим обычным у нас наказанием будут розги, наименьшим — разумный выговор. При побоях следует постоянно предохранять голову.

3. Проступки, происходящие от небрежности, а не от упрямства, не следует строго наказывать, но в то же время не нужно давать им и усиливаться вследствие снисходительности. Одно упрямство следует переламывать со всей строгостью и основательно искоренять как корень всего злого.

4. Если кто-либо, вследствие порока рассеянности, невнимательно слушает, смотрит куда-нибудь в другую сторону, читает или пишет посторонние вещи, болтовней мешает быть внимательным себе и другим и вообще провинится в чем-либо подобном, то его нужно призывать к порядку частыми замечаниями до тех пор, пока этот порок не будет излечен.

5. Кто нарушает честь ссорой, драками, непочтительным отношением к кому-либо, божбой, проклятьем, недозволенной дружбой с предосудительными людьми, того нужно застращать строгим выговором и, если слова не помогают, розгой.

6. Нарушающие законы относительно языка подвергаются соответствующему наказанию: кто попадется в том, что он разговаривает не по-латыни, тот должен загладить свою вину заучиванием наизусть латинских слов, предложений, рассказов, историй.

7. Кто приносит ложные жалобы родителям, опекунам или друзьям на своих сотоварищей, воспитателей и учителей, того следует наказывать строго как за то, что он разглашает тайны школы, так и за то, что он говорит ложь и неблагодарен по отношению к своим учителям и своей лживостью нарушает нормальные отношения и смущает настроение добрых людей.

8. Десятский за свою намеренную провинность должен быть наказан вдвое строже в пример другим. Если он будет замечен в проступках по своей должности (при замечаниях, напоминаниях и донесениях), то его следует или сменить (если можно найти более достойного), или подвергнуть наказанию розгой, так как он не может быть порочным без того, чтобы не вовлечь в пороки десять других, и, следовательно, подрывает школьную дисциплину.

9. Если кто-либо из старших [учеников] распространяет пренебрежение и оскорбление законов и школьной дисциплины, то тот, кому непосредственно подчинен провинившийся, обязан, во-первых, образумить его наедине. Если это не поможет, то он должен высказать ему порицание перед всем собранием. Если и это бесполезно, то следует донести об этом ректору, который обязан, созвав школьный сенат, обстоятельно разобрать дело и присудить дерзкого к телесному наказанию; если же он опять окажется неисправимым, то его следует изгнать из общества его ученых собратьев. Мы не желаем применения более строгих карательных мер, кроме самого жестокого и страшного — удаления или исключения, как удаляют паршивую овцу из стада, чтобы не заразить других.

10. Наконец, пусть поддержание дисциплины всегда происходит строго и убедительно, но не шутливо или яростно, чтобы возбуждать страх и уважение, а не смех и ненависть. Следовательно, при руководстве юношеством должна иметь место кротость без легкомыслия, при взысканиях — порицание без язвительности, при наказаниях — строгость без свирепости.

XXV. Законы о соблюдении законов

1. Так как по опыту известно, что все мы более склонны к злу (особенно в юношеском возрасте) и в течение нескольких часов можем быть до того испорчены праздностью или пороками, что нескоро

можем возвратиться к беспорочности духа, то должна быть налицо постоянная и в высшей степени бдительная охрана законов. Иначе было бы безразлично — не иметь никаких законов или не соблюдать их: гораздо хуже, когда разнузданность бешено срывается с цепей, нежели когда она совсем не заключена в оковы [законов].

2. И так как за законы приходится бороться больше, чем за стены, как мудро имели обыкновение говорить древние (так как можно жить без стен, но никоим образом государство не может существовать без законов, как это показывает пример и лакедемонян), то нужно считать за нечто непреложное, что благополучие всей школы состоит в добросовестном исполнении законов.

3. Однако опять-таки не без основания Архисилай говорит: где много врачей, там много болезней, и где очень много законов, там много и преступлений. Поэтому благосостояние школы следует полагать не столько в увеличении количества законов, сколько, наоборот, в тщательном соблюдении однажды данных. Отсюда следует, что не нужно легко допускать, чтобы к этим нашим законам прибавляли новые, за исключением разве крайней необходимости; лучше твердо соблюдать эти немногие, хорошие, общие, однажды данные.

4. И так как Цицерон сказал: Законы говорят ко всем одним и тем же голосом («Об обязанностях», кн. 2, гл. 42), — то должно стараться, чтобы законы были одни и те же для всех, независимо от личностей. Они не должны являться сетями паука, в которые попадают маленькие мушки, тогда как большие насекомые и шершни их разрывают.

5. Терпеть в школьном обществе кого-либо испорченного (потому только, что он богат или знатен, или из посторонних соображений, потому что не хотят огорчить его или его родителей), тем более не хотеть удалить из школы небрежного, нерадивого, предающегося пьянству или в каком-либо отношении непристойного учителя есть несомненный признак расшатанной дисциплины школы.

Послесловие

Эти законы были написаны для школы в Патаке, но не были там приняты (так как усилие создать семиклассную школу не имело успеха). Я все-таки присоединил их сюда³², чтобы не пропало то хорошее, что здесь содержится. Школа же в Патаке, если в ней когда-либо произойдет ослабление порядка, будет иметь в этих законах напоминание, указывающее правильный путь. Мы не будем завидовать, если они могут принести какую-либо пользу другим [школам].

Правила поведения, собранные для юношества в 1653 году

*Научись сперва добрым нравам,
а затем мудрости, ибо без первых
трудно научиться последней.*

Сенска

*Кто успевае в науках, но отстае
в добрых нравах, тот больше отстае,
чем успевае.*

Народная поговорка

I. О нравах вообще

1. Основание нравственности есть такое настроение человеческого духа, в силу которого человеку приятно вести себя так, чтобы нравиться Богу и добрым людям.

2. Юноша, где бы ты ни был, помни о том, что ты находишься в присутствии Бога и ангелов, а может быть — и людей.

3. Поэтому остерегайся делать что-либо такое, что непристойно пред величием Божиим и ангелов и в глазах людей.

4. Да будет чист дух твой ради Господа и твоей совести; лицо же твое и поведение, речь и весь внешний вид да будут чисты и честны ради ангелов и людей.

5. Но из всего этого не должно нравиться ничто поддельное и подкрашенное; единственным правилом всех твоих действий да будет естественность и подлинно доброе.

II. О выражении лиц, состоянии всего тела и телодвижениях

Находясь в присутствии кого-либо, достойного уважения, держи себя следующим образом:

1. Стой прямо.

2. Голова должна быть обнажена.

3. Выражение лица должно быть не печальным и мрачным, но, с другой стороны, и не дерзким и то и дело меняющимся, а смягченным выражением непринужденной скромности.

4. Лоб должен быть ровным, а не сложенным в морщины.

5. Глаза не должны блуждать, смотреть искоса, щуриться или дерзко перебегать туда-сюда; с другой стороны, они не должны быть

неподвижно устремлены в одну точку, но смотреть все время скромно и должны быть направлены на того, с кем говоришь.

6. Нос должен быть чист и высморкан.

7. Губы — не надуты, но в их естественном положении.

8. Рот — не раскрыт и разинут, и не искривлен, также и не стиснут, но закрыт слегка смыкающимися губами.

9. Не следует кусать губ, еще того менее — высовывать и показывать язык.

10. Шея должна быть выпрямлена, а не склонена на один бок.

11. Плечи должны быть приподняты равномерно, а не так, чтобы одно было ниже другого.

12. Руки не должны находиться в движении, т. е. нельзя ими чесать голову, ковырять в ушах или в носу, тереть волосы или производить другие неподходящие движения.

13. Если стоишь, то стой прямо, опираясь на обе ноги, а не на одну из них, как аист, и не растопырив их, но слегка соединив.

14. Если сидишь, сиди скромно, не прислоняясь спиной к стене, не облачаясь локтем на стол, не нагибаясь в какую-нибудь сторону, не двигая ногами.

III. Поведение при естественных побуждениях

1. Что делаешь, делай благопристойно.

2. Если смеешься, так пусть это будет именно смех, и притом умеренный, а не громкий хохот. (Смеяться в ответ на все, что говорят и делают, есть свойство глупых (легкомысленных) людей, ни от чего не смеяться — простоватых. Держись и здесь золотой середины.)

3. Если тебя одолевает слюна, то плюнь, но только в сторону, чтобы не оплевать кого-нибудь. (Часто плевать — неприлично, глотать слюну — похоже на животное.)

4. Если тебя одолевают сопли, то высморкайся, только не рукавом и не шапкой, но платком или двумя пальцами (опять-таки отвернувшись), так чтобы не замарать пальцев; сопли разотри ногой, чтобы не возбуждать ничьей брезгливости.

5. Нападает на тебя зевота, чиханье или кашель, отвернись или держи руку перед ртом и делай это по возможности бесшумно.

6. Пускать от себя ветры — постыдно, остерегись.

7. Если ты сколько-нибудь заботишься о приличии — очищение производи только в местах отдаленных.

8. Громко дышать и храпеть свойственно скорее медведям, чем людям.

IV. О причёске и одежде

1. Давать отрастать волосам на голове до того, что они покроют лоб, спустятся на плечи, апостол запрещает.

2. Какие бы у тебя, однако, ни были волосы, пусть они всегда будут причесаны и чисты, свободны от грязи, перхоти и вшей.

3. Шляпа, платье, обувь и пояс должны быть чисты, не запачканы грязью и пылью или еще чем-либо худшим.

4. Выходить полуодетым, точно так же как и носить сюртук или плащ, накинув лишь на одно плечо, более прилично для паяца, чем для занимающегося науками.

V. О выходе

1. Никогда не выходи в общество иначе, как вымывшись, причесавшись и прилично одевшись.

2. На улице и в других местах, где могут увидеть тебя люди, веди себя благопристойно, так чтобы никто не мог упрекнуть тебя в чем-либо предосудительном.

3. Походка твоя пусть будет хорошо соразмерена: не слишком медленна, потому что это обнаруживает леность, но не слишком быстра и поспешна, так как это указывает на легкомыслие.

4. Идучи, передвигай ноги равномерно; не подскакивай, не размахивай руками, не переваливайся, не смотри в землю, но и не забрасывай головы назад и пр.

VI. При разговоре

1. Речь пусть будет предназначена для того, чтобы учить или учиться, иначе лучше молчать.

2. Если нужно говорить, то сознание должно предшествовать языку, а не наоборот, чтобы не заминаться или не брать назад свои слова, если скажешь что-либо неподходящее.

3. Чтобы быть вполне понятным, выговор должен быть ясен и отчетлив.

4. И голос у говорящего должен быть мягким и спокойным, а не крикливым, раздражающим слух, но и не бормочущим про себя, едва доходящим до слуха.

5. Если говоришь, то говори языком, а не головой, или рукой, или всем телом, т. е. не качанием тела или жестами.

6. Если спрашиваешь или отвечаешь на вопрос, делай это ясно, коротко, просто.

7. Прерывать говорящего, прежде чем он кончит свою речь, в высшей степени некультурно.

8. Если в разговоре нужно сказать о чем-либо неприличном, то предположи предварительно извинение или передай описательно, так чтобы вещь не совсем приличная достигла слуха и чувства не иначе, как в пристойном выражении.

VII. Правила поведения утром

1. Кто посвятил себя наукам, тот не будет сонливым; после семи часов он поспешит к работе (Аврора — подруга муз).

2. Проснувшись, помысли о Боге; возблагодари его за то, что он охранил тебя от темной ночи, и моли его, чтобы он сделал тебе следующий день счастливым.

3. Встав с постели, причеши волосы, вымой лицо и руки чистой водой, выполощи рот и прилично оденься.

4. Каждому встречному желай счастливого дня.

5. Покончив с приветствиями, возмись за свои книги и обдумай, что тебе нужно сделать в этот день.

6. Сообрази, что тебе нужно делать, принимайся за серьезное исполнение этого и, чтобы все шло в порядке, распредели все разумно, призывая на помощь Бога.

VIII. Поведение в школе

1. Спешి в школу, как на игру (она и есть такова); не пропускай ее никогда.

2. Захватывай с собой школьное оружие, которое тебе необходимо в данный день и в данный час.

(Стыдно занимать у другого ученика книги, бумагу, перья и чернила.)

3. Занимай тотчас свое место, а не чье-либо чужое.

4. Не обременяй других болтовней и шумом до прихода учителя; веди себя скромно во всем.

5. Обращайся с тайным воздыханием к вечной премудрости, Христу, чтобы он ниспослал тебе свой разум; ибо без его содействия все наше старание будет тщетным.

6. Так как он дает просящим, отверзает стучащим, помогает находить ищущим, то прилагай все свое старание к делу, так как он не окажет никакой помощи тому, кто сам усердно не будет трудиться.

7. Стыдись иметь ученого учителя и ученые книги, а самому оставаться неученым.

(Итак, прилагай труды к тому, чтобы знать то, что знает учитель и что изложено в твоих книгах.)

8. Для поддержки памяти служат дневники; отмечай себе в них, что тебе нужно выучить из того, что тебе еще не известно. Итак, не иметь дневника или вести его небрежно служит ясным признаком беспечного ученика и заслуживает порицания.

9. Считаю несчастным тот день или тот час, в который ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию.

10. Отпущенный из школы, безотлагательно иди домой; не беги по улицам; не останавливайся; не делай ничего неприличного.

11. Если тебе в доме нужно оказать услугу родителям или хозяевам, то оказывай немедленно; если тебя пошлют куда-нибудь, исполни поручение точно и быстро возвратись домой, чтобы было ясно, что занятие наукой полезно во всем.

12. Время, которое остается у тебя от оказания услуг, посвящай повторению выученного. (Нет ничего более драгоценного в жизни, чем время; кто теряет время, тот теряет жизнь¹.)

IX. По отношению к учителю

1. Люби учителя, как отца, и нигде не оставайся с большим удовольствием, чем под его наблюдением.

2. Оказывай учителю всякое почтение и послушание на словах и на деле.

3. Смотри на учителя как на живой пример (в смысле образования, нравственности, набожности) и старайся подражать ему во всем.

4. Когда учитель говорит, внимательно слушай; когда он что-нибудь подсказывает словами или рукой, подражай этому; когда он обращает внимание на ошибку, исправляй ее.

5. Остерегайся как-либо оскорбить или огорчить учителя.

(Неповиновение по отношению к учителям или по отношению к родителям есть грех Исава, а насмешка, сверх того, — Хамово преступление², которое должно быть наказано божьим проклятием.)

6. Старайся избегать всего, чем можешь навлечь на себя побои.

7. Если все-таки навлечешь на себя наказание за допущенный проступок, то не ропщи; если тебя похвалят за добродетели, радуйся и старайся заслужить похвалу еще больше.

Х. По отношению к товарищам

1. Считай всех товарищей по учению за друзей и братьев.
2. Живи со всеми дружно.
3. Не вступай в борьбу ни из-за чего, за исключением наук, но и в этом случае не затевай споров и враждебных выходок, но состязайся прилежанием.
4. Больше люби более ученых и более скромных товарищей и охотнее дружи с ними.
5. Кого хочешь превзойти в похвале за прилежание, того чаще вызывай на состязание.
6. Прилагай наибольшее старание к тому, чтобы не поддаваться вызванному тобой на состязание, но одолеть его.
7. Будучи побежденным, не гневайся на победителя, но пусть это послужит тебе побуждением для победы над ним на будущее время.
8. На таких условиях прекрасно будет победить или быть побежденным; как то, так и другое будет служить точильным камнем доблести и прилежания.
9. Кто сам не хочет решиться на подобного рода состязание в отличии, того пусть осмеивают и презирают, как ленивое животное.

XI. В обращении со всеми

1. Води знакомство только с теми, кто тебя может сделать учнее или лучше или ты его.
2. Как яда, избегай легкомысленных товарищей; дурные разговоры портят хорошие нравы.
3. Однако ввиду того, что жить придется в шуме света, следи за собой, чтобы не давать примера чего-либо неприличного и самому не воспринимать такового. Относительно обращения с людьми позаимствуй несколько советов у мудрых.
4. Люби всех добрых, не раздражай ни одного злого.
5. Не бросай своего, не уничтожай и не презирай чужого.
6. Состязайся с добрым в исполнении своих обязанностей, не вступай ни с кем в ссору и брань.
7. Со всеми будь обходителен (ласков), ни с кем не поступай по капризу.
8. Если возможно, лучше оказывать благодеяния, чем принимать их.
9. Не гонись за похвалой, но изо всех сил старайся действовать похвально.

10. При встрече с кем-нибудь приветствуй его; перед уважаемыми лицами даже обнажай голову, уступай им место и свидетельствуй им свое почтение поклоном.

11. Отвечай на приветствия других.

12. Остановиться с кем-либо, уставить глаза на незнакомого считается неприличным; ни на кого не обращать внимания — глупым.

13. Приучайся выдерживать взгляд людей почтенных: излишняя застенчивость свойственна деревенщине.

14. Если говоришь с кем-либо, имеющим высокий сан, от времени до времени упоминай его почетный титул. (Если говоришь с незнакомым, звание которого от тебя ускользнуло, то будет весьма прилично, если ты ученого назовешь учителем, духовное лицо — отцом духовным, чиновника — господином, наравне стоящего — другом или братом.)

15. Не клянись; речь твоя да будет «да» и «нет».

16. Не отпирайся, если сделаешь ошибку, но сознайся в ней и попроси прощения.

ХII. В церкви ³

1. Пусть никто, кому дорога слава господня и собственное спасение, не устраняется от божественной службы.

2. Каждый должен носить с собой свою книгу псалмов и свою Библию, если только он ее имеет.

3. Все должны идти из школы в церковь сомкнутыми, правильными рядами.

4. Каждый должен занимать свое место (как в школе), а не сидеть где попало.

5. Заняв свое место, пади ниц перед Богом и вручи ему душу свою.

6. Все время, пока стоишь в церкви, веди себя, как бы ты был перед очами божьими; тщательно наблюдай за тем, чтобы ни в словах, ни в жестах, ни в мимике, ни в мыслях не проскользнуло ничего такого, что не пристойно перед Богом.

7. Когда община начинает петь псалмы, то не молчи, как новичок среди христиан; пусть каждый превращает сердце и уста в органы божьей славы.

8. Благословиению, раздаваемому во имя божие служителями слова, внимай с благоговением и принимай его с верою.

9. К общественным молитвам каждый да присовокупляет свои воздыхания, поднимая руки и глаза для молитвы.

10. Во время чтения Священного писания слушай не иначе, как стоя и с обнаженной головой.

11. Если услышишь, что приводится какое-нибудь место из Священного писания, для того чтобы объяснить слово божие через божие же слово, которое тебе дотоле было незнакомо, — открой его тотчас в своей Библии и отметь его себе.

12. Обладающие необходимым навыком в скорописи (начиная с учеников второго класса) должны записывать проповедь карандашом; таким путем можно прогнать сонливость и рассеянность и собрать богатейшее сокровище подлинно божественной премудрости и прекрасных сведений о всевозможных вещах.

13. По возвращении в школу все должны пересказать учителю то, что они вынесли из божественной службы.

14. Если окажется, что кто-нибудь в церкви спал, болтал или занимался неприличными вещами, то проступок должен быть наказан самым строгим выговором.

ХIII. За столом

1. За столом веди себя как пред алтарем⁴ — набожно и благоправно.

2. Никогда не забывай молиться перед едой и после нее; ведь благословение нисходит свыше.

3. Если тебе случится прислуживать за столом, будь услужлив и поспевай глазами за всем.

4. Если тебе, младшему, придется сидеть за столом со старшими, то будь предусмотрителен, чтобы не сделать чего-нибудь такого, что противоречит добрым нравам.

5. Признаком деревенщины является:

а) Садиться без приглашения.

б) Занимать более видное место.

в) Класть на стол локти.

г) Или, наоборот, держать руки под столом.

д) Ломать хлеб и другие кушанья руками или обглаживать зубами.

е) Перехватывать у других лучший кусок.

ж) Нагружать ложку до краев, как воз.

з) Подносить ко рту слишком большое количество пищи.

и) Пачкать пальцы.

к) Обглаживать зубами кости.

л) Подставлять другим объедки.

м) Вынимать кусок изо рта и снова класть его на тарелку.

н) Во время еды чесать в голове, болтать, смеяться и т. п.

о) Одновременно жевать и разговаривать.

п) Пить, имея во рту еду.

р) Пить с переполненным ртом или причмокиванием.

с) Ковырять в зубах ногтями или ножом.

6. Юноша должен есть для подкрепления сил, а не из прожорливости.

7. Пить нужно, вытерев рот, и умеренно, не более двух, много трех умеренных глотков.

8. Ребенок за столом не должен говорить ни слова, если его не спросят.

9. Не следует сидеть до окончания обеда, особенно если присутствуют гости, но, приняв столько пищи, сколько надобно, следует встать, затем, убрав свою тарелку и раскланявшись с сотрапезниками, отойти и прислуживать стоя.

XIV. После обеда

1. Вымой руки, выполощи рот и вычисти зубы, чтобы выглядеть опрятным.

2. Не берись за книги, чтобы не возбуждать ум к высшей деятельности в то время, когда происходит пищеварение.

3. Но избегай также послеобеденного сна, язвы духа; доставляй себе отдых прогулкой, пристойными разговорами или игрой, пока не окончится пищеварение.

XV. Во время игры и отдыха

1. Во время, назначенное для отдыха от работ, освежай себя игрой, которая доставляет телу силу, а духу — оживление; таковы: игра в обручи, в шары, в кегли, в мяч, беганье, прыганье. Но всегда это должно быть в меру, в присутствии или с разрешения учителя.

2. Запретные игры суть: кости, карты, борьба, кулачный бой, плаванье и другие бесполезные и опасные игры.

3. Украшение игры: подвижность тела, жизнерадостность духа, порядок, игра с толком и по правилам и победа доблестью, а не хитростью.

4. Пороки в игре: лень, вялость, недоброжелательность, заносчивость, крик и коварство.

5. В расплату за игру не надо давать ни денег, ни книг, ни письменных принадлежностей, ни других вещей, с которыми связаны известные расходы, но пусть побежденный делает то, что прикажет ему победитель; например, пусть он скажет какое-либо изречение, или расскажет историю, или сочинит стих, или сделает что-либо смешное.

6. Во время игры надобно говорить по-латыни, чтобы игра имела двойную пользу, а именно: оживление тела и духа, с одной стороны, и успехи в научных познаниях, с другой⁵.

7. С началом учебных часов следует от развлечения возвращаться к учению.

XVI. Правила поведения вечером

1. По окончании ужина не начинай ничего нового, а иди на прогулку, пой, хвали Бога и припоминай свои дневные занятия.

2. После вечерней молитвы никто не должен отлучаться из дому, но иди на покой, пожелав родителям и членам семьи доброй ночи.

3. Придя в спальную комнату, припомни (или стоя перед постелью, или на коленях) наедине с собой, как ты провел день.

4. Если заметишь, что совершил грех, проси у Христа прощения и обещай ему исправиться.

5. Если ничего подобного не придет на ум, возблагодари его за его милосердие, которое предохранило тебя от греха.

6. Затем поручи себя ему всем сердцем, чтобы он охранил тебя от козней лютого врага, от страха ночного и от нечистых сновидений.

7. В постели, в интересах здоровья, не ложись ни на лицо, ни на спину, но ложись на правый бок, а в середине ночи — на левый.

8. Если в комнате спит несколько человек, то, обменявшись друг с другом взаимными пожеланиями доброй ночи, нужно избегать всякого развлечения (разговора и шума); здесь должно быть полное спокойствие.

9. Пока заснешь, повторяй избранное изречение, усвоенное тобой в этот день, чтобы заснуть с хорошими мыслями и с ними же и проснуться.

Так поступай и будешь жить (Лук. 10, 28).

**Выход
из школьных лабиринтов,
или Дидактическая машина,
в соответствии
с механическим методом
сконструированная для того,
чтобы в делах обучения
и учения
не задерживаться на месте,
но идти вперед**

1. Мы взяли на себя двоякую задачу, но с одной и той же целью — доказать, что найден выход из схоластических мелочей (неприятностей) или что освещается путь для того, чтобы наверное найти это выход. Я предлагаю это показать на примере нити, которую Ариадна дала Тезею¹, и на одной искусной машине, назначенной для движения.

2. Выше² я показал, что этот мир, наша жизнь в нем и профессия представляют для каждого из нас лабиринт, если мы несведущими бродим среди божьих дел, и каким образом дочь вечного царя, Премудрость божья, не оставила нас без совета, поручая нам везде следовать за простым и справедливым (прямым): ср. Пс. 25, 21; Лук. 10, 42; Матф. 11, 28 и 6, 22; Притч. 10, 9; к этим местам следует еще прибавить Еккл. 7, 29: «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы».

3. Теперь нужно показать: 1) что многие школы до сих пор являются поистине лабиринтами, бесконечно извращающими природные дарования, и 2) что найдена нить — правильный и простой метод³, который уже больше не даст запутываться в них до бесконечности.

4. Что школы являются лабиринтами, это очевидно, ибо они не имеют никаких достаточно твердых и определенных целей; для [достижения] целей [не имеют никаких] средств; наконец, для применения средств — [никаких определенных] правил⁴.

5. Ибо, если спросишь: в чем школы полагают свою задачу? — следует ответ: [изучение] языков, наук, искусств. Но каких языков? каких наук? каких искусств? и в каком объеме? Все это нигде не определено и вследствие этого шатко. Учат, чтобы учить, и

учатся, чтобы учиться, т. е. занимаются для того, чтобы заниматься; никогда не наблюдается уверенности, что будет достигнута цель работы или же что достигнута именно поставленная цель, которой домогались.

6. А каковы средства? Хватаются за что-то неопределенное; верно ничего нет. Если и считают что-либо за верное средство, то это языческие книжонки, из которых нельзя почерпнуть истинного познания ни Бога, ни самих себя, ни вещей; в них блуждали по лабиринтам сами языческие писатели — эти слепые путеводители слепых; посредством этих книг они влекут умы к тем же лабиринтам, водят их кругом и запутывают, не находя выхода⁵.

7. Если же посмотреть на правила деятельности, то здесь ты найдешь все исполненным лабиринтов, по свидетельству мудрейшего Лубина, который сказал: Распространенный способ обучения мальчиков в школах представляется мне таким, как если бы кому-нибудь было поручено, с вознаграждением за его труд и усердие, придумать способ или план, по которому бы учителя доводили своих учеников, а последние доходили до познания латинского языка только чрезмерным трудом, со страшным отвращением, с бесконечными мучениями и только через очень долгий промежуток времени (об этом пространнее в VII главе «Новейшего метода языков»). Здесь говорится о том, как запутаны занятия латинским языком, но нет также другого общепринятого способа для преподавания и изучения и других языков, наук и искусств.

8. Так, следовательно, открыт другой, лучший, более гибкий [способ обучения]? В чем он заключается? Я отвечаю: В *естественном методе*, который все так представляет внешним и внутренним чувствам, что ученики все воспринимают охотно и с радостью; он основывается на самой *человеческой природе*, созданной Богом в качестве госпожи над вещами, сформированной соразмерно с вещами и таящей в себе самой цель, в себе самой меру и, наконец, в себе самой силу подниматься до совершенства.

9. *Человеческая природа*, утверждаю я, будучи подобием Бога, и является такой простой и правильной, гибко проникающей во все извилины Ариадниной нитью; она имеет такую длину, что ее хватает для измерения всех лабиринтов; никогда не запутываясь, будучи крепко намотана на клубок (вокруг своего центра), она не распустится. Применение этой пущенной в оборот и размотанной надлежащим порядком нити будет вполне надежно для установления *целей* школы, *средств* и *правил* для их осуществления.

10. Тогда-то станет ясно, что *цель* школ должна состоять в том, чтобы человек соответствовал своему назначению, т. е. чтобы он получил образование во всех тех пунктах, которые совершенствуют человеческую природу. Он должен быть способен сделаться таким, чтобы управлять теми вещами⁷, обладание которыми ему обещано

(Быт. 1, 28); он создан, чтобы разумно управлять самим собой и действовать, руководясь разумной и свободной волей, жить разумно, спокойно и пристойно, для взаимных услуг с ближними и, наконец, ходить не запятанным перед Господом и ожидать величайшей награды, именно — от самого Бога (Быт. 15, 1 и 17, 1). Все это вместе взятое есть единый клубок целей, который постоянно надо держать в руках и никогда не выпускать, на что бы мы ни направляли наши занятия. Если это соблюдать, то цель школ станет единой, простой и правильной; ее будет достаточно, чтобы (на этой первой ступени) предотвратить все заблуждения, всесторонне облагородить человека⁸ и, какие бы ни изучались частности (в области литературы, нравов, благочестия), изучать совокупное целое, а не нечто уродливое, отрывочное или разорванное. Во всем, что хорошо, прекрасно и полезно, наша природа всегда и везде предпочитает целое части, солидное — пустому, прочное — шаткому, и поэтому-то она и предначертывает занятым ее культурой школам пределы, до которых они должны облагораживать природу.

11. Но сюда же принадлежат и подчиненные цели: *теория, практика, употребление вещей*. Ибо все, что ни приходится делать нашей природе, она желает, стремится, пытается узнать под собственным же ее руководством, стремится к умению это выполнить и воспользоваться своими знаниями и умениями. Отсюда следует, что школы, движимые и исполненные потребностями природы, должны учить: 1) теории, 2) практике и 3) употреблению всех хороших и полезных вещей. Это значит, что они везде и всегда должны учить: 1) что, чем, как что-нибудь существует, чтобы понимание вещей нигде не встретило препятствия; 2) как в точности происходит, чтобы уметь воспроизвести подобное; 3) чему служит это знание и умение, чтобы предусматривать подходящее употребление каждой вещи. Словом, не следует что-либо изучать, чему-либо учиться и знать что бы то ни было бесцельно, ради любопытства, чтобы только знать; но следует учиться для того, чтобы знать, как что-либо происходит. Но опять же не так, чтобы было все равно, остается ли оно без пользы или служит для злоупотреблений, но чтобы все служило для прекрасного, подходящего, спасительного употребления в жизни.

12. Та же природа показывает и *средства*, недущие к указанным целям. Ибо, что она желает знать, то она исследует, что желает уметь, то пытается воспроизводить, и чем желает воспользоваться, то и приспособляет себе на пользу. Вот постоянный, естественный метод исследовать все, достойное изучения, осуществлять попытки сделать то, что должно быть сделано достойное, применять все, подлежащее использованию. Следовательно, школы будут хорошо снабжены средствами и будут свободны от бесчисленных лабиринтов на этой ступени, если будут иметь для

исследования образцы всего, подлежащего познанию, орудия для всего, чем выполняется данная работа, и если относительно правильного употребления всех вещей они будут снабжены указаниями во избежание злоупотреблений.

13. Наконец, та же самая природа предназначает себе и школам также и правила для деятельности. Никогда не доверяя вполне чужим глазам или сообщениям относительно теоретического познания вещей, она с радостью направляет на все собственные чувства. Поэтому школы должны представлять все собственным чувствам учащихся так, чтобы они сами видели, слышали, осязали, обоняли, вкушали все, что они могут и должны видеть, слышать и т. д., — они избавят, таким образом, человеческую природу от бесконечных неясностей и галлюцинаций, на борьбу с которыми в другое время должна быть направлена вся наша жизнь. А по отношению к практике человеческая природа опять-таки замечательна, так как она сама страстно желает все пытаться осуществить и притом до тех пор (ибо она чрезвычайно деятельна), пока не видит, что вещи подчиняются ей и в ее руках имеют хороший результат. Пусть же школы следуют этому и приучают учеников подражать всему, данному им для исполнения, и делать это разумно до тех пор, пока они не овладеют своим делом. Наконец, так как человеческая природа не желает ничего знать, делать и иметь напрасно и бесполезно, то и школы не должны вносить ничего такого, чтобы кто-нибудь из учеников делал или знал что-либо такое, чему он не знает применения. Это значит: уже в школе следует приучать всех учеников применять к делу свои знания и мудрость, держась в отношении к вещам, которые находятся у них под руками, в отношении к ближним, с которыми они вместе живут, и в отношении к Богу, под оком которого они ходят, так, чтобы с пользой продолжать в течение всей жизни начатое в школе направление.

14. Вот это и есть нить Ариадны, естественный метод, простой, правильный, легкий и т. д., краткая и смотанная в клубок нить, достаточная, если правильно ею воспользоваться, чтобы вывести из всех извилов лабиринтов. Но, быть может, кто-нибудь спросит: разве наш метод не таков? Видеть в идее, как что-нибудь должно быть, легче, чем ручаться за то, что так уже есть на самом деле. Я отвечаю: и то, что обозначается как совершенное, имеет свои ступени; следовательно, если оно еще не достигло высшей ступени, то лишается и своего названия. Если я столько лет исследовал пути естественного метода, что могу установить его, то, надеюсь, с помощью божьей я достиг кое-чего.

15. Ибо, во-первых, я твердо устанавливаю универсальные цели, исследуя образование всей человеческой природы, продвигая юношей к тому, чтобы они, преследуя эти цели, чувствовали,

что телу, уму и душе в этой и в будущей жизни хорошо есть и будет, а следовательно, если все или многие будут вполне образованны в познаниях, добродетели и благочестии, то семья, государство и церковь будут находиться в полном благополучии. Кто читает и перечитывает все мои работы, тот видит, что все в них к тому и направлено.

16. Но *какими средствами?* Тем, что я открыл глаза на три книги божии: природу, Писание и совесть. Их именно имеют целью, к ним готовят все написанные мною для юношества сочинения (хотя это совершается бессознательно и, по-видимому, ради совершенно другого дела). Если кто еще не знаком с моими книгами, пусть ознакомится — и найдет в них тому подтверждение.

17. Предписываемые и применяемые мной *правила* продвижения суть те же самые, которые предписывает сама природа, именно — чтобы все делалось посредством *теории, практики и применения*, и притом так, чтобы каждый ученик все изучал сам, собственными чувствами, пробовал все произносить и делать и начинал все применять. У своих учеников я всегда развиваю *самостоятельность в наблюдении, в речи, в практике и в применении*, как единственную основу для достижения прочного знания, добродетели и, наконец, блаженства; яснее я хочу это показать (в трактате «Живая типография») на тайнах искусства книгопечатания.

18. Если для верного, быстрого и легкого сообщения ученикам я выделил еще не все отдельные предметы (*materias*), достойные знания, то еще не следует думать, что ничего не сделано. Хорошо достигнуть хоть какого-нибудь предела, если не дано пойти дальше. Но Бог даст другим пойти дальше, если мы не окажемся неблагодарными в отношении к тому, что уже найдено. Я взял на себя задачу разъяснить известные главнейшие отделы, на которых основываются поворотные моменты наук, способностей, красноречия, мудрости, здоровья и которыми в настоящее время можно было бы ограничиться. По Августину, больше значения имеет хорошо знать немного, нежели иметь только мнение о бесконечно многом. По Плинию, выгоднее меньше сеять, да зато лучше вспахивать. Наконец, по Сенеке, лучше знать немного, но делать из него правильное употребление, нежели знать многое, не имея понятия, к чему оно пригодно.

19. Мой метод, следовательно, освобождает умы от всяких лабиринтов и предлагает им немного, но необходимое для жизни (этой и той); немного, но прочно усвоенное посредством упражнений; немного, но зато такое, что обеспечивает применение его на деле.

20. Но кто-нибудь может вспомнить и возразить мне, что ведь я сам сознался, что мои книги, назначенные для юношества, представляют трудности вследствие слишком большого нагроможде-

ния вещей и слов (*Ventilabrum Sapientiae*, § 64). Отвечаю: дело действительно обстоит так, как я сам сознался. Но нить Ариадны открывает путь к уничтожению трудностей, чтобы и здесь предлагалось немного, но много (*Non multum, sed multa*). Руководясь этим правилом, я готов признать подлежащими исправлению и свои книги, даже те, которые будут выходить здесь, в Амстердаме, поскольку в них могли быть отмечены явные недостатки.

21. Это — о легкости метода по Ариадниной нити. Кроме того, нужно желать, чтобы метод человеческого образования стал *механическим*, т. е. предписывающим все столь определенно, чтобы все, чему будут обучать, учиться и что будут делать, не могло не иметь успеха, как это бывает в хорошо сделанных часах, в телеге, корабле, мельнице и во всякой другой, устроенной для движения машине. Как материал, который берет в свою мастерскую слесарь, шляпный мастер, ткач, портной, сапожник, зеркальщик, становится ножом, шляпой, платком, платьем, обувью или зеркалом, так и всякий ребенок, которого мы принимаем в нашу мастерскую гуманности, или человечности, должен выйти оттуда человеком. *Человеком*, говорю я, т. е. истинным образом Бога, истинным господином вещей, настоящим властелином самого себя и своих дел.

22. Но может ли метод стать столь надежным? Может, если будет построен механически, т. е. 1) из всех необходимых для этого принадлежностей, 2) взаимно подчиненных одна другой и 3) связанных столь крепким сцеплением, чтобы при движении одного все приходило в движение. Если налицо эти три данных, то дело пойдет вперед; и не двинется вперед, если недостает хоть одного из них. Здесь дело происходит таким же образом, как в часах (или в какой-либо другой движущейся машине); если недостает чего-либо необходимого, или части расположены ненадлежащим образом, или связи ослабли, машина становится бесполезной, так как перестает совершать движения.

23. Каковы необходимые условия для *дидактической машины*? Каков порядок расположения ее частей? Каково их сцепление? Ответ: При механической структуре какой-либо машины необходимо обращать внимание: 1) на имеющуюся в виду цель — ту работу, которую машина должна произвести; 2) на средства — на то, чтобы она была в состоянии произвести имеющийся в виду результат (*effectum*); 3) на определенные способы такого упорядочения и распределения этих средств, чтобы желаемый результат последовал как бы сам собой. Следовательно, и для дидактической машины необходимо отыскать: 1) твердо установленные цели, 2) средства, точно приспособленные для достижения этих целей, и 3) твердые правила так пользоваться этими средствами, чтобы было невозможно не достигнуть цели.

24. *Твердо установленная цель механического метода тройкая: знание, деятельность, речь, т. е. все правильно познавать, все хорошее уметь правильно исполнять и то, что необходимо, уметь сообщать другому.* Так как отдельные предметы содержат в себе многое и различное, то этот механический метод требует так поставить дело, чтобы все подлежащее изучению изучалось: 1) легко, 2) скоро, 3) основательно. 1. Легко, чтобы не запугивать чем-либо умы, а скорее привлекать их. 2. Скоро, так как нам приходится изучать гораздо больше, нежели нашим предкам, между тем как времени жизни нам отмерено меньше, чем им, и так как жизнь должна быть проведена не в учении, а в деятельности. 3. Основательно, чтобы мы в этот старческий век мира ⁹ действительно знали то, что знаем, а не только думали, что знаем.

25. Средства, могущие привести нас к этому, суть: три универсальных объекта, которые научают нас всему, три главных субъекта, которые в нас образуются, и тройное орудие этого образования.

26. Три универсальных объекта, созерцая которые мы потом открываем в себе мудрость, суть: Бог, мир, человек. Ибо эти три объекта содержат все; вне их нет ничего. Кто знает их, тот знает все; кто знает их правильно, тот мудр. Строго говоря, все это есть Бог; но так как он есть сокрытый в себе Бог (Иез. 45, 15), сокрытый в глубинах своей вечности, который, однако, открылся тройким образом: 1) сотворением видимого мира, сделавшись видимым в творениях своего могущества, 2) созданием человека по своему образу и подобию, откуда исходят (при посредстве ума человеческого, как бы канала его истечения) бесконечные образцы его мудрости. и, наконец, 3) откровением своего слова, где он дает нам указания своей воли и своего к нам благораспоряжения, — то выходит, что существуют, как говорится, три божественные *книги*, из которых все познается: 1) книга *мира*, или *природы*, 2) книга *ума* и познания и, наконец, 3) книга закона, или Писание. Эти три книги учат нас, что мы должны знать и чего не знать, так что для совершенного образования человеческой природы в них ничего не может отсутствовать.

27. Три [стороны] особенно должны подлежать в нас образованию: *ум, воля и способности к действию*. Ум есть внутренний глаз души, который ко всему обращается, воспринимает в себе образцы всех вещей, радуясь поэтому свету познания и созерцания. *Воля* есть внутренняя рука души, простирающаяся затем, чтобы схватить и усвоить себе все, признанное за благо, и поэтому радующаяся обладанию вещами и ощущению удовольствия. *Способности [к действию]* суть внутренняя сила души, внушающая членам побуждение овладеть вещами, которые познаны умом и выбраны волей; они радуются возможности действовать и движению (среди

них способность речи выдается по сравнению с другими инструментами действий). И так как эти три стороны, будучи развиты в нас правильным образом, делают нас блестящим подобием Бога, как бы всезнающими, как бы всехотящими (наслаждающимися хорошим) и как бы всемогущими, то для истинного и полного образования человека (к чему стремится механический метод) ни одна из этих трех сторон не может и не должна остаться неразвитой.

28. Орудий для этого образования также три: *чувства, разум и изложение*, или *откровение*. Чувства — это окна души, через которые, посредством зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, ей представляются и дают о себе знать существующие вещи. Разум есть зеркало души, при посредстве которого произносятся суждения о какой-либо где-либо находящейся (вне сферы чувств) вещи, когда она, однако, дает о себе знать посредством какого-нибудь своего проявления. *Способность изложения* есть труба души, посредством которой, благодаря чьему-нибудь сообщению, становятся известными вещи, лежащие вне сферы чувств и соображения (т. е. то, чего нельзя постигнуть ни чувствами, ни силой мышления). Так как посредством трех этих орудий все можно понять (ибо весь внешний мир подчинен чувствам, творения ума исследуются разумом, а Откровение — воспринимаемой верой), то в деле формирования человека при этом механическом методе не должно быть недостатка ни в одном из этих орудий.

29. Итак, для машины совершенного метода требуются опять три средства. Теперь следует вопрос, по какому *способу* установить их и использовать, чтобы весь этот аппарат не оказался бесполезным или чтобы он при применении не представлял из себя нечто запутанное, уродливое или слабое?

30. Здесь прежде всего следует заметить, что самые эти средства (в совокупности и отдельности), если рассматривать их в естественном состоянии, лучше всего показывают и способ их употребления. Я хочу показать это по порядку. Сначала, в каком порядке следует их применять, затем, как следует применять каждое в отдельности и, наконец, как применять их к человеку.

31. Первое правило должно быть таково: Мы должны применять вещи в таком порядке, в каком Бог создал их, или как они обычно следуют одна за другой или одна другой предшествуют, а не в ином порядке. Например, в соответствии с целями метода люди, во-первых, должны обучаться *знанию, действиям и речи*, так чтобы прежде всего и больше всего учиться *познавать*, затем *разумно действовать* и, наконец, о том и о другом (когда это необходимо) *говорить*. Основание: потому что в таком именно порядке все одно из другого истекает. Знание есть дело ума, как источника, из которого вытекают ручейки действий и речи; последние чисты,

если источник чист, мутны, если источник мутен. Поэтому учить кого-нибудь (или позволять кому-нибудь) действовать, прежде чем он поймет, что он делает, значит образовывать не человека, но животное; учить говорить о вещах без их понимания — значит делать кого-нибудь попугаем, а не человеком. Таким образом, необходимо, чтобы знание предшествовало действию, т. е. нужно просветить умы, прежде чем требовать от них действий и речей. Но из этих последних действие должно идти прежде слова, ибо оно более необходимо как для себя, так и для ближних, тогда как речь существует только для других. Итак, пусть будет непреложным [следующее правило]: прежде всего следует образовывать умы, потом руки и, наконец, язык.

32. Между предметами знания первое место занимает *мир*, созданный прежде всего, затем *человек*, введенный в уже готовое зрелище мира, и, наконец, обращенный к нему голос божий, раздавшийся уже в раю, а потом неоднократно в Писании. Все это, следовательно, должно быть познаваемо в таком именно порядке. Представляющиеся чувствам со всех сторон произведения мира есть первое; для учеников мудрости они суть как бы первые элементы, доставляющие чувствам упражнения. Затем человек будет созерцать себя самого с врожденными ему общими понятиями, естественными побуждениями и способностями, заложенными в нем, как в подобии божием, числом, мерой и весом вещей, чтобы делать заметные успехи в мудрости, разумно рассматривая все в себе и вне себя. Наконец, он будет с пользой слушать, как Бог гремит с неба и разъясняет свои тайны (чему его не могут верно обучить ни мир, ни его собственный ум); это — не говоря уж о полной мере — наполнит наш дух до совершенства, насколько подобное возможно под небом. Итак, прочно установим следующее: движение нашей мудрости должно начинать книгой природы, продолжать книгой ума и завершать книгой Писания.

33. Между субъектами образования первое место опять-таки занимает ум, второе — воля, третье — способности к деятельности, так как ум освещает путь воле, а воля повелевает действиям. Итак, чтобы действия не попадали на ложный путь, воля должна быть правильно во всем наставлена всему предшествующим факелом ума, а чтобы ум был в состоянии это делать, он должен быть просвещен прежде всего, чтобы, видя истинное различие вещей, он мог судить о том, что можно одобрить и что следует отвергнуть, и предоставить это воле. Так должно быть, а не иначе.

34. Равным образом чувство улавливает и различает то, с чем оно непосредственно соприкасается и что вообще ему доступно; разум — то, что обнаруживает лишь известные следы, в то время как главная часть вещи остается сокрытой; наконец, Откровение и вера выводят наружу из бездн вечности тайны, которые иначе

были бы скрыты вечностью. Следовательно, более известное следует изучать прежде, затем менее известное и, наконец, самое неизвестное. Чувства мы имеем общие с животными, разум — общий со всеми людьми, вера в Бога не дана каждому (2 Фес. 3,2). Итак, самое общее должно предшествовать: по закону метода через общее доходят до частного и особенного.

35. Вот что следует сказать о необходимом соблюдении этого порядка в средствах нашего образования. Однако следует также обращать внимание и на то, чтобы мы иной раз и не поддались в этом назад, именно когда приходится уяснять или закреплять предыдущее через последующее. Например, говоря о строении речи, полезно, может быть, кое-что напомнить о структуре мышлений и сочинений. И слово божие может (да и имеет обыкновение) напоминать полезное относительно помышлений сердец наших, а также относительно внешнего мира: откуда он происходит, для чего и как он сотворен, что с ним некогда будет и т. д. Ибо вера иногда исправляет разум, чтобы он не заблуждался, а разум — чувство, чтобы оно не обманывало, и пр. Следовательно, посредством взаимодействия все служит друг другу на обоюдную пользу, хотя при первом начинании и при дальнейшем движении по необходимости удерживается тот естественный порядок, который мы показали в § 31—34.

36. Что касается частных, то каждая из них должна быть трактуема так, как допускает или, скорее, требует этого ее природа. Например, так как *знание* (или мудрость) есть ничто без ясного представления воспринятых умом вещей, то и сравнение производится не иначе, как через различное рассматривание различных вещей. А именно. Если бы можно было видеть ум необразованного человека, то представилась бы окруженная мраком пещера, в которой не разберешь ровно ничего или, по крайней мере, ничего отчетливо, в которой все темно и спутанно. А если бы можно было проникнуть в ум человека образованного и мудрого, то представился бы ярко освещенный, украшенный множеством картин дворец, способный без конца восхищать глаз. Но откуда все это в таком дворце? Не само от себя: ибо по своей природе и этот ум, как всякий другой, пуст и подобен чистой доске. Если в нем находится что-либо из картин, то их нужно было нарисовать. Следовательно, если хочешь, чтобы кто-нибудь что-либо знал, то предоставь это ясно его чувствам, и он будет знать это. Ты хочешь, чтобы он знал много? Показывай ему много. Если ты захочешь, чтобы он знал все, тогда и показывай все. Эта внутренняя доска ума обладает безграничной восприимчивостью; она всегда готова воспринять, если кто-нибудь хочет что-либо дорисовать. Но это достигается только тогда, когда ум постоянно многое видит, слышит, испытует.

37. Так как движения так или иначе модифицируются и приобретаются постепенно, то и деятельность может быть усвоена не иным каким-либо способом: чтобы приобрести уверенность и привычку в своих действиях, нужно учиться этому не иначе, как часто повторяемыми опытами и упражнениями, а не через чужое или собственное наблюдение. Следовательно, умения действовать можно достигнуть не иначе, как частыми действиями и многократными упражнениями. Это — неопровержимая истина.

38. Являясь некоторым видом деятельности, речь, или способность говорить, также происходит не иначе, как путем постоянного наблюдения над вещами, для обозначения которых она служит, чтобы они были обозначены совершенно ясно, а не наоборот.

39. Но в чем же будет состоять естественный способ просвещения ума? Этому научит нас определение понятия «ум». Именно, если ум (как сказано в § 27) есть внутреннее око души, которое ко всему обращается, от всего воспринимает образы, радуясь свету и наблюдениям, то и предлагай ему непрерывные наблюдения через ясный свет метода — и он постоянно будет обращаться к ним, постоянно извлекать из них изображения и радоваться украшению себя ими, как дворец — картинами. И так как он есть внутреннее око души, то приводи его в соответствие с внешним оком тела, с его видами деятельности и упражнения, и ты вскоре заметишь, как нужно упражнять ум с механической точностью. Глаз никогда не насыщается зрением (как и ухо — слышанием, говорит Соломон). Следовательно, и ум не насыщается созерцанием. Отсюда проистекают различные дидактические законы чрезвычайной прочности, а именно:

I. Он хочет знать многое? Малым не удовлетворяется? Итак, предлагай ему многое и не обманывай его незначительным количеством предметов.

II. Однако он не хочет быть загромождаем и рассеиваем посредством множества впечатлений, предлагаемых одновременно; он требует одного вслед за другим. Следовательно, не загромождай и не рассеивай его одновременно многим, но давай ему одно за другим через известные промежутки времени.

III. Ум радуется созерцанию разнообразного? Ему легко наскучивает однообразие? Следовательно, соедини полезное с приятным и увлекай его сменой впечатлений.

IV. Он постоянно требует новых объектов и чувствует отвращение к предметам обыденным? Старайся же и ты ежедневно предлагать ему как бы нечто новое, чтобы он не встречал вещей, которые ему противны.

V. Глаз (внутренний и внешний) предпочитает изучать то, что предлагается его наблюдению лучше в целом виде, с внутренней и наружной стороны, нежели одну только часть. Следовательно,

если ты ему что-либо показываешь, то показывай сперва в целом виде, потом по частям, с внутренней и внешней стороны; таким путем ты наверно удовлетворишь его стремление к познанию этой вещи.

VI. Что ум знает, то желает он знать твердо; ошибка в какой-либо вещи отпугивает его. Следовательно, предлагай ему только истинное, остерегайся обманывать его ложным.

VII. Он радуется также прочной истине, и сомнение его смущает (сомнение обременительно для духа, как камешек в башмаке — для ноги; всякое сомнение мучительно). Итак, не предлагай ему ничего сомнительного или разрешай скорее его сомнение, чтобы его дух, освобожденный от беспокойства, был радостен.

VIII. Ум всегда требует доказательств утверждаемой истины. Следовательно, если ты предлагаешь какое-либо утверждение, делай так, чтобы в доказательствах не было недостатка.

IX. Но ум требует несомненных свидетелей (которые и сами не обманывают и не позволяют себя обманывать) и потому самых ближайших: таких, которые бы он знал, а не только верил в них. А так как ничто не ближе к вещи, чем вещь сама к себе, то поэтому он ценит всего выше показания вещей, а затем — тех, кто воспринимает вещь собственными чувствами, и здесь опять-таки всего больше — самого себя, как самого ближайшего к самому себе; ибо он доверяет самому себе и своим чувствам более, чем другим. Следовательно, если ты хочешь укоренить в учащемся полную веру в какое-либо утверждение, то привлеки таких свидетелей, которых нельзя поставить под сомнение. Прежде всего и главным образом привлеки, если возможно, самое вещь, представив ее собственным чувствам учащегося. Если это невозможно, то возьми тех, кто были самоличными свидетелями вещей, строгих исследователей истины и пр. и пр.

X. Но так как ум в познании вещей идет постепенно, то, во-первых, он должен знать, что что-либо существует (это называют просто знанием или ознакомлением); во-вторых, что это такое по своим причинам (это называется пониманием); в-третьих, он должен знать, как использовать свое знание, т. е. знать, для чего это знание полезно. Эту последовательность необходимо соблюдать всюду; повсюду ум должен переходить от исторического познания вещей к разумному пониманию, а затем к употреблению каждой вещи. Этими путями просвещение ума безошибочно ведет к своим целям, подобно машине с собственным движением.

40. Но как мы будем механически трактовать в о л ю? Так же, как то допускает и даже требует ее природа, что показывает определение понятия. Мы определили волю (§ 27) как внутреннюю руку души, схватывающую и стремящуюся присвоить себе все, признанное за хорошее, удовлетворяющуюся наслаждением ве-

щами и вкушением приятного. Теперь мы посмотрим, как это выражается в дидактических правилах.

I. Как ум (или разум) требует истинного, так воля — благого. Итак, если ты учишь чему-нибудь человека, то сделай так, чтобы он понимал не только истинное, но и хорошее (т. е. честное, полезное, приятное), и ты вскоре увидишь, что его воля обращена на это. Воля является, очевидно, повелительницей своих действий; однако ранее чем определить, что должно быть сделано, она слушается своего внутреннего советника, разума или рассудка (который выясняет ей, что хорошо и что дурно, что лучше и что хуже).

II. Большее количество добра побуждает волю более, меньшее — менее. Правильное указание различия между добром и злом воздействует на волю, подобно тому как тяжесть — на движущиеся в ту и другую сторону весы. Как весы должны склониться туда, куда перевешивает тяжесть, так и воля — туда, куда тянет тяжесть лучшего.

III. Но так как воля по своей собственной природе свободна, почему она или свободно выбирает то, что представлено ей как нечто доброе, или же предпочитает даже и то, что только расписано как доброе, то с ней необходимо обращаться так осторожно, чтобы она не думала, что ее свободному решению причиняется насилие, и не отвергала из-за этого чего-либо действительно доброго. Следовательно, здесь нужно величайшее благоразумие.

IV. Точно так же, как разум, и воля есть бездна, которую нельзя наполнить немногими благами, но которая жадно стремится ко многому. Нельзя, следовательно, обманывать ее потребности и заставлять ее спокойно довольствоваться малым; наоборот, ее следует поощрять, показывая ей много благ, чтобы она стремилась ко многому; ибо это возбуждает бодрость.

V. Как и ум, воля испытывает отвращение, если ее задерживать на одном и том же предмете, и протестует, если ее постоянно кормить одним и тем же. Поэтому следует увлекать волю разнообразием и заманивать ее, насколько возможно (внешними и внутренними), приманками чувств.

VI. Привлекаемая разнообразием, воля постоянно переходит от одного блага к другому, обращаясь туда, где чувствует что-либо доброе. Поэтому следует озаботиться о том, чтобы, к какой бы области занятий она ни обращалась, она постоянно встречала вещи, которые привлекали бы ее к себе подлинной честностью, или полезностью, или приятностью, или всеми этими качествами одновременно. Таким образом, непрерывная цепь благ будет постоянно держать ее в своей власти.

VII. Так как воля предпочтительнее наслаждается благом в его полноте, нежели какой-либо его частью внешней или внут-

ренней, то должно позаботиться о том, чтобы, если какой-либо вещи присуще что-либо доброе, она была предьявляема глазам в полном объеме и во всех своих частях извне и изнутри. Таким путем мы добьемся того, чтобы воля повсюду наслаждалась всеми благами благодаря полноте наслаждения, и мы постоянно будем поддерживать ее в бодрости.

VIII. Воля требует наслаждения действительными благами и отвергает кажущееся. Следовательно, ей нужно постоянно предлагать что-либо действительно хорошее, а не только по видимости.

IX. Она желает постоянно пользоваться своими благами; ей противно быть лишенной их. Следовательно, ей нужно тщательно указывать, каковы те блага, которых у нее нельзя отнять.

X. Воля любит тех, от кого она видит или ожидает удовлетворения своих желаний, и, наоборот, ненавидит тех, от кого встречается препятствия, отстраняет их от себя, если только может, или же держится в стороне от них. Поэтому волю следует приучать к изучению того, чем можно всегда наслаждаться, и к избеганию того, вследствие чего она могла бы лишиться своих радостей.

XI. Воля любит совокупность благ и общее наслаждение благами (сюда относится также поговорка: каждое благо стремится соединиться с подобным себе, или еще: без товарища нет приятности в обладании каким бы то ни было благом), ища и надеясь, таким образом, найти увеличение радости. Следовательно, нужно заботиться о том, чтобы все блага, насколько возможно, стали общим достоянием, так как в этом заключается ручательство их общей ценности и радости.

XII. Воля в стремлении к благам идет постепенно: начало наслаждения составляет погоня за благом; середину составляет наслаждение в обладании им; завершение — прочность постоянного обладания. Следовательно, этой градацией нужно пользоваться везде: воля должна продвигаться сперва к поискам того, что признано за благо, затем к обладанию им и, наконец, к упрочению обладания. При таком способе обхождения с волей склонность ко всякому благу происходит подобно механическому действию чаши весов.

41. Остаются еще *способности*, являющиеся как бы дополнительными инструментами и побуждениями души для достижения и осуществления познанных и желаемых вещей. При правильном трактовании их, механические свойства им присущи несравненно более, нежели функциям (*in munis*) ума или искусству управления волей. Ибо, как механик-ремесленник при данном материале и инструментах искусством того или другого обращения с ним [материалом] достигает того, чтобы безупречно исполнить намеченную работу, так же дело обстоит и при всякой естественной способности (видении, слушании, разговоре, при том или другом

действию); при помощи известного того или другого приспособления органов к объектам получается результат, к которому мы стремимся. Так как в этом не может быть сомнения, то я не стану больше останавливаться на этом самом по себе ясном деле.

42. Относительно механического приспособления *чувств, разума и веры* к предметам следует произнести то же суждение; их следует применять так, как этого требует их природа. Например, чувство непосредственно наталкивается на вещи и, схватывая их, стремится их познать. Сообразно этому следует предоставить ему наталкиваться на все, что оно должно познать, чтобы оно было уверено, что оно схватывает и познает не через доверие к другим, но именно само, путем созерцания, слушания, ощущения вкуса. Пусть оно не только наталкивается [на вещи]; но даже владеет ими, останавливает, берет их, поворачивает; оно должно не поверхностно только задеть вещь и затем предполагать, что что-либо существует, но вполне охватить и удержать, чтобы знать, что она существует.

43. А так как разум проникает в то, чего не видит, через надежные показания видимого (именно благодаря связи, которую он устанавливает с необходимостью между каким-либо признаком вещи и самой вещью), то следует упражнять его в распознавании признаков вещей (причин и следствий, субъектов и их свойств, различий и противоположностей и пр.); следует повсюду внимательно наблюдать и различать, что из чего следует. Таким путем разум привыкнет легко, быстро и прочно устанавливать связь с механической точностью и, укрепившись, не будет заблуждаться.

44. *Вера*, примыкающая к чужому свидетельству о вещах, должна обращать внимание не на что другое, как прежде всего на то, чтобы ум верно понял дающего свидетельские показания; затем, чтобы он был уверен, что свидетель достоин доверия, сам не поддается обману и не обманывает другого. Если эти две предосторожности соблюдены, то будет безопасно с механической уверенностью признать авторитеты и положиться на них с полной верой.

45. О порядке применения учебных средств и о том, как механически обращаться с каждым из них наряду с другим, нужно сказать то, что вытекает [из предписания § 30]. Нужно соблюдать то же самое, что и при применении их к человеку (как в механическом искусстве).

46. Выше мы установили три ступени человеческой мудрости: теорию, практику, хресис¹⁰; изучать эти три ступени нужно постепенно при соблюдении, однако, свойственного каждой ступени способа применения. Ибо:

I. Теория разрешается при помощи представлений предмета, анализа и автопсии¹¹.

II. Практика требует образца, синтеза и автопрактики¹².

III. Хресис [обнимает] правила, синкризис¹³ и автохрессию¹⁴.

47. Именно, если хочешь, чтобы кто-нибудь что-либо з н а л, чтобы он понимал, как что-либо происходит, каким образом, в какой мере, из чего оно составлено и пр., то необходимо: 1) чтобы ты предлагал ему это для наблюдения в целом виде и со всех сторон; 2) затем ты должен на его глазах разложить это на большие части, каждую из них снова на свои меньшие, из которых оно составлено, прибавив к этому название каждой составной части; 3) но чтобы он присутствовал при этом с участием чувств, сам все созерцая, ощупывая, обнюхивая, вкушая, слушая и сам произнося названия. Это и есть то, что мы называем автопсией, или, лучше, в более общем виде, автофтезией¹⁵. При наличии этих трех ступеней следует знание вещи с механической точностью; если же хоть одна из них отсутствует или уклоняется от своей нормы, дело не идет вперед.

48. Но ты хочешь, чтобы твой ученик умел что-либо сделать или произвести? Этого ты можешь достигнуть при соблюдении опять-таки трех условий: 1. Покажи ему образчик того, что он должен делать. 2. Покажи ему, как это делается, начиная с самых мелких частей и составляя из них большие, пока не выйдет из этого целое (§ 43). Как анализ исходит из наибольшего, т. е. из целого, и кончается наименьшим, так синтез начинается с наименьшего и кончается наибольшим, т. е. целым. 3. Но заставляй его самого быстро подражать всему (начиная с самого малого и кончая самым большим) и наблюдай, чтобы он, пробуя подражать, не попал на ложный путь; сбивающегося с правильного пути исправляй до тех пор, пока он не научится (sciat) делать безошибочно. Это мы и называем автопрактикой — собственно упражнением. При соблюдении этих трех данных осуществляется без всякой трудности все искусство; при отсутствии хотя бы одного из них ничто не приходит в исполнение или же, во всяком случае, осуществляется очень медленно, с потерей времени и несовершенно.

49. Но ты хочешь, кроме того, сделать ученика разумным в применении науки и искусства? Соблюдай три следующих условия: 1. Наставляй его посредством правил, чему служит эта вещь. 2. Применяй синкризис, т. е. сравнение того, каким знанием или искусством воспользоваться хорошо, лучше и всего лучше, или, наоборот, каким дурно, хуже, всего хуже злоупотребить: первое для того, чтобы ему подражать, второе — чтобы его избегать. 3. Вели подражать добродетелям и избегать пороков посредством *αὐτοχρησίῃ* (автохрессии), т. е. применять уже добытое знание только на добро. Ибо кто только видит, как другие хорошо пользуются вещами, не пытаясь подражать им сам, тот станет из сведущего в искусстве — неискusstным, из знающего — незнающим;

мало того, даже способный правильно мыслить, говорить, действовать все-таки будет не пригоден к этому вследствие неумелого применения.

50. Наконец, в школах является необходимость учредить упражнения не только в науках и искусствах, но также и во всеобщей мудрости. Этим должен быть устранен тот упрек, который делают ученому сословию, именно упрек в схоластицизме (т. е. в непригодности к практическим делам).

51. Таким образом, в искусстве обучения все будет как бы механическим: все составные части являются хорошо между собой упорядоченными, крепко связанными и дающими свои результаты. Однако как никакая техническая машина не может быть устроена с таким великим искусством, чтобы не нужно было присматривать за ней и наблюдать, все ли в порядке, и восстанавливать и переделывать, если что-либо расшаталось или пришло в расстройство, наконец, даже усовершенствовать новыми изобретениями (ибо мы — человеки, а не боги, способные, подобно творцу-художнику, раз и навсегда производить совершенные творения), так и эта дидактическая машина постоянно стремится к полному совершенству.

52. А на вопрос, находится ли это наше изобретение уже на такой ступени, что оно в состоянии делать успехи и давать свои результаты, я отвечаю — не в моем духе было бы хвалить свои изобретения; я лучше предпочту воспользоваться евангельским изречением: Приди и посмотри! Пусть само дело возбудит веру. Но каким образом? Те материальные машины обыкновенно применяются к различному различным образом, однако все — таким образом, что каждая из них делает то, что она должна делать. Следовательно, и нашу дидактическую машину можно будет применить ко всему, чему где-либо учат, будь то в школах или вне их: в школах частных и общественных, филологических, философских и каких бы то ни было, а кроме школ — к учению в церкви, дома, повсюду. Но так как я обещал дать тройкий выход из лабиринтов, то это и должно быть здесь сделано. Я хочу указать, что может быть открыт тройкий род школ, где эта дидактическая машина даст полные результаты. Именно:

I. Если заблагорассудят основать школу, где будут преподавать и изучать латинский язык (а благодаря ему — и все необходимое для жизни) предпочтительно при помощи практики и привычки, путем подражания древним; форму для этого мы покажем в следующем трактате «Воскрешенный Лациум»¹⁶.

II. Если сверх всего нужно присоединить *искусство* и правила, то форму школы, устроенной по подобию типографии, мы покажем и назовем «Живая типография»¹⁷.

III. Если бы, с привлечением величайшего благоразумия, дух

домогайся и отважился с божьей помощью достигнуть чего-либо в этом роде абсолютного и совершенного, то я покажу, как может возникнуть, по прообразу первой райской школы, благоустроенная школа, под руководством которой послушные ей будут становиться истинно мудрыми и счастливыми. Относящееся сюда сочинение носит заглавие «Возвращенный рай церкви»¹⁸.

Эти три [сочинения] следуют далее по порядку¹⁹.

**Живая типография —
то есть искусство кратко,
при этом, однако,
содержательно и легко
печатать мудрость
не на бумаге,
но в умах**

1. Слова господина нашего Иисуса Христа таковы: Сыны века сего догадливей сынов света в своем роде (Лук. 16, 18). И это он сказал не для того, чтобы учить своих людей немудрости, но для того, чтобы упрекнуть их, если они проявят ее; и одновременно он учил, что если мы заботимся больше о менее важных вещах и небрежно относимся к важным, то это неправильно. Что это наставление небесного мастера имеет всеобщую силу, будет видно и из этого трактата (посвященного мастерским света — школам).

2. Кто же они, сыны века? Те, кто разбираются в вещах сего мира и ищут их, и, достигнув их, радуются им. Что они бывают, как правило, разумны в своих делах, докажет само дело. Они стремятся к тому, чтобы иметь в предпринимаемых ими начинаниях 1. материальные цели, 2. определенные средства для достижения своих целей и 3. установленные способы применения средств с тем, чтобы без неприятной опасности (насколько это будет возможно) осуществить свои намерения. Это можно наблюдать у умных политиков, торговцев, строителей и ремесленников, которые изготавливают себе весьма серьезные инструменты для производства своих изделий, делая мастера из каждого, кого они примут учиться своему собственному ремеслу.

3. А кто же сыны света? Это те, которые, обратясь к глубинам своей души или духа, должны искать свет разума и веры и к нему стремиться. И если они достигнут света, радуются ему. А значит, и те, кто посвящает себя наукам и с их помощью образованию, и тем самым посвящает себя мудрости, пусть это будут учителя или ученики, или же советники и покровители этих первых. Все они тоже должны разумно поступать в своих делах, а именно:

I. поставить перед собой возвышенную цель образования, света внутреннего и вечного,

II. позаботиться о безусловно надежных средствах для этого,

III. решить, как легко и приятно, но вместе с тем действительно применять их,

чтобы свет разума, мудрость (распространяющаяся на все дела внешние, внутренние и вечные), мощно разливался от мысли к мысли, от народа к народу.

4. Действительно, можно ли найти такую разумность у всех тех, кто считается сынами света? О, если бы это было так! Но Христос жалуется, что все наоборот, а вместе с ним повсеместно жалуются мудрые люди. Правда, все-таки в нашем столетии многие желают улучшения наук и школ, ищут его и трудятся для этого. Но пока с каким результатом? Существуют ли уже мастерские света, школы, подобные механическому мастерскому, где бы все шло столь упорядоченно, а поэтому легко и все-таки эффективно, чтобы из всех учеников мудрости получились мастера?

5. Каких успехов достигли мы, получившие возможность размышлять над тем, как разумнее устроить эту работу со светом? Мы, работающие на этом поприще, в течение тридцати лет? Лишь немногие люди изучают полезность наших намерений, большинство преспокойно не замечают их, а некоторые даже кипят от возмущения, когда о них заходит еще речь. Ах, будут ли сыны сего мира всегда разумнее сынов света? Не охватит никогда сынов света стыд, что их одолевают сыны мира?

6. Если бы мне нужно было наконец изложить содержание соответствующих своих усилий, я бы это обобщил так:

Изучается рассудочно, почему должны сыны света перенять от сынов мира рассудочность, то есть как может быть искусство среди искусств (разумное воспитание человеческой мысли) на примерах механических ремесел приведено к наивысшей определенности и естественности.

7. Эту же задачу преследуют, разумеется, картины в начале этого сочинения, выгравированные на меди¹ и ясно показывающие цель наших устремлений в этом отношении, а именно — чтобы искусство учить и учиться (поэтому и состояние школ) могло быть приведено к той же определенности, какой обладают I. движение небесной сферы², II. ход часов, III. судоходство, IV. земледелие и садоводство, V. живопись и скульптура, VI. строительство и, наконец, VII. типографское искусство. Что в этом желании нет ничего противного разуму, могло быть очевидно уже из XIV главы «Великой дидактики» и из § 32 «Приманки мудрости» и т. п. И все-таки было бы полезно объяснить это здесь. Первых шесть пунктов я изложу коротко, а на последнем (типографском искусстве) остановлюсь дольше.

I**Перенесение небесного порядка
в школы**

8. Об этом пункте размышлять можно с хорошей пользой, так как школы имеют основное сходство с небосводом. 1. Движение небосвода считается причиной круговорота вещей в природе; если бы оно остановилось, то остановилось бы все. Так первый человеческий возраст (который обучают школы) содержит в себе элементы и начала всего будущего. 2. Движение небосвода есть самое упорядоченное (как это показывает чередование дней, месяцев и лет); если бы этого не было, все в природе было бы неупорядоченным. Точно то же происходит и с начальным и дальнейшим обучением. 3. Основатели школ и их содержатели вместе со схолярхами как большие светила на этом небосводе, они — Солнце и Луна; учителя и мастера как спутники Солнца и Луны, то есть планеты, а ученики как рой звезд, сияющий разным светом. Им всем нужен столь же незабываемый порядок, как у небесного механика, который неустанно действует неизменным способом и удерживает все, что находится внизу, в порядке. Кто, однако, не привыкнет к порядку в отрочестве, тому всегда будет трудно в хозяйстве, в общине и церкви.

II**Автоматически управляемая школа**

9. Все часы, солнечные и механические, устроены так, что из них можно извлечь прекраснейшие дидактические указания: как достичь того, чтобы ход вещей имел такую же определенность. Впрочем, так как я спешу к концу, не буду задерживаться здесь (пока же опять загляни в гл. XIII § 12, 14, 15 и XIV, § 6 «Великой дидактики»).

III**Плавание муз**

10. Подобным же способом можно было бы рассматривать и мореплавание, ибо мысль и дух должны проплыть открытым морем неведения к островам наук отнюдь не без инструментов и определенных приемов, и там, и здесь меж собой сходных. Суть предмета может быть изложена лучше тогда, когда один вопрос объясняет другой. Но и на этом я не хочу задерживаться.

IV

**Школа — воспитательница
живой нивы**

11. Если бы мы сравнили обработку нивы с воспитанием ума, можно было бы также привести множество доказательств, так как здесь все явления взаимно похожи друг на друга. Ум — это безусловно живая нива, которую надо обрабатывать плугом дисциплины и посева, засеивать семенами наук и освежать дождем, солнцем и воздухом упражнений и т. д. Но я спешу к типографскому искусству, а на остальное только указую перстом.

V

**Живопись и скульптура —
искусство изображать**

12. Однако все-таки более приближается к сути дела искусство живописи и скульптуры. Потому что ум каждого человека при его рождении подобен чистой доске (т. е. пустой), на которой природа пока еще ничего не написала, но со временем может написать все. Так происходит, когда при помощи органов чувств запечатлеваются отражения вещей в мозгу каждого человека, который вещи видит, слышит, обоняет, пробует и осязает. Однако такое отображение вещей, добываемое лишь практикой, остается у большинства людей в сыром состоянии: оно подобно картине, которую создает солнце, бросая при освещении дерева его тень или очертания на песок, где кто-то обводит их палкой. Таковы, говорят, были первые шаги живописного искусства. От них благодаря удивительной изобретательности древних народов пришли к такой тонкой проработке и изысканности, что наглядно видно, как точно умеет оно выразить облик и красоту всех видимых вещей в этом мире (да и чувственную и духовную сторону в ее многообразии, и все то, что считается невидимым).

Итак, почему бы нам не пожелать, чтобы искусство мудрости, т. е. живописание всего в умах, было приведено к такому же совершенству? И то и другое искусство непременно будут зиждиться на абсолютно подобных правилах, если их исследовать параллельно.

13. Родной сестрой искусства живописи является скульптура, заключающаяся в выдалбливании и резьбе. От нее много опыта могли бы перенять те, кто должен заботливо создавать живые статуи божии, людей, по подобию образа божьего. Они должны выразить не только внешние контуры (как делают те, кто создает

статуи из дерева, камня или из металла), но и самую внутреннюю сущность, чтобы выгравировать в уме подлинную гармонию мудрости, нравственности и красноречия. Так как я уже ранее кое-что высказал об этом предмете (предисловие «Преддверия латинского языка»), умолкну теперь. Подчеркну лишь то, что душевная скульптура может быть прекрасно подготовленной, если будут соблюдаться правила до малейших подробностей и особенностей.

VI

Строительство ума

14. Наставление людей мудрости, разумности, нравственности и знанию очень похоже на строительное дело, так как ни там ни тут нельзя ничего без фундамента строить, без строительного материала, так или иначе подготовленного и созданного, ничего нельзя пристроить, установить, укрепить или украсить. Если бы это было подробно изучено, изложено и как следует приспособлено для дидактического материала, то дидактическое искусство получило бы удивительное объяснение; также этому бы могло помочь точное токарное искусство с его остроумными результатами.

VII

Живая типография

15. Приступим, наконец, к тому, к чему мы стремимся, а именно чтобы типографское искусство учило сынов света разумности, ибо из всех внешних искусств оно наиболее близко к цели, не отличаясь от нее иначе, чем внешняя вещь от внутренней. Ведь все, что где-то есть и происходит, происходит так, что вещь изображается или представляется, или же запечатлевается, или отпечатывается. Пусть это хорошо усвоит прежде всего тот, кто захочет судить об этом изобретении.

16. I. Бог, *существо* первое, Творец выразил себя в своих делах, и был сотворен мир. II. Создание мира видят разумные существа, ангелы и люди; этим наблюдением — мудростью — запечатлевается в уме ощущаемый мир. III. Мудрость, внутренний жар ума, проявляется внешне определенными знаками звука, речи, нужными для изъяснения всех суждений сердца. IV. Чтобы речь не была вещью преходящей, но постоянной, она выражается нарисованными значками, и таким образом возникают книги. V. Если книги прочитаны и поняты, они в свою очередь запечатлевают мудрость в умы. VI. Так запечатлевается в голове разумного человека образ книг, речи, вещей, всего мира и самого начала

начал — Бога. VII. Так происходит то, что Бог видит себя самого не только в себе самом, но и повсюду вне себя, более же всего в последнем своем образе, в человеке, одаренном разумом. Все безусловно что-то божие отражает, разумный человек это отражает в полной мере.

17. Итак, прекрасным творением божьим является *мир*, который в видимой форме охватывает все невидимые божественные вещи; прекрасной вещью является наш *ум*, которому дано своим внутренним размышлением воспроизводить мир и все вещи. Прекрасной вещью является *речь*, которой мы рисуем все образы своего ума в уме другого. Прекрасной вещью является *письмо*, которым мы фиксируем и упрочиваем речь, саму по себе мимолетную и исчезающую, чтобы она была долговечной. Самой прекрасной вещью являются *книги*³, созданные при помощи письма, благодаря которым мы посылаем изображенную мудрость людям, отдаленным расстоянием или временем, да самому отдаленному будущему. Прекрасным даром божьим является изобретение *шрифта*, посредством которого быстро размножаются книги. Наконец, прекрасной вещью будет искусство печатать с такой же скоростью книги и мудрость в умы; разумеется, если Бог даст нам его найти.

18. Есть ли, однако, надежда? Почему нет, если посмотреть на обычные интервалы, с которыми Бог оделяет своими дарами. В определенные периоды он дает дар за даром, так что у него всегда есть что-то новое, которое мы принимаем с новым восхищением и с новым уважением и воодушевляемся на новые выражения хвалы. Он действует или один, без нас, или совместно с нами как своим образом; ибо он наслаждается нашей деятельностью и нашим подражанием его собственной мудрости. Так он сотворил мир, а потом наш ум, без нас. Но велел, чтобы человек наблюдением достиг просвещения мысли, мудрости и создал себе *речь*, если будет давать вещам имена. А потом спустя несколько столетий Бог внушил людям стремление живописать *речь* зримо и составлять книги. Наконец, двести лет тому назад был изобретен (для этого Бог послал удобный случай, однако все остальное произошло благодаря человеческому усердию) способ, как размножать книги точно и невероятно быстро, не пером, но металлическими литерами, которыми движет не рука, но печатный станок; не отдельным печатанием отдельных знаков, а одновременным печатанием многих знаков, которое может быть и бесконечным. Поэтому удивительно размножились замечательные и прекрасно оформленные книги, так что уже, как кажется, не остается ничего иного, как наполнить мир мудростью, причем 1) чтобы писались только очень мудрые книги и 2) чтобы был найден способ печатать книги так надежно, быстро и легко в умы, как был найден способ печатания

тать саму мудрость, выраженную речью, на бумагу. А почему бы нам этого не ожидать от доброты божьей? Если бы Бог не предполагал нам дать это, он бы не внушил нашей мысли такую мечту и не предоставил бы нам возможность попытаться сделать это.

19. Итак, как надо устроить это дело? Это явственно обнаруживается, если сыны света позаимствуют без стеснения от сынов мира разумность и научатся постигать внутренние вещи через внешние. Мы это показали довольно ясно в гл. XXXII «Великой дидактики». Правда, мы отложили более подробное изложение на другое время (там же, § 27), но, поскольку мы опять взяли за эту работу, разберем это подробнее и попытаемся внести больше света в эти вещи тем, что будем более определенно следить за параллельностью обоих печатных искусств: того, внешнего, и этого, внутреннего. Итак, я начинаю.

20. Печатание — это искусство, посредством которого печатают мысли с необыкновенной скоростью на бумагу. Живое печатание — это искусство, посредством которого с подобной же скоростью запечатлеваются те же мысли в уме.

21. Там нужны люди, вещи и определенный труд. Если об этом хорошо позаботились, дело идет уверенно, прекрасно, приятно (как игра) и с невероятной быстротой. Так же будет и здесь, если мы все устроим подобным образом. Ведь бесспорно, что двое юношей могут посредством шрифта напечатать больше экземпляров какой-нибудь книги, чем смогли бы написать 200 писарей за то же самое время, и если все экземпляры будут точно соответствовать друг другу и больше походить один на другой, нежели два яйца, не отличаясь абсолютно ни в чем, тогда будут все экземпляры абсолютно правильными, если первый оттиск хорошо выправлен. А это замечательная вещь. 3. Что ни положишь на печатный станок, он принимает все со всем; в то время как для письма пером требуется лучшая, более толстая и непропускающая бумага. 4. Печатным шрифтом умеют напечатать красивые книги и те, кто не умеет красиво писать, так как выполняют эту работу не собственной рукой, но специально для этого изготовленным шрифтом, не знающим ошибок. Подобным образом должна и живая типография достичь того, 1) чтобы при меньшем числе учителей было обучено значительно больше людей, чем при нынешних обычных способах, 2) чтобы все стали действительно образованными, получили изощренное образование, полное тонкого благородства, 3) чтобы этой образованностью овладевали не только более одаренные (как это принято сейчас), но и менее понятливые и 4) чтобы при обучении успехи приходили и к тем, кто от природы не слишком способен к преподаванию, т. е. к тем, у кого нет ни запаса собственных знаний, ни умения квалифицированно вложить их в головы иных;

они все-таки запечатлеют их посредством предназначенных для этих целей и вложенных в их руки инструментов.

22. Итак, цель типографского искусства состоит в том, чтобы в течение очень короткого времени напечатать мысли на бумагу и предложить общественности в большом количестве. Цель живой типографии будет в том, чтобы эти же мысли быстро запечатлеть в умах и наполнить государство учеными. Если мы хотим, чтобы это удавалось с подобной надежностью и легкостью, нужно и здесь приготовить определенные средства, которые мы видим там.

23. Итак, рассмотрим по порядку, в каком отношении находятся *люди, вещи и работа* к результату, которого они должны безусловно достичь (широкое размножение книг). Если приспособить все это к школам, может обнаружиться самый способ живой типографии, как создавать с подобной надежностью живые книги — образованных юношей.

24. Для типографской мастерской нужны, по меньшей мере, шесть человек. Из них три являются главными: наборщик, корректор и печатник; столько же второстепенных, которые ускоряют процесс: лектор, батырщик и смывальщик.

25. Задачей наборщика является: 1) смотреть в рукопись — источник печати (копируемый), 2) выбирать из отделений кассы металлические литеры и 3) составлять наборную доску (копирующую), которая потом (окрашенная типографской краской и вложенная в станок) отпечатает сама себя на бумагу, чтобы из этого вышел отпечаток (скопированный), т. е. сама книга, напечатанная в любом количестве.

26. Задачей корректора⁴ является: 1) сравнить скопированный отпечаток с копируемым (оттиск с источником) и проверить, соответствуют ли они друг другу во всем, 2) если он найдет какое-то различие, он должен это исправить и сделать замечание наборщику с тем, чтобы тот внес исправление, 3) наконец, дать разрешение к печати, но и в дальнейшем так же наблюдать, не испортилось ли что-нибудь, устранять недочеты и тем самым постоянно препятствовать неполадкам.

27. Задачей печатника является: 1) положить хорошо уже подготовленную печатную форму под пресс, 2) класть на нее бумагу, заранее хорошо подготовленную, намоченную и прикрепленную гвоздиками, чтобы не двигалась, 3) наконец, подтягиванием и давлением пресса заставить бумагу принять сразу же и одновременно весь вид формы и 4) выложить листы, вытянутые из-под пресса, на воздух для просушки.

28. Для того чтобы корректор мог добросовестно делать свое дело и случайно не уснул, ему дан помощник-лектор. Его обязанность состоит в том, чтобы старательно смотреть в рукопись (источник печати), не спускать с нее глаз и разборчиво читать

вслух предложения, слова и все знаки препинания. Между тем корректор смотрит с не меньшей внимательностью на оттиск и исправляет, если увидит ошибку наборщика или типографа.

29. Чтобы типограф скорее делал свое дело, ему помогает батырщик. Когда типограф вытянет из-под пресса уже готовый оттиск и подложит новый чистый лист, батырщик покроет типографской краской металлические формы и таким образом достигнет того, чтобы станок сразу же снова употребить, и работа идет в два раза быстрее.

30. Наконец, после допечатки листов, предназначенных для новой книги, из пресса вынимается форма с металлическими литерами и передается смывальщику, который вымоет в щелоче литеры и отдаст их, очищенные от типографской краски, наборщику, для того чтобы тот снова их употребил.

31. Так все они, делая общую работу, выполняют словно б играючи дело, достойное удивления и когда-то непонятное миру; в том, однако, случае, если все обладают тем, что необходимо повсюду: знанием своего искусства, подкрепленным практикой, далее — внимательностью и постоянной прилежностью. Знания нужны потому, что печатное дело — искусство хотя и механическое, но зато очень тонкое, ибо состоит из многих мелочей, о которых мы уже говорили и еще должны будем говорить. Особенно же нужны прилежность и внимательность, потому что здесь, где сосредоточено столько мелочей, весьма легко может случиться что-нибудь такое, что нарушит дело, если не будет бдительности.

32. Типография имеет следующие три главные вещи: мастерскую, а в ней 1) рукопись книги, которая должна быть напечатана, 2) шрифт, или металлические литеры, 3) типографскую краску, 4) запас бумаги, достаточный на всю рукопись, ибо только тогда выйдет эта книга в нужном количестве экземпляров, и 5) станок со всеми принадлежностями.

33. Мастерская должна быть полностью оборудована всеми надлежащими вещами. Если будет недоставать хотя бы одного предмета (напр., литер, станка, типографской краски и пр.) или хотя бы какой-то его частицы (например, одной литеры, или рычага в станке, или одного гвоздика и т. д.), нельзя будет ничего начать, а если уже было начато, то будут задержки или в результате выйдут неполные книги, обезображенные пробелами и пустотами.

34. Рукопись (источник печати) должна быть подготовлена, правильно написана и находиться под рукой; в противном случае работа будет задерживаться.

35. Литер должен быть целый алфавит, и даже несколько алфавитов, каждая литера в достаточном количестве; весь шрифт должен быть отлит из прочного материала, абсолютно одинаковой

величины, с большой точностью, чтобы литеры не были ни кривыми, ни ломаными и т. д. В противном случае в работе сразу же возникают затруднения или получится несовершенная и уродливая книга.

36. Типографская краска не должна быть жидкой, как это бывает при письме, но густой, клейкой и приготовленной в результате смешивания, растирания и варки льняного масла, олифы и угольной сажи.

37. Бумага бывает обыкновенной либо пергаментной, шелковой либо льняной и т. д.

38. У станка есть валик, винт, рукоятка, пиан и нижняя доска — талер с рамой, все это основательно подготовлено для работы.

39. Виды типографских работ: набор литер по рукописи, подготовка бумаги, покрытие типографской краской, исправление ошибок, печатание, сушение напечатанных листов и т. д. Все это имеет определенные приемы, которые нам нужно соблюдать и здесь, если мы стремимся создать живую типографию по подобию той, неживой. Итак, рассмотрим эти работы поподробнее.

40. Наборщик, имея перед собой 1) кассу, наполненную металлическими литерами, разложенными по отделениям, 2) смотрит в рукопись (источник), удобно расположенную вблизи него, 3) держа левой рукой наборную линейку, 4) правой рукой выбирает из отделений литеры и складывает из них слова, перенося их на линейку, а 5) когда наполнит полосу, на доску, 6) когда число полос для страницы одного листа заполнено, он разделяет их шпациями, 7) связывает их и зажимает железной рамой, чтобы они не распались. И так он считает, что сделал свое дело.

41. Корректор, получив оттиск с доски, исследует, все ли правильно и набрано, и отпечатано; и если увидит в чем-то различие, исправит; при этом лектор поддерживает его внимательность, как я уже сказал в § 28 и 29.

42. Печатник оттянет левой рукой доску (с набором) от прессы; как только батырщик покроет краской валик (меха, набитые шерстью), потом при помощи валика набор, он опять притянет ее и вдвинет ее под крышку прессы. Потом крепко обхватит правой рукой рукоятку, сильно придавит пиан; и бумага тогда неминуемо воспримет краску всей формы, наконец, вытащив бумагу, он повесит ее на воздухе, чтобы она высохла. Так печатаются за короткое время огромные тома в огромном количестве.

43. Вот в общих чертах, как печатаются любые книги. На особый вопрос, как возникают очень хорошие книги, нужно сказать, что для этого необходимы: 1) мудро составленная рукопись (источник), достойная света, а не тьмы, 2) красивый шрифт, 3) чистая бумага и 4) внимательная работа, чтобы все, вплоть до запятой, было четким, разборчивым и правильным.

44. Спрашиваю тебя, читатель, читаешь ли ты это столь подробное изложение терпеливо или со скукой? Может быть, со скукой, если ты из тех, кто привык абстрактно рассуждать и поэтому отвергает снизойти к конкретным, осязаемым и механическим вещам. Таких философов, спесивых от высокомерной самоуверенности, часто порицает Веруламский как бесплодных и лишенных изобретательности. И действительно, если бы первые изобретатели типографского искусства гнушались изучать детские начала этого искусства, мир до сих пор бы не имел этого божьего дара. Так будет и в дальнейшем с живой типографией, если мы не воодушевимся примером тех (кто доводит свои изобретения до совершенства), чтобы с охотой взяться за дело и не пробовать создать нечто подобное. Итак, долой чванливую заносчивость! Пусть учатся сыны света разумности от сынов мира, воспринимая от них не только общее поощрение к прилежности, но и следуя им, насколько это возможно, в их мельчайших обычаях, соединенных в руководство (т. е. план) к искусству. Пусть и здесь нам явится мощь мудрости, дважды прозорливая! Итак, попытаемся это сделать!

45. Если поэтам разрешается подражать песням, почему бы строителям не было позволено подражать постройкам? Из этого вытекает: если для ремесленников не было невозможным искать и найти способы, как печатать мудрость на бумагу, пусть же и нам не кажется невозможным искать и найти способы, как ее запечатлеть в уме, особенно когда они наметили путь и показали столько нужных примеров. Давайте попробуем и обратим все это в свою пользу! Быть может, в результате засияет какой-нибудь изумительный свет. (В омуте, где ничего не ожидаешь, появится, может быть, рыбка.)

46. В живой типографии тоже должны быть *люди, вещи и работа* (см. § 23).

47. Главными *людьми* будут: дидакт, схолярх и учитель; второстепенные лица: духовные пастыри, родители и молодые смотрители (декурионы).

48. Дидакт должен будет здесь делать то, что там делает наборщик (см. § 25), т. е. 1) смотреть на примеры мудрости (божественной и человеческой), 2) выбирать из суждений подходящие изречения и слова и 3) составлять методические книги; если они будут правильно запечатлены в уме, как будто напечатаны, то будут иметь точное подобие той же мудрости (божественной и человеческой), словно в зеркале.

49. Схолярх будет здесь заменять корректора (см. § 26). Его обязанностью будет 1) сравнить книги, предназначенные для юношества, с той мудростью, которую они проповедают (как корректуру с рукописью), и проверить, содержат ли они все необхо-

димое, 2) если он найдет какое-нибудь отличие, он должен сделать замечание дидакту (автору книги или издателю) с тем, чтобы тот это исправил, 3) наконец, разрешить передать эти книжки учителям и запечатлеть их в умах, 4) время от времени следить за тем, чтобы ничего иного, чем это полезное дело, не делалось, и тем воспрепятствовать ошибкам.

50. Учитель здесь будет тем, кем там является печатник (§ 27), имея обязанностью: 1) не учить иному, кроме того, что одобрено схолярхами, 2) подготавливать ум (как там бумагу) к восприимчивости, а это происходит в том случае, если он прививает любовь к науке и к искусству (или к какой угодно другой работе), если он возбуждает внимание именно к ней, дав предварительно почувствовать вкус, и если он следит за тем, отверзты ли у всех присутствующих и у каждого в отдельности органы чувств (о таком способе мы упомянули в другом месте), 3) наконец, заранее показывать, излагать и побуждать к подражанию, исправлять и закреплять, а 4) после выполнения всего, что в течение урока мог и должен был сделать, должен предоставить отдых и т. д.

51. Там назначен к корректору лектор (см. § 28); здесь это могут делать те, кого схолярхи возьмут в советники (чтобы все происходило по зрелом размышлении и чтобы ничто и нигде не отклонялось от целей мудрости): теологии с учетом божественной мудрости и политики с учетом человеческого опыта. Не потому, что схолярхи не способны сами рассудить, что полезно и благотворно (ведь должны быть выбраны такие, кто способен это сделать), но потому, что чем больше глаз, тем больше видно, а в сложных делах (каким является образование юношества) никогда не излишня осторожность, предвосхищающая ошибки.

52. В помощь к печатнику приставлен батырщик (§ 29). Здесь нужно назначить к учителям помощников, чтобы они помогали сохранять порядок и усердие, особенно если количество учеников будет большим, чем то, на которое у учителя хватит голоса и зрения. Эту задачу мы возлагаем на декурионов, т. е. более одаренных учеников, и на тех, которые уже знают то, что другим задаётся выучить. Из них каждый будет наблюдать за своими девятью учениками, чтобы те присутствовали, чтобы делали то, что нужно делать, и делали это правильно и т. д. Таким образом учитель сможет учить какое угодно число учеников и делать все достаточно спокойно.

53. А кто же здесь будет смывальщиком (§ 30)? Родители, опекуны и все остальные, кто посылает своих детей в школу. Ведь они будут заботиться о том, чтобы регулярно посылать своих детей и никогда не допускать, чтобы те оставались дома; далее, чтобы дети были безупречной нравственности и подготовленными к душевной живости также домашними упражнениями.

54. Так все здесь, делая общую работу, смогут приятным образом выполнять этот труд, достойный восхищения и невероятный, пожалуй, доныне в этом мире, если постараются быть сведущими в дидактическом искусстве, усердными и внимательными. Что эти две вещи безусловно необходимы типографам, тем, кто, занимается печатанием на бумагу, было уже сказано (§ 30); тем более, следовательно, это необходимо тем, кто должен будет воспитывать в истинных образах ум, вещь весьма изменчивую.

55. *Вещи*, необходимые для живой типографии, будут те же (§ 32): школы, а в них 1) дидактические книги, которые в методическом отношении содержат все, что должно запечатлеваться в уме, 2) пособия, служащие для их изложения и копирования так, чтобы все обучение шло на основе личного визуального опыта, 3) живой голос учителя, 4) контингент учащихся и 5) дисциплина и все, что ей сопутствует.

56. Школа должна быть возможно богаче обеспечена пособиями, служащими для просвещения духа (см. § 33). Если не хватает хоть одной вещи (например, книжки, или инструмента, или живого голоса), нельзя даже начинать нечто, достойное живой типографии, или же сразу возникнут какие-то препятствия, или же в конце концов успех учеников будет лишь частичным и несовершенным.

57. Дидактические книги (пока не начнется употребление этого живого метода) должны быть подготовлены, правильно изданы (или хотя бы устранены опечатки в них) и розданы всем ученикам. Иначе ученики не будут успевать или научатся ошибкам по ошибочным образцам (§ 34).

58. Пособия, предназначенные для наглядности и личной практики, должны быть правильными и точно изображать вещи (§ 35). Иначе возникнут неестественные понятия, несоответствующие вещам, а результаты потом будут ошибочными.

59. Живой голос учителя не должен звучать кое-как, только чтобы сотрясать воздух и проходить мимо ушей учеников, им надо пользоваться с рассудком и так старательно, чтобы ученики, даже если будут хотеть, не могли его не расслышать. А это будет в том случае, если учитель будет обращаться не к отдельным ученикам, а ко всему классу, причем хорошо подготовленному к внимательности и обращающему к нему слух и зрение, и будет постоянно употреблять следующие слова: Ты или ты, повтори это! Что я сейчас говорил, N? Скажи то же самое, ты! Сделай то же самое, ты! И т. д. А к другим обратится: Это правильно? И все это исключительно для того, чтобы быть уверенным, что все непрерывно слушают, воспринимают и все понимают.

60. Число учеников здесь не играет роли, пусть их будет сколько угодно; даже лучше, если их будет больше. Наверняка, если

все они будут настроены быть ко всему внимательными, ничего из того, что скажет учитель, не пропадет даром, ибо это сразу же кто-нибудь повторяет (если этого опять требуют ученики), а другие поощряются к тому, чтобы именно на это обратить внимание и подобным образом повторить. Численность учеников в данном случае становится выгодой, так как они друг друга воодушевляют к состязанию и сообразительности, и тем лучше они успевают, чем их больше и чем они живее.

61. Дисциплина имеет следующие стороны: 1) постоянный надзор над всеми, 2) внушение непоседливым и 3) наказание распущенным. Только так мы достигнем того, чтобы все те, которых мы примем в школу, имели такой же успех, как и все остальные. (См. гл. ХХХII, § 17 «Великой дидактики».) Но у меня нет времени заниматься этим подробнее и распространяться о том, как соответствуют отдельные части печатного станка частям школьной дисциплины. Оставляю это иным, будучи уверен, что здесь скрывается и может быть открыта не одна дидактическая тайна.

62. Пора уже нам рассмотреть также *работу* живой типографии, подражающей неживой.

63. Обязанность дидакта (т. е. того, кто пишет дидактические книги и определяет задачи) иметь в виду: 1) учебный материал, которому должны научиться ученики, т. е. уверенную и настоящую цель, к которой нужно стремиться, 2) слова, изречения и избранные предложения, при помощи которых он верит, что правильно напечатает свои мысли, а также правильно перенесет в умы учеников; 3) инструкциями будут законы метода, к которым приспособится все; 4) задания по часам, 5) по дням, 6) по неделям и месяцам, и 7) все это он соединит таким строгим порядком, что ни учитель, ни ученики своей небрежностью не дадут ничему ускользнуть и не смогут ничем пренебречь или что-нибудь потерять.

64. Задачей схолахов будет: внимательно сравнивать такие книги с их целью и рассматривать, насколько они отвечают своему назначению; если они увидят в чем-то недостатки, то должны исправить или приказать исправить; когда они будут ходить по классам, то должны обратить внимание, все ли выполняют все. Настоящий присмотр схолахов за всем этим сможет легко удерживать все в оживленном движении.

65. Чтобы учитель усердно исполнял свои обязанности, на его долю достанется самая большая работа, чтобы, подражая типографу, 1) он всегда стоял возле своего станка (возле своей кафедры), откуда он может дотянуться до всех своих вещей и делать все необходимое и 2) чтобы он смог свою бумагу (чувства и умы учеников) подготовить, разложить и укрепить, 3) хорошо закладывать в станок, когда его помощники поддерживают внимательность всех и каждого в отдельности, и 4) успешно печатать в умы

при помощи дисциплины. (Это все более подробно описано в «Латинской трехклассной школе», гл. III, § 14 и во всей этой главе.)

66. Духовные пастыри, родители, опекуны и декурионы (помощники живой типографии, соответствующие лекторам, батырщикам и смывальщикам) смогут узнать о своих обязанностях, прочитав то, что было написано в «Воскресшем Форции», § 25 до конца, а также в «Законах школы» (цит. XIV и XVI и в других местах).

67. Потом все наши работники будут иметь причину кое-чему научиться от типографов, а именно: 1) взаимной надежности, чтобы все делали все добросовестно без интриг, 2) чтобы упорно работали над всем, что будет принято в мастерскую, пока не будет завершено дело, 3) чтобы меньшие задачи делали скорее, а большие в надежных сроках, таким образом, без потери времени и т. д.

68. Если все будут соблюдать все, что было сказано, у нас действительно будет живая типография, т. е. искусство печатать знания всех видов так успешно в ум, как уже теперь видим печатание в книгах. Не то чтобы я был самоуверенным или хвалился бы тем, что уже довел свое учение до такого совершенства, до какого уже доведено типографское искусство, однако я уверен, что мне удалось положить основания такие прочные, какими были основания Янсена Лаврентия, Яна Фуста и Яна Гутенберга, ибо эти три Яна прославлены как изобретатели типографского искусства.

69. Говорят, что к изобретениям легко что-нибудь прибавить. Это было ясно и на примерах именно этого искусства, которое в течение немногих лет попало из Гаарлема в Мангейм, оттуда в Страсбург, вскоре и в Венецию, и в Рим и так распространилось по всему миру. Но новыми видами изысканного шрифта (который мы уже употребляем) было поднято на вершину главным образом Альдусом Мануциусом в Венеции, а точностью корректуры Кристофом Плантингом в Антверпене.

70. Если кого-нибудь из дидактов (или нескольких одновременно) охватит столь же горячее желание так же улучшать живую типографию в ее славной миссии, приводить ее к совершенству, а тем и способствовать общему благу народа, я не вижу причины для сомнения, ибо как изобретение металлических литеров ввело бесконечное число писателей в мир, так и искусство живой типографии, если оно станет общим достоянием народов, сможет привести к свету образованности поразительные душевные силы, дремлющие и ныне среди небольших забытых народов.

71. Но так как после изобретения печатного искусства сплошь издавалось все, что оставили писатели, так что почти ничего не осталось неизданного из древних библиотек, и так как все уже радуются дневному свету и даже каждое частное лицо может приобрести богатую библиотеку (что раньше могли делать только ко-

роли, или князя, или община), так и мы сможем и должны размышлять о том, как каждая хорошо устроенная школа могла бы пройти комплекс наук и перелить его в умы, [т. е.] чтобы каждый прилежный ученик устроенной школы, пройдя всю библиотеку, удержал ее всю в уме и стал для нас живой и странствующей библиотекой.

72. Речь идет о том, чтобы оправдалось то, что Бог сказал устами пророков — многие во время конца (света) будут усердно взывать к совести, и умножится ведение (Дан. 12, 4), в сумерки мира явится свет (Зах. 14, 7); а также, чтобы пресвятой Бог исполнил то, что в другом месте обещал сделать в последние дни: вложить закон свой в умы наши и вписать его в наши сердца (Иер. 31, 33).
Аминь!

Фрагменты из учебников

Преддверие

Земледелие

159. У деревенского жителя есть: сады, поля, луга, двор.

161. На поле есть: плуг, борозда, скребок, семена, злаки, жатва.

При жатве: серп, сноп, вилы.

При жатве: стерня, куча зерна.

Постройки

186. Древние жилища: пещера, шалаш, хижина. Потом: изба, дом, дворец.

187. У плотника: топор, плотничий топор, бурав и пила; дерево, а из дерева: щепки, опилки, а в дереве дыра.

188. У каменотеса: измеритель, линейка, угольник, циркуль, долото, молоток.

189. В доме есть: фундамент, стена, крыша; ключи и замки, столбы и подпорки. А если их разрушить: раздробленный камень.

190. В дверях: створки, порог, притолока.

191. В дверной раме: петля, задвижка, засов, цепь, замок, ключ.

192. В окне: решетка или проволочная сетка. На крыше: черепица или гонт, щит.

193. В помещении: пол и потолок. На потолке: бревна или свод.

194. Части дома: двор, сени, ванная, спальня, кухня, кладовая, печь, очаг, камин, терраса, балкон, башня, ступенька или лестница.

Письмо и книги

221. В книге есть: пергамент или бумага. Части бумаги: лист, свиток, связка.

222. Части книги: листы, страницы, поля. Части письма: стих, слово, связный текст. Части букв: точка, линия, верхушка.

223. У писца есть: резец или перо, ножик и линейка. На перо: ручка и надрез.

Дверь

XXXIII

Земледелие

330. Крестьянин обрабатывает поле, чтобы вырастить хлеб. Это значит, что он подготовит поле к посеву, засеет его зерном, а хлеба жнет и молотит.

331. Поле подготавливает к посеву так: из непаханой земли вырвет кустарник, а участок, который будет пахать, хорошо удобрит, чтобы можно было засеять поле ежегодно, а именно два года подряд зерном. Поле под паром, которое засеивается только через год, и земля, которая вспахивается впервые, не нуждаются в удобрении, так как они отдохнувшие и плодородные.

332. Пахарь запряжет быков в плуг и погоняет их наконецником. При пахоте держит левой рукой клетку плуга, чтобы он не отклонился из борозды, правой — скребок, которым отгребает груды, между тем как лемех (наставленный на соху) разрывает своим зубом почву и делает борозду. Когда допашет одну борозду, поворачивается, возвращается и вспахивает следующую борозду, и делает так, пока не вспашет весь участок и не запашет навоз. Потом распряжет свою упряжку.

333. Вспаханный участок потом перепашивает снова — второй и третий раз. Если на участке много комков земли, выравнивает его, катая катком или разрыхляя бороной. На влажном поле крестьянин устраивает осушительные канавки. Только тогда поле готово к посеву.

334. Потом засеивает по всей площади поля семена, подходящие для посева (они не должны лежать больше одного года), а когда участок засеет, — зерно заборонует. Когда посеянные семена прорастают, пропалывает, чтобы их не задушил куколь.

335. Когда хлеба пожелтеют, начинается жатва. Жнецы жнут серпами и сжатые хлеба разделяют на охапки. Потом их сгребают граблями в снопы и связывают перевяслами, сносят снопы по пятнадцати в кучу, потом вилами накладывают на телеги и отвозят в амбары или в сарай. Оставшиеся на поле колосья собирают потом бедные люди, а стерню оставляют для скота, который будет пастись здесь.

336. Потом молотильщики молотят хлеба на гумне цепями. (Когда-то зерно из колосьев добывали так, что по сжатым хлебам ездили катками или зерна вытаптывали.) Зерно, освобожденное из колосьев, чистят от грубой мякины: подбрасывают высоко лопатой; мелкую мякину устраняют метлой из перьев (ибо кто же с удовольствием ел бы хлеб с мякиной?). Потом просеивают зерно

ситом, очищают его от сора, а после этого насыпают в мешки. Те, которые побогаче, отвозят их в амбары, более бедные засыпают в лари. Те, которые боятся врага, прячут его в подвалы. Солому связывают в вязанки.

337. Наследственный хозяин усадьбы сдает в наем свой участок за годовичную плату крестьянину (хозяин — наемнику). Иногда сдает в наем прибыль и урожай с участка на несколько лет предпринимателю, иногда — пайщику, с которым разделяет прибыль. В другой раз нанимает приказчика, чтобы он хозяйничал на участке за договоренную плату.

XXXIX

О постройках

395. Сначала жили люди в пещерах и шалашах, сделанных из листьев. Позже строили хижины из дерна и хибарки из лозы, которые обмазывали глиной. Потом обученные для этого рабочие начали строить постройки, отличающиеся прочностью и красотой. Посмотрим теперь на способы их работы.

396. Деревья, подходящие для строительства, рубят зимой и после полнолуния, чтобы в дереве не было червоточины. Срубив топором дерево, дровосек отсекает с его вершины ветви, а из ствола, после отсечения сучьев, делает бревно. Хворост складывает в кучи, связывает в вязанки, чтобы потом употребить для топлива.

397. Плотник укрепит бревно железными рукоятями на несущие столбы и по линейке обрубает и подрубает его плотничьим топором, чтобы оно было ровным; при этом летят щепки. Потом разрезает бревно (большой пилой), при этом сыпятся опилки. После этого соединяет стены, сбивает колоды загнутыми гвоздями, а пространство между ними заполняет мхом.

398. После этого рабочий, который ставит стены, обмазывает постройку глиной, смешанной с мякиной или шелухой зерна. Иногда строят только из кирпичей, спрессованных из ила, без употребления балок.

399. Если строят каменный дом, поступают иначе. Рабочий в каменоломне добывает камень заступом или выламывает ломом, каменотес вытесывает из него согласно меры четырехгранные формы, чтобы они хорошо подходили для строительства. Если где-нибудь есть недостаток камня, обжигаются кирпичи. Это обожженные камни из вымешанного ила.

400. Когда прочно положен фундамент, каменщик ставит над ним стены, основные, средние, и простенки и создает помещение со сводчатым потолком. Штукатур его покроем гипсовой или мраморной штукатуркой, сравнивает и вымостит пол раздробленными

камнями, новыми или полученными со старых построек, или еще их покроет плитками.

401. Строитель — это руководитель сооружения дома, он руководит постройкой по образцу, который заранее выдумает или нарисует как набросок. Это называется предварительное представление, план или модель.

402. Дом, имеющий глубокий фундамент, построенный из хорошего материала и сооруженный из балок или стен, кроме того, еще укрепленный внутри подпорками и столбами (чтобы не обрушился потолок), а снаружи надлежащим способом обеспеченный сваями (чтобы не тряслись стены), долго выдержит. Если он зашатается, можно снова поставить подпорки, а если обрушится или упадет, можно поправить. (Замечание: столб состоит из одного камня и стоит на своей пяте, подпорки состоят из большего числа камней.)

403. О частях дома можно сказать следующее: если ты станешь в преддверии у переднего входа, то увидишь перед собой фасад дома. Когда подойдешь к двери, увидишь перед собой дверную раму. На одной стороне петли для навешивания дверной створки, которая закрывается и открывается, на другой стороне — замки, а именно задвижка, самый простой способ запираения, которая засовывается в отверстие в раме, или засов, укрепленный на раме, который можно закрывать, если засунешь в него крючкообразный ключ, или замок, называемый лаконским, скрытый внутри или висящий снаружи.

404. Если ты увидишь, что дверь закрыта, постучи. Когда прихватчик выглянет в окошко или через решетку, попроси его, чтобы он тебе открыл. Когда войдешь, подними ногу, чтобы не споткнуться о порог, и склони голову, чтобы не удариться о притолоку, открывай дверь потихоньку, чтобы не скрипели петли или не ударились створки.

405. Когда пройдешь через дверь, придешь во внутренний двор или в сени. Отсюда можно входить в остальные помещения, а если дом двухэтажный или трехэтажный, можно подняться на верхние этажи по обыкновенной лестнице или по винтовой. Еще есть задний вход — на другой стороне дома.

406. Если мы находимся внутри дома, то ходим по полу, который бывает или утрамбованным деревянным молотом, или покрытым досками, или вымощенным каменными плитками. Над нами потолок, который может быть из досок, или сводчатым, или из пестрых клеток.

407. Крыша лежит на стропилах (с уклоном или в одну сторону, или в две, или в четыре) и покрывается дерном, черепицей, или гонтом, или шифером. Это все кладется на балочки, балочки — на стропила. Разбегающиеся в стороны сопряжения стропил лежат на перекладинах, перекладины в свою очередь лежат на тонких брев-

нах. Они тянутся в длину, образуют широкую свободную крышу, особенно на колоннадах, предназначенных для прогулок, или над висящей открытой галереей (или верандой), или над выдвинутым угловым балконом.

408. Человеческая прилежность побуждала строить и в трудно-доступных местах. Это подземные коридоры и помещения, трапезные под открытым небом, располагающиеся высоко над домами, башни с высочайшими крышами, пирамиды, обелиски и колоссы, которые вызывают удивление своей грандиозностью, лабиринты, передвижные дома и т. д.

XI

Письмо и книги

486. Письмом египтян были иероглифы, т. е. знаки, изображающие облик вещи. Китайцы имели настоящие письменные знаки, которые понимали и иные народы, читая их на своем языке. У нас употребляются буквы — знаки малейших звуков, которые издают уста. При соединении букв возникают слова, предложения и книги.

487. Древние народы высекали буквы молотком на камне, потом их вырезывали на дереве (чаще всего буковом), разрезанном на плитки и отшлифованном долотом. Потом писали железным резцом на липовом или пальмовом лыке или на листах просвирыяка, а также на кусках полотна, покрытых воском или гипсом. Позже писали грифелем из нильского камыша на пергаменте, сделанном из овечьей кожи.

488. Только потом изобрели бумагу, изготовленную из папируса, растения вышиной два локтя, имеющего вместо коры очень широкие и длинные покровы. Эти покровы отделяли производители бумаги один от другого иглой, намачивали их в воде с клеем, выпрямляли на прессе и, высушив на солнце, растягивали в свиток, содержащий двадцать пять листов. Теперь употребляется бумага, которая изготовляется из старых тряпок, размятых в кашу, к ним примешивают клей, чтобы не распадались, и растягивают в листы. Потом их связывают в меньшие, средние и самые большие связки.

489. Чернила для письма делают из дубовых желудей и витриоля. К ним прибавляют немного квасцов и резины, чтобы предотвратить плесень и пропитывание чернил через бумагу. Для письма выбирается гусиное или павлиное перо с большим, прочным и прозрачным стержнем. Кто хочет писать, соскоблит его шероховатость тупой стороной ножика, потом острием отделит перья и сделает надрез на обеих сторонах головки стержня так, чтобы были две ножки. Потом их расколет и сделает надрез, в который будут сте-

кать чернила. Потом его опять обрежет и сделает надлежащее острие. Потом намачивает в чернила и пишет. Когда допишет, положит его в пенал для перьев.

490. Евреи пишут от правой руки к левой. Греки и остальные европейцы — от левой руки к правой. Некоторые индусы пишут вертикально сверху вниз, и это тоже можно читать.

491. Древние люди знали скоропись, искусство быстро писать сокращенными знаками, которыми успевали записать не только то, что им кто-нибудь диктовал, но и то, что кто-то свободно говорил. У нас тоже есть более скорый способ, т. е. книгопечатание, при помощи которого один человек за день напишет больше, чем могли бы написать тысяча писцов. Англичане в последнее время возобновили скоропись, которую называли стенографией.

492. Типограф разделяет по клеткам большое количество металлических шрифтов. Наборщик выбирает их один за другим и составляет слова, стихи, а потом страницы, которые сжимает железными планками, чтобы не распались, и вкладывает в станок. Потом покрывает типографской черной краской (ее делают из угольного порошка и льняного масла), придавливает их на подложенные листы бумаги и так напишет в мгновение на всех чистых листах совершенно правильно, если, конечно, первый экземпляр был надлежащим образом исправлен и если исправляющий не был невеждой или ленивцем. Когда он достигнет установленного числа экземпляров, разложит шрифт по полкам, чтобы его могли опять составлять для печатания другого текста.

493. Когда-то переплетчики склеивали один лист с другим и сворачивали их в свитки. Теперь переплетчик связывает их в связки, намачивая отдельные листы в воде, содержащей квасцы. Когда они высохнут, он распрямляет их, выбирает, сшивает, клеит корешок, обрезывает и вкладывает в корки (бумажные, пергаментные или кожаные). Обе корки соединит зажимами (бронзовыми крючками) или присоединит кожаные или шелковые язычки. На большие книги прикрепит пуговичные половинки.

494. Книготорговец продает книги в книжном магазине. Библиотекарь переносит их в библиотеку, записывает в каталог и разделяет их по шкафам и по полкам, выкладывает их на стойки, чтобы их можно было употреблять.

495. Что касается внешнего вида, книга бывает напечатана на целом листе (это называется ин-фолио) или лист складывается так, что из него получаются четыре, шесть, восемь, двенадцать или шестнадцать листиков. Если книга высокая, ее называют столбцовой; если, скорее, широкая, называют языкообразной. Если она больше, чем ее можно связать в одну связку, ее разделяют на несколько частей.

496. Внутренняя часть книги — это название, посвящение,

предисловие (в котором излагается содержание, иногда и разные изречения или сентенции). Потом следует собственно текст, разделенный на отдели, и, наконец, заключение с указателем содержания или опечаток.

497. Тот, кто написал книгу, называется автором, подлинник — автографом, копии — апографами. Издателя, если он одновременно и исправляет текст, называют цензором. Его задачей является оценка подлинности сочинения, не подложно ли оно полностью или частично, и обращение внимания читателя путем отдельных замечаний на правильное чтение, если отдельные экземпляры не отвечают точному смыслу.

498. Хорошо обработанная книга легко продается и поэтому печатается чаще. Однако нужно стараться, чтобы новое издание было всегда богаче по содержанию или хотя бы лучше исправлено. Дай Бог, чтобы не издавались вредные книги!

Зал

XXXIII

Обрабатывание полей

330. Обрабатывающий поля — это повивальная бабка земли. Он одалживает Богу под проценты и осуществляет торговлю с ним, чтобы получить хлеб. Свои силы он тщательно расходует на то, чтобы подготовить поле к посеву, чтобы вверить семена земле, собрать плоды и вымолотить зерна.

331. Способ подготовки состоит в том, чтобы из еще не вспаханной почвы вырвать кустарник и очистить ее, потом вспаханную почву, обессиленную частым обрабатыванием или совсем еще не обработанную, освежить жирным навозом и превратить ее в поле, которое можно снова употребить и которое будет подходящим для того, чтобы два года подряд на нем можно было сеять хлебные злаки. Поле, которое впервые пашут, так же как и поле под паром, на котором сеют только через несколько лет (как это случается там, где много почвы и мало людей), не нуждается в удобрении, так как оно само по себе жирное и плодородное.

332. Когда захочет пахать, запряжет быков в ярмо и погоняет их наконечником. Держит крепко левой рукой рукоять плуга, чтобы он при устраниении камней и глыб не отклонился от направления, правой рукой держит деревянный скребок, сошник которого разрывает землю и устраняет лежащие в ней глыбы, а потом пашет поле. Когда таким способом едет с плугом, зуб плуга вспахивает поверхность земли, сошник разрезает ее снизу, а углубления выравниваются в борозды. Когда допашет борозду до конца поля,

повернется. На другом конце поля повернется потом снова и так повторяет, пока не вспашет весь участок. Потом распряжет быков и освободит их от работы.

333. Когда участок так вспашет и обработанная почва слежится, повторяет свою работу и перепашивает снова, ровно и вкось, и разбивает глыбы тем, что ездит по ним катками или боронует. Если поле слишком влажное, делает канавки, которыми вода отводится. И только тогда почва вспашана, и обработана, и подготовлена для того, чтобы принять посев.

334. Когда со всем этим справится, ходит по полю и сеет (но зерно, которое сеет, не должно быть ни старым, ни попорченным). После этого посеянное зерно боронует, покрывая его землей. Когда хлеба взойдут, полет и чистит самым старательным способом, чтобы их не задушил куколь, растущий одновременно.

335. Когда хлеба пожелтеют и начнется жатва, придут жнецы с серпами или с ножами, такими же, как у виноградарей. Они косят и жнут зрелые хлеба, а потом в охапках раскладывают по земле, чтобы они лучше высохли. Потом охапки сгребают в снопы, которые связывают перевясами и по пятнадцати сносят в кучу. Когда, наконец, придет подходящее время, накладывают развилками и вилами на телеги и отвозят в амбары или наложат под открытым небом в кучи, которые сверху покроют соломой. Собрание колосьев оставляют бедным, стерню — для пастбища скота.

336. Вскоре потом молотильщики разложат злаки и примутся за них с цепями, бьют их, выбивают и добывают из них зерна (древние люди делали так, что по гумну, полному злаков, водили скот или таскали по нему маленькие возики, катки или волокуши). Вымолоченные зерна подбрасывают вверх, и при помощи ветра избавляются от мякины. Если к зерну примешивается какой-нибудь сор, чистят его метелкой из перьев, отделяя зерна от сора. Наконец зерно насыпают в мешки и отвозят в амбары, или сыпят в подвалы, или складывают в ларь.

337. Наследственный хозяин усадьбы иногда сдает в аренду целую усадьбу за годичную плату какому-нибудь крестьянину или сдает в наем только прибыль и урожай предпринимателю (что может устроить поручитель или богатый человек), или пайщику, с которым делит прибыль наполовину, или, наконец (это бывает чаще всего), приказчику, или управляющему усадьбой. Тот нанимается за плату, распоряжается батраками, приказывает сделать необходимые работы и управляет всем, что необходимо для хода хозяйства. Его роль заключается в присмотре за работами и ведении хозяйства.

XXXIX

Строительное искусство

395. Жилищами людей были в самом начале подземные пещеры, потом шалаши из листьев. Позже люди строили хибарки из дерна и хижины из прутьев, которые обмазывали глиной, чтобы жилище было прочнее. Наконец со временем специально обученные рабочие стали строить здания поистине прочные и величественные.

Проследим за их работой, для которой требуется много рук и разных инструментов.

396. Рассмотрим сначала постройки из дерева. Нужно сказать, что подходящие деревья для строительства следует рубить зимой и после полнолуния, чтобы дерево не было трухлявым и в нем не было червоточины. Когда деревья, подрубленные топором дровосека, упадут на землю, у них отрубают ветки и удаляют крону. Из получившегося ствола делают бревна и колоды. Отрубленные ветви складывают в кучу, а хворост употребляют для топлива.

397. Бревна, укрепленные железными крюками, чтобы не двигались, плотник выравнивает, обрубает по плотничьей линейке. При этом отлетают щепки. Бревна пилят пилой, при этом сыпятся опилки. Обработанные таким образом бревна соединяют в стены, скрепляя их железными скобами, — пространство между бревнами набивают войлоком.

398. Потом штукатур покроет стены глиной, смешанной с мякиной и шелухой от зерен. Иногда формируют манные кирпичи из глины и складывают из них стены. Или обкладывают ими целую деревянную постройку и сооружают так прочный дом.

399. При строительстве каменных зданий, само собой разумеется, поступают иным способом. Рабочий каменоломни добывает камни заступом в каменоломне, в этом как бы каменном лесу, или ломает их ломом. Потом каменотес высекает из них долотом и молотком четырехугольные формы, чтобы они хорошо подошли для строительства. При недостатке природных камней, их делают из песка и глины и обжигают. Эти камни называем кирпичами.

400. Каменщик, положив из самых крепких камней фундамент и построив стены (как основные, так и срединные простенки), строит сводчатые помещения. После этого принимается за штукатурку и все украшает лепкой из гипса или мрамора. Потом покроет пол камнями, новыми или старыми, трамбуется его ковром для прочности и покрывает вырубленными из камня плитками.

401. В строительстве опытный архитектор — это творец постройки, он руководит ее осуществлением согласно образцу, который замышляет, а также согласно выработанному плану. Если план начерчен плоскостной, т. е. показывает, как будут выглядеть основания дома, он называется ихнографией; если он начерчен так,

будто мы смотрим с фасада на построенные стены, называется орфографией, а если представляет все полностью, т. е. как все размеры внутри и снаружи связаны между собой, называется сценографией, проплазмой или моделью.

402. Если дом имеет глубокий фундамент и построен из хорошего строительного материала, если у него прочные бревна и стены, если он хорошо укреплен подпорками и столбами, чтобы не обрушился потолок, и если и снаружи укреплен подпорками, чтобы стены были устойчивы, то он долго простоит в хорошем состоянии. Но если он разрушится и упадет, его обновят и снова поставят.

403. Чтобы действительно узнать части дома, поступай в своем размышлении так: если ты стоишь перед дверью у переднего входа, то перед тобой фасад дома. Как только откроешь дверь, увидишь дверную раму. Увидишь по обеим сторонам укрепленные петли, на которых повешены дверные створки. На петлях они двигаются и таким образом закрываются или открываются. На одной из них замок, но он не всегда одного и того же вида. Самым простым способом запираения является задвижка, которая вдвигается в отверстие в дверном косяке, или засов, укрепленный скобой, который двигается крючкообразной отмычкой, или замок, который запирается и открывается ключом. Замок или скрыт внутри — тогда это лаконский замок, — или висит снаружи и удерживает дверь на цепи.

404. Если ты увидишь, что дверь заперта, постучи. Когда прищелкнет выгланет через решетку или проволочную сетку окна, попроси его, чтобы он тебе открыл. Когда войдешь вовнутрь, подними выше ногу, чтобы не споткнуться о порог, а голову наклони, чтобы не удариться о притолоку. Когда будешь входить, открывай створку двери медленно, чтобы петли не скрипели.

405. Когда войдешь, попадешь во внутренний двор, или в имплувий, или сразу же прямо в сени. Оттуда в другие помещения. По ступенькам лестницы, простой или винтовой (если дом двухэтажный или трехэтажный), поднимешься на верхние этажи. У дома есть дверь и в тыльной стороне — это черный ход.

406. Когда войдешь в дом, ступишь на пол, который утрамбован деревянным молотом или вымощен плитками или кирпичом. Над тобой будет небо помещения — потолок, который сделан также из плиток или соединенных досок и бывает сводчатым, или мозаичным, или украшен пестрыми рисунками.

407. Крыша, которая держится на столбе, делается обычно трех видов. Или так, чтобы дождевая вода стекала только на одну сторону, или в виде гребня, по которому вода стекает на две стороны, или сводчатая, по которой вода стекает на четыре стороны. В некоторых домах крышу покрывают зеленым дерном, в других — соломой, или деревянным шифером, или глиняной черепицей. Под

все это поперек подкладывают бруски. Бруски крепятся на стропила. Два стропила, соединенные наверху, тянутся к противоположным стенам дома и подпирают крышу. Концы стропил держатся на перекладинах, перекладины — на выдвинутых концах бревен, называющихся настилом. Чем длиннее выдвинутый настил, тем большую образует переднюю крышу. Она используется для сооружения колоннады и аркад, предназначенных для прогулок, или для строительства висячих балконов или широких веранд, или в конце концов для устройства выдвинутых балконов.

408. Нужно ли говорить о том, что человеческая спесь строит не только то, что необходимо, но для великолепия и восхищения? Какие бессмысленные строения возникают везде! Подземные коридоры и помещения или другие сооружения под открытым небом, высоко возвышающиеся в воздух и превышающие дома. Или башни, крыши которых поднимаются в поразительную высоту. Или пирамиды, каменные строения чудовищной величины, имеющие квадратный фундамент и поднимающиеся почти до облаков. Или обелиски, правда меньше пирамид, но острее поднимающиеся в высоту и обыкновенно высеченные из одного камня. Или колоссы, имеющие человеческий облик, но достигающие высоты гор. Или лабиринты, из которых из-за запутанности стен и путей нельзя вернуться. Или в конце концов передвижные дома, сделанные из соединенных досок.

XI

Письмо, книги и вспомогательные искусства

486. Письмо — это немая речь, голос, заключенный в знаки, направленный к нам тем, кого нет рядом ни в пространстве, ни во времени. Но не все употребляют одинаковый способ письма. Египтяне сообщали своим современникам и потомкам тайны при помощи знаков — иероглифов. У китайцев также есть знаки, которыми они обозначают не слова, но вещи. Эти знаки удобны тем, что и народы с иными языками могут говорить друг с другом руками и этими знаками, которых больше восьми тысяч. У нас есть более подходящий способ письма — буквы. Это знаки самых малых звуков, издаваемых устами; при складывании их возникают слова, предложения, книги. Это чудесно, что посредством немногих строк, составленных определенным способом, можно изобразить все, да будет это что угодно и где угодно, о чем люди знают, о чем говорят и что делают. А из этого исходит для мира такое большое добро. Буквы действительно являются дельфским мечом; их можно употребить для всего.

487. Если ты ищешь подходящий материал для письма и письменные принадлежности, то сообщая, что древние народы высекали свои знаки молотком на камне. Позже их вырезали на дереве, особенно на буковом, разрезанном на плитки и отшлифованном острым железом. Позже их вырезали на коре вербы или на широких листьях деревьев (пальмовых, оливковых и просвирняковых), на кусках полотна, покрытого воском или гипсом, костяным или железным резцом. Потом записывали достопамятные вещи тонким нильским тростником на овечьей коже, которую для этой цели начали готовить в Пергаме.

488. Потом последовало изобретение бумаги (папирус), которая получила название от египетского растения, имеющего вместо внутренней коры очень тонкие и широкие покровы. Их отделяли иглой один от другого, намачивали в воде с распущенным клеем, выпрямляли на прессе, сушили на солнце, а потом складывали в книги по двадцать страниц. А потом изобрели бумагу, которую мы употребляем теперь. Ее делают из льняных тряпок и сворачивают в меньшие и большие свитки.

489. Материал, из которого делают чернила для писания, это дубовые желуди и витроль, к которым прибавляется немного квасцов и резины, чтобы воспрепятствовать появлению плесени. Вместо тростника теперь употребляют гусиные, павлиньи, орлиные и другие перья, имеющие подходящий стержень. Так как со способом их употребления ты недавно познакомился, не буду повторять его. Только желаю, чтобы ты удивился, как такая маленькая вещь может приносить столько пользы. Что такое, собственно, перо писца? Не является ли оно неживым, конечно, соперником нашей речи, который выдает все, что нам не известно? Чей иной голос проникает к самым отдаленным людям, в другой мир и к самым поздним потомкам?

490. Народы имеют не одно и то же направление письма. Евреи и другие восточные народы начинают писать от правой руки и продолжают в левом направлении. Греки и остальные европейцы пишут в обратном направлении. Некоторые индусы пишут в вертикальном направлении по способу веревки, висящей сверху вниз. Как ты думаешь, что лучше? Постоянное употребление того или иного способа делает его обычным.

491. Что касается скорости письма, то желательно было бы, чтобы пишущее перо скоростью равнялось речи. Из сочинений Цицерона и других писателей его времени известно, что древние знали более скорый способ письма, а именно знаки, которыми успевали записать речь, и называли его скорописью (тахиграфией). Эти знаки, которые ввиду неблагоприятного времени и человеческой небрежности потерялись, обновили в своей стране англичане и назвали стенографией. Однако у нас есть, слава Богу, еще спо-

соб еще быстрее размножать книги. Это типографское искусство, изобретенное более двухсот лет тому назад. Два человека в течение одного-единственного дня типографским способом размножают больше написанных листов, чем могли бы написать рукой двести писцов за целый месяц.

492. У типографов есть бесконечное число металлических литер, так удобно разложенных в клетках, что они могут выбирать очень быстро по одной из них и составлять слова, стихи и страницы. Потом эти страницы сжимают железными планками и вкладывают в станок. После этого их кроют краской, кладут на них чистые листы и сразу же печатают в любом количестве. Так, как воспевал поэт Галлий:

В день напечатает больше, чем за год!
 Земля немецкая, дара создатель,
 Древний дар пользой своей превзошедшего,—
 Учишь нас книги писать в мгновенье ока ты.

493. Способ соединения листов в книгу у нас иной, чем у древних. Когда-то типографы клеили одну страницу к другой так, что развернутая книга занимала большое пространство. Поэтому ее сворачивали и называли свитком. Наши типографы связывают страницы в связку так, что можно переворачивать листы один за другим. Отдельные листы выпрямляют, складывают и выбивают (чтобы книга потом не раздувалась), сшивают на корешке, который подклеивается, а потом обрезают с трех сторон, чтобы все было ровным. Потом книгу вложат в корки, чтобы она была прочной, корки соединят медными и серебряными пряжками или свяжут кожаными или шелковыми язычками. На книги большого формата прикрепят и пуговичные половинки (медные, серебряные или золотые, если книга этого достойна; жемчуг нужно закрывать в раковины).

494. Таким способом размноженные книги покупают книготорговцы, чтобы в большом количестве выставлять для продажи в книжных магазинах. Оттуда их приобретают библиотекари и разделяют по библиотекам публичным и частным. Как ты ответишь на вопрос: что такое библиотека? Конечно, она является собранием мудрых мужей, уже умерших, молчаливым собранием народов, это произведения одаренных людей, собранные в сокровищнице, это аптека духа. А что такое библиотека, которой никто не пользуется? Кладовая мышей, жилище моли, сборище пыли, театр ничтожества, упрек человеческой глупости.

495. Вернемся к внешнему виду книги. Что касается этого, то книга может быть составлена или из целых листов (фолий), или из листов, сложенных вчетверо, восьmero, двенадцатерo, шестнадцатерo и больше. Книга, вытянутая сверху вниз, называется столб-

цовой; если она вытянута справа влево, ее называют языкообразной. Она может быть в одной связке или разделена на несколько частей.

496. Если рассматривать внутренний состав книги, то следует сказать, что все книги имеют общие части. Прежде всего это название (его обыкновенно печатают красной краской; до сих пор остроумно говорят, чтобы красное не преобладало над черным, т. е. чтобы название не обещало больше, чем содержит книга). Потом обыкновенно следует посвящение какому-нибудь патрону; потом пролог, другими словами, предисловие для читателей, в котором излагается, что содержит книга. Часто книгу рекомендуют напечатанные изречения ученых мужей (однако хороший товар сам себя хвалит). Наконец, собственный текст книги, то, о чем она рассказывает, разделенный на отдельные разделы. Еще прибавляется заключение, потом указатель, в котором можно найти то, что содержит книга.

497. Автор должен писать книги сам, а не переписывать (хотя и не считается нечестным пришить кусок чужого пурпура, если это сделать со вкусом), и писать то, что достойно увидеть свет, а не быть преданным огню. Нужно старательно относиться к правописанию книги, чтобы при переписывании текст не был нарушен. Иначе автор рискует попасть под метлу цензоров и ему угрожает опасность, что они его пронзят стрелами своей критики. Настоящие цензоры — это солнце и соль словесности, но когда солнце скорее высушит блюда, которые должно было улучшить, то чрезмерно критичные критики больше испортят, чем улучшат.

498. Книга, которая должна победить, должна обладать духом, говорит поэт. Ибо то, что не имеет духа, не может быть пищей человеческих умов и не может доставить удовольствие. А так как каждый прошедший день приносит поучение для дней грядущих, нужно блюсти, чтобы книги при каждом издании обогащались светом познания. Если книга бессодержательна, то жалеть надо не о том, что зря потрачена бумага, но о том, что такая книга портит мысли читателей, и жалеть тем более, что часто книги, достойные того, чтобы их покрыли кедровым маслом, отвергаются или остаются скрытыми. Дай Бог, чтобы не печатали плохие книги, а только такие, о которых было решено чистым и утонченным суждением опытных и благочестивых мужей, что они достойны жизни, а не смерти.

Школа-игра

Часть III, действие 2, явление 2

Обработка полей

(На сцену выходят пахарь с погонщиком, два жнеца и два молотильщика со своими инструментами и приветствуют короля по-деревенски. После них входит счетовод с бумагой и пером.)

Король: Выслушай этих, Аполлоний.

Аполлоний: Вы правильно сделали, подчинившись воле короля. Вы готовы отчитаться за свои работы?

Пахарь: Почему нет? Я обрабатываю поле, чтобы вырастить хлеб.

Аполл: Что это — обрабатывать поле?

Пахарь: Подготовить поле к посеву, потом посеять семена, а потом убрать плоды.

Аполл: Каким способом ты подготавливаешь поле?

Пахарь: Когда я получу непаханую почву, полную кустарника, сначала вырву его вот этой тяпкой. Если поле вспахано, но обессилено урожаем плодов, удобрю его, чтобы полем можно было снова пользоваться.

Аполл: Что это такое — снова используемое поле?

Пахарь: Это такое поле, на котором можно сеять через год хлеба. Непаханое поле — это такое поле, где можно сеять раз в два года, и поэтому его не нужно удобрять так же, как и почву, которая вспахивается впервые, или отдохнувшее поле, которое не обессилено.

Аполл: Как проводится пахота?

Пахарь: Вот этот мой юноша (*показывает на погонщика*) погоняет наконечником быков, запряженных в плуг, я иду за плугом, левой рукой держу клетку плуга, правой вот этот скребок, которым отгребаю глыбы, возникающие тогда, когда сошник под собой, а зуб резца перед собой разрывают землю. Так возникает борозда; грядка — это углубление борозды под моими ногами; вспаханная земля, отгребенная направо, образует край. Когда вспашем борозду через весь участок, повернемся (вот так!), и так поворачиваемся после вспахивания каждой борозды столько раз, сколько нужно, чтобы вспахать весь кусок земли. Когда так вспашем землю, повторим это снова, а если нужно — и два, и три раза. Если на поле много комов, выравниваем его тем, что катаем каток (*показывает, как это делается*) или боронуем. На мокром поле делаем канавки, которые отводят воду. И только тогда участок подготовлен как поле.

А п о л л.: А что вы делаете потом?

П а х а р ь: Потом начну сеять и рассеиваю семена, подходящие для посева. Когда я закончу сеять, этот юноша посев заборонит, и тем наша работа окончена. Семена прорастают сами по себе, и вырастают всходы, стебли и колосья, если к ним не примешается куколь, который мы выподем, чтобы он не задушил посев.

А п о л л.: А что вы делаете со зрелыми плодами? Скажи нам ты, держащий серп!

Ж н е ц: Когда хлеба пожелтеют и зерна нальются, посылают на поле нас, жнецов, в большом количестве. Мы жнем хлеба этими кривыми серпами или косим этими острыми косами. Посеченные и сжатые хлеба собираем в охапки, потом охапки в снопы, которые связываем перевяслами и носим по пятнадцати в кучу. Собираение колосьев оставляем бедным, а стерню — для пастбища скота. После этого придет хозяин и вилами наложит снопы на телегу, и отвезет их в амбар или сарай (который покрыт крышей, держащейся на столбах и может подниматься или снижаться) или просто складывает в больших кучах, в стог.

А п о л л.: А что делаете вы с этими деревянными цепами? Не должны ли вы молотить хлеба?

М о л о т и л ь щ и к: Конечно.

А п о л л.: Древние молотили хлеба, вода по ним скот, или добывали зерно, прокатывая по хлебам воз или каток. А как вы это делаете?

М о л о т и л ь щ и к: Сегодня мы добываем зерна из колосьев более легким способом. Молотим колосья вот этими палками, на которых висит падающий молоток (вот так!). Вымолоченные зерна потом подбрасываем вот этой лопатой (если дует ветер) вверх (вот так!), чтобы отделить мякину. Мелкую мякину отделяем вот этой метелочкой из перьев. Этим ситом отделяем сор, а после этого чистые зерна относим в амбары или, чтобы спрятать от врага, в подземные подвалы. Солому, оставшуюся после вымолота, связываем в связки. Это все, что мы делаем; большому мы не научились.

А п о л л.: А что, наконец, делаешь ты с бумагой и пером? Чего ты здесь хочешь? Кто ты?

С ч е т о в о д: Я веду счета. Мой господин меня послал с этими людьми как сторожа, чтобы они не крали.

А п о л л.: Эти простые и добрые люди умеют красть? А кто твой хозяин?

С ч е т о в о д: Наследственный хозяин этого поместья. Он иногда сдает в аренду свои владения как хозяин съемщику, или какому-нибудь крестьянину на всю жизнь за годичную плату или какие-нибудь услуги, или сдает в наем только прибыль с урожая на несколько лет предпринимателю (этот землепользователь называется арендатором), или пайщику, чтобы делиться с ним при-

былью, например, так, что один предоставит почву, а другой семена и труд, или отдаст приказчику, чтобы хозяйничал на земле за договоренную плату. Все они пользуются услугами этих пахарей, сеятелей, жнецов и молотильщиков.

Аполл: А тебя поставили над ними всеми, чтобы ты их сторожил?

Счетовод: Да.

Король: Этого хватит. Идите теперь на свои работы! Не годится, чтобы вы долго бездельничали.

Часть III, действие 3, явление 4

Строительное искусство

(Строитель с учеником. Потом, когда их позовут, войдут двое рабочих, плотник и каменщик.)

Строитель: Это действительно так? Ты захотел познакомиться со строительным искусством?

Ученик: Очень.

Строитель: А знаешь ли ты, что такое строительное искусство?

Ученик: Это умение хорошо строить.

Строитель: А что вызвало твое желание?

Ученик: Недавно я читал, что люди первоначально жили только в пещерах и шалашах из листьев. Позже начали строить хижины из дерна и избы из прутьев лозы, которые обкладывали глиной. После этого научились сооружать постройки, отличающиеся прочностью и красотой: дома, дворцы, города. Я также читал, что строили и скрытые подземные коридоры, и высоко в воздух возвышающиеся башни с очень крутыми крышами, пирамиды, обелиски и колоссы, постройки, приводящие в восторг своим величием, и лабиринты с запутанными коридорами, в которых вопедший не найдет выхода, и, наконец, подвижные дома. И было там написано также, что строительное умение основано на тайне числа, меры и веса и что это нечто такое, что является вершиной всей математики. Кто бы не загорелся желанием познать эту науку?

Строитель: Да, это так. Но ты в математике не разбираешься и не сможешь проникнуть в ее глубину. Однако я хочу исполнить твое желание и познакомлю тебя в общих чертах, понятным способом со строительным искусством.

Ученик: Я буду тебе за это благодарен.

Строитель: При строительстве сотрудничают: строитель, рабочие и инструменты. Строитель — это руководитель постройки, который управляет ее сооружением по образцу, выду-

манному им заранее, или нарисованному на бумаге, или сделанному из дерева. Это называется модель, ее ты как раз видишь перед собой. Исполняющими работниками являются плотники и каменщики, которые должны хорошо разбираться в своей работе, чтобы не построить что-то такое, что могло бы упасть. Знаешь, что мне пришло в голову? Давай позовем их сюда и поговорим с ними о строительстве. Так ты легко познаешь их работу и познакомишься с их инструментами и их употреблением.

У ч е н и к: Это мне нравится. Да будет это так!

Ст р о и т е л ь: Рабочие, рабочие, где вы? Идите сюда!

П л о т н и к: Кто нас зовет? Мы здесь.

Ст р о и т е л ь: Мы получили задание построить большой, красивый и прочный дом. Хотите нам помочь советом и трудом своих рук?

П л о т н и к: Совет можно дать бесплатно. Но труд требует денег.

Ст р о и т е л ь: Давайте размышлять, что нужно для того, чтобы построить большой дом.

П л о т н и к: Большое место для постройки, достаточно строительного дерева и много рабочих.

Ст р о и т е л ь: А что нужно для того, чтобы дом был красивым?

П л о т н и к: Чтобы он надлежащим образом распростирался в длину, ширину и глубину, снаружи и внутри.

Ст р о и т е л ь: Вот, здесь я сделал модель будущего дома. Посмотри, отвечают ли взаимно все размеры.

(Плотник берет модель в руки, рассматривает ее молча, поворачивает туда и сюда.)

П л о т н и к: Все это правильно. Фасад действительно красивый, сени достаточно большие, эти передние двери *(на все показывает пальцем)* достаточно широки. Порог не настолько высок, чтобы тот, кто входит, споткнулся о него, притолока достаточно высока, чтобы не удариться об нее головой. Дверная рама на обеих сторонах достаточно крепка, чтобы удержать в петлях повешенные на них створки двери; левая скоба — чтобы в ней прочно держался засов и нельзя было выломать замок, будь он скрытым внутри, лаконским, или висящим снаружи. Этот засов, укрепленный на двери, открывается задвижкой — это все правильно. Также соглашаюсь, что ты сюда поместил зарешеченное окно. Если кто-нибудь чужой захочет войти, увидит, что дверь заперта, и постучит. Привратник раньше, чем открыть, посмотрит через зарешеченное окно, чтобы узнать, кто приходит, друг или недруг. Через передний вход войдем во внутренний двор. Так это надлежит в больших домах. Оттуда войдем под арку или на колоннаду, которая предназначена для прогулок. Наконец, войдем в сени.

Хорошо. Оттуда вход в остальные помещения, а также выход наружу — черный ход. Так это и нужно! А так как ты хочешь, чтобы дом не был только двухэтажным, а трехэтажным, одобряю, что ты определил, чтобы вход с нижнего этажа на средний был по ровной лестнице, а оттуда на верхний этаж по винтовой лестнице. Крыша, держащаяся посередине на столбе, будет или гребнеобразная, или такая, чтобы по ней стекала вода на две стороны. Бруски правильно лежат на стропилах. Расходящиеся в стороны плечи стропил надлежащим способом лежат на перекладинах, перекладины в свою очередь на высунутых концах бревен. Они совершенно правильно гнутся в длину так, что могут образовать переднюю крышу, настолько широкую, чтобы под ней можно было устроить балкон, или веранду, или вот этот выдвинутый угловой балкон. А что ты хочешь положить на балки? Чем хочешь покрыть свой дом? Крышей из дерна? Ни в коем случае! Даже гонт не такой выносливый и безопасный от огня. Черепица была бы лучше всего. Ты хочешь, чтобы эта часть крыши была открыта? Хочешь, чтобы у тебя здесь было свободное пространство под открытым небом, которое итальянцы называют альнаном? Прекрасно! Но ты должен позаботиться о том, чтобы пол был старательно сделан, чтобы он не размякал от дождя, да будет он утрамбованным деревянным молотом, или покрытым кирпичами, или вымощенным мелкими камнями. И так же нужно сделать и во всех местах под крышей, где мы ходим по полу. Над нами будет потолок, сделанный из досок или сводчатый. Все в этом плане есть.

А п о л л.: А скажи нам теперь, что нужно для того, чтобы дом был прочным?

П л о т н и к: Если у него будет глубокий фундамент, если он будет построен из дерева или камня, внутри умело подпертый столбами, чтобы не обрушился потолок, снаружи укрепленный подпорками, чтобы не трясся, то он выдержит долгое время в хорошем состоянии. Если он начнет клониться, его нужно снова подпереть подпорками. Если упадет или обрушится, нужно построить снова.

С т р о и т е л ь: Я вижу, что ты хорошо разбираешься в своем деле. Скажи нам что-нибудь о строительном материале. Что нужно соблюдать, когда мы строим из дерева?

П л о т н и к: Деревья, подходящие для строительства, нужно рубить зимой и после полнолуния, чтобы в дереве не было червоточины. Дровосек пусть выберет ровные деревья и, когда их срубят, пусть отделит ветви, а из ствола сделает бревна. Если их сушить год или два, то они будут хорошим материалом для строительства.

С т р о и т е л ь: А что при этом будешь делать ты?

П л о т н и к: Мы, плотники, поднимем колоды над стропи-

лами и прикрепим их железными крюками, чтобы не двигались. Потом вымеряем их вот этой плотничьей линейкой и согласно этой цветной линии обрубим их топором, причем летят щепки, потом распилим пилой, отчего сыпятся опилки. Когда все как надо разрезано, соединяем стены, закрепляя бревна железными скобами, а промежутки набиваем мохом. Потом штукатур покроет дом илом, смешанным с мякиной или шелухой зерна. Иногда, не употребляя дерево, строятся стены из кирпича, сформованного из ила.

Строитель: При строительстве каменных зданий поступают иначе. Каменщик, расскажи нам как следует об этом!

Каменщик: Прежде всего рабочий найдет камни, или их насобирает на полях, или выдолбит заступом и ломом в каменоломне. Каменотес потом придаст им при помощи долота четырехгранную форму, чтобы они хорошо подходили для строительства. Там, где мало камня, выжигаются кирпичи. Они делаются из глины, смешанной с песком. Когда все сделано, каменщик положит прочный фундамент, а на нем, руководясь уровнем (т. е. отвесом), сооружает стены такой вышины, как нужно, потом каждую комнату покроет сводчатым потолком. После этого штукатур подровняет стены и побелит гипсовой штукатуркой. Полы покроет разбитыми камнями, утрамбует или обложит каменными плитками.

Строитель: Хочешь еще что-то добавить?

Каменщик: Мне уже не приходит ничего в голову. Я научился работать, но не научился говорить о своем труде.

Строитель: Спасибо, вам, друзья, за любезные советы. Что касается разговора о самом строительстве, увидимся в другое время.

Часть IV, действие 2, явление 1
Письмо и книги

(Писец со своими инструментами.)

Король: Выслушай теперь этого мужа, Аполлоний!

Аполлоний: Сюда должны были позвать того, кого называют писцом. Это ты?

Писец: Да, это я, господин.

Аполл.: А кто это — писец?

Писец: Писец — это тот, кто внутренние мысли человека выражает внешними знаками.

Аполл.: Сколько видов этих знаков?

Писец: Три. Самые древние — это пероглифы, которые когда-то употребляли египтяне, обозначая вещи какими-то рисунками. Например, если кто-то хотел выразить божие провидение, рисовал открытый глаз. Если хотел выразить чью-нибудь небрежность при исполнении своих обязанностей, выражал ее закрытым гла-

зом; мудрость обозначал, нарисовав змею, и так создавал бесконечный ряд знаков. Далее, это действительные буквенные знаки, которые до сегодняшнего дня употребляют китайцы. Их пишут народы разных языков, но каждый их читает на своем языке. Мы в Европе имеем буквенные знаки этого типа и в цифрах. Если мы напишем 1657, это обозначает для всех одно и то же, но по разному произносит в своей речи человек, говорящий на латинском языке, поляк, немец, венгр и т. д. Если бы мы могли и иные вещи выражать так, как это могут китайцы, это было бы полезно, потому что мы могли бы при помощи пишущей руки говорить и поддерживать связь и с теми, язык кого для нас непонятен. Наконец, третий способ — это наши буквы, знаки самых меньших звуков, которые издаст наш язык: *а, б, в* и т. д. Сложенные вместе, они дают возможность возникнуть словам, предложениям и книгам.

А п о л л.: Ты хорошо различаешь и ясно объясняешь. Но какой способ из этих трех видов знаков кажется тебе самым совершенным?

П и с е ц: Буквы, так как ими можно все очень точно выразить и при их помощи мы можем учиться и незнакомым для нас языкам.

А п о л л.: Прекрасно! Писали буквы всегда так, как мы их пишем?

П и с е ц: Вовсе нет. Древние народы не знали ни нашей бумаги, ни чернил, ни пера, ни того, что еще к этому принадлежит.

А п о л л.: В таком случае как они писали?

П и с е ц: Сначала высекали буквы молотком на камнях, как это до сих пор делаем и мы на надгробных плитах, чтобы письмо долго выдержало. Потом их вырезывали долотом на дереве, особенно буквом, которое разрезали на плитки и шлифовали. Позже буквы вырезывали железным резцом на коре вербы, или на листьях пальмы или просвирняка, или на кусках полотна, покрытого воском или гипсом. Еще и сегодня у нас есть плитки для письма, покрытые гипсом. Посмотрите! *(Нужно заметить, что изложение необходимо сопровождать тем, что вещи, о которых идет речь, показывать.)* Потом писали на пергаменте (т. е. на пленке, которую делали в городе Пергаме из овечьей кожи) нильским тростником (чтобы ты понял, тонким камышом, который растет возле Нила). Только потом изобрели бумагу из папируса, растения длиной в два локтя, у которого вместо коры очень длинные и очень тонкие покровы. Их отделяли иглой, намачивали в воде с клеем, потом распрямляли на прессе, сушили на солнце и растягивали в свитки по двадцати листов. Мы теперь употребляем бумагу, изготовленную из тряпок, чернила и гусиные перья.

А п о л л.: О бумаге не нужно говорить, так как мы сюда позовем производителя бумаги. Скажи нам, как делаются чернила для письма.

П и с е ц: Возьмем любое количество дубовых желудей, шестую часть его веса витриоля и прибавим к нему одну пятнадцатую резины и немного квасцов, чтобы воспрепятствовать пропитыванию через бумагу и плесневению чернил.

А п о л л.: Как нужно сделать перо, чтобы им можно было писать?

П и с е ц: Я это не только скажу, но и покажу. Возьмем перо (гусиное или лучше всего павлиное), у которого прочный и прозрачный стержень, такой, как вот здесь. Сначала обскребу его шероховатость тупой стороной ножика (вот так!), острием обрежу перья, а головку стержня надрежу на обеих сторонах так, чтобы были две ножки. (Так!) Потом (смотрите!) расщеплю их, сделаю надрез, куда будут стекать чернила, разрежу вокруг и равномерно заострю. После этого намочу его в чернила и пишу (*пишет*), а когда допишу, положу его в пенал (*делает так*).

А п о л л.: Не хочешь ли ты рассказать еще больше о письме?

П и с е ц: Евреи и другие восточные народы пишут справа влево (вот так!), греки и мы, остальные европейцы, пишем слева вправо (так!). Некоторые индусы пишут сверху вниз, и так же это можно читать. Кроме того, древние народы знали скоропись, искусство писать сокращениями, посредством которой не только успевали записать речь, которую кто-то диктовал, но и когда свободно говорил. Это искусство недавно снова возобновили англичане и назвали стенографией. Но у нас есть еще быстрее и лучше способ, чем эти, а именно книгопечатание. При помощи него один человек за единственный день при помощи станка переписет больше, чем могли бы написать 600 писцов пером.

А п о л л.: Эта вещь известна, мы сейчас будем говорить с самим типографом. Король хвалит твою услужливость и заверяет тебя в его королевском покровительстве.

Часть IV, действие 2, явление 2

(Люди, занимающиеся книгами: производитель бумаги, типограф, переплетчик, книготорговец, библиотекарь, входят со своими инструментами.)

К о р о л ь: Эратосфен, поговори с этими мужчинами!

Э р а т о с ф е н: Вы все занимаетесь работой с книгами?

П р о и з в о д и т е л ь б у м а г и: Я делаю материал для книг, бумагу.

Т и п о г р а ф: Я печатаю то, что содержат книги, письмо.

П е р е п л е т ч и к: Я даю книгам внешнее оформление, переплет.

К н и г о т о р г о в е ц: Я продаю людям книги.

Библиотекарь: Я покупаю их, собираю их как сокровища мудрости и забочусь о них.

Эратосфен: Все вы занимаетесь достойным трудом. Расскажите нам о нем подробнее!

Производитель бумаги: Я посылаю своих служащих от улицы к улице, чтобы скупали старые, изношенные куски полотна. Разорву их, раздроблю, намочу в воде с клеем и разложу их на листы (вот так!). Так я делаю то, что по древнему обычаю называется папирусом. Потом складываю в меньшие или большие свитки, которые содержат двадцать пять листов. Двадцать свитков образуют большую связку (черта), десять таких связок составляют самую большую связку (пакет). Потом бумагу продаю, дальше мне с ней уже нечего делать.

Эратосфен: А что ты делаешь, типограф?

Типограф: У меня есть большое число шрифтов, литер, вылитых из металла, которые распределены вот в этих клетках. Мой наборщик выбирает их одну за другой и складывает слова, слова в строчки (по этой наборной линейке), строчки в полосы и страницы (лист имеет две стороны, но одна сторона может иметь иногда две, три или четыре полосы). Когда он наберет столько страниц, сколько нужно для заполнения типографского листа, стягивает все железными планками, чтобы не распались. Потом типограф вложит весь комплект (его называют формой) в станок и покрывает черной типографской краской (приготовленной из угольного порошка и льняного масла), придавливая на форму положенные листы и таким образом в мгновение напишет весь типографский лист, а за один день даже больше тысячи листов, и все вполне точно, если первый экземпляр был хорошо исправлен образованным и прилежным корректором. Когда мы достигнем нужного числа оттисков (столько, сколько мы хотим получить для одного издания, да будет это сто или тысяча), вытащим шрифт из станка, вымоем его и опять распределим в клетки (или ящики), чтобы его можно было снова сложить для иного текста. Типографские листы, которые мы собрали со станка, высушим и составим их так, чтобы представляли полные экземпляры книг, готовых к продаже.

Эратосфен: Переплетчик, расскажи нам и ты, какую долю ты вносишь в производство книг.

Переплетчик: Моей задачей является переплести книги, чтобы их можно было удобно брать в руки. Я слышал, что раньше люди, занимающиеся моим ремеслом, назывались склейщиками, так как они приклеивали один лист к другому по нижнему краю, так что возникал длинный ряд, который можно было свернуть в свиток (вот так!). Теперь нас называют переплетчиками, так как мы складываем авторский лист в листы, потом их выбиваем, сшиваем, клеим на корешке и обрезаем вот этим рубанком. По-

том их вяжем в деревянные или бумажные корки, которые покрываем пергаментом, кожей или шелком, украшенным золотом, на обе корки приделаем пряжки или язычки. На большие книги прирепляем на углах и в середине пуговичные половинки. (Вот!)

Э р а т о с ф е н: Имеют книги разной величины и свое собственное название?

П е р е п л е т ч и к: Конечно, имеют. Книги самого большого формата называют фолиант (еще большего — королевский фолиант). Вот это меньшие форматы в четверть листа, в восьмую, двенадцатую, шестнадцатую, восемнадцатую и двадцать четвертую часть листа (показывает каждый из них). Из них складывается авторский лист в два, четыре, восемь, двенадцать, шестнадцать, восемнадцать и двадцать четыре листа. Книга, протянутая в ширину, называется языкообразной, в длину — столбообразной. Если книга слишком большая, чтобы войти в одну связку, разделяется на несколько, как, например, сочинения Цицерона.

Э р а т о с ф е н: Расскажи нам о своей деятельности, книготорговец!

К н и г о т о р г о в е ц: Я сортирую книги по их цене, переплетенные или в необработанном виде (так называются непереpletенные книги), и продаю или дома в своем книжном магазине, или на рынке в отдельных местах, чтобы все имели возможность купить себе эти лейки мудрости.

Э р а т о с ф е н: А что ты, библиотекарь, делаешь с книгами?

Б и б л и о т е к а р ь: Я отовсюду покупаю лучшие книги, сдаю их в переплет, отношу их в библиотеку и разделяю их в определенном порядке на высокие полки. Далее составляю каталоги книг, чтобы каждый мог найти то, что ему нужно. Также лучшие книги выкладываю на читательскую стойку, чтобы проходящие читатели могли их сразу читать.

Э р а т о с ф е н: Это все правильно. Но я должен вам всем, кто имеет дело с книгами, именем короля сделать замечание, что о вас идет нехорошая молва. Будто вы хотите пользоваться привилегиями общества людей ученых, которым вы служите, но, что касается вашей жизни и нравов, не хотите отличаться от толпы грубых ремесленников, предаетесь гнусному ничегонеделанию, кутежам и подобным мерзостям. Так ли это? Молчите? Исправьте нравственность, иначе мы вас изгоним в цех ремесленников последнего ряда.

Часть IV, действие 2, явление 3

(Издатели книг, цензор, писатель.)

К о р о л ь: Может быть, с этими хочешь поговорить ты, Платон?

П л а т о н: Королевское дело приказывать, а наше — слушаться. Отчитайтесь и вы за вашу деятельность! Занимаетесь ли вы одинаковой работой или разной?

И з д а т е л ь: Мы оба издаем книги, он древние, а я новые, те, которые были только что написаны.

П л а т о н: Какие древние книги?

Ц е н з о р: Мы находим сочинения таких авторов, которые написали нечто мудрое и которые до сих пор были скрыты в библиотеках; благодаря типографскому искусству мы издаем их, чтобы с ними познакомился и наш век.

П л а т о н: А есть ли у вас подлинные и непорочные экземпляры древних книг?

Ц е н з о р: Не всегда, господин. Автографы, т. е. экземпляры, которые написали авторы сами (их называют подлинники), не сохранились до нашего времени, апографы (т. е. переписанные экземпляры) часто так отличаются один от другого и по названию, что трудно решить вопрос о подлинности сочинения, не является ли оно подделкой, а также о правильном чтении тех мест, где отдельные экземпляры отличаются один от другого. Роль хорошего критика заключается в том, чтобы все исследовал на основании ясных предположений и открыл читателям настоящий взгляд автора — или заметками, вложенными в текст, или отдельными объяснениями на полях страниц, или в конце каждой главы, или в конце книги.

П л а т о н: Это, вне сомнения, большая работа.

К р и т и к: Нужно признать, что это очень трудная работа, но полезная, ибо таким способом то, что познали умы давних времен, мы предоставляем умам нашей эпохи и получаем пользу из того, что они открыли.

П и с а т е л ь: Но так как они не могли знать все и намного больше, чем открыли сами, оставили для открытия потомству, мы, я и подобные мне, стараемся не быть худшими, чем наши предки, и то, что нам удастся найти лучшее, публикуем, дабы свет увеличивал свет.

П л а т о н: За это вы заслуживаете похвалу. Но только в том случае, если то, что вы выдаете за свет, не является тьмой. Скажите, как вы составляете книги и их содержание.

П и с а т е л ь: На первый лист пишется название, обозначающее, о чем рассказывает книга. Потом следует посвящение книги какому-нибудь патрону, потом предисловие к читателю, излагающее более широко содержание книги и знакомящее его с правильным пользованием. К этому бывают прибавлены изречения, прославляющие автора и книгу, написанные его друзьями. Далее следует собственное ядро книги, т. е. изложение разбираемого в

ней материала, разделение на главы и отделы и, наконец, заключение со списком содержания и указателем ошибок.

П л а т о н: Везде здесь примешивается немного тщеславия, но помолчим об этом. Только единственное припомню вам: если вы хотите, чтобы ваши книги продавались и были полезными для читателя, старайтесь, чтобы они были написаны о хороших вещах и чтобы они были хорошо обработаны. А если они дождутся нового издания, блюдите, чтобы любое новое издание было обогащено новыми знаниями или хотя бы исправлено так, чтобы не осталось ни одной ошибки. И остерегайтесь когда-нибудь издавать вредные книги!

П и с а т е л ь: Будем стараться.

(Уходят, а король обращается к своей дружине.)

К о р о л ь: Мы выслушивали тех, которые готовят путь к образованию. Может быть, нам призвать тех, которые образованность переносят из книг на людей.

П л а т о н: Этого требует необходимость, ибо наличие учебных книг не избавляет еще людей от варварства. Посему я советую, чтобы сюда были призваны учителя и ученики из школ, чтобы мы узнали, что там делают и как. И советую сначала призвать сюда члена школьного надзора (схоларха) и директора школы (дидакта), чтобы мы от них узнали, в каком состоянии школы, и могли взвесить, каким оно должно быть и можно ли его улучшить.

К о р о л ь: Это разумный совет. Да будут призваны один за другим, сначала член школьного надзора. С ним будешь разговаривать ты, Плиний, а с директором школы опять ты, Платон!

Мир чувственных вещей
в картинках,
или Изображение
и наименование
всех главнейших предметов
в мире и действий в жизни

Invitatio

Введение

M. Veni, Puer!

Disce sapere.

P. Quid hoc est, sapere?

M. Omnia,
quae necessaria,

recte *intelligere*,
recte *agere*,
recte *eloqui*.

Учитель. Подойди,
дядь, мальчик!

Научись уму-разуму.

Мальчик. Что это
значит — уму-разуму?

У. Все,
что необходимо,

правильно понимать,
правильно делать,
правильно высказывать.

Puer, m. 2*, мальчик.

Omnis, c. 3, e, n. 3, весь.
Necessarius, a, um не-
обходимый.

P. Quis me
hoc dēcebit?

M. Ego
cum DEO.

P. Quomodo?

M. Ducam te
per omnia:
ostendam tibi
omnia,
nominabo tibi
omnia.

P. En adsum!
duc me
in nomine DEI.

M. Ante omnia
debes discere
simplices sonos,
ex quibus
constat
sermo humanus,
quos

animalia
sciunt formare
et tua lingua
scit imitari
et tua Manus
potest pingere.

Postea
ibimus
in *Mundum*
et spectabimus
omnia.

Alphabetum

vivum et vocale
habes hic.

M. Кто меня
этому научит?

У. Я
с божьей помощью.
M. Каким образом?
У. Я поведу тебя
повсюду:
покажу тебе
все,
назову тебе
все.

M. Вот я!
веди меня
во имя божье.

У. Прежде всего
ты должен изучить
простые звуки,
из которых
состоит
человеческая речь,
которые

животные
умеют издавать
и которым твой язык
умеет подражать
и твоя рука
умеет изображать.

Затем
мы пойдем
по свету
и посмотрим
все.

Здесь перед тобой

живая и звуковая
азбука.

Deus, m. 2, Бог.

Nomen, n. 3, имя.

Simplex, o. 3, простой.
Sonus, m. 2, звук.

Sermo, m. 3, речь.
Humanus, a, um чело-
веческий.
Animal, n. 3, животное.

Lingua, f. 1, язык.

Manus, f. 4, рука.

Mundus, m. 2, свет, мир.

Alphabetum, n. 2, аз-
бука.
Vivus, a, um живой.
Vocalis, c. 3, e, n. 3,
звуковой.

XLIV

Hortorum cultura

Hominem vidimus;

jam pergamus
ad *Victum* hominis

et ad *Artes Mechanicas*,

quae huc faciunt.

Primus et antiquissimus

Человека
мы рассмотрели;
теперь перейдем
к пище человека

и к механическим ис-
кусствам,
которые ее добывают.

Первой и древнейшей

Садоводство

Homo, m. 3, человек.

Victus, m. 4, средства к
жизни, пища.

Mechanica, f. 1, ars, f. 3,
ремесло.

Primus, a, um первый.
Antiquissimus, a, um
древнейший.

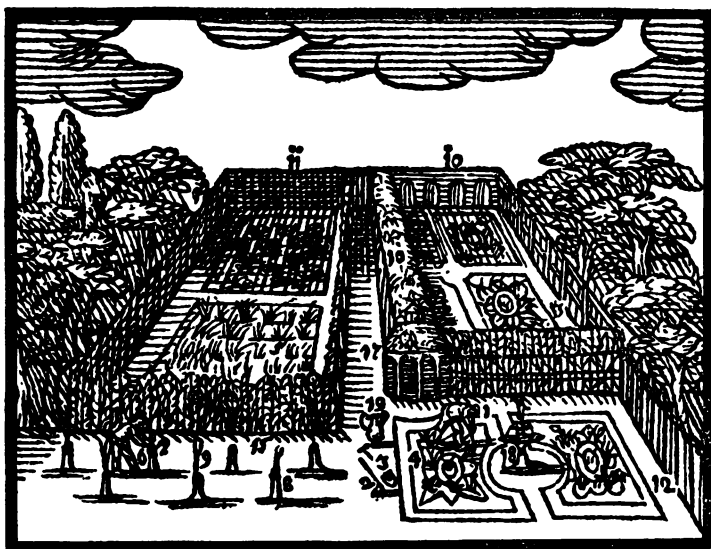
Victus
Terraе Fruges.

пищей были
плоды земные.

Terra, f. 1, земля.
Fruges, f. 3, р., плоды.

Hinc primus Labor

Отсюда и первым тру-
дом

Adami
Horticultura.
Hortulanus (Oltor) 1
in Viridario
fodit
Ligone 2
aut *Bipalio*, 3
facitque *Pulvinos* 4
ac *Plantaria*, 5

quibus infert
Semina
et Plantas.
Arborator 6
in *Pomario*

plantat *Arbores* 7
inseritque
Surculos 8
Viviradicibus. 9

Sepit Hortum,
vel Cura

Адама
было садоводство.

Огородник 1
в огороде
копает землю
заступом 2
или киркой 3
и делает гряды 4
и рассадники 5,

в которые сажает
семена
и растения.
Садовник 6
в фруктовом саду

сажает деревья 7
и прививает
черенки 8
к стволам других
деревьев 9

Сад ограждает
труд человека или

Adamus, m. 2, Адам.

Viridarium, n. 2, огород.

Ligo, m. 3, заступ.
Bipalium, n. 2, кирка.
Pulvinus, m. 2, грядка.
Plantarium, n. 2, рас-
садник для растений.

Semen, n. 3, семя.
Planta, f. 1, растение.

Pomarium, n. 2, фрук-
товый сад.
Arbor, f. 3, дерево.

Surculus, m. 2, черенок.
Viviradix, f. 3, ствол с
корнем.

Hortus, m. 2, сад.

<i>Muro</i> , 10	(плотной) стеной 10,	<i>Murus</i> , m. 2, стена.
aut <i>Macerie</i> , 11	сложенной из камней 11,	<i>Maceries</i> , f. 3, стена из камней (без цемента).
aut <i>Vacerrâ</i> , 12	забором из кольев 12,	<i>Vacerra</i> , f. 1, забор из кольев.
aut <i>Plancis</i> , 13	досками 13,	<i>Planca</i> , f. 1, доска.
aut <i>Sepe</i> , 14	плетнем 14,	<i>Sepe</i> , f. 3, плетень.
<i>flexâ</i>	сплетенным	<i>Flexus</i> , a, um сплетенный.
<i>è sudibus</i>	из кольев	<i>Sudes</i> , f. 3, кол.
et <i>vitilibus</i> ;	и хвороста;	<i>Vitilia</i> , n. 3, pl., хворост.
vel <i>Natura</i>	или же его ограждает природа	
<i>Dumis</i>	кустарником	<i>Dumus</i> , m. 2, кустарник.
et <i>Vepribus</i> . 15	и терновником 15.	<i>Vepres</i> , c. 3, терновник.
<i>Ambulacris</i> 16	Украшают сад дорожками 16	<i>Ambulacrum</i> , n. 2, дорожка для гулянья.
et <i>Pergulis</i> 17	и беседками 17.	<i>Pergula</i> , f. 1, беседка.
ornatur	Орошают	
<i>Fontanis</i> 18	фонтанами 18	<i>Fontana</i> (scil. acqua) фонтан.
et <i>Harpagio</i> 19	и лейками 19.	<i>Harpagium</i> , n. 2, лейка.
<i>rigatur</i> .		

LXV

Agricultura

Земледелие

<i>Arator</i> 1	Пахарь 1	<i>Bos</i> , c. 3, бык.
jungit <i>Boves</i> 3	запрягает волов 3	<i>Aratrum</i> , n. 2, плуг.
<i>Aratro</i> 2	в плуг 2	<i>Tenens</i> , o. 3, держа.
et, tenens	и, держа	<i>Laeva</i> , f. 1, левая рука.
<i>Laevâ</i>	левой рукой	<i>Stiva</i> , f. 1, рукоятка плуга.
<i>Stivam</i> , 4	рукоятку плуга 4,	<i>Dextra</i> , f. 1, правая рука.
<i>dextrâ</i>	правой —	<i>Ralla</i> , f. 1, лопатка.
<i>Rallam</i> , 5	лопатку 5,	
quâ amovet	которою сбивает	
<i>Glebas</i> , 6	[с плуга] комья земли 6,	<i>Gleba</i> , f. 1, ком земли.
terram scindit	рассекает	
<i>Vomere</i>	сошником	<i>Vomer</i> , is, m. 2, сошник.
et <i>Dentali</i> , 7	и оралом 7 землю,	<i>Dentale</i> , n. 3, орало.
anteâ <i>Fimo</i> 8	которая перед этим	<i>Fimus</i> , m. 2, et um, n. 2, навоз.
<i>stercoratam</i> ,	была удобрена навозом	
<i>facitque Sulcos</i> , 9	8,	<i>Sulcus</i> , m. 2, борозда.
Tum seminat	и проводит борозды 9.	
<i>Semen</i> 10	Затем он сеет	
et innocat <i>Occâ</i> . 11	семя 10	
<i>Messor</i> 12	и скородит бороной 11.	<i>Occa</i> , f. 1, борова.
<i>metit</i>	Жнец 12	
	жнет	

<i>Fruges maturas</i>	созревшие хлеба	<i>Maturua-</i> а, ум зрелый.
<i>Falce messoria</i> , 13	серпом 13,	<i>Fruges</i> , f. 3, хлеба.
<i>colligit</i>	собирает	<i>Falx</i> , f. 3, <i>messoria</i> , f. 1,
<i>Manipulos</i> 14	горсти (колосьев) 14	серп (жатвенный).
<i>et colligat</i>	п вяжет их в	<i>Manipulus</i> , m. 2, горсть.
<i>Mergetes</i> . 15	снопы 15.	<i>Mergetes</i> , f. 3, сноп.

<i>Tritor</i> 16	Молотильщик 16	<i>Area</i> , f. 1, площадка,
<i>in areâ Horrei</i> 17	на току гумна 17	ток.
<i>triturat Frumentum</i>	молотит хлеба	<i>Horreum</i> , n. 2, гумно.
<i>Flagello (tribulâ)</i> , 18	цепом 18,	<i>Frumentum</i> , n. 2, хлеб
<i>jactat</i>	взбрасывает	в колосьях.
<i>Ventilabro</i> , 19	лопаткой 19	<i>Flagellum</i> , n. 2 (<i>tribula</i> ,
<i>atque ita,</i>	п, таким образом	f. 1), цеп.
<i>separata Paleâ</i>	отделивши его от	<i>Ventilabrum</i> , n. 2, лопатка.
<i>et Stramine</i> , 20	мякни и соломы 20,	
<i>congerit</i>	насыпает его	<i>Saccus</i> , m. 2, мешок.
<i>in Saccos</i> . 21	в мешки 21.	<i>Pratum</i> , n. 2, луг.
<i>Foeniseca</i> 22	Косец 22	<i>Foenum</i> , n. 2, сено.
<i>in Prato</i>	на лугу	<i>Desecans</i> , o. 3, срезая.
<i>lacid Foenum,</i>	заготавливает сено,	<i>Gramen</i> , n. 3, трава.
<i>desecans Gramen</i>	срезая траву	

<i>Falce foenaria</i> , 23	косой 23,	Falx, f. 3, foenaria, f. 1, коса.
corradique	сгребает его	
<i>Rastro</i> , 24	граблями 24,	
componit <i>Acervos</i> 26	складывает стога 26	<i>Rastrum</i> , n. 2, грабли.
<i>Furcâ</i> 25	вилами 25	<i>Furca</i> , n. 2, вилы.
et convelit	и свозит	
<i>Vehibus</i> 27	на телегах 27	<i>Vehes, et is</i> , f. 3, телега.
in <i>Foenile</i> . 28	в сеной сараи 28.	<i>Foenile</i> , n. 3, сеной сараи.

XLVI

Pecuaria

Скотоводство

Agrorum Cultus
et res pecuaria
antiquissimis

Земледелие
и скотоводство
в древнейшие

Antiquissimus, a, um
древнейший.

temporibus
Regum, Heroum;

времена были делом
царей и героев;

Tempus, n. 3, время.

Rex, m. 3, царь.

Heros, m. 3, герой.

Infimus, m. 3, герой.

hodie tantum
infimae Plebis Cura est.

теперь же пшн занима-
ется только простой на-
род.

Infimus, a, um низший.

Plebs, f. 3, народ, чернь.

Bubucus 1
evocat Armenta 2

Пастух 1
вызывает скот 2

Argentum, n. 2, круп-
ный скот.

è *Bovilibus* 3
Buccinâ (Cornu) 4
 et *pastum* ducit.
Opilio (Pastor) 5
 pascit *Gregem* 6
instructus *Fistulâ* 7

et *Perâ*, 8
 ut et *Pedo*, 9
 habens *secum*
Molossum, 10

munitum

contra *Lupos*
Millo. 11

Sues 12 ex *haræ*
aqualiculo saginantur.

Villica 13
mulget
vaccæ *Ubera* 14

ad *Praesepe* 15
 super *Mulctrâ* 16
 et *facit*
 in *Vase butyraceo* 17

Butyrum
 è *flore Lactis*

et è *Coagulo*
Caseos. 18
Ovibus
 detondetur *Lana*, 19
 ex qua *conficiuntur*
variae Vestes.

из хлевов 3
 трубой (рогом) 4
 и ведет на пастбище.
 Овчар 5
 пасет стадо 6
 снабженный свирелью 7

и сумкой 8,
 а также посохом 9,
 имея при себе
 собаку 10,

которая защищена

от волков колючим
 ошейником 11.

Свиней 12 откармли-
 вают из корыта
 в свином хлеву.

Хозяйка 13
 донт молоко
 из вымени коровы 14

у яслей 15
 над подойником 16
 и делает
 в маслбойке 17

масло
 из сливок молока

и сыр
 из творога 18.
 У овец
 стригут шерсть 19,
 из которой изготовляют
 различную одежду.

Bovile, n. 3, хлев.

Greх, m. 3, стадо.
Instructus, a, um снаб-
 женный.

Fistula, f. 1, дудка, сви-
 рель.

Pera, f. 1, сумка.

Pedum, n. 2, посох.

Molossus, m. 2, собака
 (овчарка).

Munitus, a, um воору-
 женный.

Lupus, m. 2, волк.

Millus, m. 2, et um, n. 2.
 ошейник с колючками.

Sus, c. 3, свинья.

Naга, f. 1, свиной хлев.

Aqualiculus m. 2, ко-
 рыто.

Uber, n. 3, вымя.

Vacca, f. 1, корова.

Praesepe, n. 3, ясли.

Mulctra, f. 1, подойник.

Vas, n. 3, *butyraceum*,
 n. 2, маслбойка.

Butyrum, n. 2, масло.

Flos, m. 3, *lactis*, n. 3,
 сливки.

Coagulum, n. 2, творог

Caseus, m. 2, сыр.

Ovis, f. 3, овца.

Varius, a, um различ-
 ный.

Vestis, f. 3, одежда.

XLVII

Mellificium

Как производится мед

Apes
 emittunt *Examen* 1
 adduntque illi
Ducem (Regem). 2

Пчелы
 образуют рой 1
 и дают ему
 вождя (царя) 2.

Apis, f. 3, пчела.
Examen, n. 3, рой пчел.

Dux, m. 3, вождь.
Rex, m. 3, царь.

Examen illud
 avolaturum,
 revocatur
 tinnitu
Vasis aenei 3
 et icluditur
 novo *Alveari*. 4

Когда этот рой
 собирается улечь,
 его отзывают назад
 звоном
 медного таза 3
 и помещают
 в новом улье 4.

Tinnitus, us, m. 4, звон.
Vas, n. 3, *aeneum, n.* 2,
 медный таз.
Novus, a, um новый.
Alveare, n. 3, улей.

Struunt
Cellulas

sexangulares, 5
easque complent
mellagine

et faciunt Favos, 6
è quibus
Mel 7 effluit.

Crates, igne liquati.

abeunt in Ceram. 8

Пчелы строят
 шестигранные

ячейки 5,
 наполняют их
 медвяным соком цветов

и делают соты 6,
 из которых
 течет мед 7.

Ячейки, расплавленные
 на огне,

превращаются в воск 8.

Sexangularis, s. 3, *e,*
n. 3, шестигольный,
 шестигранный.
Cellula, f. 1, ячейка.

Melligo, f. 1, цветочный
 сок (для меда).
Favus, m. 2, сот.

Crates, f. 3, ячейки.
Ignis, m. 3, огонь.
Liquatus, a, um расплавленный.

Cera, f. 1, воск.

XLVIII

Molitura

Помол муки

In *Molâ* 1
currit Lapis 2
super lapidem 3,
circumagente Rotâ, 4
et conterit per *Infundibulum* 5 infusa Grana,

separatque *Furfurem*, 6
necidentem

in *Cistam*, 7
à Farina (*Polline*),

elabente per
Excussorium. 8
Tallis mola

primùm fuit
Manuaria; 9
deinde
Jumentaria; 10
tum *aquatica* 11

На мельнице 1
камень 2 бежит
над камнем 3,
приводимым в движение
колесом 4, и растирает
зерна, насыпанные че-
рез ковши (воронку) 5,

и отделяет отруби 6,
падающие

в ящик 7,
от муки,

которая сыплется через
сито 8.

Такая мельница

сначала была
ручной мельницей 9;
затем
мельницей конной 10;
далее — мельница водя-
ная 11

Mola, f. 1, мельница.

Rota, f. 1, колесо.
Infundibulum, n. 2, ковш
мельничный, воронка.
Infusus, a, um насыпан-
ный.

Granum, n. 2, зерно.
Furtur, m. 3, отруби.
Decidens, o. 3, падаю-
щий.

Cista, f. 1, ящик.
Farina, f. 1 (*pollen*, n. 3),
мука.

Excussorium, n. 2, сито.
Talis, c. 3, e, n. 3,
такой.

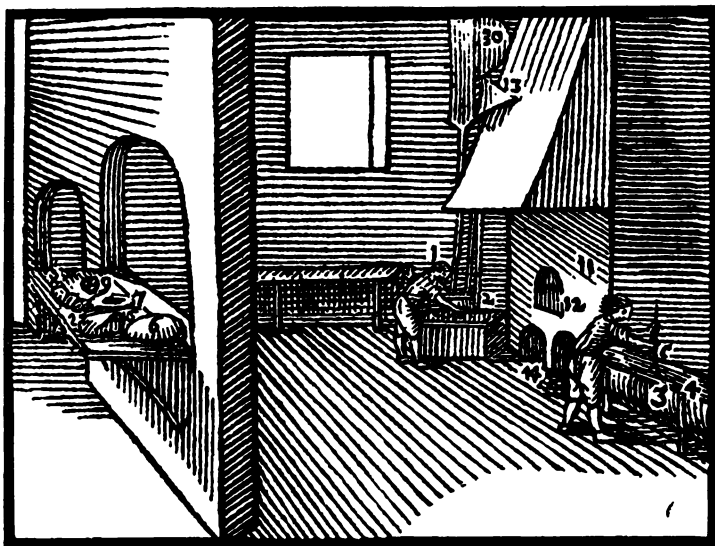
et *Navalis*; 12
tandem,
Alata (pneumatica), 13

и лодочная 12;
наконец,
мельница ветряная
(крылатая) 13.

XLIX

Panificium

Хлебопечение

Pistor 1
cernit *Farinam*
Cribo 2 *pollinario*

et indit
Mastrae; 3
tum affundit
aquam,
et facit *Massam*, 4
depsitque
spatha 5 *ligneâ*;

dein format
Panes, 6
Placentas, 7
Similas, 8
Spiras, 9 etc.
Post imponit
Palae, 10

Пекарь 1
просеивает муку через
мучное сито 2
и насыпает ее
в квашню 3;
затем он подливает
воды,
делает тесто 4
и месит его
деревянной скалкой 5;

после этого
делает хлеба 6,
лепешки 7,
сайки 8,
крендели 9 и проч.
Потом кладет их
на лопату 10

Farina, f. 1, мука.
Cribrum pollinarium,
n. 2, сито для муки.

Mastra, f. 1, квашня.

Aqua, f. 1, вода.
Massa, f. 1, тесто.

Spatha lignea, f. 1, де-
ревянная скалка.

Panis, m. 3, хлеб.
Placenta, f. 1, лепешка.
Simila, f. 1, сайка.
Spira, f. 1 крендель.

Pala, f. 1, лопата (для
печенья хлеба).

et ingerit Furno 11
per Praefurnium; 12

Sed prius
eruit
Rutabulo 13

ignem et Carbones,
quos infra congerit. 14

Et sic pinsitur Panis,
habens extra
Crustam, 15
intus Micam. 16

п сажает в печь 11
через печное отверстие
12;
но раньше
он выгребает
кочергой 13

огонь и угли,
которые он помещает
под печью 14.

И так выпекается хлеб,
у которого снаружки
корка 15,
а внутри — мякиш 16.

Furnus, m. 2, печь.
Praefurnium, n. 2, печ-
ное отверстие.

Rutabulum, n. 2, ко-
черга.

Ignis, m. 3, огонь.
Carbo, m. 3, уголь.

Crusta, f. 1, корка.
Mica, f. 1, мякиш.

L

Piscatio

Рыбная ловля

Piscator 1
captat pisces:
sive in litore,
Hamo,
qui ab arundine 2
filo pendet
et cui inhaeret
Esca;
sive Funda, 3

Рыбак 1
ловит рыб:
или (сидя) на берегу
крючком,
который с удочки 2
свисает на леске
и на который
насажена приманка;
или сетью 3,

Piscis, m. 3, рыба.
Littus, n. 3, берег.
Hamus, m. 2, крючок.
Arundo, f. 3, удочка.
Filius, n. 2, нитка, леса.

Funda, f. 1, сеть.

quae,
pendens *Perticâ*, 4

aquae immittitur;
sive in *Cymba* 5
Reti; 6
sive *Nassâ*, 7
quae per *Noctem*
demergitur.

которая,
вися на шесте 4,
погружается в воду;
или (сидя) в лодке 5
неводом 6
или вершей 7,
которая в продолжение
ночи погружена в воду.

Pertica, f. 1, лест,
жердь.
Aqua, f. 1, вода.
Cymba, f. 1, лодка.
Rete, n. 3, невод, сеть.
Nassa, f. 1, верша.
Nox, f. 3, ночь.

LI

Aucurium

Птицеловство

Auceps 1
exstruit
Aream, 2
superstruit illi
Rete aucupatorium, 3

obsipat
Escam 4
et, abdens se
in *Latibulum*, 5

allicit aves
cantu *Illicum*,

Птицелов 1
устанавливает
площадку 2,
растягивает на ней
птицеловную сеть 3,

насыпает
приманку 4
и, сидя
в скрытом месте 5,

приманивает птиц
пением приманных пти-
чек,

Area, f. 1, площадка.

Rete, n. 3, aucupatorium,
n. 2, птицеловная сеть.

Esca, f. 1, приманка.

Latibulum, n. 2, скры-
тое место.

Avis, f. 3, птица.
Cantus, m. 4, пение.
Illex, c. 3, приманная
птичка.

qui partim
in areâ currunt, 6
partim
Caveis inclusi sunt; 7
atque ita
reti obruit
transvolantes
aves,
dum
se demittunt;
aut tendit
Tendiculas, 8

quibus seipsas suspen-
dunt et suffocant;

aut exponit *viscatis cala-*
lamos 9

Amiti,
quibus,
si insident,
implicant
Pennas, 10
ut nequeant
avolate
et decidunt in terram;
aut captat
Perticâ, 11
vel *Decipulâ*. 12

из которых одни
бегают по площадке 6,
а другие
заперты в клетке 7,
и таким образом
он захватывает сетью
пролетающих
птиц,
когда они
спускаются к приманке;
или же натягивает
сильки 8,

в которых птицы сами
запутываются, пови-
сают и душатся;
или же он приделывает
вымазанные клеем тро-
стинки 9
к жерди;
усевшись
на них, птички
склеивают
свои крылышки 10,
поэтому не могут
улететь
и падают на землю;
или же он ловит
птиц жердью 11
или ловушкой 12.

Cavea, f. 1, клетка.

Tendicula, f. 1, силки,
тенета.

Viscatus calamus, m. 2,
вымазанная клеем тро-
стинка.
Ames, m. 3, жердь.

Penna, f. 1, перо, крыло.

Terra, f. 1, земля.

Pertica, f. 1, жердь.
Decipula, f. 1, ловушка.

LII

Venatus

Venator 1
venatur feras, dum syl-
vam cingit *Cassibus*,
2 tentis

super *Varos* (furrillas) 3.

Canis sagax 4

vestigat feram,
aut indagat
odoratu;

Vertagus, 5
persequitur.

Lupus
incidit
in *Foveam*; 6
fugiens *Cervus* 7

Охота

Охотник 1
охотится за дикими
зверьями, окружая (уча-
сток) леса сетями 2,
натянутыми
на распорки 3.

Собака-ищейка 4

выслеживает зверей
или отыскивает их
при помощи обоняния;

гончая собака 5
преследует их.

Волк
попадает
в яму 6;
бегущий олень 7
попадает

Fera, f. 1, дикий зверь.
Sylva, f. 1, лес.
Cassis, m. 3, сеть.

Varus, m. 2 (furrilla, f. 1),
вилы, распорки.
Canis, c. 3, *sagax*, o. 3,
собака-ищейка.

Odoratus, m. 4, обоня-
ние.

Fovea, f. 1, яма.

in plagas.
Aper 8
transverberatur
Venabulo. 9.

в тенета.
Кабана 8
поражают
охотничьим копьём 9.

Plaga, f. 1, тенета, сеть.
Venabulum, n. 2, охот-
ничье копьё.

Ursus 10
mordetur
a canibus,
et tunditur
Clavâ. 11
Si quid effugit, eva-
dit, ut hîc Lepus 12
et Vulpes.

Медведя 10
кусают
собаки,
а убивают его
дубинной 11.
Если какой-нибудь
зверь убежит (сквозь
сети), то уйдет (от охот-
ника), как, например,
здесь заяц 12 и лисца.

Canis, c. 3, собака.
Clava, f. 1, дубина.

LXIII

Faber lignarius

Плотник

Hominis
Victum et Amictum
vidimus;
sequitur nunc
Domicilium ejus.
Primo habitabant

Пищу и одежду
человека
мы рассмотрели.
Теперь следует
его жилище.
Сначала люди жили

Homo, m. 3, человек.
Victus, m. 4, пища.
Amictus, m. 4, одежда.

in *Specubus*, 1
deinde
in *Tabernaculis*
vel *Tuguriis*; 2

в пещерах 1,
затем
в шалашах из ветвей
или соломы 2;

Specus, n. 3 et 4, m. et
f., пещера.
Tabernaculum, n. 2, ша-
лаш из ветвей.
Tugurium, n. 2, шалаш
из соломы.

tum etiam
in *Tentoriis*; 3
demum,
in *Domibus*.
Lignator
Securi 4
sternit et truncat
Arbores, 5
remanentibus
Sarmentis; 6

Clavosum Lignum findit
findit Cuneo, 7

quem adigit
Tudite, 8
et componit
Strues. 9

Faber Lignarius asciat
Asciâ 10 *Materiam*, unde
cadunt

потом
в шатрах 3,
и, наконец,
в домах.
Дровосек
топором 4
валит и обрубает
деревья 5,
от которых остается
хворост 6;

суковатое дерево
он раскалывает клином
7,
который вбивает
колотушкой 8,
и складывает
штабеля 9.

Плотник обтесывает
плотничьим топором 10
бревна, от которых па-
дают

Tentorium, n. 2, шатер.

Domus, f. 2 et 4, дом.

Securis, f. 3, топор.

Arbor, f. 3, дерево.

Sarmentum, n. 2, хво-
рост.

Cuneus, m. 2, клин.

Tudes, m. 3, колотушка.

Strues, f. 3, штабель
дров.

Asciâ, f. 1, плотничий
топор.

Materia, f. 1, древесный
материал.

Assulae; 11
 et serrat *Serra*, 12
 ubi *Scobs* 13
 decidit;
 Post elevat
 tignum
 super *canterios* 14
 ore *Trochleae*, 15
 affigit *Ansis*, 16
 lineat *Amussi*; 17
 Tum compaginat
Parietes 18
 et configit *trabes*
Clavis trabalibus, 19

щепки 11;
 и пилит пилой 12,
 из-под которой
 падают опилки 13.
 Затем он
 поднимает бревно
 на подставки 14
 при помощи блока 15,
 прикрепляет
 скобами 16
 и выравнивает прави-
 лом (шнуром) 17.
 Затем сколачивает
 стены 18
 и скрепляет балки
 болтами 19.

Assula, f. 1, щепка.
Serra, f. 1, пила.

Tignum, n. 2, бревно.
Canterius, m. 2, подстав-
 ка, козлы.
Trochlea, f. 1, блок.

Ansa, f. 1, скоба, скрепа.
Amussis, f. 3, правило,
 плотничный шнур.

Paries, m. 3, стена.
Trabs, f. 3, балка.
Clavus, m. 2, *trabalis*,
 m. 3, гвоздь, болт плот-
 нический.

LXIV

Faber murarius

Каменщик

Faber murarius 1
 ponit *Fundamentum*
 et struit
Muros; 2
 Sive è *Lapidibus*,
 quos *Lapidarius*

Каменщик 1
 кладет фундамент
 и строит
 стены 2
 или из камней,
 которые каменолом

Murus, m. 2, стена.
Lapis, m. 3, камень.

eruit in <i>Lapidinâ</i> , 3	вырубает в каменоломне 3	<i>Lapidina</i> , f. 1, каменоломня.
et <i>Latomus</i> 4 conquadrat ad <i>Normam</i> ; 5	и каменотес 4 обтесывает в квадратные формы по правилу 5, или из кирпичей 6, которые изготавливаются из песка и глины, размягченных водой, и обжигаются на огне. Затем он обмазывает их известью при помощи лопатки 7	<i>Norma</i> , f. 1, правило (шнур у плотников и каменщиков). <i>Later</i> , m. 3, кирпич. <i>Arena</i> , m. 3, песок. <i>Lutum</i> , n. 2, глина. <i>Aqua</i> , f. 1, вода. <i>Ignis</i> , m. 3, огонь.
Sive è <i>Lateribus</i> , 6 qui ex <i>arenâ</i>		
et luto, aquâ intritis, formantur, et igne excoquantur; Dein crustat		
<i>Calce</i> , ore <i>Trullae</i> , 7		<i>Calx</i> , f. 3, известь. <i>Trulla</i> , f. 1, лопатка (каменщика).
et <i>Tectorio</i> vestit. 8	и покрывает штукатуркой 8.	<i>Tectorium</i> , n. 2, штукатурка.

LXV

Machinae

Машины (снаряды)

Quantum duo ferre possunt <i>Palangâ</i> 1	Сколько снести могут двое на шесте 1	<i>Palanga</i> , f. 1 (<i>Phalanga</i> , f. 1), шест.
vel <i>Feretro</i> , 2 tantum potest unus, trudendo ante se <i>Pabonem</i> , 3 suspensa à collo <i>Aerumnâ</i> . 4	или на носилках 2, столько снести может один человек, толкая перед собой тачку 3, прикрепленную к ремню 4, свисающему у него с шеи. Но еще более силен тот, который тяжестъ, положенную на катки 6, катит вперед при мощи рычага 5. Ворот 7 есть столбик, который вращают, обходя вокруг него. Кран 8 имеет тимпан (колесо), ступая по которому человек извлекает	<i>Feretrum</i> , n. 2, носилки. <i>Unus</i> , a, um один. <i>Pabo</i> , m. 3, тачка. <i>Collum</i> , n. 2, шея. <i>Aerumna</i> , f. 1, ремень. <i>Moles</i> , f. 3, тяжестъ. <i>Phalanga</i> , f. 1 (<i>Cylindrus</i> , m. 2), каток, вал. <i>Vectis</i> , m. 3, рычаг.
Plus autem potest, qui molem, <i>Phalangis</i> (<i>Cylindris</i>) 6 impositam, provolvit <i>Vecte</i> . 5		
<i>Ergata</i> 7 est columella, quae versatur circumeundo. <i>Geranium</i> 8 habet <i>Tympanum</i> , cui inambulans quis, pondera		<i>Pondus</i> , n. 3, тяжестъ.

navi extrahit,
aut in navem demittit.
Fistuca 9
adhibetur
ad pangendum

из корабля тяжести
или спускает их в него.
Navis, f. 3, корабль.
Долбня (баба) 9
употребляется
для вколачивания

Sunlicas; 10
adtollitur fune,
tracto per
Trochleas; 11
vel manibus,
si ansas habet. 12

свай 10;
она поднимается
на канате при
помощи блоков 11
или руками,
если имеет ушки 12.

Sublica, f. 1, свая.
Funis, m. 3, кант.
Trochlea, f. 1, блок.
Manus, f. 4, рука.
Ansa, f. 1, ушко.

LXVI

Domus

Дом

Ante Januam Domus
est Vestibulum. 1
Janua habet
Limen 3
et Superliminare 2
et utrinque
Postes. 4
A dextris
sunt Cardines, 5

Перед дверьми дома
находится преддверие 1
Дверь имеет
порог 3
и верхний косяк 2
и с обеих сторон
притолоки 4.
Справа
находятся петли 5,

Domus, f. 2 et 4, дом
Postis, m. 3, притолока.
Dextra, f. 1, правая
рука.
Cardo, m. 3, дверная
петля.

a quibus pendent

Fores; 6

a sinistris *Claustrum*, 7

aut *Pessulus*. 8

Sub *aedibus*

на которых висит
дверь 6.

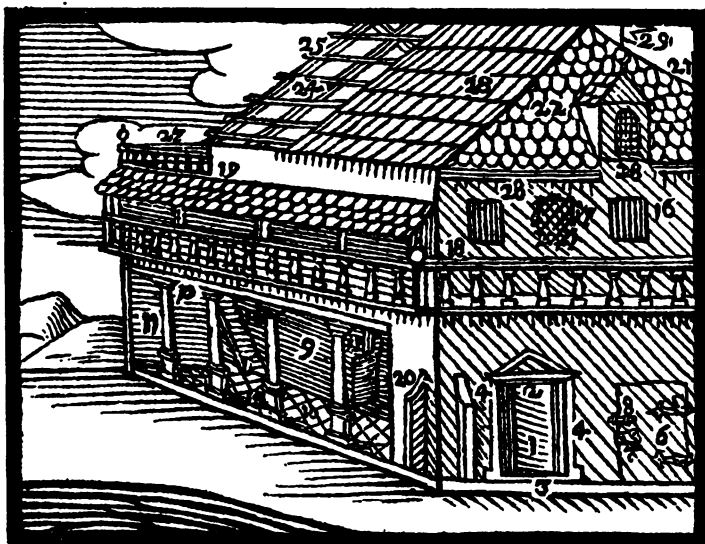
Слева затвор 7

или засов 8.

В нижней части дома

Sinistra, f. 1, левая
рука.

Aedes, f. 3, pl., строе-
ние, дом.

est *Cavaedium* 9
pavimento tessellato. 10

Fulcitum columnis, 11

In quibus
Peristilium 12
et *Basis*. 13

Per *Scalas* 14
et *Cochlidia* 15
ascenditur in
superiores

contignationes.

Extrinsecus

apparent *Fenestrae* 16
et *Cancelli* (clathra), 17

Pergulae, 18

Suggrundia 19

находится зал 9,
пол которого выложен
четырёхугольными плит-
ками 10.

Зал подперт колон-
нами 11,
у которых имеется
капитель 12
и базис 13.

По прямым 14 и
винтовым 15 лестницам
поднимаются
на верхние

этажи.

Снаружи
видны окна 16
и решетки 17,

галереи 18,

навесы 19

Pavimentum, n. 2, пол.
Tessellatus, a, um выло-
женный четырёхуголь-
ными плитками.

Columna, f. 1, колонна.

Scala, f. 1, лестница.
Cochlidium, n. 2, винто-
вая лестница.

Superior, s. 3, us, n. 3,
верхний.

Contignatio, f. 3, этаж.

Fenestra, f. 1, окно.

Cancelli, m. 2, pl. (cla-
thrum, n. 2), решетка.

Pergula, f. 1, галерея.

<i>et Fulcra</i> 20	и стойки 20	<i>Fulcrum</i> , п. 2, стойка, подпорка.
<i>fulciendis muris.</i> <i>In summo est</i>	для подпирания стен. Наверху находится	<i>Murus</i> , м. 2, стена. <i>Summus</i> , а, ум верхний.
<i>Tectum</i> , 21 <i>contectum</i> <i>Imbricibus (tegulis)</i> 22 <i>vel Scandulis</i> , 23	кровля 21, крытая черепицами 22 или драницами 23,	<i>Imbrex</i> , с. 3 (<i>Tegula</i> , f. 1), черепица. <i>Scandula</i> , f. 1, драница, гонт.
<i>quae incumbunt</i> <i>Tigillis</i> , 24	которые лежат на брусьях 24,	<i>Tigillum</i> , п. 2, брус, планка.
<i>haec Tignis.</i> 25 <i>Tecto adhaeret Stilli-</i> <i>cidium.</i> 26	последние на стропилах 25. К крыше приделан желоб для стока дождевой воды 26.	<i>Tignus</i> , м. 2, стропило.
<i>Locus sine tecto</i>	Место без крыши называется	
<i>dicitur Subdiale.</i> 27 <i>In tecto sunt</i> <i>Meniana</i> 28 <i>et Coronides.</i> 29	балконом 27. На крыше находятся слуховые окна 28 и флюгера 29.	<i>Coronis</i> , f. 3, флюгер.

LXVII

Metallifodina

Рудник

<i>Metallifossores</i> 1	Рудокопы 1	<i>Metallifossor</i> , м. 3, рудокоп.
<i>ingrediuntur</i> <i>Puteum</i> <i>Fodinae</i> 2 <i>Bacillo</i> 3	спускаются в шахту рудника 2 при помощи каната 3	<i>Puteus</i> , м. 2, шахта. <i>Fodina</i> , f. 1, рудник. <i>Bacillus</i> , м. 2, ум, п.2, канат.
<i>sive Gradibus</i> 4 <i>cum Lucernis</i> 5 <i>et effodiunt</i> <i>Ligone</i> 6	или по лестнице 4 с фонарями 5 и выкапывают заступом 6	<i>Gradus</i> , м. 4, ступень. <i>Lucerna</i> , f. 1, фонарь.
<i>terram metallicam,</i>	руду.	<i>Ligo</i> , м. 3, заступ, мотыга. <i>Terra metallica</i> , f. 1, руда.
<i>quae</i> <i>imposita Corbis</i> , 7	Руду накладывают в корзины 7	<i>Corbis</i> , м. et f. 3, корзина.
<i>extrahitur Fune</i> 8 <i>ope Machinae</i>	и вытаскивают веревкой 8 при помощи	<i>Funis</i> , м. 3, веревка.
<i>tractoriae</i> 9 <i>et defertur</i>	ворота 9 и относят	<i>Machina tractoria</i> , f. 1, ворот.

in *Ustrinam*, 10
ubi igne urgetur,

в обжигальню 10,
где ее подвергают дей-
ствию огня,

Ustrina, f. 1, обжигаль-
ня.
Ignis, m. 3, огонь.

ut profluat
Metallum. 12
Scoriae 11
seorsum abjiciuntur.

чтобы вытек (расплав-
ленный металл) 12.
Шлаки 11
отбрасывают в сторону.

Scoria, f. 1, шлак.

LXVIII

Faber Ferrarius

Кузнец

Faber ferrarius 1
in *Ustrinâ* (*Fabricâ*) 2

Кузнец 1
в кузнице 2

inflat ignem
Folle, 3

раздувает огонь
мехом 3,

quem adtollit *Pede*, 4

который он приводит в
действие ногой 4,
и так раскаляет
железо.

atque ita candefacit
Ferrum.

Затем
он вынимает его
клещами 5,
кладет на
наковальню 6
и кует

Deinde
eximit
Forcipe, 5
imponit
Incûdi 6
et cudit

Ustrina, f. (*Fabrica*, f. 1),
кузница.

Ignis, m. 3, огонь.
Follis, m. 3, мех (разду-
вальный).

Pes, m. 3, нога.

Forceps, f. 3, клещи.

Incus, f. 3, наковальня.

Malleo, 7
ubi *Stricturae* 8
exiliunt.
Et sic
excuduntur

молотом 7,
из-под которого выле-
тают искры 8.
И так
выковываются:

Malleus, m. 2, молот.
Strictura, f. 1, искра.

Clavi, 9
Soleae, 10
Canthi, 11
Catena, 12
Laminae,
Serae
cum *Claribus*,
Cardines, etc.

Ferramenta

candentia

restinguit
in Lacu.

гвозди 9,
подковы 10,
пинны 11,
цепи 12,
бляхи,
замки
с ключами,
крючки дверные и проч.

Раскаленный

железный предмет

кузнец гасит
в ведре с водой.

Clavus, m. 2, гвоздь.
Solea, f. 1, подкова.
Canthus, m. 2, шина.
Catena, f. 1, цепь.
Lamina, f. 1, бляха.
Sera, f. 1, замок.
Clavis, f. 3, ключ.
Cardo, m. 3, дверной
крючок.
Ferramentum, n. 2, же-
лезный предмет.
Candens, o. 3, раскален-
ный.

Lacus, m. 4, ведро, ло-
хань, горшок с водой.

LXIX

Scriniarius et
TornatorСтоляр
и
токарь

Arcularius 1
edolat *Asseres* 2
Runcinâ 3

in *Tabula*, 4
deplanat
Planulâ, 5
perforat (*terebrat*)
Terebrâ, 6
sculpsit *Cultro*, 7

combinat

Glutine
et *Subscudibus* 8
et facit
Tabulas, 9

Mensas, 10
Arcas (*Cistas*) 11 etc.

Tornio 12,
sedens in *Insili*, 13

Столяр 1
строгает доски 2
фуганком 3

на верстаке 4,
выравнивает их
рубанком 5,
просверливает
буравом 6,
выдалбливает части до-
лотом 7,
скрепляет их одну с
другой
клеем и
шпалами 8
и делает
доски для картин 9,

столы 10,
ящики 11 и проч.

Токарь 12,
сидя на табурете 13,

Asser, m. 2, доска.
Runcina, f. 1, фуганок,
струг.
Tabula, f. 1, верстак.

Planula, f. 1, рубанок

Terebra, f. 1, бурав.
Culter, m. 2, долото, ре-
зак.

Gluten, n. 3, клей.
Subscus, f. 3, шпц.

Tabula, f. 1, доска для
картин.

Mensa, f. 1, стол.
Arca, f. 1 (*cista*, f. 1),
ящик.

Insile, n. 2, табурет.

<i>tornat Torno</i> 15	вытачивает резцом 15	<i>Tornus</i> , m. 2, резец.
<i>super Scamno tornatorio</i>	на токарном станке 14	<i>Scamnum tornatorium</i> , n. 2, токарный станок.
14		<i>Globus</i> , m. 2, шар.
<i>Globos</i> , 16	шары 16,	<i>Conus</i> , m. 2, конус, кегля.
<i>Conos</i> , 17	кегли 17,	
		<i>Icuncula</i> , f. 1, фигурка.
<i>Icunculas</i> 18	фигурки 18	<i>Similis</i> , c. 3, le, n. 3, похожий, подобный.
<i>et similia</i>	и тому подобные	<i>Toreuma</i> , n. 3, токарное изделие.
<i>Toreumata</i> .	токарные изделия.	

LXX

Figulus

Гончар

Figulus, 1
sedens
super Rotâ, 2
format
ex Argillâ 3
Ollas, 4
Urceos, 5
Tripodes, 6
Patinas, 7
Vasa testacea, 8
Fidelias, 9

Гончар 1,
 сидя
 над гончарным
 кругом 2,
 выдѣлывает
 из глины 3
 горшки 4,
 кувшины 5,
 сосуды на трех ножках
 6,
 блюда 7,
 глиняные вазы 8,
 печные кафли 9,

Sedens, o. 3, спдя.
Rota, f. 1, гончарный
 круг.
Argilla, f. 1, глина.
Olla, f. 1, горшок.
Urceus, m. 2, кувшин.
Tripus, m. 3, сосуд па
 трех ножках.
Patina, f. 1, блюдо.
Testaceum, n. 2, vas,
 n. 3, глиняная ваза.
Fidelia, f. 1, печная
 кафля.

Opercula 10 etc.

Postea excoquit
in *Furno* 11
et incrustat
Lithargyro.

Fracta *Olla*
dat *Testas*. 12

покрышки 10 и проч.

Затем он обжигает их
в печи 11
и обмазывает
глазурью.

От разбитого горшка
остаются черепки 12.

Operculum, n. 2, по-
крышка.

Furnus, m. 2, печь.

Lithargyrum, n. 2, гла-
зурь.

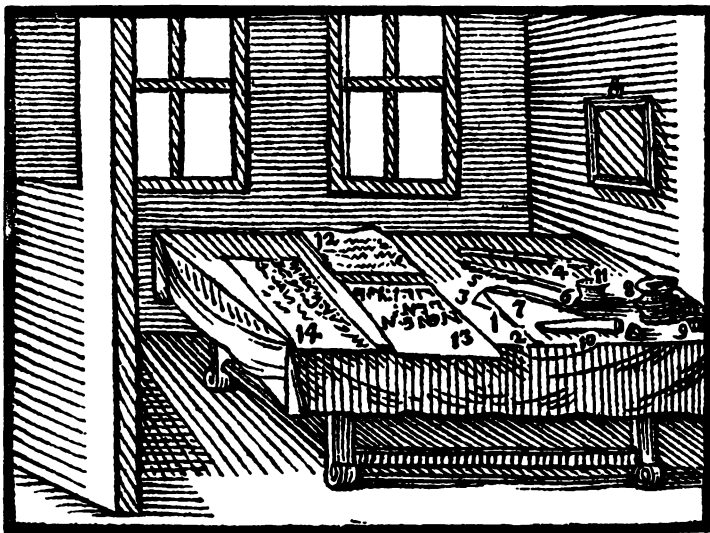
Fractus, a, um разби-
тый.

Testa, f. 1, черепок.

XCI

Ars Scriptoria

Искусство письма

Veteres
scribebant
in *tabellis ceratis*

aeneo Stilo, 1

cujus parte cuspidatâ 2

exarabantur literae,
planâ 3 *verò*

rursum oblitterabantur.
Deinde
litteras pingebant

Древние
писали
на навощенных дощеч-
ках
медной палочкой 1,

заостренным концом 2
которой
выцарапывали буквы,
а тупым 3 концом

их снова затурали.
Затем они
вычерчивали буквы

Vetus, o. 3, древний.

Tabella cerata, f. 1, на-
вощенная дощечка.

Aeneus stylus, m. 2, мед-
ный стиль.

Cuspidatus, a, um
заостренный.

Litera, f. 1, буква.

Planus, a, um плоский,
тупой.

subtili <i>Calamo</i> . 4	тонким тростником 4.	Subtilis, с. 3, le, п. 3, тонкий. Calamus, м. 2, тростник.
Nos utimur anserinâ Pennâ, 5	Мы пользуемся гусиным пером 5,	Anserina penna, f. 1, гу- сийное перо.
cujus <i>Caulem</i> 6 temperamus Scalpellо; 7	ствол которого 6 мы заостряем ножиком 7.	Caulis, м. 3, ствол. Scalpellus, м. 2, ум, п. 2, ножик.
tum intingimus <i>Crenam</i> in <i>Atramentario</i> , 8	Затем мы погружаем расщеп пера в чернильницу 8,	Crena, f. 1, расщеп пера. Atramentarium, п. 2, чернильница.
quod obstruitur <i>Operculo</i> ; 9	которая закрывается крышечкой 9.	Operculum, п. 2, кры- шечка. Penna, f. 1, перо.
et Pennas recondimus in <i>Calamario</i> . 10 <i>Scripturam</i>	Перья мы прячем в пенале 10. Написанное	Calamarium, п. 2, пенал. Scriptura, f. 1, написан- ное.
siccamus <i>chartâ bibulâ</i>	мы осушаем пропускной бумагой	Charta bibula, f. 1, про- пускная бумага.
vel <i>arenâ scriptoria</i> ,	или песком	Arena scriptoria, f. 1, песок для письма.
ex <i>Thecâ pulveraria</i> . 11	из песочной баночки 11.	Theca pulveraria, f. 1, песочная баночка.
Et nos quidem scribimus à sinistra <i>dextrorsum</i> ; 12 Hebraei à dextra	Мы пишем слева направо 12. Евреи — справа	Sinistra, f. 1, левая рука. Hebraeus, м. 2, еврей Dextera, et -tra, f. 1, правая рука.
<i>sinistrorsum</i> ; 13 Chinenses	налево 13. Китайцы,	Chinensis, м. 3, ки- таец.
indi et alii	индийцы и другие —	Indus, м. 2, индеец.
à summo <i>deorsum</i> . 14	сверху вниз 14.	Alius, а, ud другой.

XIII

Papyrus

Бумага

Veteres utebantur
Tabulis faginis, 1
aut *Foliis* 2
ut et *Libris* 3
Arborum, praesertim

Древние пользовались
буковыми дощечками 1
или листьями 2,
а также корой 3
деревьев, в особенности

Fagina tabula, f. 1, бу-
ковая дощечка.
Folium, п. 2, лист.
Liber, м. 2, кора.
Arbor, f. 3, дерево.

arbusculae Aegyptiae,	египетского дерева,	Arbuscula, f. 1, деревцо.
cui nomen erat	которое называлось	Aegyptius, a, um египетский.
<i>Papyrus,</i>	панирус.	Nomen, n. 3, имя.
Nunc est in usu	Теперь употребляется	Usus, m. 4, употребление.

<i>Charta,</i>	бумага,	
quam <i>Chartopoeus</i>	которую изготовляет	
in <i>molâ papyraceâ</i> 4	бумажник на	<i>Mola papyracea</i> , f. 1, бумажная мельница.
<i>conficit è linteis</i>	из старых тряпок 5,	<i>Linteam vetustum</i> , n. 2, старая тряпка.
<i>retustis</i> , 5	которые растираются	<i>Pulmentum</i> , n. 2, кашница.
in <i>pulmentum</i>		
<i>contusis</i> , 6	в кашницу 6.	
quod <i>Formulis</i>	Последнюю он раз-	<i>Formula</i> , f. 1, форма.
<i>haustum</i> , 7	вает в формы 7,	<i>Haustus</i> , a, um зачерпнутый.
<i>diducit</i>	растягивает	
in <i>plagulas</i> , 8	в листы 8	<i>Plagula</i> , f. 1, лист (бумаги).
<i>aërique exponit</i>	и выставляет на	<i>Aër</i> , m. 3, воздух.
<i>ut siccentur.</i>	воздух для просушки.	
<i>Narum XXV</i>	Двадцать пять листов	<i>Viginti quinque</i> , o. indecl., двадцать пять.
<i>faciunt Scapum</i> , 9	образуют десть 9,	<i>Scapus</i> , m. 2, десть бумаги.

XX Scapi
Volumen minus, 10

horum X

Volumen majus. 11

Diu duraturum
scribitur in Membranâ.
12.

двадцать дестей —
стопу 10,

десять стоп —

кнпу 11.

То, что предназначено
для продолжительного
существования, пишут
на пергаменте 12.

Volumen minus, n. 3,
стопа бумаги.

Decem, o. indecl., де-
сять.

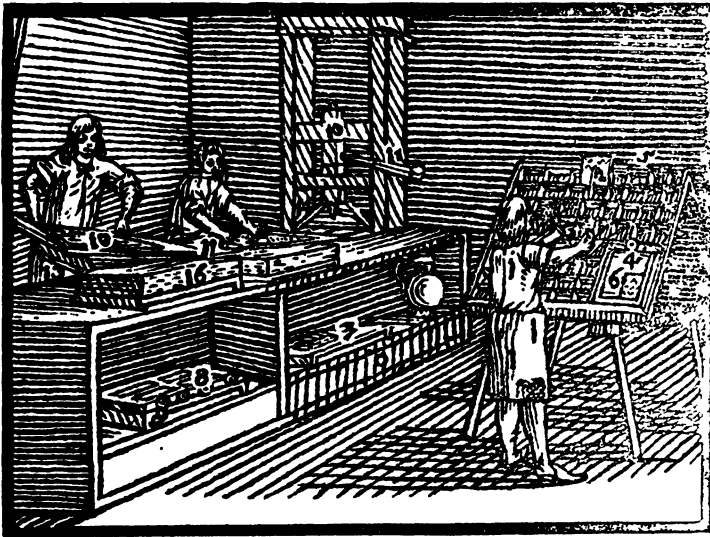
Volumen majus, n. 3,
книа бумаги.

Membran, f. 1, пергамент

XCIII

Typographia

Типография

Typographus
habet aeneos Typos

magno numero
distributos

per Loculamenta. 5

Typotheta 1
eximit illos
singulatim
et componit

Типограф
имеет медные буквы,

в большом количестве
разложенные

по ящичкам 5.

Наборщик 1
вынимает их
поодиночке
и складывает

Aeneus, a, um медный.
Typus, m. 2, буква.

Magnus, a, um большой.
Distributus, a, um раз-
ложенный.

Loculamentum, n. 2,
ящичек.

(secundum Exemplar, quod Retinaculo 2 sibi praefixum habet)	(по оригиналу, который прикреплен перед ним в держателе 2)	Exemplar, п. 3, оригинал. Retinaculum, п. 2, держатель.
Verba Gnomone, 3	слова острой палочкой 3,	Verbum, п. 2, слово. Gnomon, м. 3, стрелка, острая палочка.
donec fiat Versus; hos indit Formae, 4 donec fiat Pagina; 6 has iterum tabulae compositoriae 7	пока не образуется строка. Строки он вставляет в гранку 4, пока не образуется страница 6, а ее опять-таки вставляет в гранковую доску 7	Forma, f. 1, форгранка. Tabula compositoria, f. 1, гранковая доска.
eosque coarctat Marginibus ferreis, 8 ore Cochlearum, 9 ne dilabantur;	и скрепляет последнюю железной рамой 8 с помощью винтов 9, чтобы гранки не расшались.	Margo, м. 3, ferreus, м. 2, железная рама. Cochlea, f. 1, винт.
ac subicit Prelo. 10	После этого он кладет ее под пресс 10.	Prelum, п. 2, пресс.
Tum Impressor ore Pilarum, 11 illinit Atramento impressorio;	Затем печатник с помощью шариков 11 намазывает ее типографскими чернилами,	Pila, f. 1, шарик. Atramentum impressorium, п. 2, типографские чернила.
superimponit inditas Operculo 12	кладет на нее вставленные в крышку 12	Oreculum, п. 2, крышка.
Chartas, quas, in Tigillo 13 subditas, Trochleae, 14 et Sucula 15 impressas, facit typos imbibere	листы бумаги, которые подкладывает под тигель 13 и блок 14, и, надавив воротом 15, достигает того, что бумага впитывает в себя начертания букв.	Charta, f. 1, лист бумаги. Tigillum, п. 2, тигель. Trochlea, f. 1, блок. Sucula, f. 1, ворот. Impressus, а, ии надавленный.

XCIV

Bibliopolium

Книжная лавка

Bibliopola 1	Книготорговец 1	
Vendit	продает	
Libros	книги	Liber, м. 2, книга.
in Bibliopolio. 2	в книжной лавке 2.	Bibliopolium, п. 2, книжная лавка.
quorum	Он составляет	
conscribit Catalogum. 3	их каталог 3.	Catalogus, м. 2, каталог.
Libri	Книги	

disponuntur
per *Repositoria* 4

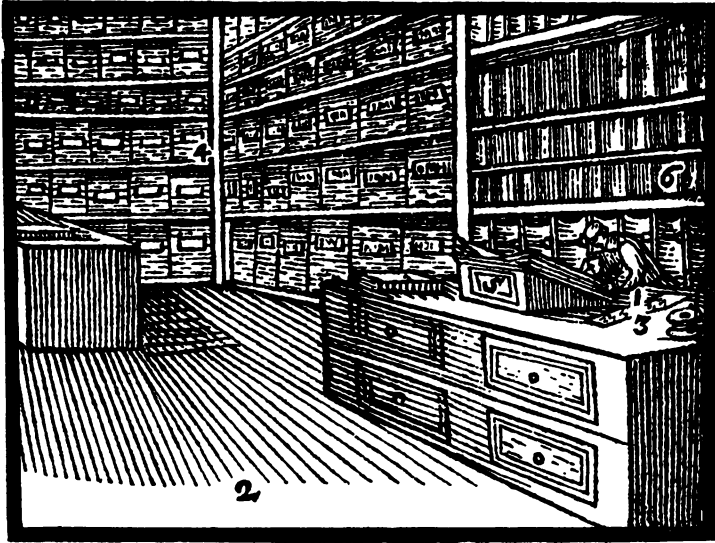
et ad usum

раскладываются
по полкам 4,

а для пользования

Repositorium, п. 2,
книжная полка.

Usus, м. 4, пользование.

super *Pluteum* 5
exponuntur.
Multitudo Librorum
vocatur
Bibliotheca. 6

выкладываются
на пульт 5.
Большое число книг
называется
библиотекой 6.

Pluteus, м. 2, пульт.

XCV

Bibliopegus

Переплетчик

Olim
agglutinabant
Charta chartae, con-
volvebantque eas in unum
Volumen. 1
Hodiè compingit *Lib-*
ros Compactor,

dum *Chartas*, aquâ gu-
tinosâ maceratas, ter-
get; 2
deinde *complicat*, 3
malleat; 4
tum consuit 5,

Когда-то
один лист бумаги
приклеивали к другому
и скатывали их в один
свиток 1.

В настоящее время пе-
реплетчик сшивает кни-
ги.

Он сушит 2 листы
бумаги, смоченные в
клеевой воде,
затем складывает их 3
и сбивает молотком 4.

Затем он сшивает 5 их,

Charta, f. 1, бумага,
лист бумаги.

Unus, а, um один.

Volumen, н. 3, свиток.

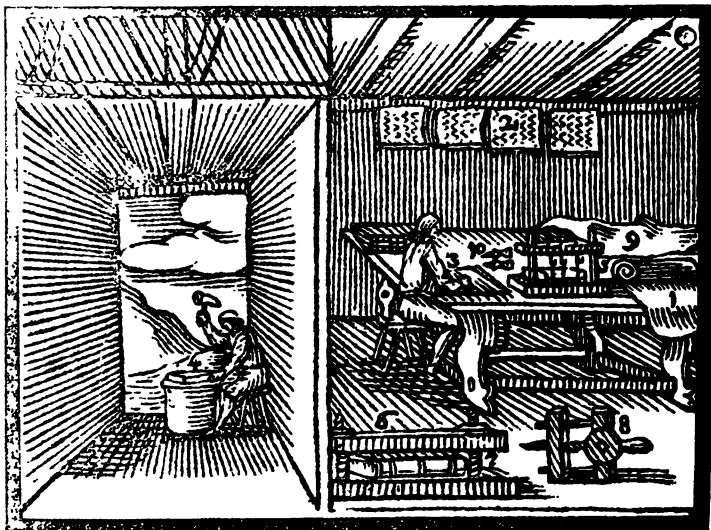
Liber, м. 2, книга.

Aqua glutinosa, f. 1,
клеевая вода.

comprimit *Prelu*, 6
(quae habet duas *Coch-*
leas 7)
dorso conglutinat,

сжимает прессом 6
(который имеет два впа-
та 7),
склеивает корешок,

Prelum, n. 2, пресс.
Duo, ae, o, pl., два.
Cochlea, f. 1,
Dorsum, n. 2, корешок.

rotundo Cultro 8 demar-
ginat;

обрезывает края круг-
лым ножом 8;

Rotundus culter, m. 2,
круглый, вращающийся
нож.

tandem *Membrana* vel
Corio 9 vestit, efformat
et affigit

наконец, он переплетает
(одевает) их в пергамент
или кожу 9, придает
красивый вид и прикре-
пляет к ним
застежки 10.

Membrana, f. 1, перга-
мент.
Corium, n. 2, кожа.

Uncinulos. 10

Uncinulus, m. 2, зас-
тежка.

XCVI

Liber

Liber,
quoad formam
exteriorem,

est vel in *Folio*, 1

vel in *Quarto*, 2

Книга

Книга
по своей
внешней форме

бывает в целый лист
(формат) 1,

в четверть листа 2,

Forma, f. 1, форма.
Exterior, c. 3, us, n. 3,
внешний.

Liber, m. 2, in folio,
n. 2, книга в целый лист
(формат).

Quartus, a, um четвер-
тый.

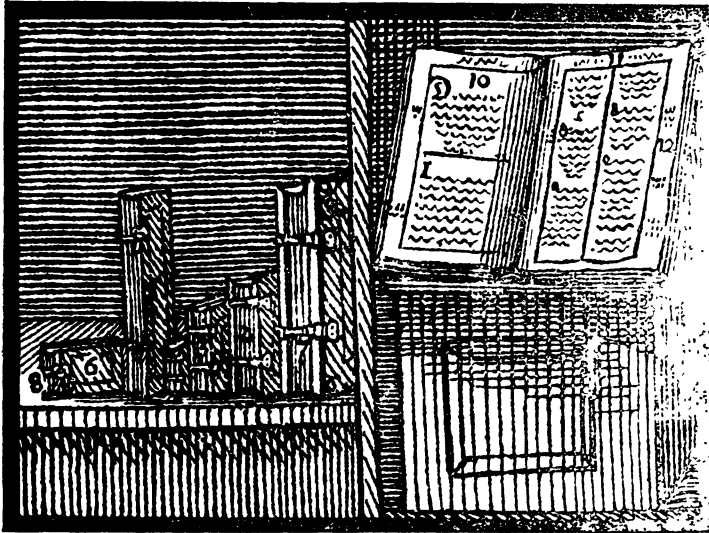
in Octavo, 3
in Duodecimo, 4

vel Columnatus, 5

в восьмушку 3,
в двенадцатую 4.

Бывает в виде счетной
книжки 5,

Octavus, a, um восьмой.
Duodecimus, a, um двенадцатый.

vel Lingulatus; 6

cum Clausuris
aeneis, 7
vel Ligulis, 8
et Bullis angularibus, 9

бывает длинной 6 (справа палево),
с медными застёжками 7
или завязками 8
и оковкой на углах 9.

Clausura aenea, f. 1, медная застёжка.
Ligula, f. 1, завязка.
Bulla, f. 1, angularis, c. 3, оковка на углу книги.

Intus
sunt Folia 10
duabus Paginis;

aliquando
Columnis divisa, 11
cumque notis marginalibus. 12

Внутри
находятся листы 10,
с двумя страницами на каждом.

Иногда они
разделяются на столбцы 11; бывают также и заметки на полях 12.

Folium, m. 2, лист.
Pagina, f. 1, страница.

Columna, f. 1, столбец.
Divisus, a, um разделенный.
Nota, f. 1, marginalis, c. 3, заметки на полях книги.

ХСVII

Schola

Школа

Schola 1
est officina,
in quâ
novelli animi

ad Virtutem formantur;

et distinguitur
in *Classes*.

Praeceptor 2
sedet in *Cathedrâ*; 3
Discipuli 4

in *Subsellis*: 5

ille docet,
hi discunt.

Quaedam
praescribuntur illis
cretâ
in *Tabellâ*. 6.

Quidam

sedent ad mensam
et scribunt; 7
ipse corrigit 8
Mendas

Школа 1
есть мастерская,
в которой
юные души

воспитываются к добро-
делели;

она разделяется
на классы.

Учитель 2
сидит на кафедре 3,
ученики 4 —

на скамьях 5.

Учитель учит,
а ученики учатся.

Кое-что
пишется для них
мелом
на доске 6.

Некоторые из учени-
ков
сидят за столом
и пишут 7.

Учитель исправляет
ошибки 8.

Novellus, а, um юный.
Animus, m. 2, душа.
Virtus, f. 3, добродетель.

Classis, f. 3, класс.

Cathedra, f. 1, кафедра
Discipulus, m. 2, уче-
ник.
Subsellium, n. 2, ска-
мья.

Crata, f. 1, мел.
Tabella, f. 1, доска.

Mensa, f. 1, стол.

Menda, f. 1, et um, n. 2,
ошибка.

Quidam stant 9
et recitant
memoriae
mandata.

Quidam confabulantur
10
ac gerunt se
petulantes

et negligentes;

hi castigantur
Ferula (baculo) 11

et Virgâ. 12

Некоторые стоят 9
и читают вслух то,
что выучили
на память.

Некоторые разговари-
вают 10
и ведут себя,
как шаловливые

и небрежные ученики.

Они наказываются
лозой 11

и розгой 12.

Memoria, f. 1, память.

Petulans, o. 3, шаловли-
вый.

Negligens, o. 3, небреж-
ный.

Ferula, f. 1 (Baculus, m.
2. et um, n. 2), палка,
лоза.

Virga, f. 1, розга.

XCIX

Artes sermonis

Искусства речи

Grammatica 1
versatur
circa Literas, 2
ex quibus
componit
Voces (verba) 3

Грамматика 1
занимается
буквами 2,
из которых
она составляет
слова 3

Litera, f. 1, буква.

Vox, f. 3 (Verbum, n. 2),
слово.

easque docet recte eloqui, scribere, 4 construere, distinguere (interpungere).	и учит правильно их проаносить, писать 4, образовывать и отделять друг от друга.	
<i>Rhetorica</i> 5 pingit 6 quasi primam formam 7 Sermonis oratoris	Риторика 5 украшает 6 как бы первую форму 7 речи ораторскими	Forma, f. 1, форма. Sermo, m. 3, речь. Oratorius, a, um оратор- ский. Pigmentum, n. 2, крас- ка.
<i>pigmentis</i> , 8	красками 8,	Figura, f. 1, фигура. Elegantia, f. 1, украше- ние.
ut sunt <i>Figurae</i> , <i>Elegantiae</i> ,	каковы: фигуры, украшения,	Adagium, n. 2 (Prover- bium, n. 2), поговорка (пословица).
<i>Adagia</i> (Proverbia),	поговорки (пословицы),	Aprophthegma, n. 3, из- речение.
<i>Aprophthegmata</i> ,	изречения,	Sententia, f. 1 (Gnoma, f. 1), сентенция, афор- изм.
<i>Sententiae</i> (Gnomae),	афоризмы,	Simile, n. 3, сравнение. Hieroglyphicum, n. 2, символ.
<i>Similia</i> , <i>Hieroglyphica</i> , etc.	сравнения, символы и проч.	
<i>Poësis</i> 9 colligit hos <i>Flores Orationis</i> 10	Поэзия 9 собирает эти цветы красноречия 10	Flos, m. 3, цветок. Oratio, f. 1, речь.
et colligat quasi in <i>Corollam</i> , 11 atque ita, faciens é prosâ	и сплетает их как бы в венец 11. Таким образом, создавая из прозы	Corolla, f. 1, венец. Prosa, f. 1, oratio, f. 3, прозаическая речь. Ligata, f. 1, oratio, f. 3, плавная, связанная речь.
ligatam Orationem, componit varia <i>Carmina</i>	плавную (связную) речь, она складывает разные стихи	Varius, a, um различ- ный. Carmen, n. 3, стихотво- рение. Hymnus, m. 2 (Oda, f. 1), гимн (ода).
et <i>Hymnos</i> (Odas)	и гимны (оды)	
ac propterea coronatur <i>Lauru</i> 12.	и потому увенчивается лавровым венком 12.	
<i>Musica</i> 13 componit <i>Notis</i> <i>Melodias</i> , 14 quibus Verba aptat,	Музыка 13 создает из нот мелодии 14, к которым прилаживает слова, и тогда исполняет их или одним голосом,	Nota, f. 1, нота. Melodia, f. 1, мелодия Verba, n. 2, pl., слова, текст.
atque ita cantat sola vel		

Concentu (Symphoniâ)

aut voce aut
Instrumentis
Musicis. 15

или многоими,

или на музыкальных
инструментах 15.

Concentus, m. 4, созвуч-
ный.

Vox, f. 3, голос.
Instrumentum musicum,
n. 2, музыкальный ин-
струмент.

CIX

Ethica

Этика

Vita haec
est via
sive *Vivium*,
simile

literae Pythagoricae Y;

sinistro tramite

Latum, 1
dextro *angustum*: 2

ille *Vitii* 3 est,

hic *Virtutis*. 4
Adverte, juvenis! 5

Наша жизнь
есть дорога
или распутье,
подобное

пифагоровой букве Y.

Ее левая тропа

широка 1,
правая — узка 2.

Первая есть дорога по-
рока 3, вторая —
тропа добродетели 4.
Берегись, юноша 5!
и бери пример с

Similis, c. 3, e, n. 3,
подобный.

Litera Pythagorica, f. 1,
пифагорова буква.

Sinister, -stra, -strum,
левый.

Latus, a, um широкий.
Dexter, -tra, -trum, пра-
вый.

Angustus, a, um узкий.
Vitium, n. 2, порок.

Virtus, f. 3, добродетель.

<i>Herculem imitare.</i>	Геркулеса:	Hercules, м. 3, Геркулес.
Sinistram linque, Vitium aversare: speciosus aditus, 6	оставь левую тропу, отвернись от порока: красив вход 6 к нему,	Speciosus, а, ум красивый. Turpis, с. 3, е, п. 3, позорный.
sed turpis	но позорен	
et praeceps <i>Exitus</i> . 7	и гибелен выход 7.	
Dextera ingredere, utut <i>spinosa</i> : 8	Вступи на правую, хотя она и терниста 8.	Spinusus, а, ум тернистый. Nullus, а, ум один, никакой. Invius, а, ум непроходимый.
nulla via invia Virtuti	Нет непроходимой до- роги к добродетели.	
Sequere, quò ducit Virtus, per angusta ad angusta,	Следуй туда, куда ведет добродетель, через терпенье к возвышенью,	
ad <i>arcem Honoris</i> . 9	к замку чести 9.	Augustus, а, ум великий, возвышенный. Arx, f. 3, замок. Honor, м. 3, честь. Medium, п. 2, середина. Rectus, а, ум прямой. Tutissimus, а, ум самый безопасный.
<i>Medium tene et rectum tramitem: tutissimus ibis.</i>	Держись среднего и прямого пути — здесь для тебя наиболее без- опасная дорога. Берегись свернуть с правой тропы 10.	
Cave <i>excedas</i> a dextrâ. 10	Берегись свернуть с правой тропы 10.	Affectus, м. 4, страсть. Equus, м. 2, конь. Ferox, о. 3, свирепый. Frenum, п. 2 узда.
Affectûs, <i>equum ferocem</i> , 11	Страсти, этого необузданного коня 11, укрошай уздой 12, чтобы не полететь в про- пасть.	
compesce <i>freno</i> , 12 re praeceps fias.	Берегись уклониться на левую тропу 13, словно ленивый осел 14,	Segnitias, f. 5, лень, вя- лость. Asininus, а, ум ослиный.
Cave <i>deficias</i> ad <i>Sinistram</i> , 13 <i>segnitie asininâ</i> , 14	но иди вперед твердо, прямо к цели, и ты получишь награду (будешь увенчан) 15.	Finis, м. 3, конец, цель.
sed progredere constanter, pertende ad finem et <i>coronaberis</i> . 15		

СХ

Prudentia

Мудрость

<i>Prudentia</i> , 1	Мудрость 1	
omnia circumspectat, ut <i>Serpens</i> , 2	оглядывает все, как змея 2,	Omnia, с. 3, е, п. 3, весь.
nihilque agit, loquitur,	и напрасно ничего не	Nihil, п. indecl., ничего.

vel cogitat in cassum.

Respicit, 3 tanquam in *Speculum*, 4 ad *Praeterita*; et *prospicit*, 5 tanquam *Telescopio*, 7 *Futura*, seu *Finem*: 6 atque ita *perspicit*, quid egerit, et quid agendum restet.

делает, ничего не говорит и не думает.

Она глядит 3 в прошедшее, словно в зеркало 4, и предвидит будущее 5 или копец 6, словно через подзорную трубу 7.

Speculum, n. 2, зеркало. *Praeteritus*, a, um прошедший, прошедший. *Telescopium*, n. 2, подзорная труба. *Futurus*, a, um будущий.

Actionibus suis prae — *figit Scopum*, *Honestum*,

Utilem,

simulque, *si fieri potest*, *Jucundum*.

Fine prospecto, *dispicit Media*, seu *Viam*, 8 *quae ducit ad Finem*; *sed certa et facilia*, *pauciora potius quam plura*: *ne quid impediatur*.

Таким образом она ясно видит, что сделано и что остается сделать.

Для своих действий она ставит наперед благородную,

полезную,

а вместе с тем, и если возможно, и приятную цель.

Поставивши цель, она рассматривает средства или путь 8, который ведет к цели, но, чтобы что-нибудь не пошло не по-нашему, выбирает верные и легкие средства, и лучше

Actio, f. 3, действие. *Scopus*, m. 2, цель. *Honestus*, a, um честный, благородный. *Utilis*, c. 3, e, n. 3, полезный.

Jucundus, a, um приятный.

Medium, n. 2, средство.

Certus, a, um верный. *Facilis*, c. 3, e, n. 3, легкий.

	немногие, чем многочислен- ленные.	
<i>Occasioni</i> 9	Она ловит случай 9	<i>Occasio</i> , f. 3, случай.
(<i>quae Fronte capillata</i> , 10	(у которого на лбу во- лосы 10,	<i>Frons</i> , f. 3, лоб. <i>Capillatus</i> , a, um покры- тый волосами.
<i>sed vertice calva</i> 11	но на теменн лысна 11	<i>Vertex</i> , m. 3, темя. <i>Calvus</i> , a, um лысый.
<i>ad haec alata</i> , 12	и который к тому же крылат 12	<i>Alatus</i> , a, um крылатый.
<i>facile clabitur</i>)	и потому легко усколь- зает)	
<i>attendit eamque captat.</i>	и схватывает его.	
<i>In viâ</i>	По дороге	
<i>pergit cautè</i>	она идет осторожно	
(<i>providè</i>),	(осмотрительно),	
<i>ne impingat</i>	чтобы не споткнуться	
<i>aut aberret.</i>	и не заблудиться.	

CXI

Sedulitas

Трудолюбие

Sedulitas 1
amat Labores,
fugit ignaviam,

Трудолюбие 1
любит работу,
избегает лени,

Labor, m. 3, труд, ра-
бота.
Ignavia, f. 1, лень,

semper est in opere,	всегда занято,	Opus, n. 3, дело, заня- тие.
ut <i>Formica</i> , 2	как муравей 2,	
et comportat sibi,	и собирает себе,	
ut illa,	как и он,	
omnium rerum <i>Copiam</i> . 3	запасы всего 3.	Res, f. 5, вещь, предмет. <i>Copia</i> , f. 1, запас.
Non dormit semper, aut ferias agit,	Оно не спит постоянно и не празднует вечно,	<i>Feriae</i> , f. 1, pl., празд- ник. <i>Ignaus</i> , a, um ленивый.
ut <i>Ignavus</i> 4	как лентяй 4	
et <i>Cicada</i> , 5	или кузнечик 5,	
quos tandem	которых в конце концов	
premit <i>Inopia</i> . 6	гнетет нужда 6.	
Incepta urget alacriter, ad finem usque,	Начатую работу оно бодро исполняет до конца,	<i>Inceptus</i> , a, um начатый. <i>Finis</i> , m. 3, конец.
nihil procrastinat,	ничего не откладывает	
nec cantat cantilenam <i>Corvi</i> , 7	до завтра и не распекает песенки ворона 7,	<i>Cantilena</i> , f. 1, песня <i>Corvus</i> , m. 2, ворон.
qui ingeminat <i>cras, cras</i> .	который повторяет cras, cras (завтра, завтра- ра).	
Post labores exantlatos et lassata,	После законченных трудов оно, утомленное,	<i>Exantlatus</i> , a, um за- конченный. <i>Lassatus</i> , a, um утом- ленный.
quiescit	отдыхает.	<i>Quies</i> , f. 3, покой, отдых.
Sed, quiete recreata, ne adsuescat Otio, redit ad Negotia.	Но, обновивши силы отдыхом, оно возвра- щается к занятиям, что- бы не привыкнуть к по- кою.	<i>Otium</i> , n. 2, покой, до- суг. <i>Negotium</i> , n. 2, дело, за- нятие.
Diligens Discipulus, similis est <i>Apibus</i> 8	Прилежный ученик подобен пчелам 8,	<i>Diligens</i> , o. 3, прилеж- ный. <i>Similis</i> , c. 3, e, n. 3, по- добный. <i>Apis</i> , f. 3, пчела. <i>Varius</i> , a, um разный <i>Flos</i> , m. 3, цветок. <i>Mel</i> , n. 3, мед. <i>Alveare</i> , n. 3, улей.
quae ex variis <i>Floribus</i> 9	которые с разных цветов 9	
Mel congerunt in <i>Alveare</i> 10 suum.	собирают мед в свой улей 10.	

СХИ

Temperantia

Temperantia, 1
modum praescribit
Cibo ac *Potui* 2

Умеренность

Умеренность 1
предписывает соблю-
дать меру
в пище и питье 2

Modus, m. 2 мера.
Cibus, m. 2, пища.
Potus, m. 4, питье.

et continet
Cupidinem,
seu *Freno*; 3
et sic
omnia moderatur,

и сдерживать
жадность,
словно уздой 3;
и так она
умеряет все,

Cupido, f. 3, жадность.
Frenum, n. 2, узда.

Omnis, c. 3, e, n. 3,
весь.

n: quid nimis fiat.

Heluones (ganeones)

inebriantur, 4
titubant, 5
ructant (vomunt) 6
et *rixantur*. 7
E *Crapulâ*
oritur
Lascivia;
ex hac
vita libidinosa

inter *Fornicatores* 8

et *Scorta*, 9
Osculando (basiando),
palpando,
amplexando
et *tripudiando*. 10

дабы не было ничего
чрезмерного.

Гуляки

напиваются 4,
шатаятся 5,
рыгают 6
и дерутся 7.
От пьянства
происходит
похотливость,
от последней
распутная жизнь
между развратными
мужчинами 8

и женщинами 9,
в поцелуях,
ласках,
объятьях,
плясках 10.

Heluo, m. 3 (*Ganeo*,
m. 3), гуляка, пьяница.

Crapula, f. 1, пьянство.

Fornicator, m. 3, рас-
путник.
Scortum, n. 2, блудница.

СХІІІ

Fortitudo

Мужество

Fortitudo 1
impravaida est

in Adversis,

ut Leo, 2
et confidens;

at non tumida

in Secundis;

innixa
suo Columini 3,

constantiae:

et eadem
im Omnibus
parata,
ad utramque fortunam

aequo animo
ferendam.

Мужество 1
бесстрашно

в несчастьях,

как лев 2,
и уверено в себе,

но и незапасливо

в счастье.

Оно опирается
на свою опору 3 —

постоянство.

Оно неизменно
во всех обстоятельствах
и готово спокойно
переносить

и удачу, и неудачи.

Impravidus, a, um бес-
страшный.

Adversus, a, um против-
ный, несчастный.

Confidens, o, 3, уверен-
ный в себе.

Tumidus, a, um гордый,
запасливый.

Secundus, a, um благо-
приятный, счастливый.

Columen, n, 3, опора,
столп.

Constantia, f, 1, твер-
дость, постоянство.

Paratus, a, um готовый.

Uterque, traque, trum-
que, n, 2, тот и другой, оба.

Fortuna, f, 1, судьба.

Aequus, a, um, ровный,
спокойный.

Animus, m, 2, дух.

Clypeo 4
Tolerantiae

excipit
ictus
Infortunii;

et *Gladio 5*
Virtutis
propellit
hostes
Euthymiae, Affectus.

На щит 4
выдержки оно

принимает
удары
несчастья

п мечом 5
добродетели
отражает
врагов
душевного спокойствия,
т. е. страсти.

Ferendus, a, um который
должно перенести.
Clypeus, m. 2, щит.
Tolerantia, f. 1, терпе-
ние.

Ictus, m. 4, удар.
Infortunium, e. 2, не-
счастье.
Gladius, m. 2, меч.
Virtus, f. 3, добродетель.

Hostis, m. 3, враг.
Euthymia, f. 1, душев-
ное спокойствие.
Affectus, m. 4, страсть

CXIV

Patientia

Терпение

Patientia 1
tolerat
Calamitates 2
et *Injurias 3*

humiliter,
ut *Agnus, 4*

Терпение 1
переносит
бедствия 2
и обиды 3
с покорностью,

как ягненок 4,

Calamitas, f. 3, бедствие.
*Injuria, f. 1, обида, не-
справедливость.*

<i>tanquam paternam Dei</i>	видя в них отцовский	<i>Paternus</i> , а, ум отцовский.
<i>ferulam</i> . 5	жезл, которым Бог наказывает человека 5.	<i>Ferula</i> , f. 1, палка, жезл (для наказания). <i>Deus</i> , m. 2, Бог;
<i>Interim innititur</i>	В то же время оно опирается	
<i>Spei anchorae</i> , 6	на якорь надежды 6	<i>Spes</i> , m. 5, надежда. <i>Anchora</i> , f. 1, якорь.
(<i>ut Navis 7 mari fluctans</i>).	(как корабль 7, борющийся с морскими волнами).	<i>Mare</i> , n. 3, море.
<i>Deo supplicat 8</i>	Оно молит Бога 8	
<i>illacrimando</i>	со слезами	
<i>et expectat</i>	и ожидает	
<i>post Nubila 9</i>	после туч 9	<i>Nubilum</i> , n. 2, туча
<i>Phoebum</i> , 10	солнца 10,	<i>Phoebus</i> , m. 2, солнце.
<i>ferens mala, sperans</i>	перенося несчастья	<i>Ferens</i> , o. 3, переносит <i>Malus</i> , u, um дурной, злой. <i>Sperans</i> , o. 3, надеясь. <i>Melior</i> , e. 3, us, n. 3, лучший.
<i>meliora</i> .	и надеясь на лучшее.	
<i>Contra</i>	Наоборот,	
<i>Impatiens 11</i>	нетерпеливый 11	
<i>plorat, lamentatur,</i>	плачет, жалуется,	
<i>in seipsum 12 debacchatur,</i>	неистовствует против самого себя 12,	
<i>obmurmurat,</i>	ворчит (рычит),	
<i>ut Canis, 13</i>	словно собака 13,	
<i>et tamen nil proficit;</i>	и все-таки ничего этим не достигает.	
<i>tandem desperat</i>	Наконец он приходит в отчаяние и становится самоубийцей 14.	
<i>et fit Autochir. 14</i>	За обиды он яростно жаждет отомстить.	<i>Furibundus</i> , а, um яростный.
<i>Injurias vindicare cupit furibundus.</i>		

СХV

Humanitas

Человечность

<i>Homines facti sunt ad</i>	Люди созданы для	<i>Homō</i> , m. 3, человек
<i>mutua commoda ergo</i>	взаимной пользы, по-	<i>Commodum</i> , n. 2, вы-
<i>sint humani.</i>	этому они должны быть	года, польза.
	человечны (друг к дру-	<i>Humanus</i> , а, um ласко-
	гу).	вый, человеческий.
<i>Sis suavis</i>	Будь приятен	<i>Suavis</i> , c. 3, e, n. 3, приятный.
<i>et amabilis Vultu; 1</i>	и ласков лицом 1,	<i>Amabilis</i> , c. 3, e, n. 3, ласковый. <i>Vultus</i> , m. 4, лицо.

comis et urbanus

вежлив и учтив

Comis, с. 3, е, п. 3, вежливый.

gestu

в манерах

Gestus, м. 4, манера жест.

ac Moribus; 2

п в поведении 2,

Mos, м. 3, нрав, повед-ки.

affabilis

приветлив

Affabilis, с. 3, е, п. 3, приветливый.

et verax

п правдив

Verax, о. 3, правдивый.

Ore; 3

в своей речи 3,

Os, п. 3, рот.

candens et candidus

горяч и чист

Candens, о. 3, пылающий, горячий.

Candidus, а, ум белый, чистый.

Corde. 4

сердцем 4.

Cor, п. 3, сердце.

Sic ama, etc amaberis; Люби, тогда и тебя будут любить.

sic fiet mutua Amicitia,

Отсюда возникает взаимное дружелюбие 5,

5

seu Turturum, 6

какое бывает между голубями 6,

Turbur, м. 3, голубь.

concors,

единодушное,

Concors, о. 3, единодушный.

mansueta

кроткое

Mansuetus, а, ум кроткий, тихий.

et utrinque
benevola.п с обеих сторон
благожелательное.

Benevolus, а, ум благожелательный.

Morosi homines

Угрюмые люди

Morosus, а, ум угрюмый.

sunt odiosi,	всем неприятны,	Odiosus, a, um неприятный, ненавистный.
torvi,	мрачны	Torvus, a, um мрачный.
illepidi,	грубы,	Illepidus, a, um грубый.
contentiosi,	сварливы,	Contentiosus, a, um сварливый.
iracundi, 7	гневливы 7,	Iracundus, a, um гневливый.
crudeles 8	жестоки 8	Crudelis, c. 3, e, n. 3, жестокий.
ac implacabiles	и неумолимы	Implacabilis, c. 3, e, n. 3, неумолимый.
(magis lupi et leones, quam homines) et inter se discordes,	(более похожи на волков и львов, чем на людей), враждебны друг другу,	Lupus, m. 2, волк. Leo, m. 3, лев. Discors, a. 3, несогласный, враждебный.
hinc confligunt <i>Duello.</i> 9	а потому и вступают в поединки (столкнове- ния) друг с другом 9.	Duellum, n. 2, сраже- ние, поединок.
<i>Invidia,</i> 10 aliis malè cupiendo, seipsam conficit.	Зависть 10, желая другим зла, сама себя съедает.	

CXVI

Justitia

Справедливость

<i>Justitia</i> 1 pingitur sedens in lapide quadrato: 2	Справедливость 1 рисуют сидящей на квадратном камне 2,	Sedens, o. 3, сидя. Lapis, m. 3, quadratus, m. 2, квадратный ка- мень.
nam debet esse immobilis;	ибо она должна быть неподвижна,	Immobilis, c. 3, e, n. 3, неподвижный.
<i>obvelatis oculis,</i> 3	с завязанными глазами 3,	Obvelatus, a, um завязанный. Oculus, m. 2, глаз.
ad non respiciendum personas; claudens	дабы не считаться с лицами. Она закрывает	Persona, f. 1, лицо. Claudens, o. 3, закрыва- вая.
aurem sinistram, 4	левое ухо 4,	Sinister, -tra, -trum, ле- вый.
reservandam alteri parti;	чтобы сохранить его для другой (спорящей) стороны.	Auris, f. 3, ухо. Alter, a, um другой. Pars, f. 3, сторона.
dextrâ tenens	В правой руке	Dexter, -tra, -trum, правый.
<i>Gladium</i> 5 et <i>Fraenum,</i> 6 ad puniendum	она держит меч 5 и узду 6 для наказания	Tenens, o. 3, держа. Gladius, m. 2, меч. Fraenum, n. 2, узда.

et coërcendum
Malos;

и обузданпя
злых людей.

Malus, a, um злой, дур-
ной.

Praeterea Statëram, 7
cujus dextrae Lanci 8

Кроме того, она дер-
жит весы 7,
на правую чашку 8
которых положены

Statëra, f. 1, весы.

Lanx, f. 3, чашка весов.

Merita,
Sinistrae, 9
praemia imposita,

заслуги,
а на левую 9 —
награды,

Meritum, n. 2, заслуга
Sinister, a, um левый
Praemium, n. 2, награда.
Impositus, a, um поло-
женный.

sibi invicem exaequan-
tur,
atque ita Boni

уравновешивающие
друг друга взаимно.
Этим хорошие люди

Bonus, a, um хороший,
добрый.

ad virtutem,
ceu Calcaribus, 10
incitantur.

подстрекаются,
словно шпорами 10,
к добродетели.

Virtus f. 3, добродетель.
Calcar, n. 3, шпора.

In Contractibus, 11
candidè agatur;

В принятых на себя
обязательствах 11 нуж-
но быть честным;
договоры и обещания
нужно крепко поддер-
живать;

Contractus, m. 4, за-
ключенное условие,
контракт, обязательство.
Pactum, n. 2, договор
Promissum, n. 2, обеща-
ние.

Depositum et Mutuum

reddantur;
nemo expiletur 12

отданное на хранение
или взаимы
нужно возвращать;
ни у кого нельзя похп-
щать (имущество) 12

aut laedatur; 13

suum cuique tribuatur;

haec sunt Praecepta Iustitiae.

Talia prohibentur

quinto et septimo

Dei praecepto, et merito
Cruce ac Rotâ 14 puniuntur.

п (никому) пельзя при-
чинять обиды 13;
каждому отдавать долж-
ное —

таковы правила сира-
ведливости.

Вот что запрещается
пятой и седьмой

заповедью божьей, п
по заслугам виновные
наказываются висели-
цей и колесом 14.

Praeceptum, n. 2, пред-
писание, закон, пра-
вило.

Talis, c. 3, e, n. 3, та-
кой.

Quintus, a, um пятый
Septimus, a, um седьмой.

Deus, m. 2, Бог.

Crux, f. 3, виселица
(крест).

Rota, f. 1, колесо.

CXVII

Liberalitas

Щедрость

Liberalitas 1
modum servat
circa Divitas,

quas honestè quarit,

ut habeat quod largiatur

Щедрость 1
соблюдает меру
в пользовании богатст-
вами,
которые она честно
приобретает
для того, чтобы иметь,
что подать

Modus, m. 2, мера.
Divitiae, f. 1, pl., богат-
ство.

<i>Egenis</i> ; 2	бедным 2.	<i>Egenus</i> , а, ум бедный
<i>Hos vestit</i> , 3	Она их одевает 3,	
<i>nutrit</i> , 4	кормит 4	
<i>ditat</i> , 5	и помогает 5	
<i>Vultu hilari</i> 6	с радостным лицом 6	<i>Hilaris</i> , с, 3, е, п, 3, радостный, веселый. <i>Vultus</i> , м, 4, лицо. <i>Alatus</i> , а, ум крылатый. <i>Manus</i> , f, 4, рука. <i>Opes</i> , f, 3, pl., добро, богатство.
<i>et Manu alata</i> . 7	и крылатой рукой 7.	
<i>Opens</i> 8 sibi subjicit;	Она господствует	
non se illis,	над богатством 8,	
ut <i>Avarus</i> , 9	а не оно над нею,	
qui habet, ut habeat,	как скупец 9,	<i>Bonum</i> , п, 2, добро.
et bonorum suorum non	который имеет для того,	
Possessor est	чтобы иметь,	
sed Custos,	и является не владель-	<i>Insatiabilis</i> , с, 3, е., п, 2, ненасытный.
et, insatiabilis, semper	цем своего добра,	
corradiit 10	а сторожем,	
<i>Unguibus suis</i> .	и ненасытно и беспре-	<i>Unguis</i> , м, 3, ноготь, коготь.
<i>Sed et parcit et adservat</i>	станно наскребывает 10	
	его	
<i>occludendo</i> , 11	своими ногтями.	
ut semper habeat.	Однако щедрость и бе-	
At <i>Prodigus</i> 12	режет, и сохраняет свое	
malè disperdit bene	добро,	
parta, ac tandem eget.	запирая его 11,	
	чтобы всегда иметь.	
	А расточитель 12	<i>Partus</i> , а, ум приобре-
	неразумно расточает	тенный.
	то, что было хорошо	
	собрано, и в конце кон-	
	цов впадает в бедность.	

СХХХVI

Ludi pueriles

Детские игры

<i>Pueri</i>	Мальчики	
<i>ludere solent</i>	играют обычно	
vel <i>globis fictilibus</i> ; 1	или глиняными ша-	<i>Globus</i> , м, 2, fictilis, с, 3, глиняный шар.
	рамн 1,	<i>Jactans</i> , о, 3, бросаю, катаю.
vel <i>jactantes</i>	или катаю	<i>Globus</i> , м, 2, шар. <i>Conus</i> , м, 2, кегля. <i>Sphaerula</i> , f, 1 шарик <i>Clava</i> , f, 1, дубинка <i>Annulus</i> , м, 2, кольцо.
<i>Globum</i> 2	шар 2	<i>Turbo</i> , м, 3, кубарь. <i>Flagellum</i> , п, 2, бич. <i>Sclopus</i> , м, 2, полый тростник.
ad <i>Conas</i> ; 3	на кегли 3,	
vel <i>Sphaerulam</i>	или же с помощью	
<i>Clavâ</i> 4	дубинки 4 они мечут	
<i>mittentes per Annulum</i> ; 5	шарик через кольцо 5,	
	приводят во вращение	
vel <i>Turbinem</i> 6	кубарь 6 посредством	
<i>Flagello</i> 7	бича 7, стреляют из	
<i>versantes</i> ; vel <i>Sclopo</i> , 8	полой тростинки 8	

et Arcu 9 или из лука 9, Arcus, m. 4, лук.
 jaculantes; vel Grallis 10 ходят на ходулях 10 Jaculans, o. 3, стреляя.
 Grallae, f. 1, p., ходули.

incedentes;
 vel super *Petaurum* 11
 se agitantes
 et oscillantes.

или качаются
 на качелях 11.

Incedens, o. 3, ходя.
 Petaurum, n. 2, качелп.
 Agitans, o. 3, двпгая.
 Oscillans, o. 3, качаясь.

Clausula

Ita vidisti
 summam
 Res omnes,
 quae ostendi poterunt,
 et didicisti
 Voces primarias

Latinae
 (Germanicae)

Linguae.
 Perge nunc,
 et lege diligenter

Заключение

Итак, ты увидел
 в целом
 все вещи,
 которые можно было
 показать,
 и изучил
 важнейшие слова

латинского
 (немецкого)

языка.
 Теперь продолжай
 и читай усердно

Res, f. 5, вещь.

Primarius, a, um важ-
 нейший.
 Vox, f. 3, слово.
 Latinus, a, um латин-
 ский.
 Germanicus, a, um не-
 мецкий.
 Lingua, f. 1, язык.

alios bonos Libros,

другие хорошие книги,

Alius, a, us другой.

Bonus, a, um хороший

Liber, m. 2, книга.

ut fias Doctus,
Sapiens et Pius.

чтобы стать ученым,
мудрым и благочестивым.

Doctus, a, um ученый.

Memento horum:
Deum time,
et invoca eum,
ut largiatur tibi
Spiritum Sapientiae.

Vale!

Помни одно:
бойся Бога
и призывай его,
да подаст тебе
дух мудрости.

Прощай!

Deus, m. 2, Бог.

Spiritus, m. 4, дух
Sapientia, f. 1, мудрость.

ВСЕОБЩИЙ СОВЕТ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Роду человеческому, и прежде всего ученым, верующим и власть имущим Европы

Разве нет больше мудрости в Фемане? Разве не стало совета у разумных? Оскудела мудрость их?
(Иер. 49, 7)

Без совета предприятия расстроятся, а при многих советниках они утвердятся.

(Притч. 15, 22)

Выслушайте, мудрыс, речь мою, и приклоните ко мне ухо, рассудительныс! Установим между собой рассуждение и распознаем, что хорошо.

(Иов. 34, 2; 4)

*Светочи Европы,
ученые, благочестивые, высокие мужи,
приветствую вас!*

1. В афипском Ареопаге было правило: «Без предисловий и страстей!» Великие мужи, вы для меня — высокие Афины, вы — славный Ареопаг! Только правила этого я не послушаюсь. Во-первых, излагаемое перед вами дело важнее любого, когда-либо стоявшего перед Ареопагом; грех был бы не предупредить об этом. Во-вторых, я вижу вас погруженными в такое множество занятий, что без какого-то исключительного повода слушать меня вы не будете, а если не будете, то и говорить о столь важных вещах не подобает. Чувствую, в-третьих, уже сейчас, впервые выступая перед вами, что должен заранее отразить любую предвзятость по отношению ко мне и к моему делу не просто щитом, но каменной стеной; ею, с вашего позволения, я и огражусь.

2. Вы видите, к чему мы приступаем! Будем *совеща́ться об исправлении дел человеческих всеобщим образом* (catholice)¹, то есть всеохватно и всенародно, как еще не делалось от начала мира. По существу дела здесь нет ничего нового; по способу подхода к делу — небывалая новизна. Конечно, с тех самых пор, как в мире начался упадок, человеческими умами еще ни разу не овладевала такая косность, чтобы они перестали видеть и оплакивать свои беды, стре-

миться к каким-то добрым переменам; да в любом веке, народе, состоянии разумнейшие из людей уже и потрудились в меру своих сил. Но вплоть до сего дня никогда еще не замышлялось исправление *всех пороков всеми сообща* — к чему вас и побуждаю, возможность чего на благо всему миру и доказываю.

3. Что касается первого², то свидетельством здесь мудрые мысли, речи, деяния, в огромном числе донесенные до нас письменностью, начиная от глубокой древности. Все эти труды можно считать похвальными, если судить по намерениям; и добрыми и дурными, если судить по средствам исполнения; пока еще мало отвечающими поставленным целям, если судить по исходу. Мировое нестроение продолжается, и для всей совокупности человеческого рода дело не тронулось с места: хоть божьей милостью много что заметно улучшается день ото дня в разных местах, но потом снова скатывается в хаос.

4. Неужели никак нельзя каким-то более действенным образом исправить все множество разнообразных, нелепых и гибельных извращений, мало-помалу совершенно избавив от них человеческий род? Что мешает попытаться? И, как нам после других, что мешает другим после нас тоже снова и снова делать такие же попытки? Задача заведомо такова, что предпочтительней тысячу раз дерзнуть и потерпеть неудачу, чем тысячу раз воздержаться от попыток, — особенно если Богом указан какой-то новый, еще нехоженный путь. Но именно таков, как станет ясно, предлагаемый нами. В самом деле, он поистине всеобъемлющ и направлен на высшие в этой области *цели* человеческих — да, скажу больше, и божьих — стремлений; он открывает или, открыв с божьей помощью, показывает и *средства*, способные прямо, надежно и безошибочно привести нас к целям; он, наконец, предлагает настолько простые *способы* применения этих средств, что остается единственно лишь захотеть и, призвав на помощь Бога, приняться за веками ждавшее наших рук дело.

5. Подробно развертывая перед всеми этот путь в нижеследующем сочинении, мы рассматриваем по порядку семь предметов.

6. Сначала мы определяем, что надо понимать под человеческими делами: а именно обращение людей *с вещественным миром*, над которым полная власть, *с другими людьми*, с которыми разумное общение, и *с Богом*, под которым вечное послушание, исполнение его воли и приуготовление к вечному с ним соединению завещаны сотворенному по образу Творца человеку, — словом, *познание, государственное устройство*³ и *вера*. Показ того, какими все три области должны были бы быть в свете своей идеи и соответственно божественному намерению, обнаруживая, что всё в них не так, всё в расстройстве и упадке, служит пробуждению в нас сознания беды и стремления к лучшему, если такое хоть как-то

возможно. Эта первая часть называется ПАНЕГЕРСИЕЙ, то есть ступенью всеобщего пробуждения.

7. Потом мы исследуем открывшиеся перед нами пути и показываем, что действительно рассеять сумерки человеческих неурядиц способно только одно, зато несомненное и могучее, средство — повсеместное распространение света разума. Эта часть получит у нас наименование ПАНАВГИИ, то есть пути всеобщего просвещения.

8. Дальше мы изыскиваем способ, каким можно было бы охватить в свете разума совокупность мира некими пределами, чтобы умственному взору предстала связанная, нигде не прерывающаяся цепь вещей, позволяющая единым взором обозреть все, что где бы то ни было существует, увидев все в той последовательности и таким именно образом, как оно существует. И это будет у нас ПАНТАКСИЯ, всеобщее упорядочение мира, что раньше обозначалось именем ПАНСОФИИ⁴.

9. В четвертой части мы ищем способ ввести в пределы того же света человеческие умы, чтобы не было человека, который не смог бы после обучения постичь мироздание и все мыслимое под небом. Назовем это ПАМПЕДИЕЙ*, всеобщей культурой ума.

10. В-пятых, мы отыскиваем приемы распространения этого света, чтобы он мог неостановимо просвещать все племена, народы и языки всего мира. Поскольку это возможно только через посредство языка, назовем эту часть нашего Совета ПАНГЛОТТИЕЙ, то есть всеобщей культурой языка.

11. В-шестых, мы показываем, как на основе всего сказанного можно было бы уже исправлять состояние познаний, веры и общественного устройства, по воле божией вводя во вселенной век просвещения, веры и мира. Мы означиваем это именем ПАНОРТОСИИ, то есть всеобщего преобразования.

12. Наконец, наглядно показав не только возможность всего этого, но и несомненно проявившуюся в открытии стольких путей божественную благорасположенность, мы обращаемся к вам, ученые, верующие и властители, а потом и ко всем христианам на свете с увещанием всерьез приступить ко всем этим столь желательным и желанным трудам.

14. Но прежде чем начать изложение своих соображений, пожеланий и находок, какие послал нам Бог, сперва, обращаясь к вам, светочи христианского мира, мудрые, благочестивые и высокие му-

* Поскольку этот термин чаще употребляется в форме *панпедия*, передающей его латинскую орфографию, хотя встречающаяся в литературе форма *панпедия* точнее выявляет его смысловой состав (см. ниже, с. 383), мы сохраняем более распространенное написание (прим. ред.).

жи любого вероисповедания и народа, во весь голос взываю, молю и заклинаю всех вас благосклонно прислушаться к нашим словам, ради Бога и всего, что вам дорого и свято, вот по каким причинам.

15. (. . .) Все, что мы собираемся предложить, вплоть до последних мелочей, касается каждого из вас не меньше, чем меня и кого бы то ни было из смертных. Как же можно желать исполнения этого без вас или втайне от вас? Пусть всенародное совершается всенародно; пусть все делают или, по крайней мере, знают то, что касается всех. Право вести свои дела — не только привилегия и основание общественной свободы какого-то одного племени: таково богоданное право всего человеческого рода. Пока мы на каждом шагу нарушаем его, совещаясь, принимая решения и действуя за других без их участия, не будет конца подозрительности, жалобам, распрям, насилию, противоборству и взаимному разорению. Так покажем же первыми пример, перестанем скрывать друг от друга замыслы и поступки и действовать каждый за себя, начнем сообща советоваться со всеми!

16. (. . .) Мы, христиане, владеем малым уголком земли, да и тем не вполне и не спокойно, тогда как весь остальной мир или не знает, или порочит Христа, свет мира. Да и все другое, относящееся к возвращению человечности, — нравы, общественный порядок, искусства — чуть ли не только у нас одних процветает: в других местах повсюду дикость, варварство, мрак. Причем для решительного распространения будь то веры, будь то наук и искусств, будь то общественного благоустройства у нас уже почти не осталось новых средств, а в до сих пор применявшиеся старые мы почти уже не вкладываем никаких усилий. Так разве не время каким-то громогласным призывом разбудить столь глубоко спящих и тем готовящих неминуемую погибель себе и близким христиан? (. . .)

17. (. . .) Мы, европейцы, плывем как бы на одном корабле и видим азиатов, африканцев, американцев и других словно как бы на своих суденышках скитающимися по тому же самому океану мира и мирских бедствий — невежества, предрассудков, жалкого рабства. И вот, если наш Христос, плывущий с нами на нашем корабле, изобильно благословил нас, переполнив наш невод богатствами бездны своих таинств, то можно ли придумать что-то лучшее, чем знаками подзвать наших плывущих на других кораблях товарищей, чтобы они приблизились и помогли нам? (. . .)

18. (. . .) Желая умиротворения и гибели яростного Марса, опустошившего христианский мир, чего другого мы желаем, как не благозвучной кифары, которая склонила бы души всех людей от жестокости к кротости? Если же таковая найдена, как не выйти перед всеми и не тронуть ее гармоничные струны? Но благой Отец открыл нам эту готовую сладостно зазвучать по всему кругу

земель кифару всеобщей гармонии. Если мы не пожелаем протянуть руку, взять кифару, тронуть перстами струны и нежной мелодией умягчить уши и сердца буйных безумцев, то проявим неблагодарность и будем наказаны за пренебрежение к Богу и людям (. . .)

19. (. . .) Едва ли когда от начала мира был век, подобный нашему теперешнему, когда явственно исполнились слова пророка: «Многие проникнут, и умножится знание» (Дан. 12, 4)⁵. Многие счастливо проникли в тайны неба и земли, день ото дня добывая и раскрывая новые истины. Если на каждом шагу это прекрасно удается в частностях, то не подошло ли время для какой-то всеобъемлющей попытки? (. . .)

20. (. . .) Все ярче и ярче сияет пророческий свет, в котором для каждого исследующего суды божии становится ясно, что на последние века уготовано славное преобразование мира для всех племен и народов. (Об этом читай даже у одного из римских католиков, Томмазо Кампанеллы, написавшего о божием царстве и монархии мессии⁶.) Поэтому и нам показалось уместным всенародно предложить божией Церкви то, что нам было дано открыть относительно того же всеобщего восстановления (. . .)

21. (. . .) О христиане, излюбленный народ божий, ваши философские, богословские, политические раздоры, как бы вечные и нескончаемые, показывают ваше непонимание собственного блага. Увы, нет числа раскалывающим нас мнениям! Нет ни меры, ни конца рождающейся отсюда ненависти и смуте. Мы самым злоеющим образом яримся друг на друга перед лицом неверных, едва ли еще замечая, отчего это у нас так получается. Такое оцепенение и такое нездравомыслие овладели всеми, что мы почти уже совсем потеряли голову; действительного лекарства, сколько ни было попыток, до сих пор не найдено. И, видно, не осталось уже никакого другого выхода, кроме как, оставив все привычные пути, — которые, как обнаруживается, всего больше похожи на путаные и безнадежные лабиринты, — попытаться *возродить Согласие на новых основаниях* (. . .)

22. Словом, божественного усилия достоин тот сложнейший, чем Гордиев, узел, который в своем труде мы предлагаем вам, о цвет христианского мира, или распутать умелым искусством, или рассечь мечом взаимной любви, чтобы несчастные ваши раздоры сменились трижды святым и благословенным согласием и, по утверждении среди вас милостью божией всеобщей гармонии, свет и истина, мир и покой, а с ними подлинное счастье пришли ко всему остальному миру прямыми и богопоспешными путями и способами.

23. Что это за пути, откроется в нижеследующем труде, где мы излагаем свои заветные мысли, советы и призывы ко всеобщему

исправлению человеческих дел, — причем так, что от них не приходится бояться никакой опасности ни для одного человека или народа, ни для одной религии или школы⁷, все равно, выйдет ли из моего дела или нет. Если выйдет — мы стяжали мир; если нет — мы так или иначе изложили перед Богом и его светом свои мечты о прославлении божием и всеобщем спасении человеческом, что по крайней мере послужит поводом для более внимательной оценки многих — до сих пор, пожалуй, оставлявшихся без рассмотрения — вещей; а отсюда может воспоследовать возрастание святой христианской ревности и неуклонное упрочение спасительной добродетели у многих людей.

24. А не хватит сил для задуманного, что за беда? Бог оценивает сделанное по стремлениям, да и другие мудрые судьи — тоже. «Для стремящихся к высшему, — говорит Цицерон, — почетно остановиться даже на вторых, даже на третьих подступах к нему»⁸; в возвышенных вещах великим будет и то, что идет следом за наилучшим. Если и этого мало для оправдания, то можно проклясть и очернить наши усилия, а то и весь труд, но все-таки еще никоим образом не породившее его намерение, которое столь высоко и чисто, что не подлежит никакому человеческому суду: совещаться о всеобщем благе понуждает любовь, велит Бог, заставляет общность по крови. (...)

25. Но чтобы не показаться уклоняющимся даже и от человеческого суда, возвращаюсь к вам, мои ареопагиты, и отдаю себя со всеми своими помыслами и планами на ваш общий, выдающийся мужи, суд. Коли я в чем ошибся, учите меня, а я помолчу; если чего не знал, разъясните мне (Иов, 6, 24). Доверчиво предлагаю вам судить меня и мое дело — но судить лишь после разбирательства, и не так, чтобы кто-то один поспешил с приговором, а только по общему и взвешенному решению: не кого-то одного из вас, не немногих, даже не многих, а только всех вместе я делаю своим трибуналом; ожидаю голосования не большинства, но только полного состава. Поистине так крепка наша вера в дело, которое мы беремса вести перед Богом и вами, что мы ничуть не убоимся предстать перед самым строгим судилищем. Постараемся избегать всего недостойного этой нашей веры и вас, наших высоких зрителей: не будем в главном и целом ссылаться ни на что, в чем мы не имели бы свидетелями природу вещей, верховного мироправителя — Бога и, наконец, самих же вас, а именно ваши же собственные чувства, — ведь поскольку мы всё осязаемо представим всем, никто не сможет отказать нам в согласии, если только он не в споре с самим собой.

26. Все вместе, о мудрые мужи, вы будете для меня великим Ареопагом, и даже более великим, чем древний афинский: там судьи собирались в определенном числе, в определенное время для

разбора уголовных преступлений в храме бога войны, я же приглашаю вас в несчетном числе для суда не о чьей-то жизни, а о спасении всего мира, не к алтарю воображаемого божества, а перед лицом живого и истинного Бога Иисуса Христа, покровительствующего не войнам и разбою, а миру и жизни и велящего вам во всеоружии его даров главенствовать в качестве его заместителей над человеческими делами. Так что на его-то суд я себя и отдаю, коль скоро вы будете исполнять как бы его работу — ревностно, трезвенно, благочестиво. Постарайтесь, молю вас, не оказаться в доверенном вам деле небрежнее, чем старые ареопагиты были в своем. Собрания Ареопага не прерывались, как пишет Скалигер («Об исправлении хронологии», кн. 2), чтобы правда и невинность всегда имели себе прибежище. Пусть ваше собрание и ваше соглашение при разборе данного дела тоже будут единодушными и постоянными, пока вашими трудами не обнаружится перед всеми все, что там кроется верного и доброго. Славится строгость суда ареопагитов и их неподкупность: они проводили разбирательство уголовных дел не днем и не при свете, а ночью и в темноте, чтобы смотреть не на говорящих, а на то, что они говорят; недаром их приговоры считались самыми обоснованными. Поступайте так же и, ради праведности своего суда, будьте совершенно нелицеприятны, со вниманием добираясь до сути дела через слова, приходящие к вам как бы из темноты. С той же целью и мы говорим как бы анонимно⁹, чтобы не пришлось принимать во внимание личность, положение, народность, вероисповедание говорящего, но зато тем отчетливее само дело без покровов выступило бы перед очами вашего ума и вы поняли бы или ощутили, что здесь всё служит общему благу и ни одному из смертных не замышляется ущерб.

32. Полезно еще помнить: мы пишем *совет*, поэтому во всем своем труде лишь совещаемся, т. е. предлагаем свои воззрения и показываем причину своей уверенности в неложности излагаемого; любому из людей, народов, исповеданий во всем оставляется полная свобода соглашаться или не соглашаться. Если всем всё покажется таким же, как мне, и не представится разумных возражений, то воцарится согласие, и общее заключение будет принято за несомненную истину. Если кому покажется иначе, если найдутся более весомые доводы и откроется возможность изложить всю полноту дела с большей очевидностью, мы уступим — и опять-таки общее заключение будет служить окончательной истиной. А если ни нам, ни другим не удастся чего-то доказать с последней несомненностью, мы отнесем это к вещам, о которых надо еще подумать, и в молитве к Богу — но при взаимной терпимости — будем просить о прояснении всего сокрытого. Еще: весь труд наш совещательный, поэтому везде в нем обращение предпочитается монологу, увещание — предписанию, мягкий исторический

стиль — строгому философскому. Хочу говорить со всеми так, чтобы каждый услышал свое. Обращаюсь к вам, ученые, как к учителям человеческого рода, опытным в совете, союзникам по отысканию лекарств; к вам, богословы, как к презиращим суету мира первым путеводителям прочих смертных к бессмертию; к вам, цари, государи и властители, как к наставникам рода человеческого, заботливым восстановителям и хранителям доброго порядка.

33. И еще: поскольку Совет наш ведется как бы со всеми народами земли — в конце нашего труда можно будет найти и план преподания его всем народам на их собственных языках, — а они расколоты и отчуждены друг от друга разнообразием мнений обо всем, особенно о Боге, то мы предполагаем продвигаться с осторожностью, никого не браня за пороки, никому не ставя в счет заблуждения, никого не порицая ни прямо, ни косвенно. Мы знаем, что никто не заблуждается по воле, — ибо ради какой цели он хотел бы заблуждаться? Знаем, что недуги легче изыть добрым порядком жизни, чем сильнодействующими средствами; знаем, что после внедрения света нет нужды особо бороться с тьмой: она скроется сама (. . .) Учить значит вести — от известного к неизвестному, — а водительство означает действие мягкое, ненасильственное, желанное, не ненавистное: желая вести, я не толкаю, не гою, не сбиваю с ног, не тащу, а, взяв за руку, любезно сопровождаю или, идя вперед по ровному пути, приглашаю следовать за собой.

34. Поскольку же опыт учит бесполезности споров, суетности раздоров и взаимного обличения ошибочных взглядов, надо приступать к делу с величайшей осторожностью. Мы все хотим и добиваемся примирения, поэтому воинствовать явно не время. Лучше собрать и соединить истины, а заблуждения или полегоньку свести к средоточию истины, или хотя бы скрыть, пока не откроется способ их тоже свести к общему средоточию истины. Словом, как мы считаем, заблуждения, порожденные невежеством (а другого источника у них нет), надо рассеять тихим светом открывшейся правды, а возникшие, возросшие и укоренившиеся во взаимной грызне школы и направления — размягчить и преобразить дружжелюбным теплом участия, потому что другими средствами это не удастся. Тьму тьмой не изгнать; мнение не уступит мнению, школа — школе, ненависть — ненависти: они скорее ожесточаются и крепнут в противоборстве, ведь одинаковые вещи, пока остаются собой, действуют одинаковым, а противоположные — противоположным образом ¹⁰.

35. Итак, собираясь звать людей не к войнам, а к размышлению и к союзу, — чтобы, убедившись в большей богоугодности собрания, чем рассеяния, они приступили к повсеместному соединению

разрозненных душевных устремлений, — мы опередим их достойным примером: в нашем труде — смотреть ли на него в целом или в отдельных частях — постараемся брать за исходные вещи, в которых никого из нас еще не разделяет и не восстанавливает друг на друга никакое разногласие, и будем продвигаться вперед с неизменной постепенностью и осторожностью, избегая всего оскорбительного, чтобы даже иудей, турок, язычник, не говоря уж о нас, христианах, — какими бы мнениями мы друг от друга ни отмежевывались, — без оскорбления своих чувств мог принять наше рассуждение и совершенствоваться в нем, пока не окажется на ступени, где, видя себя осиянным лучами света и окруженным очевидностью истины, он не будет уже в состоянии ни отступить, страшась позора, ни удержаться от дальнейшего продвижения, надеясь на увеличение света, и возликует в Господе, что в сообществе с другими достиг наконец истины и согласия. Достижение этого-то — во славу Бога, вечного владыки света и истины — мы и ставим себе целью. Судите вы, насколько мы ее достигаем, но как-нибудь в конце концов — в конце концов! — прийти к ней, трижды желанной, помогите!

Спиритус труда о Всеобщем совете

Всеобщий совет содержит:	{	вступление, где излагается поставленная в нем цель; оно называется <i>Панегерсией</i> , то есть степенью пробуждения	кн. I
		его основание, всеобщее просвещение:	кн. II
		<i>Панавгия</i>	кн. III
		собственно корпус труда, где в видах всеобщего исправления излагаются:	кн. IV
		конкретные попытки упорядочения:	кн. V
		его завершающая полнота:	кн. VI
		<i>Панортосия</i>	кн. VII
заключение, где приводятся разнообразные побуждения, к столь желанным целям, пути к которым мы видим раскрытыми; оно называется <i>Панмтесией</i> , степенью всеобщего поощрения	кн. VII		

Всеобщего совета об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

Панегерсия,

всеобщее пробуждение, где после изложения того, что такое человеческие дела, насколько они расстроены, как на небесах и на земле всегда ведется совет об их исправлении и как теперь предстоит вести этот совет по-новому, все люди призываются для всеобщего советования об этом столь общем для всех деле

Синоптическая таблица этой первой книги

	самого себя		гл. II
Что такое побуждение к совету о спасении рода человеческого? (гл. I) Это — тройное побуждение	других людей, а именно путем	изложения существа и величия того, что мы предпринимаем	III
		что такое человеческие дела	IV
		насколько они расстроены	V
		насколько позорно и губительно это расстройство	VI
		что совет об их исправлении непрерывно шел на небесах и на земле	VII
		что его нельзя прекращать	VIII
		что теперь надо начать новую попытку, но на еще не испытанных, поистине всеобщих путях	IX
		и в согласии с законами правильного совета	X
		призывания всех для советования	XI
		сострадательного Бога, пылкими воздыханиями	XII

ГЛАВА I

**Какое мы дело предпринимаем,
почему для него необходим
пробужденный разум и как надлежит
его пробуждать**

1. Мы намереваемся, испросив у Бога благодати, показать роду человеческому все его благо, описать, как мы, преступив пределы этого блага, блуждаем по бесконечным пустыням тщеты, и открыть истинные, прямые и удобные пути возвращения в конце концов к изначальной простоте, покою и счастью.

2. Таким образом, мы приступаем к делу, важнее которого нет на земле: оно касается всех людей и всего в человеке, служит высшей цели и высшей пользе, теперешней и будущей жизни.

3. Поскольку к великому этому делу можно приступать, лишь пробудившись разумом, добившись единодушия человеческого рода и вымолив согласие божией благодати, то мы и начнем прежде всего побуждать, сначала самих же себя, потом всех других, кого только можем, а под конец и самого Бога — к милости и помощи.

4. Самих себя надо побуждать потому, что невозможно пробудить других, если мы сами спим, если видим сны обо всех этих вещах и рассказываем их другим.

5. Потом, других надо стараться пробудить, чтобы они помогли побудить Бога к милосердию и бодрствовали вместе с нами в деле общего спасения¹. Но кого именно пробуждать? И как?

6. Будят обычно людей, отягченных неурочным сном, когда их зовут настоятельные дела, или если грозят бедой враги, начавшийся пожар, или чрезмерный сон вреден для здоровья, а то и смертелен и опасен для жизни, как бывает при летаргическом сне и других сонных болезнях. Но все эти причины сейчас налицо, и они заставляют нас любыми доступными нам средствами поднять род человеческий ото сна.

7. В самом деле, благороднейшее создание божие, человек, посланный в мир ради высоких целей, забыл о лучшей части своего существа и всего меньше занят как раз тем, для чего наделен жизнью. Большинство в конец слепнет, коснеет и дичает. Приходят в мир — и не знают откуда, живут в мире — и не знают зачем, уходят из мира — и не знают куда. Да и пока ходят по земле, главного не делают, относятся к жизни спустя рукава. Думают о пустом, заняты пустым, рады пустякам, питаются пустыми надеждами, словно во сне, и вечно из одной пустоты впадают в другую, пока сами не исчезнут. А меж тем враги, Сатана да смерть,

окурили со всех сторон, ищут, кого пожрать, и пожирают одного за другим; вкруговую облегла нас страшная гроза гнева божия, близится пожар, в котором сгорит мир. Обуянные сонной одурью люди пойдут в вечную погибель, если не вырвутся; стало быть, всех, кого можно, надо будить, чтобы вырвались.

Г Л А В А П

Побуждение первое, себя самого; призывание Бога в свидетели чистоты намерений и в помощники великому дерзанию

1. Проснись, мой ум, пробудись, сердце, стряхните сонливость, все мои чувства! Тогда вялая дремота не помешает великому делу, тогда ночные видения не смогут прокрасться на место дневных замыслов и сны не встанут на место вещей.

2. «За что берешься ты, малый червь? Куда порываешься? Тебе ли по плечу забота о спасении вселенной? На что, обреченный на смерть, посягаешь, дерзая свыше сил? Не изводишь ли себя, готовя себе неминуемую беду? Не навлекаешь ли на себя обвинение в позорном безрассудстве, насмешки и осмеяние?»

3. Тебя, предвечное божество, от которого не скрыто ничто на свете, зову в свидетели, что вот уже много лет, как томится и нетерпеливо трепещет мое сердце! Что же делать мне теперь с замыслами, которые, чувствовал я, мало-помалу внедряются в меня под действием как сокровенных движений души, так и явственных внешних знамений, неся больше и больше света,— подавлю их в себе или дам выход? Выскажу или замолчу? Впрочем, как бы я ни решил, пересилит Твоя сокровенная сила, которая и против воли несет, влечет, понуждает!

4. Что не сон, а реальнейшая вещь то, о чем хочу напомнить смертным, засвидетельствуешь ты сам, Бог богов, мощной рукой совершив все, мечту о чем ты вселил в нас и возможность совершення чего на предначертанных тобою путях дал нам постичь.

Г Л А В А П

**Зачем на совет об исправлении
человеческих дел звать всех,
можно ли созвать всех
и какой легкий и прямой путь
откроется перед этим советом**

1. К вам обращаюсь, все причастные вместе со мной человеческой природе и гнетущим ее бедам! Давайте вместе рассмотрим состояние мира, повсюду тонущего во зле, вместе ужаснемся, вместе восплачем о неизменно повторяющихся, а вернее, постоянных и страшных разорениях мира — или лучше посоветуемся о том, как помочь делу, если только можно ему помочь!

3. Кто бы ни был ты, читатель, проснись и в уверенности, что речь пойдет и о тебе, настрой на внимание слух, ум, речь; выслушай мысли других о себе с той же охотой, с какой выражаешь свои. Это и будет началом твоего советования вместе со всеми другими.

7. Никто не думай о себе так дурно и низко, чтобы не считать себя достойным войти в совет о всеобщем спасении; никто не предавайся гордому отчаянию и не гнушайся выслушивать чужие советы и прибавлять к ним свои!

10. Сперва все кажется несбыточной мечтой, но нет! Ведь если мы не можем собраться все в одно место телесно (да и не надо), нас соединят духовная общность, обмен взаимными посланиями и само это солнце, ежедневно пробегающее по всему кругу земель от одних к другим и всем равно дающее возможность совершения полезных дел.

12. А потом, Бог даст, на каком-нибудь вселенском совете² сойдутся главы земли и сообща поразмыслят о том, что заранее будет таким образом подготовлено.

Г Л А В А П

**Что такое человеческие дела?
Это познание, религия и полития**

2. Почти бесконечно множество окружающих нас в мире вещей, которые требуют нашего участия или требуются нам. Но мудрецы знают, что одни из них — только наши придатки, как тень придаток тела, другие — не пособия, а, скорее, помехи, от которых для нашего же блага лучше отделаться (хоть мы часто обманываемся, безрассудно считая их частицей нашего бытия и наслаждаясь их обладанием).

3. Мы считаем поэтому, что человеческими делами надо называть, собственно, только те — но также и все те, — которые слу-

жат величию человеческой природы; ведь все прочее, общее у нас с животными, именно потому не собственно наше, что общее с ними. Так что даже блага, когда это низшие блага, надо целиком подчинить более высокому: тому, чем мы отличаемся от животных, чем мы возвышаемся над животными и что возносит нас к богоравному величию.

11. Думаю, сначала все должны согласиться со мной в том, что есть три присущих человеческой душе корни человеческого величия: исследующий вещи интеллект, ищущая благо воля и влечение к действию, имеющее в своем распоряжении всевозможные способности. Посмотрим, какие из этих корней произрастают побеги, какие на них созревают плоды.

12. Из жажды истины происходит философия, искание мудрости. Из желания блага рождается религия, то есть почитание высшего блага и наслаждение им. Из стремления властно распоряжаться вещами при высшем его усилии³ достигается полития, то есть приведение людей, вечно пускающихся в разнообразные предприятия, к такому порядку, когда в своих занятиях они не мешали бы, а помогали другим.

17. Нет сомнения, что до сих пор еще не было на земле народа, города, семьи и никогда не было такой эпохи мира, когда нельзя было видеть стремление людей к мудрости, к политике и к религии, пускай иногда очень слабое и крайне путаное, но все-таки никогда не иссякающее. Как тут можно не понять, что человеческий дух создан для этого, на этом основывает свое величие и, значит, этому должен посвятить себя?

18. И если бы как-то удалось заглянуть в каждую человеческую душу (а в свою может заглянуть каждый), то открылось бы, что эти три божественные черты — воля к знанию, воля к власти и воля к наслаждению вечным благом — неизгладимо отпечатались на человеческой природе. Только недочеловек или урод предпочтет незнание знанию, захочет лучше рабствовать, чем повелевать, и будет скорее ничего в мире не чтить, чем чтить хоть что-нибудь, то есть захочет скорее отвергнуть благосклонность божества и вечное блаженство, чем наслаждаться ими. В самом деле, хотя иногда и встречаются такие чудовища, они повсюду носят за собой свое наказание, будучи или другим, или самим себе ненавистны как недоноски и выродки.

26. Итак, для нас отныне ясно, что такое дела человеческие: это забота о разумном познании, сердечном благочестии и мирной жизни; это философия, религия и политика, служащие поискам, сохранению и распространению столь великих благ. Если кому кажется иначе, если кто сумеет иначе и точнее определить и разграничить человеческие дела, то пусть объявит об этом, ко всеобщему благу.

Г Л А В А V

О расстройстве человеческих дел
и о том, что послужило поводом
к расстройству

1. Исправляют только то, что расстроено; стало быть, зовя на совет об исправлении человеческих дел, мы тем самым заранее признаём их расстроенность. Особого доказательства здесь, наверное, и не надо, потому что повсеместно слышишь жалобы, что все сдвинулось со своих мест и сбивается с прямого пути то вправо, то влево. Поистине все, умеющие хоть что-то видеть, видят, что на месте мудрости воцарились невежество или софистика, на месте религии — атеизм или предраассудки, на месте политики — анархия и хаос или тирания и насилие. (. . .)

10. Каковы обычные человеческие заботы, на которые мир тратит лучшие силы? Погоня за богатством, почестями и наслаждениями. Кому не ясно, что толпа здесь полагает основание своего счастья, что именно ради этого хлопочет весь мир? А ведь что это все такое? Богатства — неминуемые тревоги, почести — летучий дым, наслаждения — сладкий яд, приманка зла, коль скоро всего этого ищут так, как обычно ищет толпа, т. е. имея первой целью только это в отрыве от более высоких вещей. Если бы человек первым делом искал первые и истиннейшие блага — мудрость, благоразумие, благочестие, — он получил бы в придаток и почести, и богатство, и наслаждение с такой же обязательностью, с какой падает тень от стоящего на солнце тела, причем эти вторичные блага в сопровождении своего противоядия стали бы и безвредными, и даже более приятными. Не понимая этого, люди ловят голые тени без вещей и, отдаваясь тщеславию, сами превращаются в тщету, уходя и от правильного применения вещей, и от источника вещей Бога, а в конце концов и от самих себя.

11. Словом, люди ищут себя — вовне себя, вещи — выше себя, Бога — ниже себя. *Себя вовне себя* — поскольку, не зная божественного сокровища своей души, ищут богатств, познаний и наслаждений вовне себя, хотя внутри себя владеют большим, чем весь мир. *Вещи выше себя* — поскольку подчиняются и идут в рабство к вещам, над которыми должны бы господствовать. *Бога ниже себя* — ища и придумывая себе такого бога, чтобы не им от него, а ему от них зависеть, не им его волю исполнять, а его иметь в подчинении слугою своих страстей, который своим повелением превращал бы в истину все, что они безрассудно измыслили, в благо — все, чего они безрассудно добиваются, в успешное деяние — любое их безрассудное предприятие. Разве не здесь очевиднейшие основания расстройства человеческих дел? (. . .)

28. Рассмотрим состояние полптии! Ее основание — управление собой, потому что править по-настоящему может только правый и невозможно править другими, если в то же время или, вернее, прежде всего не справишь собой. Возвысив человека до такого достоинства, что подчинил ему все низшие создания, Бог дал ему в довершение всего самостоятельность, чтобы каждый, управитель и судья всего, не принадлежал никому, а правил собой по свободному разумению. Ясно поэтому, что стержень всякого доброго порядка среди людей и всего человеческого счастья в том, чтобы предназначенный для управления другими человек прежде всего *хотел, мог и умел* разумно править собой; наоборот, причина гибели — нежелание, неспособность, неумение править собой. И Бог не упустил позаботиться о том, чтобы человек хотел, мог, умел править собой. Чтобы *хотел*, он вложил в него любовь к свободе. Конечно, признаки свободы мы видим и у других созданий: конь сбрасывает седока, бык покидает ярмо, овца оставляет загон с кормом единственно ради того, чтобы принадлежать самим себе; но у человека жажда свободы поистине огромна, так что многие предпочитают смерть рабству, то есть действию не по своему, а по чужому решению. Чтобы человек *мог* править самим собой, Бог дал ему постоянных советников, всегда готовых помочь, всегда внимательно изучающих положение, всегда напоминающих ему о делах и задачах: разум и совесть. Чтобы, наконец, он и *умел* править собой, Бог развернул перед ним в пример ему бесчисленное множество творений, которые по природному инстинкту соблюдают положенные им законы и тем сохраняются в своем бытии; разумно рассматривая их, человек может узнавать образ действия вещей и применять его для разумного управления собой в своих целях. (Впрочем, Бог своим словом добавляет к этому еще и новые законы, и разнообразные советы, о которых в другом месте.)

29. Умение править человеком, правителем всего, — это искусство искусств, даже когда человек прилагает это искусство только к одному себе, не то что ко многим людям, сопричастным вместе с ним той же высокой свободе. Если бы мы соблюдали божественные правила этого искусства, изваянные в природных вещах, запечатленные в нашем сердце, постоянно звучащие в наших ушах, то всякое человеческое общество воссияло бы порядком, покоем и миром, потому что, полные любви к порядку, покою и миру, главенствующие свободно бы главенствовали, а подчиненные свободно подчинялись.

30. Но о том, как мы их соблюдаем, говорят распри, раздоры и войны в каждой семье, селении, городе, царстве, и здесь не надо других свидетелей, кроме наших же глаз и ушей, кроме отовсюду доносящихся жалоб и стонов. В самом деле! Власти назначены от Бога для всеобщего и взаимного с подданными блага, когда власти

служили бы подданным, а подданные — властям; отчего же получается, что эти тем, а те этим так часто бывают тягостны, противны, невыносимы, взаимно губительны? Будучи обязаны спокойно нести на плечах своих властителей, как тело — голову, подданные нередко свергают и изгоняют их; те в отместку, устояв против бунта или силой возвратив себе бразды правления, сильней натягивают узду и пускают в дело шпоры, кнут, батоги, мечи, и все тонет в насилии.

31. Рассмотрим причины. Люди не умеют править, не умеют подчиняться: не умеют править другими, не умеют править собой; не умеют подчиняться чужому управлению, не умеют своему собственному. Главное, большинство людей, забыв о своем достоинстве, так рабствует духом, что покидает себя на произвол самых низменных вещей, желудка, чревоугодия и прочей пустоты, давая им править собой, вести, увлекать себя, как угодно помыкать собой и теряя право называться именем человека — творения, предназначенного для господства над вещами. Так глупый и преступный моряк, покинув руль во время морской бури, подвергает себя и спутников смертельной опасности. На деревянных ладьях столь безумных моряков, пожалуй, не сыщешь, но именно таким образом безумствует большинство смертных при управлении ладьей собственного тела и души.

ГЛАВА VII

О том, что совет об исправлении человеческих дел ведется с начала их расстройтва и до сих пор

3. Считаю определенно так: если бы кто-то смог рассмотреть замыслы, услышать речи, оценить деяния мудрых, благочестивых и благоразумных людей, какие жили от самого начала мира, он едва ли что увидел бы в них, кроме исследования недугов человеческого рода и разных попыток найти средства против этих недугов, — хотя до сих пор всегда с меньшим успехом, чем им хотелось бы.

4. Впрочем, даже и то, чем всегда занималась и до сих пор занимается остальная масса людей, представляет не что иное, как постоянные усилия по исправлению положения дел, хоть толпа и не понимает, что делает. (. . .) А кроме того, что бы это могло значить, что из смертных никто не доволен своей судьбой и каждый всегда ищет чего-то такого, что улучшит его положение? (. . .)

6. В стремлении к знанию первой попыткой было предприятие более одаренных людей, которые целиком отдавались созерцанию,

намереваясь всю жизнь не делать ничего или почти ничего, кроме изучения природы вещей и увеличения света познания в себе и в других. Они получили название философов, то есть влюбленных в премудрость; благодаря им человеческий разум сделал большие успехи, были изобретены многие науки и искусства.

11. А чтобы свет познания мог распространиться и до дальних, было задумано писать книги и заносить в них все прекрасное и достопамятное, или храня эти книги в библиотеках, откуда их можно извлекать при всякой необходимости, или размножая их переписыванием и передавая кому угодно из смертных. Книги дали возможность распространить занятия науками среди многих народов и языков.

12. Этот замысел получил сильнейшее подкрепление с открытием типографского искусства, которое позволило размножать книги с невероятной быстротой и изяществом, так что всякий легко может по желанию научиться из них и познать едва ли не все. Благодаря искусству книгопечатания все, что дошло до нас в памятниках древности, появилось на свет и все, что рождает умы нашего века (едва ли менее плодовитого, чем древность), без малейшего труда переносится от одного народа к другому. Если бы только сюда не примешались неблагодарность и масса злоупотреблений великим божим даром! Честолюбие и жадность, без надобности умножив число книг — хороших, плохих ли, — наводняет и затопляет школы и умы настоящим их потоком, так что насколько раньше книга была в чести, настолько теперь к ней относятся с пренебрежением. Вдобавок тупоумные люди скупают книги ради указателей⁴ и, надеясь воспользоваться ими при необходимости и найти там все потребное себе, не заботятся о просвещении души познанием вещей. Так получается, что в наше время есть ученые книги, но нет ученых людей, и если древние хранили мудрость в сердцах, то мы храним ее на бумаге.

13. Липшим свидетельством того, что, несмотря на все разнообразнейшие усилия, далеко еще не вся древняя мудрость усвоена нами⁵, служит в последний этот век неутомимое прилежание множества пишущих и жаждущих читать все эти новые книги, как еще не было ни в один из предыдущих веков. Приходится признать, что в этих последних книгах раскрывается много прежде неизвестного. Так что же, разве эти пишущие и эти читающие не признают откровенным образом, что обнародованного до сих пор недостаточно и все еще остается открыт нечто лучшее и более полезное? Уж молчу о многочисленных похвальбах, что открыты секреты того или иного искусства; действительно ли они открыты, или это пустое хвастовство, мы видим здесь ясное доказательство того, что, по всеобщему убеждению, все известное неинтересно и не удовлетворяет ни надобностям дела, ни человеческой любознательности.

14. Замыкают это шествие появившиеся за последнее время в огромном множестве там и здесь *дидактики*. Крайне кропотливо и старательно сияются они расчислить и показать способ, каким необходимо изгонять незнание из грубых умов, исправлять ошибки школ, облегчать трудности обучения и, наоборот, с большей легкостью и меньшими неприятностями как для учащихся, так и для обучаемых приобретать более полное и основательное образование. Ради достижения этой цели один предлагает тот, другой этот метод, и как разнообразны таланты и усилия, так разнообразен и успех. Каждый заслуживает какой-то своей похвалы за свои старания, однако не видно, чтобы кто-то успешным и достаточным образом смог устранить существующие заблуждения. Мир томится почти все в том же мраке и варварстве, как всегда до сих пор, и несметные сокровища и запасы знания у большинства людей лежат без пользы.

32. Мы видим, стало быть, что, несмотря на тысячекратные попытки исправить положение дел в религии, в политике, в образовании или науках, пока еще не найдено ничего, способного удовлетворить всех. Люди хвалят по большей части свое, снисходительны к своему, но едва ли кто не испытывает угрызений совести или не сознает опасности, в которой находится. А у других разве не видим мы одно только чудовищное? Не только все средства оказывались по большей части безуспешными, но хуже того, зло лишь возросло от самих лекарств. Стремясь взаимно преодолеть друг друга, секты⁶ не затухают, а процветают. Враждебность, воинствуя, не уменьшается, а укореняется. Науки чем больше возрастают, тем больше запутываются. Так что раньше страдали от болезней, потом от лекарств, а теперь от того и другого: уже ни болезней своих, ни лекарств против них мы перенести не в силах.

ГЛАВА VIII

Нужно ли и впредь совещаться
об исправлении человеческих дел,
и почему это необходимо

2. Человеческие дела хоть и расстроены, однако не погублены, потому что и под плесенью заблуждений, пороков и путаницы скрывается нетронутой питательная масса божественного сотворения. Не угасают жажда познания, чувство почитания божественного начала и любовь к мирному труду. Все это надо не восстанавливать или создавать заново, а только исправить и упорядочить с божьей помощью, чтобы ничто не выходило из предначертанных границ. Не беда, что порывы к добру скованы, что понятие об истине зату-

манено, что способность к действию ослаблена: в самом своем расстройстве все это проявляет свою природу и даже среди заблуждений восходит к цели, потому что божия работа берет верх над пришедшейся порчей. В самом деле, люди допускают зло? Явно не иначе, как под видом какого-либо добра. Верят в ложь? Не иначе, как под видом истины. Не исполняют свой долг? Несомненно, лишь под видом его невозможности, трудности или бесполезности исполнения. Значит, надо сорвать личины с вещей, чтобы все увидели, что поистине истинно, поистине благо, поистине возможно, просто, полезно, — и люди, обманывающиеся сейчас по незречести, возрадутся, когда увидят все без обмана и смогут истинным путем идти к истинным целям всех своих способностей.

3. Что все сказанное не только свойственно людям, но и в высшей степени присуще самим их способностям, показывает то, что при нашем неумении применить свои способности эти последние скорее свергнут нас в бездну заблуждений, пороков, безрассудства и, следовательно, падения, чем останутся коснеть в праздности. В самом деле, люди предпочитают лучше заблуждаться, чем не иметь никаких мнений, лучше избрать зло, чем ни к чему не стремиться, и лучше совершить худое дело, чем коснеть в бездействии. (. . .)

4. Следовательно, если бы людям можно было показывать все их благо, то не стремиться к нему, да что я говорю? не порываться к нему в восторге для них оказалось бы невозможным. (. . .)

5. Дальше, если бы показать людям совершенно надежные пути ко всякому их благу, то можно было бы несомненно устранить все множество заблуждений, из-за которых несчастные делают совсем не то, что хотят: ведь почти все человеческие заблуждения проистекают от несоответствия между применяемыми средствами и целями; должные средства или не применяют, или дурно, или непоследовательно применяют, отклоняясь таким образом от поставленных целей.

14. Видя таким образом, что сама по себе человеческая природа не лишена воли к восстановлению гармонии (с вещами, друг с другом, с Богом), как смеем мы сомневаться, что когда-то сможем убедить людей делать то, к чему они и без того склонны? Тем более предлагаемое нами и совершиться может тоже действием самой природы вещей! В самом деле, мир в природном отношении един; почему бы ему не стать единым и в нравственном отношении? Правда, Европа отделена от Азии, Азия от Африки, Африка от Америки, страны и провинции тоже отграничены друг от друга горами и долинами, реками и морями, так что мы не можем все взаимно общаться. И между тем общая мать земля держит и питает всех, воздух и ветры всех овевают и одушевляют, одно и то же небо всех укрывает, одно и то же солнце с прочими небесными светилами всех обходит и попеременно озаряет — и ясно, что все мы пользуемся

общим жилищем, питаемся одними жизненными токами. Так если все мы — сограждане одного мира, что нам мешает сойтись в единую республику под одними и теми же законами? Некогда, рассеянные по своим долинам, люди жили замкнуто, без взаимного общения; каждый делал то, что почитал за благо, каждый питался собственными вымыслами, каждый говорил со своими на своем языке и делал вместе со своими близкими, что хотел; недаром представления, языки, нравы людей стали так разнообразны. Но с тех пор как люди начали селиться в поселках и городах, собираться в сообщества и связывать себя законами, многое прежде разрозненное стало сплавиваться: семьи в города, города в государства, малые государства в большие. И вот, раз единый создатель и правитель мира Бог непрестанно день ото дня делает мир для себя все более раскрытым и повсюду прозрачным, что мешает нам надеяться, что в конце концов все мы станем единым благоустроенным сообществом, скрепленным узами одних и тех же наук, законов и истинной религии? Ясно ведь, что всё сколько угодно разрозненное можно собрать в числа, все сколь угодно разрозненные числа можно собрать в суммы, и ничто не мешает появиться даже сумме всех сумм.

Г Л А В А IX

О том, что надо пытаться исправить человеческие дела еще не испытанным, поистине всеобщим путем, а именно путем единства, простоты и добровольности

1. Бог открывает еще не хоженный, но простой, удобный и ясный троякий путь возвращения людей и всех человеческих дел к гармонии: путь *единства*, путь *простоты*, путь *добровольности*. Если нам удастся правильно объяснить его и правильно вступить на него, то не достичь желанной гармонии для всех нас и всего нашего окружения окажется так же невозможно, как невозможно человеку, идущему одним общим путем со всеми остальными, не прийти туда же, куда и они.

2. Напрасно кто-нибудь заподозрит, что мы здесь похваливаемся открытием некоего небывалого или чудодейственного пути: это — старый путь, сочный человеческому роду, изначально показанный Богом и всегда прокладываемый им перед нашим лицом; только вот люди, невнимательные в наблюдении, не увидели его с достаточной ясностью и никогда на него всерьез не вступали, разбредаясь по своим перепутьям. (. . .).

3. *Единым* мы называем то, что во всех своих взаимосвязанных частях сплочено таким образом, что при движении целого движется и все ему принадлежащее, как солнце в небе едино, хоть искрится тысячью лучей: все лучи слитны с ним и все вместе дают свет миру. Единству противопоставляется множественность, где вещи разрозненны, не взаимосвязаны, а потому не движут, не увлекают друг друга и не имеют взаимодвижения, взаимовлечения и взаимодействия, как зажигаемые у нас в разных местах огни разрозненны и непричастны друг другу.

4. *Простым* мы называем то, что внутри себя не сложено из многого, а потому повсюду подобно себе, самодовлеюще и неизменно, наподобие солнечного сияния, исходящего из своего собственного источника, а потому негасимого. Наоборот, сложное есть то, в чем смешано многое и что поэтому не равно себе, изменчиво и непостоянно, наподобие пламени от нашего огня, которое питается гучностью поленьев или другой материи, а потому, не будучи самодовлеющим, ищет пищи вовне себя и подвержено рассеянию, то есть угасанию.

5. Наконец, *добровольно* то, что действует так или иначе по своему произволению, то есть свободно и по собственной склонности, как пламя само собой влечется вверх, рассеивая лучи вокруг себя. Противоположность — принуждение, когда вещь понуждается к движению не своим, а каким-либо другим движением, как бьет, когда камень бросают вверх.

6. Теперь может немножко проясниться, что мы здесь понимаем под путем единства, простоты и добровольности. Смысл таков: мы должны вернуться от множественности, в которую впали, к единству, — то есть от бесконечных частичных устремлений, на которые мы бесконечно разбрасываемся, к единой всеобщей заботе о всеобщем спасении. Мы должны вернуться, далее, от разнообразного смешения, в котором запутались, к той простоте, с какой изначально сотворены и мы и вещи. Наконец, от насилия, которым мы наполнили все вокруг, мы должны вернуться к нашей природной свободе. (. . .)

Г Л А В А X

Форма и законы правильного совета, с которыми должен сообразоваться этот наш великий Совет

1. Всякому благоразумно начатому делу предшествует решение или, если дело это большой важности и касается многих, *совет*, то есть сопоставление многих предлагаемых решений для выявления наилучшего. Перед нами, однако, дело более великое, чем

когда-либо начиналось на земле, притом касающееся всех, всего и во всех отношениях. Всенепременно необходимо поэтому совет. Но какой? Давайте установим себе непреложные законы совещания, чтобы ничто не грозило ни нарушить предпринятое дело, ни прервать его, ни сделать его бесполезным.

2. Разумеется, эти законы можно почерпнуть единственно лишь из разумно построенной идеи совета при правильном понимании требуемого ею. Умоляю поэтому помедлить и неленостно исследовать этот предмет осмотрительным умом.

3. Совещание есть дружественное и благоразумное обсуждение большим числом людей какой-либо желанной, но сложной и трудной вещи с точки зрения того, следует ли к ней стремиться, с помощью чего и каким образом ее всего легче достичь.

4. Таким образом, во всяком совете сочетаются три вещи: (1) намерение, то есть какая-либо полезная, но трудная ввиду связанных с ней колебаний или помех цель; (2) многие лица, разбирающие между собой эту цель; (3) спокойное и благоразумное при рассмотрении любых вопросов разбирательство, продолжающееся до тех пор, пока все не придут к единству взглядов, ибо тогда кончается совещание и начинается исполнение. (. . .)

Аксиома XI. Советующиеся должны действовать неспешно и мирно. (В самом деле, страсти — слуги не разума, а воли, и больше того, они тяготеют к действию, будучи как бы его шпорами, так что они стоят на пути между волей и деятельной силой; надо поэтому остерегаться, чтобы во время разбирательства, когда надо тщательно взвесить всё, страсти не сотрясали весов разума. Их надо приберечь напоследок, когда по принятии решения встанет настоятельная задача исполнения. Совестьливый советник не станет поэтому разжигать страсти, тем более дурные — страх, гнев, ненависть, а будет, скорее, успокаивать и умиротворять их. Ни один здравый человек не будет пить мутную воду, не дав ей сперва отстояться до чистоты. Так и во время совета нет места для возмущения духа: гнев мешает душе различить истину, а любовь к себе и к своему, равно как ненависть к чужому, — кривые очки, искаженно преувеличивающие или преуменьшающие вещи и показывающие их в другом положении, образе, цвете, чем они есть.

21. В конце концов, коль скоро нам предстоит совещаться, а не ссориться, давайте придем на совет со всецело чистыми и безмятежными чувствами, какие я от себя обещаю, от других требую. Я требую от себя и от других при столь важном обсуждении столь великого дела, во-первых, искреннейшей искренности, во-вторых, строжайшей строгости и, в-третьих, внимательнейшего внимания, затем должного терпения при слушании, спокойной свободы суждения и скромности при разногласиях и, наконец, постоянных и полных надежды воздыханий к Богу.

ГЛАВА XI

Приглашение всех людей
на мирный совет об исправлении
дел в мире

1. Собираясь засеивать поле, или убирать урожай, или готовить древесину и камень для постройки и т. д., мы обычно смотрим на сами эти вещи (рассматривая, что из них можно сделать или чего в них не хватает), но совещаться с ними нет необходимости, потому что они в нашей власти: противиться нашим рукам, нашим серпам, нашим топорам они не могут. Все обстоит иначе, когда приходится иметь дело с разумным созданием: наделенное свободой выбора, оно ничего не позволяет решать о себе заочно.

2. Поскольку наше предприятие касается людей, мы не сможем решить ничего втайне от них, а поскольку оно касается всех, то со всеми надо и войти в общение. (. . .)

3. Все говоримое здесь будет сказано всем, причем так просто, что нельзя будет не понять всем, и с предоставлением каждому, от первого до последнего, полной свободы суждения. (. . .)

4. Как пишут, Пифагор говорил, что, если научиться разумно расспрашивать восьмилетнего ребенка о любой части философии, мы услышим на все разумный ответ, потому что свет разума, если умеешь им пользоваться, есть мера всех вещей⁷. Применим то же в нашем теперешнем деле! Верю, если мы сумеем разумно предлагать вопросы, любой наш будущий читатель обязательно или сам найдет в своей душе ответ на каждый вопрос, или одобрит предлагаемое ему; ибо мы пойдем впереди и будем представлять не только проблемы, но и способы справиться с ними, а напоследок и свое решение о том, какой из многих способов (если их окажется много) кажется нам наилучшим.

5. Не будет причины, по которой кто-то остерегся бы приступить к нашему Совету, ведь никто ему здесь ничего не предпишет, а сам себе во всем и в каждом он будет автором, судьей, свидетелем. И мы надеемся преуспеть на этом пути, где никому не придется продираться сквозь неведомый лес незнакомых ему авторов, но его поведут по открытому полю вещей, чтобы собственными глазами, а не через чужие очки, он смог всё видеть и всё ощупать. Поистине только сами вещи, будучи тем, что они есть, способны привести нас к согласию, чего никогда не добиться людям, которые сами еще спорят между собой о вещах.

6. Тогда, наконец, с божией помощью обнаружится, что прирожденные нам три начала познания, воли и действия (врожденные понятия, инстинкты и способности) — это заложенные в нас священные пафкеты божественной премудрости, а всё не содержащее-

ся в них с необходимостью подозрительно; что это запечатленные в нас как в образе божием законы, чем дальше отступаешь от которых, тем больше запутываешься в ошибках, пороках и несчастьях; что это золотые опоры, алмазные основания, над которыми надстраивается все здание человеческих знаний, добродетелей и действий; что это нерушимые границы, которыми Бог обнес все пути наших помыслов, стремлений и деяний и выйти из которых значит подвергнуть себя неминуемой опасности блуждания, греха и гибели; что это полюса и оси, вокруг которых вращаются все наши нынешние и будущие мысли, слова и поступки и отклонение от которых есть крайность, ненормальность, заблуждение и ошибка; что это, наконец, наши сияющие внутри нас солнца и наши звезды, сопровождающие нас везде, куда бы мы ни обратились, и предупреждающие нас от ошибок, пороков и опасностей; без них все во мраке. Опираясь на столь всеобщие начала, наш Совет будет поэтому всеобщим, великим, надежным и удобным путем, единственно способным привести нас туда, где мы начнем понимать себя и подниматься.

7. Так придите же все, чьему сердцу близко спасение и свое, и человеческого рода, к какому бы вы ни принадлежали народу, языку, религии, — все боящиеся Бога, все, кому опротивела мировая неурядица, все жаждущие лучшего! Придите и не отделяйте своего решения от всеобщего решения о всеобщем спасении! Пожалеем о жалком состоянии человечества, и если кто-то способен на какой-то совет или помощь, то вынесем их на всеобщее рассмотрение!

17. Но прежде всего пробудитесь вы, кому дано управлять человеческими делами: вы, философы, воспитатели человеческого рода; вы, богословы, водители духа от земных обитателей к небесным; вы, мирские власти, временные судьи земли, хранители и оберегатели мира между народами! Все вы вместе — врачи рода человеческого, занятые болезнями разума, воли и деятельной способности. Вот, мы представляем вам сразу всех ваших больных, всю больницу мира! Придите же, посоветуйтесь сообща! Сделайте то, к чему вас призвал Бог и чего сам больной с мольбою от вас просит, вверяя вам свое здоровье! По крайней мере, раз уж здесь предполагается вести совет о всеобщем спасении, придите на него впереди других и прежде других и следите, чтобы обсуждение шло правильным порядком: вы дадите отчет перед Богом, если из-за вашей сонливости будет допущено что-то такое, что или нанесет ущерб человечеству, или даст пропасть или погибнуть чему-либо спасительному.

Всеобщего совета об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Панавгия,

где ведется совет о первоочередной необходимости просвещения умов всеобщим светом, в котором все смогли бы всецело увидеть всё

Главы Панавгии

Панавгия говорит о том, что всеобщее просвещение	}	необходимо	{	I. Почему предпринимается рассмотрение света и что при этом необходимо соблюдать II. Существо и виды света, а также его противоположности, тьмы III. Что такое желанная нам полнота умного света и насколько она необходима
		возможно	{	IV. Может ли умный свет разгореться с такой полнотой? V. О первом источнике умного света, природе вещей, или о божественных деяниях в мире VI. О втором источнике умного света, светильнике вещей, то есть о сияющем в нашем уме образе божием VII. О третьем источнике умного света, законе для всех вещей: обращенном к нам и наставляющем нас в необходимейших вещах слове божием VIII. О тройком оке, дарованном человеку для рассмотрения этого тройкого божественного света и всего являемого им: о чувстве, разуме, вере IX. О тройком помощнике тройкого ока, или о тройком методе тщательного рассмотрения вещей: анализе, синтезе и синкризисе X. Легкий путь ко всеобщему свету, открытый изобретением ключа Пангармонии XI. Доказательство всего предыдущего на путях природного света XII. Как возможно применить и сосредоточить природный свет для повсеместного изгнания мрака XIII. Рассмотрение препятствий, по вине которых древние не обладали этим умным светом в такой полноте
		легко осуществимо	{	XIV. Рассмотрение препятствий, которые еще и теперь, по-видимому, способны помешать всеобщему просвещению, но не смогут. Здесь же разделение последующих трудов на Пансофию, Панпедию, Панглотию и, наконец, Панвортосию XV. Всеобщее духовное просвещение требует очищения всех душ от слепоты предрассудков XVI. Воздыхания к Отцу светов¹ с мольбой о восхождении полного света

ГЛАВА I

Почему предпринимается
рассмотрение света

и что при этом необходимо соблюдать

1. В главе IX «Всеобщего пробуждения» мы видели, что преобразование человеческих душ к лучшему требует какого-то средства — *универсального*, или всеобщего, *простого*, или самодостаточного и самостоятельного, но при этом мягкого и согласующегося с *добровольностью*. Посмотрим, можно ли нечто подобное найти? То есть можно ли найти такую вещь, которая, будучи простейшей, но, имея могущественное и в то же время влекущее воздействие, влияла бы на всех и на всё и всё единила, преображала и веселила своим влиянием?

2. Стоит нам заняться последовательным разысканием, как обнаружится, что вещь эта должна быть в чем-то подобна свету, ведь в мире не найти ничего столь же всеобщего, столь же всепроникающего, всеобразующего, всепреобразующего, всех веселящего, как ярчайший светильник небес, солнце. От его сияния и тепла ничто не может укрыться, да ничто и не хочет укрыться, ибо всякий взор рад его свету и всё в мире ощущает питающее и хранящее воздействие его животворной силы, так что солнце почитается носителем жизни, предводителем и правителем всех происходящих во всей области природы порождений.

3. Поскольку мы ищем в области человеческих сердец подобного же действующего (чье озаряющее, движущее и созидающее воздействие ощущали бы все души), то спрашивается, что еще может здесь нам подойти, как не умный и духовный свет премудрости?

4. Ясно, что если бы удалось превратить его в некое мощное свечение, способное просветить всех людей, раскрыть всю истину вещей и тем самым изгнать из человеческих очей весь мрак заблуждений и невежества, мы имели бы искомое; ведь громада наших неурядиц, о разрушении которой мы предполагаем совещаться, есть не что иное, как зловещий хаос мрака, а нет другого средства изгнания тьмы, кроме света.

ГЛАВА II

Существо и виды света,
а также его противоположности,
тьмы

1. Свет есть, говоря вообще, сияние, разлитое по вещам, являющее и обнаруживающее их, открывая наблюдателям формы, расположение, движения и взаимоотношения, а тем самым взаимоотношения вещей.

2. Тьма есть, наоборот, сумрак, обволакивающий и скрывающий вещи так, что невозможно разглядеть существо, качество и количество окружающих нас вещей, тем более их взаимоотношения.

6. *Вечный* свет есть тот непреступный для человеческих чувств блеск, в котором обитает Бог (1 Тим. 6, 16), во веки вечные наслаждаясь бесконечным блаженством и созерцая как себя, источник всяческого блаженства, так и основания всего существующего или могущего существовать вовне. Этому свету причастны творения, которым даровано соцарствие с творцом; в блаженном видении созерцая Бога, они непрестанно наслаждаются в нем преизобилием радости.

7. Этому вечному свету противоположна вечная тьма, для которой нет никакого места в божественном источнике света (потому что «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы», 1 Иоан. 1, 5): вечная тьма имеет место лишь в творениях, предназначенных некогда для соцарствия с творцом, однако удаленных от лицезрения творца так, что они вовеки не могут увидеть ни одного лучика, ни одной искорки его света; это бездна вечного страха и ужаса (Пс. 48, 20; Матф. 25, 30).

8. *Внешний* свет есть то воспринимаемое телесными глазами сияние, которым Бог озарил зримый амфитеатр телесного мира; он имеет источником небесные тела, особенно солнце. Пока творец не зажжет эти светила, не было ничего, кроме *tohu vabohu*², громадной и пустой бездны, лишенной движения, жизни и каких-либо образов. Впрочем, и теперь там, куда не достигает свет, все облечено непроглядной тьмой, как в глубоких недрах земли, а ночью — и на внешней поверхности земли. Вся прелесть вещей во тьме исчезает.

9. Наконец, *внутренний* свет есть зажженное в душе разумной твари сияние, озаряющее ее и направляющее ее пути. Свет этот опять же троякий, блестящий в трояких человеческих глубинах: в интеллекте, воле и чувстве.

10. Свет в интеллекте есть разумное понимание вещей, которым человек веселит свой дух, исследуя истину вещей и рассматривая

их разумные основания. Поскольку этот свет есть озарение, он именуется мудростью — истинным знанием всего существующего, благоразумным и здоровым обращением со всеми вещами.

11. Этому свету тоже противоположна тьма, невежество — истинная тьма, повергающая ум в косность и оцепенение или, если силою врожденного стремления он все-таки начнет метаться и куда-то двигаться, заставляющая его не только бесконечно спотыкаться среди ненадежных мнений, но и блуждать, делать всевозможные опрометчивые поступки и промахи, падать и в конце концов гибнуть.

12. Вторая ступень внутреннего света — воля, силою которой человек ищет среди всех вещей благо и, вкушая его сладость, привязывается ко всему святому и чистому.

13. Противоположная такому свету тьма — нечистота ума, загрязненные которой люди именуются сынами тьмы, потому что привязываются к темным делам.

14. Третья ступень внутреннего света — в совести, или чувстве; это безмятежная сердечная радость, приходящая от познания истины и приобщения к святости. О ней говорит Писание: «Свет сияет на праведника, и на правых сердцем — веселие» (Пс. 96, 11).

15. Противоположная этому свету тьма — тоска в душе, создающей свою лживость и лукавство; такая тоска есть знамение вечной адской тьмы.

16. Чтобы все мы, смертные, узнавали эту душевную тьму и научились ее остерегаться, давайте прежде всего исследуем пути умного света, потому что, когда он чист и ярко сияет для воли чистым и далеко светящим факелом, он и ее увлекает за собой, и чувствам дает покой, по Христову слову: «Светильник твоего тела — око; если око твое будет просто, все твое тело будет светло» (Лук. 11, 34).

Г Л А В А П

Что такое желанная нам полнота умного света и насколько она необходима

1. Мы стремимся к свету, который показал бы людям *все* их благо, причем *всем* и *всецело*, вне всякого самообмана и заблуждения. Это именно и будет Панавгией, сиянием всеобщего света.

6. Сейчас, когда нас обволакивают разнообразные туманы, а наши действия опутывают нас наподобие темного хаоса, мы — жертвы разнообразных иллюзий: благо нам кажется злом, зло благом, полезное вредным, вредное полезным. Отсюда следуют извращенные суждения о вещах, а за ними — уродливые решения и стрем-

ления: бежим от блага, ищем зла, потому что заблуждаемся в суждениях, а заблуждаемся потому, что, когда наши глаза направлены не непосредственно на вещи, а на тени вещей, они не могут не затуманиться.

7. В самом деле, человеческая природа устроена так, что первое основание всех ее добрых и злых действий коренится в уме. Конечно, тело исполняет движениями своих членов все, что велит царица воля, но эта царица велит то, что постановляет; постановляет она то, что выбирает; выбирает то, что понимает ум; опять-таки ум понимает то, что воспринимает от чувств; а воспринимает он все являющееся либо ясно, либо туманно, либо в подлинном, либо в искаженном и ложном облике, фигуре, положении. Таким образом, настоящим источником волений и действий является ум, и значит, этот источник и следует прежде всего очищать, если мы хотим, чтобы в нас текли чистые потоки волений, а за ними и действий.

12. Итак, всего-то и остается найти средство против невежества, единственно только невежества, окутывающего густым и губительным мраком и мир, и человеческие умы,— однако средство действительное, способное изгнать зловеший хаос тьмы и полностью развеять его. Таким средством может быть лишь *полнота* умного света, которая показала бы нам все вещи в их цельности, ясно и очевидно.

13. В самом деле, чтобы надежно уберечься от заблуждений, мало увидеть частицу истины, частицу блага, частицу возможного и должного. Если не видишь целого, то этим самым уже оставляешь место для ошибки, ведь пустота не существует³, и все, что в твоих понятиях оставлено пустым, не заполненным истинными, благими, должными идеями, обязательно заполнится неистинной, неблагом, недолжным. Самое достоверное познание частных случаев ни в коем случае не может уберечь от заблуждений.

17. Не иначе дело обстоит и в нравственной области. Пускай даже в какой-то личности нам нравится почти все, но одна-единственная ее неприятная черта вызовет в нас такое неудовольствие, что общение или содружество с ней нам покажется ненавистно: как в музыкальном инструменте, единственный диссонанс нарушает здесь всю гармонию. Итак, невежество или ошибка в одной частности способны нарушить единодушное признание истины людьми.

18. Нечто подобное происходит, когда видят вещь целиком, но неясно, как бы сквозь туман; так тоже возникает незнание, ошибка, смешение. Апостолы при виде своего Господа встревожились и вскричали от страха, думая, что видят призрак. Почему так? Была ночь, тьма помешала узнать; нигде не написано, чтобы такое с ними случилось днем⁴. Как часто и с нами тоже бывает, что благодетельнейшие вещи мы принимаем за страшилища, а губительные,

наоборот, встречаем как праздник или сами себе не доверяем и при виде чего-нибудь необычного (в философии, религии, политике) нам мерещится призрак! Это бывает только от смутности света познания.

20. Кроме того, самой человеческой природе присуще желание быть свободной при избрании истины и блага. Оттого даже истина, это сладостнейшее питание ума, становится нежеланной, если навязана силой; и даже прелестное, эта всегдашняя приманка воли, не будучи предметом свободного избрания, оборачивается горечью. Диспуты и последующие декреты о том, что необходимо считать истинным и должным, часто имеют насильственную и принудительную форму; отсюда неизбежно получается, что у молчаливой, но представшей во всем своем блеске истины больше сил для победы, чем у шумливой и бойкой защищаемой, и каждому легче добровольно согласиться с истиной, чем сдаться ей в споре, когда тебя словно толкают к этой истине взащей.

ГЛАВА IV

Может ли умный свет разгореться с такой полнотой? О трех божьих светильниках, или о трех источниках света

1. Создатель света тот же, что и создатель мира. Если бы он изначально не разжег в мире этот видимый нами свет, все так и осталось бы похоронено в вечном мраке. Если он точно так же не разожжет в умах желанный нам свет, впустую будем мы, жалкие и темные, терзаться до скончания века.

2. Но добрый Отец светов уже ведь и зажег его, уже помогает ему разгореться — лишь бы мы своим упрямством не мешали его работе! Его заботливая рука требует здесь от нас такого же соработничества, как и тогда, когда он желает из кремня и стали или других предоставленных природой средств извлечь с помощью наших рук внешний огонь для нашего внешнего употребления и внешний же происходящий от огня свет.

3. Рассмотрим, что же он приготовил здесь для нас, чтобы свидетельствовать Богу нашему еще и в том, что его благосклонность не оставила несделанным ничего, могущего служить нам на благо, и понимать отсюда, в чем надо искать средства и источники нашего блага.

4. Свет, чьи созданные Богом предпосылки мы разыскиваем, есть умный свет, озаряющий ум. Но что такое озарять ум? Учить. Обучение у нас совершается тремя путями, и Бог о каждом из них по-

заботился. В самом деле, человек учит человека прежде всего *примером*, когда, совершая что-либо у него перед глазами, молчаливо зовет его к подражанию. (В этом смысле справедливо говорят: «Показать другому свое искусство — значит научить его искусству».) Потом учат правилами, или *наставлениями*, показывая кому-либо орудия и рассказывая, чему они служат и как применяются. Наконец, учат, вмешиваясь в чьи-либо действия и при ошибках делая *замечания*, поправляя и советуя впредь не ошибаться.

5. Бог соблаговолил просвещать нас такими же точно способами. В самом деле, он учит нас *на примере* своих премудрых и плодотворных произведений, которых он создал перед нашими глазами столько, что они наполнили целый мир. Потом он дал в придачу нашей душе свет разума, постоянно *наставляющего* нас о законах всего, что нас окружает. Наконец, если мы заблуждаемся, он обращается к нам извне (или дает нам в руки свои сохраненные Писанием вечные заветы), запрещая и *исправляя* наши прегрешения.

6. Вот три светильника божьи, которые излучают озаряющее нас божественное сияние: *мир*, постоянная мастерская божией премудрости; наш *ум*, постоянно показывающий и объясняющий нам основания вещей; *слово божие*, постоянно предупреждающее и исправляющее наши ошибки.

7. Эти три светильника справедливо именуется также и тремя *книгами* божьими, и тремя *театрами* божьими, и тремя *зерцалами* божьими, и тремя *законами* божьими, и тремя нашими *пандектами*, и тройким *источником премудрости*. (. . .)

Г Л А В А V

О первом источнике умного света,
природе вещей,
или о развернутых в мире
произведениях божьих

1. Под именем «мир» мы понимаем всю пространную машину³ неба и земли со всем их содержимым, сочлененную божественным искусством так, что во всем своем составе и во всех мельчайших частицах она являет абсолютнейший прообраз абсолютнейшей премудрости; все мы, рожденные людьми, допущены в мир словно в театр для созерцания разнообразной игры⁴ божественной премудрости.

2. Соответственно, я хотел бы считать между нами установленным, (1) что мир *есть*, (2) что он от Бога, (3) что он построен ради видимого и развернутого изображения невидимых глубин божьих, (4) что люди посланы сюда, как в школу, учениками божией пре-

мудрости, (5) что творения, все и каждое, суть как бы живые божьи книги в этой школе, (6) что число их такое, какое оказалось необходимым для изображения полноты невидимой силы, премудрости и благодати, (7) что для этого существует все и всему этому надо учиться (8) всем посланным сюда (9) для почерпания истинной премудрости и (10) что таким образом нам обеспечено, если мы постигнем все это, наполниться светом и стать отовсюду озаряемым образом премудрого Бога. (. . .)

ГЛАВА VI

О втором источнике света,
нашей душе,
то есть о сияющем в нас
образе божием

1. Другой театр, чтобы учить в нем своей игре, божия премудрость воздвигла внутри самого человека: это человеческий ум, или дух, вместе с прирожденным ему светом, который просвещает всякого человека, приходящего в мир, чтобы он мог искусно проследить, ясно понимать и свободно оценивать все существующие в мире основания вещей. Отсюда Сирах: «Душа человека иногда больше скажет, чем семь сидящих на высоком месте наблюдателей» (Сир. 37, 18). И Сенека: «Дух надлежит развертывать, и все заложенное в нем следует выводить на свет» (Письмо 73). А по распространенному мнению философов, в душах таится врожденный свет, в глубинах души запечатлены общие понятия и т. д.

2. Мы иногда называем это еще и совестью, или велениями совести, не в теологическом, а в природном смысле⁷: благодаря своей совести всякий человек сознает, какими инстинктами он движим, факелом каких идей озаряется в том и в другом случае его разум и что он может или не может сделать своими природными силами.

3. Так или иначе, какими бы именами мы ни называли этот присущий умам свет, между нами обязательно должно быть согласие в том, (1) что свет этот существует; (2) что он дан нам, чтобы служить водителем, наставителем и законодателем при рассмотрении вещей; (3) что он есть по своей сущности и из каких частей состоит; (4) что свет этот может быть прослежен во всем (5) каждым человеком (6) вплоть до безошибочной достоверности, (7) так что и с этой стороны мы тоже оснащены всем вполне и не приходится говорить о нехватке чего бы то ни было, кроме разве что нашей благодарности и нашей энергии в применении своего внутреннего света.

4. Что в душе человека скрыт особенный свет, открывающий ему облик мира, показывает различие в познании вещей между живот-

ными и нами. Ведь животные видят с нами одни и те же вещи, скажем солнце, чей блеск так же режет глаза им, как и нам, но какая разница! Что видят животные, видя солнце? Огненную массу — не больше: они не распознают присущего солнцу числа, движения, порядка движения, воздействий и т. д. Наоборот, зрячий человек видит единичность солнца, ничего подобного которому в мире больше нет; видит его шаровидную фигуру, имеющую свою окружность и центр, свою длину, ширину и глубину; видит, что посылаемые им лучи рассеивают мрак и несут в мир свет, который мы зовем днем; что от его тепла все произрастает; что оно иногда затмевается каким-то непрозрачным телом — как потом становится понятно, лунной. Так и в любой вещи он видит очень много такого, что ни одно животное не увидит никакими рысьими или орлиными глазами. Почему? Только потому, что в человеке есть некий свет, светящийся изнутри и показывающий ему вместе с воспринятой внешними чувствами вещь сразу же и все то, что необходимым образом, хотя и нечувствительно, сопутствует этой вещи. Лишенные его, животные не в силах проникнуть за поверхность вещей.

5. Отсюда можно понять, что снабдить таким светом разумное творение, способное наблюдать дела божии, надо было потому, что без него созерцание игры божественной премудрости было бы крайне несовершенным, наше наслаждение от нее — почти никаким, любвеобилие божие — почти невознагражденным. Бог пожелал, чтобы всякий раз, как вещи мира являют себя внешним чувствам, навстречу им устремлялся этот наш внутренний свет и, схватывая вещи, разбирал, исчислял, измерял, взвешивал их⁸ внутренне и внешне и, улавливая, что есть каждая вещь, к чему она и как существует, человек узнавал в вещах божественное искусство, славил его, подражал ему при желании и надобности в собственных произведениях и исподволь разгорался любовью и благодарностью к премудрому создателю. Словом, как больший мир надлежало украсить зримым светом, так малый мир, человека, — внутренним светом; иначе никто не видел бы рассыпанные повсюду сокровища божии и слепо, глухо, тоскливо было бы все вокруг.

18. И этим внутренним светом Бог наделил нас не только не менее щедро, чем внешний мир — внешним светом, но даже еще щедрее и полнее: внутренний свет души ясней и доступней для нашего разума, чем свет солнца — для телесных глаз. Солнце восходит, заходит и не всегда видно там, где мы его ищем; а наш внутренний свет не менее при нас, чем мы сами при себе. Солнечный свет не есть в то же время и глядящий на свет глаз, он есть для глаза нечто внешнее и привходящее; а умный свет присущ уму таким образом, что сам же и есть этот ум. Поэтому телесный глаз, видя другое, себя не видит, а ум в себе видит все и во всем себя, будучи образом того, кто создал все, кто пронизывает все и кто сам есть все.

Г Л А В А V I I

О третьем источнике света,
слове божием, обращенном
к человеку и наставляющем его
в наиважнейших вещах

8. Если у нас и в других местах есть книги, которые их хранителями превозносятся как написанные по божественному повелению и с божиих слов, то кто возьмет на себя наглость сразу и заодно объявить их все обманом? Крайне опасное дело — намерение противиться Богу, если его рука участвовала в написании этих книг; но явно противиться ему намерен всякий, кто не хочет слышать, не хочет признавать никаких слов Бога. Что это еще значит, как не делать глухим себя, слепым — Бога? Ведь Бог получается тогда каким-то слепым, глухим и немым идолом или тираном, который беззаботно, а то и насмешливо наблюдает наше падение и нашу гибель, ни в коем случае не желая вмешиваться, даже если можно помочь. Поскольку мечтать о таком нелепом Боге никто не может, да никто не хочет и представлять себе такого, и поскольку мы слышим, что некоторые книги считаются божественными, надо желать, чтобы они были истинно божественными, если мы поистине хотим услышать Бога. И это — первое, о чем здесь между нами должно быть прежде всего согласие: необходимо должны существовать книги, в которых звучит голос самого Бога, где бы в конечном счете ни приходилось эти книги искать⁹.

9. Поскольку, однако, можно попасться на обман, если мы будем принимать за божественные книги, таковыми не являющиеся, то всем смертным надо с равным старанием избегать и другой крайности: не принимать ничего небожественного за божественное, тем более что разные люди почитают божественными разные книги, другими проклинаемые как соблазнительные; ясно, что кто-то из них здесь ошибается или обманывается. Так что не будем приносить никаким идолам почестей, принадлежащих единому Богу живому; но и, с другой стороны, остережемся как огня хотя бы отчасти отказать Богу в том, что ему принадлежит. Если мы ходим так по острию ножа среди величайшей опасности, то пусть подлинный страх и трепет не оставляют нас и пусть мы не будем ни об одной книге, которая кем бы то ни было считается вестницей божественного слова, выносить окончательное суждение без доскональнейшего и идущего до самых оснований разбора дела. (. . .)

ГЛАВА VIII

О тройком оке,
дарованном человеку
для рассмотрения тройкого
света божия и всего являемого им:
о чувстве, разуме, вере

2. Телесное око есть не что иное, как живое зеркало, вбирающее доносимые до него светом видимые образы, которые обитающая внутри душа рассматривает и рассуживает, когда они таким образом как бы достигают до ее окошек. Не знающий этого приблизясь к глазу другого человека и загляни в него: увидишь там крошечные изображения противолежащих предметов (в том числе и своего лица) словно бы в зеркале. (. . .).

3. Силой света образы вещей доносятся до глаза тройким способом. В первом случае открытая вещь предстает открытому глазу, будучи непосредственно расположена перед его взором для рассмотрения, — скажем, когда ты, читатель, разглядываешь открытыми глазами эту вот лежащую перед тобой книгу. Такое зрение мы называем прямым. Во втором случае на пути между подлежащей рассмотрению вещью и глядящим глазом располагается зеркало, которое, вобрав в себя образ предмета, отражает его, перенося к глядящему глазу, — скажем, если ты, читатель, взяв в руку стеклянное зеркало, будешь разглядывать в нем меня, или самого себя, или эту книгу. Такое называет отраженным зрением. В третьем случае между разглядываемой вещью и разглядывающим глазом располагается какое-либо препятствие, которое устраняется за счет размещения в этом промежутке какой-то другой прозрачной среды; например, если на дне сосуда лежит монета, которую отстоящий от сосуда глаз не в силах увидеть из-за слишком высокого края сосуда, это препятствие можно устранить, налив в сосуд воды: монета словно бы всплывет и ее можно будет видеть со стороны. Это зрение называют преломленным. Других способов внешнего зрения не дано. Попробуем в рассматриваемом нами внутреннем свете и в вещах, которые являет с его помощью Бог, найти теперь такую же тройственную аналогию.

4. Отовсюду окружающие нас в мире вещи излучают в нас лучи своей сущности, своих качеств и своих действий, благодаря чему мы можем их непосредственно ощущать (то есть видеть, слышать, обонять, вкушать, осязать): органы восприятия — глаза, уши, ноздри, язык, пальцы — премудрость божия дала нам, чтобы мы не оставались в неведении ни о чем происходящем вокруг. Вот эти от Бога дарованные нам чувства и есть наше первое око; им мы воспринимаем вещи мира непосредственно, прямым зрением.

5. Дальше, изваянные в уме понятия умопостигаемых вещей и запечатленные там инстинкты вместе с надстроеными над ними способностями — все, что постоянно возбуждает нас изнутри и показывает нам меру, число, вес вещей, — воспринимается неким внутренним оком, рассматривающим эти меры, числа и веса и собирающим их в некие общие образы, или идеи. Око ума, внутренне рассматривающее таким способом все умопостигаемое и занимающееся взаимным различием последнего, мы называем разумом. Отчетливейший образ божественного ока в нас, он отраженным зрением разглядывает находящиеся вовне ума вещи так, как если бы они были уже расположены внутри ума: ум есть поистине зеркало вещей, вбирающее изображения всего существующего в мире; эта сила, взаимно сопоставляющая разумные основания внешних вещей и соответственно называемая разумом, созерцает не непосредственно вещи (единичные и индивидуальные, существующие вовне и воспринимаемые чувством), а отвлеченные идеи вещей в уме, подражая тут Богу, который содержит в себе все основания вещей и, видя себя, видит все.

6. Наконец, запечатленное в свидетельствах слово божие затрагивает в нас какую-то третью способность души, благодаря которой вещи достигают нас как бы путем преломленного зрения. Огромное множество вещей существует вне сферы наших чувств и нашего разума (скажем, ни я, ни ты, ни кто бы то ни было в Европе не может ни чувствами уловить, ни вычислить разумением, что сегодня происходит в государстве Чили, мир там или война, жив ли, болен или уже умер там государь и т. д.), и, чтобы мы не исключали эти вещи из круга своих понятий и не лишали себя познания их со слов других людей, Творец наделил душу особой способностью, дающей нам познать гораздо больше, чем могут представить чувство и разум¹⁰. Способность эта есть готовность принимать, и даже с охотой, рассказанное нам другими (коль скоро есть достаточное подтверждение их свидетельствам); мы называем ее доверием, или верой. Такое рассказывание, или откровение, или свидетельствование есть своего рода прозрачная среда, позволяющая видеть расположенную за пределами видения вещь и создающая таким образом преломленное зрение.

ГЛАВА IX

О тройком помощнике тройкого ока, или о тройком методе тщательного и безошибочного рассмотрения вещей: анализе, синтезе и синкрисе

5. Первый метод — сравнительный [синкритический]; благодаря ему то, что невидимо само по себе, рассматривается в своем подобии. Скажем, не имея возможности рассмотреть свои внутренности, их число, расположение, объем и т. д., человек все-таки может в каком-то смысле увидеть их при вскрытии животного, поскольку здесь нет слишком уж большого несходства. О Боге, которого никто никогда не видел и не может увидеть (1 Тим. 6, 16), мы многое заключаем из его произведений, которые он выводит из сокровенных глубин своей вечности наружу, в пределы нашего зрения, словно чени своего всемогущества, премудрости и благодати. Прежде всего премудрость, благодать и всемогущество невидимого Бога можно видеть в его живом образе, человеке. В самом деле, если человек, малый червь, благодаря дарованной ему искорке божественного света способен мыслью обнять небо и землю, то неужели сама бездна света, Бог, не может одновременно видеть все? Если добрый человек может и должен сострадать страдающим, несчастным, одаривать нуждающихся, гневно противостоять наглým преступникам, а смиренных и умоляющих грешников щадить, то неужели сам источник благодати не делает того же и бесконечно большего? Если человек силой разума может укрощать могучих животных, воздвигать с помощью искусных машин башни, передвигать горы, иссушать моря, то неужели не совершит, что хочет, тот, чье всемогущество необоримо? И т. д. На том же основании можно рассматривать все, что в своем существе скрыто, но обнаруживает себя своими подобиями, или своими действиями, или следствиями своих действий и любыми другими знаками.

6. Второй метод — разрешительный [аналитический]; с его помощью неразличимые в составе целого части можно вывести на свет и, приблизив к глазам, рассмотреть с исключаяющей ошибку отчетливостью. Пример — анатомическое рассечение тела, выносящее все на вид и показывающее, как из перегородок, вен, нервов, артерий, мускулов и костей образуется совокупность тела.

7. Последний метод — слагательный [синтезирующий]; благодаря ему любое целое можно познать через ранее познанные части, причем понимание расположения, строения и свойств отдельных частей позволяет познать характер и действие целого. Пример — философское рассмотрение устройства и свойств костей, связок, мускулов, крови, жидкостей, желчи и т. д., дающее понять, что мо-

жет делать или претерпевать составленное из них тело или, если его действия и претерпевания уже известны, как и в силу чего эти действия и претерпевания происходят.

8. Первый, сравнительный, метод не будет неправильным сравнить с зеркалом, поскольку он основан на рассмотрении подобного в подобном, как в зеркале рассматривается не сама вещь, а ее отображенное подобие. Второй, разрешительный метод сопоставим с телескопом, поскольку основан на соответствии числа и свойств частей вещи требованиям целого (подобно тому как приближение вещи к глазам с помощью телескопа являет ее вблизи такой, какой она была вдали). Наконец, третий, слагательный метод уподобляется микроскопу в том смысле, что разбирает мельчайшие части вещи, чтобы судить о больших, и основан на соответствии строения частей строению целого.

Г Л А В А Х

Легкий путь

к всеобщему просвещению

через понимание Пангармонии начал

6. Прежде всего заметим: все наши сомнения и сами наши ошибки имеют началом свет и свидетельствуют в нас о свете, ведь если бы в человеке не мерцал свет разума, никто никогда ни в чем бы не сомневался¹¹. В самом деле, что такое сомнение, как не подозрение в ложности? А это подозрение так или иначе идет от света, то есть от какого-то нашего знания, в свете которого то или иное утверждение кажется нам неистинным. Больше того, сама ошибка есть свет, только искаженный окрашенной средой. Говорят: такое-то понятие превратно. Понятие? Вот вам и свет! Превратно? Вот вам и его искажение! Словом, умный свет предшествует всякому вопросу, сопутствует ему, исследует его, разбирает его, наконец, закрывает его и ставит на нем свою печать: истинно или ложно.

7. Все это надо не пропускать равнодушно, а с благодарностью принимать и проповедовать во славу Отца светов: ведь как везде в природе вещей, так и здесь он пожелал, чтобы рядом с болезнью было и лекарство от нее. Пускай светильники божии всегда немного ослепляют нас и сама их изобильность становится для нас, если мы не остережемся, поводом для обманов зрения и заблуждений, однако тут же рядом всегда есть и очистительные средства, противоядия от ошибок, лишь бы мы умели быть внимательны. Это противоядие, или очистительное средство от темноты нашего ума, мы назовем пангармонией, или таким соразмерением лучей света, чтобы при умении соблюдать это соразмерение мы безошибочно об-

ретали свет широко разлившийся, яркий, никакой вредоносной примесью не затуманенный, никаким запутывающим искажением не загрязненный.

24. Наконец, из всего этого, словно из различных и гармонически созвучных хоров премудрости, возникает величайшая, цельная, всеобщая гармония, в которой все вещи и каждая в отдельности пребывают в прекраснейшем согласии со всеми и с каждой, во всем и в каждом. Через три постоянных интервала примы, терции и квинты (музыканты знают, что помимо этих трех звуковых интервалов нет больше никакого гармонического созвучия) все повсеместно приходит в согласие. Понимай [в свете этих гармонических созвучий] начала, середины и концы вещей: разнородное располагается на противоположных оконечностях каждой вещи и сопрягается в середине; эта пронизывающая все в мире триада есть вечный корень вечной гармонии в вещах и в наших понятиях (равно как и в музыкальном созвучии). Все остальное, где бы, в каком бы числе и в каком бы виде ни являлось, — просто октавы; понимай так всевозможные параллелизмы и пропорции великого к малому, высокого к низкому, первого к последнему, внутреннего к внешнему, видимого к невидимому, телесного к духовному, земного к небесному, временного к вечному и т. д.¹²

Г Л А В А Х I V

Рассмотрение препятствий,
которые еще и теперь,
по-видимому, способны помешать
всеобщему просвещению, но не смогут.
Здесь же — разделение
последующих трудов на Пансофию,
Пампедию, Панглоттию и,
наконец, Панортосию

2. Громадным препятствием для великого замысла встают, во-первых, бесконечное множество и разнообразие вещей при такой тонкости и запутанности их повсеместного взаимопереплетения, что, кажется, ни один сотворенный ум не в силах все распутать; во-вторых, бесконечные занятия людей, особенно тех, кого или судьба обрекла от рождения на рабство, или бедность понудила искать кусок хлеба, так что они неспособны посвятить себя возвращению своего ума; в-третьих, бесконечное разнообразие и смешение языков, настолько лишающее нас разумного взаимообщения, что к большинству народов земли мы не умеем даже подступиться.

4. Попытаемся же во славу Отца светов под водительством уже обретенного нами света одолеть эти три помехи следующим образом.

Прежде всего, мировую совокупность вещей надо привести к единому, неизменному, внутренне связному порядку, причем такому прозрачному, чтобы она предстала не безмерным хаосом, а как бы стройным войском¹³, где все располагается по своим легионам, центуриям, декуриям и связано внутри себя и между собой строгими законами. Мы назовем это Пансофией, всеобщей премудростью.

5. Потом мы попытаемся составить распорядок занятий человеческой жизни, показав, что каждый человек, едва вступая в мир, должен ради всеобщей пользы упражняться в этих занятиях, и как сделать, чтобы всякий и смог, и захотел, и сумел помимо надобностей телесной и земной жизни отдавать себя еще и тому, что служит душе и будущей жизни. Это мы назовем Пампедией, то есть всеобщим духовным воспитанием.

6. Дальше мы будем искать способ, каким можно сделать более легким изучение языков, чтобы каждый человек мог быстро и без большого труда изучить любой язык или любое произведение, и каким образом какой-то один язык можно сделать общим для всего мира. Назовем это Панглоттией, всеобщей практикой языка.

7. Наконец, мы постараемся отыскать способ такого сочетания и такого применения всего этого, чтобы, если люди пожелают возблагодарить Бога и пойти просторными путями света, всем им стало лучше. Эту часть нашего Совета мы назовем Панортосией, то есть всеобщим исправлением человеческих дел, к которому мы и стремимся всеми нашими силами.

33. Пусть читатель помнит, однако, что мы просто перечисляем здесь свои цели, намерения, надежды, а не обещаем великих плодов — тем более в самом начале дела, предпринятого пока только одними нами. Смертному человеку не дано все предусмотреть, нигде не обмануться, только советовать и не нуждаться в советах. Заведомо не удастся избежать в нашем труде множества крупных и тягостных недостатков, а то и заблуждений: ни об одном человеке, который всего лишь человек, никогда нельзя будет сказать, что он «все сделал хорошо»¹⁴. Мудрым будет поэтому уже и тот, кто поймет свои недостатки, открыто признается в своем незнании и станет искать забавления от невежества и заблуждений, как своих, так и чужих.

ГЛАВА XV

**Всеобщее духовное просвещение
требует очищения всех умов
и избавления их
от бельма предрассудков**

15. Пускай те, другие, третьи привыкли идти за авторитетами, однако всем нам надлежит от этого совершенно отучиться, тем более здесь, где мы хотим полной основательности всего. В самом деле, авторитет велит по большей части примиряться с поверхностью вещей; наоборот, чувство и разум устремляются к основаниям вещей и жаждут разобраться в них. Авторитет по большей части покрывает и облакает истину; чувство и разум ее развертывают и являют. Соответственно тот вынуждает согласие убеждениями, эти склоняют очевидностью; тот вселяет веру, эти знание; тот касается вещей, эти коренятся в вещах; тот вносит раскол в умы, деля людей на секты, эти ведут всех к средоточию истины (которая для всех одна), объединяя всех.

16. В конце концов, если даже тот или иной автор, та или иная школа, церковь, полития внушает, повелевает, соблюдает истинные (*vera*), добрые, полезные вещи, для меня они станут достоверными (*certum*), добрыми, полезными не раньше, чем я сам узнаю их на опыте («кто не имел опытов, тот мало знает», Сир. 34, 10). Если все равно к этому придется прийти, то почему не идти прямым путем? Или если многие идут путем разрозненных опытов, различая между множеством более или менее истинных, благих, полезных вещей, то почему не идти путем единого опыта, опираясь только на максимально истинное, максимально доброе, максимально полезное (т. е. на столь истинное, доброе и полезное, что ни одному человеку не сможет показаться иным)? Пока, преследуя их в едином устремлении, мы выбираем себе этот поистине царский путь и хотим, чтобы он был свободен от всяких отклонений, отступлений и противоречий, то самым надежным будет отложить все, что служит между нами предметом сомнения, и не видеть в нем ни чего-то совершенно ложного, ни чего-то совершенно истинного, а лишь такое, что без всяких скороспелых приговоров оставлено на какое-то время в неопределенности.

20. Нет ничего проще, чем вообразить, что ты уже нашел, уже имеешь истину; к этому склонны и заблуждающиеся, потому что нам ведь всегда легко вообразить то, чего мы хотим (а всякий человек хочет не ошибаться). Но благоразумному свойственно всегда больше остерегаться, чем надеяться, так что и нам тоже, если только мы не хотим быть намеренно неблагоразумными, надо всегда остерегаться ошибки; и будет надежней даже достоверные вещи

лишний раз проверить, чем принимать что бы то ни было неопределенное за достоверное. Большое несчастье — вместо прекрасных образов вещей носить в зеркале своего божественного ума их уродливые призраки.

21. Пусть каждый из нас признает, что он такой же человек, как другие. Другие могли ошибаться? А почему ты не можешь? Разве у тебя перед глазами не тот же мир, как у других людей? Разве множество, разнообразие и сложность вещей не могли в чем-то точно так же затмить твои чувства? Или, может быть, свет разума в тебе не такой, как у других? Твой ум не мог, как у других, заплутаться и затмиться среди теней мира? А возможно, у тебя в руках другая, чем у всех, книга божественных откровений? Если так, покажи! Если нет — то и с тобой, как с другим, может случиться, что книга божия останется для тебя закрытой или не полностью открытой. Устройство чувств, способности суждения, веры (то есть склонности, в силу которой мы соглашаемся с правдоподобным) у тебя тоже такие, как у других; если чувства, суждения, вера могут обмануть других, то неужели не могут тебя, имеющего те же органы? А если не ошибаешься ты, то и они тоже, и значит, заблуждения не существуют! Но заблуждения существуют во множестве, по твоему же собственному свидетельству. Следовательно, где-то они есть; следовательно, у подобных существ они должны иметь подобную вероятность возникновения.

22. Если так ненадежны все люди, кто рискнет доверять хотя бы самому себе, не то что другим? Явно сомнительны нам те, кто строит себе науку, религию, политику не из истины вещей, а из своих и чужих фантазий; но точно так же и мы подозрительны для других. (. . .)

23. А если мы сомнительны друг для друга, то будем остерегаться. Кого? Сначала самих же себя: как бы наши помыслы не оказались такими, какие они у большинства смертных, — очень похожими на сон, несуществующими видениями, которые заманивают, не насыщая.

24. С другой стороны, если благоразумный остерегается самого себя, то пусть он остерегается и других. Кого именно? Всех. Ведь все — люди, то есть шаткость и ненадежность. «Все мы блуждали как овцы», — восклицает пророк. Поэтому, когда человек идет за человеком, овца идет за овцой: блуждающий за блуждающим. Только Бог не блуждает, потому что, будучи вездесущим и всеведущим, не может. Только за Богом следовать туда, где он опережает нас своими делами, словами и знаменами, есть надежное предприятие.

41. Итак, показывая пример другим, я перед лицом Бога торжественно обещаю не привносить никаких предвзятых мнений и все выводить из общезначимых первоначал, чтобы все предлагаемое

нами было свободно от малейшего пристрастия к каким бы то ни было народности, религиозной секте, языку, партии. Как математики рассматривают отделенные от тел фигуры, так я, рассматривая как расстройство, так и исправление человеческих дел, буду стонуться всякого духа розни. (. . .)

42. Последнее мое условие — считать слова мудрого мужа Людовика Вивеса¹⁵ о том, как надо вести рассмотрение в естественной философии, обращенными ко всем нам в этом нашем труде: «Здесь совершенно не нужно диспутов, а только спокойное созерцание; если что недостаточно ясно, требуется не спор, а еще более тщательное рассмотрение». (. . .)

Всеобщего совета об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, общая всему человеческому роду книга Пансофия,

то есть Всеобщая премудрость, основанная на самой человеческой природе с тем, чтобы через правильное познание и должное в каждом отдельном случае применение врожденных всем людям универсальных идей, враждебного желания добра, порывов к достижению желанного и служащих к тому орудий все люди смогли увидеть все хорошее и плохое в себе и всецело безошибочными путями искать и найти добро, избегать и избежать зла

Труд, посвящаемый всем народам земли для утверждения во всем роде человеческом совершенного разума и совершенного мнения, для достижения таким путем среди людей в конце концов всеобщего согласия и для устранения, с божьей помощью, раздора в мире

***Единому на небесах,
всем на земле
мое приношение!***

1. Достопоклоняемый Господь, могущественный создатель неба, земли, бездн и всего, что в них! Препоручив небеса небес престолу своего величия, ты подарил сынам человеческим землю, этот дом,

где единой семьей живем мы все, созданные тобой по твоему образу, как ты сам сказал, и названные тобою твоим потомством. Так почему же, когда ты, наш прародитель, един на небесах, мы, твое потомство, не пребываем на земле воедино, но в тысячеликом раздоре так разнимся повсюду между собой восприятиями, желаниями и пылкими стремлениями, что постоянно разоряем сами себя взаимным отвращением, ненавистью и войнами? Сжался когда-нибудь, наконец, и повели нам из бесчисленных тупиков темноты, заблуждения и погибели вернуться на царственную дорогу света, истины, мира, любви и спасения, благословив это наше, принятое во святое имя твое, намерение объединить все в тебе, едином!

2. А вы, смертные обитатели земли, начнете ли вы когда-нибудь просыпаться к осознанию скверны и преступности своих раздоров и к желанию счастливо выбраться, наконец, из своих зловещих лабиринтов? Начните сейчас! Эта книга, идущая к вам всем с зовом: «Проснитесь, проснитесь!», дает вам первый случай к тому! Никто не гнушайся читать и слушать ее! Она ни к чему не подстрекает, но, выступая посредником всеобщего спасения, хочет показать всем источники, ручьи, реки, моря и самый океан всякого света, мира, истины и спасения.

3. Конечно, бесчисленные книги написаны людьми для пользы людей, однако о них всех можно было бы правдиво сказать, что ни одна не подобна этой нашей, ни одна не равна нашей по всеобщности или универсальности и не учит всех людей всему, что служит полному счастью здешней и будущей жизни, с такой же полнотой, упорядоченностью и ясностью, как наша. В самом деле, всё множество других книг написано — и без конца пишется — или о каком-то частном предмете (да и то обычно не очень важном и мало полезном для достижения счастья), или в интересах только своего народа, вероисповедания, языка, больше раскалывая, чем объединяя. (Говорю о тех, которые славятся лучшими, минуя пока нечестивые, ложные, кощунственные и открыто вредоносные). Наоборот, эта новая предназначенная самому последнему веку книга в своем новом подходе к старым вещам приступает к объединению стремлений, трудов и сил всего человеческого рода, перед лицом всех людей развертывая всё существующее, всё влекущее и всё отвращающее в таком порядке, чтобы ни один здравомыслящий человек не смог не увидеть, что́ благо и что́ зло в нем и вокруг него, и не преуспеть в стремлении к благу и в избежании зла, лишь бы захотел следовать божьему водительству.

4. Из-за этой своей новой и универсальной направленности — всё доброе соединить, всё злое отвергнуть, все дальнейшие споры о различении добра и зла прекратить — книга получает название Пансофии в знак того, что все люди могут найти здесь всецело всё необходимо им нужное¹. И пусть никого не удивляет и не задевает,

если в книге, как она впервые нами составлена, чего-то нет: всякое начало хромает, всё недостающее будет явно восполнено, когда объединенными трудами мудрых людей книга будет доведена до совершенства,— коль скоро здесь навеки заложено непоколебимое основание для этого.

8. А чтобы мысли нашей Пансофии могли оказывать свое влияние с приятностью и легко даже для понимания простецов, мы искали какого-то наиболее удобного метода их преподания и не смогли найти ничего лучше следующих трех способов.

Во-первых, свести в одну эту книгу всё содействующее счастью человеческого рода для внушения читателю надежды, что вещи, сумевшие войти в одну-единственную и не очень толстую книжечку, не настолько неисчерпаемы, чтобы их не мог вместить ум любого человека.

9. Потом, мы предпочли все писать не строгим философским стилем в точных отвлеченных терминах, а общенародным разговорным языком, называя лопату лопатой, а лодку лодкой. Без соблюдения этого Пансофия не была бы Пансофией. Она стремится, просвещая весь мир, склонять всех к лучшему и обращать все ручейки добра к их источнику, Богу, причем открыто в виду всех просвещаемых склоняемых, обрацаемых,— а как она этого достигнет, даже *уча всему*, если не позаботится, чтобы *все всецело* поняли *всё*? Не поймут *все*, если не поймет простой народ, всегда составляющий бóльшую часть человеческого рода.

10. Наконец, в тех же целях мы предпочли писать Пансофию не сплошной монологической речью, а как бы поделенной между собеседниками². Долго слушать одного говорящего скучновато; читателю приятней, когда его время от времени подстегивает и постоянно развлекает чередование вопросов и ответов. Мы поручаем вести эти беседы о важнейших вещах трем лицам, Мечтателю, Исследователю и Судье,— на том основании, что, по нашему наблюдению, при ведении совместных советов люди распадутся на три разные группы: (I) порывающихся к благу, (II) недоверчивых, озабоченно и досконально расследующих средства к достижению желаемого, и (III) решительных деятелей, то есть тех, кто при малейшей наметившейся где бы то ни было возможности действия тотчас хватается за нее и рад применить для успеха дела предлагаемые средства. Итак, нам показалось уместным распределить всё содержание между ними тремя так, чтобы Искатель излагал свои желания как всечеловеческие, Критик расследовал возможность всякого желательного дела и перечислял его трудности, пока не откроется надежда на его осуществимость, а третий определял, какое решение следует принять после всего этого благоразумного взвешивания, и делал выводы тоже как бы от имени всего человечества. Сохранить этих лиц нам пожелалось еще и потому, что Мечтатель представляет, по-

видимому, богослова, Исследователь — философа, а Судья — политика: ведь богослову свойственно (по крайней мере, должно быть свойственно) желать человечеству высшего блага и звать к нему, философу — разбирать, что подлинное благо, что лучше, что наилучшее и какими путями всё достигается; а в силах политика — побуждать своей Богом данной властью к совершению должного. Будет короче, однако, не называть собеседников всегда полностью, а просто обозначать их первыми буквами алфавита: А, Б, В³.

11. Книга «Пансофия» предлагается всем живущим под небом народам, в равной мере как уже воспитанным и утонченным, так и еще не воспитанным и варварским, и тем и другим с целью блага и спасения. Для народов, не имевших пока никаких книг, откуда они могли бы получать просвещение, иметь одну эту книгу будет значить иметь τὸ πᾶν⁴. А кто, наоборот, слишком завален и запутан множеством разнообразных и противоречивых книг, — как бывает там, где библиотеки разрослись до непомерности, и многие от незнания, за что прежде взяты, или ничего не читают, или ничему не верят, терпя скудость среди высшего достатка и тьму среди высшего сияния света, — тем не будет ли спасением приобрести в нашей книге здравую меру и прийти от обеих крайностей к середине?

12. Все наши старания здесь служат тому, чтобы в Пансофии можно было признать подлинную панацею против всех пороков человечества, как бы настоящую сокровищницу идей: и всех совершенств для опознания исправления всех недостатков, искажений и уродств; и всего порядка для выявления и поправления всякой неупорядоченности и путаницы; и, наконец, истин всякого рода для обличения и выправления любых заблуждений, недостоверных мнительных правдоподобий, которыми сейчас переполнен мир. Поистине подошла пора всем людям учиться не мнению, а знанию, не поддаваясь чужому убеждению, а все проверяя собственными чувствами и охватывая разумом. Пора не метаться, не блуждать, не ломиться направо, а двигаться в пределах, очерченных веками вечного порядка, все подчинять ему, все вести прямым путем к положенной цели. Пора не довольствоваться крохами блага, не разноречить, не спорить о них, а всем обладать всем и всецело, всем быть едиными в едином и всем всецело наслаждаться всеми совместно полученными благами.

14. Итак, всякий знающий себя частичкой рода человеческого — на высшем ли, на низшем ли стоишь месте, ученый ты или неуч, знатный или плебей, царь или нищий, из какого бы народа, религии, состояния ты ни был, лишь бы был причастен человеческой природе, — знай, что эта книга написана ради тебя, посвящается твоим нуждам и преподносится прямо тебе, ничего от тебя обманом не скрывая, ничему льстиво не поддакивая, ничего враждеб-

но не обличая, но имея единственную цель свободно, искренно и откровенно изложить все, что служит всеобщему спасению.

21. Но зачем, снова скажет кто-нибудь, столько предисловий к этой книге? Я тоже снова отвечу: чтобы читатель с самого начала знал, что искать в ней и чего от нее ждать, а наши будущие цензоры стали прозорливей и внимательней при отыскании шероховатостей во всем нами написанном. Похвальные же слова говорят у нас об этой книге не как она есть сама по себе, а какой она, мы хотим и надеемся, будет, если Бог даст, чтобы эта «тропинка праведных» простиралась «как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня» (Притч. 4, 18) (...). Даже небесная премудрость в своем простирании восходит ступенями и постепенно улучшает свои произведения. Так совершалось дело творения; так же — дело искупления; дело возрождения и восстановления совершается тоже не иначе, как через борьбу и преодоление, вплоть до победы духа над плотью. Что же странного, если у нас все тоже так? Возьмите искусства, ремесленные и свободные. Как многого эти наши искусства — арифметика, геометрия, астрономия, география и так далее — до сих пор еще не знают! Но это не мешает им торжествовать по поводу уже изобретенного. Сколько раз на земном глобусе встречаешь отметку: «Терра инкогнита»! Она не для того, чтобы та земля осталась навеки неизвестной, а для того, чтобы подтолкнуть к исследованию идущих за нами. Если и на глобусе нашего разума, и на глобусе наших стремлений, и на глобусе наших способностей и стараний — для более полного рассмотрения которых и служит свет нашей Пансофии — до сих пор есть свои неведомые земли, свои неприступные гроты, свои еще не одоленные вершины, крутые скалы, глубокие, еще не перейденные реки и тому подобное, что за беда? Все это, скорее, украшает вселенную премудрости, становящуюся лишь величественней от таких трудностей, которые наш слепой или темный ум до сих пор даже и не замечал(...)

Совет о создании книги «Пансофия»

1. Коль скоро, по мудрому слову Аристотеля, мудрому присуще упорядочивать, то и мы, если в нас есть мудрость, — вернее, если мы хотим стать мудрыми, — будем упорядочивать! Путаница была, бывает и всегда будет порождением и вернейшим признаком немудрости.

2. Что же будем упорядочивать? — В подражание Богу, по образу которого мы созданы, — все. То есть все, что думаем, что говорим и что делаем.

3. Каким образом? — Приводя все к числу, мере и весу, в подражание тому же Богу нашему⁵.

4. Как это — к числу, мере и весу? — К *числу*: так, чтобы о всем в деле, речи, мысли отдавать себе отчет; чтобы ничто не ускользало от нашего познания (по слову еврейского мудреца: «Равно в большом и малом деле не оставляй никакого неведения», Сир. 5, 18). К *мере*: так, чтобы мы понимали внутреннее расположение и форму (благодаря которой все есть то, что оно есть, и отлично от прочего) всякого дела, слова, помысла. *Весом* будет сама внутренняя истина вещей и отвечающее ей употребление; без них все легковесно, изменно, бесполезно и таковым должно считаться.

10. Согласен: прекрасно хотеть этого. — Но я, сверх того, еще хочу, чтобы мы, если Бог удостоит нас такого света, не поленились потрудиться для подобного же просвещения других, создав книгу, которая одна содержала бы все. От начала до конца читателю сопутствовали бы в ней наивысшая доступная *краткость*, *порядок*, позволяющий беспрепятственно переходить от начального к высшему, неизменный *свет* и неоспоримая *истина*. В конечном итоге она стала бы некоей лестницей нашего ума, по которой, проходя через все, он поднимался бы вплоть до невидимой вершины всего, Бога.

11. Прекрасное, высокое, поистине благодетельное для человечества желание! Чтобы наш разговор о необходимости, возможности и путях создания этой книги был основательнее, хочу услышать от тебя объяснение каждого слова ее названия. — Ладно. Чем лучше ты уловишь ее замысел, тем с большим жаром отдашься нашим общим стремлениям и упованию на Бога. Так слушай!

12. Говорю о *создании книги*, потому что до сих пор такая еще не создавалась и едва ли кому приходила на ум возможность из тройки книги Бога * создать единую книгу. Если такое удастся, лишь это будет чем-то новым, — а именно, что подобная вещь, по внушению божью, кому-то пришла на ум. Все остальное будет старым — вечный поток божьих дел, слов и помыслов.

13. Говорю «*книги*», не «*книг*», потому что понимаю ее неразрозненной и повсюду самовосполняющейся, чтобы начавший ее читать мог найти конец только в конце. Как едино бытие всего сущего, Бог, как едина система всех систем, мир, как едино зеркало зеркал, ум, как едино объяснение объяснений, Священное писание, и один толкователь толкователей, язык, так пусть будет единой книга книг, *Пансофия*, учащая *всему*.

14. Говоря «*всему*», имею в виду все, что могут познать люди и о чем негоже оставаться в неведении мудрому человеку: изложение уже известного нам, людям; перечисление того, чего мы пока не знаем, будь то вполне и без надежды узнать в земной жизни, будь то с надеждой в дальнейшем открыть; вещи новооткрытые; вещи изучаемые. Словом, о каком бы нужном предмете ни зашла речь, о нем у нас должна оказаться достаточная информация (in-

formatio), — но прежде всего о том, что надо человеку знать и делать, во что верить и на что надеяться для достижения блаженства в этой и в будущей жизни. Должно здесь говорить и о том, что предстоит совершить и претерпеть человеку в веке сем и в вечности, коль скоро человеческая мудрость, по божьему свидетельству, — знать и предвидеть, что с нами будет в последние времена (Втор. 32, 29).

15. Если все это сможет дать одна книга, она заслуженно назовется Пансофией — как бы истиннейшим компендием всей божественной и человеческой мудрости. Пансофическое знание — и преподавание — будет не чем иным, как знанием (1) числа, (2) меры и (3) веса, то есть умением ясно увидеть и объяснить (1) всю полноту необходимого содержания вещи, (2) весь ее порядок и внутреннюю форму и (3) ее верное, целиком и в частях, применение. (. . .)

23. Как в своей природе Бог един, так и во всем он любит единство, ненавидит разброд. Он произвел много творений, но все их свел в единую систему: повелел расплодиться многим людям, но от единого ствола и в едином от рождения образе; много предопределил областей для их обитания, но на едином земном шаре; многих приведет к себе на небеса, но через единого водителя и спасителя; и так можно перечислять без конца. Как же нам не желать, в подражание Богу, свести все наши мысли и дела, вместе с тройным источником света и его разветвлениями, к единству?

24. Как сами вещи нельзя дробить без их разрушения, так и от нас они требуют нераздробленного понятия о себе. Вещи настолько сцеплены, что ни единая не предоставлена целиком сама себе, каждая связана с множеством других и ни одна не настолько безразлична, чтобы не быть помощью или помехой при ее правильном или неправильном употреблении. Поэтому необходимо знать все, иначе ни одну вещь нельзя познать вполне и достоверно, что видно на общеизвестном примере часов. Пожелав понять, каким образом они звонят, ты должен будешь обязательно знать все в них: как от первого колеса движется второе, а от него другие, вплоть до последнего. То же в великом хороводе мира: здесь не найдешь вещи, которая не была бы движимой и движущей, изменяемой и изменяющей. Итак, необходимо охватить познанием все — или все с необходимостью окажется искаженным. Поэтому в высшей степени здраво намерение Пансофии принять в рассмотрение все вообще, чтобы каждый человек, наблюдая подчинение малого великому, великого величайшему, не упустил ни одну из вещей, не заставив ее служить нашей конечной цели . . .

36. (. . .) Велика, но не разнолика истина, ибо в любой вещи единственна: больше одной истины не может быть. И в то же время, хоть и не разнолика, она разлита по вещественному разнооб-

разию. Искать ее поэтому можно везде; а найдя ее в чем-то одном, можно надеяться, что мы ее нашли во всех сходным образом устроенных вещах. Это обстоятельство — ключ ко многим тайнам; благодаря ему можно представить все восходящим от непоколебимых первоначал к непоколебимой истине в такой вечной гармонии и взаимосвязи, что воссоздание всего в уме оказалось бы столь же нерасторжимым, как и сама машина мира, от формы которой не отойти⁷, пусть даже кто-то попытался бы из страсти к переменам разрушить ее.

55. Надо желать, чтобы было так. — А если желать, то и пытаться; а если приступить к делу с разумом, то и надеяться на успех! Слушай подробнее, в чем моя надежда: надеюсь, что всю совокупность познаваемого можно обозреть в *ЛЕСТНИЦУ МИРА*, воздвигнутую для разумного обозрения так, что всякий обладатель здравого ума и неповрежденного чувства сможет в постепенном восхождении прийти от первичного к последнему, от низшего к высшему и заведомо найти все где бы то ни было существующее, равно как и Того, Кто выше всего в мире и в Ком высший свет, мир, успокоение.

56. Так вот что? Мечтаешь о лестнице Иаковлей, по которой восходят с земли на небо? — Да, о лестнице, которую Бог показал Иакову (Быт. 28, 12), нам же, послав облеченную в плоть вечную Премудрость, представил на деле (Иоил. 1, 52) и по которой ангелы божии — всякое разумное творение — восходят с земли на небеса и с неба на землю. То есть, проникая через совокупность мира в Бога и вновь нисходя от Бога через все нижележащее к самому себе, человек должен научиться соединять небо с землей и землю с небом ради исполнения на земле, как и на небе, всей воли божьей.

57. Святое желание, надо признать, лишь бы стремление к подобному не превышало человеческие силы. В самом деле, не превращаем ли мы дело человеческого обращения в искусство? — Бог обещал своей Церкви в последние времена некий святой путь, по которому не будут ходить нечистые, путь настолько прямой, что даже глупые не заблудятся (Ис. 35, 8); и раз обещал, то даст, лишь бы, следуя Христовой заповеди, мы просили, искали, стучали: стучащим он обещал открыть, и нечего бояться греха, прося, ища, добиваясь обещанного. В этой смиренной надежде — на сотрудничество с Богом — мы и попытаемся развернуть перед всеми людьми, мудрецами и глупцами, *совершенный путь простых*. Говорю *путь*, потому что он будет надежным средством достижения искомого; говорю *простых*, потому что при его прямизне самые немудреные простецы сумеют им идти, ведь их чувства постепенно, начиная от самых известных вещей, будут восходить до вершин, на какие способен человек; говорю *совершенный*, потому что,

с божьей помощью, он даст возможность прийти к желанной цели совершенства, причем без того, чтобы кому-то пришлось обессилеть посреди дороги.

58. Лишь бы Бог смилостивился к нам, наконец, и помог нашему порыву!

Мало того: надо надеяться и надо стремиться выстроить эту лестницу мира, этот совершенный путь простых так, чтобы поняли и дети. Верно восприняв истину вещей, они потом нас, взрослых, надувшихся от своей мнимой мудрости, но разнообразно блуждающих вокруг средоточий истины и бесконечно спорящих, примирят сперва с истиной, а после и с нами самими. В самом деле, мы так запутались в бесчисленных науках и занятиях, что только один способ выбраться из наших лабиринтов у нас и остался: посмотреть, как делают следующие только водительство Бога и природы — простецы и дети, взявшись за подражание им.

59. Смотри, далеко идешь! — Да, далеко; потому что верю обещаниям Бога и его святых о ярчайшем свете, который будет послан в последние времена, и полагаюсь на исполнение того, о чем пел вдохновенный пророк Давид: «Из уст младенцев и грудных детей Бог совершит хвалу Свою, во разрушение врага и мстителя» (Пс. 8).

60. Вот куда ты это относишь? Смотри, как бы не исказить божьи слова! — Ничуть; все совершенно ясно. Кто этот столь часто упоминаемый враг и мститель? Сатана, заклятый противник Бога и людей. Кому он мстит? Богу, который низверг его с небес, и человеку, который вознесен на его место. Как мстит? Сбивая с толку, путая, оглушая людей, чтобы, делая не то, что должны делать, они не достигли своей цели и Богу не дали. В том, что касается понимания мира, он делает это посредством суетной философии; в том, что касается взаимообщения, — посредством насильственного государственного устройства; в том, что касается богопочитания, — посредством ложных религий. А кто противостоит этому врагу и мстителю? Властитель Господь, простирающий свое величие выше небес, а в конце концов и по всей земле. Как? Укрощая мстительного врага и разрушая его труды — лжефилософию, лжегосударства и лжерелигии. Чьим посредством? Посредством «младенцев и грудных детей», то есть молодости, которая еще не знает глубин сатанинских (Откр. 2, 24), не обучена словопрениям о мире и зависит от подаваемого извне питания и водительства — прежде всего божественного и природного. Как это возможно? Иногда — совершенно таинственным образом (как в Матф. 21, 15—16), но иногда и обычным, если водительство окажется добрым. Ведь человек, образ божий, не много умен перед ангелами, увенчан славой и честью, поставлен над делами рук божьих, все положено под ноги его не только для созерцания, но и для владычества, и подарком он наделен светом разума: без понимания вещей

не было бы подлинного владычества, не было бы разумного богочитания (Пс. 8, 4—10) ⁸.

61. Что слышу? Учениками Пансофии ты делаешь детей? — Да, до сих пор мы имели обыкновение отгонять отроков от философии, но вот теперь Бог выставляет их войском против своих врагов, Сатаны и всякой темной силы, — как в Исайе, гл. 28, где Господь, пожаловавшись, что все в народе его (читай: взрослые), даже священники и пророки, опьянились от вина (заблуждений и злых навыков), так что шатаются в своем суждении, и все полно блевотиной и испражнениями, продолжает, что некого больше учить ведению и звать к разумению, кроме как «отнятых от грудного молока, отлученных от сосцов матери» (ст. 9), т. е. первую молодость, злыми навыками еще не развращенную.

62. Совершенно нелепые вещи! — Бог всегда нелеп для мира, если лепы мы со своими действиями. И все-таки глупость у Бога «премудрее человеков», и «неможное Божие сильнее человеков» (1 Кор. 2, 25), потому что он один дивен в совете, величествен в делах (Ис. 28, 29). Впрочем, не воображай себе Бога слишком уж нелепым и заметь, что он говорит не о первом младенчестве, еще не знающем различения между правым и левым, но об отнятых от груди, а Давид называет их «голелим» (так это звучит по-еврейски), что означает детей, уже начинающих, играючи, действовать. И разве не знаешь, что, по свидетельству Платона, Сократ тоже считал восьмилетнего ребенка способным давать ответы на разумные и сообразные его пониманию вопросы по всем частям философии, поскольку от природы присущий каждому свет разума, достаточно рано давая о себе знать, способен ко всему этому?

63. Дал ли Сократ примеры? — Разумеется. Но если нам нужен более надежный и более всеобщий опыт — то вот и случай к тому, поле нашей Пансофии.

64. Собираешься предназначить Пансофию для детей и простецов? — Есть примеры, показывающие, что Бог умеет со скудными средствами, какими человеческий ум пренебрегает, совершить невероятное; хочет ли он сделать это и здесь, останется скрытым в его помыслах, пока не обнаружится на деле. Подвигнутый божьими обещаниями — о божественном научении отнятых от материнского молока младенцев и разрушении врага и мстителя от уст малых детей, — я начал надеяться, что из правильно наученной всему христианской молодежи можно составить те Гедеоновы безоружные отряды ⁹, что с одним лишь светильником природного разума и с трубою речи, готовой славить дела божьи, смогут при пособничестве божьем привести в смятение неисчислимые полки мадианитян (Суд. 7). Это будут Давиды, вооружением скорее смехотворные, чем устрашающие, и все-таки побеждающие одною пращей и камнями из ручья (1 Цар. 17); это будут сыновья князей, обращаю-

щие в бегство тридцать двух нечестивых царей; это будут, наконец, те дети, которых всевышний Учитель поставил в пример великим апостолам (Матф. 18, 2—3).

65. Вот уж совсем необычные вещи! — Но Бог, обещающий миру совершить необычное, сделает так, что благодаря самой практике они станут обычнейшими. Во всяком случае, я считаю простецов и детей настолько способными легко воспринять все таинства истины, что в деле побуждения к более благому и истинному образу мысли предвижу больше хлопот не с ними, «неотесанными», а с вами, учеными. Из-за вас наше крайне постепенное пансофическое руководство на каждом шагу придется сопровождать небольшими комментариями для искоренения давно въевшихся превратных мнений у тех, кто ими и себе вредит, и другим докучает.

66. Довольно же витийствовать в преддверии, допусти нас вовнутрь! — Во имя святое Того, чья пшеница делает красноречивыми юношей, а вино — отроковиц (Зах. 9, 17), начну с нового заглавия и вступления: идя от первых оснований и продвигаясь с неизменной постепенностью, буду возвышать ум — свой и желающего следовать за мной, — пока мы не увидим, что выше подниматься некуда, и, возрадовавшись восхождению, все восхвалим Бога.

67. Да сделает Бог, чтобы рядом с поющими «Осанна!» детьми не оказалось больше завистливых первосвященников и книжников (Матф. 21, 15—16); пусть Господь их оставит, поразит их навеки проклятием, как бесплодную смоковницу, или скажет им то, что он сказал фарисеям: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Иоил. 9, 39).

Пансофии ступень первая:

мир возможности, или основание всей пансофии

1. Что такое мир возможности? — Полная и благоупорядоченная система мысли, т. е. совокупность всего, что здравый ум может отчетливо воспринимать, целесообразно желать и уверенно осуществлять, выстроенная внутри человеческого ума с той целью, чтобы человек мог судить о разумности, желательности и осуществимости всего, что когда бы то ни было предстает извне его рассмотрению.

2. Прекрасный замысел. — *И[сследователь]*¹⁰. Прекрасный и очень полезный. В самом деле, эта систематическая соупорядоченность помышлений внутри ума будет служить *увеличительным стеклом* для отчетливого рассмотрения всего также и вне ума, *ключом* для отпираания всех встречающихся замков и затворов и *мерилом* для измерения всего.

8. (...) Когда художник-мастер замышляет изготовить какое-то новое создание, он сначала или набрасывает его на бумаге, или черне изготовляет из какой-либо материи в уменьшенном виде. Так же вот архитектор мира Бог прежде создания мира заранее замыслил идеи своих произведений и в соответствии с ними действовал; и до сих пор произведения природы возникают не иначе, как согласно тем же самым идеям, что среди философов первым заметил Платон.

9. Как? Зовешь меня назад к платоновским идеям? Над которыми смеются? — *И.* Смеются, но люди несведущие, не понимающие дела. Платон увидел идеи, да неверно их понял; поэтому, сам усвоив какое-то их практическое употребление, он не смог достаточно разъяснить все другим. — *Ю.* А ты надеешься, что сможешь увидеть и разъяснить их лучше? — Надеюсь добиться с помощью божней, чтобы даже и ты сам лучше увидел, надежнее понял и для более высоких целей их употребил, чем Платон и кто бы то ни было из прежних философов. — *Ю.* Смотри, не слишком ли много обещаешь? — *И.* Не больше, чем общает света земле восходящее в безоблачный день солнце. — *Ю.* Что говоришь? Не приравниваешь ли Платоновы идеи солнцу? — *И.* Не о Платоновых речь, а о божественных: о всех основаниях вещей, непосредственно усматриваемых разумным созданием, ангелом или человеком. Высоко поднимаясь над горизонтом ума, они подобно ярчайшему солнцу излучают навстречу ему чистейший духовный свет. (. . .)

12. Называешь ли ты идеи вещей вечными, как считал Платон? — *И.* Идея существует тройким образом: прежде всего в себе самой, то есть в своей возможности; потом в уме художника, усматривающего эту возможность; и, наконец, в каком-то материальном образце, или модели будущего произведения, построенной художником для того, чтобы его идею увидели и другие. Соответственно, я называю вечными идеи в их первом образе бытия, не во втором и не в третьем. Приведу пример. Возможность построить из сочетания колес часовой автомат первым открыл Боеций Римлянин. Открыл? Но что значит «открыть», если не увидеть то, что уже *есть*, только скрыто? Стало быть, идея часов существовала, прежде чем появиться в уме изобретателя. А где она была, прежде чем появиться в нем? Не иначе как в самой себе, то есть в возможности себя самой. Когда началась эта возможность? Никогда: ведь даже если отмыслишь мир и все его времена и эпохи, всё равно в самом вечном основании вещей остается истиной и всегда было истинным, что такая-то вещь, таким-то образом устроенная и так-то сделанная, может быть произведена.

13. Ты меня убедил и дал увидеть, что идеальный мир предшествует в самой вечности этому нашему вещественному. Признаю, что, не будь идеального мира, не было бы и вещественного. Это как

если бы никто не изобрел формы¹² часов, ни у кого и не было бы никаких часов: где нет формы, нет и сформированного. Но как нам увидеть этот идеальный мир? Где его найти? — *И.* В нас самих.

14. В нас самих? Но ведь только создателю мира Богу ведомы от века все дела его (Деян. 15, 18)! — *И.* Разумеется, так. Они всегда были ему ведомы от века, — но они ведомы и нам, коль скоро он сообщил нам впечатления¹³ своих вечных помыслов. — *Ю.* Кому сообщил? — *И.* Своему произведенному по образу божью вечному творению, ангелам и людям. — *Ю.* Когда? — *И.* При самом первом нашем создании.

15. Как? — Творя мир и располагая в нем все согласно предначертанным числам, мерам и весам; запечатляя затем те же самые числа, меры и веса на своем сотворенном образе, человеке, чтобы и он мог, тоже все исчисляя, измеряя и взвешивая, повсюду исследовать потаенные основания божественной премудрости.

16. Стало быть, вместо поля, где мы могли бы охотиться¹³ за идеями вещей, ты мне предлагаешь сам же наш ум? — *И.* Именно так. Хочу сопроводить тебя в твой же собственный ум как в область света, где образ божий сияет яснее, чем где бы то ни было в мире. Поистине Бог своим перстом начертал на образе своем, человеке, (1) свои истины и все мыслимое, сказуемое и существующее; (2) всякий мыслимый, сказуемый и существующий порядок; наконец, (3) все правила для отличения истины от лжи, добра от зла, возможного от невозможного.

17. О, если бы все было так, как говоришь! — *И.* Хочешь ли, чтобы было так? — *Ю.* Всем сердцем. — *И.* Так попробуем же, не удастся ли тебе открыть в самом себе образ божий, а в образе божием — Бога, а в Боге — все!

18. Если бы только нам как-то удалось заглянуть в умы всех людей! Наверное, все вместе знают все, чего по отдельности мы не знаем. — *И.* Нет нужды в множестве. Все люди — единый человек; познавая одного, познаешь всех. — *Ю.* Кого же одного? — *И.* Не ищи его вне самого себя: ты тот один. И если познаешь себя изнутри, сможешь, словно из центра, увидеть всех по всей окружности рода человеческого, убеждаясь, что все суть то же самое, что ты, и не иное. Да что я говорю? Ты сможешь тогда увидеть всё во всей вещественной сфере, потому что мир есть не что иное, как то же, что ты, образ его сотворителя; только в тебе малый мир, вне тебя большой. — *И.* — это надо ценить выше всего — если познаешь самого себя, сможешь познать и сотворителя тебя и мира, коль скоро он создал тебя по своему образу. Да есть ли такое, чего ты не мог бы познать из своего образа, если он точен? А разве, создавая в тебе свой образ, Бог не имел возможности сделать его точным¹⁴? (. . .)

**Пансофии ступень вторая,
на которой человек обнаруживает и созерцает
источник своего ума, вечный ум (а в нем —
идеальный, или преобразующий, мир)**

(. . .) Наш ум мыслит, следовательно, существует. Если существуем мы, — значит, и Бог, сделавший нас такими, тоже. Я сознаю в своей глубине, что всегда каким-то образом мыслю, намереваюсь, действую, причем эти мои всегдашние мысль, намерение (желание или нежелание) и действие суть несомненнейший факт и подлинно существуют¹⁵. Однако они не всегда были во мне. Выходит, они где-то были раньше меня. Не от отца ли моего всё это ко мне перешло? Допустим. Но откуда к нему? Опять от отца. А откуда — к первому общему нашему отцу? Ведь где последовательность, где первое и последующее, там и что-то изначальное, раньше чего ничего нет. Значит, обязательно существует нечто первомыслящее, первоначертающееся и перводействующее, не идущее ни от чего другого и имеющее мышление, воление и действие своей сущностью. Видя реку в поле, всякий из нас обязательно рано или поздно подумает об источнике или ключе, откуда она течет; видя поднимающийся дым, подумает об огне, от которого тот исходит; видя тень — о теле, подобием которого является эта тень. Так неужели нам не придет в голову, что есть какой-то создатель и у этих наших тенеподобных мыслей? (. . .) Ошибка антропоморфизма была не в том, что он судил о прообразе по подобию с образуемым, но в том, что он исходил не из высшей части [человека], души, а из низшей и органической, тела. Мы поступим поэтому наоборот, и прямой путь поведет нас через ступени (закон) причинности, превосходства и отрицания¹⁶ (об этом последнем антропоморфисты всего больше забывают). Итак, мы будем рассматривать первое и бесконечное бытие относительно, то есть в постоянном сравнении со ставшим и конечным сущим, понимая, что, во-первых, о Боге можно высказывать всё, что истинно; во-вторых, все это, однако, надо высказывать о Боге иначе, чем о прочих вещах, то есть как недостаточное о превосходящем; и, наконец, все о нем нужно высказывать с противоположением, [как конечное] о бесконечном.

(. . .) Заодно напомним о трех признаках человеческой свободы. (1) Никто ничего нежеланного не делает с охотой, будь то даже совершенный пустяк, тогда как даже труднейшие с любовью взятые на себя тяготы люди несут с радостью. (2) Младенцы, чувствуя, что им не дали чего-то должного им, плачем проявляют свое возмущение. (3) Естественное увлекаться любовью к красивым людям, но если заставишь кого-то против желания любить даже красивейшего человека, то вместо любви возбудишь ненависть. Любовь

отвергает все подневольное, даже самую красоту. Любовь — вещь самопроизвольная.

И поскольку человек имеет с Богом всё общее — бытие, жизнь, ощущение, понимание, — то у него есть сродство с Богом, от которого он все это получил. А так как то же получили другие творения, он и с ними имеет сродство, то есть они его братья. При всем том, поскольку он владеет совокупно всем, чем другие творения владеют раздельно (возьмем, к примеру, звуки всякого рода, какие только можно образовать: он может произнести вместе с козой А, вместе с овцой Б, вместе с собакой Р, вместе со змеей С и т. д., так что в конце концов складывается членораздельная речь, в которой возникает столько имен, слов и названий всех вещей, что их хватает для выражения всего сколь угодно обширного разнообразия вещей, причем не одним способом, а бесконечным числом их, как свидетельствует множественность языков), то он знает себя выше всех по своему достоинству, поскольку он самый полный по составу, поистине *microcosmos* и *microtheos*¹⁷ — и в этом смысле даже выше ангелов, вместе с которыми он причастен мысли, воле и способностям, потому что ангел тоже может именоваться и именуется малым богом, но не может быть назван микрокосмом(...)

Пансофии ступень третья, являющая умопостигаемый ангельский мир

11. Человек, животное, растение сначала пребывают и существуют в потенции, заключенной в их семени; потом они начинают разворачивать свою силу и формироваться в соответствии со своей идеей, но пока еще в материнском лоне; наконец, они прорываются наружу, начиная в собственных, сформировавшихся в материнском лоне, телах обитать вовне материнского лона. Так мир от века существовал в божественном уме как в своем материнском лоне; потом он сформировался актуально, но в том же материнском лоне вокруг престола величия; наконец, он развернулся открыто и стал видимым миром.

12. Сходным образом поступает зодчий со своим произведением. Сначала мастер — художник задумывает его сам в себе и некоторое время им в себе наслаждается. Потом, если хочет показать свое произведение другим, чертит его на бумаге или как-либо еще. Наконец, создает свое произведение материально, чтобы все его видели и оно могло иметь реальное применение.

13. Или, если мне будет позволено изобразить вещественное в символе словесного, Бог отсылается к миру, как наш ум, источник помышлений и речей, к идущему от него слову. Слово трыяко: сперва только мыслимое, не произносимое вовне; во-вторых, произне-

сенное, но тайно и шепотом, так что его воспринимают только самые близкие; наконец, звучащее, так что его слышит вся окружающая толпа, или даже зрительно изображенное, так что оно может длительно пребывать для прочтения в книге. Вот, говорю я, и мир был сначала сокровенно задуман в божественном уме, потом безмолвно образован в ангельской духовной природе и, наконец, проявился в этом зримом, звучащем, осязаемом виде.

14. Или еще: мир-архетип подобен мудро написанной, но закрытой книге, где премудрость светит только самой себе. Ангельский мир — той же книге, но уже открытой, когда ее премудрость молчаливо озаряет читающего. А этот наш телесный мир подобен книге не только открытой, но и громко и ясно читаемой собравшемуся множеству, чтобы многие просветились(...)

**Пансофии ступень четвертая,
где представляется для созерцания мир материальный, или телесный, с его видимыми творениями и всем, что в них и с ними по природе происходит**

В в е д е н и е

1. Следует третий мир, наш здешний, нами самими обитаемый, повсюду открытый нашим чувствам. Возрадуемся! Мы не будем тут странниками: в доме, где мы рождены и воспитаны, нам придется познавать существующие рядом с нами вещи уже не через чужие свидетельства, а через достоверные показания наших собственных глаз, ушей, носа, нёба и пальцев.

2. Мы будем идти по этому миру не так, как странствуют по полям, лесам, горам, морям путешественники, со стороны озирая все встречное или в лучшем случае выучивая названия всего; нет, углубляясь по возможности в самые недра вещей, мы, насколько позволит родитель природы, приникнем к ее сердцевине.

3. Целиком материальный и механически устроенный, этот телесный мир и рассматриваться тоже должен по механике: его строение в целом и в частях надо разбирать и показывать так осязаемо и наглядно, как это делается с конструкцией (structura) зданий, кораблей, карет, часов и так далее, чтобы не оставалось никакого места для оспаривания: только показ. Здесь лишается всякого слова тот, кто ничего не доказывает; а ничего не доказывающим будем считать того, кто не показывает вне всякой возможности возражения. (. . .)

ГЛАВА 7

О человеке, пожинателе
плодов этого мира

1. Бог оставил бы незавершенным свое творение, видимый мир, если бы не произвел свой совершенный образ, напечатлев на нем знаки своей бесконечности; да и видимый мир не был бы универсумом (τὸ πᾶν) без высшей ступени видимого творения, как бы без вершины пирамиды.

2. Собери поэтому сейчас всю свою любознательность, созерцатель, для тщательного рассмотрения себя самого. В самом деле, всё существующее сперва и главным образом существует для себя, потом уже для другого; так что наш ум, прежде поглощенный исследованием других творений, теперь обязан максимальным вниманием себе самому и своему жилищу¹⁸. О человек! Ты создан последним, но лучшим всех; и созерцают тебя последним, но внимательней всех, — причем сводя тебя к механике, потому что в своем устройстве ты машина.

3. Так что же такое человек? Это живое существо, обладающее свободой действия, предназначенное для господства над творением и для общения в вечности с творцом. (Человек сотворен, чтобы быть (1) главой всего творения и как бы малым миром¹⁹; (2) правителем видимого, как бы наместником царя и заместителем Бога; (3) сопричастником вечности, предстоящим ее трону. В первом смысле мы рассмотрим его сейчас, во втором — говоря о мире искусства и нравственном мире, в третьем — говоря о духовном и вечном мире: человек — цель, ради которой уготовано даже и само царство небесное (Матф. 25, 34—35)).

4. Он состоит из трех частей: (1) животности, то есть органического тела и чувственной души, подобно любому другому животному; (2) разумности, то есть привнесенной божественным дуновением души, высшая часть которой — свобода выбирать действия по желанию, и (3) бессмертия, т. е. привилегии бесконечно долгого существования(...)

5. Итак, человек — сложнейшее из творений: он обладает в себе природами всех творений. От телесного мира у него материя, от элементов — дыхание, огонь и части тела: одни твердые, земные, другие текучие, водные, третьи тонкие, воздушные. От паров у него то, что его тело — как бы непрерывно действующий испаритель; от сгущений — то, что все однородные части его тела (кровь, плоть, кости и т. д.) есть не что иное, как загустевшие пары; от растений — такое же, как и у них, возрастание, увеличение, созревание, увядание; от животной природы у него пространст-

венное передвижение, пять чувств, разнообразные аффекты и т. д.; от ангельского мира — разумный и бессмертный дух, и т. д. (...)

6. Он же и гармоничнейший из всех составов: важнейшее и мельчайшее в нем служит своим определенным, предустановленным и прекраснейшим назначениям. Конечно, сама вселенная и любая ее часть тоже гармонично составлены, но едва ли что устроено старательней и искусней, чем человек, взять ли его тело, дух или душу: все в нем являет как бы сложнейшие и искуснейшие часы — к вящей славе создателя.

7. Человек тройко возвышается над животными: разумом, речью и свободой способного к чему угодно действия; но высшее отличие от них состоит в его абсолютной свободе выбора, не связанной необходимостью делать скорее одно, чем другое(...)

І. Строение человеческого тела

Хотя человек создан для господства над творением и ему вручена власть над ним, тело ему дано не гигантского размера, а средних между максимальными и минимальными пропорций: ему предстояло возобладать не телесной, а разумной силой, чтобы явить собою образ божий²⁰. Телесным же — в отличие от ангела — ему надлежало стать для того, чтобы, внешне приобщаясь к свету и тьме, он мог внутренне улавливать то и другое для раскрытия бездн во всем существующем. Совокупное тело есть субстанция из стихий, поэтому оно подвержено всем состояниям стихий (тяготее к земле, греется, мерзнет и т. д.). О строении его см.: Картезий. «О страстях души», ч. 3, разд. 7.

Тело — орудие и жилище жизненного духа²¹, а жизненный дух — орудие и жилище души: как жизненный дух живет в теле, правя им, словно кормчий кораблем, так душа живет в жизненном духе и управляет им. И как тело без жизненного духа не движется и ничего не ощущает (что видим у трупа), так жизненный дух помимо ума ни о чем не судит и ничего не понимает (что видим у животных). Словом, душа как своим носителем и инструментом пользуется жизненным духом, жизненный дух — телом, тело — внешними орудиями. Человеку дано такое тело, которое удобно служило бы всем нуждам разумной души. Для этого оно (1) снабжено многими органами, (2) прямо стояще, (3) обнажено и безоружно, чтобы, оставаясь в себе свободным, оно по требованию обстоятельств могло одеться и вооружиться каким угодно образом. В самом деле, рука, орудие орудий и самый умелый исполнитель, дана только человеку; только ему довелось быть прямо стоящим, чтобы он не жил в забвении о своем отечестве, небе; только он создан нагим и безоружным, но опять по особому божьему дару: животные повсюду носят с собой свою одежду (шерсть, перья, панцирь) и

оружие (когти, рога), но разве это не всегдашняя тяжесть и не помеха для многообразия действий? Дарованная человеку свобода и умелость в добывании, приготовлении и сохранении всего для себя необходимого и желанного есть нечто гораздо более божественное.

Устройство человеческого мозга

Совершенное сходство строения и массы мозга у человека и животных поражает некоторых анатомов, но нам это послужит надежным доказательством того, что (1) виды творений по сути дела представляют собой просто ступенчатую последовательность; (2) человеческая душа есть не что иное, как привнесенная свыше управительница животными действиями; (3) человек, не делающий ничего сверх действий животного, есть поистине животное: раз природа у всех одинакова, различие создается только вдохновительницей жизни, разумной душой.

Мозг разделен надвое: одна, бóльшая часть — под затылочной костью и под теменем; меньшая — в затылке. Называемая мозжечком, она предназначена для переплавления жизненных духов в животные духи, которые потом растекаются от нее через спинной мозг и нервы по всему телу. Вверх, вплоть до передней части мозга, текут более отстоявшиеся [жизненные духи] для целей разумного рассуждения. И достойно хвалы провидение божие, что разделило их так: созерцание (то есть размышление или рассуждение) требует покоя жизненных духов (потому что изображение плохо запечатляется на дрожащей зеркальной поверхности), а оно не могло бы иметь покоя в месте, где происходит переплавление и зарождение жизненных духов, поскольку переплавлению сопутствует движение. Бог с тем же намерением также и желудок, и печень, и даже сердце расположил в столь отстоящем от очага мышления месте, чтобы непрерывное бурление и шум от переваривания не нарушали спокойствия размышлений; ведь если помеха всё равно случается после приема пищи, то что было бы, если бы мозг располагался где-нибудь поблизости? (. . .) Позади мозжечок разделяется на два желудочка с той же целью, для какой во внешних органах есть два глаза и два уха: а именно для большей возможности взаимной поддержки и для меньшей опасности потери. Это видно при параличе половины тела, когда от поражения одной части мозга воображательная способность, интеллект и память не полностью пропадают, а только слабеют, как при потере одного глаза. (Другие делят мозг на три полости — правую, левую и заднюю, особо именуемую мозжечком. Еще другие насчитывают две, четыре, пять частей мозга, но по-настоящему их три.) В центре мозга есть железа, о назначении и действии которой разъясняется у Картезия («О страстях души», разд. 31).

II. Ст ро е н и е ч е л о в е ч е с к о й д у ш и

Душа — заключенная в человеческое тело и правящая его действиями частица мирового духа ²². Человеку дан более обильный и чистый дух, чем другим живым существам; отсюда несравненное превосходство его внутренних действий: внимание у него пристальней, воображение сильнее, память вместительней, аффекты безудержней. Что человеку дан более обильный дух, явствует из большего объема его мозга по сравнению с другими животными (в соотношении с размерами тела каждого): вся его округлая и очень вместительная голова наполнена мозгом; для какой цели, если не для того, чтобы дух имел более просторные мастерские и палаты? Прочее явствует из опыта. См. Коменского «Физику», Амстердам, с. 175; о внимательности к предметам — там же; о воображении — там же; о памяти — там же, с. 176 (добавь различие между памятью и припоминанием, или воспоминанием: одно — хранитель, другое — раздатчик; одно — книга для записей, куда заносится всё необходимое, другое — реестр-указатель всего записанного); о чувствах — там же, с. 178. К перечисляемым там чувствам надо отнести еще тоску и пресыщение. Тоска — невыносимость отсутствия желанной вещи, пресыщение — неприязнь к приевшейся вещи. Например, если у кого нет места, как у изгнанника, или времени, как у умирающего, или надлежащего количества того и другого, или необходимого качества, или нет деятельности, или недостает благоприятных претерпеваний, или он не может упорядочить себя, или чувствует бесполезность своего дела или себя самого, или не имеет для утешения спутника или товарища, то возникает тоска; наоборот, если всё это приходит сверх необходимости, то закрадывается пресыщение ²³. В отношении всего этого вообще заметь себе: (1) Первые движения души не в нашей власти, поскольку они непосредственно идут от объектов с такой стремительностью, что разум или сознание не успевают сказать своего слова, и [внешние воздействия] вторгаются в душу, пронизывают и видоизменяют ее. (2) Есть три главных источника движений ума, воли и чувства: а) внешние телесные объекты, б) внутренние гуморы тела, в) недра самого ума. Но от объектов — начало: в самом деле, младенцы ни гуморов в себе не ощущают, ни тем более ума, но постепенно то и другое взаимно возбуждается и очищается. (3) Для укрощения аффектов нет ничего полезней, чем помедлить или отвернуться от возбуждающего объекта, а потом посоветоваться с разумом.

Таковы действия человеческой души.

Ее отличие от души животных проясняется еще так. (1) У той и другой есть око воображения, как бы зеркало для восприятия рассеянных вокруг зрительных лучей. (2) Душа животных видит

вещи только непосредственно, человеческая — еще и отраженными в себе, то есть так, что видит не только внеположные ей вещи, но еще и внутри самой себя видит и судит это свое видение. (3) Душа животных видит, слышит и т. д. слитно — человек распознает число, меру, вес (то есть считает, мерит, взвешивает), чего животные не могут. (. . .)

III. О духе, или уме, как образе Бога и о его составе из тройкой бесконечности: интеллекта, воли и силы

Человек может называться образом божьим в разных смыслах. (1) Бог из себя, собою, ради себя создал всё; человек из себя, собою, ради себя научается всему. (2) Бог создал всё, уподобляя чуждое небытию своему бытию, и бытию такому, которое подобно Богу; человек тоже познает Бога, уподобляя самому себе Бога, а через Бога — всё. 3) Бог един; едина и человеческая природа. (4) Вместе с тем он троичен: в нем всемогущество, премудрость, любовь (или вечное «могу», «знаю», «хочу»); и человек тоже состоит из интеллекта, воли и способностей. (5) Как Бог триедин, так человек по его образу создан триединным, то есть состоящим из тела, души и духа, — подобно тому как всякое телесное создание состоит из соли, ртути, серы, или телесности, водности, маслянистости. Тело ему дано из земли, то есть темной материи; душа — из души мира; а дух — из самого дуновения божия, чтобы он стал бессмертным и оказался совершеннейшим образом божьим. О теле и душе говорилось — теперь нам надо сказать о духе.

Дух, или ум (в просторечии разумная душа), есть сила и способность следовать познанному добру. Он наделен создателем тройкой способностью (1) познания всего сущего — что называется *разумом*, или *умом*, а также *интеллектом*, возникающим из истины и соответствующим мере; (2) воления всего полезного — это *воля*, объектом имеющая благо вещей и соответствующая весу; (3) делания всего способствующего обоим вышесказанным — это *движущая способность*, объектом имеющая единство вещей и соответствующая числу. Итак, а) интеллект, понимая предстоящие вещи, устанавливает их истину; воля, охватывая их, удостоверяет их благо; способность берется за них; б) интеллект собирает вещи; воля, принимая или отвергая, соразмеряет их; способность, принося плоды, прибавляет им весомости или отнимает у них ее; в) интеллект есть понимание всего, кроме несуществующего (несущего); воля есть желание всего, кроме небага; способность есть делание всего, кроме неосуществимого (невозможного).

Разум, или интеллект, имеет опять три части: (1) воображение, через внешние чувства воспринимающее всё, что ему предстает;

(2) суждение, разбирающее всё представленное ему воображением и судящее обо всем воспринятом, истинно оно или ложно, хорошо или плохо; (3) память, хранящая для будущего употребления плоды восприятия и суждения. Воображение ищет единство вещей, суждение — истину вещей, память — благо, то есть порядок, пользу, приятность вещей; воображение доставляет помыслы, суждение их распределяет, память закрепляет; воображение предугадывает, или схватывает, или собирает, суждение распознает, или измеряет (разумным основанием), память признает, или закрепляет.

В волю входят (1) желания, указывающие человеку, на что должна быть направлена человеческая воля; (2) порывы, подстрегающие его волить должное; (3) совесть, одобряющая или осуждающая движения воли.

Интеллект подобен горящему светильнику, которому *воображение*, наподобие масла, доставляет материю для горения; а *разум* подобен пламени, которое на тысячу ладов озаряет выхваченные им предметы и словно в тонком трепетании рассеивает вокруг себя светоносные лучи. *Память* подобна близлежащим предметам, которые вбирают этот свет и его отражением освещают всё вокруг.

Действия совершаются (1) самодвижущейся и движущей силой, то есть жизненным духом; (2) орудиями конкретных движений, то есть членами тела; (3) умением и ловкостью так или иначе управлять движениями для совершения дела, что дается частым повторением действия. Отсюда у детей любовь к движению и действию, и за ней — упорство, изобретательность, самолюбие (способность включает движение, осмысленность, порыв) (...)

Примечание 4. Задатки, или отблески, всего этого есть и у животных; кое-чем они нас даже превосходят — тонкостью чутья, яростью страстей, крепостью сил и т. д. Но есть различие, поскольку (1) животным определено что-то одно или во всяком случае немного, а человеку — всё вообще; (2) они не сознают себя знающими, волящими, действующими, но всё совершают природным движением; (3) они не способны из своих знаний, волений, возможностей вывести что-то новое, человек — может до бесконечности.

Вопрос. Отличаются ли эти способности реально²⁴ от души?

Ответ. Не отличаются. Они поэтому и между собой тоже не различаются иначе, как в нашем способе представления. Одна и та же душа глазами видит, ушами слышит, умом понимает, волей желает, получая разные названия по причиняемым ею действиям: когда одушевляет тело, она *душа*, когда познает — *ум*, когда желает — *воля*, когда размышляет — *память*, когда судит о правильном — *рассудок*, когда дышит — *жизненный дух*, когда что-то ощущает — *чувство* и т. д.

Строение человеческого интеллекта²⁵ — как бы высочайшей отовсюду открытой дозорной башни

Строение человеческого всезнания именуется умом (разумом), данным от Бога орудием познания всего. Его образуют *врожденный ум²⁶, суждение и память*, или восприятие, разбор и закрепление. Эти три способности коренятся в различии внутренних чувств: общего чувства²⁷, воображения и памяти, в своей основе представляющих собой собирание, распределение и связывание. *Ум* (*ingenium*) подобен обращенному к вещам и всё схватывающему живому зеркалу, *суждение* — всё исчисляющему числу, всё измеряющей мере, всё взвешивающим весам, *память* — хранилищу. Ум изыскивает, суждение разбирает найденное, память складывает разобранное. Дальше, добродетель первого — гибкость, второго — твердость, устойчивость и непоколебимость, третьей — вместительность.

Определения. Ум есть молниеносная способность мысли наблюдать вещи и их различия. Суждение есть умение мысли схватывать и тщательно продумывать (то есть исчислять, измерять, взвешивать) всё в мире. Память есть вместительная способность сохранять всё схваченное и продуманное для будущего употребления.

Всё это предваряется и вводится *чувством* (воображением), направляется *рассудком*, завершается *пониманием*. Чувство само по себе простирается на настоящее, рассудок (основа предположений²⁸) на будущее, понимание на прошедшее. В самом деле, как глаз видит не вещи вовне себя, а отвлеченные от вещей силой света и донесенные до него лучами отображения вещей, так ум (интеллект) рассматривает донесенное чувствами до воображения и, разглядывая это в нем, своем театре, выносит свои суждения. Отсюда следует, что (1) воображение служит интеллекту не орудием, а объектом (объекты внешних чувств — вовне их; объекты внутренних чувств, т. е. внимания, воображения, памяти, — во внешних чувствах; объекты интеллекта — во внутренних чувствах: триада²⁹); (2) для правильного устройства интеллекта, необходимо правильное устройство (а) внешнего ощущения, (б) внутреннего ощущения, (в) сокровенного суждения о последнем. (От всякого зияния, разрыва или недолжного сочетания в том, другом или третьем может возникнуть или незнание, или ущербное познание, или ошибка.) Отсюда явствует обязанность логики следить за внешними, за внутренними чувствами (особенно воображением) и, наконец, за самим умом, высшим совершателем вещей.

Строение познавательной способности

Чувство бывает	{	внешнее, то есть восприятие вещи	{	близлежащей	{	осязанием вкусом обонянием
				близлежащей или отдален- ной на какое-то расстояние	{	слухом зрением
		внутреннее, то есть восприятие образа	{	входящего в мозг — внимание (обычно на- зываемое общим чувством)	{	вошедшего и обрабатываемого — воображе- ние (обычно называемое представлением)
		возобновляемого — воспоминание, или па- мять	{	врожденный инстинкт, или природная на- клонность к чему-либо	{	врожденное понятие о чем-либо
		сокровенное, а именно	{	врожденная способность осуществления чего-либо	{	

(Внешними чувствами мы воспринимаем находящееся вне нас, внутренними — проникающее в нас через внешние чувства, сокровенными — коренящееся в нас самих, то есть самый состав нашей природы, а именно (1) привходящий от Бога и придающий нам те или иные склонности *вс*³⁰, (2) отличающую истину от лжи разумную *меру* и, наконец, (3) *числа-силы*, безмолвно приоткрывающие нам наши возможности и невозможности.)

Врожденный ум. Достаточно подробное описание врожденного ума — в «Новейшем методе языков», гл. 10. Смотри и раздел «Мир искусства» о науках и искусствах, созданных человеческим умом³¹. Врожденный ум различается соответственно различию человеческих темпераментов. В образовании человека участвуют три зодчих, а именно троякий жизненный дух: природный, растительный и ощущающий, из которых каждый образует свои органы (хотя все три всегда сопутствуют друг другу, откуда постоянная рядоположность вен, артерий и нервов). Из взаимодействия всех трех образуется человеческий характер, или, как еще говорят, нрав, смотря по преобладанию того или другого начала. В отношении характера запомни, что (1) обычно насчитывают четыре главных темперамента, но в частностях существует удивительное разнообразие; (2) отсюда происходит большое различие склонностей, складов ума, нравов; (3) однако склонность не есть необходимость, поскольку люди наделены свободой выбора. Всё это выведено из гипотезы о четырех элементах, но исходя из принятых нами начал

темпераментов должно быть, скорее, шесть, а именно от смешения каждой материи, то есть земли, воды и воздуха (или их преобладания), с духом и с огнем. Так,

в ком преобладает материя	{	земная при обилии	{ духа } { огня }	у тех оказы- вается склад ума	{ меланхолический } { холерический }
		водная при обилии	{ духа } { огня }		{ флегматический } { сангвинический }
		воздушная при обилии	{ духа } { огня }		{ легкомысленный } { неистовый }

О других различиях в складе ума см. «Мир наук и искусств» и др.

Суждение. Господин мира и местоблжитель творца среди творений, человек не мог не быть наделен способностью суждения. Итак, она ему дана с полным оснащением — см.: Нейфельд. «Против Валерия Максима», гл. II.

Афоризмы об интеллекте. 1. Интеллект сам по себе ничего не понимает, и лишь будучи приложен к вещам, он озаряется вещами и озаряет вещи. В самом деле, он мера вещей, а мера измеряет не сама себя. *Уподобление.* Светоносный луч невидим сам по себе без предмета, равно как предмет тоже не виден без света, и лишь при падении луча на предмет и его обратном отражении делается светло. К примеру, запрись при восходе солнца в отовсюду закрытую келью, и ты ничего не увидишь; сделай узенькую щель с солнечной стороны, и увидишь проникающий в келью луч, — но сделай отверстие в противоположной стене так, чтобы луч снова ускользал в него, и опять всю келью заполнит темнота; наоборот, заткни то противоположное отверстие, чтобы луч отбрасывал назад разреженный свет, и снова увидишь всю келью освещенной. *Вопрос.* Обладает ли наш ум нормами вещей, то есть аксиоматическим знанием, сам по себе или он их получает от вещей с помощью чувств? *Ответ.* В нашем уме от природы заложены контуры всей вселенной и всей гармонии мира, но они актуализируются только под действием чувств. Ведь даже и способность ощущения от природы, но само ощущение — от воспринимаемых вещей. Так что наш ум принимает измеряемые им³² вещи извне, а сами меры — дар природы, но поскольку для того, чтобы быть измеряющими, они должны измерять, выходит, что они и именуются, и считаются, и актуально являются мерами лишь постольку, поскольку происходит измерение, то есть соразмерение, вещей. А что меры на деле свернутым образом запечатлены внутри ума, явствует из природы всех семян: потенциальным и свернутым образом они содержат в себе всё творение, и где в семени ничего нет, там ничего не может и получиться, как видим у животных, у которых никакое упражнение внешних чувств не может довести внутреннее чувство

до такого совершенства, чтобы его можно было назвать умом, суждением или рассудком. Поэтому не очень удачно Аристотелево сравнение ума с чистой грифельной доской, хотя не лучше и ее сравнение с закрытой книгой у одного из новых писателей (Герберта). Тот заставляет понимать ум как чисто пассивную потенцию, этот — как уже законченный акт; но ум ни то ни другое, а нечто среднее между этими крайностями: он активная потенция, актуализируемая своей собственной силой, но под воздействием внешних объектов. Ни аксиоматическое знание не зависит просто от опыта, ни опыт — от аксиоматического знания, но оба в равной мере зависят друг от друга, как бывает в соотносительных вещах. Интеллект есть внутреннее зеркало, принимающее, располагающее и размножающее образы вещей. Поскольку интеллект воспринимает через чувства эти образы, они именуются *видами*, *идеями*, *представлениями*, *подобиями*; поскольку он на основании одинаковых или сходных восприятий выстраивает из них некую соотносительную аналогию вещей, они — *аксиоматическое знание*; а поскольку он выводит из общих понятий посредством дедуктивной дискурсии частные, они — *заключения*. Таким образом, действия нашего интеллекта будут трех родов: (1) внимать ощущениям и извлекать из них идеи вещей просто как они нам предстают (что называется воображением); (2) отвлекать от частных ощущений обобщенные понятия вещей: «здесь», «это», «так», «бытие», «становление» (что и называется рассудком); (3) улавливать и (опираясь на тот первопринцип, что подобное ведет себя подобным образом) выводить, на этот раз уже из общих понятий, далекие от непосредственных чувственных данных заключения (умозаключение, или дискурсия). Так что, когда ум человека наполнится напечатлениями понятий о вещах, эти понятия разделяются таким образом, что одни становятся представлениями, другие — аксиоматическим знанием (многие называют последнее врожденными началами познания, но в действительности оно возникает под влиянием повторных ощущений и множества аналогичных представлений) и третьи — дедуктивными заключениями.

Строение воли, или свободы выбора, — как бы учрежденного в человеке божественною судо

Воля есть срединная и центральная способность разумной души свободно выбирать или отвергать познанные предметы³³. Она состоит (1) из желаний, или порывов, бесконечно стремящихся ко всякому благу и к средствам его достижения; (2) из свободы независимо ни от чего выбирать одно или другое; (3) из совести, одобряющей или осуждающей желание или нежелание до, во время и

после его исполнения. В акте выбора сочетаются (а) неопределенность подлежащего решению вопроса, (б) взвешивание и (в) принятие определенного решения.

Строение аффектов

Аффект души есть то или иное ее страдательное состояние, когда она взволнована чувственным восприятием вещей. Таким образом, *источник* аффекта — всегда чувство, внешнее или внутреннее (воображение). Его *форма* — движение к вещи, от вещи или попеременно в том и другом направлении. При восприятии прекрасной, многообещающей и потому прекрасной вещи возникает общая *любовь* к ней, включающая (1) наслаждение; (2) влечение, или желание овладеть ею; (3) поиски средств к достижению этого, то есть заботу и старание; (4) *надежду* при обнаружении таких средств; (5) отсюда *радость* и новое стремление; (6) *веселье* при получении самой вещи; (7) *упоение* ее обладанием и разливающееся в душе удовлетворение (потом перерастающее в пресыщение и отвращение). Наоборот, от предвкушения чего-то безобразного, вредоносного и нежеланного возникает неприязнь к такой вещи, включающая в себя другую седмицу аффектов: (1) неудовольствие; (2) отталкивание; (3) стремление избежать вещи; (4) при невозможности без труда избежать ее — боязнь, или опасение; (5) от опасения — *забота*; (6) от заботы — *подавленность*; (7) а если всё равно нет избавления, приходит *страх*, *испуг*, *мука*, *тоска*, *отчаяние*; душу теснит сознание безнадежности, которое зовется *горечью*. Если потом удастся найти средство к спасению, приходит *опамятование*.

Во всяком аффекте сочетаются (1) материя (занимающая также место действующей причины), а именно приятно или неприятно воздействующие на наше воображение вещи; (2) форма, а именно непрестанное беспокойство воображения; и (3) цель, а именно самосохранение: всякая вещь любит свое состояние и в меру возможности сохраняет себя в нем, а потому ненавидит вредное, любит полезное, от первого отвращается, ко второму обращается; опасаясь близости вредных или вредоносных вещей, она склоняется к бегству, и наоборот, гонится за тем, что обещает ей процветание.

Аксиома. Аффекты присущи всякому созданию, но совершеннейшему — совершеннейшим образом.

У людей аффекты приобретают удивительно разнообразные формы, (1) смотря по различию вещей, или предметов, (2) смотря по различию восприятия, (3) смотря по различию душевного склада. В самом деле, один и тот же человек то любит, то ненавидит, смотря по тому, предстают ли ему приятные или неприятные предметы. Но даже один и тот же предмет он любит то больше, то мень-

ше, смотря по тому, насколько он внимателен к вещи и как расценивает ее. Потом, в равной мере воспринятая и оцененная вещь всё равно воздействует на одного иначе, чем на другого, из-за различия и огромного разнообразия в душевном расположении. Отсюда слова поэта: «Каждого страсть своя увлекает»³⁴; и если кто любит ворону, для него ворона — сестра Аполлона. На какое душевное расположение приходится волнующие душу вещи, такие они и возбуждают аффекты.

Аксиомы

1. Наши аффекты разнообразны потому, что мы вращаемся в мире среди разнообразных вещей.

2. Аффекты каждого соответствуют его природной предрасположенности.

3. Даже одна и та же вещь аффицирует одного и того же человека по-разному, смотря по живости или вялости его воображения.

4. Сколько страстей, столько чувств; сколько чувств, столько разнообразия.

Человек, создание сложного устройства, больше всех других подвержен страстям и переменам, ведь он причастен всем вещам, какие только есть в мире. Однако его аффекты можно свести, вернее всего, к семи видам, из которых три возникают от ощущения блага, три — от ощущения зла, а седьмое — от столкновения того и другого. А именно благо в настоящем дает *радость*, ожидаемое в будущем — *надежду*, прошлое — *довольство*; будущее зло — *опасение* и *боязнь*, настоящее — *печаль* и *смятение*, прошлое — *раскаяние* и *скорбь*, *жалость* или *ἐπιχαιρεκαμία*³⁵. Смешанный аффект — *гнев*, т. е. жажда мщения, складывающаяся из боли и удовлетворения.

5. Страсть возникает в человеке от тройного начала: (1) от внешних предметов, (2) от гуморов тела и (3) от самой души. См. об этом выше и ниже.

Строение деятельной способности

Следует третье впечатление бесконечности в человеке — бесконечная способность к действию, исполнению и осуществлению, или аппарат человеческого всемогущества.

1. Исполнительную способность составляют *предшествующие ей* аффекты, или движения души, посылающие ум к предметам; *сопутствующие ей* порыв, стремление, применение орудий (рука есть орудие орудий, но в сочетании с другими членами тела), *следующее за ней* обладание, удовлетворяющееся достигнутым.

2. *Цель* человеческих действий — блаженство, или высшее благо. Признак этого — (1) всеобщий внутренний инстинкт, застав-

ляющий человека хотеть себе добра и отвергать всё неблагоприятное, — причем, чем лучше и прекраснее ему кажется вещь, тем сильнее его влечение, и так без конца; а смерть и гибель для него ужасны. (2) Он наделен *чувством* и *разумом*, так что умеет выбирать между злом и добром, распознавая большее и меньшее добро; *волей*, так что добывается выбранного и всем существом привязывается к нему; *способностью удовлетворяться* по достижении блага.

3. Толкающих нас к действию начал три: (1) сам по себе ум со своим внутренним инстинктом и накопленными знаниями, то есть соображениями; (2) гуморы тела, подающие ему повод ко всё новым и новым соображениям и стремлениям; (3) внешние предметы, разнообразно предстающие нам и предоставляющие ему случай обдумывать и волеить те или иные вещи(...)

4. Орудие деятельности способности — прежде всего рука, посредством которой человек искусно производит всё, что может и должен делать (не случайно руку называют орудием орудий³⁶). Для возможности этого он наделен парой рук: одной держать, другой действовать. Для хватания, протягивания и подавания вещей каждая рука создана *длинной*, для движения во все стороны — *гибкой* (снабженной многими сочленениями), для разнообразия действий — *разделенной на пальцы* и т. д.

(5.) Не меньше, чем в других вещах, в строении и расположении человеческих рук ясно проглядывает дивная божия премудрость. Это — орудие орудий, удобнейший инструмент для ловкого исполнения почти бесчисленных вещей: на пальцах ведем десятичный счет; перстом, ладонью, пятью, локтем, саженью мерим; рукой взвешиваем; ладонью разглаживаем, как утюгом; кулаком ударяем, как молотом; сжатыми пальцами ухватываем, как клещами; ногтями соскребаем. Но руки приспособлены и для решения множества философских, возвышенных, развлекательных и полезных задач. По линиям руки можно с большой вероятностью узнать (1) состояние сердца, головы, печени человека и даже в плохом он или добром здравии и, больше того, (2) склад его темперамента, а отсюда предрасположенность к нравственности и порокам³⁷. (3) Главное, в ней можно явственно видеть компендий математических дисциплин. (4) В самом деле, при определенном небольшом изгибе пальцев она образует нечто вроде Пифагорова стола³⁸. (5) При солнечном свете она уподобляется солнечным часам и позволяет разузнать час дня и даже (6) в ночное время по расположению Полярной звезды и Большой Медведицы может указать правильное время ночи. (7) Всё, что в целом календаре говорится о месяцах, новолуниях, полнолуниях, золотых числах, Иоанн Клавий с большим мастерством учит узнавать по суставам кисти.

Мир искусства,
или пятая ступень пансофического просвещения, представляющая для обозрения четвертый мир, сотворенный человеком мир искусства вместе со всем, что произведено человеческой изобретательностью

С и н о п с и с м и р а и с к у с с т в а :

- I. Что такое мир искусства и каковы его начала.
- II. О его создателе — искусстве.
- III. Искусство искусного рассмотрения телесных начал: материи, духа, огня, а также элементов.
- IV. Искусство искусного рассмотрения растений.
- V. Искусство искусного рассмотрения небесных явлений и минералов.
- VI. Искусство искусного рассмотрения животных.
- VII. Искусства управления человеческой природой как в отношении тела, так и в отношении души.
- VIII. Искусства, касающиеся свойств вещей.
- IX. О совершенстве мира искусства и о случающихся в нем недостатках и уродствах.
- X. О правительнице мира искусства [премудрости] и о конечной цели искусств.

Г Л А В А I

**Что такое мир искусства
и каковы его начала?**

1. Собираясь произвести эту осязаемую мировую совокупность вещей, Бог взял соразмерную своему всемогуществу материю, *ничто*, то есть громадную и пустую бездну, и образовал из нее всё; а закончил он свой труд предметом, соразмерным своей премудрости, созданием по образу своему, которое он нарек *человеком*.

2. Поставив его в этом вещественном мире своим местоблюстителем, наделив его способностью подражать своей премудрости, он назначил ему соразмерную его силе область действия, а именно все сотворенные им создания, чтобы, созерцая их, разграничивая их именованьями, вольно подражая им, используя, переделывая и преобразуя их, человек бесчисленными способами умножал свою радость и счастье. (. . .)

4. (. . .) Что в области видимых творений выше или замечательнее человека? Что может быть поэтому справедливее, чем отдать на суд человеку всё, что существует ради него? В самом деле, нет в

мире вещи, которая не подчинилась бы человеческой изобретательности: он покоряет огнем металл, а металлом — дерево, камни, диких зверей и проч.; из камней он сооружает жилища и замки; уловляет и заставляет себе служить даже ветры для морских плаваний и других нужд; плавает с рыбами, движется по земле с животными, летает по морю на крыльях ветра. Нет в мире вещи, которую он не умел бы (или, по крайней мере, не стремился) применить, которой он не отважился бы подражать и которую не взялся бы приспособить для своих нужд или удовольствий. Он один умеет пользоваться огнем, к которому прочие живые существа боятся даже прикоснуться. С помощью астрономии он предписывает законы даже небесным сферам и звездам, предрассчитывает и предсказывает восход и заход солнца и все изменения вплоть до будущих лет — и всё так и происходит. (. . .)

Г Л А В А П

Об искусстве,
создателе этого мира;
что оно такое и каковы его части,
а именно применение, подражание,
преображение

Мы называем искусством практическую изобретательность человека, направленную на создания природы. Дело искусства — троякий подход к произведениям природы: (1) *применение* вещей каковы они есть и как они сами по себе ведут себя; (2) *преобразование* вещей по желанию, или *управление* ими; (3) *подражание* действию вещей³⁹. Эти три подхода проистекают из *единства, истины, блага*⁴⁰. В самом деле, (1) *применение* вещи есть присоединение ее к себе в качестве орудия с целью достижения чего-либо; (2) *подражать* вещи значит следовать ее истине, составляя для себя и развертывая представление о каком-либо действии; (3) *управление* вещью есть сохранение ее благих свойств, чтобы она давала ожидаемое от нее, или умножение их, чтобы польза от нее была больше. Те же три подхода следуют и из наших способностей: знания, воли и силы. В самом деле, мы (1) *желаем* применять вещи, поскольку они хороши и полезны; (2) мы *в силах* управлять ими, поскольку обладаем разумом; (3) мы *знаем*, как подражать им.

Основополагающая причина этих трех подходов искусства трояка. (1) Всё существующее и видимое, слышимое, обоняемое, вкушаемое, осязаемое существует ради нас; следовательно, надо позаботиться, чтобы ничто не осталось без *применения*. (2) Всё видимое, слышимое и т. д. есть проявление божественной премудрости, а

тем самым образец для подражания нашим искусствам; следовательно, надо как-то постараться, чтобы мы умели всему этому *подражать*. (3) Всё существующее и т. д. предназначено для служения нам (мы созданы властителями всего); следовательно, всё это нужно каким-либо образом приспособить для нашего употребления через правомерное *управление* вещами.

3. *Применение* вещей есть приспособление их для какой-либо пользы, нашей или других людей, без нарушения природы этих вещей (таково, например, применение солнца, ветра и т. д.)(...)

4. *Управление* вещами есть приспособление их с тем, чтобы они лучше делали свойственное им или делали по нашему желанию несвойственное, а то и полное их видоизменение. По первому способу управляет своим быком пахарь; по второму [приспосабливают и видоизменяют свой материал] мясник, кожевник, портной, и здесь искусство всего больше гордится взятой у природы добычей. (. . .)

5. *Подражание* есть видоизменение нас самих по образцу вещей для исполнения с помощью искусства того, что вещи исполняют по природе. (. . .)

Аксиома. Что бы ни совершало какое бы то ни было творение, оно учит нас тому, как нам при необходимости следовало бы совершать то же самое. В самом деле, человеческие изобретения не что иное, как подражания природе, независимо от того, понимают люди, что они подражают здесь Богу, или нет. Например, (1) бомбарды — подражание молнии: выстрел происходит по сходным причинам; (2) часы — подражание небу; (3) винокурение — дождю; (4) стекло — горному хрусталу; (5) очки — глазам; (6) ткань, сукна, полотна, бумаги — подражание коже и телесным пленкам; (7) искусство варки — солнцу, от тепла которого созревают плоды; (8) детское пускание пузырей из растертого мыла — пузырям на воде и т. д.

ГЛАВА VII

Искусство умелого обращения с человеческой природой в отношении как тела, так и души

Искусство хорошего самочувствия, включающее диететику и медицину

7. Каковы же средства сохранения жизни и здоровья? Их прежде всего два: *диета* и *медицина*. Диета стремится предупредить болезни, медицина изгоняет или ослабляет их, если они внедрились. (Третьим сюда можно добавить *благочестие*.)

8. Что такое диета? Это строгий порядок повседневного образа жизни для поддержания тела и духа и предотвращения болезней. Греческое *διαίτη* — от *διατάσσει*, «есть»⁴¹; действительно, диета требует прежде всего должной меры при введении в наше тело пищи и питья, хотя к диете относятся и другие вещи, способные укреплять или разрушать здоровье: движение и покой, бодрствование и сон, воздействие тепла и холода, разнообразные окуривания и подобное. Простейший, легчайший, надежнейший и во всех отношениях превосходнейший порядок соблюдения диеты тот, который Бог предписал развращенному грехопадением человеку: «В поте лица твоего будешь есть хлеб»⁴². В самом деле, пока праотцы соблюдали это — (1) довольствовались *хлебом*, то есть простой пищей без приготовления изысканных яств, и (2) *трудились*, движением вырабатывая в себе естественное тепло, (3) причем *до пота*, то есть выгоняя из тела всё лишнее не очистительными лекарствами, купаниями, банками, кровопусканиями, а постоянным пототделением, — они были здоровы, полны сил и жили по несколько веков⁴³. Жизнь нашего тела упорядочена, словно часы: будешь обращаться с ними небрежно — они каждую минуту могут сломаться, осмотрительно — проработают годы и годы. Распад и смерть нашего тела приходит, как мы видели в «Физике», или от старческого увядания всего тела, или от разрушения и повреждения какого-то жизненно важного члена, или от внешнего насилия. Таким образом, суть хорошей диеты — избежание насильственных воздействий, неумеренности (от которой бывает разложение или воспаление жизненных органов) и чрезмерной заботы (которая иссушает жизненную влагу и ускоряет увядание).

Медицина есть искусство сохранять человеку доброе здоровье и восстанавливать пошатнувшееся. Она требует трех вещей: (1) знания о здоровье и болезнях; (2) сведений о заложенных в вещах целительных силах; (3) умения прилагать действенные начала к страдательным. (Но из какой всеобщей идеи всё это идет? Ведь вышеказанное часто и неприложимо к политике, теологии, даже к хирургии. — Ответ: из идеи исправления. Тут заранее требуется (1) понимание нарушения, то есть знание того, что подлежит исправлению; (2) знание восстановительных средств, то есть знание «чем?»; (3) умение применить средства, то есть знание «как?».)

Отсюда вытекают следующие аксиомы:

I. Не врач тот, кто не знает всего совершающегося в живом теле.

II. Плох врач без всестороннего знания лекарств.

III. Несчастен врач без умения применять лекарства.

IV. Чем шире у врача познание этих трех вещей, тем он лучше. Познание макрокосма и микрокосма добывается с помощью анато-

мии⁴⁴, лекарств — с помощью ботаники и химии, путей лечения — с помощью навыка и опыта. (. . .)

О высоком достоинстве медицины говорит (1) достоинство ее предмета, человеческого тела, или самого человека, коль скоро медицина должна сохранить ему жизнь и подготовить его для необходимых жизненных дел; (2) ее цель, то есть подражание творцу путем сохранения существования превосходнейшего из творений и убережение его от гибели; (3) пример Сына божия, который на земле занимался только исцелением душ и тел. Так что необдуманно поступил мир, поставив врачей после правоведа⁴⁵: у последних менее благородный предмет, внешние блага, да и Сын божий своим примером не одобрил эту профессию, ведь он не пожелал делить наследство между братьями, считая как бы недостойным вмешиваться в тяжбу безрассудных людей, которые не удовлетворились природным законом «не делай другому, чего не хочешь, чтобы делали тебе».

Врач опирается на (1) авторитет предшественников, (2) разум, (3) опыт. Однако запомни *аксиому*: в медицине опыт важнее разума, а разум — авторитета. В самом деле, велик авторитет Гипократа, Галена, других врачей, но если опыт и разум им противоречат, следовать авторитетам нельзя; опять-таки, если опыт постоянно спорит с разумом, надо больше верить опыту. Недаром особенной славы удостоиваются *опытнейшие* врачи, ведь до приобретения опыта никакая теория не поможет.

Предмет медицины — нарушенное здоровье. Здесь надо точно различать болезнь, ее причину и симптомы. Это известное в медицинской науке различение идет от начал «что?», «почему?», «как?»⁴⁶.

Обязанностей врача три: (1) знать болезни, лекарства от болезней и способы их применения; (2) проводить лечение, останавливать и изгонять болезнь; (3) не допускать рецидивов болезни. Соответственно медицинской теории имеет три части: знание (1) видов болезней с их различными симптомами; (2) свойств растений и других веществ, из которых готовятся лекарства; (3) способа их применения для больных с разным телесным сложением. Или еще: при лечении надо принимать во внимание (1) причины болезней, (2) средства от всевозможных болезней, (3) способы применения этих средств (когда, сколько, как и т. д.).

Однако виды и причины болезней нельзя знать, если не познать в полноте природу жизни и здоровья, т. е. строение тела и назначение всего происходящего в нем. В самом деле, желая исправить какую бы то ни было вещь, мы должны знать ее правильное устройство; дерзким и безрассудным вторжением мы, пожалуй, только разрушим ее. Отсюда и получается, что неопытные врачи больше убивают, чем исцеляют. Иногда бывает, что и опытный врач, про-

тив ожидания, убьет больного; но, по Ульпиану⁴⁷, «смертельный исход не должен вменяться врачу в вину; в вину ему вменяется то, что допущено им по неопытности».

Лечебные средства бывают либо профилактические, либо исцеляющие, либо укрепляющие. Для профилактики пользуются более слабыми лекарствами. Лекарства изготавливаются или из растительных, или из минеральных веществ. Первые слабее, вторые сильнее, а потому опаснее при неумелом применении, однако и действеннее при трудноизлечимых болезнях. Химические лекарства действенней Галеновых (поскольку сосредоточенная сила крепче), однако Галеновы надежней, потому что как менее ядовитые они меньше способны повредить при допущении ошибки. Лучшее лекарство то, которое снимает болезнь *быстро, надежно и без тягот*. Такова, пожалуй, диететика. Следовало бы кому-нибудь написать «Диететическую медицину», т. е. книгу о том, как наиболее распространенные болезни можно лечить одной диетой. Однако приемы такого лечения должны быть безошибочны и выверены опытом. Есть определенные основания считать это осуществимым, особенно в отношении хронических болезней.

Насколько трудна медицина, показывает Бэкон Веруламский; насколько излишним было ее применение в старину, когда смертные не ведали роскоши, прочтешь у Сенеки; а насколько она пока еще несовершенна, учит опыт, всеобщий наставник. Хотя надо верить, что для всякого страдательного начала у Бога припасено свое действующее начало, однако мы пока еще так далеки от познания того и другого, что вопиющим образом не знаем еще в достаточной мере ни болезней, присущих человеческой природе, ни лекарств от них. Даже пустяковые болезни приковывают нас к постели.

Итак, требуется точная наука о болезнях человека и о противопоставляемых им лекарствах — (1) всех, допускающих (2) надежное и (3) легкое применение. Этого не достичь, если не будет создана исчерпывающая, истинная и ясная наука о человеческой природе. Если у тебя нет врача, пусть врачом твоим будут (1) веселье сердца, (2) покой и (3) диета. О веселье сердца смотри Притчи Соломоновы (12, 25), о покое и диете — Корнелия Цельса. Воздержанием и диетой излечиваются тяжелейшие болезни. (. . .)

Высшее достижение медицины — продление жизни, то есть замедление старости и неоппадающий цвет молодости. О достижении долголетия говорилось выше. Кроме упомянутого есть и еще способ жить долго и много, поистине требующий искусства: сбережение жизни, то есть растрата ее только на важное; ведь если бережливость по праву входит в искусство богатеть, то и жизненная бережливость — тоже искусство (см.: Сенека «О краткости жизни», гл. 6 и 7). Поистине жизнь надо мерить не годами или седмицами,

а только тем, на что она потрачена. Искусство это необходимо, и оно должно быть усвоено, чтобы ни с кем больше не случилось того, что сейчас еще случается со многими, кого жизнь оставляет во время самой подготовки к жизни. В самом деле, кто не достигает жизненной зрелости, или вовсе не задумывается о сути жизни, или ленив в размышлениях об этом, тот готовится начать жить, но так ничего не начинает и не живет: находится здесь на земле и не знает зачем, отходит и не знает куда. Жалкая картина!

Искусства ума

1. Предметов ума три: *истина, благо и возможное и должное*. (Знать всю истину, хотеть блага, мочь возможное — *цель* человеческого совершенствования; искание истины, наслаждение всем благом и испытание всего возможного — *средства* к достижению этой цели; соблюдение должного образа действий — *форма*, и т. д.)

2. И способностей у него три: интеллект, воля, дух.

3. Действий тоже три: понимание, избрание и осуществление. (Человеческий *интеллект* бесконечен и способен понять всё, будь то добро или зло, пределы чего он может охватить, а именно всё, что определяется истиной вещей. *Воля* человека определяется [только] благом. Человеческая потенция (*posse*) определяется соотношением возможного для человека и имеющихся у человека орудий. Воля направляется к выбору или отвержению чего бы то ни было интеллектом: что интеллект считает благом, [к тому стремится воля]. Чем уверенней понимание интеллекта, тем уверенней избрание и отвержение и тем напряженней порыв к достижению вещи или избеганию ее. Интеллект, воля и силы в один момент времени обращены только к одному предмету, в разное время — к разным, в бесконечное — к бесконечному их числу.)

4. Наконец, направляющих начал ума опять же три: *врожденные идеи, инстинкты и порывы*, в силу которых все мы мыслим, волим и совершаем всё.

5. В каждом из них надо обращать внимание на три вещи: (1) *применение*, (2) *подражание*, (3) *управление*. А именно (1) кто не пользуется умом для понимания, воления, дерзания, тот коснеет (*применение*); (2) кто не соблюдает законов ума, тот в своем понимании, волении, дерзании совершает ошибки (*подражание*); (3) кто не направляет ум как бы уздой к пониманию истины, избранию блага, деланию должного, тот сбивается с пути (*управление*).

6. Однако главная и величайшая нужда — это постоянное управление. (В самом деле, неприменение ума и косность не так уж часто встречаются и легко преодолеваются самой жизненной практикой; подражание себе и другим тоже происходит как бы постоянно; наоборот, из-за неверного применения, из-за неправильного

использования, из-за недолжного подражания непрестанно и страшно заблуждаются едва ли не все. Здесь-то и требуется искусство непрестанного управления.)

7. Управление умом должно быть тройким: с помощью доказательства, увещания и призыва. Инструментами здесь служат теоремы, постулаты и проблемы. Соответственно, (1) чтобы интеллект понял истину, ты должен доказывать ее теоремами; (2) чтобы воля избрала благо, ты должен склонять ее постулатами; (3) чтобы дух приступил к исполнению должного, ты должен ставить перед ним проблемы.

Представь в ярком свете	{	интеллекту истину,	}	и он тогчас	{	поймет
		воле благо,				примет
		порыву путь осу- ществления,				возьмется за дело

8. Теоретическое пользование или управление собственным умом именуется математикой, чужим — дидактикой.

Математикн	{	цель: научиться всему, чему можно,	{	безошибочно
		орудия: {		быстро
		<div style="display: inline-block; vertical-align: middle;"> <div style="font-size: 1.5em; padding-right: 5px;">{</div> <div style="padding: 2px 5px;">неповрежденные чувства</div> <div style="padding: 2px 5px;">здравый разум</div> <div style="padding: 2px 5px;">прозорливая вера</div> </div>		весело
средства: прилежание	{	добровольное		
		тщательное		
		упорядоченное		

Математика, или искусство учиться

(Тут разъясняется, что значит учиться, на чем учатся и как.)

1. Математика есть искусство учиться (от греческого μαθητιν «выучить»).

2. Учиться значит стремиться познать вещь.

3. Знание есть обладание вещью в разуме, причем на трех ступенях: (1) ее существования, (2) ее причин, (3) ее применения. Через эти три ступени мы приходим к познанию, осмыслению и применению вещи. Первое называется просто знанием, второе пониманием, третье употреблением, пользованием, обращением с вещью. (NB. Некоторые говорят здесь о трех ступенях достоверного знания: (1) эмпирической, (2) эпистемической и (3) эвристической. В самом деле, сперва мы на опыте узнаем, что вещь имеет место. Потом через познание причин понимаем, какова она. А к эвристике относится знание того, что из нее можно получить, то есть насколько разнообразным может быть ее действие. Пример

первого: землемер научается измерять расстояние на местности с помощью диоптры⁴⁸, пронаблюдав несколько раз соответствие между показанием прибора и замером на местности, хоть и не знает, на каком основании это у него выходит. Пример второго: геометр по VI книге Евклида умеет объяснить основания измерений на местности. Пример третьего: ученый продвинулся настолько, что способен разрешать нерешенные проблемы, открывать новые темы и устанавливать новые законы. Степень знания, называемая принятием на веру, — когда без рассмотрения самой вещи соглашаются с мнением наставника, — отвергается и из основательного философского исследования изгоняется; она недостойна человеческого разума и бесполезна тем, кто хочет по-настоящему продвинуться в познании.)

4. Знание, что вещь *есть*, — первая ступень, или фундамент, познания (оно дает поверхностную осведомленность о вещи)⁴⁹.

5. Знание причин, в силу которых вещь есть, — полная ступень познания, его сердцевина (оно дает внутреннее познание вещи, то есть понимание того, из каких частей состоит вещь, как части соотносятся между собой и какими связями скреплены, как благодаря этим связям они делают совокупность вещи тем, чем она должна быть).

6. Знание применения вещи — высшая ступень, или венец, познания. Это последняя вершина мудрости: она дает способ применения вещи, а всегда знать его и никогда не допускать злоупотребления присуще мудрому.

7. Искание есть обращение к разным источникам в попытках обнаружить что-либо. Обучающийся обращается то к самой вещи, то к своему разуму, то к уму других.

8. Соответственно, мы научаемся вещам (1) от самих вещей, постигая их чувствами, (2) от своего внутреннего знания, исследуя разумом свидетельства чувств, или (3) от других, узнавая об их ощущениях и рассуждениях. Отсюда *правило*: изучая чувственно постигаемые вещи, полагайся на ощущение, умопостигаемые — на разум, богооткровенные — на веру.

Выводы. (1) В вещах, доступных зрению, слуху, осязанию, верь только своим глазам, ушам, пальцам. (2) Слушая рассказы о вещах, верь только тому, что сам считаешь на разумных основаниях возможным. (3) В божественных вещах верь только Богу, то есть убедись, (а) что слышишь слова божии, в которых не бывает и не может быть ошибки, и (б) что понимаешь их в истинном смысле, идущем от Бога, а не привнесенном людьми. (4) Если какое-то чувство слабо, пусть ему поможет другое чувство. (5) Если ум не удовлетворяет какого-то основания вещи, пусть ему поможет другое основание. (6) Если какое-то место Писания недостаточно объясняет само себя, пусть ему поможет другое место.

9. Мы исследуем чувством вещи, измеряя, исчисляя, взвешивая их⁵⁰; отсюда математика, арифметика, геометрия, искусство взвешивания и другие исследовательские искусства. Для легкости изучения или, наоборот, забывания чувственно постигаемых вещей знай: (1) ты можешь ощущать только предметы, представшие по крайней мере одному чувству; (2) с другой стороны, не ощутить представший чувствам предмет нельзя. Следовательно, (1) если хочешь познать вещи, допусти их до своих чувств, а если не хочешь их знать, остерегайся, чтобы они не предстали чувствам; (2) кто мало что допускает до своих чувств, мало знает, кто много — много.

10. Разумом мы исследуем вещи тогда, когда с помощью впечатленной в наших душах вечной истины вещей взвешиваем, что может или не может, должно или не должно быть.

Правило. Желая познать что-либо от самых оснований, рассмотри⁵¹: (1) существует ли это? (нелепо хлопотать о несуществующем и о химерах); (2) что это? (определи через род и различие⁵²); (3) каково оно? (определи через все категории); (4) как существует? Всё это познавай через (1) сходство и равенство (непознаваемое в себе познается через смежное), (2) различие и раздельность (несходство вещей, когда оно замечено, служит прекрасным светочем уму), (3) противопоставление и противоположение (противоположности очень хорошо проясняются при соположении).

11. Мы учимся от других, когда узнаем их суждения о вещах, либо изустно расспрашивая их и получая ответы, либо заочно читая их обращенные к нам книги. (Первое составляет искусство эротематики, расспрашивания, второе — анагностики, чтения.)

12. Поскольку для совершенства познания всё должно познаваться само через себя (вещь есть то, что она есть, мнений же о вещах — бесконечность), то пусть изучающий держится вещей, а не слов о вещах. Истину сказал сказавший не то, что говорят о вещи, а то, что она есть. Пока я не испытаю сам, чужая опытность не поможет моему незнанию: она внушает мне доверие, а не знание. Отсюда известное изречение: «Ученые не нуждаются в авторитетах»; авторитет велит только верить, доказывают же чувство и разум. Короче говоря, кто учится от других, заимствует готовые богатства; кто от своего внутреннего разума — роется в золотых коях собственного таланта, и это надежнее; кто из самих вещей — вглядывается непосредственно в их природу, и это всего вернее.

Гностика

1. Гностика есть искусство познания. (. . .)

6. Теоремы о познании. (1) Знание есть не мнение, но именно знание. (2) Знание при неумении применить познанное есть поло-

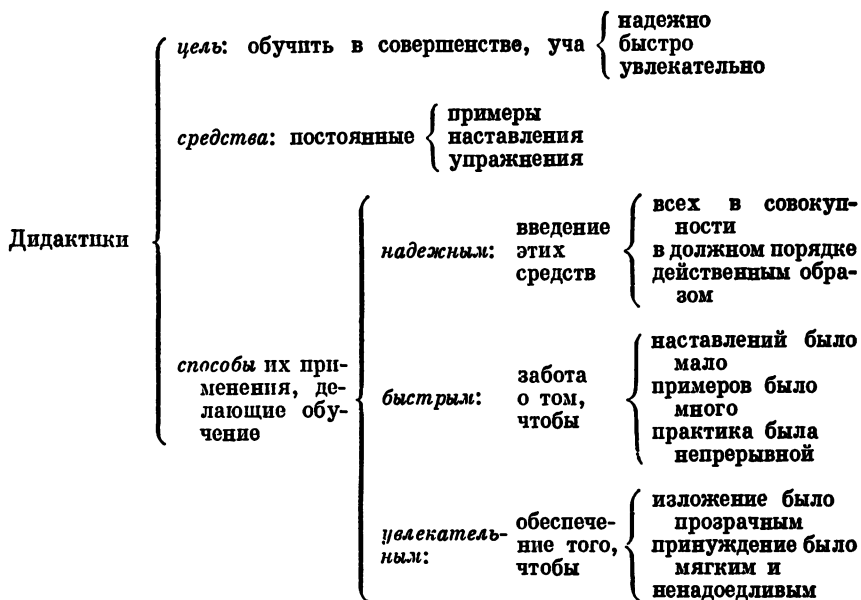
винчатое незнание. (3) Вера не знание, а лишь надежда, что другие знают. (4) Мудрому присуще желание знать всё возможное и должное и нежелание знать невозможное и недолжное. (5) Может знать, что знает всё подлежащее познанию, только тот, кто заодно знает, что его познанию не подлежит (то есть только тот, кто видит цели и пределы как человеческого знания, так и незнания). (6) Таким образом, знающее незнание⁵³ — часть познания. (7) Частности бесконечны и конечным разумом охвачены быть не могут. (8) Скрытое чувства не достигает и потому может быть воспринято только через откровение. (9) Идущее из неопределенного источника не воздействует на чувства определенным образом и потому не может быть познано с определенностью. (10) Универсалии вечны, всегда и везде неизменны и потому могут познаваться везде и всегда (то есть при рассмотрении всего частного; а каким образом—см.: Кампанелла, «Метафизика», 62). (11) С определенностью знать, что невозможно познать, — большая часть мудрости. (Наоборот, глупость или считает себя всезнающей, или не знает, что она знает и чего не знает.) (12) Чем более кто знает себя незнающим, тем больше знает. (В самом деле, чем на более высокую гору ты взберешься, тем более глубокую долину увидишь под ногами, и тьма кажется особенно темной только при ярком свете; недаром больше других оплакивают свое невежество и темноту рода человеческого такие выдающиеся мудрецы, как Соломон, Демокрит, Сократ.) (13) У думающего, что он знает то, чего не знает, двойное незнание: вещи и своего незнания (поэтому мнить о себе и заблуждаться — большое несчастье). (14) Даже частичка истинного знания есть великий свет для ума; лишь бы мы нашли способ разделить всеобщее на многие частности (так одно живое зерно, попав в добрую землю, производит бесконечное множество других, и легкое пламя свечи бывает достаточно для озарения целого дома).

7. Знание вещей заключается в доведении их до чувства. *Понимание* вещей заключается в обнаружении истинного строения каждой вещи (это достигается, когда ее существенные составные части приведены к соразмерности и взаимосвязанности). *Применение* вещи откроется, если ты покажешь, как надо обращаться с установленной таким образом вещью для достижения изначально задуманной цели. И здесь наступит успокоение, поскольку последнее возвратится к первому, а заложенное в первоначальном намерении станет последним в осуществлении.

Дидактика, или искусство обучения

1. Дидактика есть искусство обучения.

2. Обучать значит добиваться того, чтобы знание одного стало и знанием другого. (Это необходимо (1) ради славы божьей, чтобы

не скрывать под сосудом дарованный нам свет премудрости; (2) ради ближних, чтобы и они, будучи приведены к свету, ходили в свете; (3) ради нас самих, нашего постоянного просветления: ведь учащий других образовывается сам.)

3. Конечная цель этого искусства — учить так, чтобы всему преподаваемому научать в совершенстве, достигая того, чтобы обучаемый не только научился всему тебе известному, но и усвоил всё, познав ранее неизвестные ему вещи так же, как знаешь их ты.

4. Это удастся, если ты сумеешь учить *надежно, скоро, увлекательно*: *надежно* — так, чтобы всё преподаваемое не могло не быть воспринято; *скоро* — так, чтобы всё вполне заучивалось в один раз; *увлекательно* — так, чтобы ученик всегда тянулся без отвращения и скуки к новому. (Первое необходимо, чтобы знание было знанием, а не мнением или видимостью; второе — чтобы нас хватило для всего множества вещей, которые мы должны уметь и знать в жизни; третье — чтобы наш ум, от природы своенравный, никогда не отшатывался от труда, но, наоборот, везде тянулся к нему как к удовольствию.)

5. Но как достичь этого? Есть три неизменных инструмента для внедрения науки в человеческие умы: *примеры*, или образцы, *наставление* и *подражание*, то есть применение и упражнение. Если уметь правильно ввести всё это в деятельности обучения, ученик поневоле станет усваивать всё надежно, скоро и с увлечением,

6. Научи же меня сути этих трех инструментов и их смыслу!

— *Пример*, или образец, есть то самое, чему ты хочешь научить другого, будь то вещь, будь то действие и что бы то ни было еще. (Всё вводимое для изучения прежде всего должно быть предложено, если это зримая вещь, зрению, если слышимая — слуху, если вкушаемая — вкусу; потом ты должен назвать ее и рассказать всё, что о ней надо знать.)

7. *Наставление* есть как раз такое объяснение предложенной в качестве примера вещи: что она такое, к чему, откуда, как возникла или становится и т. д.

8. *Упражнение*, или подражание, есть действие, в силу которого то самое, что показал, объяснил или исполнил перед учеником учитель, ученик приучается таким же точно образом показывать, объяснять и исполнять с помощью наставника, который помогает при заминках, поправляет при ошибках, поощряет к новым попыткам, пока ученик не достигнет уверенности. (. . .)

9. *Пример*, или образец, есть сама подлежащая рассмотрению и восприятию прочими чувствами вещь «живьем», или ее образ, то есть уподобление, или какое-либо другое ее воспроизведение, когда невозможно представить саму по себе вещь. (Скажем, желая познакомить ученика со слоном, дай ему возможность посмотреть его в жизни, или предложи изображение слона, или как-нибудь нарисуй его собственноручно.)

10. Свет для озарения примера, то есть *наставление*, — это добавляемое к показанной вещи словесное объяснение, в котором главное место занимают определение, разграничение и сравнение вещи в целом и по частям. (*Определение* есть свет, потому что предложенная для созерцания и уже рассмотренная вещь при правильном описании ее существенных черт ярко запечатлевается в сознании. *Разграничение* есть свет, поскольку неразграниченное спутанно, а путаное смутно и обременительно; да обучение и есть не что иное, как разграничение (NB), благодаря которому казавшееся спутанным приобретает ясную раздельность, и недаром говорят: «Хорошо разграничивающий хорошо учит». *Сравнение* со своей стороны тоже проливает свет, коль скоро непонятное в себе нередко тотчас раскрывается в сопоставлении с другим, более известным, подобно тому как приложенная для измерения мера сразу обнаруживает количество или устройство предмета.)

11. Упражнение заключается в повторных попытках подражания, возбуждаемых, направляемых, исправляемых вплоть до достижения безошибочной уверенности действий. (. . .)

12. Через эту троицу — примеры, наставления, упражнения — можно всем и всеосвершенно внедрить все знания и надежно, и скоро, и увлекательно, если только научиться правильно применять к ученикам все три инструмента. Всё равно, один ли будет

ученик, или десять, или сто, или тысяча, — надо лишь проследить, чтобы все могли видеть, слышать, делать всё. Сила и достоинство этого истинного метода будет в том, что и толпа окажется не помехой; наоборот, пусть примерами и подражанием многие взаимно побуждают, подстегивают, поощряют друг друга и тем самым благодаря парресии⁵⁴ движутся к цели воспитания, — лишь бы один и тот же урок единовременно выполнялся всеми и лишь бы все были одинаково прилежны и прилежно делали всё. Впрочем, не надо забывать и особые приемы применения вышеназванной троицы с тем, чтобы всё делалось надежно, скоро и с увлечением. Перейдем же к этим приемам.

13. Надежно и основательно применит при обучении все три инструмента преподавания тот, кто постарается пользоваться ими (1) *в совокупности*, (2) *в должном порядке*, (3) *действенным образом*.

14. *В совокупности* применит их тот, кто никогда не упустит из виду ни примеров, ни наставлений, ни упражнений и кто добьется, чтобы примеры были исчерпывающими в целом и во всех частях, разъяснения — всесторонними, а подражание — совершенным. (. . .)

15. *В должном порядке* применит их тот, кто всегда поставит во главе пример, или образец, готовой или подлежащей исполнению вещи, пример всегда восполнит разъяснением (почему и как вещь возникла или возникает) и, наконец, научит подражать всесторонне и полно рассмотренной и понятой вещи. (Впрочем, применяя каждое из этого по отдельности, надо тоже соблюдать порядок: пример показывай и объясняй сперва целиком, потом его главные, затем меньшие и, наконец, мельчайшие части, потому что так всё сможет понять любой ум; наоборот, при подражании держись противоположного, а именно начинай с правильного исполнения самого малого, потом пробуй более сложное и в последнюю очередь переходи к сложнейшему, то есть целому.)

16. *Действенным образом* применит их тот, кто, пробудив ко вниманию все чувства человека, и для рассмотрения примера предоставит нужное время, и объяснение причин вещей не прекратит вплоть до отчетливого восприятия всеми и каждым всего в целом и в отдельности (что поможет выявить скорая и частая проверка), и, наконец, постоянной практикой будет поощрять подражание, пока на самом опыте не обнаружится умение [учеников] в точности исполнить всё. (. . .)

17. Особенно помогает основательности научения, когда при преподавании чувственно постигаемого чувства вполне погружаются в свои объекты, умопостигаемого — вполне раскрываются разумные основания вещей, а божественного — вполне доводится до сознания божие величие. (Кто, разъясняя различия цветов, звуков, вкусов и т. д., действует лишь словом и не преподносит вместе

с тем для распознавания зрению — цвета, слуху — звуки, нёбу — вкусы, тот учит скучно и оставляет ученика без достоверного знания. Опять же, кто без объяснения причин вещей — целевой, формальной, материальной, действующей — желает внедрить понимание вещей и ждет, что ученик у него ясно и отчетливо увидит, *что* именно есть вещь, *для чего* она, *благодаря чему* отвечает своему назначению, *в какой материи* и *кем* напечатлена или подлежит напечатлению ее форма, — тот пусть не питает надежду на серьезные успехи ученика, потому что без усмотрения причин не может быть никаких проблесков понимания, ничто не может осесть в памяти и нет оснований для прочного и надежного знания. Во-вторых, не умеющий обосновать свои познания говорит наподобие бессловесного скота или, по крайней мере, обращается к другому как к бессловесному скоту; во всяком случае, такой не вполне причастен человечности и воспитывает не вполне человека. В самом деле, как говорит Цицерон, «человек есть живое существо, исполненное разума, и поэтому его надо постоянно подкреплять разумным смыслом и питать зерном истины, если только мы хотим, чтобы он не истощался, увядая и дряхлея, но наполнился светом»⁵⁵. И, наконец, кто преподает божественные предметы, полагаясь не на божественный, а на какой-то другой авторитет, собирает учеников не Богу, но себе или другим, то есть служит тщете.)

18. Скорое обучение коренится в краткости *предметов, слов и действий*.

19. Краткости в *предметах* достигнешь, если постарайся (1) учить не всему, а только основному; (2) ничему не учить разрозненно, а всему, по возможности, во взаимосвязи; (3) ничего не выставлять совершенно новым и нуждающимся в новых основаниях, но всё — как бы вытекающим из уже известных и принятых предпосылок. (. . .)

20. Сжатости в *словах* достигнешь, во-первых, если к допускающей краткое объяснение вещи ничего не будешь добавлять сверх необходимого, а во-вторых, не будешь повторять ничего однажды сказанного ни теми же, ни другими словами. (В самом деле, зачем вводить два названия, когда можно обойтись одним? То же относится к целой фразе, к периоду. И ради какой цели? Всё излишнее окажется напрасным, а благоразумному свойственно не делать ничего напрасно, откуда общеизвестная истина: «Речь мудрого кратка». Излишнее не только напрасно, но даже и вредно, и безобразно: повторять что-то в тех же словах — получится тавтология, в других — покажется, что ты учишь чему-то другому, отличному от прежнего, и слушатели сбьются с толку.)

21. Краткость *действий* удастся тебе, если начнешь обучение с того, с чего надо, т. е. будешь объяснять вещь через уже известное, чтобы сразу же прояснился ее смысл, и, не останавливаясь

на воспринятой, понятой, отработанной вещи, будешь тотчас переходить к другой. (Вряд ли когда нам попадают столь неотесанные ученики, чтобы совершенно ничего не понять в только что объясненной вещи. Поэтому наша задача — просто восполнять то, что мы чувствуем еще недостаточно объясненным, направляя свет научения только туда, где обучаемый явно нуждается в свете, при постоянной опоре на понятое ранее. Тогда не потребуются больших трудов: легко объяснить что-либо частное, исходя из его общей идеи, или подобное — через подобное. К примеру, возникновение камней во внутренностях животных не придется долго объяснять тому, кто знает, как образуются каменные породы в недрах земли.)

22. Очень большого сокращения действий ты достигнешь, если ни на чем не задержишься дольше необходимого, но, покончив с одним, будешь тут же переходить к другому. (Трудно поверить, с какой скоростью можно продвигаться, занимаясь с неизменным постоянством и не допуская праздных провалов в использовании времени. Знаю: бывают случаи, когда надо задерживаться на предмете, разнообразно преподнося одну и ту же вещь; однако это относится уже не к простой дидактике, а к искусству словесного убеждения.)

23. Опять-таки не придется подолгу задерживаться на одном, если ты первым делом объявишь, что намерен показать, рассказать, сделать, а потом по порядку покажешь, расскажешь, сделаешь, плавно переходя по мере надобности от одного к другому или умело возвращаясь к теме после необходимого отступления. (В самом деле, случается и отступить от основного урока или от естественного порядка действий, но надо стараться не заходить тут слишком далеко, чтобы не впасть вместе с учениками в посторонние детали и не упустить цель урока. Неумение возвратиться к теме после отступления — верх бесполовости и верный путь в лабиринты путаницы; учитель должен всегда этого остерегаться.)

24. Увлекаемость уроков прежде всего способствует *прозрачности*, причем троякая: в вещах, словах и действиях. (По сути дела, обучающий скоро и основательно тем самым уже и увлекает, и радуется людей правильного ума, жаждущих истинного образования; вместе с тем не надо пренебрегать и некоей стратегией увлекательного обучения.)

25. Ты сделаешь изложение *прозрачным*, если будешь постоянно раскрывать *членение, ступенчатую последовательность и параллелизм* вещей⁵⁶.

26. *Членение*: коль скоро всякая вещь (и слово, и мысль) механически составлена⁵⁷ из определенных частей, надо в каждом случае наглядно показать этот механический состав. (. . .) Раскрытие его во всем станет величайшим удовольствием, вызовет неослабное внимание, сделает познание вещей прочным и на протяжении

всей жизни плодотворным. Поистине, всё благоразумие человеческих действий опирается на понимание подробного состава каждой вещи. (. . .)

27. *Ступенчатую последовательность*: всегда и во всем, начав с первого начала, через срединное продвигайся к высшему, то есть от простейшего через составное — к сложнейшему, от индивида через виды — к родам, от частиц через части — к целому. (. . .)

28. Будет способствовать увлекательности и *параллелизм*, если ты постарайся научить учеников во всем видеть одинаковость строения вещей, рассуждений, речей и в своих размышлениях, словах и действиях выводить подобное из подобного, различное из различного, противоположное из противоположного.

29. *Слово* приобретает увлекательность, когда прозрачно и легко приоткрывает смысл вещей, запечатляя в уме другого то же самое понятие, какое существует в твоём уме, а не какое-то отличное от него. (Как лучшее зеркало то, которое полностью доносит изображение вещи, так лучшая речь та, которая полностью передает мысль породившего ее ума. Явный признак недочетки — неумение открыть другому свою мысль с такой полнотой, чтобы он мог воспринять ее без замешательства, затруднения и скуки. Недаром Квинтилиан говорит: «Чем мудрее человек, тем больше стараний он кладет на то, чтобы сообщаемое им было легким и прозрачным для понимания»²⁸.)

30. Увлекательность *действий* придет от *единообразия порядка* обучения, но также и от благоразумного *разнообразия* их, и от всегдашнего *применения всевозможных пособий*.

31. *Единоеобразие порядка* ты соблюдешь, если при обучении чему бы то ни было вперед поставишь *примеры*, или образцы, всегда пояснишь их *наставлениями*, а потом велишь *воспроизвести* точно воспринятую и понятую вещь, первый же показав, как это делается. (Так ученик всегда будет в ясности и уберется от фантазий, замешательства и скуки.)

32. Применяй *разнообразие* метода, пользуясь то аналитическим, то синтетическим, то синкретическим подходом, то всеми тремя — так, чтобы ничто и не ускользало от внимания, и не вызывало скуки. (. . .)

33. *Постоянное применение пособий* означает, что не следует подгонять ученика, еще шаткого в своих познаниях и навыках, но надо позволить ему пользоваться пособиями до тех пор, пока он сам, доверяя своим силам, не оставит их. (Поясню дело примером. На втором году жизни малышу, который пробует ходить, но по слабости сил еще не может, мы обычно даем клетку для хождения, внутри которой он безопасно стоит или движется, привыкая и держаться на ногах и, переставляя их, перемещаться, — до тех пор,

пока, научившись уверенно шагать, он не забросит это пособие и не захочет бегать на свободе самостоятельно. Почему не разрешить нечто подобное всякому начинающему в любом деле? Зачем терзать ученика грамматического класса, заставляя его на уроках склонения и спряжения затверживать отвлеченным умом все окончания падежей, лиц, времен и наклонений, склоняя и спрягая по памяти? Ради Бога, разреши ему, сколько он хочет, тоже пользоваться своей клеткой для хождения, таблицей склонений и спряжений, чтобы, глядя в нее, он изменял какие тебе заблагорассудится имена и глаголы до тех пор, пока не приобретет привычку и сам не отбросит надоевший образец, подобно тому как окрепший ногами малыш сам с радостью и без всякого приказа оставляет пособие для ходьбы.)

34. При правильном соблюдении этих немногих дидактических наставлений вся школа сможет стать игрой⁵⁹, т. е. вся работа обучения и учения будет совершаться как бы играючи и шутя, пойдет ли дело о просвещении *ума*, о направлении *воли* или о закреплении *сил и способностей* в привычку исполнения заповедей.

ГЛАВА VIII

Искусства,

касающиеся свойств природных вещей

(. . .) *Число* есть не что иное, как количество повторений единицы. *Мера* — не что иное, как сходство или несходство двух вещей в чем-то третьем (скажем, в длине, ширине или глубине). *Вес*, или взвешивание, есть не что иное, как уравновешивание вещей, производимое вокруг центра: весы построены по принципу круга, образуемого семью точками, а именно центром и шестью точками, расположенными по окружности на расстоянии полудиаметра друг от друга⁶⁰.

Человеческому разуму свойственно исчислять, измерять, взвешивать, и отсюда берут начало все части человеческого познания: науки, искусства, благоразумие, да и сама премудрость⁶¹. В самом деле, исчисление, измерение или взвешивание

чисел	дает	<i>арифметику,</i>
мер	»	<i>геометрию,</i>
весов	»	<i>искусство взвешивания,</i>
земных пространств	»	<i>географию,</i>
небесных пространств	»	<i>астрономию,</i>
всего мира	»	<i>космографию,</i>
времен	»	<i>хронологию,</i>
человеческих помыслов	»	<i>логику,</i>
слов и речей	»	<i>грамматику,</i>
всевозможных действий	»	<i>практику.</i>

По бесконечности предметов дисциплины эти неисчислимы: металлургия, ремесло, земледелие, садоводство и т. д.

Таким образом, всё необходимо сводить к числам, мерам и весам (то есть к искусству числа, меры и веса). (. . .)

Пансофического просвещения ступень шестая,
представляющая для рассмотрения пятый мир, сотворенный мир нравственности вместе со всей областью человеческого благоразумия в управлении собой

С и н о п с и с н р а в с т в е н н о г о м и р а :

- I. Что такое нравственный мир и каковы его первоначала.
- II. О его строителе, человеческом *благоразумии*.
- III. Наука обуздания себя, *этика*.
- IV. Наука управления собой и другим человеком, *симбиотика*.
- V. Наука руководства людьми, объединенными в сообщество, прежде всего в семью, *экономика*.
- VI. Наука управления общественными училищами, *схоластика*⁶².
- VII. Наука управления государством, *политика*.
- VIII. Наука управления царством, *монархика*.
- IX. О случающихся в нравственном мире пороках и уродствах.
- X. Об управлении нравственным миром и о конечной цели человеческого благоразумия.

Г Л А В А I

Что такое нравственный мир и каковы его первоначала

(. . .) Основание нравственного мира — тождество, или равенство⁶³, человеческой природы, требующее, чтобы все люди жили человечно, а не животным или по-звериному. Это будет, если все, в каком бы положении и условиях они ни жили, научатся жить разумно и мудро. (. . .)

Г Л А В А И

О строителе нравственного мира,
человеческом благоразумии

Благоразумие есть искусство с помощью надежных средств и должных способов их применения заботиться о душевном спокойствии, своем и других людей. (< . . . >)

Общие законы нравственного благоразумия:

1. Не предпринимай никакого дела без предварительного обдумывания. (< . . . > Как говорит народная мудрость, в трудном деле посоветуйся, в опасном помедли, в срочном полагайся на свою расторопность, в сомнительном на опыт.)

2. Обдумывая любое решение, имей в виду полезную цель. (Целью пусть всегда будет что-либо поистине прекрасное и полезное, а при возможности также и приятное — такое, о достижении чего тебе не придется потом жалеть.)

3. Нельзя ставить себе цель, не имея пригодных средств ее достижения. (Надо позаботиться, чтобы эти средства были по возможности 1) надежными и безотказными: не бросают невод там, где нет рыбы; никогда не истощаются запасы у муравья, и т. д.; 2) легкотримыми: трудное считается невозможным; 3) и лучше немногочисленными, чем многочисленными: чтобы не вышло путаницы.)

4. При всяком средстве должен быть простой способ применения. Здесь уместны краткие аксиоматические правила, учащие обязательно делать обязательно, случайное — при случае, первостепенное — в первую очередь, второстепенное — во вторую очередь, малосущественное — помаленьку, незначительное — не придавая значения. Высшего блага надо в высшей степени желать, высшего зла — в высшей степени избегать. Предпочтительное (т. е. более надежное, более важное, более полезное) надо предпочитать; скажем, недостоверное благо предпочтительней достоверного зла: коварному миру благоразумный человек предпочтет бой с неопределенным исходом, верной гибели — недостоверное спасение, неизбежному покорению — необязательное рабство.

5. Благоразумию присуще наблюдать случайные обстоятельства и пользоваться ими (всему есть свое время, Еккл. 3, 1; у случая длинная борода⁶⁴, и т. д.). А благоразумное использование случайных обстоятельств заключается в том, чтобы (1) всегда за ними следить («куй железо, пока горячо»; корабль идет, пока можно и пока дует ветер); (2) бережно их применять, не захватывая их силой, чтобы они словно сами шли в руки, и не откладывая ничего, чтобы не упустить возможность (а ее часто упускает слишком опасливый человек, чересчур раздумчивый в выжидании подходящего

момента: Еккл. 11, 4⁶⁵); (3) высшее благоразумие и чуть ли не божественная мудрость в том, чтобы создавать самому себе случай; (4) благоразумию присуще пользоваться всем возникающим и существующим для приращения добродетели (как члены нашего тела служат орудием живущего в нем духа, так всё телесное должно по праву служить орудием добродетели, будь то богатства, почет, достоинство, красота; иначе они уподобятся отмершим членам).

6. Первая ступень благоразумия — предвидение последствий вещей, вторая — умение предотвратить зло и позаботиться о добре, третья — способность прислушаться к дающему подобные советы.

7. Благоразумию присуще учиться мудрости на примере других. Счастлив, кому чужие беды служат предостережением; мудрый умеет уметь от чужого безумия; счастлив, кого на чужих страданиях можно научить избеганию собственных. Тибулл:

Много примеров вокруг; учись, чему следовать должен,
Что избегать. Нам жизнь чужая наставницей служит.

8. Благоразумию присуще до полного знакомства с делом сдерживать свое суждение о вещах, тем более — свои слова и поступки.

9. Высокое благоразумие есть и в том, чтобы по мере возможности не утрачивать благоволения людей. Например, когда есть нечто такое, в чем мы не можем ни разноречить большинству без утраты их расположения, ни соглашаться с ним без того, чтобы пойти против совести.

10. Благоразумию свойственно приспособлять [достоинства и] добродетели к состоянию человека, места, времени и к обстоятельствам: без соблюдения этого добродетель утратит или свое существо, или значение, или, по крайней мере, уместность и красоту. И нельзя просто требовать от всех одной и той же кротости, умеренности, щедрости, обходительности, доблести, но — применительно к положению лица и другим условиям. В печальные времена необходима большая умеренность, чем в радостные; от монаха ждут большего воздержания, чем от политика; богачу больше пристало быть щедрым, чем нищему, и т. д.

11. Благоразумию присуще смягчать противное противным. Если донимает холод, умерь его теплом; идя в гору, держи ношу спереди, под гору — сзади; если боишься зависти, устрани то, что ее разжигает, поделись своим добром, приобрети смирение; если знаешь в себе склонность к какому-то пороку, с особым упорством упражняйся в противоположной добродетели.

12. Благоразумию присуще разбираться, что, кому, когда, сколько (сено быку; попугаю — сахар).

13. Благоразумно не всегда говорить истину, но всегда — умеренное. Не то что дозволяется лгать, но ведь кроме истины и неисти-

ны есть еще третье, умолчание истины. Так иногда врач благо- разумно обманывает больного, полководец — свое войско, рулевой — моряков, для блага дела представляя его не так, как оно есть.

14. Благоразумно не спешить с решениями и поступками. О решениях говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; о поступках: «Сделанное хорошо сделано быстро».

15. Благоразумно брать на себя чуточку меньше, чем можешь (при принятии обязательств, при обещаниях и т. д.).

16. Благоразумно не сравнивать других между собой, это возбуждает ненависть (как в 1 Цар. 18, 7—8), и себя с другими (Лук. 18, 11).

17. Благоразумно из двух неприятностей больше отклонять ббльшую, а из двух выгод — больше заботиться о ббльшей.

18. Не делай ничего бесполезного. Нечего показывать что-то тому, кто всё равно не увидит, — скажем, бревну или слепому; нечего говорить с тем, кто всё равно не услышит, — скажем, с камнем и с глухим; нечего рассказывать тому, кто всё равно не поверит, — скажем, упрямому еврею о Христе; нечего уговаривать того, кто всё равно не сделает, — скажем, хромого плясать и т. д.

19. Не делай ничего на авось.

Г Л А В А III

Наука обуздания себя, этика

(. . .) Против скупости.

Неумеренная страсть к обладанию порождает жадность — нена- сытимое зло, потому что скупой никогда не насыщается своим бо- гатством (опасаясь нехватки необходимого и стараясь всеми прав- дами и неправдами разбогатеть), хотя бы имел полные карманы денег, полные сундуки платья, полные ларцы драгоценностей; он всё равно страшится нужды и в достатке терпит крайнюю ску- дость. В конце концов бесславно нажитое бесславно промотают наследники.

Для избежания и изгнания этой болезни души очень полезно укрепить ум следующими противоядиями.

1. Иметь много домов, богатую утварь и украшения всякого рода, приобретенные не для пользы владельца, а для взоров зри- телей, — суета сует, потому что всё надо мерить приносимой поль- зой. Что толку в сапоге, который не наденешь? К чему щит, плащ, меч, которые нам не по плечу? Но то же относится и к карману, переполненному золотом и серебром. Давид благоразумно отказал- ся взять предложенную ему Саулом одежду. Философ вернул по- сланное ему царем золото. Так и мы должны поступать по отноше- нию к Богу, и когда он предлагает нам больше необходимого, бу-

дем молиться вместе с мудрым Агуром (Притч. 30, 8): «Нищеты и богатства не давай мне». Прекрасно говорит Сенека в 25-м письме: «Природа нуждается в хлебе и воде. Ими никто не беден; всякий, кто ограничит ими свои желанья, может поспорить в счастье с самим Юпитером»⁸⁶.

2. Иметь больше, чем требует твое положение, полей, виноградников, скота и всевозможных доходов — утомительный и суетный труд. Природа просит только необходимого и довольствуется немногим, так что уподобляется безумцу человек, объятый горячкой приобретения имущества, которое истерзает и утомит его.

3. Как в пути, так и в жизни: кто легок на подъем и меньше загружен ношей, тому дорбга и легче и приятней. А что такое изобилие? Короткий путь, длинный обоз.

4. Пища, одежда, жилище, утварь, деньги — только полезные для жизни; огромное богатство не помогает, а подавляет, как чрезмерный груз лодку.

Г Л А В А I V

Искусство владения собой в отношениях с другим человеком, или *искусство общения*: симбиотика

(. . .) О благоразумном применении языка в общении.

1. Речью надо пользоваться ради ближнего, не ради самого себя. (Глупец разговаривает сам с собой — а для чего? Он ведь и так, без слов, понимает свои размышления. Что напрасно, то и бесполезно.)

2. Говорить надо по делу; где нет необходимости, нужно молчать. Всё иное будет злоупотреблением.

3. Говоря, говори *дело*, а не *слова*. Слова — оболочки вещей; опустошенные от вещей, к чему они? А вещи будут тогда, когда будет их ясное выражение. Поэтому говори не для того, чтобы понравиться, а для того, чтобы научить; показывай не видимость вещи, а саму вещь: простая речь истины.

4. Где нужны не слова, а дела, действуй и скупись на слова. Большой ищет не говорливого, а умелого врача (Сенека, письмо 75). О, сколько есть людей, громоздящих слова вместо дел! И многие речи смертных — бессмысленный звук, бесплодное сотрясение воздуха.

5. Речь да будет согласной с мыслью как говорящего, так и слушающего: говорящего — чтобы он выражал не иное и не иными словами, чем чувствует в душе; слушающего — чтобы ему было понятно. Иначе ты будешь говорить зря. (. . .)

6. Речь должна быть согласной и с обстоятельствами: *кто* говорит, *что*, *почему*, *когда*, *где*. Например, (1) кто должен многое сделать, пусть мало говорит; (2) когда время дорого, не следует растекаться речью, и т. д.

7. Говори не всё, что можешь или знаешь, а что уместно. Пушная посуда гремит.

8. Лучше опустить сто нужных слов, чем сказать одно лишнее.

9. О целомудренном надо или молчать, или говорить только целомудренными словами, укрывая обнаженность предмета достоинством слов. (Бывает целомудренность в делах, словах, мыслях.)

ГЛАВА V

Наука управления другими людьми,
объединенными
в каком-либо сообществе,
и прежде всего в доме,
или семье: экономика⁶⁷

Обязанности родителей и детей.

Обязанность родителей — сообща следить за воспитанием, цель которого в том, чтобы подрастающие дети научались быть полезными Богу, ближним и себе: прежде всего себе, но больше людям и всего больше — Богу; себе для того, чтобы уметь быть полезными другим, а другим для того, чтобы уметь быть полезными Богу. Пусть они поэтому приучают свое потомство (1) к трудолюбию, не допуская праздности, но заставляя их с малых лет что-либо делать, сперва играючи, но с серьезной пользой; (2) к терпению и нравственному поведению, наказывая их за проступки и не допуская ропота; (3) к благочестию, чтобы они от юности научились чтить Бога; (4) к какому-либо искусству, которым позднее они могли бы прокормиться и послужить обществу; (5) к деловитости и энергии при ведении дел и исполнении поручений; (6) к простоте в пище, одежде и т. д., удерживая их таким образом от лени, уныния, дерзости; (7) к искренности, непосредственности и целомудрию, чтобы они научились избегать тьмы и всё делать открыто: добродетель и истина боятся только скрытности.

Обязанность благородных детей — слушаться своих родителей с полуслова, не допускать недовольства и ропота, а тем более упрямства и своеволия, чтобы не раздражать родителей и не быть позором для них.

ГЛАВА VI

Наука руководства юношеством,
схоластика

1. Школа есть сообщество младших под руководством старших для совместного упражнения в вещах, которыми в течение всей жизни должно служить Богу, ближним и собственному благополучию (такое обучение всех вместе лучше, чем возможно и обычно бывает, в одиночку). Собрание подростков с целью подобного упражнения греки называют *σχολή*, что значит «досуг», а римляне — *ludus*⁶⁸, не желая вселять в юные души образ суровой строгости.

2. При устройении, тем более правильном устройении, подобного сообщества необходимо следовать, во-первых, *необходимости*, во-вторых, *должной форме* и, в-третьих, *благоразумию*.

3. Необходимость устройства школ явствует из того, что маленькие эти человечки не состоят пока еще полноправной частью ни семьи, ни общества, поскольку еще не способны помогать своим трудом семье или занимать общественные должности. Что им делать, находясь за пределами того и другого? Предоставленные самим себе, они, пожалуй, станут бездельничать, или бродяжничать, или найдут себе какие-нибудь безрассудные, пустые, вредные занятия; стало быть, их надо не предоставлять самим себе, а содержать в должном порядке, готовя для будущего. Так как у родителей не всегда есть для этого время или умение, их надо передать стражам⁶⁹, которые оберегали бы их от зла, приучали к добру и воспитывали для предстоящих им в жизни обязанностей.

4. А правильно устроенным и благоразумно управляемым это маленькое сообщество должно быть потому, что, во-первых, ребенок — это тоже человек, творение, наделенное свободной волей, только еще не умеющее ею пользоваться. Надо поэтому позаботиться, чтобы он ею не злоупотреблял; и, поскольку ранний человеческий возраст впечатлителен и неустойчив, склонен к тщеславию и пороку, он нуждается в строгой узде. Во-вторых, даже дети тянутся к общению, от колыбели радуясь дружественной близости людей; не надо поэтому терзать их одиночеством, но вместе с тем не надо позволять и общаться без разбора с добрыми и злыми. В-третьих, дети — тоже разумное творение, наделенное свободой выбора наравне с нами, взрослыми; не надо поэтому, да и невозможно, обращаться с ними как с неразумным стадом, но следует так обуздать их уздой разума, чтобы они слушались наставников, учились и привыкали свои дела вести благоразумно, умиротворяя других, и чтобы никто из них не выродился в животное, зверя или грубияна.

5. Для такого сообщества потребны известного рода (1) *лица*, (2) *вещи* и (3) *действия*.

6. *Лица* — трех родов: (1) *управляемые*, то есть сама молодежь обоего пола, (2) *управляющие*, то есть наставники и наставницы этой молодежи, (3) *заботящиеся* о тех и других, то есть поставленные властями кураторы школ.

7. *Вещи* — это *место*, пригодное для сбора школьного сообщества, затем разграниченное по дням и часам *время* для проведения собраний и упражнений и, наконец, *книги* и другие пособия, служащие воспитанию умов.

8. *Действия* суть (1) *преподавание* и *учеба*, (2) последующая *проверка* (examine) с целью узнать, правильно ли происходит то и другое, (3) и, наконец, *исправление* и *наведение порядка* (disciplina), если что идет не так. Каждая школа должна бурлить всей этой тройкой деятельностью: ведь где никто не учит, там никто и не учится; где никто не учится, там ничему и не научатся; где никто не проверяет учащихся и учащихя, там никакого серьезного и плодотворного учения и обучения не будет. А тогда становятся нужны исправление и наведение порядка.

9. Всё и каждое здесь требует особенного благоразумия, без которого нет правильного порядка действий и их надежного плода. (. . .).

11. Школьные наставники и наставницы, которым родители без опасений могли бы доверить свои сокровища, а общество — расадник своих будущих членов, свои надежды на потомство, должны быть избранные люди, совестливые и достойные мужи, благочестивые и чтимые матери семейства, авторитетные во всем, чему они должны учить молодежь (живые примеры науки, добрых нравов и благочестия), и жаждущие прививать это молодежи.

12. Инспекторы школ должны быть люди в высшей степени предприимчивые, добродетельные, ревностные, нетерпимые к какому бы то ни было пороку и тщательно заботящиеся о доскональном соблюдении всего повсюду.

Всеобщего совета об исправлении дел человеческих ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пампедия,

в которой ведется совет о всеобщем воспитании умов и о подчинении всех дел жизни такому порядку, чтобы ум каждого человека, в любом возрасте имея увлекающее его занятие, мог стать садом радостей, и предлагаются образцы этого возвышенного и небезуспешно начатого предприятия.

С и н о п с и с п а м п е д и и				
Пампедия содержит	рассуждение,	вступление, разъясняющее, что такое пампедия и к чему она стремится	гл. I	
		показывающее необходимость, возможность и пути обучения людей:	всех	гл. II
			всему	гл. III
			всесторонне	гл. IV
		объясняющее потребность для этого универсальных:	школ	гл. V
			книг	гл. VI
			наставников	гл. VII
разбирающее конкретные пути осуществления этого для семи ступеней возраста, или семи школ, имея в виду школы:	1) рождения	гл. VIII		
	2) младенчества	гл. IX		
	3) детства	гл. X		
	4) отрочества	гл. XI		
	5) молодости	гл. XII		
	6) зрелости	гл. XIII		
заклучение, являющее великую пользу такого упорядочения	7) старости	гл. XIV		
	8) смерти	гл. XV		
		гл. XVI		

Г Л А В А I

Что такое пампедия

и почему она желательна (1—10).

В каком смысле необходимо

стремиться к воспитанию всех людей, во всем и всесторонне (11—15)

1. Пампедия есть универсальное воспитание всего человеческого рода. У греков *педия* означает обучение и воспитание, посредством которых люди становятся культурными, а *пам* означает всеобщность. Итак, речь идет о том, чтобы обучались все, всему, всесторонне.

6. ...Первое наше желание в том, чтобы до полноты человечности были развиты не отдельные, или немногие, или многие люди,

а все и каждый, молодые и старики, богатые и бедные, знатные и незнатные, мужчины и женщины,— словом, каждый, кому было суждено родиться человеком, чтобы в конце концов весь род человеческий пришел к культуре независимо от возраста, сословия, пола и народности.

7. Во-вторых, мы желаем, чтобы каждый получивший правильное образование человек достиг полноты культуры не только в одном, или некоторых, или даже многих направлениях, но во всех, способствующих совершенству человеческой природы; чтобы он умел находить истину и видеть ложь; любил добро и не позволял склонить себя ко злу; совершал то, что должен совершать, и не делал того, чего должен избегать; разумно говорил при необходимости обо всем со всеми, никогда не оставаясь немым, когда надо говорить; и, наконец, чтобы в своих отношениях к вещам, людям и Богу он поступал благоразумно, неопрометчиво и таким образом никогда не отклонялся от цели, своего счастья¹.

8. Причем именно всесторонне; не напоказ и для обмана, но во имя истины, так, чтобы все люди были как можно более подобны Богу, по образу которого сотворены,— истинно разумны и мудры, истинно деятельны и бодры, истинно правдивы и честны, истинно благочестивы и чисты, а потому истинно счастливы и блаженны здесь на земле и в вечности.

10. Три необычные вещи хотим мы посоветовать (повторяем это для того, чтобы нас поняли): привести к всесторонней культуре (1) *всех*, (2) *во всем*, (3) *во имя всеобщего просвещения*.

11. *Всех*: то есть народы, сословия, сѣмьи, каждого человека без всякого исключения. Ведь у всех людей одна и та же жизнь будущего века и одна указанная к ней Богом дорога, но с расставленными на ней сетями и затрудненная разными препятствиями. Надо поэтому своевременно предупреждать о них, наставляя всех, чтобы по возможности изгнать глупость из рода человеческого и чтобы неуместными оказались жалобы мудрых людей на то, что всё полно неразумием.

12. *Во всем*: то есть во всем том, что может сделать человека мудрым и счастливым. Что же это такое? Это те четыре вещи, которые советует мудрый Соломон на примере четырех мудрейших животных: (I) забота о делах будущих, которую он восхваляет у муравьев (Притч. 30, 25); (II) мудрость в делах настоящих, с тем чтобы всё осуществлялось только надежными путями, как он видит это у горных мышей (Притч. 30, 26); (III) стремление к согласию без насилия и принуждения, за что он хвалит саранчу (Притч. 30, 27); и, наконец, (IV) согласованность, упорядоченность и систематичность всего совершаемого нами, даже самого малого, как мы видим это в работе паука, пускай и бесполезной (Притч. 30, 28). Итак, всесторонняя культура духа требует, чтобы все люди (I)

имели знание о будущей жизни, воодушевлялись мечтой о ней и прямыми путями были ведóмы к ней; (II) были научены мудро решать дела земной жизни так, чтобы и в ней по мере возможности всё было надежно; (III) учились так идти путем единодушия, чтобы не могли расходиться друг с другом во вред себе ни на земных, ни на вечных путях и умели приводить к согласию других, разногласящих; (IV) и, наконец, были преисполнены усердия в стремлении к тому, чтобы слова и поступки пребывали между собой в наибольшем возможном согласии. Исполнив всё это, бедствующие смертные обретут лекарство от своих несчастий; ведь в своем большинстве они о будущем не заботятся, с настоящим ведут азартную игру, все пребывают в разладе со всеми, и каждый — с собой (в своих мыслях, словах и поступках), все в борьбе, раздоре и на пути к гибели.

13. *Во имя всеобщего просвещения:* то есть просвещения истиной, чтобы каждый, основательно пройдя ее школу, противостоял блуду и азарту, ходя путями праведности. Ведь ныне только немногие из смертных опираются на собственный разум или на истину вещей; большинство следует животному порыву или чужим мнениям. Но эти мнения не совпадают друг с другом и с истиной вещей, и отсюда бесконечные недоразумения, ошибки, промахи и в конце концов гибель. Против этого зла есть только одно равносильное ему лекарство: держаться не самодельной линейки чьей-то слепой привычки или мнения, а алмазного мерíла Бога и истины вещей, чтобы каждый человек всесторонне научился, знал и умел всюду уверенно стоять и надежно приступать к каждому делу.

14. Не будет ли мне дозволено и в третий раз повторить, чего я желаю? Прошу разрешить ради совершенного прояснения наших целей! Мы хотим научить всех людей пансофии, то есть сделать так, чтобы они умели (I) понимать строение вещей, помыслов и речей; (II) понимать цели, средства и способы осуществления всех действий (своих и чужих); (III) отличать в сложных и запутанных действиях, равно как и в помыслах, и в речах, существенное от случайного, безразличное от вредного и тем самым распознавать всякие искажения мыслей, слов и поступков, чужих и своих, чтобы всегда и везде возвращаться на правильный путь. Если бы всему этому научились все и всесторонне, все стали бы мудрыми, а мир исполнился бы порядком, светом и покоем².

15. С учетом всего этого можно дать пампедии уже другое и более точное определение: она — просторный путь к озарению светом пансофии человеческих умов, слов и действий, или искусство вселять благоразумие в умы, языки, сердца и руки всех людей. Вот почему мы и поместили на титульном листе этой части нашего Совета символ садоводческого искусства: садовники сре-

зают глазки на дереве пансофии и прививают их молодой поросли, стремясь заполнить такими привитыми деревцами весь божий сад, род человеческий.

Г Л А В А П

Как необходимо (1—14),
как возможно (15—20)
и как легко (21—30) воспитать
в людях полноту человечности

5. Для всех людей важно, чтобы никто из причастных человеческой природе существ не отклонился от цели своего появления на свет: нелепо куда-то идти и не дойти, к чему-то стремиться и не достичь, искать и не найти, делать и не сделать, хотеть и не осуществить. К чему жить на свете, если не знать, не делать и не достигать того, ради чего мы здесь? Было бы лучше не родиться! И раз уж все мы рождаемся, то надо сделать так, чтобы никто не жалел о своем появлении на свет. Но как достичь этого?

6. Во-первых, добившись, чтобы всякий человек жил не как бессловесная тварь, а по велению разума. Светом его наделены все, да не все умеют пользоваться тем, что у каждого есть, если не обучены. Значит, их надо обучить! Было бы глупостью иметь поле и не обрабатывать его, иметь музыкальный инструмент и не играть на нем, иметь глаза и не смотреть, иметь уши и не слышать, иметь ноги и не ходить и т. д. К чему человеку разумная природа, если не взрастить в нем умение применять разум? Зачем считать, что некоторые наделены умом зря (а наделены все)? Другое дело, когда целина лежит невозделанной в ненаселенных краях; там нет возделывателей, потому что нет нуждающихся. Возделана земля или заброшена, она — преходящая вещь, принадлежащая только здешней жизни. Человеческая душа — достояние вечности; ею нельзя пренебрегать без вечного же вреда (ущерба для человеческого спасения и урона для божией славы) ³.

7. Надо стремиться не только к тому, чтобы люди не уподоблялись бессловесным тварям, но и к тому, чтобы они достигали высшей мудрости. Раз все созданы по подобию мудрого Бога, надо стараться, чтобы напечатанный в нас образ соответствовал своему прообразу. И, поскольку «множество мудрых — спасение миру» (Премудр. 6, 26), нельзя надеяться на полное спасение мира, если не достичь того, чтобы в будущем всюду было полно людей мудрых, как сегодня всюду полно глупцов; чтобы все правильно вели дела и никто ничего не губил.

8. В-третьих, нельзя желать вырождения ни одного человека в нечеловека, и поэтому нельзя не желать, чтобы все получили образование; ведь в силу самой человеческой природы крайне легко опуститься тем, кто образования не получил. Если *познавательная способность* ума не занята истиной вещей, которая бы ее направляла, она создает сама себе всевозможные вздорные идеи, обманывающие ее самым жестоким образом. Если *сила воления* не направлена на подлинную истину и благо, которые влекли бы ее к добру, она цепляется за любую фальшь, увлекается вредным вместо полезного и сама себя губит. Наконец, если *деятельная способность* не направлена на должное, она берется за недолжное и либо бесполезно растрчивает себя, либо, хуже того, наносит вред себе и другим. (. . .)

9. Поскольку же единственная причина стольких падений — слепота ума, из-за которой люди не знают ни своего назначения, ни назначения вещей, ни средств для достижения целей, ни правильных способов применить эти средства, то абсолютно необходимо правильно наставить во всем этом всех людей (которых надо предостерегать от всяких, вплоть до вечных, падений). Ведь в чем бы люди ни грешили (в мыслях, желаниях, действиях), корень ошибок всегда один: небрежение о целях, средствах и способах ведения дел, особенно — о конечных целях, которым всё должно служить в каждой вещи (тем более в каждом человеке). Пренебрегая главной целью, мы легко увлекаемся случайными мелочами и от истинных целей скатываемся к ложным. Это, конечно, плохо, когда дело касается каких-либо вещей, но бесконечно хуже, когда человек небрежит о своей собственной цели: там он губит только вещи, здесь — себя! Итак, невозможно себе представить более действенного средства от неумеренностей человеческого рода, как то, чтобы *все* люди начали задумываться, а потом и понимать, *зачем* они живут и *для чего* существует в их мире каждая вещь, сообразно этому пониманию управляя своими действиями.

10. Желать, чтобы и самые варварские народы тоже просветлись и избавились от темноты своего варварства, надо потому, что и они — часть человеческого рода, которая должна уподобиться целому, а также потому, что целое не есть целое, пока лишено какой-то своей части, и, наконец, потому, что предпочтение части целому, когда идет речь об обладании каким-либо благом, есть явный признак недостатка либо здравого смысла, либо доброй воли. Кто бы ты ни был, если ты не хочешь показать свою ограниченность или злонамеренность, ты должен больше желать блага для всех, чем своего блага, или блага нескольких твоих близких, или одного твоего народа⁴ (. . .)

19. [Способностью к культуре] наделены не только все народы, но и каждое отдельное племя в силу везде одинаковой природы

всех людей: душевный склад всех людей так же одинаков, как их внешнее физическое строение⁵. Каков по природе один человек, то есть что он имеет, хочет, умеет, может, таковы и то же имеют, хотя, умеют и могут все остальные. Здесь верно было бы сказать вместе с поэтом: «Познаешь одного — познаешь всех». Кто бы ты ни был, читатель, суди о роде человеческом по себе самому. Какие бы желания, умения, знания ты в себе ни ощущал, такие же желания, умения, знания ощущает в себе любой другой: ведь он располагает теми же органами. Следовательно, если всех вести одними и теми же путями, то невозможно всем не оказаться у одной и той же цели. По сути между людьми нет никакой разницы, хотя разнообразие ступеней может оказаться немалым: один поймет раньше другого, или точнее оценит, или лучше запомнит. Однако не острота или медлительность ума, не сила суждения или память делают человека человеком; от этого зависит только быстрота или медленность его совершенствования. Если кто-то возразит: мы испорчены, — отвечу: (1) но ведь мы и возрождены через нового Адама; (2) нам велено исправлять испорченное, распахать новые нивы и не сеять по терниям (Иер. 4, 3); к этому и направлено все воспитание умов. Скажешь: некоторые медлительны. Отвечу: совершенных чурбанов нет, а медлительные умом обычно крепче телом, а потому способней переносить труды, так что не надо их оставлять без помощи.

20. Наконец, почему не научить людей употреблять вещи, а не злоупотреблять ими, показав, что для каждой вещи хорошо находится и поддерживаться в соответствующем ей состоянии, когда она позволяет легко применить себя по назначению? Пансофия учит (и все люди могут от нее этому научиться), что нет ничего на небе, на земле, под водой, в воздухе, что не было бы предназначено (непосредственно или опосредствованно) для человеческого употребления⁶; это явствует из «Мира природы»⁷. А из «Мира искусства»⁸ ясно, что всё служит своему назначению только при правильном использовании и что вещи не могут применить сами себя, но их должен направлять человек. Если бы все научились правильно следовать этой истине, мир избавился бы от множества ужасных и мерзостных злоупотреблений.

21. Итак, мы явно не советуем ничего невозможного, предлагая всех людей без исключения привести к свету и культуре. Но, поскольку мало одной возможности исполнения (ведь люди ищут еще и легкой доступности исполнения, считая трудное невозможным и не понимая, что значат слова о стремлении добродетели к трудностям), нужно вне сомнений доказать, что всё рекомендуемое здесь в силу самого устройства человеческой природы не только желательно и возможно, но доступно и легко, лишь бы мы научились и захотели правильно применить данные нам от Бога средства.

Выразим это утверждение в виде нескольких проблем как бы некоей механики⁹.

Проблема первая.

22. Каждую вещь, в том числе человека, направить к соответствующей цели.

Для этого не требуется особого умения, стóит только устранить то, что преграждает путь естественным наклонностям. Например, не надо особого труда, чтобы принудить круглые вещи к движению, квадратные — к покою, тяжелые — к падению и т. д.; они сами собой устремятся к этому, если устранить препятствия. Итак, освободи человеческий разум от притупляющей его темноты, и он сразу поймет свое величие и осознает, что обязан стремиться стать выше всего (то есть быть господином над вещами, над самим собой и стремиться к славному богоподобию¹⁰). Мало того, ты увидишь, что он от природы честолюбив к таким вещам, и само дело покажет, что здесь не требуется ни малейшего принуждения, а только благоразумное и добродетельное руководство. Ибо никто из людей, абсолютно никто не чувствует себя настолько ничтожным, чтобы не хотеть внутри себя самостоятельности, вовне себя — распоряжения вещами, над собой — возможности восхождения вплоть до самого Бога и не стремиться к этому любыми доступными путями (притом даже и самыми дурными, когда он и себя губит, и с вершин достоинства низвергается в бездну гибели). Так что для совершенствования каждого человека только и надобно, что умелое руководство. (. . .)

Проблема третья.

24. Легким путем научить разумное существо пользоваться разумом.

Если кто-то попытается показать слепому великолепие солнца и красок, или научить глухого музыке, или обучить животных речи и т. п., это по праву назовут пустым занятием; ведь он требует действия от деятеля, который для такого действия не наделен ни возможностью, ни знанием, ни волеием. Но не пустое занятие звать всех людей к обретению того, что они и могут и хотят обрести, лишь бы все об этом знали. Так учи их, чтобы узнали, — и они сумеют, захотят, смогут!

Проблема четвертая.

25. Научить людей правильному применению вещей.

(. . .) Итак, да будут все люди обучены правильно познавать вещи и правильно их понимать — и они легко научатся также и правильному применению вещей. И тогда совершится восстановление потерянного рая, то есть весь мир для Бога, для нас и для вещей станет садом наслаждений. Что это совершенным образом произойдет в вечности, мы знаем; но надо хотеть, ожидать и стараться с помощью божьей, чтобы зачаточным образом это прои-

зошло и в преддверии вечности, нашем движущемся к своей цели мире.

Проблема шестая.

17. Уничтожить любое варварство.

Для этого не требуется особого искусства; только выведи человека из дикости, то есть из оупляющих случайностей, и перенеси туда, где ему откроется богатое разнообразие вещей, которые можно воспринимать чувствами, взвешивать разумом и — когда речь идет об остающихся вне предела его досягаемости свершениях и событиях — познавать в историческом исследовании: тотчас увидишь, что и дикари становятся людьми, и даже в Скифии рождаются Анахарсисы¹¹. Что мешает распространению этого на все народы? Кто сумел провести пустынями и лабиринтами одного человека, тот сумеет провести и двух, и трех, и десятерых, и тысячу, и всех, сколько ни пойдет. И если когда-нибудь мы или кто бы то ни было сумеет показать одному-единственному человеку прямую тропу мудрости, добродетели и спасения, то достаточно одного этого умения ли, мудрости ли, чтобы вывести целый мир из темноты к свету, из заблуждений к спасению; ведь для одних и тех же вещей, пока они одни и те же, существует один и тот же закон.

30. Вопрос. Надо ли приобщать к образованию слепых, глухих, тупоумных — тех, кто из-за недостатка телесного органа не вполне может что-то усвоить? Отвечаю: (1) Человеческая культура не исключает никого, если он человек; насколько такие люди причастны к человеческой природе, настолько их надо приобщить и к культуре, — и даже с особым старанием ввиду их большей потребности в помощи извне, так как их природа из-за внутренних недостатков меньше способна помочь себе. (2) Тем более природа, когда ей что-то помешало развить свою силу в одном, может особенно ярко проявить ее в другом, стоит ей только помочь¹². Примеры ясно показывают, что слепые от рождения с помощью одного слуха становились замечательными музыкантами, правоведами, ораторами и т. д.; из глухих от рождения получались превосходные художники, ваятели, ремесленники; а безрукие, пользуясь только ногами, становились искусными переписчиками. Чего человек не может? Так как для разумной души всегда есть какой-нибудь доступ, надо внедрять свет тем путем, который открыт. Если совершенно нет такого пути (но не знаю, существовал ли когда на свете человек, в котором душа, образуя зародыш, то есть создавая себе обитель и орудия, не оставила бы для себя окошка во внешний мир и никакой возможности подступиться к себе), такого человека надо предоставить воле его создателя.

ГЛАВА III

Что такое обучение человека всему, служащему совершенствованию человеческой природы (1—12), почему это необходимо (13—30), какие есть к тому возможности (31—32) и легкие пути (33—48)

1. О необходимости воспитания всех людей сказано достаточно. Теперь надо показать, (I) что не только одну сторону человека, но всего человека должно развивать во всем, что служит совершенству человеческой природы; (II) что это возможно в силу самой природы; (III) и, наконец, что этого можно достичь легкими путями.

Но только как зародился этот замысел, на какие отдельные стремления он распадается?

2. От начала мира мыслящие люди считали почетным для себя слыть всеведущими и тем приближаться к Богу, не оставляя (насколько возможно) ничто непознанным. И это желание с самого начала вселилось в них не от болезненной любознательности, а от их природы, созданной Богом, который сам подал повод отцу нашему Адаму с первых времен, еще в состоянии невинности, стремиться к некоему упорядоченному всезнанию — не только тем, что воздвиг перед ним изобилующий дивным разнообразием амфитеатр своей премудрости, но и тем, что открыто повелел Адаму рассматривать творения, членить их на классы и отграничивать их друг от друга наименованиями. Разве не все мы, люди, потомки Адама! Не все наследники родительского права?

4. Стремление к такому всеобъемлющему знанию владело многими. Греки называли совокупность всех познаний *энциклопедией*, римляне — *кругом наук*. В разных местах встречались и энциклопедически эрудированные люди. В Греции их обезьянами были софисты¹³, без подготовки разглагольствовавшие на любую тему, кто о чем хотел; но их пустую и хвастливую болтливость обличали серьезные философы, Сократ, Платон и другие.

5. Сегодня тоже нет недостатка в людях, объединяющих в систему знаний все верные сведения, какие только можно раздобыть обо всем под солнцем, и предоставляют их всем для общего пользования под названием энциклопедий, полиматий, пандект, панавгий или пансофий и под подобными всеобъемлющими названиями¹⁴. Нет недостатка и в сообразительных головах, которые быстро схватывают то, что другие им охотно предоставляют, с радостью и всесторонне наполняя свой разум всеми науками.

6. Но мы желаем, чтобы энциклопедической ученостью обладали не одиночки, а все и чтобы их наставляли не только в том, что

можно *знать*, но и во всем том, что необходимо *делать* и излагать в *речи*; чтобы отличие людей от бессловесных тварей — их дар разума, языка и свободы разнообразной деятельности с вещами — стало максимальным. В самом деле, *разум* есть божественный свет в человеке, с помощью которого человек, созерцая, осмысливает всё, а осмысливая, судит о себе и о внеположных ему вещах, отчего непосредственно рождается любовь к добру, или воление, силой которого человек улавливает и выслеживает всё желанное в вещах, устремляя свою мечту в будущее вплоть до вечности. *Речь* есть передача этого света от человека к человеку, благодаря чему человек членораздельно излагает понятое им другим людям. И наконец, *деятельность* — это способность человека при желании с удивительным искусством претворять в жизнь то, что он понимает и о чем говорит.

10. И потому, что каждому человеку как таковому доводится в мире общаться тройким образом (как уже известно из «Пансофии»¹⁵), необходимо подумать, каким образом сделать его способным к этому тройкому общению, и позаботиться о том, чтобы его осуществить. В самом деле, человек общается, во-первых, с низшими тварями, познавая их и пользуясь ими. Во-вторых, человек общается с существами одного с ним рода, чтобы жить с ними в мире и исполнять взаимные обязанности. В-третьих, человек общается с самим владыкой всех вещей Богом, желая снискать его любовь, водительство, защиту и, наконец, спасение. Так что привилегии человечества разделяются на пять частей: (I) изобилловать умом и мудростью, (II) владеть языком и искусством речи, (III) быть способным к совершению дел, (IV) иметь добрые нравы и быть хорошим гражданином (V) и, наконец, быть благочестивым и достойным, благодатью божией, его милости на этом свете и блаженной обители с ним в вечности.

11. Но если принимать во внимание врожденные стремления человека в их совокушности, то человеческая культура складывается из 12 частей. В самом деле, каждый, кто родился человеком, по побуждению своей внутренней природы стремится (I) существовать, то есть жить; (II) существовать уверенно, то есть обладать достоинством; (III) существовать осмысленно, то есть познавать окружающее; (IV) существовать просветленно, то есть понимать познанное; (V) существовать свободно, то есть желать и избирать то, что понято как доброе, не желать и отвергать дурное и, если можно, всем располагать по своему решению; (VI) существовать активно, то есть стремиться не впустую понимать и избирать то, что он понимает и избирает; (VII) обладать, или располагать, многим; (VIII) пользоваться всем, что у него есть, притом уверенно; (IX) при этом выделяться и быть в чести; (X) быть как можно более красноречивым, чтобы находчиво и выразительно передавать

свои знания и воления другим; (XI) пользоваться расположением и благодарностью людей, которые бы ему не завидовали, а поправляли его с возможностью вести более спокойную, приятную и обеспеченную жизнь; (XII) наконец, пользоваться божией благосклонностью ради внутреннего удовлетворения и ради прочности своего счастья в Боге(...)

15. Что же касается человека, то, поскольку его сердцу присуще столько врожденных желаний, исполнение которых необходимо для полноты его совершенства (как мы видели в § 11), мы не должны желать никому неудачи, если только не хотим сознательно убить в себе создание божье и позавидовать счастьем человека. Избави Бог! Наоборот, мы обязаны, споспешествуя благодати божьей, помогать каждому человеку в достижении всего его блага. Скажу обо всем немного подробнее.

16. Людей надо научить так любить земную жизнь, чтобы они захотели жить вечно. Не говорю, что их надо учить любви к жизни (эта любовь настолько обща всему живому, что нет никакой необходимости убеждать людей любить жизнь; многие от чрезмерной любви к жизни даже слишком много грешат всю свою жизнь), но они должны любить насущную жизнь так, чтобы всё следующее за ней тоже было для них жизнью, а не смертью. Иначе, если на смену жизни приходит смерть, лучше было бы не родиться¹⁶.

17. В интересах каждого человека исправно заботиться о своем здоровье. Ведь если хрупкая хижина человеческого тела, в которой обитает небесный гость, будет в каких-то частях ущербна, или расшатана, или расслаблена, то что останется гостю, как не заболеть самому с досады и тем самым ограничить свою деятельность? Поэтому верно сказано: «Проси, чтоб был у тебя дух здравый в теле здоровом»¹⁷. В самом деле, основа всякой деятельности — жизненная бодрость, то есть энергия здоровья, и мы должны всесторонне заботиться о сохранении здоровья на протяжении всей жизни, особенно же в ее начале, чтобы в молодости не были засеяны семена болезней, которые принесут злые плоды в старости; ведь зло, запущенное в начале, становится неизлечимым.

18. Очень важно вести людей к познанию многих вещей, чтобы они вбирали всё, что только можно вобрать чувством, разумом и верой; для предотвращения в разуме, а затем и в воле, и в действиях тех зияний, которые возникают от незнания необходимых вещей. Все вещи созданы для человека, чтобы приносить ему какую-либо пользу; но они не могут ее принести, если их не применить, а применить их нельзя без знания. Об этом хорошо у Иисуса, сына Сирахова: «Не будь неразумным ни в большом, ни в малом» (Сир. 5, 18).

19. Но мало познать вещи извне; людей надо привести к пониманию сути, предупреждая заблуждения, возникающие при по-

верхностном наблюдении непонятных вещей. Примеров тому полон мир, потому что толпа лишь касается чувствами поверхности бросающихся ей в глаза вещей, не вникая в их истину. Когда вещей не понимаем, а казаться понимающими все-таки хотят, возникают чудовища воображения, разнообразный хаос мнений и заблуждений, из-за которых мир и сходит с ума. Против этого нет другого лекарства, кроме познания самого внутреннего строения вещей, которое исследует Пансофия, тогда как Пампедия стремится внедрить истину в умы людей.

20. Очень важно, чтобы люди научились и умели свободно, по собственному решению избирать верно понятые вещи и так же пользоваться ими; чтобы божий образ в человеке нигде не нарушался, тем более в его вершине, а именно в свободе выбора¹⁸, отними которую — и людям придется подчиниться чужому решению, из воли возникнет неволя, из человека — нечеловек. Как сказал Сенека, «люди погибают из-за подражательности, когда они более склонны верить, чем размышлять (т. е. руководствуются больше чужим, чем своим решением), и когда наподобие скота они следуют за вожаком стада: идут туда, куда идет, а не туда, куда должно идти»¹⁹. Так как это великое бедствие, словно всеобщий потоп, хоронит всю истину и благо мира заодно с человеческим рассудком и свободой, повергая мир в тупую косность, мы должны искать универсальное лекарство, — а только то лекарство и есть, что люди, отвыкнув от бессмысленного следования за другими, научатся делать Бога, вещи и свои чувства, верно устроенные и настроенные самими вещами, как бы сияющим факелом своей воли и будут следовать водительству такого света. Это и будет значить — следовать только Богу и его водительству (водительству уст божиих, рук божиих, побуждений божиих) и явить себя истинным образом божьим. Кто слишком подчиняется авторитету людей, забывает, что это всего лишь люди, и отказывается от собственного суждения, величайшего дара человеческой природы²⁰. А кто принуждает других принять свои собственные взгляды, требуя слепого согласия и повиновения, те насилюют человеческую природу. Сущность человека — в искании истины, говорит Цицерон²¹, а раз она сущность, то неотъемлема от его природы. Надо думать, что всем людям было сказано: «Всё испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5, 21).

21. Очень важно для человечества и то, чтобы люди стали прилежными и трудолюбивыми. Ведь не только в Содоме праздность была первым поводом к разврату... Примеры целых народов показывают, что пороки не господствуют там, где процветает честный труд. Ибо где каждый молча делает свое и у всех благодаря старанию во всем достаток, там никто не знает нужды и ни у кого нет времени для подлости и тому подобного. Совсем иное видим там,

где люди предаются ленивой праздности. Значит, и с этой стороны мир мог бы быть в блаженном состоянии, если бы все люди были приучены к постоянному усердию.

22. Желательно, чтобы люди жили в изобилии (каждый по своей потребности), поэтому всех надо научить искусству богатеть, т. е. все должны уметь обеспечить себя, не зная нужды и потому не желать чужого и не возмущать мир своей жадностью. Ах, какой покой был бы на свете, если бы все жили довольные собой и своим именем и никто не вел тяжб о «моем» и «твоем», сидя каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, как во время Соломона (3 Цар. 4, 25)!

23. Желательно, чтобы все люди жили в обеспеченности; всех надо научить достигать этого. Под обеспеченностью я понимаю честное спокойствие ума, возникающее от мирного и безмятежного владения и пользования своим достоянием. При беспокойном состоянии мировых дел не каждому дано наслаждаться этим спокойствием, хотя некоторые люди стараются охранить себя привилегиями от разорительных наскоков правителей.

24. Желательно, чтобы все люди были уважаемы и никто не испытывал позора — как потому, что человек из всех созданий самое совершенное и у Бога самое почитаемое, так и потому, что он не переносит позора и за унижение готов мстить. Отсюда ссоры, войны, убийства и бесконечное число иных зол, желать предотвращения которых (без унижения достоинства ни одного человека как такового) надо в любом случае.

25. Желательно, чтобы никто не немотствовал, но все были способны излагать свои нужды Богу и людям. Ибо человек не был сотворен немым изваянием, он наделен речью, чтобы славословить Создателя и вести себя и своих ближних к его свету (хорошим поучением о необходимых вещах).

26. Во всех людях надо воспитать мирные нравы, чтобы не ссорились те, у кого от природы добрый характер, и вернулись к праведности те, у кого злой. Ибо прав поэт:

Самый суровый дикарь непременно правом смягчится,
Стбит к природе ему терпеливым прислушаться ухом²².

27. Но всего важнее для всех людей, чтобы прежде всего, во всем, в завершение всего души наполнились любовью, ради стяжания милости божией, без чьей воли нет ничего в человеке. Не будет любви — при всех наших прочих трудах мы останемся просто *грызунами*, забравшимися в норы своей суеты, и чем ловчее мы будем во внешних искусствах и жизненных занятиях, тем больше будем терзать себя, но из пещеры мира так и не выберемся. Наоборот, преданное усилие любви даст нам крылья, чтобы радостно взлетать за пределы машины мира и уже теперь наслаждаться с Богом вечными радостями. { . . }

28. До сих пор мы говорили, как важно для Бога и людей, чтобы каждый человек был во всем обучен. Теперь дополним: и для самих вещей, подчиненных человеческой власти, тоже важно, чтобы ими управляли только мудрые (причем всецело мудрые) люди. Ибо любому человеку может принадлежать любая вещь, и если он не в состоянии обращаться с каждой согласно ее природе, он не сумеет обращаться с вещами вообще. Природа вещей в таком случае насилуется, она стонет под игом и скорбит, что подвластна тщете (и рада бы послужить, да не может, раз ею пользуются неумеючи). Сравни эти мысли с тем, что было сказано в § 13 предыдущей главы.

29. Если кто-нибудь скажет: «Пусть ремесленники занимаются ремеслом и каждый знает свое дело; зачем надо всем учиться всему?» — я отвечу: мать вещей, природа, дает всякому будущему человеку (в материнском лоне) одни и те же члены — ноги, руки, глаза, уши, язык, — хотя не все будут бегунами, шисцами, исследователями, ораторами и т. д. Всё это — человеческие действия, и, создавая цельного человека, природа раз и навсегда предусматривает все человеческие необходимости. Почему бы и нам, в меру возможного, не делать того же при втором создании человека²³ (чем и занимается наше искусство), чтобы ни один человек не носил с собой повсюду бесполезное оснащение, которым не умеет пользоваться? А ведь варвары именно так и носят свое — чувства, способности, разум, память, язык и сердце; то же — любой необразованный человек, повсюду носящий с собой какую-нибудь неразвитую способность { . . . }

Проблема VII

41. Сделать людей деятельными, находчивыми, старательными.

Человек от природы полон жизни, любит движение и деятельность и нуждается только в благоразумном водительстве. Как ум постоянно занят какими-либо размышлениями, а воля — избранием чего-либо, так исполнительные способности непрестанно заняты совершением задуманного и избранного. Внешних побуждений при этом совсем не надо, каждый их носит в себе; надо только направить человека так, чтобы беспорядочные инстинкты не вывели его за пределы должного²⁴. Три вещи вернее всего помогут достичь этого. (I) Надо раньше начать упражнения в движении и деятельности для приобретения подвижности, которая не так легко утрачивается, если укреплена навыком. Значит, надо позволять детям играть, бегать и всегда что-то делать, за исключением неположенного. (II) Пусть учатся всё, что делают, делать по-настоящему, то есть с рвением и неленостно. (III) И пусть учатся всё делать с какой-либо целью, серьезной или игривой, ради похвалы или победы. Основа благого устройства ума — не делать ничего впустую и упражняться в преодолении трудностей ради дости-

жения определенной цели. Наш дух подобен пламени: чем он сильнее, тем действеннее; пусть же все привыкают действовать целенаправленно, пусть считают недостойным делом плыть по течению и заниматься бесполезными делами. Разве что иногда, при отсутствии нужных дел, лучше заняться менее нужными, чем коснеть в ничегонеделании: и то будет серьезным делом, что мы избежим безделья, сетей сатанинских.

ГЛАВА IV

Всесторонне обучать всех всему:
что это значит (1) и чему служит
(2—6), насколько это возможно (7—11)
и как легко (12—18).

Переход к следующим главам (19—22)

Я уже говорил о том, что началом воспитания человеческого рода должно быть облагораживание не только всех и во всем, но и всестороннее. Что такое это всестороннее облагораживание? Оно означает приобретение благородства не ради внешнего впечатления, но истинного, с весомой пользой для жизни настоящей и будущей: так, чтобы всякий, кто воспитан в мудрости, красноречии, науках, гражданственности и благочестии, стал не полужнайкой, а знатоком; не балагуром, а красноречивым; не хвастливым начинателем дела, но способным его завершителем; не маской добродетели, но самой добродетелью; и наконец, не подражающим благочестию лицемером, но благочестивым и чистым почитателем Бога в духе и истине.

3. Если этот мировой театр должен измениться до основания, то необходимо, чтобы до глубочайших основ изменились все человеческие занятия, и именно таким образом, как указывает Пансофия, то есть чтобы всё, чему человека учат и чему он учится, было (I) не разрозненным и частичным, но единым и цельным; (II) не поверхностным и кажущимся, но прочным и реальным; (III) не тягостным и принудительным, но мягким и приятным, а потому прочным. Изложу (методом уже принятым²⁵) необходимость, затем возможность и, наконец, легкость достижения этих трех желанных вещей, если только взяться за дело со всей разумностью.

4. Что всё надо брать в совокупности, а не разрозненно и отчасти, доказывает то подтвержденное опытом соображение, что, когда вся сила человеческой природы привязана только к чему-то одному и не обращена ко всеобщему театру мира, она не может сохранить свою гармоничность, но пагубно сворачивает с прямого пути с неизбежным вредом для себя, для вещей и для других людей.

В самом деле, если не допускаются до исполнения все человеческие стремления одновременно, взаимно соразмеряясь между собой, сочетаясь, восполняя друг друга, то одни люди начинают интересоваться только предметами познания, другие — предметами волеия, третьи — предметами действия, а прочим пренебрегают и тягостятся; и когда они слишком погружаются во что-то частное, то, с одной стороны, начинают изобиловать излишествами, а с другой — нуждаться в необходимом²⁶. Возьмем людей, которые жаждут властвовать над другими и всецело стремятся к этому; если им удастся осуществить свои желания, они легко превращаются в тиранов на свою и чужую погибель. Иные, живущие только ради удовольствия, легко превращаются в свиней стада Эпикурова²⁷. Возвышенным натурам больше по душе увлекаться сокровищами наук, но если они слишком отдаются этому, не претворяя свои знания в полезную деятельность, то истощаются. И всё равно ни одни, ни другие, ни третьи не достигают предела своих желаний. Гонящиеся за властью и силой не насытятся, даже если им предоставить мир или миры, как об этом свидетельствует пример Александра²⁸. Предающиеся наслаждениям подобны жаждущим, которые чем больше выпьют воды, тем больше хотят пить²⁹ (потому что уже не чувствуют, что пьют). Предавшиеся накоплению знаний тоже не приходят к полноте, даже обладая Соломоновой премудростью, ибо чем больше ученый видит в вещах, тем лучше видит, чего ему недостает. Так что, в конце концов, умножение знаний есть умножение печали; накоплять всё новые богатства значит навлекать на себя зависть, ненависть и беды. Но все-таки смертные не смиряются, потому что не могут пересилить свою натуру и отложить направленные на вещи стремления. И если искать выход, то не найти иного, кроме этой нашей всеобщности, которая заключается в преодолении дробности и возврате всех нас к целому, простому и единому достоянию, какое было у нас в раю. Перестанем же делить между собой науки, состояния, чины, взаимно давать их друг другу и вновь вырывать их друг у друга из рук, враждуя между собой. Пусть каждый больше стремится знать, хотеть и мочь всё, что Бог дал нам знать, хотеть и мочь, чем только какую-либо часть. Только тогда, наконец, счастье каждого из нас будет полным, не частичным, когда мы от раздробленности придем к цельности³⁰.

5. Опять-таки надо желать, чтобы все люди были воспитаны основательно, а не поверхностно; чтобы были подведены к истине, а не к мнениям или видимостям: ибо видимость без основания в вещах ни к чему не ведет, кроме обмана. А обман — к чему? Какой-нибудь человек видит во сне, что нашел клад и стал богачом, или повышен в чине и превзошел остальных, или ему кажется, что он на пиру вкушает изысканные яства; пробудившись, он видит,

что наг, унижен, голоден, и распознает обман; что ему остается? А так будет при воскресении с теми, кто на земле не запасся истинным достоинством, как говорит пророк (Пс. 72, 20). Соломон называет погибшими людей, много мнящих о себе («Видел ли ты человека, мудрою в глазах своих? На глупого больше надежды, нежели на него». Притч. 26, 12), а поскольку свет ими полон, то стоит ли удивляться, если всё в отчаянном положении и всюду полно глупцов, презирающих всех, кроме себя, и хлопочущих о своей мнимой мудрости, святости или известности? От этого зла нет лучшего средства, чем призвать и привести всех к истинному познанию, вкушению³¹, исканию, обретению и овладению истинного и прочного блага. Только так всё сможет утвердиться в мире.

6. Желательно также, чтобы образование мягко и приятно вело человека к непринужденному изяществу и к упорству в добре, вплоть до надежных достижений. Об этом напомним по трем причинам! Во-первых, некогда философы под предлогом своего философствования пренебрегали нравами (поэтому их прозвали киниками, т. е. собаками и нечистыми³²); сегодня тоже может случиться, что некоторые люди под предлогом благочестия будут пренебрегать прочим благолепием разумной жизни; этого нельзя допустить. Нелепо изящнейшее из творений оставить в убожестве ума, речей и дел, когда ведь и алмазы блещут, только если их отшлифовать. Второй довод в пользу приятной мягкости воспитания тот, что в столь возвышенном деле (подлинном совершенствовании человека) надо избегать грубости и принудительности, вызывающей отвращение; мягкость и увлекательная приятность (насколько это возможно) возбудят добровольную охоту и энтузиазм. Тогда наше полное образование, однажды начатое, не будет снова прервано и люди не скатятся в привычную лень, праздность и одичалость. Ведь какая польза разводить сад, если ты его тотчас снова покинешь и дашь деревьям одичать? Зачем шлифовать и чистить сталь, если ты ее сразу же отбросишь и снова оставишь ржаветь? Не удивительно, что почти весь род человеческий принижен, убог и сам себя губит своими неумелыми стараниями: любовь к истине, добру и возможному совершенствованию от природы присуща, конечно, всем, но, поскольку нет подлинной, строгой, постоянной культуры умов, при существующем расколе из поверхностных неустойчивых усилий ничего не выходит и всё вновь погружается в хаос. Посмотрите на школы³³! Они всё время ведут диспуты, но всё равно не могут убедить друг друга, чтобы избавить себя от суеты, а других от сомнений. Посмотрите на религию! Иной всю жизнь ходит в школу Бога, церковь, но так и не понимает правильно даже оснований религии. Посмотрите на мирскую власть! Шесть тысяч лет³⁴ мы ищем лучшие формы правления, спорим, воюем вплоть до крушения нескольких держав и чуть ли не до уничтожения всего

человечества. Но разве этим великим кровопролитием мы достигли, чего искали? Неужели мы еще не поняли, что надо иначе решать дела, что надо, наконец, начинать и осуществлять их ради всестороннего удовлетворения стремлений?

7. Кто-нибудь скажет: напрасно желать невозможного, напрасно и пытаться; всё вернется к хаосу, как бывало всегда. Ответу: какой же смысл тогда в божьих упреках, карах и увещаниях, которые он все-таки неизменно обращает к нам? Какой же тогда смысл в том, что в нас самих постоянно живет жажда лучшего? Неужели Бог и природа никогда не достигнут своих целей? Мы сразу увидим новую надежду. Не спорим, великим замыслам мешают огромные трудности, но пусть никто не говорит нам здесь о невозможности!

8. Признаём, что всестороннее образование (*formatura*) людей не лишено трудностей, вытекающих из четырех причин. Во-первых, человек самое сложное существо, требующее само по себе стольких стараний и забот во избежание своей порчи, сколько все остальные, вместе взятые. Это видно и на примере вещественных орудий. Чем сложнее и точнее предмет, тем больше он подвержен повреждению и тем труднее его тогда исправить. Возьмем часы. Настенные солнечные часы долговечны, стоит их однажды правильно поставить. Но водяные или песочные часы уже сложнее, в них есть подвижные части, поэтому они портятся легче и ремонтируются труднее. Тем более — самодействующие часы; если они состоят только из двух или трех колесиков (чтобы показывать на циферблате целые часы), то требуется меньше труда и забот, но если к ним прибавить еще колесики (чтобы часы били), нужно вдвое больше труда, и втрое больше, если часы должны отбивать и четверти. И еще больше, если они должны показывать движение небесных светил или наигрывать какие-нибудь мелодии. Словом, чем больше в чем-либо деталей, каждая из которых требует заботы, тем легче ошибиться, управляя целым. Но сложнейшим созданием является человек, совмещающий в себе минеральное, растительное, животное и духовное начала; эти отдельные части сами состоят из многих частей, и каждая изначально подвержена всевозможной порче, которая потом распространяется и на смежные части.

9. Во-вторых, характер человеческой природы таков, что именно благодаря своему первенствующему положению человек с трудом подчиняется управлению. Человек непохож на камень, или дерево, или животное (движения которого ограничиваются чем-либо одним, а если и многим, то в строго определенных пределах); он подобен бесконечной субстанции, приходит в соприкосновение с бесконечно многими вещами и видоизменяется бесконечным образом (если представляется случай), как известно из Пансофии.

Так что нет ничего в мире изменчивее человека, ничего более нетерпимого к ограничению в определенных рамках.

11. На пути правильного образования человека есть еще одно могучее препятствие: примеры пагубных мнений и нравов, которые проникают также (и главным образом) в среду молодежи и уводят ее на несправедливый путь. Это заметил сам Цицерон и в ярких словах выразил так (хотя, не зная истины о падении первого человека и о последовавшей порче человеческой природы, он выразился недостаточно полно и его слова нужно истолковывать в христианском смысле): «В наших душах от рождения заложены семена добродетели; если бы они могли взрасти, сама природа привела бы нас к блаженной жизни. Но теперь, едва мы приходим на свет и нас берут на руки, мы постоянно вращаемся среди уродств и крайнего искажения мнений, так что, кажется, с молоком кормилицы всасываем заблуждения. А когда нас возвращают родителям, то есть передоверяют наставникам, мы настолько проникаемся разнообразными заблуждениями, что истина отступает перед ложью, а сама природа — перед закоснелым мнением. И если к этому, словно некий величайший учитель, присоединится толпа и всё множество тех, кто соглашается с любым пороком, то мы окончательно заразимся низменностью и отпадем от самой природы»³⁵. Да, окружающее нас множество заблуждающихся и грешащих, склоняющее нас к таким же заблуждениям и грехам, — одна из причин, почему не всегда удается плодотворно внушить молодежи истину и добро.

12. Верно, что все эти обстоятельства затрудняют воспитание. Но верно и то, что, устранив причины, можно устранить или уменьшить и трудности. Рассмотрим всё по порядку. Некоторые думают, что простота — лучший способ уравновесить многосложность человеческой природы, которая, в силу своего разнообразия обращаясь ко всему в мире, подвергается влиянию всего и заражается всем. Суть простоты видят в том, чтобы человек соприкасался чувствами с возможно меньшим числом предметов и сторонился множественности и разнообразия вещей³⁶. Если согласиться с этим мнением, мы будем вынуждены удерживать детей от познания мира. Чушь! Средство это и незаконно, и бесполезно. Оно *незаконно*, ибо лишает человеческий ум (которому всё подвластно) его величия и его радостей; больше того, оно скрыто винит самого Бога, творца вещественного разнообразия и создателя человеческого ума. Оно *бесполезно*, потому что и немногочисленные предметы тоже наполняют чувства и занимают воображение различными пустыми вещами, вредными для тела и души — тем более вредными, чем меньше чувство питается разнообразием предметов и чем больше вся сила человеческой природы сосредоточивается только на некоторых вещах. Это видно на примере сельского на-

селения и варварских племен. На основе немногих занимающих их чувства вещей они приобретают самые извращенные взгляды и привычки, которых придерживаются так, что часто предпочитают смерть, чем замену им или уступку в пользу более правильного взгляда. И если уж хочешь во что бы то ни стало именно этим путем сделать человека способным к обучению, то самое надежное — запретить ему все предметы или, что то же, лишить его ощущений, то есть сделать слепым, глухим и бесчувственным (что, как известно, некоторые безумные фанатики над собой и проделали); это означало бы сделать из человека нечеловека. Но мы ищем путь совершенствования, а не разрушения людей. Гораздо более здравым будет сохранить порядок, заведенный всемудрым Богом, то есть для обережения сложнейшего творения от зла снабдить его всеми необходимыми средствами защиты. Это способна сделать только пансофия, учащая истинному применению каждой вещи и запрещающая злоупотребление вещами.

13. Надо, кроме того, укротить разнузданность неограниченной свободы, поставив преграды разума для страстных порывов воли, чтобы она ясно видела, что не может слепо требовать выполнения своих желаний без ущерба для себя и поэтому должна сама себя укрощать. Воле будет легче переносить бразды чужого правления, если она сама привыкнет укрощать себя во всем, в чем увидит противоречие разуму³⁷, — тем более если бы удалось всё устроить так, чтобы каждое дело человек делал не по принуждению, но как бы самопроизвольно (по собственной воле и влечению)³⁸.

16. Ведь в самой человеческой природе уже заложены разумность, воля и способность исполнения, пищей которым служат истина, благо и Единое, или единящее (то есть Возможное). Природе человека свойственно настолько почитать истину, что человек поверит и в ложь, если она придет под видом истины. Всё доброе человек так любит, что может пожелать и зла, если оно приходит под покровом добра. И ко всякому возможному благу его так влечет, что он попытается совершить и невозможное, если оно предстанет в окраске возможного. (В самом деле, люди верят неправде только потому, что принимают ее за правду; любят зло, лишь поскольку убеждены, что это добро; пытаются одолеть невозможное только потому, что принимают его за возможное³⁹.) Предложи разуму что-либо действительно истинное, он тотчас поймет; воле — что-либо действительно доброе, она тотчас ухватится; умению — что-либо действительно возможное, и оно тотчас сделает, коль скоро представится путь осуществления.

18. Впрочем, поскольку наша мысль, хоть она и способна охватить бесконечность, все-таки бесконечности боится (там она не видит границы, которая давала бы вещи очертания и уловимость), мы можем очень ей помочь, если не будем предлагать ей ничего

бесконечного, неопределенного, а всё представим как бы в точных и непоколебимых пределах своей сущности. И не надо всё излагать в мельчайших подробностях, а достаточно только основное и в главных частях; подробности или являются следствием основных частей и как бы оказываются в плену у разума, воли и умения, или могут быть без ущерба отброшены, если мы схватим главное, — тем более что истинное счастье людей не в обладании многими богатствами, а в правильном пользовании немногими подлинными благами, и владеющий малым, но истинным благом меньше разбрасывается и не обременяет себя, имеет больше покоя и радости, будучи меньше одержим страхом потери. Недаром купец, привыкший торговать золотом, алмазами и шелком, не перейдет так легко на торговлю дешевыми товарами. И мы, если сумеем перевести ум на размышление о важнейших вещах на свете, легче отвлечем его от низменных занятий.

19. Из предыдущих трех глав можно вывести три последующие. В самом деле, люди должны быть образованы: (I) *все* — и следовательно, понадобятся *мастерские культуры* (*officinis Culturae*), универсальные школы для воспитания всех; назовем это *ПАНСХОЛИЕЙ*; (II) *во всем* — и следовательно, будут нужны универсальные орудия воспитания, то есть книги, которые будут содержать всё; назовем это *ПАНБИБЛИЕЙ*; (III) *всесторонне* — и следовательно, потребуются универсальные учителя, которые сумели бы наставлять всех, всему и всесторонне; назовем это *ПАНДИДАСКАЛИЕЙ*.

20. До сих пор ни того, ни другого, ни третьего по-настоящему не было, и поэтому мир пресмыкался в убожестве. В самом деле, у некоторых народов не было никаких школ, а потому никакой культуры, только неприкрытая грубость и варварство; у других были, но дурные, почему их культура была извращенной, более способной не улучшать человеческую природу, а еще больше ее портить. Кое-где были школы по замыслу даже весьма хорошие, благочестивые, нравственные, но неудовлетворительные по своему устройству — беличье колесо и лабиринт. Итак, надо позаботиться, чтобы школы были созданы везде, для пользы всего человеческого рода, причем согласно замыслу божьему, для восстановления, а не просто залатывания образа божия в людях; они должны стать прекрасным садом, где всё служило бы приятной пользе.

21. Опять-таки у одних народов нет никаких книг, а у других они в избытке и не помогают умам, а загромаждают их: они или полны разнообразными ошибками (философскими, медицинскими, политическими и религиозными), или, если и преподносят истину, то, из-за порочности метода, в спутанном виде⁴⁰. Надо усовершенствовать это орудие человеческой культуры, книги, так чтобы

не было народа, лишённого их, и чтобы бесконечное их множество было приведено к порядку: избыток превращен в достаток, прихотливый произвол учений — в утвержденность истины, сбивчивость — в прекрасную связность.

22. Нечто подобное будет и с воспитателями человеческого рода: они должны быть везде, они должны быть только хорошими, должны быть обучены и способны обучать, то есть и понимать всё, что делает человека человеком⁴¹, и быть в состоянии передавать это другим.

23. Этот правильный порядок вещей послужит нормой и для изложения в последующих главах того, как соответственно каждому человеческому возрасту должны быть подготовлены школы, книги, учителя и какими все они должны быть — а именно пансофическими, постепенно ведущими всех к совершенству.

24. Великолепно было бы соблюсти и осуществить также, (I) чтобы каждый, кто родился человеком и научен пользоваться разумом, сам для себя стал школой, книгой и учителем; (II) чтобы каждый в беседах с другими был школой, книгой и наставником также и для своего ближнего (III) и, наконец, чтобы нигде не было недостатка в народных школах (*collegiatae scholae*), общедоступных книгах (*publici libri*) и учителях.

ГЛАВА V

Пансхолия, или о повсеместном открытии школ и о необходимости, возможности и (при разумном ведении дела) легкой осуществимости этого

1. Как для всего рода человеческого весь мир — это школа, от начала и до конца веков, так для каждого человека его жизнь — школа, от колыбели до гроба; и мало сказать вместе с Сенекой: «Учиться ни в каком возрасте не поздно»⁴², но надо говорить: каждый возраст предназначен для учения, и одни и те же пределы отведены человеческой жизни и человеческой школе. Больше того, ни самой смертью, ни даже границами мира не кончается человеческая жизнь. Всякому родившемуся человеку предстоит за пределами всего этого идти в вечность, как бы в небесную академию. Таким образом, всё предшествующее — это путь, подготовка, мастерская, начальная школа.

5. Очень легко достичь, чтобы всякая жизнь стала школой. Лишь бы дать каждому возрасту делать то, к чему он способен, и всю жизнь человек будет иметь, чему учиться, что делать, в чем

преуспевать и откуда собирать плоды жизни. Как каждая часть дня и года делится на малые части и соответствующие им работы, так и вся жизнь: младенчество и детство сравнимы с утром и весной, отрочество и молодость — с первой половиной дня и летом, зрелость — с полуднем и осенью, старость — с вечером и зимой. И как природа весной, летом, осенью и зимой, всегда хлопотливо и никогда не празднствуя, занимается своими делами, так же точно и наша жизнь, будучи верно направленной, может, хочет и рада чем-то заниматься во всяком возрасте и на всякой ступени.

6. Весь срок человеческой жизни (данный ей для совершенствования тела, духа и души) делится на семь частей. Первая из них — зачатие и формирование в лоне матери; вторая — рождение и следующее за ним младенчество; третья — детство; четвертая — отрочество; пятая — молодость; шестая — зрелость; седьмая — старость, сменяющаяся смертью. Так что всего уместнее будет установить семь школ постепенного совершенствования человека. Это — школа (I) рождения, более всего схожая с началом года, месяцем январем; (II) младенчества, подобная февралю и марту, когда набухают почки; (III) детства, подобная апрелю, украшающему деревья цветением; (IV) отрочества, подобная маю, когда начинают образовываться плоды; (V) молодости, подобная июню, когда плоды зреют, а ранние поспевают; (VI) зрелости, носящая образ месяцев июля, августа, сентября, октября и ноября, когда собирают всевозможные плоды и готовятся к наступающей зиме; (VII) старости, подобная декабрю, который замыкает круговорот года и всё завершает.

7. Первая школа будет всюду, где рождаются люди; вторая — в каждом доме; третья — в каждой деревне; четвертая — в каждом городе; пятая — в каждом государстве или провинции; шестая — во всем мире; седьмая — везде, где окажутся старые люди. Первые две могут называться частными школами, ибо забота о них падает лично на родителей; средние три могут называться общественными, поскольку они находятся под надзором церкви и властей; последние две школы — личные, ибо каждый повзрослел уже настолько, что может и должен стать сам мастером своей судьбы, будучи предоставлен Богу и самому себе.

8. Об общественных школах надо сказать (здесь, в предварении) особо, (I) что они собой представляют и почему должны создаваться везде; (II) насколько их создание возможно, (III) причем с легкостью и приятностью, чтобы они были местом не тягостной зубрежки, а увлекательной игры ума.

9. Общественными школами я называю собрания, где молодежь всей деревни, города или всего края группами (*agminatim*) упражняется в науках и искусствах, в прекрасных нравах и в подлинном благочестии под руководством самых уважаемых мужей

(или почтенных женщин), плодом чего должно явиться повсеместное изобилие хорошо образованных людей. Для лучшего понимания объясню всё по частям.

10. Говоря: *молодежь всей деревни, города, края*, имею в виду, что везде, где живет какое-либо сообщество семей, должны быть устроены общие воспитательные учреждения этого рода. В пользу такого образа действий есть веские причины. Во-первых, родители не в состоянии заниматься правильно воспитанием своих детей; ведь многие из них этого не умеют, будучи сами необразованны, другие — а именно богатые и изнеженные люди — не хотят по испорченности своего чувства к детям, и, наконец, есть такие, кто не может воспитывать своих детей из-за дел и трудов; в таком случае, чтобы никто и никогда не был брошен, надо всем сообща позаботиться об учреждении общественных школ, куда все имели бы право и возможность посылать своих детей, так чтобы все там были собраны. Во-вторых, совместные упражнения многих не только сокращают труд наставников, но и вселяют воодушевление в учащихся и учащихся, делая успехи более скорыми и прочными (благодаря постоянной наглядности примера и взаимному соревнованию)(...)

11. Говоря же, что дети должны быть доверены попечению *самых уважаемых мужей и жен*, хочу дать понять, что (I) такое важное дело можно доверить не всякому человеку из толпы, а только самым избранным, (II) причем не молодым, возможно, еще не умеющим владеть собой, а только лицам устоявшегося возраста и проверенной нравственности; (III) и каждый пол должен приличия ради обучаться раздельно.

Но обучаться чему?

12. Во-первых — грамотности, ибо все вообще должны научиться читать и писать. Добавлю еще — искусствам жизни, потому что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы молодежь в школах занималась делами, которые ей потом не нужны: она должна заниматься только такими, которые прямо вводят ее в круг жизненных обязанностей. Принимаю прекрасный совет Цицерона о вступительных словах оратора («Об ораторе», кн. II): «Вступление не должно быть таким, как у гладиаторов-самнитов, которые своими копьями потрясают перед схваткой, а в самой схватке ими не пользуются; нет, те же самые вступительные мысли, какие играли во вступлении, должны участвовать в схватке»⁴⁸. Так и школьную молодежь надо приучить упражняться только в таких играх, которые перейдут в серьезное дело, когда она закончит школу.

13. В интересах общества надо настаивать, чтобы молодежь в общественных школах приучалась к добрым нравам. В самом деле, как легче всего нравы детей портятся толпой (в которой благодаря самому общению одни заражают других своей порочностью, врож-

денной или приобретенной по вине дурного домашнего воспитания), так действительней всего для воспитания прекрасных нравов будет, если мы позаботимся, чтобы на виду у всего общества раздуться и возрастали скрытые огоньки нравственности благодаря постоянным примерам добродетели и взаимному соревнованию. Значит, прежде всего мы должны стремиться к тому, чтобы каждая общественная школа (*publica schola*)⁴⁴ стала общественной кузницей добродетели и молодежь не училась порокам по своей неопытности (ведь очень трудно от них избавиться, когда они укоренились), а лучше исподволь приобретала привычку к добродетели; тогда по окончании школы пороки будут ей противны — как пишут о мальчике, воспитаннике Платона, который, вернувшись домой, показал свое недовольство грубым хохотом отца, сказав, что у Платона он такого не видел⁴⁵. И если даже дома (в материнской школе) дети научились дурному (из-за неопытности или равнодушия родителей), здесь, в общественной школе, надо всеми силами постараться исправить их. В самом деле, к чему баня, если она не смывает грязь? К чему школа, если она не искореняет пороков (душевной нечистоты)?

15. Об обучении же молодежи *группами* я говорю в двух смыслах: имею в виду и *группу молодежи*, где всех приводимых в школу любили и воспитывали бы с одинаковой заботой, и *группу наук*, в которых молодежь должна упражняться. Можно заронить в душу больше познаний, привить лучшие нравы, искоренить больше заблуждений (с течением времени) и, наконец, сэкономить больше труда и денег, если не для каждого в отдельности, а для всех нанимать лучших учителей, которые внушали бы одновременно всем всё необходимое. Так мы достигнем того, что из каждой общественной школы получится общественная (I) *здравица*, где обучают жизни и сохранению здоровья; (II) *палестра*, где приучают к упражнениям в ловкости и силе, которые полезны всю жизнь; (III) *рассадница просвещения*, где все умы озаряются светом наук; (IV) *ораторская школа*, где всех наставляют в умелом владении языком и речью; (V) *мастерская*, где никому не позволяют при учении (а потом и в жизни) убивать время наподобие праздно поющих стрекоз в полях, а научат подражать всегда деятельным муравьям в муравейнике: (VI) *кузница добродетелей*, в которых совершенствуются все граждане; (VII) *колыбель гражданской жизни*, где все, учась попеременно подчинению и управлению (словно в маленьком государстве), сызмала привыкнут управлять вещами, самими собой и другими (если кому представится необходимость управлять другими)⁴⁶; (VIII) *маленькая церковь*, где вместе с познанием Бога от приставленного к ним пастыря душ и хранителя совести все впитывали бы привычку к богопочитанию, не только по воскресеньям, но и каждодневно проходя катехизацию и слушая малень-

кие проповеди (приуроченные к детскому возрасточку) с разнообразными поучениями, увещаниями и утешениями.

16. Упомяну, наконец, об *упражнениях*. В каждой общественной школе всё должно держаться на примерах и практике, этом кратком и действенном пути воспитания, а не на поучениях, пути долгим и трудном. Удивительные вещи пишет Гоорнбек со слов Кленарда о методе, каким магометане в своих школах обучают арабскому языку: у них принято сразу же с первых лет выучивать дословно и наизусть Коран, затверживая эту книгу в памяти без понимания. Нигде в школе этой книги никто не видит, только учитель по памяти назначает урок и пишет его на деревянной доске, а ученик запоминает; на другой день пишется следующий урок, пока в течение года или двух весь Коран не заучивается наизусть. И много больше людей, помнящих таким путем Коран, чем имеющих эту книгу в доме. Так благодаря упражнению они укладывают знания в душе, а не на бумаге.

17. В заключение коснусь цели своего совета везде основывать такие общественные школы, — а именно *их плодом должно быть повсеместно изобилие хороших образованных людей*. Люди, остающиеся без образования, растут как дикое дерево, как терн, крапива и колючий кустарник; чтобы вырастить людей, нужен большой труд, как при выращивании плодовых деревьев труд посадки, орошения и прививки. Некто пишет, что у народов, где науки и школы явление привычное, дети большему научаются, больше знают и понимают, чем у иных народов старики⁴⁷; и если это правда, то надо, создав повсюду школы, сделать так, чтобы у всех народов появились люди учащиеся, знающие и понятливые, — и мы достигнем желанного.

18. И не к чему возражать: «У нас были общественные школы, но особых плодов мы от них не видели». Надо рассмотреть причины, почему так было до сих пор. Дело в том, что (1) школы, каковы они сейчас, принятие детей, испорченных предшествующим воспитанием; отучивание их от дурного и затем обучение хорошему — двойной труд (при том сложный, тягостный и в большинстве случаев бесполезный); (2) дети отданы школе не целиком, а только на определенные часы, откуда получается, что они ежедневно снова заражаются старыми привычками и чувствуют отвращение к лучшему, (3) тем более что до сих пор были почти неизвестны способы привлечения умов к добру, и большинство учителей, скорее, отталкивало всех от себя и от школ своей неприветливостью, пристрастием к порке или, во всяком случае, суровостью метода. Предлагаемое нами — совсем другого рода: (1) своевременное начало правильного воспитания должно предупредить искажение нравов и душ; (2) в постоянном общении благоразумных, честных и трудолюбивых людей должно быть позволено видеть, слышать и де-

лать только благоразумные, прекрасные и благочестивые вещи, (3) причём без всяких тягот и принуждения, а в неизменно приятных увлекательных упражнениях, как будет ясно из следующих глав VII и VIII.

19. Но здесь возможен и обычно возникает вопрос: неужели в школах должны быть смешаны благородные и неблагородные? Отвечаю. Нет недостатка в доводах в пользу обеих сторон. Что будущие знатные лица не должны смешиваться с простолюдинами, можно, кажется, доказывать примером Давида, который отдал своего Соломона Натану, чтобы тот обучал его отдельно⁴⁸. Но неизвестно, были ли у них общественные школы, о каких говорим мы; скорее всего, не было. Предлагаю задуматься, не тут ли может начаться осуществление великолепного пророчества, что лев, как вол, будет есть солому, и теленок и молодой лев будут лежать вместе? (Ис. 11, 6—7).

20. Итак, призываем везде открывать общественные школы. Везде, где рождаются люди, требуется воспитание, чтобы дары природы из возможных стали действительными. «Лишь бы везде это было возможно,— скажет кто-нибудь,— потому что, может быть, не везде найдутся люди, способные учить других, или средства на содержание школ и другие надобности!» Отвечаю. Главное, что составляет школу,— это учащиеся, ученики и хорошие книги, из которых учителя переливали бы в учеников образование, нравы и благочестие. Служебные надобности школы — это здания для собраний, стипендии для содержания учащихся и, наконец, попечители, которые представляли бы власть и организовывали потребные работы. Но ничто из перечисленного не может отсутствовать ни в одном из мест, где обычным образом обитают люди. В самом деле.

21. где только в мире рождаются люди, там нет недостатка в учениках: рождением мы посланы в жизнь как в школу. Поэтому, как строить здания можно всюду, где есть строительный материал, камень, дерево и глина, так школы можно создавать всюду, ибо нигде нет недостатка в материале для школы — в молодежи.

22. Где между людьми одни выделяются возрастом, знаниями и умением, там не может быть недостатка в учителях. Ведь учить — это не что иное, как словом и примером показывать путь тем, кто хочет учиться⁴⁹, так что, где показывают путь, там уже и школа; и она будет строиться так же естественно, как строится здание, когда мастер берется за дерево или камень, располагая их своим искусством.

23. А где есть учащие и учащиеся, там не может не быть и книг — божественных книг: великая книга творения, *мир*, всегда и везде у всех перед глазами; пусть научатся читать ее. Есть у всех в душе и меньшая книга, *собственный ум*, всегда развертываю-

щий из себя врожденные идеи, природные стремления и природные побуждения к действию; пусть научатся прислушиваться к нему. Но и третья божия книга, книга божественных откровений, доступна любому народу, потому что она или уже переведена, или может быть переведена на народные языки. Не может быть недостатка и в других хороших книгах, хватило бы старания.

24. Наконец, где есть люди, которые могут ради прокормления семьи содержать для своего стада пастуха (скотника, гуртовщика, овчара, одного или больше), там не будет недостатка и в людях, содержащих сторожа, одного или нескольких, для маленького стада своих детей, — на том основании, что человеческое потомство заслуживает большей заботы, чем скот, и что долю прибыли от скота можно употребить на людей, чтобы тварь, лишенная разума, служила разумной, питание тела — духовной пище.

25. Если кому-то всё равно приходят на ум препятствия, можно с полным основанием сказать, что нашим путем всё будет даже легче, чем при современном обособленном обучении лишь некоторых и невнимании к остальным. (1) Во-первых, будет легче содержать одного учителя для всей молодежи, чем (как это принято сейчас) многих частных педагогов. (2) Одному учителю легче учить многих учеников одновременно, чем каждого по отдельности. (Спроси военачальника, хочет ли он водить в поле и упражнять во владении оружием одного новобранца или всех вместе? Он явно предпочтет второе и подтвердит, что это не только легче, но и бесконечно полезнее.) (3) Да и ученики легче всему учатся вместе, чем каждый в отдельности, благодаря соревнованию.

Сильная лошадь резвее бежит по ристалищу, если
Есть ей кого обгонять, есть кому гнаться за ней⁵⁰.

26. Облегчить дело можно, выбирая для школы всегда такое место, где молодежь может легко собираться: между городами и лучше при храме, в каком-нибудь церковном приделе, по мере возможности на красивом холме в окружении садов или в тени деревьев, среди лужаек или украшенное картинами. Школа должна быть достаточно велика, чтобы в ней поместилась вся молодежь и каждый класс отдельно. Что касается использования времени, надо сделать так, чтобы дети жили все время вместе или хотя бы целые дни вместе, не имея возможности проказничать при постоянных путешествиях в школу и из школы или просто попусту тратить время и забывать то, чему учились.

27. Облегчением дела будет и установление точного порядка во всем. Каждая школа должна быть как бы единой цепью, в которой связь одного звена с другим создает сплоченную цельность, или как бы часами, где одно колесо так сцепляется с другим, что от единого движения равномерно и прекрасно движется всё. Каждая

школа будет иметь определенные границы своего начала и завершения, а между ними — веки движения, по которым она шла бы от начальной ступени к цели. Будет бесполезным делом соблюдать так же, чтобы каждая общественная школа и класс (classis) имели круг работы, подобный годовому кругу, а именно как начало и конец года естественно приходится на зиму, так и школы и классы должны начинать занятия зимой, а не в иное время, — во-первых, ради гармонии всего со всем, во-вторых, потому, что тогда люди меньше, чем когда-либо, отвлекаются на общественные дела, и наконец потому, что души людей (в том числе молодежи) зимой внутренне более сосредоточены, чем весной (не говоря уже о лете или осени); само состояние воздуха сосредоточивает природные силы в каждом живом теле. Соответственно, праздник св. Григория, принятый во многих школах, надо перенести на зимнее время⁵¹.

28. Но основой успеха будет метод обучения⁵²; во всем практический, во всем увлекательный и такой, чтобы благодаря ему школа стала поистине игрой, прекрасной прелюдией ко всей жизни. Это получится, если все занятия жизни мы приведем в доступную детям форму — не только ради лучшего усвоения, но и ради увлекательности, — сочетая их с предметами, которым детский возраст не может не радоваться. Тогда, выйдя из школы и столкнувшись с жизнью, они убедятся, что не видят ничего совершенно нового, а должны справиться лишь с новой и приятной задачей применения своих знаний к серьезным делам.

Г Л А В А VI

Панбиблия, о книгах и других инструментах, призванных служить универсальному образованию

1. Эту часть можно было бы назвать *панорганией*⁵³, поскольку всё здесь служит оттачиванию умов. Мы расскажем здесь о том, как надо применять (1) вещи, непосредственно предносящиеся чувствам, (2) рисованные или изваянные вещи (3) и, наконец, описания вещей посредством речи, то есть книги. Впрочем, не все вещи можно принести в школу, как и картины, или это не всегда удобно, так что достаточно обратить внимание на то, какие книги должны быть приготовлены для этой цели.

2. *Панбиблией* мы называем, таким образом, полный набор книг, предназначенных для универсального образования и составленных по законам универсального метода. Стало быть, целые библиотеки?

Толпа думает, что желающий быть мудрым должен читать много книг, а они доступны не каждому, и, значит, только немногие могут стать мудрыми. Но Бог дал нам три книги, которые одни исчерпывают всё: полный творениями *мир вовне нас*, полный разумности *ум внутри нас* и выраженное в слове и изложенное в Писании *откровение до нас*(...)

3. Эти три книги божией премудрости — настоящая и полная библиотека всего, что на земле и в вечности нужно человеку знать, во что верить, что делать и на что надеяться⁵⁴, — но только для уже пришедших к совершенной премудрости; кто пока еще только на пути к ней, те нуждаются в книгах, ознакомительных и вводящих в эту полную божью библиотеку. О правильной их подготовке и пойдет речь. Главное требование к таким книгам — *прямо, полно, доступно* соответствовать своей цели, истинной человеческой культуре.

4. *Прямо*: чтобы никто, ведомый по этому пути, не мог свернуть в сторону, не мог не прийти к цели. Это удастся, если Бог, наше вечное высшее благо, во всех таких книгах будет представлен как вечная всепревосходящая высота, то есть как жизнь и душа всего, вечно одухотворяющая также и нашу жизнь и вечно поднимающая ее к небесам.

5. *Плно*: чтобы никто, вставший на этот путь, не смог растерять ничего из всего богатства, имея в виду жизнь настоящую и будущую. Этого достигнем, если всё, являемое Богом в своих театрах⁵⁵, здесь будет излагаться с целью сделать людей всесторонне образованными, то есть мудрыми в мыслях, святыми в желаниях и могущественными, силой божией, в делах своих.

6. *Доступно*: чтобы никому ничего в этой жизни не казалось недостижимым. Это удастся, (1) если школьные книги будут по возможности немногочисленны и немногословны, количеством и размерами отпугивать перестанут, вместят всё нужное без обременения чем бы то ни было лишним; (2) если они будут написаны со вкусом, увлекательно благодаря неизменной новизне и занимательной ясности, без скуки, бывающей от повторов и трудных темнот, (3) если они будут излагать всё с правдивостью настолько ясной и убедительной, чтобы никто не усомнился, что это настоящие ключи к божьим книгам, открывающие дверь к пониманию всех содержащихся в них вещей. Следует немножко сказать о каждом из этих требований в отдельности.

7. Я сказал, что такие книги должны быть *немногочисленны*, чтобы не отпугнуть количеством — и все-таки их должно быть несколько, причем существенно различных, а именно сообразно возрастным ступеням, по которым каждый человек шаг за шагом поднимается от колыбели к своему жизненному расцвету: как два возрастных периода никто не переживает одновременно, а лишь по-

степенно, один за другим, так и весомость предметов должна распределяться соответственно возрасту, не оставляя места ни для каких разрывов. Ведь если бы кто-нибудь захотел перескакивать через две или три ступени или ступать одновременно на разные ступени одной лестницы, он подвергся бы большой опасности ошибиться зрением, сорваться рукой, оступиться ногой и упасть от внезапного головокружения.

8. Сколько же будет этих учебных книг? Столько, сколько есть возрастных групп и различных целей воспитания, взаимно подчиненных друг другу. Школьный класс — это совокупность учеников, которых одинаковая ступень продвинутой объединила в одних и тех же занятиях, чтобы, усвоив одинаковые наставления и проходя одинаковые упражнения, они могли, взаимно соревнуясь, успешнее идти вперед. Но и в каждом классе, изучающем один и тот же предмет, надо выделить группы, из которых самые необходимые три: (I) начинающих, (II) продолжающих и (III) завершающих⁵⁶.

9. Впрочем, если этих книг будет и больше, не беда, лишь бы они были *немногословны*. Это окажется возможным, если мы будем включать в них только заведомую истину и явно полезные для жизни (насушной или будущей) вещи; пустяки, курьезы и спорное допускать нельзя. Не наше дело сеять и раздувать споры, и не надо заполнять души юношества вещами, которые допускают двойное объяснение. Лучше сначала познать то, что устоялось и в чем нет никакой двусмысленности, чем вести умы по скользкой почве: с ранних лет надо приучать к достоверностям, которые станут опорой благоразумия на всю жизнь, и Сенеке уже не придется жаловаться: «Нужного не знаем, потому что выучились ненужному»⁵⁷. Если кому-то потом захочется рассмотреть и вещи недостоверные, допускающие двойное истолкование, ему будут доступны все авторы благодаря приобретенному в школе пониманию языка, вещей, человеческого мышления. (. . .)

12. Эти книги будут иметь главы-ступени, как внутри себя, так и между собой соединенные, как звенья в цепи: всё последующее должно исходить из предыдущего, как на дереве каждый побег, лист, цветок и плод прорастают из своей почки. Составляющий такие книжки сможет сказать о каждой:

Книгам моим ни судья не надобен, ни покровитель,
Свой в них доколе светить будет порядок и смысл.

13. Главное, надо будет соблюсти, чтобы все книги были написаны очень ясно и были понятны не только в школе при объяснении, но и самоучкам вне школы: если кому не доведется учиться в общественной школе, пусть у него будет тоже возможность восполнить пробел собственными стараниями и проникнуть во всё

самому, приобретаю лишь умение читать. Таким путем удастся добиться того, что часто обучающиеся будут отличаться от прошедших общественную школу только тем, что последние вполне обучены и уверены в своих знаниях, а самоучки в чем-то еще колеблются, но между ними будет то общее, что и те и другие избавятся от губительного незнания.

14. Этому поможет, если большинство книг будет написано в форме диалога, ради красоты и полезности. Ибо если правду сказал Фрасимах у Платона, что легче спрашивать, чем отвечать⁵⁸ (и никто не сомневается, что это так), то вот вам и способ облегчить труд учащего и учащихся! Все привыкнут обо всем мудро спрашивать и на мудрые вопросы мудро отвечать, пусть только право спрашивать будет иметь попеременно и учителя и ученики. Всякий привыкнет играть обе роли, то выслушивая, то расспрашивая⁵⁹; научившись обо всем благоразумно спрашивать и на всё так же мудро отвечать, все приобретут разумность.

15. И удастся достичь того, что школьные книги станут считаться не сокровищницей образования и мудрости (как их величали до сих пор), а как бы воронкой, с помощью которой в разум внимательных читателей переливается всё, что бьет ключом из трех книг божией премудрости, а работа учителей и учеников в школе будет просто передачей света из этих сияющих книг в просветленные головы.

16. Всякая вообще книга нашего века (и особенно школьная) должна быть вполне пансофической, вполне панпедической, вполне панглоттической и вполне панортосической. Пансофической — значит открывающей суть всей премудрости, более сжато или более пространно, сообразно ступени воспитания. Панпедической — значит помогающей развитию умов, опять-таки сообразно ступеням. Панглоттической — значит переведенной на все живые языки самым простым слогом. Панортосической — умело способствующей ограничению или исправлению пороков и распространению добра, опять же уместным для каждой ступени образом.

17. Но как этого достичь? Отвечаю: путем совершенствования общественных книг, направленных на преобразование мира, — Пансофии, Панпедии, Панглоттии, Панортосии⁶⁰, — а именно путем отличения в Пансофии истинного от ложного, в Панпедии — целесообразного от ущербного, в Панглоттии — ясного от темного, в Панортосии — здорового от вредного: одно пусть везде останется, другое будет отброшено.

18. Однако представляется полезным установить более подробные законы о написании книг, чтобы их придерживались как члены Совета света⁶¹, так и все, желающие в будущем посвятить себя составлению книг. Пожалуй, этих законов должно быть двенадцать.

(1) В просвещенном веке следует думать не о том, как умножать книги, а о том, как устранять вредные, изымать бесполезные и сокращать лучшие (ибо умножать надо радость, а не количество. Ис. 9, 3, и «путь Сиона должен быть прост и прям». Ис. 35, 8).

(2) Если кто-то и всё захочет писать, пусть ему разрешат это с условием, чтобы он писал, а не списывал. Некогда жил Хрисипп, о котором Аполлодор Афинский⁶² сказал: «Если бы кто-то взял из книг Хрисиппа всё, что принадлежит другим, осталась бы чистая бумага». А в наше время есть очень много людей, которые делают книги при помощи ножниц и клея; поэтому новых книг бесчисленное множество, и в большинстве их нет ни одной новой вещи или новой мысли. Такое надо навсегда прекратить; эти книги только на то и годятся, чтобы обременять и смущать умы.

(3) Пусть пишущий пишет книгу, а не центон⁶³. Надо отклонить и того, кого с одной стороны робость, с другой кичливость склоняют цитировать авторов по всякому поводу и кто или боится, что ему не поверят и что он не угодит, если не приведет знаменитых свидетелей в подтверждение говоримого, или хочет казаться много читавшим. Так получается, что не только высказывания, но и отдельные фразы и даже слова перегружают сносками, одновременно и отбивая охоту читать, и запутывая вещи, о которых можно сказать короче. И это в будущем надо устранить: пора представить взору сами вещи, а не слова о вещах. Прекрасные изречения надо приводить как общеизвестные, а если уж очень важно узнать, кто именно сказал то или иное, пусть это будет указано в отдельно издаваемых гномологических индексах⁶⁴, чтобы не сбивать читателя с толку бесполезными подробностями там, где он ищет сути дела. Ведь и на охоте нельзя задерживать себя и других выяснением, от кого та или иная собака или чью ты одалживаешь рогатину; разносчики кушаний за столом не перечисляют, из какого огорода или у какого мясника что получено: если это безразлично повару, то еще безразличней желудку, переваривающему кушанья в соки и усваивающему всё чужое.

(4) Не обнаруживать ничего, кроме благих новых открытий или, по крайней мере, новых соображений о ранее открытом ради лучшего понимания тайн мира или более удобного применения вещей в благих целях. Скверная привычка писать книги о вещах давно известных (то есть переписывать откуда-нибудь, подогревая старый обед) да сгинет! И если кто-то, изменив только стиль, хочет прослыть писателем, выдавая чужие мысли за свои, то пусть числится среди плагиаторов⁶⁵ или пусть над ним смеются как над тем поваром у Плавта, который наново заправлял кореньями то, что другой уже заправил.

(5) Если у кого есть новые изобретения или прекрасные мысли о ранее найденном, пусть расскажет об этом миру просто, без при-

меси давно известного. Да уйдет из жизни скверная привычка писать целую новую книгу ради одного-единственного наблюдения! Лучше предложить жемчужину в натуральном виде, как она сама по себе блистает, чем под горой песка, грязи и сора. Это лучше по многим причинам. 1) Христос запретил, зажегши свечу, прятать ее под сосудом; пусть ее выставят на подсвечнике, чтобы светила всем в доме⁶⁶. А что делает тот, кто искру новооткрытой мысли прикрывает золой общеизвестного? (Ведь вещи известные нас не волнуют!) 2) В интересах самого открывателя, если он человек мудрый и передает свои прекрасные мысли миру, быстрее просиять среди мудрецов своими открытиями; если он не зароет свои жемчужины, а представит их свету, как они есть, они станут известны всякому, кто жаждет жемчуга мудрости, а вместе с ними, очень быстро, и имя открывателя. 3) Это поможет и быстрой приостановке вредного потопа книг, который наслала на нас дерзость полузнаек и болтунов; не имея сообщить ничего своего, они умолкнут, и тогда загруженность мира делами намного уменьшится. 4) Это будет в интересах образования, поскольку освобождение от всего лишнего освободит и от вздора, 5) и также в интересах возрастания мудрости, раз открытия будут у всех на виду. Ибо вряд ли найдется умный человек, который не обратит радостного внимания на все рождающиеся в мире добрые новоизобретения, и каждая искорка просвещения, попадая в горячую материю настоящего таланта, легко зажжет новое доброе пламя. 6) Это будет подражанием благоразумному общественному порядку: там никому из граждан не позволено (да никто и не хочет) приходиться для налогообложения с чужим имуществом, как и при военных парадах сотник не смеет выставлять чужих солдат или чужое оружие, но только свое. 7) И наконец, только так мы пойдем по следам древних мудрецов, которые заботились, чтобы слова их были как иглы и как глубоко вбитые гвозди (Еккл. 12, 11). Как известно, семь греческих мудрецов прославились всего лишь несколькими изречениями, как и большинство славных мужей — только несколькими памятными высказываниями; про Гиппократ, писавшего лаконически, говорят, что он изрекал оракулы; Воттон, английский рыцарь, не пожелал на своем надгробном камне никакой иной надписи, кроме: «Здесь похоронен первым сказавший: „Зуд диспутов — чесотка Церкви“».

(6) Пусть выходит в свет только то, что умножает просвещение и удобство человеческой жизни, и пусть будет заранее ясно, что в книгах открываются вещи до сих пор неизвестные, упорядочивается запутанное, утверждается расшатанное, — словом, люди освобождаются от тумана незнания, от дыма мнений, от головокружения суеты и переходят к сиянию света, радости и прочной истине⁶⁷.

(7) Итак, ничего не надо писать и издавать, кроме заведомо истинного и несомненно полезного, потому что гораздо лучше самая маленькая истина, чем всё, что можно произвольно придумать, как говорит Августин. Заблуждения больших людей вводят в заблуждение остальных, поэтому необходима осторожность; и если кого-то застигнут выдающим ложь за истину, то пусть наказанием будет публичный позор.

(8) Новые книги должны быть написаны только математическим методом: без диспутов, на одних доказательствах⁶⁸. Что касается предмета, порядка, стиля, всё должно быть написано как солнечными лучами: как здоровые глаза не нуждаются днем в свечке, очках или вожатом и как нельзя тогда сомневаться в солнце и ярко озаряемых им вещах, так ни один здоровый ум при чтении этих книг не будет нуждаться в комментариях и не усомнится в ясно доказанной истине. Если чего нельзя написать так, пусть это и пишется не утвердительно или отрицательно, а вопросительно, с добросовестным всесторонним разбором дела и честным указанием, в какую сторону перевешивают веса истины; от пристрастия же автор должен и сам воздержаться, и читателя удерживать, лишь поощряя его к более полному исследованию вещей. Так он и покажет основательность своего *τοῦ ἐπέχειν*⁶⁹, и другим явит добрый пример воздержания от скороспелых суждений, призывая всех к большему усилению в поисках истины. Так с нашей универсальной практикой мы последуем апостольскому наставлению (Филип. 3, 15 и 1 Кор. 3, 13); так будем похвально подражать достохвальной искренности древнего NON LIQUET⁷⁰; так наступит конец заразе сварливых сочинений, слишком размножившихся в наше время.

(9) Пусть никому не позволяется издавать книги наспех и преждевременно, но все должны приобрести привычку оттачивать, перерабатывать и, как бы играя с ними, строить и перестраивать свои труды, пока каждая книга не будет в точности отвечать нормам Поликлета⁷¹. Быстро возникающее быстро и гибнет; то, над чем долго и тщательно трудятся, переживает века. Зевксис ответил другому художнику, Агафарху⁷², который хвалился быстротой написания картин: «Я пишу долго, потому что пишу для вечности». Когда на жалобу Вергилия, что за три дня у него едва сложились три стиха, другой поэт похвалился, что в один день написал их триста, Вергилий ему ответил: «Это вполне возможно, но между моими и твоими стихами будет та разница, что твоих хватит на три дня, моих — на все века».

(10) Ни одна большая книга не должна выходить без указателя. Книга без указателя — дом без окон, тело без глаз, имущество без описи: не так легко ими воспользоваться. Иная книга может показаться столь упорядоченной, что после первого просмотра ты уже

разбираешься, где и о чем идет в ней речь (то есть каждая вещь стоит на своем месте среди ей подобных), однако и такая книга станет все-таки ясней, если указать на связь мыслей не только надлежащим упорядочением содержания, но и алфавитным указателем слов. Так что не надо придавать слишком серьезный смысл чьим-то стихам:

Книгам моим ни судья не надобен, ни указатель:
Все проясняется в них собственным светом своим.

(11) Все новые книги, сколько бы их ни было, — это лишь ключи и предисловия к божественным книгам: природе, Писанию и мастерской нашего собственного разума. Уже поэтому надо сделать людей учениками Бога, которые не нуждались бы в человеческих поучениях и увещаниях: «Познай Бога!», но сами видели, осязали, слышали, познавали Бога повсюду в его созданиях, словах и внушаемых им внутренних движениях души, «от малого до большого», согласно обетованию (Иер. 31, 34).

(12) Никто пусть не публикует никакой книги без ведома и без согласия Советников света. Но и те пусть ничего не предпринимают без теологов и политиков, когда дело касается положения Церкви или государства⁷³. Вредная привычка своевольно наводнять мир какой угодно писаниной должна совсем исчезнуть как вечный рассадник беспорядка; от нее не должно остаться и следа.

19. Чтобы добротность этих советов стала еще яснее и они еще лучше уложились в памяти, приведем их в пансофический категориальный ряд⁷⁴ — и обнаружим, что каждое место этого ряда напоминает или советует нам что-либо полезное. Возьмем на примере. (1) *Субстанция*: книги надо писать о вещах важных, обещающих существенную пользу. (2) *Время*: книги надо издавать раз в год, чтобы где бы то ни было написанные и изданные в течение года книги обнародовались одновременно и сразу, становясь как бы урожаем света, с нетерпением ожидаемым и с радостью встречаемым сынами света⁷⁵. (3) *Место*: только из академий как высших мастерских света должны исходить эти факелы разума, а не из иных мест, во избежание всяких ἀταξίας⁷⁶. (4) *Количество*: новые книги должны быть размером по возможности небольшими, немногочисленными, но вескими серьезностью своего содержания, чтобы приносить умам не новые мучения, а только новое освежение и новую пищу, более удобоваримую и более питательную. (5) *Качество*: они должны быть аподиктическими⁷⁷, распространяющими яркий свет правды, а не дым мнений. (6) *Действие*: при соблюдении всего этого пишущих окажется меньше, но они будут лучше, для большей пользы мира. (7) *Претерпевание*: книги сразу же будут становиться известными всем, ибо все академии мира в год выхода в свет прекрасных новинок сразу же будут взаимно об-

мениваться новыми каталогами. (8) *Порядок*: можно будет устранить многие общеизвестные беспорядки в этом деле, а заодно — и жалобные мудрецов, известные со времен Соломона (Еккл. 12, 12). (9) *Польза*: дело принесет столь огромную пользу, что сможет очастливить весь мир. В самом деле, мир, наконец, избавится от книжного потопа, и авторитеты перестанут обманывать нас, коль скоро сами вещи, явственно изложенные, предстанут непосредственному созерцанию и осознанию всех людей. Мир освободится так от мнений и придет к знанию. (10) *Любовь*: как прекрасно пребывать в свете любви, с каждым годом всё более влекущем! (11) *Недостатки*: они будут устранены, ибо какие провалы в знании нельзя было бы заполнить при столь прекрасном и упорядоченном соревновании просветленных умов в распространении света? (12) *Уродство*: что уродливое сможет остаться в книжном деле? Ничего: всё будет великолепным. (13) *Сочетание и совмещение*: не будет ничего плохого, если два или более ученых мужа (а то и целые академии) объединят усилия ради аподиктической разработки одних и тех же материй, или если из двух (а то и всех) работ сложится перед изданием единое целое, или если каждая работа останется самостоятельной, но они будут объединены в одном томе так, чтобы другие ученые во всем мире получили возможность судить обо всех и о каждом в отдельности, и т. д.

20. Ради распространения света Советники света позаботятся прежде всего о составлении универсальных книг: «Панкосмография», «Панхронология», «Панистория», «Пандогматия» и «Пансофия», взаимосогласованные «Комментарии» к книгам божиим — к пророкам, с «Началами еврейского языка», и к апостолам, с «Началами греческого языка», которые открывали бы доступ к ним на их собственном языке; наконец, совершенная «Пангномика»⁷⁸, «Всеобщее разрешение трудностей», «Истребление ошибок» и другие книги, в каких со временем обнаружится всеобщая потребность. О каждой из этих книг изложу здесь же свое мнение яснее, испросив извинения у читателя, что так долго останавливаюсь на этой теме (об исправлении книг); ведь это — важнейшая часть Панортосии!

21. Панкосмия, или Панкосмография, будет совершенной, если у нас, наконец, появятся точные карты неба и земли и обоих полушарий, что станет возможным, если каждый народ тщательно и точно опишет родные земли. Из этих трудов можно будет потом составить общий обзор, чтобы каждый смертный вполне знал свое земное жилище и каждый народ умел оценить себя и своих соседей (увидев, какой частью целого он является, где находится и какими дарами природы и искусства украшен). (Стоит дать совет о названиях островов, мысов, рек, обычно называемых по имени открывателей или святых тех дней, когда они были открыты, что не имеет

никакого отношения к делу: лучше называть их именем обитающих там народов, которые необходимо называть не иначе, как они сами себя называют, — ибо почему меня кто-то должен называть Павлом, если я зовусь Яном? Почему же мне называть Мадагаскар Островом св. Лаврентия, а не Мадагаскаром?

22. Панхронология (Панхрония) ⁷⁹.

23. Панистория ⁸⁰.

24. Пандогматия будет книгой, содержащей достопримечательные мнения разных народов и выдающихся мужей этих народов. Правильно составленная, она представит тройную пользу. (1) Полное собрание древних авторов лучше рекомендовать людям более обширных познаний, а так мы дадим отведасть всем и всего. (2) Так можно будет увидеть постепенное увеличение света знаний у человечества, многообразия божних даров и силу истин, которая пробивается сквозь тьму ошибок и бредней. (3) Само множество и разнообразие заблуждений, в упорядоченном виде выведенное на свет, ясно оттенит, подтвердит и усилит сияние пансофического света. Может показаться, что ошибки предшествующих веков лучше предать забвению (см. у пророков: Ис. 43, 18; 65, 16—17; 66, 24 и Иез. 39, 12—13), но твердо стоящим в истине знакомство с чужими ошибками не может никак повредить, а, наоборот, вызовет у них благодарность за великие благодеяния божии, за великое божественное просвещение и позволит просвещенным мужам закрыть все входы для возвращения тьмы заблуждений, так что всякое издание таких книг пойдет на пользу. В них будет рассказано обо всех мыслимых человеческих изобретениях; ни одна книга ни одного мыслителя, когда бы и где бы он ни жил и к какой бы философской, медицинской или теологической школе ни принадлежал, не останется без рассмотрения содержащихся в ней учений и без проверки их пробным камнем истины; так будет собрана и объединена повсюду разбросанная истина вещей. Всякое заблуждение опирается на крупицу истины (ведь заблуждение не что иное, как извращение неверно понятой истины), и если раскрыть и устранить ошибку, оставшееся будет истинным знанием, которое надо приобщить к всеобщей гармонии истины. Это значит, что мы будем добывать золото из грязи не только у Эния, но и у Вергилия, Цицерона, Сенеки ⁸¹ и всех не знавших Бога мудрецов. Создатели Пансофии не должны будут ничего обойти: даже фантастические парадоксы надо исследовать, чтобы извлечь из них скрытую истину для тем более обстоятельного опровержения ересей и утверждения в наших умах царства вечной истины. Как против яда нет средства действенной, чем то, которое получают из обезвреженных ядовитых животных (что самой природой было связано с ядом и все-таки имело силу устоять против его действия, сохраняет силу противоядия и после перенесения в другое тело), так при отстаивании истины нет более

действенного средства, чем истина, избавленная от оков уродливых заблуждений.

25. Хорошо было бы и особо составлять каталоги закоренелых заблуждений, ныне изгоняемых силой истины, чтобы их смогли увереннее избегать все. Такой пример подал Яков Примирсий в сочинении о заблуждениях врачей ⁸². Однако каталог этот должен быть написан аподиктически, а не как было до сих пор, когда мы обличали друг друга в ошибках (философы философов, теологи теологов и т. д.), но обвиняемые не раскаивались, продолжая защищать свои заблуждения еще упрямей: делать так — значит упорчивать или даже умножать заблуждения, ибо если нелепость недостаточно доказана и из-за этого не признана, потом, при ее защите, придумываются и нагромождаются еще и новые нелепости и люди не освобождаются от ошибок, а, наоборот, тонут в них еще глубже и слепнут. {...}

26. Пансофия должна быть так усовершенствована, чтобы по сравнению с ней всё казалось хаосом и лишь она была подобна полной системе божией (systemati Dei), мирозданию (mundanae machineae). Приведенная к высшему совершенству Пансофия стала бы нормой для всех более частных книг, как произведения природы — норма для всего, создаваемого силой человеческого искусства. А формой, нормой и основой Пансофии будет умный свет, нисходящая от высших родов к низшим видам последовательность вещей. Эта последовательность достоверна сама по себе, но не всегда для нас очевидна из-за нашей невнимательности. {...} Система вещей, как она создана Богом (и в идеальном и в реальном мире), существует вечно, и она в поле зрения разума. Порядок вещей в своем нисхождении от высших родов и распределении по низшим видам не так длинен, как человеческая родословная (уходящая вглубь уже далеко за сто поколений), и насколько невозможно проследить человеческую генеалогию, настолько возможно свести роды и виды вещей к числам и порядкам. В случае удачи это будет делом несравненной красоты и пользы.

29. «Панантология», или «Гномология», будет книгой, содержащей в алфавитном порядке все изречения, кем-либо и когда-либо сказанные остроумно и изящно, с прибавлением имени автора. Например: «Храбрым судьба помогает, а робкого гонит», Вергилий ⁸³; «Каждого из нас вседозволенность портит», Теренций ⁸⁴; «Зуд диспутов — чесотка Церкви», Воттон ⁸⁵.

30. Не надо забывать и панглоттический словарь с панглоттической грамматикой, о которых подробнее говорится в Панглоттии, гл. IV ⁸⁶.

31. Каталог непознанного человеческим родом, включающий (1) уже открытое с помощью божьей; (2) подлежащее открытию и пока еще только намечающееся; (3) заблуждения, которые уже по-

беждены или должны быть побеждены силой истины, чтобы всё явило собой райскую жизнь и все увидели разлитую повсюду истину и премудрость Божию и насладились благом и блаженством.

ГЛАВА VII

Пандидаскалия,
или об универсальных
воспитателях умов,
пампедических наставниках,
способных учить всех, всему,
всесторонне;
какова необходимость в них
и каковы к ним требования

1. Надлежащим образом подготовив пампедические книги, надо будет позаботиться, чтобы ученики уносили из школы не ученые книги, но развитые умы, сердца, языки и руки и все дни своей жизни хранили мудрость не в книгах, а в своей душе, выражая ее в своем поведении. Это будет, если всех научат пользоваться книгами не как кушетками для ленивого времяпрепровождения и приятной дремоты, но как каретами или лодками для скорого перемещения туда, куда следует спешить, то есть к мудрости. Мало поэтому иметь хорошие книги, их надо усердно читать, и не только читать, но и правильно понимать, прочно удерживая в памяти содержание и применяя его на деле. Чтобы это умели все в последнем веке, веке мудрости, необходимо руководство универсальных учителей (*pandidascalorum*).

2. Но что такое, согласно пандидаскалии, универсальный учитель? Это пампедический наставник, умелый в обучении *всех* людей *всему*, что способствует совершенствованию человеческой природы, ради доставления человеку *всецелого* совершенства. Такими учителями были поставленные Христом апостолы (Кол. 1, 28), и надо позаботиться, чтобы такими же были и те, кто после апостолов берется за дело воспитания людей.

3. Этого мы достигнем, если будут соблюдены три требуемые от пандидаскалического наставника вещи: (1) каждый сам должен быть таким, каким должен делать других, (2) каждый должен владеть искусством делать других такими (3) и быть ревнителем своего дела, — словом, должен мочь, уметь, хотеть насаждать пансофию.

4. Воспитатели должны быть поэтому избранными людьми, благочестивыми, серьезными, усердными, трудолюбивыми и благоразумными — такими, каким мы хотим видеть весь народ послед-

него века: просвещенным, мирным, совестливым и святым. Именно с этой целью наставники должны быть, говорю я, *благочестивые*, до конца преданные Богу и полагающиеся на его помощь; *достойные*, совершенно беспорочные в глазах людей; *серьезные*, всё делающие с благожелательной строгостью; *усердные*, никогда не тяготящиеся своими обязанностями и не стыдящиеся их; *неустанные в труде*; наконец, *благоразумные*, ибо человеческие души — это Протей⁸⁷, и они превращаются в многообразных чудищ, если их не пленить и не связать нерасторжимыми узами порядка.

5. Чтобы делать людей такими, наставники должны знать (1) все цели своей профессии, (2) все ведущие к ним средства, (3) всё разнообразие метода.

6. Поскольку цель — мерило средств, а у каждой вещи может быть несколько целей, верные основания пандидаскалического наставничества заложит понявший эти цели и следующий в своем труде их правильному пониманию.

8. Чтобы истинно стать таким, универсальный учитель должен поставить перед своим учительством тройкую цель. (1) *Универсальность*: обучать всех всему; (2) *простота*: учить надежно надежными средствами; (3) *добровольность*: учить всему легко и приятно, как бы играючи, чтобы всё дело воспитания людей действительно можно было называть школой-игрой, — то есть, выражаясь, как говорится, короче и в трех словах, учить *всех, всему, всесторонне*.

9. Что значит это всестороннее обучение всех и всему, почему оно необходимо, возможно и легко, было достаточно подробно и основательно сказано в предшествующих четырех главах Пампедии. Поэтому, отказавшись от скучного повтора, кратко объясним, что означают эти термины, а потом на примере нескольких проблем покажем, как может и должен универсальный учитель учить все, во всех школах и по всем книгам, всеми способами.

10. Учить *всех* — значит вселять в людей всех возрастов и любых талантов более полное познание вещей. Учить *всему* — то есть всему, что совершенствует человеческую природу: знанию всего истинного, выбору всего хорошего, совершению всего необходимого в жизни и при уходе из нее. Учить *всесторонне* — значит в совершенстве, а именно (1) уверенно и прочно; (2) при всем том приятно и увлекательно; (3) быстро, то есть везде и всегда с благоразумием. Пояснив это, покажем на нескольких проблемах средства и способы, при помощи которых каждый универсальный учитель может достичь этой триединой цели.

11. Проблема I. Сделать так, чтобы каждый человек стал способен воспринимать всю премудрость божию.

Тройкий путь. (1) Позволить ему приобретать образование, насколько он может, а именно с самого младенчества; (2) воспитывать его в хорошей школе ума до тех пор, пока это возможно, а

именно вплоть до вступления его на тот или иной жизненный путь; (3) и пусть он всё это время упражняется упорно, без надрыва, старательно — и получим искомое. Причем с какой легкостью! И как это правильно и справедливо — посвятить такой школе все годы юности, на другие дела еще неспособной, чтобы никто не начинал жизнь, не умея жить для себя, для ближних, для Бога!

12. Проблема II. Придать благородство всякому получающему образование человеку.

Всякий род благородства надо показать ему на примерах и прояснить наставлениями (чтобы он не мог не понять и не полюбить его), и, наконец, подкрепить упражнением под сколь угодно долгим надзором учителей — и из любого бревна получится Меркурий (под бревном понимай всякий неразвитый талант, под Меркурием — прекрасно отточенный ум), хотя, конечно, не обойдется без различий в степени благородства.

13. Проблема III. Достичь того, чтобы каждый научился делать всё.

Обрати его чувства ко всему ощущаемому, разум ко всему умопостигаемому, веру ко всему явленному откровением — и он всё усвоит. (...)

16. Проблема VI. Учить всесторонне.

Это достижимо: (1) через постоянный параллелизм трех субстанций, т. е. через упражнение ума, языка и руки ⁸⁸. (...) (2) Через сочетание, всегда и во всем, примера, наставления и упражнения, ибо без примеров нет легкости обучения, без наставлений — основательности, без практики — прочности. Поскольку же уши верят чужим словам, глаза — самим себе, тогда как рука, язык и ум схватывают вещи непосредственно, мы должны следить за тем, чтобы слух проверялся зрением, а зрение — руками. И эта последовательность должна соблюдаться всё время, ибо (а) надо идти прямым путем к вещам, а чувство ведомо к ним примерами; (б) вещи должны всегда доходить до понимания, а до него их доводят точные наставления; (в) понимание вещи всегда должно вести к ее применению, к чему ведут повторный опыт и старательные упражнения. (3) Через усвоение полноты метода, т. е. через сочетание анализа, синтеза и синкризиса ⁸⁹. Если кто захочет ясно понять искусное устройство какой-либо вещи, например часов, он сможет сделать это, только взяв их в руки, внимательно (а) разобрав и снова (б) сложив и так запомнив, из скольких и каких деталей и частей они состоят и чему служат отдельные части. Но до конца всё он познает, только сравнив несколько разных часов и (в) пронаблюдав, что и сколькими способами в них можно изменить без изменения их существа. Так и для постижения системы вещей необходим анализ, синтез и синкризис.

Анализ — это расчленение целого на его части, первое и глубоко-

чайшее основание всякого истинного познания: что не разделено и не различено, остается спутанным и затемняет смысл, ум и само себя. В различении есть свет тroyкого рода: (1) распознавание, или различение, одного целого от других цельностей; (2) разложение целого на части; (3) распределение целого по его видам. Анализ нужен не любой, а точный, иначе наблюдение вещи останется ущербным, а познание неясным, ненадежным, ложным. Сравни анатома и мясника. Оба рассекают животных, но какова разница! Анатом разделяет его по членам, по жилам и суставам, не допуская разрыва связанных частей и переплетения несвязных; мясник рубает члены как попало, рассекая жилы и деля на части по произволу. Отсюда — различие результатов в познании самой вещи: анатом после одного или двух вскрытий знает всё строение тел, мясник никогда не постигнет мастерства природы, разрубив даже тысячу туш. Такая же разница между теми, кто анализирует вещи, руководствуясь самими вещами, и теми, кто делает это произвольно. Ибо первые несут свет разуму, внимательно рассматривая вещи мысленным оком; другие разрушают их, внося насилие, темноту и фальшь. Известное изречение «Кто хорошо различает, хорошо учит» настолько правдиво, что мудрейший из философов Сократ (по свидетельству Платона) говаривал: «Если бы я нашел путеводителя, который умеет расчленять вещи, я шел бы за ним, как за Богом» — так высоко он ставил умение расчленять вещи по их собственным «жилам». Итак, анализом вещей мы должны заниматься тщательно и как бы благочестиво.

Синтез — это возвращение частей к исходной цельности; правильно проведенный, он крайне полезен для прочного познания вещей. От наблюдения над одними частями нет никакой пользы, и нелегко понять, чему служит каждая; наоборот, приведенные в надлежащий порядок и взаимно связанные, они сразу обнаруживают и подсказывают свое употребление, как видно на примере разобранных и снова собранных часов.

Наконец, *синкрисис* — это необходимое сопоставление частей с частями и целого с целым. Он ярко освещает познание вещей и до бесконечности умножает его, ибо понимание вещей по отдельности (чем обычно бывает занята толпа) есть нечто частичное; наоборот, понимание гармонии мира и всеобщей соразмерности всего со всем вносит в умы ясный и широко разливающийся свет.

18. Проблема VIII. От тьмы крайнего невежества надежным путем привести человека к свету яснейшего познания.

(1) Зажги для него все факелы, то есть преподнеси ему вещи, проуди врожденные понятия и заставь его услышать, что Бог говорит обо всем этом. (2) Открой ему глаза на все, то есть обрати чувства к вещам, разум к понятиям, веру к божиим свидетельствам. (3) Веди

его постепенно, чтобы общее познание предшествовало более дробному, цельное — частному, слитное — раздельному, пока он не придет к самому дробному, самому частному, самому раздельному. Ибо невозможно иначе внедрить внутренний свет в умы, как показано на примере исцеления слепого (Марк. 8, 24—25), который сначала видел проходящих людей, как деревья, и только потом стал различать их. Итак, если возьмешь все *чувственно постигаемое*, весь мир, и все *умопостигаемое*, весь круг идей, и все *предметы веры*, всю совокупность откровения, и будешь идти (показывая ему) от первого к последнему, от высшего к низшему, от наибольшего к наименьшему, то придет ярчайший свет премудрости. Учение может начинаться с чего угодно, это не важно, лишь бы оно начиналось с наиболее известного, чтобы можно было идти от ближайших вещей, познавая их, вплоть до самых отдаленных и от самых малых через более крупные к величайшим. Например, азбуке и чтению новичок может научиться, начинает ли он от *а*, или от *я*, или от какой угодно буквы, лишь бы он научился сначала узнавать все буквы, потом складывать их в слоги, потом в слова, слова в предложения и т. д. И во всем остальном пусть тоже будет так. Как во всем мире не существует столь маленького источника и вытекающего из него ручейка, чтобы он не смог довести тебя, если ты захочешь за ним следовать, до стечения более крупных потоков, а в конце концов и до моря, так ни одно начало познания не бывает настолько незначительным, чтобы не смогло, слившись с другими, расширить реку познания и в конце концов довести тебя до глубин человеческого всеведения, если у тебя будет желание следовать за ним.

21. Проблема XI. Достичь, чтобы каждый воспитуемый получал основательное образование и не мог разучиться и вернуться к невежеству.

Разумеется, ни один умелец не в состоянии устроить так, чтобы в его работе не было неудач; как же возможно безошибочное воспитание такого разностороннего, сложного, непостоянного создания, как человек? Надо помнить, что об этом говорит Господь (Иер. 18, 1). Но все-таки надо стремиться к тому, что если кто-то, воспитываясь под нашим руководством, испортится или развратится, то не по нашей, а только по своей вине. И здесь тоже, как во всяком другом деле, умение и забота способны лишь удерживать человека от всего совращающего и соблюдать его в условиях, которые способны его сохранить. Человеческая природа всегда в движении, словно мельничный жернов; удаляй от ума ложное, от воли злое, от действий суетное и смотри за тем, чтобы человеку всегда преподносилось действительно истинное, действительно благое и действительно полезное: так можно будет предупредить порчу, если Бог откликнется на моления о даровании благодати.

22. Проблема XII. Достичь, чтобы изучаемое изучалось в совершенстве.

(1) Никакого однажды начатого учения не бросай, пока оно не доведено до конца. (2) Пусть всякое обучение совершается через теорию, практику, то есть применение⁹⁰, наставления, примеры, употребление. Наставления пусть будут немногочисленными, но ясными, примеры многочисленными и отвечающими предмету, практика многократной, вплоть до приобретения привычки.

23. Проблема XIII. Достичь, чтобы человек не забыл того, чему однажды научился.

Бог одарил человека столь способной к обучению природой, что ему всегда труднее забыть выученное, чем выучить. Недаром Сократ мечтал об искусстве забвения, а не запоминания, потому что он легко запоминал увиденное и услышанное, но не вспоминать о всем неблагоприятном, что видел, не мог, как ни старался. Тем не менее память не отвергает и искусства легкого запоминания, прочного удержания в памяти и скорого воспроизведения запомненного или, по крайней мере, легкого припоминания того, что выпало из памяти.

24. Проблема XIV. Всему обучать основательно.

(1) Ничего без чувственного восприятия, чтобы удостовериться в существовании вещи. (2) Ничего без разумения, чтобы было ясно, почему вещь такова и не может быть иной. (3) Ничего без свидетельства слова божия (в важных вещах), чтобы удостовериться, что наши чувства и разум не обманывают нас. При всем этом, однако, надо заботиться о следующем. (1) Не следует доводить до чувственного восприятия то, в чем есть что-то опасное или неблагоприятное. (2) Не следует приводить доводы разума везде, а только там, где необходимо. А необходимо это только в вещах сомнительных. (. . .) (3) То же самое и со свидетельствами: их надо привлекать, но лишь где требует дело, иначе они будут помехой и задержкой.

25. Проблема XV. Всему учить легко.

Это получится, если будешь следовать нижесказанным советам. В отношении времени: (1) начинай заблаговременно, (2) учи непрерывно, (3) поощряй продолжительность практики ее увлекательностью. В отношении пособий: (1) все должно быть заранее подготовлено, (2) все должно быть под рукой, (3) все должно быть максимально простым и естественным. В отношении предметов: (1) все сначала дай воспринять чувствами, (2) потом испробовать на практике, (3) только потом расскажи обо всем. В отношении постепенности: (1) сначала походя и в общих чертах — целое, (2) потом обстоятельнее и подробнее — части, (3) и, наконец, всё — максимально подробным и точным образом.

26. Проблема XVI. Достичь, чтобы люди учились всему с удовольствием.

Дай человеку понять, (1) что он по своей природе *хочет* того, стремление к чему ты ему внушаешь, — и ему сразу будет радостно хотеть этого; (2) что он от природы *может* иметь то, чего желает, — и он сразу обрадуется этой своей способности; (3) что он *знает* то, что считает себя не знающим, — и он сразу обрадуется своему знанию. В самом деле, природа человека устроена так, что чувство, разум, воля и все способности постоянно ищут себе пищи. Если откажешь в ней, они печальятся, вянут, блекнут, гибнут. Если заботливо подашь ее, они возрадуются, процветут, взбодрятся и будут способны ко всему. Наконец, если ты чересчур загрузишь их, они одеревенеют, придут в упадок, нарушатся. Следовательно, требуется только благоразумие, чтобы умело предоставить зрению свет — и все, что желаешь, перед ним озарится; разуму истину вещей, воле благо, силам и способностям материю и инструменты, — и увидишь, как зрение и другие внешние и внутренние чувства всё схватят, воля увлечется и все части организма найдут себе применение.

27. Проблема XVII. Учить так, чтобы нельзя было не понять все, чему учат.

Насколько легко обучить ребенка чтению и письму, настолько же и всему остальному, если сделать все (1) одинаково механическим⁹¹ и расчлененным, (2) выведенным из немногих первоначал, (3) ступенчато расположенным, чтобы все предшествующее открывало путь последующему. Соответственно всеобщим учителем⁹² станет всякий, кто (1) сначала покажет ученику вещь в целом, чтобы перед его глазами предстало все подлежащее изучению, (2) потом разложит ее на части, как раскладывают механизм, чтобы можно было отчетливее рассмотреть эти составные части, (3) и, наконец, заставит ученика подражать, то есть показывать и именовать то же самое в теоретических предметах или делать — в практических. Что здесь надо соблюдать: (1) Необходимо непрестанное руководство. Ни одна первая попытка не должна происходить без руководителя, потому что неопытным и делающим первую попытку легко ошибиться, даже в простых вещах, а ошибка всегда приносит с собой если не опасность, то труд возвращения туда, где она началась. Лучше не продвигаться вперед, чем продвигаться плохо и снова возвращаться далеко назад. Поэтому новички в отсутствие учителя, который бы их направлял или исправлял, пусть лучше играют и восстанавливают силы, чем, предоставленные себе, утомляют себя по неопытности и только учатся ошибкам. (2) Первые опыты должны быть пускай медленными, но тщательными, последующие — более свободными. Ведь

каково начало, таково всё: последующие упражнения придают разве что уверенность и быстроту. (. . .)

Проблема. Сделать людей многознающими.

Троякий путь: (1) чтение многих авторов или книг, что при старании придает ученость⁹³; (2) разнообразные опыты и попытки, что придает опытность и умение; (3) понимание идей, благодаря которым как общее, так и частное с необходимостью должно быть таким или другим, существовать или не существовать; это придает мудрость. *Первый* путь — легчайший, но окольный, на нем много распутий, грозящих блужданием; его основа — рассказ о вещах, то есть свидетельства и авторитет, а также необходимая в отношении их вера. Обученные на этом пути подобны тем, кто поддерживает свою жизнь выпрошенным как милостыня хлебом. *Второй* путь труднее, но надежнее, потому что опирается на свидетельство чувств, которые не обманывают, если правильно ими пользоваться. Но и этот путь тоже окольный из-за краткости жизни, которой едва достаточно для обучения даже какому-то одному искусству. Примером может служить химия и т. д. Обучающийся на этом пути подобен тем, кто покупает хлеб за любую цену. *Третий* путь самый трудный, но при правильном образе действий самый короткий, самый увлекательный и надежный; идущие по нему подобны тем, кто, возделывая землю, имеет постоянный доход хлеба, воды, вина, золота и всех благ. Таково, однако, знание Бога, который от века видит и созерцает все во всем, а также большей части ангелов, без трудных рассуждений и умозаключений понимающих все. Таково знание пророков и возвышенных мудрецов, постоянно выражающих мир в символах и по-разному в разных обстоятельствах представляющих его своему и чужому пониманию. Что касается нас, то мы должны сочетать эти пути, хотя и ступенями. Пусть люди сначала учатся верить и следовать чужим чувствам, потом опираться во всем на свои и, наконец, вырабатывать отвлеченные понятия вещей. Поступающий таким образом будет многознающим, опытным и мудрым.

Итак, ты хочешь научить ученика многим вещам? (1) Возьми восприимчивого и учи. (2) Возьми сколько необходимо времени (а год научит большему, чем месяц) и ни одной его частицы не проводи впустую. (3) Преподноси чувствам, разуму, воле, способностям многое и многообразно, вперемешку со множеством увлекательного — и увидишь, что он сделает большие успехи. Хочешь научить всему? (1) Возьми дарования всеобъемлющие, способные ко всему и жаждущие знаний; (2) время — всё, то есть все годы юности, а то и жизни; (3) учи постепенно, каждый день чему-либо, пока не останется ничего неизученного. Человеческий ум создан ведь способным охватить все, будучи образом бесконечности, но только конечным способом; поэтому он не охватывает

всего сразу, а лишь по частям, одно за другим, зато в такой последовательности способен на все. Короче: хочешь, чтобы человек знал все? Проведи его по всем театрам божиим, и он будет знать все. Хочешь, чтобы он волил благо? Покажи ему различие добра и зла. Хочешь, чтобы он все мог? Упражняй его способности во всем возможном и должном, и он приобретет умение. Парадокс: хочешь, чтобы твой ученик знал много и основательно? Научи его многого не знать, а именно тех пустых вещей, которыми занята толпа.

28. Проблема XVIII. Достичь, чтобы все обучение происходило добровольно.

Это получится, если мы будем учить (1) всему с надеждой научить чему-то новому: нет человека, который был бы не рад чему-то новому научиться; (2) всему приветливо, чтобы нравилось слушать: нет человека, который не любил бы так учиться; (3) всему открытым и безобманным показом: нет человека, который хотел бы быть обманутым; (4) всему через самоличное рассмотрение: нет человека, который не верил бы себе больше, чем другим; (5) всему через самостоятельность: нет человека, который предпочитал бы следовать чужой, а не своей воле; (6) всему через применение собственных сил, т. е. через собственные попытки и опыты ученика; (7) всему вплоть до достаточности, когда ученик признаёт, что он во всех отношениях удовлетворен.

29. Проблема XIX. Все школы-каторги, школы-мастерские превратить в места игр.

(1) Надо использовать подходящие моменты времени сообразно возрасту: пусть ничего не делается (и не предпринимается) не в тот момент, когда сама природа начинает приносить плод; хотя, собственно, единственно только и требуется помочь ей в ее родах. Всякая школа может стать универсальной игрой, если мы постараемся верно и мягко упорядочивать природные инстинкты, когда они сами проявляются. Ведь природа человека как бы сама призывает его к тому, что свойственно человеку; в таком случае разве не легче только направлять, не запрещая, чем запрещать? Разве детям не нравится скакать на длинной хворостинке? строить маленькие домики? собирать войско? строиться в боевые ряды? проводить сражения? избирать вождей? распределять должности? устраивать между собой суды и так подражать государственному устройству? Иные пускаются говорить речи, устраивают похороны и т. д. Здесь с полной ясностью обнаруживается и то, куда увлекает каждого его природа, и то, что надо лишь не предоставлять ребенка самому себе, а с благоразумием наставлять его. Хочет ездить верхом? Покажи ему узду, седло, попону, шпоры, назови их — он играючи научится искусству верховой езды. Хочет строить? ловить рыбу? воевать? Покажи ему инструменты

и орудия, объясни их применение — научишь его строительному искусству и т. д. Хочет управлять государством? Пусть; перечисли ему названия должностей и их степени, покажи порядок и формулы судопроизводства — и ты во все его посвятишь. Итак, надо во всем выжидать случая и повода для воспитания юношества, не забегая вперед; начинать в пору, не прежде времени, когда мы не поможем природе, а расстроим ее. В самом деле, как ничья мать не могла никого родить прежде времени, и нельзя было заставить ее родить, так никакая душа не может породить из себя разумение прежде времени, или это будет уродец. Всему свое время. Глупа повивальная бабка, если слишком подгоняет роженницу (словами или лекарствами): она загубит или мать, или плод; но едва ли можно что загубить, если предоставить всему свое время. Так птенец никогда не сломает себе лапки, пока лежит в гнезде; но преждевременно вылетевший или выброшенный из гнезда, может сломать. Скорее, наоборот, придется укрощать излишнюю жажду знаний, как мы иногда сдерживаем у детей склонность разбрасываться, чтобы чрезмерная любознательность не нанесла им вреда. Хотя здесь погрешности воспитания встречаются реже, однако они встречаются у менее рассудительных наставников, желающих поскорей сделать из своих учеников ученых или философов; чрезмерно перегрузив, они или погубят их, или сделают из них глупцов и безумцев. Не следует ничего предпринимать наперекор Минерве: чего она сама не вырастила, того и нам не даст взрастить; зато она достаточно ясно обозначает, что хочет взрастить сама. В этом смысле истину говорит Катон: «Природа — лучший водитель»⁹⁴; и Цицерон: «Если следуем водительству природы, никогда не заблудимся»⁹⁵; и Сенека: «Надо держаться пути, предначертанного природой, и не отклоняться от него. Для следующих ей все легко и все к стати; для живущих наперекор ей путь так же труден, как для плывущих против течения»⁹⁶. А как узнать, досрочли ли дети до тех или иных занятий? Делай или попроси других делать у них перед глазами то, чему ты хочешь, чтобы они подражали. Если они будут внимательно следить и примутся за подражание, разреши им это. Если подражают с жадным увлечением и ошибаются, исправь. Если, исправляемые, они все равно хотят действовать, знай, что природа уже готовится к своим родам и, не медля, учи, веди, исправляй: дело само пойдет. Если мы будем соблюдать это правило (а мы должны его соблюдать), нам придется в младенчестве упражнять главным образом внешние чувства, потому что в этом возрасте они формируются и максимально обращены к своим предметам; в детстве — память, потому что тогда она всего сильнее; в отрочестве — рассудительность; в юности — чистый разум; в зрелости — практику и обращение с вещами.

(2) Впрочем, надо разжигать и жажду познания, чтобы все делалось только с удовольствием. Тогда для желающего ничего не будет трудным, потому что, как говорит Августин, в любимом деле или не ощущаешь трудности, или сама трудность приятна. А как возбудить эту жажду? Как похвалами изучаемой вещи, так и увлекательным представлением ее для (а) самостоятельного наблюдения, (б) самостоятельного обсуждения, (в) самостоятельного обращения с ней и (г) самостоятельного применения ее: надо продемонстрировать все ученикам, чтобы они видели собственными глазами (и воспринимали другими чувствами), потом надо вместе с ними всё назвать, затем сделать (а эти маленькие обезьянки любят подражать) и, показав, какое применение имеют полученные знания, позволить попытку их применения. Невозможно, чтобы такая работа не стала приятной даже и для сонных натур. О, какое это универсальное средство против скуки — во всем быть активным. Той же цели (т. е. поддержанию жадной увлеченности) служит и умеренность: ничего слишком! Заслуживает справедливого упрека чрезмерное рвение некоторых учителей, которым они утомляют умы своих учеников, занимая их серьезными делами с утра до вечера. Нечто подобное читаем о Сократе, который, говорят, созерцая или пытаясь уловить природу солнца, иногда простаивал от самого восхода до заката, не двинувшись с места, обратив взор к светилу, погрузившись в мысли, как бы отделившись душой от тела (см. Геллий I, 2, 1). (. . .)

(3) Надо всегда начинать с вещей первых и простейших и продвигаться к высшим и завершающим; также от легчайших к более трудным, вплоть до овладения труднейшими; от мельчайших частностей через малые сочетания до совокупностей любого объема. Например, в искусстве чтения от (а) алфавита (б) через слоговые таблицы (в) к словам, словосочетаниям, высказываниям, текстам и т. д. Так же и в арифметике, и где угодно новичку всегда всего полезнее начинать с очевиднейших вещей.

(4) Надо продвигаться вперед (особенно вначале) медленно, чтобы дети не почувствовали возложенного на них труда, а увидели бы, что потрудились, только завершив работу.

(5) Все постепенно. Как, вынув из лестницы хотя бы одну ступеньку, не говоря уже о двух или трех, ты сделаешь спуск с нее трудным и опасным и создашь угрозу падения, так и здесь: система вещей едина и так взаимосвязана повсюду, что разрывов нет, и для упорядоченного движения среди вещей не встретится ничего совершенно непривычного, а всегда — лишь ожидаемая и с необходимостью следующая новая ступень того, что уже было раньше. Познание вещей в человеческой душе должно совершаться в такой связи и совершенном сцеплении, чтобы подростку, юноше, мужу не представало ничего неожиданного, а только более частные вы-

воды из того, что уже было познано раньше. Соответственно корни всего должны закладываться в младенчестве, пока дети как бы незоснательны и ничего не замечают, а когда начнут сознавать, то увидят, что у них уже есть (а) жизнь, (б) здоровье, (в) энергия, (г) умение действовать, (д) нравы, (е) благочестие.

(6) Надо всегда сочетать примеры, наставления и практику, о чем говорилось выше.

(7) Надо учить через постоянный параллелизм тройкого бытия, то есть упражняя сразу ум, язык, руку (смотри выше!).

(8) Надо все осуществлять в игре и соревновании, сообразуясь с возрастом в школе детства, отрочества, юности и т. д. И как *Введение в языки* сведено у нас к восьми сценическим диалогам, так и все остальное во всех школах и классах можно свести к театральному сценарю, к самостоятельному рассмотрению и самостоятельному исполнению, даже всю Пансофию. (...)

Примечание о соревновании. Просто непостижимо, на что способен человек, если он соревнуется с другим в силе и умении, если он и сам тоже берется за тщательно обдуманное заранее дело и если верит, что для осмотрительной предприимчивости все доступно. В нас, смертных, есть божественная бессмертная сила, для которой нет ничего недостижимого, ничего недоступного, которая рада без усталости и скуки проникать во все, лишь бы ее не покидало благоразумное руководство. И если правильно понято одно лишь истинное основание вещей, то понято бесконечно многое, как, однажды подготовив хороший инструмент, можно сработать бесконечное множество вещей, имея крепкие ноги, можно пройти бесконечное множество дорог, имея зоркие глаза, можно сделать бесконечное множество наблюдений, а имея бойкий язык, можно произнести бесконечное множество речей и т. д. Короче, природа (или творец природы) позаботилась, чтобы у нас не было ни в чем недостатка, если нет недостатка воли. И обычное у поэтов призывание муз есть не что иное, как пробуждение заложенных в нас божественных дарований, обострение памяти, подстегивание ума и т. д.

(10) Надо применять мягкую и умеренную дисциплину, без насилия. О ней — в следующей проблеме.

30. Проблема XX. Достичь, чтобы дисциплина не отпугивала учеников от учения.

К этому можно прийти тройким путем. (1) Надо избегать того, чтобы появлялась нужда в дисциплине и наказании. Этого достигнешь, если будешь привлекать к учению простой похвалой дисциплине, питая чувства желанной пищей знания и не перегружая никого чрезмерной тяжестью уроков. (2) Надо умело применять меры, чтобы даже дисциплинарное взыскание не было слишком неприятным: действуй осторожно, благоразумно, умеренно, без

свирепости, показывая любовь даже в самом наказании, начиная всегда с легкой его меры — увещания, порицания и т. д. (3) Надо наказывать не за неспособность или за нежелание учиться (если каким-то образом ученье стало скучным), а только за упрямство, когда ученик и после наставления поступает неправильно, и с единственной целью, чтобы он понял зло своеволия и в следующий раз остерегся. Не без причины школа именуется игрой (*ludus*), а для напоминания, что все в школе-игре должно служить радостной увлеченности; ведь разве бывает в игре место гневу, желчности, кулачному бою, ремню? Даже в школах, где обучают ремеслам, такое не применяется, так неужели в школах благородных наук и искусств дело должно обстоять хуже? Никогда! (. . .) Все сказанное о легкости и увлекательности учения можно свести к нижеследующему. Корни учения горьки, но плоды сладки, сказал мудрый Сократ. Это мы обычно и узнаем на опыте. Однако надо посмотреть, нельзя ли усластить и корни? Это явно возможно, (1) если устранить из обучения скуку и страх, (2) если все сделать прозрачным и как бы самопроизвольным, (3) если все одобрить к тому же увлекательностью. *Первого* достигнете, (а) изгоняя дурные, уродливые примеры и всегда насаждая прекрасные, добрые, приятные; (б) обучая всему легко, мягко и с очевидностью для чувств; (в) применяя более мягкие наказания, чем до сих пор было обычно. *Второго* достигнете, (а) выжидая случай, когда сама природа, тяготеющая к тому или другому занятию, укажет пору (как образуются почки или цветы); воспитатель — просто слуга природы⁹⁷, так прочь опрометчивая спешка и насилие, пусть управляющий оглянется на управляемого (нельзя впрягать в повозку неокрепшего жеребенка); (б) продвигаясь постепенно (невзирая на жадность ученика), не перегружая природу («спеши, не торопись»); (в) скорее придерживая ученика, чтобы тем еще больше разжечь в нем стремление. О *третьем* — увлекательности — смотри следующую проблему.

31. Проблема XXI. Сделать так, чтобы чувства, ум, руки ученика все схватывали быстро.

Преподноси ему свободно и без принуждения все, что желаешь, и смотри, чтобы преподносимое не было туманным, путаным или тяжелым, но простым и ясным. Умело предлагай ему подходы к пониманию — и он быстро усвоит все.

32. Проблема XXII. Всему научиться быстро.

Не гонись за всем по отдельности, но (1) сперва правильно усвой основы, (2) менее полезное отставь, (3) остальное, если оно расплывчато, еще раз сконцентрируй. Если будешь постоянно идти таким образом, то за краткое время сможешь невероятно много освоить чувствами, умом, руками. Пусть послужит примером Александр Великий, который за кратчайшее время столько совершил,

потому что нисколько не медлил: покорив город или народ, он не задерживался и не останавливался (в противоположность тому, как вел себя Ганнибал в Кампании), но неизменно устремлялся дальше и дальше. И он брал не каждый отдельный город, не каждую крепость (на это не достало бы жизни), а только основные: после захвата главных остальные сдавались сами. Лишь скоропостижная смерть, прервав победоносное шествие, помешала ему стать победителем над всем миром. Чтобы этого не случилось с нашими маленькими Александрями, прежде всего надо постараться о продлении или, по крайней мере, о сбережении их жизни. Но есть и методические приемы, благодаря которым все облегчается: ведь все связано как бы единой цепью, ничто не противоречит этому общему правилу, всё течет, словно в едином потоке, и самопроизвольно стекается в одном месте. Даже смерть не в силах прервать стремление к премудрости, наоборот, способствует ему, ведя к вечному совершенству тех, кто уповал на вечность. Если же это стремление к полноте премудрости все-таки ограничивается временем нашей земной жизни и если даже всестороннее упорядочение вещей не обеспечивает их усвоение более медлительными умами, то все равно давайте поступать так, как поступал Александр, и посвящать свои силы главным образом главному; тогда остальное будет вынуждено или добровольно сдаться, или, по крайней мере, вести себя смиренно, и мы захватим верховную власть! А главным пусть будут у нас начала познания, потому что, если они верно установлены и поняты, остальное проясняется само собой. Их-то и надо прежде всего как следует привить ученикам. Если хочешь иметь сад, цветущий и плодоносный, нет необходимости в тяжком труде доставления деревьев, кустарников и трав из других мест: надо только посеять семена и привить черенки растений к добрым саженцам; благодаря солнцу и теплу само все прорастет и год от года будет становиться пышнее. Точно так же, если правильно заложить начала познания, само собой прояснится бесконечное множество вещей. Опять-таки: хочешь, чтобы твой ученик знал много и основательно? Научи его многое не знать — а именно те пустяки, которыми занята толпа.

33. Проблема XXIII. Сделать так, чтобы учебные книги были полезны учащимся.

(1) Пусть всякий раз, приступая к новой книге, учитель начинает с исправления типографских ошибок, если они есть: по дурному экземпляру дурно учатся. (2) Не надо бросать книги ученикам просто так, словно кости собакам, но следует подражать добросовестным кормилицам, которые дают беззубым младенцам предварительно разжеванную пищу: и там и здесь следует снизойти к незрелости. (3) Это получится, если будем всегда учить, (а) надлежащим образом показывая заранее образец, (б) объясняя

способ воспроизведения, (в) поправляя при неудачах и предупреждая об ошибках. Делай так всегда.

Для примера: (1) в науках понимание вещей доведи до чувства, представив вещь зрению, слуху, осязанию и т. д. с объяснением того, как все происходит, и проверкой правильности понимания. (2) Сходным образом поступай в искусствах и практических умениях: сам покажи, как все надо делать; вели подражать и сам покажи пример; за хорошее подражание похвали; ошибающегося поправь, но без гнева. (3) В филологии, уча языку, сам сперва все произнеси, а ученик потом пусть подражает, пока не научится. И, главное, пусть не бросает дела, за которое взялся, пока не одолеет его. (4) В первую очередь надо соблюдать это первое правило: всех и всесторонне надо приучать к членораздельному, отчетливому, ясному (а) восприятию вещей, (б) их словесному выражению, (в) практическому воспроизведению. В этих трех делах мы и совершаем всю жизнь ошибки, потому что спутанно воспринимаем вещи, принимаем одно за другое и т. д., откуда столько смуты и столько недолжного в человеческих помыслах, речах, делах и всей жизни. Лекарство от этого зла надо искать только в первоначальном воспитании, и нет лекарства действенней, чем вышесказанное расчленение на части и приведение в систему вещей, речей и помыслов.

34. Проблема XXIV. Всему обучать по порядку и постепенно.

Это получится, если учить сперва первоочередному, во вторую очередь — вторичному. Общеизвестны слова Горация: «Всех превзошел, кто сумел смешать приятное с пользой»⁸⁸. Справедливо — если выше приятного и полезного ставится благородство, благочестие и святость. В самом деле, за первыми двумя толпа и сама наперебой гоняется, этому нас не надо учить: каждый достаточно стремится к ним по собственному побуждению. Внедрять надо прежде всего третье: чтобы всякий человек, уважая свое высокое достоинство, старался не только о приятном и полезном, но, главное, о благородстве и добродетели. Здесь должна быть основа, цель и существо всех наших намерений и действий. Польза пусть будет дополнением к добродетели, чтобы сделать ее лучше, удовольствие (если оно возможно) — чтобы сделать ее и лучше и притягательнее. Так что надо исправить Горация следующим образом:

Первою быть должна ступень добродетели: польза
Следует пусть за ней; о приятном — третья забота.

А мир всё это извращает, сумасбродно ставя первое на последнее место.

Итак, на первом месте должно быть *благочестие*, питание души; на втором *добрые нравы*, закон человеческого взаимообщения; на третьем *познание*, пища таланта. *Благочестие* должно

прививаться прежде всего, потому что в нем — обетование земной и будущей жизни. (. . .) Второе место после благочестия должны занять *добрые нравы*, полезные в течение всей жизни для общения между людьми. О них распространенное изречение: «Кто успевает в науках и отстает в нравственности, тот больше отстает, чем успевает». Здесь больше всего следует заботиться о том, чтобы все с ранних лет привыкали не к безделью, а к трудам и к усидчивости. Школы только тогда заслужат названия мастерских настоящей человечности, когда будут приучать молодежь не к праздности, а к трудолюбию и воспитывать не просто отвлеченных созерцателей, не словоохотливых говорунов, рассуждающих о любой, даже плохо понятой, вещи, не утонченных умельцев приводить доводы в чью угодно пользу, а, скорее, энергичных деятелей и осмотрительных распорядителей, опытных в неоступной деятельности и в умении правильно исполнять порученные им дела. Пусть общественные школы станут общественными *лабораториями* (*laboratorium*), гимназиями, где занимаются полезнейшими для жизни упражнениями как действенным лекарством против той вульгарной неупорядоченности, которую большинство смертных выносит из школ и в которой пребывает потом всю жизнь, по известному сетованию Сенеки: «Большая часть жизни протечет в дурных делах, большая — в ничегонеделании, вся жизнь — в делании не того, что должно». Наконец, *познания*, сладостная наука, и питающая и развлекающая человеческие умы, — почему они на последнем месте? Ответ. Разумеется, прекрасно знать многое, а по возможности и все. Недаром сам Бог посадил в рай дерево познания добра и зла, такое приятное для глаз и вожделенное, что прельстило своим видом Еву, которая неосторожно приблизилась к нему. Но для нее лучше было смотреть на дерево жизни и жить, наслаждаясь им, чем пренебречь всем и погибнуть, сорвав плод. Прекрасное вредно, когда к нему стремятся ради него самого. Поэтому смертные должны упорней искать древа жизни, чем древа познания добра и зла, если мы не хотим вечно падать и блуждать; и сначала надо вместе с Соломоном молить о сердце, послушном Господу, чем вместе с тем же Соломоном пускаться в рассуждения о различении природ. Сам небесный Соломон, Христос, показал пример в своем человечестве: его первой заботой было совершенствование в премудрости и любви божественных, а не человеческих; сначала он достигал совершенства в познании закона божия и подчинении себя Богу (когда ему едва исполнилось 12 лет), а не в подчинении природы — себе (на 30-м году жизни). Как слепой сидит во тьме, светло ли вокруг или темно, так нечестивый погружен во тьму, есть ли у него знание, свет ума, или нет.

Далее, пампедический наставник должен соблюдать возрастные ступени, то есть знать, чему человеку следует учиться в лю-

бом возрасте. Основа этого подхода — знание ступеней познания вещей, которых три. (1) *Интуитивная*: когда познаваемая вещь, непосредственно представляемая чувствам, запечатляет свой образ в человеческом уме, например, когда, видя звезду Юпитер, я одновременно узнаю от кого-нибудь ее название. Здесь сходятся три вещи: предмет представления, его образ и представляющий. (2) *Сравнительная*: когда ранее познанная вещь сопоставляется с ней же самой, появившейся вторично, или с другой, подобной, и мы соображаем, та же это вещь или другая, например, когда, видя новую звезду, подобно Юпитеру, я сомневаюсь, та же это звезда или другая, и прихожу к тому или иному выводу, сопоставляя размер, цвет, место, время (причем наличие Юпитера в этом случае необходимо). Здесь сходятся равным образом два предмета представления, два образа (ранее известный и новый) и представление (воображение). Способ этот — начало умозаключения: подобное высказывается о подобном, различное о различном, противоположное о противоположном, поскольку вещи, совпадающие (или не совпадающие) с чем-то третьим, совпадают (или не совпадают) между собой. (3) *Ступень узрения идей* (ideativus): когда на основе совершенного познания идеи вещей сразу познаются и расцениваются с точки зрения их отстояния от совершенства все вещи, более или менее причастные этой идее. Здесь — тоже три момента: (а) *идея*, (б) одна или много *вещей*, причастных этой идее, (в) *ум*, их сопоставляющий и познающий. Этот способ высший и наиболее озаряющий, а потому последний и поистине пансофический. NB. Эти три ступени можно назвать также познанием (а) *отдельного*, поскольку здесь мы приходим к познанию одной вещи, (б) *взаимосвязанного*, поскольку эта ступень приводит нас к познанию обеих сравниваемых вещей, (в) *целостного*, поскольку эта ступень дает нам познание всех вещей, каким-либо образом причастных идее. Соответственно первая ступень приличествует раннему, младенческому и детскому возрасту, вторая — отроческому и юношескому, третья — молодому, зрелому и, наконец, старческому, когда формируется совершенное суждение о вещах, все равно, высказывается ли оно открыто или в притчах, иносказаниях.

Случай. Что делать, если кто-то окажется абсолютным противником просвещения, упрямым, ожесточившимся до нетерпимости к каким бы то ни было добрым советам и увещаниям? *Ответ.* Говорят, бывают такие дикие и неукротимые лошади, которые хотя и позволяют поймать, вести и оседлать себя, однако никак не соглашаются войти в стойло, и все-таки их вводят с помощью уловки, завязав им глаза; не зная, куда их ведут, они следуют за коноводом. Если это верно и если среди людей тоже находятся дикие упрямы, не допускающие обучения, то почему нельзя подражать

той же уловке? Тут, однако, возникают три вопроса: (1) как уловить необузданного, отвергающего обучение человека? (2) Как ему завязать глаза, чтобы он не вырвался? (3) Как потом довести его туда, куда мы хотим? *Ответ на (1)*. Человека можно уловить только уздой его собственного сердца, то есть с помощью врожденного ему желания какого-либо добра, дав ему возможность надежного обретения, пользования и наслаждения, если он пожелает пойти за нами (в подражание Павлу, Деян. 17, 23). *Второе* получим, лишив его всех авторитетов, то есть всякой оглядки на примеры, на то, что другие говорят или не говорят, делают или отказываются делать, на что надеются или не надеются: пусть он изберет себе водителем самого себя и свет собственных врожденных понятий, инстинктов и способностей; тогда он тем легче откажется от прочих водителей и, получив возможность самостоятельно судить обо всем, уже не будет бояться, что кто-то ведет его против его воли. По достижении этого всё остальное воспитание будет протекать уже легче, если будешь вести его с неизменной постепенностью, неспешно и спокойно, чтобы он нигде не заметил никаких разрывов [в доказательности преподносимого ему], не воспротивился и не отпрянул. Для этого никогда не говори ему ничего идущего вразрез со всеобщим и врожденным каждому человеку светом; видя, что он во всем руководствуется только своим же собственным здравым смыслом, он пойдет за тобой без колебаний по пути, который ему показывают и о надежности которого свидетельствуют его собственные глаза, пока не придет в стойло *высшего блага*, истинно познанного и истинно вкушаемого (то есть к жизни в согласии с полнотой премудрости). Там, в области света и радости, его можно будет уже отпустить на свободу. Так мы и пытались продвигаться в Пансофии и в других местах; насколько правильно, рассудят знающие, подтвердит само дело и развернут в подражании пампедические наставники.

Все сказанное выше в трех главах об универсальных школах, книгах и учителях послужит основой изложения также и в последующих главах, говорящих о том, как для каждого человеческого возраста необходимо учредить свои школы, создать свои книги и поставить своих наставников, чтобы все было пампедическим, т. е. служащим всестороннему совершенствованию всех людей.

ГЛАВА IX

Школа младенчества,
материнское попечение,
или о заботливом воспитании
человеческого потомства от рождения
приблизительно
до шестнадцатилетнего возраста

Определение. Младенец есть поворожденный человек, только что вступивший в мир, во всем неразвитый, всецело нуждающийся в воспитании. Все, что здесь надлежит делать, просто, но требует ума, осмотрительности и благоразумия. В выражениях *человек неразвитый* и *нуждающийся в воспитании* первое указывает на материю, или предмет, всех школ, а второе — на цель воспитания и школьной работы. Нам важно знать поэтому, что такое неопытность, что такое обученность и какова разница между ними, чтобы от нас не осталось скрытым, какими мы вступаем в школы, какими должны выходить из них, в чем наши обязанности и как мы их исполнили: сбились с пути или достигли своей цели. Кратко скажем об этом. Все неотделанное, невыделанное, еще негодное для употребления (металл, камень, дерево, кожу) ремесленники называют *сырьем*, а все уже вышедшее из рук художника, отлитое, выкованное, обтесанное, выдолбленное, изваянное, получившее какую-то новую форму, а потому приготовленное для определенного употребления (возможно, также и отглаженное до блеска) они называют *обработанным*. Сходным образом человек, имеющий человеческой облик, но пока еще незаполненный ум, лепечущий язык, бездеятельные и еще неумелые руки, притом еще не наученный добрым нравам и не знающий Бога, является и может быть назван тоже человеком сырым, несовершенным или неразвитым, от которого только и можно ожидать мысли сырой, речи грубой, действий неопытных, общения с людьми и с Богом несовершенного. Наоборот, воспитан, обучен и наставлен тот, у кого ум светится наподобие ясного зеркала и показывает весь мир, даже сквозь тьму; язык выполняет службу самого находчивого переводчика всякий раз, как ум пожелает явить свой свет другому уму; рука быстро выполняет работу, если пужны не слова, а дела; нравы полны мягкости и склонны не вредить кому бы то ни было, а служить всем; наконец, сердце полно Бога и всегда пылает желанием угодить ему и наслаждаться его благодатью,— словом, воспитанный человек, словно живой образ божий, умом схватывает все, речью выражает все, делами показывает все, насколько возможно небесконечной природе; способность ко всему этому и есть человеческое совершенство, его истинная воспитанность. Такая вот об-

разованность является и должна быть целью и назначением всех наших школ, прежде всего начальных, и всего нашего воспитания, а его семена надо сеять здесь, в раннем младенчестве, при закладке первых оснований. Что о таком воспитании надо заботиться от самого младенчества, доказывается (1) на основании Писания, (2) на основании идей, или разумных доводов, (3) на основании прообразов и примеров. (. . .)

(2) Разумные доводы.

1. Вся надежда на всеобщее исправление человеческих дел зиждется на первичном воспитании⁹⁹, что ясно не только из указанных мест Писания, но с еще большей очевидностью обнаруживается из нижеследующих разумных оснований.

2. Мы обычно бываем таковы (телом, душой, нравами, стремлениями, речью, поведением), какими нас сделало первое воспитание и следующее за ним обучение в годы отрочества. (. . .)

3. Мы жалуемся на испорченность века и на растущее во всяком положении, поле, возрасте нестроение. Пытаемся мы и исправить друг друга в семье, в школах, в церквях, в государствах разными, по большей части насильственными способами: мы видим, что родители исправляют взрослых детей палочным боем, правители подданных — тюрьмой, мечом, петлей, колесом; цари обращаются с подвластными, полагаясь на макиавеллическое искусство, обман, коварство; подвластные, в свою очередь, мстят царям бунтами, отсюда войны, насилия и смуты повсюду. А ведь насколько было бы лучше понуждать людей уздой разума, а не силой законов и наказаний! Нет, возражают нам, люди не следуют водительство разума, смертные по большей части грубы умом, напрасно лечить мягкостью столь громадную испорченность и столь укorenившуюся повсюду предрозость. И все-таки надо спросить, почему разумное творение не может быть управляемо уздой разума? А что, если в самом способе управления, какое теперь принято, есть нечто неразумное? Врачи говорят нам: «Вред от первой микстуры не исправить ни второй, ни третьей». Мы ошибаемся в первоначалах всего. Плохо воспитываем ум, который должен озарять путь для воли; не направляем волю, как должно, на благо, из-за чего страдает совесть. Итак, необходима тщательная забота о младенческом возрасте.

4. Вся сила растения — в семени, поэтому, что заложено в семени, то есть и в растении (. . .) Так человек: к чему привыкнет в раннем возрасте, таким остается в старости. Пороки начального воспитания сопровождают нас в течение всей жизни. Поэтому главное обережение рода человеческого — в колыбели (. . .)

Назначение первичного воспитания в том, и должно быть в том, (1) чтобы вовремя разжечь божественные огоньки, талящиеся под телесной оболочкой; (2) чтобы не дать миру и Сатане, а также

и силе природы, которая устроена наподобие машины для определенных движений, завладеть человеком и увлечь его к пустым и губительным делам; не то что люди не знают о своей полной самостоятельности, но они не умеют добиваться ее, и поэтому, прежде чем они начнут добиваться, их надо научить; (3) наконец, чтобы по-настоящему снабдить их вещами, по-настоящему полезными для этой и будущей жизни, а именно (а) ознакомить их с миром, чтобы ничто в нем не могло повредить им и ничто не осталось бесполезным, (б) обучить их правильному обращению с людьми, общения с которыми в мире и невозможно, и не нужно избегать, и (в) привести их к Богу и научить жить поистине небесной жизнью. Способствующие этому *средства* — (1) театр мира и все, что в нем есть и что постоянно упражняет наши чувства; (2) система человеческой природы, которая, будучи правильно понятой, показывает равенство этой природы во всех, чтобы каждый по себе научился ценить всех и хотел или не хотел всем того, что сам хочет или не хочет себе; (3) совокупность божественного откровения, доводящая до нашего ума и сердца Бога, ангелов, небеса и будущую жизнь. *Способы применения* всего этого — (1) собственная благоразумная забота, (2) любая и всякая помощь извне, (3) молитвы о снискании божьего благословения. *Основание первого*: никто не заботится о чужом так же, как о своем; что хочешь, чтобы другие сделали для тебя и твоих ближних, сделай сначала сам. *Основание второго*: никто не может быть в одиночку достаточно прозорливым и не может присутствовать всегда и везде, особенно если отвлекают дела. *Основание третьего*: все человеческое благоразумие было бы ничем, если бы не помогало заботливое всевидение Бога. Итак, (1) у кого есть время, сам оберегай и воспитывай своих детей; (2) кому некогда, пусть наймет других, благочестивых, положительных, знающих, которым, однако, и сам пусть помогает, проверяя все, по крайней мере, раз в неделю; (3) каждый пусть ежедневно молится о своих ближних Богу.

Сам ли, с помощью ли других выполняет свою обязанность родитель, он должен делать это (1) *всерьез*, однако (2) не сурово, а *мягко* и (3) *неотступно*. (1) *Всерьез*: потому что серьезное дело — правильно воспитать человека, господина мира и будущего наследника Бога в блаженной вечности, для правильного обращения с вещами и для богоподобной святости; ведь если с первого начала все не будет сделано и устроено правильно, остальной труд пойдет впустую. Отсюда: Сир. 22, 7—9. (2) *Мягко*, применительно к ребенку: делайте ему для забавы игрушки, но такие, которые помогают выучить названия вещей, а со временем — и узнать их употребление. Ребенка можно научить взрослым вещам, но применительно к ребенку. Так Тимофей¹⁰⁰ с младенчества мог вы-

учить Священное писание, т. е. научиться теологии; неужели же нельзя философии, праву, медицине, каждой науке по-своему? (3) *С постоянством.*

В этой школе младенчества должно быть шесть классов: (1) рождения, полмесяца; (2) кормления грудью, шесть месяцев; (3) лепета и первых шагов; (4) говорения и чувственного восприятия; (5) нравов и благочестия; (6) первая школа совместного обучения, или класс первых познаний. (. . .)

6. *Класс материнского надзора, первого совместного и активного обучения.*

Это своего рода полуобщественная школа, где дети должны приучаться к общению, игре, пению, счету, укрепляться в добрых нравах и благочестии, упражнять чувства и память (без чтения и письма) под присмотром достойных матерей семейств, у которых устраиваются такие собрания соседских детей на взносы тех, кто хочет таким образом понемножку воспитать свой младенец и подготовить его к общественной школе — приблизительно от 4-го до 6-го года. Такие школы Софоний Газенмюллер советует устраивать даже для совсем маленьких, еще неспособных читать и писать, но уже готовых для того, чтобы учить их членораздельному произношению, счету и всему, что поможет им лучше воспринять будущую школьную науку, — то есть воздействовать на их память, показывая и произнося перед ними то, что они должны правильно произносить и путем частого произношения запомнить, например: (1) весь алфавит по порядку на память; (2) односложные, потом двусложные и далее трехсложные и многосложные слова; (3) красивые выражения из двух, трех, потом и более слов, внушающие им страх божий и понимание должного и недолжного; (4) как можно больше кратких молитв и восклицаний, (5) символ веры, (6) десять заповедей, (7) счет до ста, (8) таблицу умножения; (9) построение слогов по памяти, по складам, но только односложных слов — это упражнение он рекомендует как крайне полезное; (10) показывание детям раскрашенной книги (*Lucidarium*¹⁰¹) с фигурами.

Для детей при учении нет более тяжелого труда, чем тот, который приходится вложить в первые элементы: детям стоит больших усилий наука чтения и рисования букв; после преодоления этой трудности, словно после обнажения родников, все остальное течет наподобие ручейка. Поэтому стоит каким-то образом подсластить эти первые горькие корни образования, чтобы дети не чувствовали трудности, а это можно сделать, только придав довольно тяжелой этой работе форму игры. Как это сделать, учит Сааведра (с. 36)¹⁰². Но его совет о 24 кубиках слишком сложен; хватит четырех, на каждом из которых написаны 6 букв. (1) Возьмем один, на котором нарисованы или написаны гласные. Пусть

дети его бросают, называя гласную, которая выпадает каждому из играющих; кто не сумеет, проигрывает. (2) Когда будут знать их в совершенстве, возьмем второй кубик, с гуттуральными согласными, и пусть бросает сначала его один, пока не будут хорошо знать эти согласные, а потом — вместе с первым, для составления слогов. (. . .)

В последний год младенчества каждому ребенку надо дать две книжки: (1) раскрашенную книгу (*Lucidarium*), содержащую [изображения] повседневных, хорошо знакомых вещей с надписями, а прежде всего живую азбуку¹⁰³, и (2) учебник Библии, содержащий важнейшие истории священных книг, то есть всего Писания. Тут, однако, надо соблюдать две вещи: (1) книги надо давать не обе вместе, а отдельно, по одной в одно из двух последних полугодий; (2) надо не оставлять детям книги на их произвол, а вручать в определенные часы до и после полудня, чтобы их не порвали и чтобы они не наскучили от частого рассматривания. От этого будет польза: (1) у ребят будет прекрасное занятие вместо беготни или бесполезной игры; (2) их ум исподволь загорится любовью даже к книгам, где не будет картинок; (3) они получают такие первые впечатления от вещей, где все будет раздельным, ясным, расчлененным, не хаотичным; (4) все запавшее в их память от чтения Священного писания уже не забудется, ведь первые впечатления всего прочнее; (5) это будет введением и подготовкой к последующим упражнениям: увидев, что мать или кормилица читает по книге, они легко поймут, что картинки там не зря, и попытаются тоже читать и учиться. Так у них образуется локальная память на обе книжки, и когда они придут в класс чтения, успев до этого не раз подержать их в руках, то им будет легко разобраться в хорошо знакомом, как бы уже известном, и останется лишь добавить к этому что-то новое, а именно умение читать и писать с привычкой выучивания наизусть, которая дает немалые плоды благодаря многократному повторению.

Сказанного здесь о воспитании младенцев, во славу божью, пусть пока будет достаточно. Прежде чем покинуть эту школу, вынесем из нее, поскольку мы стали более зрелыми, несколько полезных напоминаний, которые несомненно помогут отвратить падение людей, семей, государств.

Аксиома I. Пренебрежение воспитанием есть гибель людей, семей, государств и всего мира.

Аксиома II. Приобретенные в семье пороки ведут позже к мучительным трудностям в школах, церквях и общественной жизни.

Аксиома III. Всего тщательнее надо воспитывать тех, на кого другие возлагают свои надежды, например детей знати, государей.

Аксиома IV. Основа доброго воспитания в том, чтобы все на-

учились понимать, чем отличается человек от животного, чем отличается добрый человек от злого, ученый от неученого, мудрый от глупого и, наконец, чем земная жизнь отличается от будущей и путь, ведущий к блаженству, от пути, уводящего к гибели.

ГЛАВА X

Школа детства, или об искусном и заботливом воспитании молодых людей от шести до двенадцати лет

Поскольку всё, что младенцы и дети начинают брать в руки, рассматривать, слышать, говорить, делать и т. д., становится фундаментом, над которым надстраивается все последующее на протяжении всей жизни, мы должны иметь неотступную заботу о правильной закладке этого фундамента. Начало этому мы уже положили в предыдущей главе о младенцах, еще не умеющих пользоваться разумом; мы наметили для них школу, сообразную их способности понимания, а теперь, выйдя из нее, вступаем в школу детства, где следует учить всему тому, что будет предметом и школы отрочества, только в школе детства более кратко, доступно и на родном языке. (...)

Средством для достижения этого будут шесть классов, каждый со своим заданием и охватывающей это задание книжкой. Эти классы и книги следующие: 1) *Начальная словесность*, (2) *Мир чувственно постигаемых вещей* (иллюстрированная книжка), (3) *Этика для детей*, извлеченная из наглядных вещей и разбора человеческой природы, (4) *Собрание библейских историй*, (5) *Суть Библии*, простейшее изложение всего, во что должно верить, на что должно надеяться и что должно делать, (6) *Сфинкс*¹⁰⁴ для детей (оттачивание умственных способностей). Эти предназначенные для школы детства книги должны быть все составлены так, чтобы (1) готовить путь для тех, кто пойдет учиться латыни, и нести жизненный свет тем, кто посвятит себя ремеслу; (2) кончит ли кто все эти классы народной школы или нет, каждый сможет получить соответствующую его ступени пользу, научившись читать (в первом классе); (3) даже не посещающий общественную школу сможет научиться грамоте от кого-нибудь и самостоятельно вникнуть в остальное.

Чтобы достичь этого, книги должны быть (1) всеобщие, всеохватывающие; (2) методические, сами собой продвигающие ум со ступени на ступень; (3) украшенные символическими картинками и всевозможными увлекательными изображениями. Названия

[книг и классов] должны быть взяты из садоводства, — скажем, *Саженьцы, Семена, Фиалки, Розы, Сад, Рай*¹⁰⁵, — и на каждом экземпляре должно быть изображение или картинка корешков, семян, фиалок, роз, сада, рая, а содержащиеся в них предметы должны соответствовать этим названиям, например: (1) *Саженьцы* содержат азбуку, букварь, словарь, цифры, краткие молитвы; (2) *Семена* — краткое собрание всех изречений (или положений всей Пансофии); (3) *Фиалки* — более обширное и полное собрание; (4) *Розы* — строение мира, или природы (с упражнениями); (5) *Сад* — строение ума, мир искусства, нравственный мир; (6) *Рай* — строение Библии и ее суть (с упражнениями): вера, любовь, надежда. Почему это нужно? (1) Чтобы детей захватывали и увлекали названия такого рода; (2) чтобы понятней была последовательность всего и была совершенно ясна общая задача.

Пусть книг будет мало. Если предстоит освободить мир от их потопа, то начать это освобождение надо с начального образования; если вступление в мир надо начинать с божественных библиотек, то — при начальном воспитании!

По количеству заданий книги должны быть таковы, чтобы как раз занять все время детства, не оставив ничего для суетности и зла. (. . .)

Класс VI. Сфинкс для детей (рай).

17. Пусть все изучаемое детьми запечатлется в их памяти. Этот возраст не чувствует труда, потому что не думает о нем; он любознателен и легко во все вникает; легко схватывая все еще не затвердевшим мозгом, он способен за один год многое усвоить (даже какой-нибудь язык целиком) — так пусть теперь он и собирает себе сокровище.

18. К упражнениям для детей следует причислить изучение языков соседних народов — или дѣла от слуг, или от знающих этот язык учителей, или в общении со знающими его людьми, которым можно поручать десяти-одиннадцатилетних либо также двенадцати-тринадцатилетних детей в качестве промежуточной ступени (вне круга обычных занятий) между школой детства и школой отрочества. Дело в том, что детский возраст всего удобнее для изучения языков: (1) язык в эти годы подвижнее, чем впоследствии, и легко образует самые трудные и непривычные звуки; (2) память, главная опора языков, всего сильнее; (3) свойственная детям говорливость очень способствует такому изучению; (4) для реалий, в отношении которых требуется рассуждение, детские умы еще не доросли; чем же им пока заняться? Всего лучше — изучением языков, тем более что у нас есть метод, ускоряющий дело за счет работы с известным материалом, чтобы ум не тратил силы на усвоение вещей, а лишь овладевал в свете вещей словами. *Легкий способ*: те же книги, которые освоены на родном языке,

дать детям на том языке, который они намереваются изучить, с совпадением до последнего слова. Тогда (1) дети легко все схватят, потому что ум будет поглощен уже не вещами (которые заранее известны), а только словами и фразами; (2) от повторения вещей их понимание станет яснее; (3) тем основательнее будет подготовка ума к более высоким предметам.

19. Надо всех приучать к музыке, (1) ибо все должно быть гармоничным, а здесь наиболее явственная гармония; (2) ибо она служит пристойному отдыху; (3) ради хвалы божией, чтобы все соревновались в подражании Давиду.

Общее правило. В школе детства общие предметы должны трактоваться в общем порядке, невзирая на то, кто станет в будущем знатным, плебеем, ремесленником, купцом, крестьянином, министром или аудитором и т. д., потому что здесь преподаются всем полезные вещи, подобно тому как в материнском лоне у всех людей образуются все члены. (. . .)

Г Л А В А X I

Школа отрочества,
гимнасий языков и искусств,
особенно латыни
и других ученых языков,
с энциклопедией наук и искусств,
нравов и благочестия

6. Что такое развитие способностей? О нем говорят в таком же смысле, как и о возделывании полей, огородов, виноградников: это такая их заботливая обработка, чтобы они приносили полезный для человеческой жизни плод. В этой связи способности и таланты называют полем души.

7. Из скольких частей складывается развитие способностей? Из стольких же, сколько у нас способностей, а именно из трех. Ум развивается, или совершенствуется, для того, чтобы мы знали много истинного и не обманывались ложным, ради избрания блага и избегания зла. Рука вместе со всеми нашими деятельными способностями развивается для того, чтобы мы умели исполнять, что должно исполнить, и преодолевали своим трудолюбием недостатки вещей. Язык развивается для того, чтобы наше общение с людьми было разумным, увлекательным и приятным. Словом, нас воспитывают для того, чтобы мы умели *разуметь, действовать и говорить*¹⁰⁶.

16. (. . .) Подростки — это молодые люди, вышедшие из детства, но все еще не достигшие полного роста, рассудительности и развития сил.

Цель школы отрочества — вводить накопленный чувствами лес познаний в определенные формы ради более полного и явственного применения рассудительности, коль скоро достоинство человека по сравнению с животными зависит от его разума. Следовательно, разум и должен развиваться всего тщательнее, чтобы мы как можно дальше отошли от животных и как можно больше приблизились к ангелам. (. . .) *Великая дидактика* учреждает шесть классов этой школы: (1) грамматика, (2) физика, (3) математика, (4) этика, (5) диалектика, (6) риторика, куда входят разные упражнения в стиле, история и Геллиева коллегия. Впрочем, если какая-то школа или какой-либо класс в ней будут пансофическими — а отличаться они должны только степенью, — учиться всему этому нужно будет, конечно, по-другому.

Г Л А В А XIII

Школа зрелости, к которой относятся искусства благой жизни и успешной деятельности, или жизненная практика

Определение. Зрелым называется человек, достигший предела роста и сил, способный к ведению дел и уже начинающий на деле тот образ жизни, к которому готовился.

1. Вся жизнь — школа, как мы видели в предшествующих главах. Значит, ее средняя часть, время полной силы, — тоже школа, и даже в высшей степени, потому что предшествующие возрасты и школы (младенчества, детства и т. д.) были лишь ступенями по пути сюда; не двигаться теперь вперед значило бы отступать, тем более что остается еще многому научиться, причем не просто играм и упражнениям, а уже серьезным делам.

2. Многому могли научить прилежного ученика низшие школы, которые он до сих пор прошел, но ни одна больше, чем эта, в которую он теперь вступает, — школа серьезного ведения дел и разнообразного общения с людьми в течение всей остальной жизни.

3. Далеко не пустым человеком был сказавший: «Многому я научился от своих учителей, но еще большему — от соучеников, а важнейшим вещам — от учеников». В самом деле, создавая, мы создаем самих себя, а действуя, становимся искусными в делании. (. . .)

4. Если кто-то воображает, будто в чем-либо преуспел, не имея опыта этой зрелой деятельности, он тешит себя призраками и пустым мнением. Гален¹⁰⁷ говорил, что теоретик без практики — сухопутный мореплаватель, который, спокойно сидя в кресле, прекрасно изображает порты, скалы, мысы, Сциллу и Харибду и великолепно проводит корабль по столу среди посуды; но, если он спустится к морю и ты доверишь ему руль судна, он разобьется о те самые скалы, которые так хорошо перед этим знал.

6. Цель этой школы — благоразумное и искусное управление жизнью и всеми нашими действиями и претерпеваниями (это особенно касается деятельной любви) и забота о том, чтобы из приобретенных в юные годы знаний, нравов и благочестия ничто не растерялось, будучи перенесено в дела жизни и ее тревожения, а, наоборот, все именно теперь нашло свое настоящее применение. Ведь весь плод познаний состоит в благоразумном порядке жизни. Поэтому людей надо научить, как приобретенный ими свет познаний должен прилагаться ко всем жизненным делам с тем, чтобы, безукоризненно пройдя через все хорошее и плохое, человек пришел, наконец, к прекрасному исходу своей жизни.

7. *Средства.* (1) Три книги божии, к непосредственному прочтению которых мы теперь переходим: зрелые мужи оставляют все возможные ребяческие пособия и *Введения*. (2) Загруженные делами, люди имеют отныне время лишь для Бога и своего призвания. (3) Из встречающихся авторов — только самые лучшие.

8. *Способ.* Все делать всерьез, то есть на практике и для пользы. О Плинии говорили: «Он учитывал все, что проитывал»¹⁰¹. Постарайся же, чтобы о тебе, зрелом муже, можно было сказать: все, что он читал, говорил, делал, обращалось на пользу жизни.

9. *Классов*, или, вернее, ступеней, здесь три: (1) вступающие в зрелый возраст, или начинающие свое жизненное дело; (2) продолжающие дело своей жизни; (3) ведущие свое жизненное дело к завершению.

10. Методом пусть будут здесь [внутренние монологи], чтобы всякий просвещенный человек рассуждал сам с собой, излагая перед самим собой все возможные случаи и вынося решение.

Размышления, пригодные вообще во всех классах школы зрелости:

(1) *Жизнь — школа.* Следовательно, не надо отбрасывать книги, как многие делают, но именно теперь пора по-настоящему и с пользой их применить. Школа требует образцов, наставлений и упражнений. Поскольку зрелый возраст — тоже школа, взрослые люди тоже должны (1) изучать историю, чтобы почерпнуть в ней примеры; (2) искать в ученых книгах общезначимое знание; (3) упражнять себя в непрестанной деятельности. Поскольку же к школьным упражнениям относится и состязание (которое име-

нуется соревнованием, если оно молчаливое), то надо подумать о том, как в благородном соревновании люди могли бы по-дружески побуждать себя к добру. Разумеется, школа зрелости свободна и не привязана к книгам и учителям; но так как для каждого само его призвание будет школой, окажется необходимым, чтобы всякий сам для себя и для своих ближних был и учителем, и книгой, и школой, сам подавал себе и своим ближним примеры, предлагал наставления и постоянные упражнения. При всем том, поскольку один ум хорошо, а два лучше, никто не семи пядей во лбу и всякий может чему-нибудь научиться от ныне живущего или уже умершего друга, то прилагаем здесь *совет о чтении книг вне школы*: надо ли их читать, какие книги надо читать, с какой целью и каким образом. Дурной, но во многих местах укоренившийся обычай забывать вместе со школой и книги, отбрасывая их, словно оковы, заставляет меня сказать несколько слов против этого безобразия; пусть люди подумают, какой глупый, вредный и неоправданный поступок они тут совершают. В самом деле, разве не назовешь сумасшедшим ремесленника, который точит топор, а наточив его, выбрасывает? И что может быть пагубнее, чем, потрудившись в течение стольких лет, отказываться от плодов этого труда? А ведь ты отказываешься от них, если не продолжаешь трудиться: не идти здесь вперед — значит отступать! Разве можно быть несправедливее по отношению к самому себе, чем тот мастер, который научился какому-то жизненно необходимому искусству, а потом пренебрег им? (. . .)

(II) *Жизнь — призвание*. Следовательно, при вступлении в эту школу надо избрать определенный род жизни, в котором, служа Богу и человеческому обществу с пользой и по возможности с удовольствием, ты провел бы все дни своего земного бытия.

(III) *Жизнь — труд*¹⁰⁹. Каждый должен верить, что послан в жизнь небесным хозяином для совершения какого-то дела, словно в его винограднике (Матф. 20) или на его поле, в его торговом предприятии и т. д., и что вся человеческая жизнь есть подневный труд. Если будешь верным и добросовестным, можешь ожидать награды, если коварным и небрежным — наказания.

(IV) *Жизнь — путь*, а именно к старости, к смерти, а за ней к вечности. Стало быть, надо готовить опору для старости, (1) потому что всякая предшествующая ступень — для последующей, как звено в цепи; (2) потому что нищенствующий старик — вещь жалкая и неисправимая, как застарелая болезнь. (3) Старость сравнивают с зимой. Но зима сама по себе бесплодна, не дает никаких плодов и лишь позволяет людям пользоваться припасами; кто ничего не собрал летом и осенью, будет нуждаться и голодать. (4) В зрелом возрасте всё еще возможно, после будет нельзя. Здесь все процветает, чувство, разум, память, сила суж-

дения. У стариков все это понемногу вянет, а иногда и совершенно иссыкает. Поэтому необходимо собирать всевозможные сокровища полезных вещей.

(VI) *Жизнь — труд*, муравьиный труд. Следовательно, необходимо прилежание, и ты должен соблюдать следующие правила: (1) делай только то, что приносит определенную пользу (трудиться впустую — признак глупости); (2) пользуйся только надежными средствами; (3) выбирай по возможности удобные способы; (4) делай добро, какое можешь, и делай быстро; (5) верь, что неожиданно представляющиеся случаи посланы небесами; (6) знай, что мудрому не свойственно упускать представившийся случай; (7) за исключением Бога, полагайся только на себя самого. (. . .)

Искусство продления жизни. Основа долголетия — не праздная жизнь, а неустанный полезный труд. В самом деле, ленивому всё ночь и сон, трудолюбивому — день и бодрствование; безделье гроб для живого человека, поэтому праздный подобен мертвому. Опять-таки: всегда помни о смерти. Как верно то, что нам случилось родиться, так верно и то, что мы должны умереть; неизвестно только когда. И, однако, от этой точки начинается вечность.

Прежде чем закончить, просмотрим вкратце все основы зрелой мудрости. (1) В отношении неизвестной вещи ничего не решай, не утверждай, не предпринимай. (2) В отношении не вполне известной вещи ничего окончательного не решай, не утверждай, не предпринимай. (3) Во всяком деле сперва реши в уме и лишь потом высказывайся или действуй. (4) Таким образом, мудрость есть осмотнительное (а) решение, (б) слово, (в) дело. (5) Совершенная и основательная мудрость есть совершенное и основательное продумывание, высказывание и делание. (. . .)

Г Л А В А Х I V

Школа старости,
вершина человеческой мудрости,
счастливое достижение
предела земной жизни
и блаженное вступление
в жизнь бессмертную,
или пожинание плодов жизни

1. Старость — последняя часть человеческого века, клонящаяся к закату и соседствующая со смертью. Что и она тоже школа и что старики тоже должны подчиняться законам совершенствования, ясно из следующего. Во-первых, вся наша теперешняя жизнь — низшая школа, где мы готовимся к академии вечности; но старость

есть часть этой жизни; следовательно, она часть школы; следовательно, она — школа; следовательно, она должна иметь своих наставников и свои правила, свои уроки и задания, свою дисциплину, чтобы и для стариков продолжение жизни было продвижением вперед.

2. [Во-вторых], завершение всякой деятельности требует максимального внимания, чтобы все предшествующее не оказалось бесполезным и не было загублено; но старость есть венец всей жизненной деятельности; следовательно, надо остерегаться, чтобы все труды всей жизни не оказались напрасными. Следует знать и причины этой осторожности.

3. Все немощное нуждается в управлении и поддержке; но старость считается самым немощным возрастом; следовательно, ее нельзя оставлять и лишать опор.

4. У стариков есть свои особые пороки и нравственные недуги, для борьбы против которых их надо в совершенстве оснастить необходимыми средствами и методом правильного применения этих средств; ведь и они не все сами могут собой распорядиться, и недаром один мудрый человек сказал: «Положение человека в тяжелой этой жизни таково, что не только тело, но и душа стареет, нуждаясь в повседневном подкреплении и лекарстве. Мы видим, что пренебрегающие этим к старости превращаются чуть ли не в животных»¹¹⁰.

9. Что касается цели, если завершающее требует завершения, а высшее — высоты, то для школы старости (завершающей и высшей школы) остается некое завершающее и высшее для человека на земле задание, коль скоро в человеческой жизни только тогда все хорошо, когда ее концовка хороша. А что это такое? Некое славное увенчание человеческой жизни, сладостное предвкушение жизни бессмертной и, наконец, блаженное в нее вступление. Скажу яснее: в школе старости надо учить и учиться тому, каким образом старые люди должны *иметь возможность, уметь и хотеть* (1) правильно наслаждаться плодами проведенной жизни, (2) правильно проводить остаток жизни, (3) правильно завершать всю свою земную жизнь и радостно переходить в жизнь вечную.

10. Таким образом, эта школа будет иметь три класса: (1) класс переступающих порог старости и рассматривающих свои задачи и дела (совершенные и предстоящие); (2) класс вступивших в зрелую старость и спешащих исполнить то, что еще осталось; (3) класс ветхих стариков, которые ожидают уже только смерти. Конечно, смерти ожидать следует во всяком возрасте и думать о ней всегда полезно, но здесь — более всего и с необходимостью, потому что раньше люди *могут умереть*, а теперь они *не могут не умереть* (. . .)

Всеобщего совета об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ, Панортосия,

в которой ведется совет о долгожданном исправлении, на основе всего вышесказанного, состояния культуры, религии и общественного строя, или о скором и бесповоротном низвержении великого Вавилона наших нестроений и явлении народам вселенной божественного Сиона в его неземном сиянии

ГЛАВА I

Что такое всеобщее исправление дел, почему никогда еще не стремились к нему всеобщим образом и насколько оно желанно

1. Счастьем рода человеческого мешают сами же люди. Бог от века и присно не упускал и не упускает делать всё необходимое для блага образа своего, сотворенного им на радость себе; и только люди, обращаясь по большей части дерзко и безрассудно с Богом, с вещами и с самими собой, вызывают его гнев на себя, разрушают мир вокруг себя и тонут в причиняемых себе же бедах. «Бог сотворил человека правым,— сказал мудрец, видя это,— а они запутались в бесконечных разысканиях» (Еккл. 7, 30).

2. Основанием человеческого счастья должно быть поэтому избавление людей от бесконечных разысканий и занятий ради делания того главного, в чем человеку от Бога дано быть правым,— то есть такое возвращение всех на пути разума, чтобы никто впредь не вносил в мир беспорядок, никто впредь не гневил Бога и никто не причинял зла себе и другим. Кто усомнится, что это возможно через подлинное и всеобщее исправление всех трех наших высших способностей, *интеллекта, воли и деятельной силы*, из тройкого источника которых проистекают все наши действия? В самом деле, если все мы *поймем одно*, а именно истину вещей, каковы они есть; если все будем *стремиться волей к одному*, а именно к Богу и к божественным вещам, то есть к единственному, истинному, надежному и вовеки нерушимому благу; если *направим свою деятельную силу на одно*, а именно на мудрое управление другими и владение собой ради сохранения всеобщего мира и спокойствия,— кто сможет помешать нам?

Синоптическая таблица всей панортосии

Рассуждение о панортосии, то есть всеобщем исправлении, содержит	теорию, в которой говорится,	}	что такое всеобщее исправление дел	гл. I	
			что на него есть верная надежда перед концом мира ¹	II	
			что оно будет произведено Христом, однако требует человеческого сотрудничества	III	
			что начало ему должно быть положено в христианстве	IV	
			что необходимо постичь идею всеобщего исправления	V	
	практику, предусматривающую	}	(1) искоренение начал порчи, о чем говорится в гл. VI, а именно через преодоление	безбожия, или дерзостного отношения к Богу	VII
				бесчеловечности, или взаимной распри, вражды и несправедливости	VIII
			(2) восстановление испорченного, о чем говорится в гл. X, а именно через создание	безрассудного обращения с вещами и ведущей к этому языческой философии	IX
				всеобщей философии	XI
				всеобщей религии	XII
(3) упрочение восстановленного, о чем говорится в гл. XV, а именно через устройство			всеобщей политики	XIII	
			всеобщего языка	XIV	
			Совета света	XVI	
применение вышеназванного с тем, чтобы действительное преобразование можно было			}	Коллегии святости	XVII
				Судилища мира	XVIII
	каждому человеку в отношении себя самого	XX			
	семьям	XXI			
	школам	XXII			
	церквам	XXIII			
	обществам	XXIV			
предпринять в целом, трудами Вселенского совета	XXV				
учредить и соблюдать во всемирной всеобщности, при должествующем установиться тогда счастливом состоянии всего круга земель	XXVI				
Всё это завершается гимном Трисвятому	XXVII				

3. Итак, лишь бы люди примирились с миром через истинную философию, с самими собой — через истинное общественное устройство и с Богом — через истинную религию, и в человеческих делах началось бы истинное исправление, или преобразование, обновление, восстановление, возрождение (все эти слова берутся в одном значении), в отличие от всех частных реформаций, в стирину или на нашей памяти и памяти отцов и дедов предпринимавшихся в разных местах с немалыми потугами, шумом и не без насилия. Попытки делались разные и по-разному: Валла, Петрарка, Эразм, Буде, Луллий, Рамус, Картезий и другие реформировали просвещение; Вальд, Гус, Лютер, Кальвин, анабаптисты, Социн, а с другой стороны, папа и император, один на соборах в Констанце, Базеле, Триденте², другой посредством жестоких казней, огнем и мечом, реформировали состояние религии; третьи, выступая и борясь в разных местах против тирании, восстанавливая законность и создавая новые государства, утверждали общественный мир.

4. И те и другие, как известно, удовлетворялись своими усилиями и считали свою реформацию совершенной; но так ли это на самом деле? Совершенно то, что достигло цели. Совершенным зовут человека, у кого мысль, речь, поведение согласны с долгом. Совершенное здоровье то, когда ни одно телесное отправление не поражено и не затруднено, все в живом действии. И совершенная медицина та, которая совершенно восстанавливает недугующее тело; совершенная теология та, которая возвращает покой и нерушимое блаженство совести, совершенная философия — уму, совершенная государственная наука — человеческому обществу.

5. Истинной и совершенной реформацией нужно будет называть поэтому ту, которая поистине преобразит людей: сделает их подлинно образованными, подлинно благочестивыми и подлинно мирными. А где они сейчас таковы? Отсюда и в нравах такое несогласие, и в тайнствах веры (если уж говорить о них по поводу религиозных реформаций) такое невежество народа, такое замешательство ученых, такая вражда между вероучениями! Молчу о заблуждениях: ни одна сторона не признает их за собой, все их обличают у других. Хоть бы мы стали менее уверенными в себе и не приписывали каждый одному себе всю истину, когда хоть один человек на свете нам противоречит! В самом деле, ведь не могу же я спокойно владеть домом, полем, садом, кафтаном, пока есть хоть один человек, заявляющий на них свое право и ведущий со мной тяжбу (какая разница, справедливую или несправедливую?) об имуществе!

6. Но прежде всего необычайное размножение плодящихся друг от друга сект, направлений и школ, на которые расколоты ученые, верующие и политики, должно заставить нас заподоз-

рять в несовершенстве все наши бывшие до сих пор реформации. Если истина одна и если верно, что ее достаточно ясно видят все с уверенностью и торжеством возглашающие о своем совершившемся и совершающемся избавлении от заблуждений, предрасудков и тираний, то почему они не видят в ней ни единства, ни залого единения, а разбредаются по бесчисленным путям? Ясно, что ясный свет еще не проник туда, где никто еще ни сам явственно не видит то, что жаждет разглядеть, ни другим не в силах ясно показать.

7. Само дело вопиет о несовершенстве. Во-первых, никакие реформаторы не брались до сих пор за исправление всего нуждающегося в исправлении, но каждый брался за частную задачу: смотря по тому, в каких обстоятельствах он оказывался, какой несправедностью был задет, он направлял свои силы и свой разум на то или на другое. Во-вторых, применяемые средства всегда были недостаточны, что можно показать на многих примерах. В-третьих, подход к делу был редко мирным и всё вплоть до нашего времени полно насилия, возмущения, великих расколов не только в политике, но и в школах и, что самое омерзительное — ибо это здесь поистине мерзость в месте святе, — внутри церкви.

8. И вот, приведенные к этому обстоятельствами, мы мечтаем не об *ἁρμόσις*, исправлении, но о *παν-ορθωσία*, универсальном, всеобщем, полном исправлении (1) всех, (2) во всем, (3) совершенно.

9. Всех: т. е. всех лиц и состояний, чтобы преобразованиехватило не того или другого без прочих, но всех сразу, и верующих, и ученых, и властителей, причем не в одном месте или одном народе, а повсюду на земле. чтобы не только некоторые, не только немногие или многие, но все причастные человеческой природе пришли к совершенству этой своей природы.

10. Мы мечтаем еще, чтобы все усовершенлись во всем, что создает полноту человека и делает из него образ божий; чтобы человек научился совершенствовать свое общение с расположенными ниже его и предназначенными для его употребления *вещами*, с равными ему и данными ему в сообщество *людьми* и с высшим ему источником своего блаженства *Богом*.

ГЛАВА V

Идея всеобщего исправления

1. Представляется необходимым вывести из области идей, что такое вообще исправление и из каких неперменных частей оно состоит, чтобы нам было легче рассмотреть обязательные условия всеобщего исправления.

18. Исправлять здесь будут все и каждый (люди, сословия,

народы), поскольку каждый — человек: свободное творение, созданное по подобию творца и настолько предоставленное собственному разумению, что оно радо управлять самим собой и предпочитает погибнуть по своей безрассудной воле, самостоятельно отклонившись от пути спасения, чем подневольно идти к нежеланному благу. Даже Бог, вновь призвав его к себе и искупив после падения, не неволит его, но действует с ним только убеждением, привлекая к добру обетованиями, отвращая от зла угрозами и уча, как видеть перед собой пути спасения, как сторониться гибельных бездн и принимать тем самым благие решения. Добровольно следуя своему совету, водительству и зову Бог щедро обещает награду за свободное послушание; отказывающимся идти за ним объявляет гибель по собственной вине, призывая в свидетельство небо и землю. Поэтому нам только и остается, подражая Богу, учить людей — то есть всех пока еще не умеющих — мудро править собой и исправлять любые прежние ошибки, чтобы, направив свое знание, силу, волю на достижение личного и всеобщего спасения, все люди научились, смогли и захотели добродетельно способствовать своим частным сотрудничеством всеобщему преображению.

19. И все научатся исправлению (себя самого — всякий живущий, а своих пасомых — всякий отец семьи, всякий школьный учитель, всякий служитель церкви, руководитель всякого человеческого общества), если, правильно наученные идеям вещей, они будут понимать, что с необходимостью требуется для управления собой и другими, для предотвращения заблуждений и исправления ошибок. (Этому могут научить 1) веления здравого разума, 2) повсюду встречающиеся примеры из области природы и искусства и 3) свидетельства божественного откровения. В самом деле, всё говорит о том, что любое человеческое общество есть живое благоупорядоченное тело, которое нужно сохранять согласованными действиями и направлять только по разумным путям, будь то единая душа со своими способностями, или один человек со своими органами, или одна семья со своими членами, или одно селение со своими семьями, или одна область со своими селениями, или одно царство со своими областями и провинциями, или, наконец, весь человеческий род, как бы единое мировое государство, со всеми своими царствами. (. . .))

20. Наконец, всех надо научить знанию своих возможностей, чтобы поняв, какие им даны полномочия для совершенствования себя и ближних, какие предоставляются поводы для этого более чем желанного дела и как легко за него взяться теперь, полагаясь на посылаемую от Бога помощь, люди возрадовались этим своим полномочиям, этим поводам, призывам и помощи и возликовали в Боге.

21. Это ликование и порожденное им рвение к святому делу исправления можно было бы еще увеличить показом величия столь грандиозного предприятия. В самом деле, цель его — возвращение к состоянию, которое наступило бы в раю, если бы мы не пали: (1) к созерцанию Бога просвещенным умом, (2) к любовному взаимобщению согласных душ и (3) к жизни в чистоте сердца перед Богом. Поскольку, оставшись такими, мы должны были заполнить круг земель, теперь, когда мы его заполнили, тоже в высшей степени желательно устремиться к тому — или, вернее, возвратиться к тому, — чтобы весь мир стал (1) школой божией, а тайные школы Сатаны, плоти и мирской тщеты сгинули бы насовсем; (2) царством Христовым, а частные царства и государства перешли бы в Христово подданство; (3) единым храмом божиим с единым поклонением единому Богу в единой всеобщей религии, а сектантских религий не осталось бы ни одной; (4) и, наконец, домом, открытым для всех, где все обитатели земли были бы единой божией семьей, связанной узами единого всеобщего языка, а частные языки или умолкли бы, или ни в одном слове не противоречили языку всех.

ГЛАВА VI

О преодолении зла,
моцно противостоящего
всеобщему исправлению,
и прежде всего об искоренении
в человеческих душах косности,
самоуверенности,
предрассудков и упрямства

1. Приступим же к разбору того, что мешает исправлению! Прежде всего остановимся на зле, которое сковывает нас изнутри, лишая способности ко всякому делу совершенствования. Истинный корень всякого нашего порока и нашей неискоренимости — в чем он? Попробуем разыскать его, предприняв специальное рассмотрение.

2. Прекрасен и здрав совет философа Сенеки: «Всего важней для человека, — говорит он, — не следовать на манер скота за стадом впереди идущих, двигаясь не куда должно, а куда бредут все»³. Однако слишком ясно, что люди давно забыли об этом совете; мало кто из смертных еще задумывается над тем, откуда мы приходим в мир, куда из него уходим и каким путем должны идти от начала к концу. Вместо этого мы беззаботно миримся с состоянием — хорошим ли, плохим ли, — в котором находимся, по

большей части ничуть не стараясь переменить свою жизнь к лучшему. Что хуже, мы смиряемся со своим положением настолько, что даже представившуюся возможность улучшения отвергаем, а то и яростно гоним ее от себя прочь, приобретаем ненависть ко всему чужому, вплоть до жажды уничтожить его.

3. Таким образом, наша глубоко въевшаяся привычка ко злу распадается на три части: (1) беззаботность и косность, (2) предвзятое мнение о якобы уже достигнутых истине и благе и возникающая отсюда самоуверенность и (3) злое пристрастие ко всему своему и ненависть к чужому. Всю эту троицу надо полностью искоренить и превратить в свою противоположность, а именно в (1) живейшее внимание ко всему происходящему, (2) тщательнейшую заботу о более истинном познании мира и (3) неустаннейшую волю и стремление к принятию улучшений.

4. Кто не замечал тупой вялости толпы по отношению ко всему существующему и происходящему? Большинство погружено в глубокое невежество о Боге, мире, о себе и обо всем на свете. Даже знающие что-то едва знакомы с поверхностью вещей и мало хлопчут о том, чтобы проникнуть поглубже или заняться старательным отграничением истины от лжи, добра от зла. Пока человеческие чувства скованы этой вялостью, напрасно надеяться на какое-то всеобщее исправление: что исправит человек, который не ведает о порче и о необходимости исправления? А не ведает о них тот, кто не знает идеального и совершенного состояния вещей, от которого всё отошло. Итак, желая внушить человеку заботу о всеобщем исправлении, мы раньше всего должны стряхнуть с него эту сонливость. А как? Внушая и убеждая, что раз все допущены в божии театры, все наделены зрением, слухом и другими чувствами, то все должны, воспрянув душой, живо внимать всему и, всё самостоятельно рассматривая и разузнавая, приобщаться умом к вселенскому свету. Если это удастся, если в умах проснется тяга к свету, то первая и злейшая помеха, темнота умов, будет сломлена. Каким порядком можно добиться этого от всех, разобрано и ясно изложено у нас в Пампедии.

5. Другую, не менее вредную, помеху представляет некая как бы прирожденная умам беспечная самоуверенность (*securitas*), настолько удовлетворяющаяся своим познанием мира, каким бы оно ни было и откуда бы ни пришло, что даже для идущих в руки более истинных и благих вещей уже не находится места. Поскольку ранние впечатления глубже всего запечатляются в душе и цепко держатся, не уступая позднейшим, то мы оказываемся во власти того, что раньше усвоили. Здесь корень предвзятого убеждения, что наши взгляды истинней и лучше чужих, хотя бы и неизвестных нам. Умы так скованы этим предрассудком, что какие бы мнения человеку ни довелось иметь, случайно или по привыч-

ке чужие не ставятся с ними ни в какое сравнение: мы их сторонимся, гнушаемся и про себя тихонько осуждаем. Так получается, что своя философия и свои представления о вещах, своя религия и манера богопочитания, свой общественный строй и привычный образ правления для каждого [народа] становится чем-то вроде идола. Итак, при серьезной попытке исправления придется вложить немало труда, устраняя и это препятствие в стремлении к тому, чтобы всякий смертный признал и себя тоже человеком, способным наравне со всяким другим смертным бредить наяву, заблуждаться и делать промахи. Кое-что об этом мы уже сказали (Панавгия, гл. 15, § 20). Пока мы не избавим всех людей от пут подобных предрассудков, напрасны надежды на всеобщее исправление.

6. Из предрассудка возникает третья помеха исправлению, упрямство, из-за которого мы не только тяготимся истиной и благом, но и отказываемся от них, и упорно отталкиваем их. Из этого источника — ядовитейшие споры в философии, жесточайшие войны в политике, свирепейшая ненависть в религии с жестокими преследованиями одних другими; а поскольку всякий воображает, что борется или страдает за истину, за мир, за Бога, то даже среди всех этих уродств возникает самодовольство, которое апостол назвал «ревностью не по рассуждению» (Рим. 10, 2). Поистине, если мы не преодолеем такую ревность и не научим преодолевать ее других, то и будем ревновать без конца и без всякой пользы, и мир останется таким, как есть, — расчлененным, разрозненным, никак не приходящим в согласие.

7. Всем поэтому важно устроить всё иначе: так, чтобы мы (1) стали более чуткими к миру и не было на свете вещи, которую каждый из нас не мог бы разумно ставить под сомнение и судить (*dubitare et iudicare*), (2) всё испытывали и держались добра, по совету самого Бога (1 Фесс. 5, 20), (3) и каждый был готов, заметив где-либо заблуждение, заменить ошибку истиной.

8. Будет великая польза для всех, если все мы всерьез сделаем это: (1) никто не будет мнить, что знает больше, чем знает; (2) никто не забудет, что люди, согласно слову Господа, блуждают как овцы (Ис. 53, 6); (3) никто не будет лишен возможности вернуться от известной ошибки к известной истине, — и святое желание преодолеть все заблуждения овладеет всеми, когда ясный, как день, откроется единственный путь всеобщего исправления: возвращение туда, где ты сбился с пути. (. . .)

11. Поскольку же отклонились мы (1) от единства через бесконечные случайности к бесконечной путанице, (2) от истины через бесконечные мнения к бесконечным заблуждениям, (3) от блага через бесконечные соблазны к бесконечным неустроенным и гибельным желаниям и страстям,

12. то и вернемся (1) от путаницы через простоту к единству, (2) от заблуждений через оставление мнений к истине, (3) от страстного раздора и войн через дружелюбие к миру и согласию, —

13. чтобы всякий человек в глубине своей души стал поистине единым без всякого разлада с самим собой, и всякая семья, и всякий дом составили бы единое тело, равно как и всякий город, царство и весь народ, а в конце концов и весь род человеческий со всей совокупностью мира и со всеми ангельскими хорами, — сделавшись единым под началом Единого, воистину Единого, во веки вечные Единого, которому хвала и слава навеки, аминь!

14. И всякий человек (а потом и семья, и общество, и государство, и церковь и т. д.) станет в своей сути светлым творением Божиим, избавленным от мрака, уверенным в свете и истине;

15. и всякий человек исполнится истинной и нерушимой радости и достоверности в Боге — равно как и всякая семья, и всякое сообщество, и всякая церковь, и всякая школа.

16. Так первым и надежным началом возрождения стала бы очистка родника чувств, источника интеллекта и ключа воли от всякой грязи, лености, предрассудков и злого упрямства, чтобы повсюду потекли более чистые реки внимания, суждения и бодрой расположенности к принятию большего блага.

ГЛАВА IX

Об искоренении опрометчивого и безрассудного, то есть слепого, беспорядочного и насильственного обращения с вещами

1. В главе V мы видели, что исправление дел надо начинать с преодоления пороков, а потом взялись говорить о стоящих на его пути опрометчивых и безрассудных действиях по отношению к Богу и к людям. Чтобы можно было надеяться на всеобщее исправление, мы все должны затем отучиться от безрассудного обращения и с вещами. Надо поэтому сказать, (1) что такое опрометчивое и безрассудное обращение с вещами, (2) какими средствами его надо исправить (3) и каким путем.

2. Безрассудно обращаться с вещами — значит (1) либо мыкаться по свету словно без глаз, рук и души, ничего не понимая в свойствах или назначении вещей, (2) либо смотреть на вещи всегда чужими, не своими, глазами, (3) либо, наконец, применять вещи не для того, для чего каждая из них дана, а для чего-то другого, действуя неумело, беспорядочно, насильственно.

3. Относиться к вещам без внимания — первая ступень дикарства и начало бесчисленных зол. В самом деле, мир полон ве-

щей, и все они существуют и живут ради нас, так что если люди невнимательны к сути, причинам и способу существования вещей, вещи останутся бесполезно разбросанными по своим беспорядочным множествам. Мало того: на каждом шагу зло смешано в вещах с добром, добро со злом, и только зоркий сможет избежать незаметного вреда, не упустив в то же время скрытой полезности. Слепой или бредущий с закрытыми глазами не может не ушибиться, не споткнуться, не поскользнуться. Хочешь обезопасить его от промахов? Верни ему зрение.

4. Правду сказать, во многих случаях нет недостатка в пристальном внимании к вещам; но до правильного применения этого внимания далеко. В самом деле, люди щепетильны в вещах смеотворных, пустых, ничтожных; в серьезном они оказываются вдруг дикарями. «Стбит актеру чуточку сбиться с ритма,— говорит Цицерон,— или произнести стих с маленькой ошибкой в долготе слога, и его освищут и опозорят»⁴. Вот как придирчива толпа к самым ничтожным тонкостям! То же касается танцевальных движений под музыку, кулинарных приправ и других ненужных, мелких, преходящих вещей. Но перейди к важным, умственным, божественным вещам — и тотчас увидишь одичание. Человеческая старательность хромает всего больше там, где она всего больше нужна.

5. Другие, правда, и здесь усердствуют, стараясь не быть невеждами в важных вещах, да не хватает предприимчивости в самостоятельном исследовании вещей: не задают себе труда самостоятельно разобрать, взвесить, изучить дело и плетутся в хвосте у других, считая незывлемым всё, что им внушают. Такие люди ищут знания только в книгах и рожются в библиотеках, загромождая ум чужими мнениями о вещах. Я говорю, что они смотрят на мир чужими глазами и уподобляются человеку, который, надевая на нос разные очки, надеется увидеть три дерева там, где видел два.

6. Третий род безрассудных — те, кто хочет, чтобы вещи (все равно, познанные или непознанные) служили по их воле: не так, как требует природа каждой, а чтобы ключом колоть дрова, топором открывать ворота, заставляя быка охотиться за зайцем, в рыбачьи сети ловить оленей и так далее, веля быть тому, чего не может быть. Ведь не всё что угодно приспособлено ко всему что угодно. Не обращая на это внимания, смертные в своем подходе к вещам по большей части берут за правило тираническое: «Так я хочу, так велю; вместо разума будет пусть воля»⁵. А когда бестолково употребляемые вещи не подчиняются, их обычно забрасывают как бесполезные, отвергают и губят вопреки всем (показанным в «Мире искусства») законам природы и разума.

7. Из этого тройкого корня безрассудства плодится тройкое зло.

Первое зло в том, что некоторые — и даже целые народы — не имеют или не читают никаких книг и живыми учителями мудрости тоже пренебрегают, погружаясь вместе с животными в одну чувственную жизнь. Если не положить конец этой дикости, никакого преобразования не наступит: мир постоянно будет такой, какой он есть, — жестокий, бессмысленный, неразумный, блуждающий в потемках, спотыкающийся на каждом шагу, падающий в разнообразные западни.

8. Другая беда бывает от переизбытка руководств: бесконечная неразбериха мнений, намерений и предприятий. В самом деле, поскольку многие и не хотят, и не умеют идти своим путем, то, цепляясь за заблудших водителей, они не могут не блуждать вместе с ними, а следуя за разными авторитетами, неизбежно теряются и путаются на распустьях. Это можно видеть на примере культурных народов, которые тем больше приходят в разлад и изводят себя в столкновениях мнений, чем больше имеют школ, книг и ученых занятий, — так что если мы хотим расчистить пространство для исправления мира, то надо будет или разрушить, или завалить еще и эти лабиринты.

9. Третье зло идет от неумелого применения вещей. Из-за него среди щедрого изобилия, которое Господь заготовил для обитателей дома своего мира, многие смертные или мучимы нищетой, или вместо наслаждения терпят тяготы, вместо здоровья страдают от болезней, вместо долголетия встречаются безвременную смерть. Если не прекратить это насилие (как в виде действия, так и в виде бездействия) над вещами, полноценное возрождение мира невозможно.

10. Так что же делать? Тройкой чуме надо противопоставить тройное лекарство: (1) слепоте — руководство и исцеляющие снадобья, (2) обманам зрения — изгнание мрака и более ясный свет, (3) извращениям — умелое обращение с вещами.

11. Как благодарным водительством следует охранять от падений ослепленную пороком человеческую природу и как надлежит раскрыть все ее способности, было разобрано в Пампедии и будет еще затронуто ниже, в гл. XXII: разумно ведя всех с самого раннего возраста и потом в течение всей жизни через театры божественной премудрости, надо предоставить всем возможность непрестанного упражнения чувства, разума и веры.

12. Поскольку же обманы зрения происходят от мрака, не дающего ясно разглядеть ни цель, ни надежный путь к цели, и поскольку один водитель показывает и предлагает одно, другой — другое, единственное лекарство будет в том, чтобы вести всех прямо к самим вещам в ярком свете истины, идя одним-единственным, простым и открытым путем и минуя все перепутья, коим несть числа. Хочу этим сказать, что искатели света премудрости должны ис-

кать его у источника премудрости, Господа — в его деяниях, речениях и помыслах, — а не у тех, кто встал вне истинного Бога и истинного знания о нем и, называя себя мудрым, обезумел; не у языческих философов, не у тех, кто еще не видит, а пока только ищет, на тысячу манер пробуя один одно, другой другое и годясь больше на то, чтобы всё запутать, а не распутать. Надо избавить умы от языческой философии и от безбрежного хаоса книг.

19. Чтобы воссияли для Израиля времена окончательного освобождения, он должен избавиться не только от чуждого ига, но и от нагромождений своего же домашнего груза. Что это за груз? К нему относится, между прочим, и безбрежная, для мира уже невыносимая масса книг, написанных от человеческого ума. Разумеется, изобретение письма, незаменимого средства против подстерегающего людей забвения, — неоценимый дар божий, и всякий с готовностью согласится, что мудрецы оставили в письменных памятниках свои высокие думы на благо потомкам. Однако страшное злоупотребление полезнейшей вещью, давшее о себе знать еще в век Соломона, распространилось теперь до невозможности: души раздерганы бесчисленными поучениями так, что не остается уже никакой надежды на всеобщее согласие, хотя бы мир просуществовал еще тысячу тысяч лет. Наоборот, если, оставив человеческие измышления, взяв вождем единственного Бога с тремя его книгами, мы все будем держаться только его пути, к нам придет столь же достоверная надежда, как достоверно то, что сердце, уста, руки божии не могут быть между собой в раздоре. Итак, святое дело — избавить сынов церкви от этого, как говорит Соломон (Еккл. 12, 12), бесконечного терзания, как бы вернуть их после странствий домой, к самим себе, в свое жилище (природу вещей) и к общему отцу (Богу) и взамен томительных лабиринтов подарить радостный рай.

20. Последним лекарством от безрассудного и опрометчивого обращения с вещами будет то, что все мы, остерегаясь злоупотреблений, начнем наблюдать и соблюдать истинные законы применения вещей. Да сгинет правило тирана, часто действовавшее до сих пор в отношении как вещей, так и людей:

Так я хочу, так велю; вместо разума будет пусть воля.

Пусть на смену ему придет другое высокое правило:

Так хотят вещи и Бог; моей воли причиюю — разум.

В самом деле, Бог велит и предписывает, а совестливый разум заставляет ни одну вещь не применять для иной цели и обращаться с ней иначе, чем она сама хочет, чтобы ее применяли и с ней обращались. Для точного соблюдения этого потребуются надежное руководство истинной и ясной философии. Поспешим же к ней!

Г Л А В А XII

О новой всеобщей политике,
направительнице
человеческого общества
к состоянию совершенства

Основой мирного века будет всеобщая политика — насколько возможно совершенное осуществление человеческого благоразумия при управлении человеческой природой, благодаря чему всё в жизни каждого человека будет пребывать и сохраняться в мире, каждый человек, никем и ничем не тревожимый, будет безмятежно и уверенно владеть своим достоянием и свободно пользоваться общей свободой, а всё человеческое общество (малое, большое и всемирное) придет в такое же согласие, как и сам созданный премудростью Божией и прекрасно хранящий самого себя своей благоупорядоченностью мир, как любое живое и здоровое тело растения, животного и человека или как любое построенное искусством тело часов, кареты, корабля и т. д. Эту политику можно было бы назвать гражданствованием святых или, по Даниилу (7, ст. 18, 22 и 27), царством святых, глава и правитель которых — сам царь царей, Иисус Христос. (Слово «полития» приходится устремлять здесь в более широком смысле, чем его изначальное значение. Оно идет от πόλις «город, общество граждан» и прежде всего означает то более воспитанное обращение, которое принято между городскими жителями, в отличие от деревенщины. Поскольку, однако, само слово πόλις происходит в свою очередь от πολεῖω «вращать, вращаться»⁶ и обычно употребляется для обозначения всякого отточенного, воспитанного и приятного общения между людьми, употребим его так же и здесь: «политика» будет означать искусство мудрых взаимоотношений и благоразумного управления каким угодно и сколь угодно великим человеческим обществом, а «полития» — соответствующее состояние общества, неизменно мирное, обеспеченное, благоустроенное.) Она по праву может называться *всеобщей*, или *универсальной*, политией: всю жизнь всех людей она будет блюсти в неизменном и безмятежном покое (полагаясь на милосердие Бога, если он когда-то сочтет мир достойным такого покоя), неизменно помогая ее распространению и возрастанию до тех пор, пока весь род человеческий не станет огненно-светлым стеклянным морем, — но без притока и оттока, без коловращения и буйства, — над которым встанут с гуслиями и восславят Бога победители звериного века (Откр. 15, 2). По праву она сможет именоваться и *новой*, хоть построена согласно извечным идеям неба и земли: такую, какой была на небесах до дерзкого бунта части ангелов, какой сохраняется посейчас в

иерархии добрых ангелов и какой стала бы у людей, процветавших бы в благом порядке, мире и покое, если бы они не совратились и не пали в раю.

Назначением, или целью, этой политики будет собирание народов вселенной в согласии: безмятежный мир в роде человеческом, прекращение войн и устранение самих причин к войнам. До сих пор были времена розни; отныне начнутся времена мира<...>

Основание новой политики — человеческая природа, познанная внутренним чувством, разумом, или светом ума, в опоре на опыт внешних чувств с наглядными примерами и на божественное откровение; политику-христианину будет стыдно учреждать что бы то ни было, помимо чувства, разума и божественного авторитета. В самом деле, человеческая природа сотворена свободной, она не терпит и не может терпеть принуждения, если не хочет разрушить себя, и пребывает в равновесии со своим ближним, тоже во всех отношениях свободным. Равновесие это сводится к закону:

Что { хочешь } чтобы делали тебе, { делай } другому!
 { не хочешь } { не делай }

В нем вершина божественного закона, нравственного закона, гражданского закона и права всех народов. Пожелай мы во всем его соблюдать — и вся юриспруденция вместе с глубинами политики стала бы общедоступнейшим делом; не было бы надобности в подробных и путаных законах и казусах, если бы мы дали им правильное определение, научились их предупреждать и в конце концов упразднили. Апостол в этом смысле возвестил, что закон не установлен для праведника⁷.

Средства — три: (1) живой пример, неизменный и яркий; (2) точные, ясные, краткие законы для всех случаев; (3) их должное исполнение. В самом деле, если бы правители пожелали воспитывать управляемых (1) примерами неотступного исполнения долга, (2) увещаниями жить в согласии с законами, (3) внимательным и строгим исправлением проступков, а управляемые пожелали бы (1) следовать добрым примерам, (2) повиноваться праведным законам, (3) исправляться и совершенствоваться, — то исчезло бы в роде человеческом насилие, стало бы шириться и процветать всё.

Способы их применения:

1. *Все средства* должны быть введены в действие и не упущено ничто, могущее способствовать миру и покою, чтобы всё утвердилось в мире, чтобы и пес не лаял ни на кого (как говорится в книге Иудиф) и исполнилось всё сказанное об изобилии мира в царстве Христовом.

2. *Упорядоченность.* Должны быть главенствующие и подчиненные. Во всяком государстве да будет верховная власть, кото-

рой подчиняются прочие; единое судилище, рассуживающее остальные; в этом едином судилище — единый судья, подобно тому как в едином городе должны быть единые общественные часы, по которым велись бы все общественные дела. Внимание высших к низшим — как непосредственное, так и через явных заместителей, префектов, и тайных, вестников, — должно быть постоянным. Над всеми и над всем учреждаются эфоры⁸ (1) для простонародья, (2) для нищенствующих, (3) для ремесленников, (4) для торговцев, (5) для молодежи, (6) для находящихся в супружестве, (7) а также для властей — и это не только в государстве вообще, но и в школах, и в церкви, и даже в каждом доме. Больше того, было бы прекрасно всем благоразумным гражданам государства исполнять какую-либо должность и быть таким образом для самих себя хранителями и наблюдателями ради повсеместного соблюдения порядка и справедливости. А мерою всех деяний должны быть закон и правда.

3. *Подлинность и надежность.* Надо не рассуждать и созерцать, а действовать и совершать, чтобы наша полития была не тенью или бесплотной идеей, а живым телом, скрепленным узлами законов и права, наград и наказаний так, чтобы совестливые и благородные поступки свершались с охотой, а злые внушали отвращение, и вся наша полития являла собой не пустую теорию, а практику нравственного мира, возвращая всё по мере возможности к единству.

Характер общения между гражданами всего лучше вывести из идеи человека как образа божия, а именно (1) как всякий человек должен вести себя по отношению к Богу, так он пусть ведет себя по отношению к образу божью, то есть к себе самому и ближним, и (2) как Бог ведет себя по отношению к своему образу, так и мы — по отношению к его образу: он указывает нам путь своим примером. Кроме того, идеи истинной политики можно заимствовать из природы — скажем, пусть хозяин учится благо разумию у муравья, а политик у пчел — и из созданий искусства, причем не походя, принимая сходства за нечто случайное, но всерьез, видя в них образы, предназначенные вечной премудростью именно для нас. В самом деле, для природных созданий эти их действия служат важной цели и производимые ими плоды реальны; таковы же должны быть и наши. Например, всякое живое, органичное и упорядоченное тело есть от Бога посланная нагляднейшая идея согласия, которой должен держаться любой общественный организм. И если мы хотим свободных, удобных, надежных отношений между людьми, то науке общения надо будет учиться не у людей (особенно каких-нибудь ахитофеликов и макиавеллистов⁹), а у Бога, у здравого разума и у природы с ее наглядными примерами, — такими, как согласие между органами

тела, небесными телами и т. д. Когда язычники и некоторые из наших начинают строить общество иным порядком, из них выходят Ахитофелы, Сибны, Гаманы, скорее возмутители, чем устроители спокойствия. Надо возродить политику патриархов, Давида, Соломона (Пс. 101).

Итак, мы рассмотрели назначение, средства, приемы новой политики. Из вышесказанного уже легко можно вывести: (1) *что такое* полития святых в своей сути? Ответ. Полития святых есть не что иное, как разумное и мирное общежитие всех людей при постоянном, внимательном и благоразумном стремлении никому не вредить, воздавать каждому должное и неизменно поддерживать самого себя, своих ближних, других и все в мире в наилучшем возможном положении. (2) Каково различие между этой политией и тем, что мы излагали в Пансофии? ¹⁰ Такое же, как между практикой и теорией: наша новая всеобщая полития по своей сути должна быть не чем иным, как практическим осуществлением нравственного мира. (3) Какая разница между современной политией и нашей новой? Ответ. Существовавшая до сих пор политика была многотрудной, утонченной и коварной, когда люди искали не столько Бога и общественное благо, сколько свою частную выгоду, заботу о всеобщем благосостоянии общества превращали в преследование личных интересов и вместо природной простоты были вынуждены следовать сложным хитростям. Недаром и не было никогда в мире настоящего покоя, а только подозрительность, зависть, ненависть, мятежи, войны и т. д., — словом, принуждение и насилие. Наоборот, в новой политии все подлежит возвращению к первым началам (всеобщности, простоте, самопроизвольности); воцарится, наконец, добрый порядок. В противном случае, чем изощреннее будут писать и учить о политических искусствах, тем более извращенным все будет становиться в человеке и в мире. Порядок человеческой жизни держится на изначальных добрых нравах; это значит, что необходимо вернуться к первобытной райской простоте, о которой учит и на которой настаивает Бог в Писании. (. . .)

Далее можно ответить и на следующий вопрос: будут ли существовать тогда войны? Нет, потому что изначально их не было. Драки — дело дьявола, поскольку небесный Отец до поры не искоренял их, терпел и стремился направить к лучшему. Однако Христом предначертано и провозвещено иное: некоторое время надлежит претерпеть и пройти через противоборство (Лук. 2, 34; Матф. 10, 34), но потом Господь отменит войны и сделает так, что повсюду будет мир; никто не будет стремиться к войне, ибо волки, медведи, тигрицы, львы, отложив свою ярость, соединятся со стадом Христовым. (. . .)

Спрашивается, какую же будет форма правления? О наилуч-

шей и превосходнейшей форме правления споры ведутся до сих пор. Но всякое благо — в умеренности; всякое зло от излишка и злоупотребления. Так, миром правит самодержец Бог, однако через ангелов и людей; свой дух он дарует всякому творению, но всегда — через избранных им себе помощников. Аристократия правит народом через кого-то одного, избранного из своей среды ради порядка. Демократия избирает правительство и одного, кто в свой черед всеми управляет. А что будет при новом состоянии мира? Все формы правления должны будут расцвести во всех трех состояниях: монархия — потому что Христос будет править царями, епископами, философами; аристократия — потому что лучшие люди будут повсюду вести дела; демократия — потому что каждый без исключения будет в своем доме и в глубине своей совести и царь, и священник, и мудрец для себя и для других.

О, счастливо будет тогда человеческое общество! О славное царство! Его главой и повелителем будет Христос, чьими управляющими будут лучшие из народа, а подданными — цари, священники, ученые! Не может быть, чтобы не наступил мир и всеобщее процветание там, где мирный Господь возглавляет все человеческие дела, где лучшие люди ему служат, где все подданные научились, захотели и смогли управлять собой, поклоняться божеству, наставлять и просвещать самих себя и других!

Издания произведений Я. А. Коменского в России

Имя Я. А. Коменского становится известно в России во второй половине XVII в. В практике западноукраинских и белорусских братских школ¹ уже в то время использовались педагогические рекомендации Коменского. Его учебные книги по языкам нашли также применение в последней четверти XVII в. в московских славяно-латинских школах. Проникновению идей Коменского в Россию много способствовал такой культурно-просветительный центр, как Киевская академия. Русским ученым-педагогам Елифанню Славинецкому, Симеону Полодкому, Карпону Истомину и другим были известны отдельные педагогические произведения Коменского.

В начале XVIII в. учебными книгами пользовались в так называемых разноязычных школах. В Московской переводческой школе (1700—1703 гг., под руководством Николая Швиммера)² нашли применение языковые учебники Коменского «Преддверие», «Открытая дверь языков» и «Мир в картинках». Руководитель Московской разноязычной школы Эрнст Глюк³ использовал и доводы этих учебников Коменского в качестве учебных руководств по латинскому и немецкому языкам⁴. Тем самым непосредственно внедрялся в практику школы и метод языкового обучения Коменского. О переводах Глюка сообщалось в западноевропейской печати того времени⁵.

Языковыми учебниками Коменского пользовались в других школах начала XVIII в.: в петербургских иноязычных школах, в Петербургской академической гимназии, в школе при Московской типографии, в Московской инженерной школе⁶ и др.

В эпоху Петра I учебные книги для русской школы издавались не только в России, но и в Голландии, в Амстердаме. Составлял и издавал их Илья Копиевский⁷ по личному договору с Петром I. Среди опубликованных им книг был и языковой учебник «Номенклятор на латинском, русском и немецком языке» («Nomenclator trium linguarum latine, russice et germanice»), напечатанный в 1700 г. Этот латино-русско-немецкий лексикон был построен по принципу учебников Коменского. Известно, что Копиевский собирался продать и «Преддверие» Коменского на латинском, немецком и русском языках. Однако издание это обнаружить пока не удалось⁸.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве был найден фрагмент (16 страниц) дословного русского перевода «Преддверия» Коменского. Рукопись была сделана, по всей вероятности, в одной из московских школ начала XVIII в. Один из русских переводов начала XVIII в. «Мира чувственных вещей в картинках» Коменского хранится в библиотеке Национального музея в Праге⁹. Сохранился еще один своеобразный вид рукописных русских переводов начала XVIII в. учебных книг Коменского: на чистых листах, вклеенных в печатные издания¹⁰, или же просто на полях книги¹¹.

В С.-Петербургской русско-японской школе, основанной при Петре I и возглавлявшейся видным русским ученым Андреем Богдановым¹² (школа служила целям подготовки людей для политических и торговых сношений с Японией), при обучении японскому языку пользовались методом Коменского. «Мир чувственных вещей в картинках» и «Преддверие» были переведены на русский и японский языки¹³.

Таким образом, языковые учебные книги Коменского в первой половине XVIII в. имели широкое практическое применение в школах России.

Во второй половине XVIII в. молодой Московский университет, центр русской передовой науки и просвещения, стал широко переводить и издавать лучшие произведения западноевропейской философии и педагогики — сочинения Коменского, Руссо, Локка, Эразма Роттердамского и других. Московский университет первый осуществил в 1768 г. издание знаменитой книги Коменского «Мир чувственных вещей в картинках». Книга вышла на пяти языках: латинском, русском, немецком, французском и итальянском — под названием «Видимый свет». Издание было осуществлено по инициативе М. В. Ломоносова. Серьезным недостатком этого издания явилось, однако, то, что книга была напечатана без картинок, что нарушало замысел автора — книга должна быть наглядным руководством при обучении языку. Изданию было предпослано предисловие (взамен предисловия Коменского). В предисловии приведены данные о жизни и деятельности Коменского, которые можно считать первой подобной рода информацией в русской печатной литературе о великом чешском педагоге.

Ровно через 20 лет, в 1788 г., Н. И. Новиковым в Московском университете было осуществлено второе издание книги Коменского под тем же названием «Видимый свет» с незначительными языковыми изменениями. Н. И. Новиков являлся сторонником педагогических идей Коменского. В своем трактате «О воспитании и наставлении детей» он, как и Коменский, исходным моментом познавательного процесса провозглашал чувственное восприятие вещей¹⁴.

С именем Коменского связан еще один педагогический документ второй половины XVIII в. — методическое руководство «Способ учения», напечатанное в 1771 г. В этом коллективном труде профессоров Московского университета излагается методика преподавания иностранных языков. Членение курса языкового обучения здесь очень сходно со ступенями языковедческого курса у Коменского. Среди рекомендуемых учебных пособий упоминается книга Коменского «Видимый свет».

Учебные книги Коменского нашли применение и в духовных школах России, которые во второй половине XVIII в. имели характер общеобразовательных школ. Учебный проект М. Максимовича (1751) и расширенный учебный проект Г. Конисского п Т. Щербачкого вводят книги Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» и «Преддверие» в Киевскую академию в качестве руководства по иностранным языкам¹⁵.

В последней четверти XVIII в. в России уже не только знают учебные языковые книги Коменского, но и знакомятся с его общепедагогическими и дидактическими идеями. Эти идеи получили отражение, в частности, в деятельности созданной в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ и в разработанном его Уставе народных училищ, который был утвержден в 1786 г. Большую роль в работе Комиссии и в подготовке этого Устава сыграл приглашенный серб Ф. И. Янкович де Мирнево, ревностный последователь и пропагандист идей Коменского. При его участии в 1783 г. было издано «Руководство учителям I и II классов народных учителей», которое знакомило учителей с идеями Коменского, положившими начало новой педагогике.

По Уставу 1786 г. в России были учреждены главные и малые народные училища. Учебный курс главных народных училищ, представлявших собой повышенные начальные школы, был общеобразовательным и реальным, что,

несомненно, отразило влияние идей Коменского. В главные народные училища вводился в качестве учебника иностранных языков «Мир чувственных вещей в картинках» Коменского. К Уставу 1786 г. было приложено «Наставление главных народных училищ учителям иностранных языков», в основу которого был также положен метод обучения языкам, рекомендованный Коменским.

В 1788 г. Комиссией по народным училищам была издана в С.-Петербурге книга Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» под названием «Зрелище вселенная, на латинском, российском и немецком языках, изданное для народных училищ». Это была сокращенная переработка учебника Коменского, в которой были выпущены главы, содержащие понятия отвлеченные (о божестве, религии, душе человека, нравственности), а также астрономические и анатомические сведения. Некоторые главы книги Коменского значительно переработаны в соответствии с последними достижениями науки. Книга «Зрелище вселенная» имела серьезное преимущество перед более ранними русскими изданиями учебника Коменского — она была иллюстрирована. Тем самым восстанавливалась основная идея Коменского: изучение языка на основе ознакомления с предметами и явлениями окружающего мира. «Зрелище вселенная, на латинском, российском и немецком языках» переиздавалось в 1793, 1808 и 1822 гг.

В 1792 г. в С.-Петербурге «Правила поведения» Коменского были изданы на русском языке под названием «Правила благопристойности»¹⁶. В 1799 г. «Правила поведения» были напечатаны также на латинском языке как приложение к «Латинской грамматике» Н. Бантыш-Каменского, которая позже не однажды переиздавалась.

В первой половине XIX в. внимание к педагогическим идеям Коменского в России, как и в европейской педагогике в целом, несколько ослабло. Однако передовые русские педагоги продолжали пропаганду идей Коменского. В 1833 г. в «Педагогическом журнале», издававшемся в 1833—1834 гг. А. Г. Ободовским, Е. О. Гугелем и П. С. Гурьевым, был опубликован «Обзор всеобщей истории педагогик», в котором давалась характеристика педагогических идей Коменского. В 40-х гг. XIX в. появилось также несколько русских переводов «Мира чувственных вещей в картинках». В 1841 г. в Варшаве была издана книга «Русско-польский Коменский» («Rosyjsko-Polski Komeniusz»). В 1843 г. эта книга вышла вторым изданием. В 1849 г. в Перемышле вышел учебник «Собрание наипотребнейших назвиск под множество приходящих речей на способ образкового света Коменского. Для начинающих учить немецкого языка»¹⁷.

Серьезное научное изучение наследия Коменского начинается в России в 60-х гг. XIX в. — в период подъема общественно-педагогического движения, стимулировавшего интенсивное развитие русской педагогической мысли и проведение широких школьных реформ. В этот период появляются такие крупные работы о Коменском, как статья П. Д. Шестакова «Иоанн Амос Коменский — педагог XVII века» (журнал «Воспитание», 1862, № 1, 4, 5), знакомящая читателя с жизнью и деятельностью Коменского, и статья И. И. Паульсона «Амос Коменский и его «Великая дидактика» (журнал «Учитель», 1869, № 7—10), где давались обширные выдержки из «Великой дидактики». В 1869 г. в «Трудах Киевской духовной академии» (январь и февраль) была опубликована работа чешского историка Ф. Палацко «Жизнь и деятельность Я. А. Коменского» (перевод Н. Задерацкого), послужившая в дальнейшем основным источником биографических данных о Коменском. В конце работы был дан перечень всех сочинений Коменского. Высокую оценку педагогические идеи Коменского получили также в трудах К. Д. Ушинского, составившего свой знаменитый учебник «Родное слово» по принципу «Мира в картинках» Коменского.

В 1869 г. киевский журнал «Воскресное чтение» (№ 50, 54) опубликовал

перевод первых трех глав работы Коменского «Материнская школа». Автор перевода профессор Н. Зайцев во введении отмечал, что произведения Коменского «превосходят многие известные из последующих веков»¹⁸. Столь же высоко оценивались труды Коменского в работах А. Н. Пыпина и В. Л. Спасовича «Обзор истории славянских литератур» (1865) и Л. Н. Модзалевского «Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней» в трех выпусках (1866—1867). Русский читатель имел возможность познакомиться с именем Коменского также благодаря известным в России переводам трудов немецких педагогов К. Раумера (История педагогики от возрождения классических знаний до нашего времени, ч. 1—2, 1875—1878) и К. Шмидта (История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурной жизнью народов, т. 1—4, 1860—1862).

В 1870 г. в России отмечалось 200-летие со дня смерти Коменского. На публичном заседании С.-Петербургского славянского комитета, посвященном этой дате, известный русский педагог С. И. Миропольский сделал доклад «Ян Амос Коменский и его значение в педагогике»¹⁹, в котором назвал Коменского родоначальником современной педагогической науки. На юбилейных торжествах в Одессе В. Я. Григорович прочитал публичную лекцию «Я. А. Коменский — славянский педагог-реалист XVII столетия». (Текст лекции был напечатан в 1871 г.) В 1875—1877 гг. редакцией журнала «Семья и школа» был издан главный педагогический труд Коменского «Великая дидактика» в переводе Богданова, под редакцией С. И. Миропольского по латинскому изданию «Собрания дидактических сочинений» («Opera didactica omnia») Коменского (Амстердам, 1657).

В 70—80-х гг. XIX в. было издано много работ о жизни и трудах Коменского. Горячий сторонник педагогических идей великого чешского педагога, С. И. Миропольский опубликовал статьи «Ян Амос Коменский и его значение в педагогике» (Журнал Министерства народного просвещения, 1871, с. 155—156) и «Народная школа по идеям Коменского» (Семья и школа, 1873, кн. 2). Последняя статья С. И. Миропольского (вышедшая в 1875 г. с небольшими изменениями отдельным изданием под названием «План и основы устройства нашей народной школы») положила начало дискуссии об отношении к педагогическому наследию Коменского. Миропольский считал, что новая русская народная школа должна строиться полностью на педагогических принципах Коменского. Против такого отношения к Коменскому выступил А. П. Пятковский в статье «Педагогическое идолопоклонство»²⁰, осудивший абсолютизацию идей Коменского. Однако Пятковский впадал в другую крайность, утверждая, что «Великая дидактика» Коменского «давно уже исчерпана и изжита» и что «она не может иметь никакого прямого отношения к русской школе»²¹. Советский исследователь творчества Коменского Д. О. Лордкипанидзе оценивает эту точку зрения как нигилистическую, а позицию Пятковского по отношению к наследию Коменского — как «единственное исключение во всей истории дореволюционной русской педагогической мысли»²². Эту же мысль высказывал и И. В. Чувашев в статье «Русские педагоги о Я. А. Коменском», отмечавший, что «дискуссия об использовании педагогического наследия Коменского в разработке вопросов организации и содержания воспитательно-образовательной работы народной школы», несмотря на наличие крайне противоположных точек зрения, сыграла важную роль в установлении «правильного отношения к педагогическому наследию Коменского»²³.

В 70—80-х гг. к наследию Коменского обращались русские педагоги, разрабатывавшие общие и частные вопросы дидактики и методики обучения, — Н. Ф. Бунаков, Н. А. Корф, П. Ф. Каптерев, Н. Х. Вессель и другие. П. Ф. Каптерев в своей книге «Дидактические очерки» (1885) изложил взгляды Коменского на наглядное обучение, отметив, что Коменскому «принадлежит

часть истинного, глубокого понимания и надлежащей постановки наглядного обучения»²⁴. В эти же годы имя и идеи Коменского прочно входят в русские учебники по педагогике и истории педагогики (Г. А. Боброва, В. Гольцева, П. В. Евстафьева, К. В. Ельницкого, И. И. Паульсона и др.).

В 1884 г. в киевском «Славянском ежегоднике» были опубликованы отрывки из работы Коменского «Лабиринт света и рай сердца» (под ред. Т. Д. Флоринского), благодаря которым русский читатель получил представление о социально-политических взглядах чешского педагога.

В 90-х гг. XIX в. начинается самый плодотворный этап в изучении, популяризации и издании педагогического наследия Коменского в дореволюционной России. В 1892 г. общественность России широко отметила 300-летнюю годовщину со дня рождения Коменского. Торжества состоялись во многих крупных городах. Материалы этих торжеств (лекции, доклады) были опубликованы. Среди них особенно следует отметить работы А. В. Будиловича, Н. Ф. Бунакова, Ф. В. Ржиги, Л. Н. Модзалевского, П. Ф. Каптерева, С. И. Мипропольского, К. К. Сент-Илера, Н. С. Карцева, М. А. Холодник.

Большая заслуга в исследовании и распространении педагогических идей Коменского в России принадлежала Педагогическому музею военных учебных заведений, где в 1892 г. был создан специальный «Отдел Коменского». «Отдел Коменского» входил в состав международного «Общества Коменского» («Comenius Gesellschaft»), основанного в Берлине в 1891 г. В положении «Отдела Коменского» указывалось, что главной его целью «служит распространение педагогических идей Коменского среди отечественных педагогов и среди образованного русского общества вообще» (§ 2), «ближайшую же задачу отдела составляет перевод главнейших, преимущественно педагогических сочинений Коменского» (§ 3)²⁵. Выступая в музее на праздновании 300-летия со дня рождения Коменского, руководитель «Отдела Коменского» видный русский педагог Л. Н. Модзалевский подчеркнул, что «сочинения Коменского могут послужить прочным фундаментом для нашей современной педагогики», что «нам пора не только знать о Коменском, но узнать и самого Коменского»²⁶. В отделе были созданы специальные комиссии по переводу трудов Коменского, в работе которых приняли участие П. Ф. Каптерев, М. Н. Холодник, А. Д. Вейсман, Н. В. Ястребов, А. Г. Образцов, Н. С. Карцев, М. Н. Воскресенская, Ф. В. Ржига, Н. М. Тупиков и другие ученые и педагоги. В работе «Отдела Коменского» участвовал и крупный словацкий ученый-комениолог Ян Квачала, в то время профессор Юрьевского университета. В 1894 г. им было найдено в Публичной библиотеке в Петербурге произведение Коменского «Spicilegium didacticum» («Собрание дидактических колосьев»), считавшееся утерянным.

Благодаря деятельности «Отдела Коменского» русскому читателю стали известны такие произведения великого чешского педагога, как «Материнская школа», «Законы хорошо организованной школы», «Школа-театр» и др. В новых переводах несколькими изданиями вышла «Великая дидактика» Коменского.

Работа отдела не исчерпывалась только переводами работ Коменского. В 90-е гг. возросло количество исследовательских публикаций о Коменском, значительно обогативших русскую комениологию. Появились работы о Коменском и на украинском, белорусском, грузинском, армянском языках.

Наиболее значительной работой о Коменском, вышедшей в начале 20-го г., была монография П. П. Блонского «Ян Амос Коменский» (1915), в которой были обобщены предшествующие достижения русской комениологии и дана оценка наследия Коменского с позиций передовой педагогической и психологической мысли.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение богатейшего педагогического наследия Коменского в СССР осуществлялось с новых, марксистских научных позиций. «Для работ советского периода, — отме-

чал в 1957 г. президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров на юбилейной научной сессии, посвященной 300-летию опубликования «Собрания дидактических сочинений» Коменского, — особенностью является не только новый идейный подход к трудам Коменского, но и продолжение лучших традиций по изучению творчества Коменского в прошлом, значительное расширение тематики исследований, большой размах, выражающийся в значительных тиражах его произведений, и внедрение в практику советской школы его дидактических положений»²⁷.

Первым, кто дал оценку наследию Коменского с марксистских позиций, была Н. К. Крупская. Еще накануне Великой Октябрьской социалистической революции Н. К. Крупская писала о Коменском: «У него очень много такого, что ценно для нас с точки зрения социализма... Коменский хотел достигнуть всеобщего мира и счастья... Проповедовал идеи самого широкого демократизма»²⁸.

В годы Советской власти были изданы основные педагогические труды Коменского, некоторые из них («Предвестник всеобщей мудрости», «Похвала истинному методу» и др.) публиковались на русском языке впервые. В 1939—1941 гг. вышло трехтомное издание «Избранных педагогических произведений» Коменского. В 1941 г. издан «Мир чувственных вещей в картинках», в 1947 г. — «Материнская школа». Все эти издания подготовлены известным советским коменологом А. А. Красновским.

В годы Советской власти труды Коменского впервые вышли на многих языках народов СССР. Работами А. А. Красновского, Е. Н. Медынского, Д. О. Лордкипанидзе, С. А. Фрумова, А. И. Пискунова, И. А. Каирова, Н. К. Гончарова, Н. А. Тумин-Альмединген, Н. А. Константшова, И. В. Чувашева, В. З. Смирнова, М. Ф. Шабаяева, В. Г. Захарова, Г. Н. Джибладзе и других была создана богатейшая советская коменана. Крупнейшими в советской коменологии работами являются монография А. А. Красновского «Ян Амос Коменский» (1953) и монография Д. О. Лордкипанидзе «Ян Амос Коменский» (Тбилиси, 1969; М., 1970). Философским взглядам Коменского посвящена работа Г. Н. Джибладзе «Философия Коменского» (Тбилиси, 1973, т. 1).

300-летию опубликования «Собрания дидактических сочинений» (Opera didactica omnia) Я. А. Коменского была посвящена состоявшаяся в 1957 г. Научная сессия Академии педагогических наук РСФСР, которая подвела итоги советской коменологии и наметила перспективы дальнейшего изучения наследия Коменского. На сессии были прочитаны доклады А. И. Каирова (вступительное слово), А. И. Пискунова, С. А. Фрумова, М. Ф. Шабаяева, Д. О. Лордкипанидзе, В. З. Смирнова, Т. Д. Корнейчикова, И. В. Чувашева, И. Ф. Свядковского и Б. Г. Аваньева. Материалы сессии изданы отдельным сборником, к которому приложена обширная библиография трудов Коменского и литературы о нем.

Л и т е р а т у р а

- ¹ См.: *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. — М., 1954, с. 76—86.
- ² *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века (1701—1715 гг.): Документы московских архивов. Предисловие. — М., 1907.
- ³ Об Э. Глюке см.: *Словарь русских светских писателей Митрополита Евгения.* — М., 1845; *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре великом. Т. I. — Спб., 1862; *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. — Спб., 1902; *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.*

О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века (1701—1715 гг.): Документы московских архивов.— М., 1907; *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert.— Berlin, 1953, и др.

- ⁴ *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I.— Спб., 1862, с. 128.
- ⁵ *Die Europäische Fama. Welche den Gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Hofe entdeckt.* Der 35 Teil. Gedruckt zum ersfen mahl 1705, wieder aufgelegt, 1708, S. 789.
- ⁶ *Белокуров С. А., Зерцалов А. Н.* О немецких школах..., с. 218—219.
- ⁷ О Копшевском см.: *Пекарский П.* Наука и литература..., т. I—II; *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копшевского и Яна Тесинга.— В кн.: Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689—январь 1725 г.: Приложения. М.; Л., 1958, с. 318—341 и др.
- ⁸ *Чума А.* К вопросу о существовании русского печатного издания «Преддверия» Коменского — Acta Comeniana: Archiv pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského, roč. XX, 1961, č. 2, s. 169—188.
- ⁹ Рукопись находится в библиотеке Национального музея в Праге (ЧССР), шифр: IX E 41. Об этой рукописи см.: *Коркунов М. А.* О книге Я. А. Коменского «Orbis pictus» в «Известиях Импер. Акад. наук по отделению русского языка и словесности», т. 4, вып. 4, 1855, с. 199—206.
- ¹⁰ Экземпляр такой книги находился в личной библиотеке Н. В. Чехова в Москве. О нем писала *А. П. Бабушкина* в кн.: История русской детской литературы.— М., 1948, с. 61—62.
- ¹¹ Книги хранятся в ЦГАДА в Москве, в фонде библиотеки Синодальной типографии.
- ¹² Об А. И. Богданове см.: *Булич С. К.* Очерки истории языкознания в России. Т. 1.— Спб., 1904; Словарь исторический, 1790, ч. 2; Русский биографический словарь.— Спб., 1908; особенно ценно исследование *И. Н. Кобленца* «Андрей Иванович Богданов. 1692—1766» (М.: изд. АН СССР, 1958).
- ¹³ О русско-японской школе см.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1.— Спб., 1904; *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России.— Спб., 1879; *Сгибнев А. И.* Об обучении в России японскому языку.— Морской сборник, 1868, дек.; *Кобленц И. Н.* Андрей Иванович Богданов. 1692—1766.— М.: изд. АН СССР, 1958; *Чума А.* Учебные книги Я. А. Коменского в Петербургской русско-японской школе в половине XVIII века.— В кн.: Acta Comeniana. Archiv pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského, roč. XVIII, č. 1, S. 70—73.; *Чума А.* Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов 18 века). SPN.— Bratislava, 1970, s. 54—61.
- ¹⁴ *Новиков Н. И.* Избранные педагогические сочинения.— М., 1959.
- ¹⁵ *Петров Н. И.* Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. II, т. II.— Киев, 1906, с. XVI; *Чума А.* Учебные книги Яна Амоса Коменского в русских школах конца XVIII и первой половины XIX века.— В кн.: Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Safarikanae Prešovensis, г. VI, 1966; *Pedagogika—Metodika*, SPN—Bratislava, 1966, s. 100—103.
- ¹⁶ См.: *Чума А.* Учебные книги Я. А. Коменского..., с. 111—114.
- ¹⁷ Год издания книги в последнее время уточнен Ф. И. Науменко (Львов).
- ¹⁸ Журнал «Воскресное чтение» (Киев, 1869, № 50, с. 1289—1290).
- ¹⁹ Журнал Министерства народного просвещения, 1871, ч. 155, май, с. 1—22; июнь, с. 97—135; ч. 156, июль, с. 1—66.
- ²⁰ *Пятковский А. П.* Педагогическое идолопоклонство.— Дело, 1887, № 1, с. 1—34.
- ²¹ Там же.
- ²² *Лордкипанидзе Д. О.* Ян Амос Коменский.— М., 1970, с. 76.

- ²³ Советская педагогика, 1957, № 6, с. 74.
- ²⁴ *Каптерев П. Ф.* Дидактические очерки. — Спб., 1885, с. 79.
- ²⁵ Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. По поводу 302-й годовщины его рождения. — Спб., 1895, с. 113.
- ²⁶ Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. По поводу 301-й годовщины его рождения. — Спб., 1893, с. 6.
- ²⁷ *Каиров И. А.* Вступительное слово. — В сб.: Материалы научной сессии АПН РСФСР, посвященной 300-летию опубликования Собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского (13—14 декабря 1957 г.) / Под ред. И. В. Чувашева, А. И. Пискунова. М., 1959, с. 7.
- ²⁸ *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 10-ти т. Т. 1. — М., 1957, с. 477.

Комментарии

О развитии природных дарований (с. 5—33)

Речь «О развитии природных дарований» («De ingeniorum cultura») была произнесена Коменским 24 ноября 1650 г. в Шарош-Патаке на церемонии начала учебных занятий в местной гимназии. Впервые опубликована в 1652 г. на латинском языке. На русском языке издана отдельной брошюрой в 1893 г. редакцией журнала «Образование» (СПб.) в переводе Л. Н. Модзалевского. В настоящем издании перепечатывается с незначительными текстологическими уточнениями из сборника «Избранные педагогические сочинения» Я. А. Коменского (М., 1955), где работа опубликована в переводе Н. С. Терновского.

Коменский прибыл в Шарош-Патак в октябре 1650 г. по приглашению правителя Венгрии князя Сигизмунда Ракоци. Ему было предложено стать консультантом по вопросам организации школьного дела в Венгрии и возглавить одну из старинных венгерских гимназий — Шарош-Патакскую с целью преобразования ее на основе плана «пансофической школы». Осуществить полностью этот план Коменскому не удалось. Но ему удалось другое — сделать гимназию лабораторией для практической проверки своих идей, для их обогащения и развития в непосредственном педагогическом процессе, под непосредственным влиянием его запросов и требований.

Речь «О развитии природных дарований» — своеобразный программный документ, имеющий важнейшее значение как для уяснения тех задач, которые Коменский ставил перед собой в период пребывания в Венгрии, так и для понимания исходных позиций педагогического мировоззрения Коменского. По существу, здесь ставится основной для педагогики вопрос: возможно ли воспитание человека? Этот вопрос, сегодня уже практически не вызывающий споров, был далеко не бесспорным не только в эпоху Коменского, но и двумя столетиями позже: традиции провиденциализма, обрекающего человека и общество на слепое движение вслед персту провидения, и, с другой стороны, не менее сильные, идущие от Платона традиции учения о врожденных идеях, также отсекающие возможность осознанного влияния на развитие человека, в основе своей снимали вопрос о воспитании как сознательном и целенаправленном процессе формирования человеческой личности.

Созданная названными традициями альтернатива «внедейственности» влияний на развитие человека имела множество модификаций (вплоть до противоборства социологизаторских и биологизаторских педологических концепций). И всем им противостоял, начиная с Коменского, педагогический оптимизм, утверждавший не только возможность и необходимость, но и огромную самоценную значимость целенаправленного воспитательного (педагогического) воздействия на личность. Смысл и основной пафос публикуемой речи — в утверждении этой фундаментальной идеи. Ибо вне педагогического оптимизма нет и не может быть педагогики, призванной раскрыть сущность и закономерности, условия и факторы, пути и средства воспитания человека.

Не менее важен в данной речи и сам способ утверждения Коменским этой идеи, утверждения педагогического оптимизма. Многие философы провозгласили идеал человеческой личности, исходя из абстрактных идей. Коменский здесь, как и в других своих работах, напротив, выступает как реальный мыслитель. Выдвигаемый им идеал — не «над» человеком, не «вне» человека, а внутри его. Идеал — это сам человек в развитом состоянии заложенных в нем природных дарований. Соответственно, путь достижения этого идеала — развитие природных дарований, их культивация, что само по себе уже утверждает и возможность, и необходимость, и перспективность воспитательного воздействия на человека.

Безусловно, в рассуждениях Коменского не могло не быть следов влияния двух указанных выше традиций. Они отчетливо видны и в свойственной Коменскому трактовке идеала человека, созданного «по образу и подобию божью», и в самой идее врожденности природных дарований. Но бесконечно важнее не форма изложения Коменским его идей, а сущность и направленность этих идей, несущих оптимистическую уверенность в реалистичности педагогического идеала и указывающих способы и средства его достижения.

Совокупность этих средств, предложенная Коменским в речи «О развитии природных дарований», учитывает не только педагогические, но и социальные факторы формирования личности. Индивид для Коменского не социальная личность, взятая вне социума (как будут провозглашать многие педагогические концепции на более поздних этапах развития капиталистического общества), но важный функционирующий элемент сложного общественного механизма. Однако на первое место в общей совокупности воздействий, формирующих личность, Коменский ставит факторы и средства педагогические. Эта доминанта воспитательного, педагогического влияния предвосхищает многие идеи мыслителей эпохи Просвещения (которых сближает с Коменским — философом в педагогике — и стиль педагогического мышления: движение от философских категорий и проблем к педагогическим и возвышение последних до уровня философских обобщений).

В публикуемой речи ярко проявились еще две исходные позиции педагогического мировоззрения Коменского — гуманизм и демократизм. В нарисованном Коменским идеале образованного человека первая и определяющая черта — человечность, гуманизм. «Образованные люди, — говорит Коменский, — суть истинные люди, т. е. человечны по своим правам». Этот гуманистический пафос, гуманистический характер педагогического идеала на протяжении всех последующих столетий будет направлять развитие передовой педагогической мысли.

Не менее важной отличительной чертой передовой педагогической мысли всегда будет ее демократизм, берущий свои истоки в педагогическом кредо Коменского. Коменский и элитаризм в педагогике несовместимы. Великий педагог убежден в необходимости и возможности развития природных дарований не только отдельной личности, но и «народа в целом». Народ для него отнюдь не абстракция. В своей речи он обращается к «родичам и соплеменникам: венграм, морavam, чехам, полякам и славонцам». Коменский зовет их к развитию собственной, самобытной культуры, к отказу от бездумного использования «чужих колодезев», к открытию «своих собственных источников» мудрости и света.

Сказанным выше не исчерпывается тот заряд идей, который был заложен Коменским в публикуемой речи. Можно указать по меньшей мере еще четыре капитальные идеи, оказавшие влияние на последующее развитие педагогической мысли. Первую из них подчеркнул видный советский исследователь творчества Коменского А. А. Красновский в своем комментарии к рассматриваемой работе. «Из всех латинских слов и оборотов, — писал А. А. Красновский, — которыми обычно обозначается у Коменского процесс образования (*formatio, doctio, traditio* и т. п.), Коменский пользуется здесь термином *colere*,

cultura в смысле возделывания, возвращая того, что дано человеку от природы и что требует для своего выявления и оформления только некоторой помощи, поддержки, содействия. Таким образом, Коменский задолго до Руссо и Песталоцци, задолго до представителей немецкой просветительской литературы конца XVIII в. формулирует принцип образования как развития естественных природных сил, легший в основу всей новой европейской педагогики» (*Красновский А. А. Ян Амос Коменский: Его жизнь и педагогические сочинения (1592—1670).* — В кн.: *Коменский Я. А. Избр. пед. соч. М., 1955, с. 56—57).*

Приведенная мысль А. А. Красновского о роли Коменского в постановке проблемы «обучение и развитие» (проблема, которая сегодня приобретает все большее и большее значение), к сожалению, осталась не замеченной историками педагогики. В историко-педагогической литературе, включая учебник истории педагогики, до последнего времени истоки идеи развивающего обучения связывались с именем и деятельностью Песталоцци. Ошибочность этого мнения была убедительно доказана в кандидатской диссертации Ю. А. Бибилейшвили «Идея развивающего обучения и вопросы развития природных дарований в дидактике Яна Амоса Коменского» (Тбилиси, 1981).

В свете отмеченной выше актуализации идеи развивающего обучения анализ исторической судьбы этой идеи представляет бесспорный научный интерес. Наличие трех точек зрения на соотношение обучения и развития в начале XX в., как известно, констатировал еще в 1930 г. известный советский психолог Л. С. Выготский (см.: *Выготский Л. С. Избранные психологические исследования.* — М., 1956, с. 251—252, 254, 257). Однако мы до сих пор не имеем даже отдаленного представления о том, как оценивалось это соотношение в отечественной и зарубежной педагогике XVIII—XIX вв.

Выдвигнув в своей речи «принцип образования как развития естественных природных сил» человека, Коменский делает следующий шаг — от цели образования к его содержанию. Идея реального содержания образования, высказанная в его предшествующих работах, здесь получает свое дальнейшее развитие. Коменский не только отрицает традиционный идеал образования — «мудрое и красноречивое благочестие», не только подчеркивает, что образование должно быть подчинено потребностям жизни, но прямо связывает экономическое благосостояние народа с уровнем его образованности: из перечисленных Коменским 18 черт или признаков образованного народа 5 (4—8) связаны с его экономическим бытом.

Таким образом, Коменский выдвигает принципиально новый взгляд на задачи и содержание образования, в котором он выделял предметно-практический стержень. Эта новаторская, плодотворная идея позднее была искажена в буржуазной педагогике, многие представители которой смотрели на задачи и содержание образования с узкоутилитарных, прагматических позиций. Насколько Коменский был далек от такого подхода к образованию, свидетельствует его понимание образованности, выраженное, в частности, в той общей совокупности 18 черт или признаков, которыми он в своей речи характеризует образованный народ.

Ставя перед образованием новые цели и наполняя его новым содержанием, Коменский предлагает и новые средства его реализации. В ряду этих средств важное место занимает широкое общественное участие в образовании и воспитании подрастающего поколения. Коменский не приемлет средневековую традицию, замыкающую процесс воспитания и образования в стенах школы. Педагогический процесс представляется ему важнейшей, если не главной, составной частью жизни общества. Общество в первую очередь заинтересовано в результатах этого процесса и потому обязано участвовать в нем наравне с семьей и школой. Эта идея сотрудничества общества, школы и семьи в деле воспитания и образования молодежи приобретает сегодня особую актуальность.

Наконец, еще одной плодотворной идеей, выдвинутой Коменским в публикуемой речи, была идея о структурировании природных дарований, «качеств или способностей» человека. Коменский впервые в педагогике создает то, что в языке современной науки именуется структурной субъекта деятельности. Он выделяет четыре элемента этой структуры — ум, волю, действие и речь, раскрывает их сущность, специфику и взаимосвязь. Позднее, в других работах, в частности в работе «Выход из школьных лабиринтов», Коменский раскроет функции каждого из этих дарований («функция дарований» — термин Коменского), пути, средства и закономерности их развития.

Предложенная Коменским модель природных дарований, а еще более сам принцип их выделения будут детерминировать разработку психолого-педагогических концепций личности во многих позднейших педагогических системах. Менялись элементы этой модели, вводились новые (например, чувства), исключались некоторые (речь), но неизменной оставалась сама идея построения такой модели, идея создания структуры личности.

Структурирование природных дарований, выделение их различных функций и указание на особые способы и средства развития каждого из них было для Коменского лишь первым необходимым шагом к решению основной задачи — всестороннего развития человека. «Я твердо устанавливаю, — формулировал эту задачу Коменский, — универсальные цели, исследуя образование всей человеческой природы» (см. с. 177 наст. т.) В современной педагогике задача всестороннего развития личности обычно понимается как органическое сочетание в едином воспитательном процессе отдельных видов (или функций) воспитания — умственного, нравственного, трудового, физического, эстетического и т. д. У Коменского же это лишь одна из двух плоскостей решения данной задачи. Вторая плоскость — комплексное развитие внутренних компонентов модели природных дарований: ума, воли, речи и стремления к деятельности. Современное осмысление этой второй плоскости подхода Коменского к проблеме всестороннего развития личности может быть весьма перспективным.

Таков общий абрис идей речи Коменского «О развитии природных дарований» — одного из наиболее ярких памятников мировой педагогической мысли.

¹ Коменский некоторое время жил в Англии и Швеции. После Вестфальского мира 1648 г. он возвращается в Лешно, откуда едет в Венгрию.

² В свободные науки и искусства входили три науки гуманитарного плана (грамматика, риторика, диалектика) и четыре науки, которые несли, прежде всего, элементы естественнонаучных знаний (арифметика, геометрия, музыка и астрономия). Они противопоставлялись несвободным наукам — ремеслам.

³ Т. е. жителей Венеции и Нидерландов, достигших в XVII в. больших успехов в культурно-экономическом и политическом развитии.

⁴ Коменский сравнивает организованную им школу, которой покровительствовал венгерский князь Сигизмунд Ракоци, с Атенеумом, высшей школой в Риме, созданной при покровительстве императора Андриана (117—138).

⁵ Гальциона — согласно древнегреческим мифам, похожая на ласточку морская птица, предвестница покоя и спокойного плавания после шторма.

⁶ Имеется в виду умерший в 1648 г. венгерский князь Иржи Ракоци и его вдова княгиня Лорантфи.

Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом развития природных дарований
(с. 34—43)

Речь «Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом развития природных дарований» была произнесена Коменским 28 ноября 1650 г. перед началом занятий в Шарош-Патакской гимназии. Впервые опубликована в 1652 г. на латинском языке в Шарош-Патаке. На русском языке издана отдельной брошюрой (содержащей также и латинский текст) в переводе Р. М. Урбан под редакцией А. И. Пискунова (1970). Это издание, подготовленное совместно педагогическими издательствами ЧССР, СССР, ПНР, ВНР и ГДР к 300-летию со дня смерти Коменского, вышло одновременно на латинском, венгерском и немецком языках. В настоящем томе печатается в новом переводе В. В. Бибихина.

Публикуемая работа непосредственно примыкает к речи «О развитии природных дарований», произнесенной Коменским четырьмя днями ранее, 24 ноября 1650 г., в той же Шарош-Патакской гимназии. В этой речи, открывающей настоящий том, Коменский в ряду восьми «средств, служащих общему развитию» человека, на четвертом месте (после родителей, воспитателей и школ) поставил книги, представляющие, по его словам, «поистине оселок для отточки дарований, напильок для изощрения разума, мазь для глаз, воронку для вливания мудрости, зеркало чужих мыслей и действий и руководство для наших собственных» (см. с. 17 наст. т.). Развитию этой темы о культурном и педагогическом значении книг и была посвящена вторая речь Коменского в гимназии Шарош-Патака.

Как справедливо отметили в своем послесловии эпикураторы издания 1970 г., «пламенные слова Я. А. Коменского о книгах, как сокровищах, более ценных, чем золото, как главных орудиях образования, принадлежат к самым метким и прекрасным словам, которые были высказаны в истории человеческого образования о назначении книг» (*Коменский Я. А. Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом культуры природных дарований.* — Прага; Москва, 1970, с. 30). Речь Коменского — это гимн книгам, гимн «безмолвным учителям», способным, как никто другой, поддерживать «жизнь памяти и ума», гимн «восхитительному могуществу книг, их величю и даже божественной силе!»

И вместе с тем Коменский в своей речи ставил задачу не только «воспламенить» у своих учеников «любовь к книге», но и научить их «наилучшим способам употребления... этих сокровищ мудрости». («Ибо, — как отмечает Коменский, — ученым сделают тебя не книги, а работа над ними») Решению именно этой задачи, т. е. раскрытию лаборатории работы с книгой, посвящены три из четырех частей его речи. Коменский «выносит на свет это сокровенное», дает мудрые и ценные советы, не пренебрегая вещами, казалось бы, самыми элементарными, а по сути именно теми, которых до сего времени недостает всем, кто начинает самостоятельную умственную жизнь: принципы отбора книг, методика чтения, техника выписок и т. д. За всем этим — не только богатейший личный опыт общения Коменского с книгой, но и всеобъемлющий педагогический анализ книги как «первейшего инструмента развития природных дарований».

Коменский в своей речи отмечает три застарелые «общие болезни» школ, уклоняющихся «от истинного пути»: стремление «загружать умы абстрактными пустяками», обилие «умозрительных наставлений», «извуряющих умы», и подмена этими наставлениями, подкрепленными «цитатными камнями, авторитетными, сборничками проповедей» и т. д., самостоятельного «чтения авторов». Книжки не могут излечить эти болезни, но могут дать противоядие против них. Подчеркивая еще раз в этой связи необходимость подлинного образования, Коменский рекомендует «читать прежде книги реальные, нежели наполнен-

ные пустыми словами, т. е. те, что толкуют о вещах, нужных для жизни; читать книги, а «не книжонки», не удовлетворяться «каплями мудрости», оставляя ее «реки, озера, моря и сам океан» в стороне. Книги, подчеркивает Коменский, — «душа школ, которые, если не одушевлены книгами, мертвы». Эта мысль Коменского (книга — душа школы), как верно заметили авторы упомянутого послесловия к изданию 1970 г., «еще не везде осмыслена» (там же). Как не везде изжиты рецидивы тех застарелых болезней школ, о которых говорил Коменский в своей речи.

Неумение пользоваться книгой — «важнейшим инструментом развития природных дарований», равно как и незнание других, отмеченных им в предыдущей речи средств развития этих дарований, Коменский считает одной из главных причин низкого развития образованности и культуры многих народов. «Поскольку, — отмечает он, — замыслы природы неумело поддерживаются педагогическим искусством... получается, что при формировании умов бывает больше выкидышей, чем благополучных родов». Свою задачу педагога и гражданина Коменский видит в том, чтобы помочь своему народу реализовать «эти замыслы природы», раскрыть и развить — в том числе с помощью книги — заложенные в нем природные дарования.

¹ В своих сочинениях Коменский постоянно подчеркивает три слагаемых успешного обучения: метод, учитель и книга. См., например, «Пампедия», гл. VI, VII.

² Гимн Коменского безмолвным учителям — книгам прозвучал в то время, когда быстрый рост экономики, расцвет культуры в эпоху Возрождения потребовали активного приобщения к знаниям широких слоев населения. Между тем книга в силу традиционного отношения к ней как оторванному от жизни знанию, результату схоластических упражнений не пользовалась уважением и признанием даже среди привилегированных слоев венгерского общества.

³ Цицерон. О границах добра и зла, 3, 7.

⁴ Плиний Младший. Письма, III 5, 10.

⁵ Геллий Авл. Аттические ночи. Предисловие, § 2.

⁶ Речь идет об учебнике Коменского «Открытая дверь языков», где в 100 главах и 1000 предложениях даны систематизированные знания об окружающем мире.

⁷ Florilegium (лат.) — хрестоматия; polyantheum (греч.) — антология; loci communes (лат.) — собрание общих изречений и цитат; thesaurus (лат.) — языковой и предметный словарь.

⁸ Сенека. Письма к Луцилию, 8, 2.

⁹ Одним из первых Коменский предложил создать школьные библиотеки для обеспечения нормального хода учебного процесса. В данном случае речь идет о предоставлении учащимся возможности пользоваться книгами из библиотеки князя Зигмонта Ракоци.

Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости (с. 44—98)

Написано в первые годы работы Коменского в Венгрии, в 1650—1651 гг. Впервые опубликовано в 1657 г. в т. III амстердамского Собрания его дидактических сочинений.

Публикуется в переводе с латинского В. И. Ивановского по изданию: Коменский Я. А. Избр. пед. соч./ Под ред. А. А. Красновского. — М., 1955.

Этот небольшой трактат представляет собой проект школы нового типа, воплощающей на практике пансофически обоснованную теорию образования и воспитания Коменского. В нем разработаны все основные вопросы организации и функционирования школы второй ступени, дающей полное среднее образование, — цели и задачи, содержание, методы и формы обучения; тре-

бования к учителям и характеристика контингента учащихся; регламент работы.

«Пансофическая школа» входит в число центральных работ Коменского, занимаемая среди них весьма важное место. Хотя и в «Великой дидактике», и в «Аналитической дидактике», и в «Пампедии» освещены в практические вопросы обучения, все же основное внимание уделено там общетеоретическому обоснованию и изложению самой концепции формирования личности. По преимуществу же нормативный компонент системы Коменского раскрыт и детализирован именно в «Пансофической школе», которая может рассматриваться как наиболее полная и хорошо профилированная конкретизация новаторского учения Коменского.

Проект Коменского, только отчасти — насколько позволили не во всем благоприятные обстоятельства — реализованный им в Шарош-Патаке (к 1654 г. основанная там школа имела в своем составе подготовительный и пять последующих классов), предусматривал обучение детей обоюбого пола с 9—11 до 16—18 лет. Коменский требовал предоставить право на обучение в средней школе наряду с «молодыми людьми благородного происхождения» и «тем, кого природа снабдила благородным умом». Это было чрезвычайно смелым требованием в условиях феодальной Венгрии: по сути дела, Коменский выступал против сословной школы.

Прогрессивный характер педагогики Коменского проявился также и в том, что он не усматривал в «разнообразии умов», т. е. в индивидуальных особенностях способностей детей, ни малейшего препятствия к обучению всех, всему и всесторонне. Полный и гарантированный успех обучения любого учащегося обеспечивается, по Коменскому, соблюдением ряда условий, нацеленных на подготовку молодежи к жизни и труду, на всестороннее развитие мотивационной, интеллектуальной и поведенческой сфер личности в их единстве.

Важнейшие из этих условий, разработанных Коменским вплоть до практических-методического уровня, «сценария», до детальной регламентации классно-урочной работы и внешкольной деятельности учащихся, суть следующие: пансофическое содержание образования, пансофический метод обучения, пансофическая организация школьного дела.

Дидактические, воспитательные и школоведческие идеи, формулируемые Коменским в ходе разработки этих трех взаимосвязанных основоположений, во многом не утратили своей актуальности.

¹ О значении понятий «все», «всё», «в совершенной полноте» («всесторонне») подробно говорится в «Пампедии», I, II.

² О практической деятельности как необходимом компоненте и как завершении образования см.: «Пампедия», II, 20 и след.

³ Во времена Коменского мнение о происхождении латинского языка от греческого было общепринятым.

⁴ *Всеобщие мастерские света* — пансофические школы.

⁵ Сознание важности овладения накопленной человечеством культурой, выраженное в известном лозунге Декарта «Знание — сила», было характерным для мировоззрения людей XVII в. Европейские государства с их новыми экономическими отношениями нуждались в разносторонне образованных людях.

⁶ О вере Коменского в близящееся наступление тысячелетнего царствия Христа см. примеч. 19 к «Материнской школе».

⁷ *Сенека*. О краткости жизни, XIII, 2.

⁸ Речь идет об «ученом незнании» в смысле Николая Кузанского (см. его трактат «Об ученом незнании». — Соч. В 2-х т. Т. I. — М., 1979, с. 47—184, и примеч. к этому трактату).

⁹ Знание о мире и человеке, согласно Коменскому, изложено в трех книгах: в книге природы, в книге, созданной человеческим умом, и в книгах Свя-

щенного писания. В середине века единственным источником человеческого знания считалась Библия, где истина будто бы содержалась в форме божественного откровения. Коменский значительно продвигается вперед, ставя новые источники знания рядом с традиционными. Тем самым подготавливалась почва для следующего шага, который совершат в педагогике Локк и Руссо. Они разорвут связь между науками о природе и обществе и теологией. Ср. «Законы хорошо организованной школы», VI, I.

- ¹⁰ *Книги божии* — здесь: книги природы, человеческой культуры и Писание. См. предыдущее примеч.
- ¹¹ В системе научной картины мира Коменский рассматривает психику человека как подчиняющуюся общим законам механики. Признавая дух самоуправляющимся «автоматом, машиной», он тем самым переходит от мифологических религиозно-схоластических объяснений к принятым тогда в естествознании взглядам на вселенную как замкнутую механическую систему, состоящую из неизменных элементов. Такой подход был революционным для своего времени.
- ¹² Ср. «Законы хорошо организованной школы», I, 2—5.
- ¹³ Ср. «Великая дидактика», XIX, 16; XXXI, 2. Развернутое сравнение школы с типографией дано Коменским в работе «Живая типография» (см. в наст. т. с. 192—207).
- ¹⁴ О значении требования Коменского соединять изучение конкретных вещей с изучением языка и развитием умственных способностей см. примеч. к «Пампедии», VI, 1.
- ¹⁵ О формуле «Нет ничего в сознании, что раньше не было в ощущении» см. примеч. 3 к «Новейшему методу языков».
- ¹⁶ Речь идет о традиционном латинском алфавите (в алфавите классической эпохи латинского языка было только 23 буквы).
- ¹⁷ Ср. «Великая дидактика», XIX, проблема VI.
- ¹⁸ В подлиннике — *scibilius*: того, что нужно знать; *здесь*: того, что должно быть изучено.
- ¹⁹ Коменский предельно четко и последовательно излагает процесс усвоения знаний ребенком на основе ощущений, понимания и овладения словом. В первых трех классах формируются чувства учеников. Последующие три года должны помочь понять значения вещей, связи между ними, причины их возникновения и существования. Наконец, в последнем, VII классе учащиеся овладевают знаниями о целях и сущности бытия.
- ²⁰ *Вестибулярный* — здесь: вступительный.
- ²¹ *Януальный* — здесь: входной.
- ²² *Атриальный* — здесь: залный. Все три последних названия происходят от названия комнат в древнеримском доме.
- ²³ *Альшted, Иоганн Фридрих* (1588—1638) — немецкий педагог, философ, теолог, один из учителей Коменского.
- ²⁴ Парафраз латинской пословицы «Все свое ношу с собой».
- ²⁵ Коменский первым выдвинул требование предоставить каждому учителю возможность обучать группу детей в специально предназначенной классной комнате. В средневековой школе различные группы обучались в одном помещении. Ср. «Законы хорошо организованной школы», LII 1—3.
- ²⁶ В подлиннике — *hoc age*: восклицание у римлян, смысл которого — «оставь все, сосредоточься на этом»; произносилось при богослужениях.
- ²⁷ Ср. «Законы хорошо организованной школы», XVI.
- ²⁸ *Автопсия* (греч.) — здесь: самостоятельное изучение школьниками чувственно воспринимаемых вещей.
- ²⁹ Ср. «Великая дидактика», XV.
- ³⁰ Ср. «Законы хорошо организованной школы», IV 6.
- ³¹ В подлиннике — исторически, посредством того, что есть». Историче-

- ское познание — здесь: познание вещей такими, какими они стали, каковы они суть (в результате «своей истории», своего происхождения).
- ³² В подлиннике — «разумно посредством познания назначения и способа применения (вещи), эвристически». Здесь речь идет о творческом познании, о применении знаний в новых, нетиповых ситуациях.
- ³³ Стилизация девиза, приписываемого древнегреческому живописцу второй половины IV в. до н. э. Аппелесу: «Ни дня без мазка (штриха)».
- ³⁴ Занятие историей — здесь: изучение возникновения и развития вещей, включая явления природы; также рассказы из прошлого.
- ³⁵ *Квинтилиан*. Об образовании оратора, XI 2.
- ³⁶ Высший, низший — здесь: занимающие соответствующие места по успеваемости в классе.
- ³⁷ Активизация обучения с помощью состязаний и соревнований широко применялась с XVI в. в неауитских коллегиях (закрытых средних учебных заведениях).
- ³⁸ «Французско-бельгийский Меркурий» — периодическое издание 1555—1632 гг.
- ³⁹ Календы — название первого дня месяца у древних римлян.
- ⁴⁰ Ср. «Законы хорошо организованной школы», XV 16. Средство наказания за ошибки в латинском языке, называлось так по имени римского грамматика VI в. Присциана, известного своей строгостью.
- ⁴¹ Идиотизмы — здесь: фразеологические выражения.
- ⁴² Унгаризмы, славянизмы, германизмы — здесь: обороты латинской речи, построенные по образцу венгерского языка, славянских языков и немецкого, соответственно.
- ⁴³ См. примеч. к «Пампедии», XIII 10(III).
- ⁴⁴ Сенат — высший государственный совет в Древнем Риме; консул — там же в эпоху республики — титул двух выборных должностных лиц; пре-тор — верховный судья, часто помощник консула.
- ⁴⁵ *Кастеллио Себастьян* — гуманист XVI в.; синтезировал культурные традиции античности и раннего христианства; автор «Четырех книг диалогов о божестве»; это сочинение использовалось при обучении разговорному латинскому языку.
- ⁴⁶ Речь идет о книгах *Эразма Роттердамского* (1469—1536) «Разговоры просто» и «Об обходительности маленьких детей».
- ⁴⁷ Имеются в виду сочинения испанского философа, просветителя и гуманиста *Хуана Луиса Вивеса* (1492—1540) «Беседы» и «Введение в мудрость», прославляющие добродетельную жизнь.
- ⁴⁸ *Текстор* (иначе — *Равизий*) — малоизвестный французский гуманист.
- ⁴⁹ *Мануций II* — палатинский гуманист, прославленный издатель античных классиков; блестящий стилист, владевший изысканной латынью.
- ⁵⁰ *Корнелий Непот* (100 — после 32 до н. э.) — римский писатель, автор собрания биографий «О знаменитых мужах» в 16 книгах, из которых сохранились двадцать две биографии неримских деятелей и две — отечественных (из книги «О римских историках»). Замечателен занимательным изложением и простым, ясным стилем.
- ⁵¹ *Юстин* — составитель фрагментов из сводов по всеобщей истории различных авторов; *Курций Руф* — римский историк (не позднее середины II в.), автор обширного сочинения об Александре Македонском.
- ⁵² Коменский смог предвидеть одну из труднейших проблем, поставленных введенном классно-урочной системы: как развивать детей, способности которых опережают средний уровень учащегося класса. Он предлагает ряд решений, которые оказались продуктивными и до сих пор используются в школьной практике.
- ⁵³ Актерская профессия считалась позорной у римлян; греки, напротив, считали театральные представления священнодействием.

- ⁵⁴ Греческое слово *математика* (*mathēmatikē*) — от слова *máthēma* — «наука».
- ⁵⁵ Имеется в виду учебник Коменского «Открытая дверь языков», снабженный алфавитным указателем слов. Цифры у слов обозначали номер предложения, в котором они встречаются в текстах учебника.
- ⁵⁶ *Плутарх*. Фемистокл, гл. 2.
- ⁵⁷ Изучение латинского языка сопровождалось ознакомлением учащихся с основами философии и логики. Такая постановка обучения соответствовала идее Коменского связывать слова со значением вещей и явлений.
- ⁵⁸ Второй частью учебного курса Коменский называет изданную им в г. Лешно в 1631 г. «Открытую дверь языков». Учебник, несколько раз переработанный Коменским, имел огромную популярность и издавался более 250 раз.
- ⁵⁹ *Цицерон*. Об ораторе, III, 38.
- ⁶⁰ Третью (главную) часть своего учебного курса латинского языка Коменский называл «Атриум» — «зал» (в античном римском жилом доме атриум — главное помещение с верхним светом).
- ⁶¹ Коменскому принадлежат ряд драматических прозведений на латинском языке, написанных специально для сценических постановок. Общее собрание этих пьес вышло под названием «Школа-игра, или Живая энциклопедия» (Амстердам, 1657).
- ⁶² Учебники для старших классов, объединенные названием «Дворец мудрости», не были опубликованы.
- ⁶³ *Естественная история* — так называлось естествознание.
- ⁶⁴ *Плиний Старший* (23 или 24—79) — римский ученый и писатель, автор «Естественной истории» — энциклопедии естественнонаучных знаний античности.
- ⁶⁵ *Элиан Туберон* — современник Цицерона (I в. до н. э.), юрист, историк, оратор.
- ⁶⁶ «Циник Диоген» — школьная драма, написанная Коменским. С успехом ставилась в г. Лешно в 1640 г.
- ⁶⁷ *Аристотель*. О душе, III, 4.
- ⁶⁸ Такой пересказ Коменский сделал сам и издал в Амстердаме в 1658 г.
- ⁶⁹ Пятая часть учебного курса осталась ненаписанной.
- ⁷⁰ См. примеч. 50.
- ⁷¹ См. примеч. 51.
- ⁷² *Цезарь, Гай Юлий*. Записки (комментарии) о галльской войне, Записки о гражданских войнах.
- ⁷³ *Иустин Мученик* (казнен ок. 166) — греческий христианский писатель, один из так называемых отцов церкви.
- ⁷⁴ *Исократ* (436—328 до н. э.) — афинский оратор, публицист.
- ⁷⁵ *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127) — греческий писатель и историк. Дошедшие до нас многочисленные сочинения объединяются под условным названием «Морали», но этической проблематике посвящено и главное произведение — «Сравнительные жизнеописания» (выдающихся греков и римлян).
- ⁷⁶ Библиейская книга Екклесиаст.
- ⁷⁷ Такая пьеса осталась ненаписанной.
- ⁷⁸ *Саллюстий* (86 — ок. 35 до н. э.) — римский историк.
- ⁷⁹ Речь идет о произведении Коменского «Новейший метод языков» (см. т. 1 наст. изд.).
- ⁸⁰ Намек на басню Эзопа.
- ⁸¹ *Мурет М. А.* — гуманист, известный издатель и комментатор классиков античности.
- ⁸² *Фукидид* (ок. 460—400 до н. э.) — греческий историк.
- ⁸³ *Гесиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — автор дидактической поэмы «Труды и дни» и мифологической поэмы «Теогония» (т. е. родословная богов).

- ⁸⁴ И эта часть учебника «Дворец мудрости» осталась ненаписанной.
- ⁸⁵ Имеется в виду «Новейший метод языков».
- ⁸⁶ Коменский написал школьную пьесу «Патриарх Авраам», ставилась в г. Лешно в 1641 г.
- ⁸⁷ Эта пьеса Коменского не известна.
- ⁸⁸ Вероятно, имеется в виду сочинение Арнольда Клампера «Три года из жизни знатного молодого человека», упоминаемое и в «Новейшем методе языков», XIX 6.
- ⁸⁹ Геллпевы коллеги — так назывались группы гуманистов, собиравшихся для обсуждения и решения научных проблем. Они организовывались по образцу кружка, деятельность которого была описана римским писателем Авлом Геллпом (130—170) в сочинении «Аттические ночи». Коменский разглагольствовал цели геллпевых коллегий в «Великой дидактике» (XXXI 2), он говорит о них и в других работах (например, в статье «Об искусном пользовании книгами»).
- ⁹⁰ Равенство возможностей на получение образования — требование, которое будет подхвачено и развито впоследствии всеми выдающимися учеными-педагогами.
- ⁹¹ Важным средством завершения образования Коменский считал путешествие, позволяющее юношам расширить кругозор, преодолеть национальную ограниченность, сравнить и сопоставить полученные знания с культурой других народов. Об этом он писал в «Великой дидактике» (XXX 14), в статье «О просвещении ума» и в других работах.
- ⁹² Весь подготовленный Коменским учебный материал погиб при пожаре в г. Лешно в 1656 г. (см.: «Автобиография», § 117).
- ⁹³ Платон. Тезет, 150 b — с.
- ⁹⁴ Наши Соломоны — Сигизмунд Ракоци и его мать Сузанна Лорантф, пригласившие Коменского в Венгрию для основания школы в Шарош-Патаке. См.: Великая дидактика, XVIII 44.
- ⁹⁶ Августин Аврелий. Письма, 143, 2.
- ⁹⁷ Сенека. Послания к Луцилию, I 8, 2.
- ⁹⁸ ...украшала свою Спарту. — Игра слов: греческое слово *спарте* (канат) означает участок, обмер которого был произведен с помощью натянутого каната, а также судьбу, наследие. Коменский говорит здесь не о Спарте, а о культурном достоянии, выпавшем на долю человека по воле судьбы, которое он обязан приумножить.
- ⁹⁹ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, I, 6, 15.
- ¹⁰⁰ Лютер Мартин. К деятелям всех городов немецкой земли.

О пользе точного наименования вещей
(с. 99—104)

Речь «О пользе точного наименования вещей» была произнесена Коменским 14 марта 1651 г. при открытии вступительного класса Шарош-Патакской гимназии. Впервые опубликована в 1652 г. в Шарош-Патаке. На русском языке под названием «О точной номенклатуре вещей» напечатана в 1854 г. в Избранных педагогических сочинениях Коменского (М., изд-во К. И. Тихомирова).

В настоящем томе перепечатывается по заданию Избранных педагогических сочинений Я. А. Коменского 1955 г. в переводе Н. С. Терновского.

Разработанный Коменским план создания «пансофической школы» предусматривал организацию в Шарош-Патакской гимназии семи классов, которым должна была предшествовать «школа родного языка, где обучают начальному чтению» (см.: Пансофическая школа, ч. 1, § 46, 47, с. 56 наст. т.). Этот план, как уже отмечалось, Коменскому полностью осуществить не уда-

лось. Им была создана лишь низшая ступень задуманной школы — три первых ее класса, в учебной работе которых широко использовались дидактические и методические идеи Коменского и его учебники. Цель первого из этих классов и те средства, которые ведут к этой цели, были в емкой, лаконичной форме определены Коменским в речи «О пользе точного наименования вещей».

В публикуемой речи Коменский развивает одну из основных своих идей, к которой, по его словам, он возвращался «тысячу раз», — об установлении «параллелизма вещей и слов», об изучении языка параллельно с изучением предметов и явлений окружающей действительности и на примере этих предметов и явлений (подробнее об этом см. комментарии к «Великой дидактике» и «Миру чувственных вещей в картинках»). Необходимость именно такого подхода к овладению языком Коменский здесь формулирует резко и полемичнее, чем в других своих работах. Изучение языка, отмечает он, «без изучения вещей не только бесполезно, но даже прямо вредно, потому что понятия, не проверяемые вещами, становятся нетвердыми, шаткими, сомнительными, одно принимается за другое, откуда и возникают всякого рода заблуждения». Избежать этих заблуждений, по мнению Коменского, можно только одним путем — познавать самые вещи и их «точные наименования». В этом — «основание человеческой мудрости», «ибо мудрость заключается в обширном, истинном, ясном познании вещей, а не в словах, которые без понимания вещей суть нечто попугайское, звук без смысла».

Принцип единства мышления, речи и действительности пронизывает все творчество Коменского. В данной работе этот принцип получает реализацию применительно к задачам начального обучения. Коменский отвергает свойственный средневековой схоластической школе вербализм, и в частности догматическое изучение языка вне связи с явлениями жизни. Он стремится научить «юных адептов начального образования» прежде всего познавать вещи и «точно применять» к ним «те имена, которые им соответствуют». «Точным же, — по определению Коменского, — бывает наименование вещей, если оно: 1) полно, 2) параллельно вещам и 3) вполне продумано», т. е. если слово (понятие) отражает сущность вещи, отражает только одну вещь, и притом вещь познанную, осмысленную. Эти три условия имеют не только непреходящую дидактическую значимость для построения курса обучения языку и курса начального образования в целом. Они всецело сохраняют свою актуальность и в ином, лексикологическом, лексикографическом смысле — как условия отбора терминологических понятий и создания оптимальных терминологических систем. В этом плане данная работа Коменского имеет особое значение для педагогики, понятийно-терминологический аппарат которой еще далеко не совершенен.

В рассматриваемой работе Коменский по-новому осмысливает также и выдвинутую им ранее (в частности, в работе «О развитии природных дарований») идею о врожденном человеку стремлении к деятельности. «Врожденное всем людям стремление к знанию» для него — одно из проявлений стремления к деятельности. Отсюда — только шаг к педагогической интерпретации этой идеи: к утверждению познавательной активности личности. И Коменский делает этот шаг, намечая один из магистральных путей последующих педагогических исканий — поиски форм, методов, средств активизации процесса обучения и воспитания, активизации познавательной деятельности учащихся. В отечественной педагогике эти идеи с наибольшей силой были развиты К. Д. Ушинским, который, как и Коменский, считал, что «стремление к самостоятельной деятельности» врождено человеку. В одной из глав своей фундаментальной работы «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», которая так и называется «Стремление к сознательной деятельности», Ушинский писал: «Жить значит не что иное, как чувствовать, мыслить и действовать... в душе дитяти сильнее всего высказывается стремление к сознательной деятельности». Поэтому, отмечал Ушинский, «мы поло-

жили в основу всех душевных стремлений стремление души к сознательной деятельности» (*Ушинский К. Д.* Собр. соч. Т. 9. — М.; Л., 1950, с. 85, 90, 92).

Подчеркивая в своей речи, что стремление к знанию врождено «всем людям», Коменский отнюдь не полагался только на имманентную силу этого стремления. Ибо, как замечал он, у многих людей «нет досуга, чтобы быть людьми», многие скорее предпочитают «быть частичкой человека, чем человеком». Смысл педагогической деятельности, признанной, по убеждению Коменского, развить природные дарования человека, он видел, в частности, в том, чтобы пробудить врожденное человеку стремление к знанию, поддержать его, дать ему рост, указать цель и направление.

И еще одно обстоятельство заслуживает быть отмеченным в данной работе. Это тот лейтмотив, который проходит через все сочинения Коменского шарош-патакского периода, — стремление его поднять свой народ вровень с образованнейшими нациями». «К этому именно, — говорил Коменский в публикуемой речи, — направлены все мои преобразовательные усилия».

Похвала истинному методу (с. 105—111)

Впервые напечатана в небольшом сборнике, изданном Коменским в Шарош-Патаке в 1652 г. Впоследствии вошла в Собрание дидактических сочинений (Амстердам, 1657—1658). На русском языке опубликована в Избранных педагогических сочинениях (М., 1955) в переводе Н. С. Терновского. В настоящем томе печатается по этому изданию.

В статье отразился настойчивый поиск Коменским нового метода обучения и воспитания детей, отчетливо сформулированный ранее в «Предвестнике всеобщей мудрости». «Все дело в способе, — пишет он. — Стало быть, нужен лишь способ, применяя который к вещам и учениям о вещах можно было бы удобно отличать необходимое от необязательного, полезное от бесполезного, истинное от ложного».

Анализ, синтез, сравнение являются, с точки зрения Коменского, той Арпадиной нитью, которая поможет учащимся выбраться из лабиринтов схоластического обучения. Сущность предлагаемого им метода заключалась в обучении учащихся анализу предметов и явлений, затем в переходе от анализа к синтезу, т. е. к воссозданию целостного представления об изучаемом. Наконец, с помощью сравнения необходимо было помочь школьникам разобратся во всем богатстве окружающего их мира.

¹ *Вергилий*. Энеида, VI 27.

² *Катулл*. Стихотворение 64, 115.

Воскресший Форций, или Об изгнании из школ косности (с. 112—132)

Написано в 1652 г. Впервые опубликовано в 1657 г. в т. III амстердамского Собрания дидактических работ Коменского. На русском языке опубликовано в Избранных педагогических сочинениях Коменского (М., 1955) под названием «Об изгнании из школы косности». В настоящем издании восстанавливается полное название работы (*Fortius redivivus sive de pellenda scholis ignavia*). Печатается по изданию 1955 г. в переводе Н. С. Терновского.

Небольшой трактат «Воскресший Форций...» обязан своим появлением и названием следующим обстоятельствам. В начале своей деятельности в Шарош-Патаке Коменский переиздал высоко ценное им и называемое золотым сочинение филолога и математика Иоахима Форция Рингельберга (ум. в 1631) «Об основах учебных занятий». Однако книга осталась незамеченной. Между тем затративший огромные усилия на развитие школы, Коменский

стал отмечать тревожные явления: пассивность учащихся, беспечность и косность учителей. И он пишет «Воскресшего Форция...», гневную обличительную речь против нерадивости и глупости учащихся.

Центральные вопросы дидактики — кого учить, чему учить и как учить — здесь освещаются в аспекте отношения учитель — ученики. В круг рассматриваемых проблем входят: функция учителя в учебном процессе, требования к личности учителя, его поведению, идеальный образ (модель) учителя, самообразование учителей, их материальное положение и социальный престиж, психология и «техника» труда учителя, контроль за его деятельностью со стороны администрации и общественности; связь школы с семьей, соотношение труда и игры в школе, атмосфера и климат учебных занятий как фактор их эффективности, идеальный образ (модель) учащегося.

В отношении учитель—ученики ведущую роль Коменский отводит учителю. Компетентность, преданность своему делу и мастерство учителя решают в школьном деле всё. От учителя зависят отношение детей к учению, их прилежание и успехи. Учитель несет ответственность за облик и поведение своих подопечных. Чтобы оставаться на высоте этой ответственности («быть, а не казаться учителем»), необходимо овладеть искусством «учить всех, всему, приветливо и приятно». Предпосылкой же к тому служит высокая культура учителя — интеллектуальная, нравственная и практическая, приобретаемая самообразованием, никогда не прекращающимся самосовершенствованием, тренировкой ума и тела.

Самый текст трактата-проповеди призван был служить образцом, примером убеждающей и вдохновляющей речи, на вооружении у которой богатый арсенал средств воздействия на ум и сердце слушателя-читателя: авторитет древних и Писания, ясность и логическая безупречность изложения, страстная любовь к своему делу. Именно таких знаний и таких качеств требует Коменский от учителя — носителя триединого искусства «думать, делать и говорить». Альтернативой этому идеалу учителя выступает «раб полуобразованности», носитель косности, разлагающей школу изнутри.

Однако и самый образованный человек ничего не сумеет в деле обучения, если он не знает и(или) не считается с «природой своего материала» (Коменский проводит свою излюбленную аналогию между мастерской и школой, между искусным мастерским и учителем) — с возрастными и психологическими, как мы сказали бы теперь, особенностями учащихся. Учет этих особенностей составляет важный компонент «метода», т. е. техники учительской деятельности. Здесь главное — помнить о силе примера, о влиянии личности учителя на детей и об «активной природе» ребенка, «склонности человеческой природы к деятельности». Внушить «любювь к мудрости» можно, только побуждая учащихся к самостоятельности, к упражнению, к активности. А для пробуждения и стимуляции познавательных усилий необходимы бодрость, доброжелательность, серьезный тон и вместе — приятность учебного труда, всей атмосферы школьной работы. У игры надо заимствовать подъем и напряжение сил, радостный настрой, не сводя труда к игре.

¹ Рассматривая школу как модель общества, где каждый человек учится выполнять свои гражданские обязанности, Коменский обращался к ученикам и учителям как к «граждавам». См. также «Законы хорошо организованной школы», где подробно излагается структура школьного самоуправления, внешне напоминающая государственное устройство римской республики.

² *Эрнест Томас* — издатель сочинений Форция (см. наст. комментарии, с. 490).

³ Коменский разработал метод научного познания в педагогике, включающий три элемента: постановку проблемы, разработку средств ее разрешения, применение.

⁴ См.: Великая дидактика, VIII 2, 4, 5—9; XII 1.

- ⁵ В подлиннике *officina humanitatis* — «мастерская человечности».
- ⁶ См. примеч. к «Пансофической школе», I, VII 69.
- ⁷ *Сенека*. Письма к Луцилию, 31, 7.
- ⁸ *Фабий* — здесь: Марк Фабий Квинтиллиан (ок. 35 — ок. 96), римский оратор и педагог. Коменский цитирует его трактат «Об образовании оратора».
- ⁹ См. примеч. 98 к «Пансофической школе».
- ¹⁰ С цитируемых слов Эразма Роттердамского начинается его трактат «О способах обучения учащихся».
- ¹¹ Внутренними чувствами Коменский называет память, воображение и способность синтезировать (согласовывать) данные, получаемые с помощью пяти «внешних» чувств.
- ¹² *Овидий*. Метаморфозы, XIII 260.
- ¹³ *Диоген* — здесь: Диоген Синопский (ок. 400 — ок. 325 до н. э.), греческий философ-кирик. Рассказанный Коменским эпизод был включен им в его пьесу «Диоген — кирик воскресший» (первая публикация — 1656 г.).
- ¹⁴ Намек на походы Александра Македонского.
- ¹⁵ О назначении схолахов см.: Законы хорошо организованной школы, XXIII.
- ¹⁶ *Гораций*. Послания, I 10, 24.
- ¹⁷ В подлиннике гекзаметр, заимствованный у Клавдия Клавдиана (375—404), римского поэта (8, 229, 300).
- ¹⁸ *Сенека*. Диалоги, IX 6, 2.
- ¹⁹ *Шопп, Каспар* (1576—1649) — немецкий специалист в области классической филологии, автор учебника под названием «Философская грамматика».
- ²⁰ *Гораций*. Послания, II 3, 417.

Законы хорошо организованной школы (с. 133—163)

Написано в 1652 г. на латинском языке («*Leges scholae bene ordinatae*») в Шарш-Патаке. Впервые опубликовано в 1657 г. в т. III амстердамского Собрания дидактических сочинений Коменского. Первый русский перевод с языка оригинала под редакцией П. Ф. Каптерева издан в 1893 г. В настоящем издании печатается по однотомнику Избранных педагогических сочинений Коменского (М., 1955) в переводе А. А. Красновского.

Этот небольшой трактат примыкает к работам Коменского, посвященным практическим вопросам организации, функционирования и управления школой. А. А. Красновский очень точно назвал «Законы...» одним из первых в истории педагогики трактатов по школоведению, в котором дано решение принципиальных вопросов о целях, содержании, методах и организационных формах деятельности школы как социального института по передаче культуры новым поколениям (см.: *Красновский А. А. Ян Амос Коменский: Его жизнь и педагогические сочинения.* — В кн.: *Коменский Я. А. Избр. пед. соч.* М., 1955, с. 64—65).

Школу Коменский рассматривает как сложную многофункциональную систему, тесно связанную с другими социальными институтами. В «Законах...» регламентируются отношения между школой, государством, семьей и церковью. Тщательно нормируются взаимоотношения между учителями и школьным начальством.

Коменский выделяет все главные составляющие педагогического процесса, рассматривает взаимосвязи между ними, четко определяет их функции в целостной системе школьного организма.

На основе «Законов...» Коменского составлялись школьные кодексы в XVIII и XIX вв.

¹ *Аристотель*. Никомахова этика, X 10, 1180 и 33—35.

- ² *Аристотель*. Риторика, I 4, 1362 п 22—23.
- ³ Под «маленьким государством» (в подлиннике — «маленькой общиной») подразумевается реформированная Коменским средняя школа в Шарош-Патаке.
- ⁴ О декуррионах см. ниже — XII 7, 8; XVI и «Пансофическую школу», IV 51 и примеч. к ней.
- ⁵ *Безвкусно*. Латинские слова «мыслить» («познавать»), «действовать», «говорить» образуют аббревиатуру *SAL* — *соль*. Без «соли» жизнь «безвкусна». — См. подробнее примеч. 106, с. 532 наст. т.
- ⁶ См. примеч. 5 к «Воскрешему Форциню...».
- ⁷ Контрапунктные примеры эмблем см. в «Великой дидактике», XVII 42 и «Пансофической школе» (перед главами о каждом из семи классов проектируемой школы).
- ⁸ Подробнее о распределении времени см. «Пансофическую школу», 57—58, 59, 91, 93.
- ⁹ Ср. «Пансофическая школа», 73—74.
- ¹⁰ В подлиннике — *употребление, применение*.
- ¹¹ Коменский отводит три четверти учебного времени при классно-урочной работе самостоятельным упражнениям учащихся, исходя из своих посылок об активной природе познания. См. «Материнская школа», «Новейший метод языков», «Великая дидактика», «Пампедия», «Пансофическая школа», «О развитии природных дарований», «Воскресший Форцинь...».
- ¹² Т. е. в субботу; см. выше — IV 4.
- ¹³ Ср. «Пансофическая школа», 88—90.
- ¹⁴ О соотношении труда с игрой в школе см. с. 430 наст. т.
- ¹⁵ Коменский отводил детским играм особое место в своей дидактической системе и установил правила их проведения (ср. «Правила поведения», XV).
- ¹⁶ *Платон*. Государство, II 376 e, II 403 c, 409 d — 412 b; Законы, VII 395 c.
- ¹⁷ Ср. «Пансофическая школа», VI 87.
- ¹⁸ «Правила поведения, собранные на пользу юношества» — сочинение Коменского 1653 г. (см. с. 164—173 наст. т.).
- ¹⁹ *Атений* — здесь: учреждение для занятий науками и искусствами (по названию культурного центра, основанного римским императором Адрианом (117—138) в Афинах).
- ²⁰ «Школа-государство» Коменского строилась как модель римской республики, считавшейся образцом демократического государства. Отсюда названия органов школьного самоуправления: сенат — высший совещательный распорядительный орган; коллегии — органы управления общежитиями учащихся; курии — низовые организации, ведающие самоуправлением в школе; декурии — отделения из десяти учащихся.
- ²¹ *Матрикулы* — здесь: личные дела учащихся.
- ²² *Фамулянт* (лат.) — *слуга*. Учащиеся, дети несостоятельных родителей, в венгерских школах, чтобы заработать средства на образование, становились слугами детей из богатых семей. Чтобы создать равные условия для обучения всем, Коменский регламентирует статус фамулянтов.
- ²³ *Педагогус* — здесь: учитель, ведущий классные занятия для всех учащихся. *Педагог* — здесь: частный воспитатель, приставляемый к учащимся из знатных семей.
- ²⁴ *Меркурий* — посланник богов, покровитель путников. В честь Меркурия ставились дорожные указатели — столбы, увенчанные скульптурным изображением бога (гермы).
- ²⁵ *Платоновские пиры* — ученые беседы. *Сибаритские пиры* — пьяные сборища.
- ²⁶ *Гораций*. Наука поэзии, 343.
- ²⁷ *Столарх* — здесь: инспектор школ.
- ²⁸ *Ликург* (IX—VIII вв. до н. э.) — легендарный спартанский законодатель.

²⁹ *Номофилакт* (греч.) — страж законов.

³⁰ См. примеч. 98 к «Пансофической школе».

³¹ *Турн* — персонаж поэмы Вергилия (70—19 до н. э., Рпм) «Энеида», IX 73.

³² *Сюда*, т. е. к сочинениям, написанным Коменским в Венгриц.

**Правила поведения,
собранные для юношества в 1653 г.
(с. 164—173)**

«Правла...» были составлены Коменским во время его пребывания в Венгриц в 1653 г., о чем он упоминает в «Законах хорошо организованной школы» (IX). Впервые опубликованы в амстердамском издании дидактических сочинений Я. А. Коменского. В XVII—XVIII вв. «Правла...» многократно перерабатывались и издавались даже в стихотворной форме. В России во времена Петра I было издано сочинение «Юности честное зерцало», выполнявшее те же задачи нормирования поведения молодых людей, что и «Правила...» Коменского. В настоящем томе печатается по изданию: *Коменский Я. А. Избр. пед. соч.*—М., 1955).

«Правила...» отразили рост самосознания человека XVII в., развитие чувства человеческого достоинства, характерное для этого времени. Эпоха требовала подготовки людей, способных самостоятельно принимать решения в многообразных меняющихся ситуациях, с развитым и гибким «я». Личность становится высшей социальной ценностью. Средневековый человек занимал свое место в социальной иерархии не согласно своим индивидуальным способностям, а в соответствии со статусом рода. В новое время человек должен был добиваться положения в обществе своими знаниями и способностями (см.: *Кон И. С. Открытие «я».*— М., 1978, с. 183—197).

Несмотря на определенный отпечаток традиционных взглядов, принципиальное отличие сформулированных Коменским «Правил...» от всех ранее существовавших и заключается в том, что он формулирует нормы поведения достаточно широко, чтобы овладевший ими индивид мог свободно воспроизводить их в поведении. Традиционной покорности противопоставлено развитое человеческое достоинство, пассивности — активная позиция личности, усваивающая знания, реализуемые в деятельности.

¹ Интересно замечание Коменского о драгоценности времени для человека. Оно свидетельствует о коренных изменениях в сознании человека новой эпохи. Средневековые люди были «безразличны ко времени» (*Bloch M. La société féodale.*— Paris, 1939, p. 119). Позднее, при капитализме, оно приобрело материальную меру: время — деньги. Для Коменского время предстает как возможность развития сущностных сил индивида в процессе усвоения человеческой культуры.

² Коменский подчеркивает значение авторитета учителя. Оскорбление учителя Коменский рассматривает как поступок, требующий сурового наказания. Он приравнивает его к греху Исава, который, по библейским сказаниям, проявил неповиновение отцу, за что был жестоко наказан. Насмешку над учителем Коменский называет Хамовым преступлением. По преданию, Хам, сын Ноя, посмеялся над наготой своего родителя, за что был проклят им.

³ Ср. «Пансофическая школа», 88.

⁴ *Алтарь* (лат.) — восточная часть христианского храма, в которой находится престол. Согласно религиозным воззрениям, принятие дарованной богом пищи требует благоговейного отношения к ней и соответствующего поведения. Поэтому Коменский требует от учеников вести себя за столом, как перед алтарем.

⁵ Ср. «Законы хорошо организованной школы», XV 15; XX 8; XXIV 6.

**Выход из школьных лабиринтов,
или Дидактическая машина**
(с. 174—191)

Написано в 1657 г. в Амстердаме для т. IV вышедшего там Собрания дидактических произведений Коменского. На русском языке опубликовано в переводе А. А. Красновского в издании: *Коменский Я. А.* Избр. пед. соч. — М., 1955. Печатается по этому изданию.

Содержит краткий, строго систематизированный и обобщенный свод теории учебно-воспитательного процесса Коменского. Этот трактат замечателен прежде всего предельно сжатым и потому легко обозримым изложением дидактической системы ученого.

«Выход...» интересен и своим специальным, особым акцентом на идее «технологизации» образовательно-воспитательной деятельности, т. е. надежной отладки обучения как «механизма», который — при условии правильного его конструирования и правильной эксплуатации — давал бы ожидаемый результат (поэтому в названии — «дидактическая машина»).

Коменский противопоставляет свою программу гарантирующего заведомый и притом точно определенный результат обучения бесцельному, бессодержательному и лишнему обоснованного метода «учению» в схоластических школах его времени (поэтому трактат называется «выход из школьных лабиринтов», собственно лабиринтов средневековой школы).

Значительный интерес представляет обобщение (в виде «законов» просвещения ума и воспитания воли) психологической концепции Коменского, в которой конкретизируется основополагающий принцип природосообразности обучения, выдвинутый и обоснованный Коменским в «Материнской школе», «Великой дидактике», «Новейшем методе языков» и (позднее) в «Пампедии».

¹ О нити Ариадны см. «Похвалу истинному методу».

² Имеется в виду речь Коменского «Похвала истинному методу», опубликованная в амстердамском издании 1657 г., ранее «Выхода из школьных лабиринтов».

³ Ср. «Пампедия», V 28 и след.

⁴ Ср. «Великая дидактика», XI, XIII, XIV, XVII, и «Панортосия», XXII 11 и след.

⁵ Ср. «Великая дидактика», XXV.

⁶ Лубин, *Эйлгард* (1565—1621) — см. примеч. 113 к «Великой дидактике».

⁷ Коменский подчеркивает важность орудий для овладения миром вещей. В этом проявляется близость его концепции к идеям Ф. Бэкона, утверждавшего, что «ни голая рука, ни представленный сам по себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями» (*Бэкон Ф.* Новый органон. — В кн.: *Бэкон Ф.* Соч. В 2-х т. М., 1978, т. 2, с. 12).

⁸ Ср. «Пампедия», II—IV.

⁹ ... в этот старческий век мира... — Проявление библейского эсхатологизма Коменского (его веры в конец света).

¹⁰ *Хресис* (греч.) — применение, использование (здесь: знаний на практике).

¹¹ *Автопсия* (греч.) — см. примеч. 28 к «Пансофической школе».

¹² *Автопраксия* (греч.) — букв.: самостоятельность; здесь: применение знаний на практике.

¹³ *Синкризис* (синкриз) — метод познания (и учения), разработанный Коменским; основан на сравнении (см.: Пампедия, VII, 16).

¹⁴ *Автохресия* (греч.) — применение знаний по личной инициативе учащихся.

¹⁵ *Автофтезия* (греч.) — здесь: самостоятельное изучение школьниками чувственно воспринимаемых предметов.

¹⁶ «Воскрешенный Лациум» — название сочинения Коменского, опубликованного в т. IV амстердамского Собрания (1657).

¹⁷ См. наст. изд., т. 2, с. 192—207.

¹⁸ «*Возвращенный рай церкви*» — название небольшого сочинения Коменского (см. т. IV амстердамского собрания, с. 96—105).

¹⁹ Имеется в виду порядок следования публикаций в т. III амстердамского Собрания 1657 г.

Живая типография (с. 192—207)

Впервые опубликовано в т. IV Собрания дидактических сочинений Я. А. Коменского в 1657 г. в Амстердаме. Переводилось на многие языки. На русском языке публикуется впервые в переводе М. Н. Кузьмина и Ю. И. Ритчика.

В статье получила дальнейшее развитие идея создания дидактического метода, способного превратить педагогические знания в инструмент эффективного воспитания. Коменский впервые в истории педагогики создает воспитательную систему, действительно в чем-то напоминающую «механизм» (в комментируемой статье это типография). Согласно требованиям системы цели воспитания и «продукт» воспитательной деятельности должны совпадать. Тщательно разрабатываются и используются в практике заранее намеченные учебно-воспитательные средства. Необходимо отметить, что стремление представить модель изучаемого объекта как механизм было характерно для стиля мышления ученых XVII в. «Поскольку техника того времени имела дело преимущественно с механическими процессами сборки-разборки, постольку познание природы сводилось к выявлению в ней своеобразных сборно-разборных конструкций, а сама природа уподоблялась гигантскому часовому механизму. Тезис о познаваемости мира в этом контексте выступает как обоснование представления о возможности технического воспроизведения всех природных процессов, мнения о том, что человеческое техническое искусство в принципе по своему совершенству может не уступать природе», — пишет В. А. Лекторский (Субъект, объект, познание.— М., 1980, с. 164).

Нормальное функционирование воспитательной системы обеспечивается на разных уровнях прежде всего дидактом, scholarхом и учителем. Впервые в истории педагогики оформляется профессионализация педагогической деятельности.

¹ Речь идет о гравюрах по меди, предпосланных Собранию дидактических сочинений Коменского, автором которых был Криспиан де Пас. В центре гравюры был портрет Коменского, вокруг которого располагались изображения различных природных явлений и видов человеческой деятельности, иллюстрирующие те или иные идеи из книг Коменского.

² Из текста видно, что Коменский еще придерживается геоцентрического взгляда на планетарную систему — движение небесных тел рассматривает как обращение их вокруг неподвижной Земли.

³ Для изданий Общины чешских братьев изящная отделка книги была традиционной и обязательной. Забота Коменского об эстетическом оформлении книг видна во многих его сочинениях.

⁴ Работу корректора во времена Коменского выполняли выпускники высших учебных заведений или даже выдающиеся филологи. Зачастую корректорами выступали и сами авторы книг. Сохранившиеся документы подтверждают, что Коменский неоднократно выполнял работу корректора.

Фрагменты из учебников (с. 208—233)

Под издательским заголовком «Фрагменты из учебников» помещены небольшие отрывки из четырех учебных книг Коменского: «Преддверие к открытой двери языков» (1633), «Открытая дверь языков» (1631), «Дворец» (1651) и

«Школа-игра» (1654), которая представляет собой драматизацию содержания учебника «Открытая дверь языков». Эти фрагменты раскрывают три сферы человеческой деятельности — земледелие, строительство и книжное дело. Сравнение представленных фрагментов с соответствующим материалом известнейшей учебной книги Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» показывает, как Коменский трансформировал один и тот же учебный материал, предназначая его для различных ступеней обучения. Подробнее о замысле и значении учебных книг Коменского см. комментарий к «Миру чувственных вещей в картинках».

Мир чувственных вещей в картинках (с. 234—284)

Создание учебника — одно из тех, часто непреодолимых препятствий, на которых проверяется жизнеспособность педагогических идей. Многие из них не рискуют испытать такой проверки, многие погибают, лишь только касаясь той сферы педагогической материализации, которую представляют собой учебники.

Педагогика знала множество самых различных учебников. Их история пока еще не написана. Разработка теории их создания остается и сегодня одной из наиболее актуальных педагогических задач. Большая часть этих учебников сходилась с педагогической сцены, едва только взошедши на нее. Некоторые из них сочувствовали жизни одного-двух поколений. Немногим суждено было прожить долее. И из этих немногих лишь единицы обрели право прожить века, и прожить не только в национальном, но и в общечеловеческом сознании.

Такими были учебники Коменского, который открыл человечеству, стоящему на пороге нового времени и объединенному общностью ренессансных целей, помимо педагогической теории реализации этих целей педагогические средства — бесценные и бессмертные учебники: «Открытая дверь языков» («*Janua linguarum et scientiarum omnium reserata*»), «Мир чувственных вещей в картинках» («*Orbis sensualium pictus*») и др.

В отличие от многих отраслей науки в педагогике значимость научной деятельности определяется не только новизной и перспективностью научных идей, но и самой их реализацией в практическом педагогическом процессе. В этом суть подлинного педагогического творчества, первым образцом которого была деятельность Коменского, преобразовавшего все три аспекта педагогического бытия — философию педагогики, ее теорию и ее практику. Труды Коменского — и в этом их характернейшая особенность, — будь то «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел», «Великая дидактика» или его учебники, были подчинены решению именно этой трединой задачи. И хотя в той или иной его работе на первый план выходила одна из составляющих этого тредианства, ее разработка была органически связана с двумя другими, более того, подчинена их решению.

Первый учебник Коменского «Открытая дверь языков» создавался в 1629—1631 гг. одновременно с «Материнской школой» и «Великой дидактикой». Основная идея этого учебника, в корне изменившего характер и методику изучения языка, сформулирована в следующих словах «Великой дидактики»: «Школы учат словам ранее вещей, так как в течение нескольких лет занимают ум словесными науками, а затем, наконец, не знаю когда, обучают реальным наукам — математике, физике и пр. Между тем как вещь есть сущность, а слово — одежда; вещь — зерно, а слово — кора и шелуха. Следовательно, то и другое нужно представить человеческому уму одновременно, но сперва вещь как объект не только познания, но и речи» (см. наст. изд., т. 1, с. 330).

Приведенные слова выражают лишь одну из идей «Великой дидактики», но в общем корпусе этих идей она занимала одно из центральных мест, заставляя кардинально пересмотреть весь процесс первоначального обучения — его цели, существо, методику и т. д.

Говоря о том, как в это время было поставлено это обучение, Коменский писал: «Учащихся задерживали на 5, 10, а то и больше лет на том, что несомненно можно воспринять человеку в течение года. Что можно было бы привить сознанию постепенно, то навязывалось, вдавливалось и даже вколачивалось насильственно. Что можно было представить наглядно и ясно, то преподносилось темно, запутанно» (см. наст. изд., т. 1, с. 301—302).

Альтернатива подобной схоластической, словесной системе обучения, сдерживающей с ранних лет умственное развитие ребенка, была четко сформулирована Коменским. «Слова, — писал он в «Великой дидактике», — нужно преподавать и изучать не иначе как вместе с вещами... Нужно поэтому взять за правило: пусть каждый приучается выражать словами все, что понимает, и, наоборот, что он выражает словами, пусть научится понимать. Нельзя позволять кому-либо читать то, чего он не понимает, или рассуждать о том, чего он не может высказать словами. Ведь кто не может выразить ощущений духа, тот — статуя; кто болтает о том, чего он не понимает, тот — попугай. Мы же хотим формировать людей и хотим это сделать, идя кратчайшим путем, и мы этого достигнем, если вещи и речь будут идти в полном соответствии друг с другом» (см. наст. изд., т. 1, с. 378).

Уже только декларация этой идеи представляла чрезвычайную важность для педагогики. Но Коменский никогда не останавливался на середине пути. Он видел свою задачу в том, чтобы теоретически обосновать и практически воплотить эту (как и любую другую выдвинутую им) идею. Последнее и было сделано в его учебниках, в частности в первом из них — в «Открытой двери языков».

«Открытая дверь языков» представляла собой учебную книгу совершенно нового типа. Этот учебник латинского языка отвергал традиционный догматический путь изучения грамматики и синтаксиса, предлагая вместо него метод усвоения языка на основе познания элементов реального мира. Учебник, являвшийся своеобразной детской энциклопедией на латинском языке, содержал 8 тысяч латинских слов, из которых была составлена тысяча сравнительно простых предложений, сгруппированных в сто небольших, постепенно усложняющихся рассказов-статей о важнейших явлениях окружающей действительности.

Учебник Коменского, названный современниками золотой книгой, имел огромный успех. В короткое время он был переведен на 12 европейских языков и, кроме того, на арабский, персидский, турецкий и монгольский языки. На протяжении XVII и XVIII вв. «Открытая дверь языков» служила учебником латинского языка почти во всех странах. «Если бы Коменский, — писал видный философ XVII в. П. Бейль, — издал одну только эту книгу, он и тогда обессмертил бы свое имя».

Всемирная известность, пришедшая к Коменскому после выхода в свет первого учебника, не помешала автору испытывать неудовлетворенность проделанной работой. Коменский считал свой учебник далеко не совершенным, трудным для первоначального усвоения латинского языка. Это побудило его создать новый учебник — «Преддверие к открытой двери языков» (*Januae linguarum reseratae Vestibulum, quo primum ad latinam linguam aditus tingunculis reperetur*, 1633), который являлся подготовительным пособием для усвоения материалов ранее вышедшей книги.

Одновременно, развивая выдвинутую в «Великой дидактике» идею о концентричности обучения на разных ступенях образования — в материнской школе, в школе родного языка, в латинской школе и в академии («задачи и содержание школьного образования должны отличаться не материалом,

а формой»), Коменский подготавливает учебники для третьей («Дворец») и четвертой («Сокровищница») ступеней обучения. Первая из этих книг — «Дворец» (*Atrium rerum et linguarum ornamenta exhibens*) — была издана в 1651 г. Вторая осталась незавершенной.

Задачи и содержание всех этих учебников были сформулированы уже в «Великой дидактике». «Преддверие», — писал Коменский в главе «Метод языков», — должно заключать в себе словарный материал для детского разговора в несколько сотен слов, связанных в кратких перечнях с присоединением сюда таблиц склонений и спряжений. «Дверь» должна заключать в себе все употребительные слова языка — около восьми тысяч, собранные в кратких выражениях, которыми изображаются самые вещи в их естественном виде. К этому нужно присоединить краткие и ясные грамматические правила, чрезвычайно точно указывающие, как надо писать слова этого языка, произносить их, образовывать и соединять. «Дворец» должен заключать в себе различные рассуждения о всевозможных вещах, наполненные всевозможными изящными фразами и выражениями, с отметками на полях, из каких авторов взяты отдельные выражения. В конце должны быть присоединены правила о том, как можно на тысячи ладов изменять и украшать фразы и выражения. Под «Сокровищницей» мы подразумеваем самые произведения классических авторов о всевозможных предметах, наиболее глубокие и яркие, с предпосланным им правилами относительно того, как подмечать и собирать выражения речи, отличающиеся особой силой и точной передачей «идеизмов» (что особенно важно)» (см. наст. изд., т. 1, с. 402).

Так задумывается и выстраивается знаменитый цикл учебников. Венцом его стал «Мир чувственных вещей в картинках», который сам Коменский называл путеводным факелом к «Преддверию» и «Открытой двери языков» (*Comenius J. A. Opera didactica omnia*. — Amsterdam, 1657, pars III, p. 803), «школою или театром видимого мира, преддверием школы и интеллектуальной» (см. «Предисловие» к «Миру чувственных вещей в картинках»). — В кн.: Коменский Я. А. Избр. пед. соч., т. III. — М., 1941).

«Мир чувственных вещей в картинках» — одно из наиболее поздних произведений Коменского — был написан в Шарош-Патаке в 1650—1654 гг. По справедливому замечанию видного исследователя творчества Коменского А. А. Красновского, под редакцией которого вышло советское издание учебника, «Мир в картинках» представляет собой наиболее отчетливый синтез педагогических воззрений Коменского в их практическом применении к системе обучения по его принципам» (*Красновский А. А. «Мир чувственных вещей в картинках» Яна Амоса Коменского*. — В кн.: Коменский Я. А. Избр. пед. соч., т. III. — М., 1941, с. 4).

Место «Мира в картинках» в общей системе творчества Коменского определено А. А. Красновским емко и точно. Но не менее важно и другое. Именно в этом небольшом учебнике, предназначенном для первоначального обучения, наиболее отчетливо был представлен Коменским синтез философско-педагогических идей, их теоретической разработки и практической реализации, т. е. то триединство задач подлинного педагогического творчества, о котором говорилось выше.

В основу учебника Коменского положены три глобальные философско-педагогические идеи, всецело сохраняющие свое значение до настоящего времени: познание, основанное на чувственном опыте в его органическом единстве с практикой и абстрактным мышлением; познание в процессе деятельности; познание, направленное на получение всестороннего, энциклопедического (пансофического, по терминологии Коменского) образования, поставленного на службу реальным потребностям человека и общества. («Пансофией», — писал Коменский, — я называю то, что могло бы служить живым отражением мира — отражением, где все было бы одно с другим связано, друг друга поддерживало, было бы друг для друга плодотворно» (см. наст. изд.,

т. 1, с. 496—497). Как тонко подметил видный советский историк педагогики В. Я. Струминский, в выдвинутой Коменским идее пансофической перестройки учебных планов и программ школы «нетрудно узнать получившую во всей европейской школе нового времени признание идею общего образования». Эта идея, отмечал Струминский, «в основном была усвоена передовой европейской педагогикой, хотя и не всегда находила достаточно творческое воплощение» (*Струминский В. Я.* Гениальный провозвестник педагогической науки в XVII в. славянский педагог — Я. А. Коменский. — Советская педагогика, 1957, № 7, с. 75).

Указанные три основные идеи, подробно развитые и обоснованные в «Великой дидактике», «Предвестнике всеобщей мудрости» и в ряде других произведений Коменского, лапидарно сформулированы в его «Предисловии» к «Миру в картинках»: 1) цель этого учебника — дать «краткий обзор всего мира и всего языка», с тем чтобы изучить предметы, «полезные для жизни»; 2) «основной предпосылкой для этого является требование, чтобы чувственные предметы были правильно представлены нашим чувствам, дабы они могли быть правильно восприняты. Я утверждаю и повторяю во всеуслышание, что это требование есть основа всего остального»; 3) образование «будет полным, если ум обрабатывается для мудрости, язык для красноречия, руки для искусного исполнения необходимых в жизни действий. Эти три вещи — разум, действие и речь — и есть соль жизни».

Переход от этих глобальных философско-педагогических задач к их материализации в легкой и живой ткани учебника был сложен и многоступенчат. Он лежал на пути теоретического осмысления собственно педагогических, дидактических и методических принципов, средств и способов построения учебника и первоначального курса обучения в целом. «Предисловие» Коменского к «Миру в картинках», естественно, не могло отразить весь этот путь. Но отдельные его вехи оно отразило отчетливо.

Первейшая задача, которая встает перед каждым автором учебника, — это выяснение различия между научным и педагогическим изложением того или иного предмета, выбор оптимального способа именно педагогического его изложения, т. е. то, что К. Д. Ушинский называл педагогической переработкой науки. «Над этой переработкой наук в учебники, — отмечал К. Д. Ушинский, — отразилась вся история педагогических систем и педагогических рассуждений». Начало такой переработки, по мнению Ушинского, было положено «Миром в картинках» Коменского (*Ушинский К. Д.* Собр. соч., т. 10. — М., 1950, с. 434). Иными словами, «Мир в картинках» был, по существу, первым учебником в собственно педагогическом смысле этого слова. Более того, он был первым в истории человечества иллюстрированным учебником.

Осознавал ли Коменский существо и важность отмеченной выше задачи и роль «Мира в картинках» в ее решении? Ответ на этот вопрос будет ясен из сопоставления двух приводимых ниже цитат. «В прежнее время, — писал К. Д. Ушинский, — вносили в школу полную систему науки, и потому часто то, что может быть понято только развитым рассудком, вступившим уже в полные права свои, усваивалось механически и, наоборот, юношу, уже развитого самой природой, заставляли зубрить бессмысленнейшим способом» (там же). «И вот, — отмечал Коменский в «Предисловии» к «Миру в картинках», — создается новое пособие для школ!.. Книга, как видите, небольшого объема. Однако она содержит краткий обзор всего мира и всего языка и наполнена рисунками, наименованиями и описаниями предметов... Я надеюсь, — продолжал Коменский, — что такая книга, построенная на подобных началах, принесет следующую пользу. Во-первых, она привлечет к себе детей, так что они в школе будут уже видеть не муку для себя, а удовольствие... Во-вторых, эта книга послужит для возбуждения внимания детей, для приковывания его к предметам и все большего и большего заострения его... приготавливая их к более высоким занятиям. Отсюда произойдет и третья поль-

за, а именно: дети, которые будут привлечены к рисункам и вниманию которых будет захвачено посредством игры и шутки, приобретут понятия о главнейших предметах в мире».

Таков замысел учебника Коменского: чувственное и действительное познание предметов и явлений реального мира (и на этой основе усвоение языка) как исток и предпосылка «более высоких занятий». Соответствующими были дидактические пути и средства реализации этого замысла, сориентированные на ту ступень обучения, для которой был назначен учебник: отбор того, что сегодня входит в понятие содержание образования; «педагогическая переработка» этого содержания в доступный раннему детскому возрасту образовательный материал (по сути — атомарное расчленение реального мира в 2000 словах-понятиях 150 статей, составляющих учебник, чтобы «все то, что преподается и изучается» было «не темным и путанным, но светлым, разделенным, расчлененным, словно пальцы руки», и в итоге органический синтез этих элементов в общую картину мира, которую воссоздает учебник); игра как ведущий вид познавательной деятельности на ступени первоначального обучения; постепенное формирование отвлеченных понятий и способности к сознательному действию на основе чувственного опыта (ибо «старательно упражняя чувства в области правильного восприятия различий, существующих между предметами, мы положим основание и для всей мудрости, и для всего мудрого красноречия, и для всех разумных жизненных действий»); наконец, наглядность обучения (не в виде больше или менее вразумительных настенных или бумажных картинок, а в самом широком и полном, истинном смысле этого слова, сформулированном Коменским в его знаменитом «золотом правиле»: «Пусть будет для учащихся золотым правилом: все, что только можно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое — для восприятия зрением, слышимое — слухом, запахи — обонянием, подлежащее вкусу — вкусом, доступное осязанию — путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами» (см. наст. изд., т. 1, с. 384).

«Мир чувственных вещей в картинках» Коменский в своем «Предисловии» называл «Энциклопедией видимого мира». (Отсюда, может быть, некоторая, несколько неточная модернизация названия его учебника в немецких изданиях — «Sichtbare Welt», «Видимый мир», перешедшая позднее и в русскую педагогическую литературу.) Коменский неоднократно, в частности в «Великой дидактике», подчеркивал важность зрительных восприятий, отмечая, что «зрение среди чувств занимает самое выдающееся место» (см. наст. изд., т. 1, с. 447). Однако, как мы видели, его понимание наглядности обучения вовсе не тождественно созерцательности.

Раскрывая в «Предисловии» к «Миру в картинках» некоторые методические приемы работы с этим учебником, Коменский предупреждал учителей: «...Вещи показывайте детям не только на рисунках, но и в реальности, например, члены тела, одежду, книги, дома и предметы домашнего обихода и т. д. ...Если некоторые вещи, о которых упоминается в этой книге, не могут быть представлены вочно, то было бы очень полезно предподнести их детям в реальности, — например, цвета, запахи, которые здесь не могут быть изображены чернилами. Поэтому было бы желательно, чтобы в каждой хорошей школе хранились заранее заготовленные редкие и дома не встречающиеся вещи, дабы всякий раз, когда о них нужно говорить ученикам, они, вместе с тем, могли бы быть им представлены».

Метод обучения — то последнее звено педагогического процесса, от которого в итоге зависит, состоится или не состоится этот процесс. В современной Коменскому школе метод обучения, по его словам, был настолько запутан, что всякий желающий пройти через сад науки наталкивается на тысячи и тысячи поворотов, изгибов, околиц и так заморочит себе голову, что едва отыщет выход к ясному свету мудрости; большинство же неизбежно за-

стревает в пещерах суетумудрия и находит в них как бы свою могилу» (см. наст. т., с. 109). В «Мире в картинках» Коменский реализовал совершенно свой, новаторский, как он называл, «естественный метод» обучения, основанный на самостоятельной, творческой познавательной деятельности ребенка.

«Предписываемые и применяемые мной правила, — писал об этом методе Коменский, — суть те же, которые предписывает сама природа, именно, чтобы все делалось посредством теории, практики и применения, и притом так, чтобы каждый ученик все изучал сам, собственными чувствами, пробовал все проанализировать и делать и начинать все применять. У своих учеников я всегда развиваю самостоятельность в наблюдении, в речи, в практике и в применении, как единственную основу для достижения прочного знания, добродетели и, наконец, блаженства» (см. наст. изд., т. 1, с. 178).

В конкретной методике работы с «Миром в картинках», с которой в «Предисловии» Коменский знакомил родителей и учителей, эти его идеи были сформулированы следующим образом: дайте книгу детям «в руки, чтобы они забавлялись, как они сами захотят, рассматриванием картинок, эти картинки стали им хорошо знакомы, даже дома, до отправки в школу. После неоднократно спрашивайте их (в особенности уже в школе), какой предмет изображен на том или ином рисунке и как он называется... Позвольте также рисовать рисунки, если они захотят. Мало того, подстрекайте их к тому, чтобы они этого захотели. Во-первых, это также заострит их внимание к вещам. Во-вторых, они станут наблюдать взаимные пропорции между отдельными частями вещей. Наконец, они будут развивать этим ловкость рук, что полезно во многих отношениях».

Так предлагал Коменский осуществлять одну из важнейших и излюбленных своих идей — самостоятельность познавательной деятельности ребенка в процессе его общения с «Миром в картинках».

Что же касается последнего тезиса приведенной цитаты относительно тех результатов, которые может дать «рассматривание рисунков» учебника, то здесь, как верно подметил в упомянутой выше работе А. А. Красновский, кратко, но отчетливо изложены основы «теории педагогического значения рисования» (*Красновский А. А. Указ. соч.*, с. 16). «Нельзя не отметить, — писал там же Красновский, — одной весьма ценной в педагогическом отношении черты рисунков (к «Миру в картинках». — Э. Д.), сделанных, как известно, рукой самого Коменского. Начиная с иллюстраций к живой азбуке, через всю книгу проходит рисунок, изображающий вещи, предметы, явления, действия людей не в статическом состоянии, а в их взаимоотношении и, насколько это можно передать на рисунке, в динамике. Некоторые из рисунков изумительны по передаче ими напряжения, движения. Эта напряженность и динамика, передаваемые рисунком, как раз и представляют то его свойство, которое возбуждает, в особенности у юного зрителя, наибольший интерес и творческую фантазию, чтобы не просто воспринять рисунок, но и дополнить его» (там же).

Выше уже отмечалось, что в «Великой дидактике», в учебнике «Открытая дверь языков» и позже в ряде других трудов Коменский разработал, обосновал и осуществил на практике принципиально новый метод обучения языкам, в основе которого лежало требование: «Изучение языков должно идти параллельно с изучением вещей» (см. наст. изд., т. 1, с. 398). В «Мире в картинках» Коменский сделал еще один, значительнейший шаг вперед в развитии этого метода, предложив новую методику обучения азбуке, в корне отличную от традиционного механического усвоения алфавита с помощью бессмысленного и бесконечно повторяющегося чтения слогов.

В «Предисловии» к «Миру в картинках», которое называлось «живой азбукой» или «символическим алфавитом», Коменский следующим образом описывал эту методику: книга, писал он, «даст детям более легкий способ научиться читать, чем это было до сих пор. Это достигается прежде всего

предпосланным книге символическим алфавитом, а именно: даны формы отдельных букв, а к ним изображения тех живых существ, издаваемый которыми звук стремится передать та или иная буква. Благодаря этому изучающий азбуку ребенок при одном взгляде на животное легко вспомнит, как произносится соответствующая буква, и в конце концов его воображение, укрепленное упражнением, приведет его к быстрому запоминанию всех букв... Самое рассматривание нарисованного предмета, вызвав в его уме наименование последнего, напомнит ему, как нужно прочесть заглавие рисунка. Пройдя таким образом всю книгу, учащиеся невольно научатся читать посредством одних только заголовков к рисункам, и при этом нужно отметить, не будут применены всюду практикующиеся длительные упражнения в складах, эта тяжелая мука детских умов, которая целиком будет устранена этим методом. И то повторное чтение книги, посредством все более полных, приложенных к рисункам описаний предметов, приведет учащегося к окончательному овладению искусством чтения.

Как отметил А. А. Красновский, «в истории обучения первоначальной грамоте эта азбука Коменского сыграла исключительную роль. Она является родоначальницей всего последующего развития звукового метода обучения грамоте» (Красновский А. А. Указ. соч., с. 9).

В книге «Школа-игра» (1656), созданной также в Шарош-Патаке, в которой Коменский дал образцы драматизации учебного материала, он так описывает процесс обучения по «живой азбуке»:

Учитель. Подойдите, детки, мы позабавимся этой картинкой.

Ученик. Охотно, господин учитель.

Учитель (показывая первую картинку). Что это?

Ученик. Птица.

Учитель. Правильно; но какая птица?

Ученик. Не знаю.

Учитель. А ты?

Другой ученик. Не знаю.

Учитель. Я вам скажу. Это ворон. А ты знаешь, как ворон кричит?

Ученик. Не знаю.

Учитель. Он кричит так: а-а-а. Подражайте.

Ученик. А-а-а.

Учитель. А ты?

Другой ученик. А-а-а.

Учитель. Правильно. А знаешь ты, как этот звук можно изобразить?

Ученик. Не знаю.

Учитель. Никто из вас (не знает)?

Ученик. Никто.

Учитель. Я вас научу. Вот здесь уже есть изображение (А); как только кто-либо из вас увидит в какой бы то ни было книге такое изображение (фигуру), всегда должен произносить (так же как ворон кричит) а-а-а. (NB: Он покажет эту букву (А) в словах на этой же самой таблице, а также велит самим отыскивать (ее), пока они не найдут, то есть пока не научатся ее узнавать самостоятельно.)

Учитель. Не хотите ли узнать, как ее писать?

Ученики. Хотим.

Учитель. Легко научитесь. Ты, N, сначала, а вы, остальные, смотрите. Вот деревянная палочка для черчения. Возьми ее тремя пальцами правой руки (так) и веши ее поверх этой буквы (так). (Этому подражают и остальные. Наконец учитель.) Вот мел, напиши эту самую букву на этой черной доске возле первой (буквы). (Заглядывая, будет делать пробу, всегда повторяя: А, так пишется А, пока не научится, если не точно, то насколько возможно (точно). Так делает и второй и третий; затем учитель.) Вот вы уже выучили одну букву. Ты, как скажешь, что ты написал?

Ученик. А.

Учитель. Правильно, хвалю».

В беседе с посетителем школы, присутствующим на этом занятии, учитель поясняет, что подобным же образом дети изучают и другие буквы алфавита. На замечание посетителя, что дети могут забыть первые буквы, пока дойдут до последних, учитель отвечает: «Не могут, ибо следующие буквы мы берем не отдельно, но вместе с предыдущими так: А — В, А — С, С — А и т. д. И после того как они узнают весь алфавит, постоянно соединяя все буквы один с другим и произнося их вместе и при письме, так что уже начнут и писать свои имена и хорошо применять буквы к делу: E-g-o, t-u, i-s, P-a-u-l-u-s, P-e-t-r-u-s и т. д.». (Veskeré Spisy Jana Amosa Komenského. Svazek IX, v. Brně, 1915, p. 269—271).

В «Открытой двери языков» Коменский реализовал свой метод обучения языку на примере латинского языка. В «Мире в картинках» он применил его и к родному языку, осуществив тем самым еще одну из заветных своих идей об изучении в школах родного языка. «Наш всеобщий метод, — отмечал ранее Коменский в «Великой дидактике», — имеет в виду не одну только безмерно любимую нимфу — латинский язык, но ищет пути к развитию равным образом и родных языков всех народов» (см. наст. изд., т. 1, с. 448).

Один из таких путей и указывал «Мир в картинках», который дал прекрасное средство изучения родного языка параллельно с изучением языка латинского. Соответственно, описание картинок, помещенных в учебнике, давалось на латинском и родном языках, в двух синхронно расположенных колонках текста.

Подчеркивая значение «Мира в картинках» для изучения родного языка, Коменский писал в «Предисловии» к учебнику: «Эта же книга, если проходить ее в национальных школах на родном языке, поможет изучению этого родного языка в самой его основе, так как через вышеуказанные описания предметов приведены слова и выражения всего языка в их наиболее целесообразном применении... Этот самый перевод на родной язык поможет быстрейшему и более приятному изучению латинского языка. Как можно видеть в этом издании, вся книжка переведена так, что всюду (родное) слово соответствует по месту слову (латинскому). И пусть на всем протяжении будет одна и та же книга, но только изложенная на двух языках, словно человек, одетый в двойную одежду. Можно было бы в конце присоединить и кой-какие наблюдения и наставления, но лишь в том случае, если латинский способ выражения отстает от родного. Ибо там, где нет никаких отступлений, нет никакой нужды и в наставлении».

Поскольку книга создавалась для школ с немецким языком обучения, в первом ее издании, вышедшем в Нюрнберге в 1658 г., в качестве родного языка был представлен немецкий язык. При последующих ее переводах на другие языки (такие переводы в короткое время были сделаны на языки практически всех народов Европы) соответственно в параллель к латинскому тексту давался текст на языке той страны, которая издавала учебник. Во многих странах, и в частности в России, «Мир в картинках» использовался для изучения новых иностранных языков. Поэтому в ряде изданий учебника параллельно с латинским текстом шли тексты на двух, трех и даже четырех языках.

Первые русские переводы «Мира в картинках», как и «Преддверия...» и «Открытой двери языков», были сделаны в 1703—1704 гг. Их автором был люфляндский пастор Э. Глюк. Петр I пригласил его руководить учрежденной в Москве «для общия всенародная пользы» так называемой большой школой, в которой изучались риторика, философия, политика, математика, история, география, иностранные языки и другие светские науки. Переводы учебников Коменского использовались в школе при обучении иностранным языкам. Издать их Э. Глюк, умерший в 1705 г., не успел. Часть переводов сохранилась

в рукописном виде в библиотеке Академии наук, куда они были переданы в 1735 г.

На русском языке «Мир чувственных вещей в картинках» издавался в 1768, 1788 (дважды), 1793, 1808 и 1822 гг. Первое и второе издания были осуществлены Московским университетом: в 1768 г. — при участии М. В. Ломоносова, в 1788 г. — Н. И. Новикова.

Издание «Мира чувственных вещей в картинках» 1768 г. вышло под названием «Видимый свет Иоана Амоса Комения на латинском, российском, немецком, итальянском и французском языках» (печатня при имп. Московском университете, 1768). Издание было лишено иллюстраций. Не было в нем и «Предисловия» Коменского. Выпуская книгу «для выгоды и пользы российского юношества», издатели снабдили ее своим предисловием, автором которого, как считает И. В. Чувашев (см.: Чувашев И. В. Русские педагоги о Я. А. Коменском. — Советская педагогика, 1957, № 6, с. 68), был первый заслуженный профессор Московского университета Х. А. Чеботарев, известный своими трудами в области истории, географии и педагогики. (См. о нем: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. — М.: Педагогика, 1973, с. 101—105.)

Предисловие к изданию 1768 г., представлявшее собой, по существу, первое русское исследование творчества Коменского, знакомило отечественного читателя с жизнью и деятельностью великого педагога. Автор давал высокую оценку трудам Коменского, в частности «Миру в картинках» и его основной идее — приобретения знаний о реальном мире на основе чувственных восприятий. «Коменский, — писал автор русского предисловия, — наилучший способ избрал и наилучший род учения предпринял в употреблении чувства для выгоды и приращения добродетели и премудрости... Он и в самом деле употребляет по большей части предметы, приводящие чувства в утраченное; он разделяет оные на части, соединяет опять вместе и относит оные к надлежащему их ряду; он показывает по мере понятия юношеского намерения и причины вещей, приводит детей к рассматриванию частей каждой вещи, определяет обстоятельства оных и научает сношения их с другими примечать и все оное вверяет приятным и забавным образом и почти играючи. А когда он приметит, что они начинают уже чувства по правилам употреблять, то откажется от им и идеи предлагать, которые от чувств несколько отдалены и которые только разум и высшие силы душевные занимают, не забывая при том подавать наставления, исправляющие волю и сердце юношеское и преобладающее оное быть постоянными в добродетели».

Глубоко и тонко раскрыв основной замысел «Мира чувственных вещей в картинках», автор русского предисловия, следуя за Коменским, предупреждал о необходимости творческого использования учебника. «Искусному и рачительному учителю, — писал он, — еще многое остается по намерениям, обстоятельствам и отношениям своих учеников или что отменить или приумножить».

Предисловие к изданию 1768 г. было повторено и во втором русском издании «Мира в картинках», вышедшем также без иллюстраций «в университетской типографии у Н. Новикова» в 1788 г. под названием «Видимый мир на латинском, российском и немецком языках». В том же году Комиссия об учреждении народных училищ в Российской империи (на которую были возложены задачи разработки первого общегосударственного школьного устава, составление учебных планов школ, издание учебников и методических руководств, а также подготовка учителей) выпустила в С.-Петербурге третье издание учебника Коменского под названием «Зрелище вселенной на латинском, российском и немецком языках».

В отличие от двух предшествовавших русских изданий новое издание учебника было иллюстрированным. Но текст его и иллюстративная часть подверглись существенному сокращению. «Зрелище вселенной» содержало 80

из 150 рисунков Коменского, почти в такой же пропорции сокращался и текст учебника. Серьезным достоинством книги было, однако, то, что с введенным иллюстраций воссоздавался основной замысел Коменского. Кроме того, в издании было сохранено практически всё, что относилось к естественнонаучной части учебника и к описанию различных видов человеческой деятельности. «Зрелище вселенная» предназначалось как учебник иностранного языка для так называемых главных народных училищ — повышенных начальных школ с пятилетним сроком обучения, которые по уставу 1786 г. предполагалось открыть в каждом губернском городе России.

«Зрелище вселенная» перепечатывалось в России в 1793, 1808 и 1822 гг. В русских школах учебник Коменского пользовался большой популярностью и применялся не только при изучении иностранных языков. Он с успехом выполнял свою основную роль, открывая ребенку мир природы и человека. Эта ведущая идея книги Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» в 60-х гг. XIX в. получила ярчайшее воплощение в классическом учебнике русской начальной школы — «Родном слове» К. Д. Ушинского.

Полный текст учебника Коменского «Мир чувственных вещей в картинках» со всеми его иллюстрациями был издан на русском языке только в 1941 г. в переводе Ю. Н. Дрейзина под редакцией и с предисловием А. А. Красновского. В настоящем издании перепечатывается лишь часть этого перевода: 37 сюжетов из 150, а также «Введение» Коменского и «Заключение» к учебнику. Отобранные фрагменты, отчетливо раскрывающие замысел Коменского и способ его реализации, отражают различные сферы человеческого труда, которому Коменский уделял особое внимание в своем учебнике, — сельскохозяйственного, ремесленного и интеллектуального, а также сферу морали, нравственности. Для того чтобы читатель мог представить себе, какое место занимают эти фрагменты в общей структуре учебника, ниже приводится полное его содержание, в котором публикуемые фрагменты отмечены звездочками.

«Мир чувственных вещей в картинках»

Содержание

Предисловие	XXII. Хищные птицы
Введение*	XXIII. Водяные птицы
I. Бог	XXIV. Летающие насекомые
II. Мир	XXV. Четвероногие и прежде всего домашние животные
III. Небо	XXVI. Скот
IV. Огонь	XXVII. Вьючные животные
V. Воздух	XXVIII. Дикая скот
VI. Вода	XXIX. Дикие звери
VII. Облака	XXX. Змеи и другие пресмыкающиеся
VIII. Земля	XXXI. Ползающие насекомые
IX. Произведения земли	XXXII. Амфибии (земноводные)
X. Металлы	XXXIII. Речные и озерные рыбы
XI. Камни	XXXIV. Морские рыбы и раковины
XII. Дерево	XXXV. Человек
XIII. Древесные плоды	XXXVI. Семь возрастов человека
XIV. Цветы	XXXVII. Внешние органы человеческого тела
XV. Овощи	XXXVIII. Голова и руки
XVI. Хлеба	XXXIX. Мясо и внутренности
XVII. Кусты	XL. Сосуды и кости
XVIII. Одушевленные и прежде всего птицы	XLI. Внешние и внутренние чувства
XIX. Домашние птицы	XLII. Душа человека
XX. Певчие птицы	
XXI. Полевые и лесные птицы	

- XLIII. Уроды и чудовища
 XLIV. Садоводство *
 XLV. Земледелие *
 XLVI. Скотоводство *
 XLVII. Как производится мед *
 XLVIII. Помол муки *
 XLIX. Хлебопечение *
 L. Рыбная ловля *
 LI. Птицеводство *
 LII. Охота *
 LIII. Мясное дело
 LIV. Поваренное дело
 LV. Сбор винограда
 LVI. Пивоварение
 LVII. Пир
 LVIII. Обработка льна
 LIX. Тканье
 LX. Полотно
 LXI. Портной
 LXII. Сапожник
 LXIII. Плотник *
 LXIV. Каменщик *
 LXV. Машины (снаряды) *
 LXVI. Дом *
 LXXVII. Рудник *
 LXXVIII. Кузнец *
 LXXIX. Столяр и токарь *
 LXX. Гончар *
 LXXXI. Части дома
 LXXXII. Теплая комната и спальня
 LXXXIII. Колодцы
 LXXXIV. Баня
 LXXXV. Цирюльня
 LXXXVI. Кожюшья
 LXXXVII. Часы
 LXXXVIII. Живопись
 LXXXIX. Зеркала и оптические стекла
 LXXX. Бочар
 LXXXI. Вербочник и шорник
 LXXXII. Путник
 LXXXIII. Всадник
 LXXXIV. Повозки
 LXXXV. Вада
 LXXXVI. Передвижение по водам
 LXXXVII. Плавание
 LXXXVIII. Быстроходный корабль
 LXXXIX. Грузовой корабль
 XC. Кораблекрушение
 XCI. Искусство письма *
 XCII. Бумага *
 XCIII. Типография *
 XCIV. Книжная лавка *
 XCV. Переплетчик *
 XCVI. Книга *
 XCVII. Школа *
 XCVIII. Кабинет
 XCIX. Искусства речи *
 C. Музыкальные инструменты
 CI. Философия
 CII. Геометрия
 CIII. Небесная сфера
 CIV. Положение планет
 CV. Фазы Луны
 CVI. Затмения
 CVIIa. Кометы
 CVIIb. Земной шар
 CVIII. Европа
 CIX. Этика *
 CX. Мудрость *
 CXI. Трудолюбие *
 CXII. Умеренность *
 CXIII. Мужество *
 CXIV. Терпение *
 CXV. Человечность *
 CXVI. Справедливость *
 CXVII. Щедрость *
 CXVIII. Брачный союз
 CXIX. Родословное дерево
 CXX. Семейный союз
 CXXI. Хозяйственный союз
 CXXII. Город
 CXXIII. Внутренность города
 CXXIV. Суд
 CXXV. Казни преступников
 CXXVI. Торговля
 CXXVII. Меры и весы
 CXXVIII. Медицина
 CXXIX. Погребение
 CXXX. Спектакль
 CXXXI. Фокусы
 CXXXII. Площадка для гимнастики
 CXXXIII. Игра в мяч
 CXXXIV. Игра случая
 CXXXV. Состязания в беге
 CXXXVI. Детские игры *
 CXXXVII. Государство и страна
 CXXXVIII. Королевское величие
 CXXXIX. Воин
 CXL. Лагерь
 CXLI. Боевой строй и сражение
 CXLII. Морской бой
 CXLIII. Осада города
 CXLIV. Религия
 CXLV. Язычество
 CXLVI. Иудейство
 CXLVII. Христианство
 CXLVIII. Магометанство
 CXLIX. Провидение божье
 CL. Последний суд
 Заключение *

Всеобщий совет об исправлении дел человеческих
(с. 285—469)

«Всеобщий совет» был начат не позднее 1645 г. (см. «Предвестник всеобщей мудрости», общее примеч.), «Пансофия» и некоторые другие его части остались незавершенными и не были напечатаны при жизни Коменского (см. комментарий к отдельным частям). Впервые полностью издан в 1966 г. в Праге (см. об этом издании ниже). Публикуемые в нашем (— В. Б.) переводе фрагменты «Всеобщего совета» составляют около $\frac{1}{14}$ его объема.

Педагогика Яна Амоса Коменского неотделима от философии (см. об этом в кн.: *Джибладзе Г. Н.* Философия Коменского.— Тбилиси, 1973). Его философия такова, что центральное положение занимает в ней педагогика в широком смысле приведения человека к его подлинной сущности. Подобно Бэкону, Декарту, Спинозе, Коменский осмысливает и утверждает наступление Нового времени. Глобальная критика всей существующей системы знания и всего традиционного порядка вещей, расчистка позиции для нового человеческого субъекта и всестороннее обеспечение этого субъекта всей полнотой божественного и человеческого знания с тем, чтобы он мог отныне непоколебимо и прочно удерживать за собой позицию держателя истины посреди сущего, — такие задачи ставила перед собой мысль эпохи. Те же цели были содержащим главной философской идеи Коменского, идеи всеобщности («кафоличности», catholicum). Первый из трех ее слитных моментов («всё») нацеливал на охват, учет, познание и применение всей полноты материальной и духовной действительности без исключения чего бы то ни было даже в возможности; второй момент («все») ориентировал на собирание всеобъемлющего человеческого субъекта, воплощающего в себе такую полноту человечности, при которой он мог бы уже не опасаться непредвиденных колебаний и изменений своего существа; третий момент («всячески») постулировал такую деятельную полноту интуиций, познаний и умений («искусств») совершенного субъекта перед лицом совокупности мира, когда субъект мог бы неостановимо восстанавливать себя в опоре на истину и в качестве ее носителя. Как во всей философии Нового времени, гарантом этого грандиозного проекта самоустройства человека в мире у Коменского выступала вера в доброго Творца и в достоверность уготованного человеку спасения. В педагогике Коменского решающей задачей было вырвать человека из ограниченного круга каждодневных восприятий, поставить его во всеоружии его сил и способностей перед совокупностью бытия, дать ему возможность во что бы то ни стало уловить цельный, безущербный образ мира. Характерно, что в середине 1640-х гг., в расцвете своей педагогической деятельности, когда его «Дверь вещей» переводилась и принималась в качестве учебника во многих странах и от него жадно ждали новых подобных работ, Коменский, рискуя не оправдать возложенных на него надежд, вынашивает замыслы, всеобъемлющий характер которых по-настоящему виден только ему самому. 18/28 сентября 1644 г. Коменский пишет Г. Хоттону, присоединившему свой голос к требованиям новых учебников: «Мне очень хорошо известно, что моих сочинений нетерпеливо ждут, но кто больше стремится к их совершенству, чем я? На двух моих плечах лежит тяжелый груз. О, если бы только Богу заблагорассудилось те же мысли внушить кому-нибудь другому, те же намерения посеять в какой-либо другой душе! Если бы я больше мог или меньше хотел! А пока, чем дальше я продвигаюсь, тем дальше мне дано видеть, и я уже не могу не стремиться к этому более далекому, более совершенному, лучшему. Поэтому прежде, менее совершенное, мне уже не правится, и мне приходится тысячекратно улучшать и исправлять себя... Возможности действовать иначе я для себя не вижу. Что из всего этого получится? Бог знает. Я решился вступить на путь, который указывает мне все более яркое мерцание божественного света (. . .) Ты, наверное, поймешь, что я задумываюсь о более крупных задачах, чем «Пред-

дверня», «Введения», «Словари» и подобные инструменты для обучения детей... Когда я стремлюсь осуществить что-то обособленное, я повсюду наткнулся на сомнения. Поэтому я лучше займусь всеобъемлющими задачами и позднее буду разрабатывать частности, по мере того как они дадут о себе знать» (курсив наш. — В. Б.). Между «частным» и «всеим» для Коменского произошло не количественное, а философское различие: только обозрение «всего» впервые давало ясность понимания бытия и надежную точку опоры для воли и действия, тогда как всякое частное познание и усилие могло оказаться злом. К началу 1645 г. новые замыслы Коменского оформились в план создания всеобъемлющего просветительского труда, обращенного ко всему человеческому роду. 8/18 апреля 1645 г. он пишет своему покровителю и меценату Людовику Де Гееру о новых рабочих планах: «Дела, если Богу будет угодно, воследуют, хотя и не так скоро, как хотелось бы людям, настаивающим на ускорении работы. Пока нет ни одной души, которая понимала бы, о каких задачах здесь идет речь. Я сам раньше тоже не понимал подлинного основания этого труда, воздвигаемого Богом. Но день ото дня мне удается лучше рассмотреть его, и в конце концов я вижу то, что превосходит самые смелые надежды (. . .) Впрочем, я, как всегда, жалею на свою медлительность: если кому-то даю буквально выплывать книгу за книгой, то не мне. Зато мне дано (. . .) желание писать произведения, которым суждена долгая жизнь (. . .) В мире совершаются дивные перемены, все готовится к новому рождению (. . .) Бог крушит у племен и народов все, что ему неудобно, чтобы уготовить путь к лучшему. Пусть крушит; не будем же выбрасывать имеющийся у нас строительный материал на груды развалин. Наступит время, когда после расчистки развалин обнаружится разровненная площадка для новостройки. Тогда подойдет наконец пора и нам выступить из нашего укрытия и вынести на свет то, что послужит всеобщей радости (. . .) Труд, над которым я работаю, несет название «Всеобщий совет об улучшении человеческих дел, обращенный к роду человеческому, прежде всего к ученым Европы». В этом труде «Пансофия» стала одной седьмой частью, равно как и «Пампедия», т. е. книга о всеобщем воспитании умов». За одиннадцатилетие, с 1645 по 1656 г., Коменскому, несмотря на огромную занятость, удалось в общих чертах завершить «Всеобщий совет». Он ждал прекращения войны в Германии и между Скандинавскими странами, чтобы с наступлением мира предложить наконец истомленной распрями и жаждущей покоя Европе свой проект. В 1656 г. Коменский предполагал выступить с идеями «Всеобщего совета» на всеевропейском собрании протестантских вероисповеданий, который предполагалось провести под эгидой Кромвеля; однако собрание не состоялось. Лишь на мирном конгрессе европейских стран в Бреде в 1667 г. он получил возможность, выступив перед собравшимися дипломатами, непосредственно изложить власть имущим Европы свои замыслы. Он пользовался к тому времени огромной известностью и был действительно услышан, однако больше в аспекте сделанных им чисто политических предостережений и предсказаний (турецкая опасность, перспектива новой большой войны, призыв к императору и папе осуществлять справедливость и не противиться реформе всей церкви).

В конечном итоге надежды на сильных мира сего обманули Коменского так же, как не осуществились его мечты о совместной работе лучших ученых вселенной над пансофией. Среди друзей и коллег «Всеобщий совет» встретил еще больше непонимания, чем в свое время «Предвестник всеобщей мудрости». Самуил Гартлиб упрекал Коменского в медлительности, в задержке работы над школьными учебниками и над «Пансофией» в ее первоначальном варианте. Старый сотрудник Коменского в деле реформы школьного образования шотландский священник Джон Дьюри писал Де Гееру: «Коменский (. . .) никогда бы ничего не сделал, если бы ему предоставили выбрать предметы своих занятий по его собственной прихоти: его наклонности влекут его к непрестанной смене занятий, без доведения чего бы то ни было до конца, а это —

очень тяжкий род безумия» (*Göransson S. Comenius och Sverige 1642—1648.*— Luchnos, 1957—1958, Uppsala, 1958, с. 131). К концу жизни Коменский остался почти без научных помощников. Самый тяжелый удар по «Всеобщему совету» и перспективам его полного издания нанес еще один бывший друг Коменского гронингенский богослов Самуил Маресий (1593—1673). Как упоминалось, уже к 1656 г. «Всеобщий совет» существовал в основном в том виде, который известен нам сейчас. Коменскому удалось спасти его почти весь от пожара в Лешно 1656 г. Начиная 1656 г. Коменский публиковал части «Всеобщего совета» («Панавгия», «Панегерсия» и др.) в Амстердаме. Незавершенной оставалась только его главная часть («Пансофия», или «Пантаксия»). В 1669 г. С. Маресий, знакомый со всем сочинением в рукописи, публично выступил с жестокими нападками на «Всеобщий совет», обнаружив там, с одной стороны, хиллазм, т. е. учение о надвигающемся царстве Христовом на земле, а с другой стороны, «вредоносные политические тенденции», способствующие революции! Помимо этих пороков Маресий находил во «Всеобщем совете» и некоторое сродство с Кампанеллой, а следовательно, близость к католикам, и «атенам», выражающийся в сосуществовании христиан всех конфессий, и язычество (в приставке «Панегерсия», «Панавгия» ему послышалось имя языческого бога Пана), и фанатизм, и визионерство, и одержимость. Еще 14 января 1669 г. Коменский говорил в письме Микулашу Драбику, что ему требуется несколько месяцев жизни, чтобы завершить «Пансофию». Теперь вместо этого он вынужден был публично отвечать Маресию на его обвинения («О ревнии без знания и любви, братское увещание Я. А. Коменского к Самуилу Маресию ради уменьшения ненависти и увеличения благосклонности». — Амстердам, 1669; «Продолжение братского увещания о смиреннии ревнии любовью... Я. А. Коменского к С. Маресию». — Амстердам, 1670; § 39—128 этого сочинения представляют собой автобиографию Коменского). Из разъяснений Коменского, как и из содержания соответствующих глав «Всеобщего совета», ясно, что он не был хилластом, т. е. фанатиком, поджидающим наступления царства божия к определенному историческому сроку. Его исторософия определяется беспристрастными исследователями не как еретический хиллазм, а как библейский эсхатологизм, т. е. напряженное ожидание всегда близкого, однако не очерченного конкретными историческими сроками осуществления всего, что предопределено божественным участием в человеке и его истории; такой эсхатологизм свойствен многим великим мыслителям, в нем нет ничего еретического или сектантского. Что касается «революционаризма» Коменского, то, конечно, предлагавшиеся им реформы шли несравненно дальше того, что было достигнуто революциями его эпохи (взять хотя бы его идею полной отмены социального разделения в школах или поголовного участия всех людей в управлении человеческими делами), однако Коменский предусматривал только духовный и нравный путь преобразований. Как бы ни был прав Коменский в своем споре с Маресием, «обличения» последнего прозвучали в унисон с распространенными тогда в Голландии антихилластическими настроениями, и, несмотря на усилия друзей Коменского и его сына Даниэля, полное издание «Всеобщего совета» оказалось невозможным. В 1680 г. в количестве 100 экземпляров вышли отрывки из «Пансофии»; в 1702 г. в Галле в составе «Истории чешских братьев» вышло предисловие к «Всеобщему совету» и его первая часть, «Панегерсия». Посеянные Маресием предубеждения против Коменского оказались настолько велики, что статья о последнем в «Историческом и критическом словаре» Пьера Бейля (Роттердам, 1697) состоит по большей части из самых грубых и несправедливых обвинений Коменскому в научной и нравственной недоброкачественности, смехотворной помпезности и шарлатанстве. В конце XVIII в. И. Г. Гердер («Письма для поощрения гуманизма». 5-е собрание. — Рига, 1795) называет Коменского «другом человечества» и пишет: «Почему именно самые миролюбивые, самые добрые души, Эразм, Гроций, Коменский, Лейб-

ниц, испытывали так много черной неблагодарности от своих современников? Причину легко найти: они не имели партийных пристрастий, тогда как те (их ненавистники) представляли собой одержимые предрассудками борющиеся партии. Этими последним невежество, корысть, слепая привычка, уязвленная гордыня или десять других фурий вложили в руки оружие распри или кляж клеветы; те мирно боролись со щитом истины и добра. Золотой щит истины и добра не гибнет; борцы за них могут лично пасть, но их победа растет, и она бессмертна» (письмо 62, конец; ср. письмо 57). В XIX в. приходит полное признание Коменского как великого педагога (хотя, например, Песталлоцци еще мог считать, что Коменский отправляется от механического принципа наглядности и попадает вместе со своими учениками в «рисованный мир»). В берлинских чтениях по истории и системе педагогики (1884 и 1894) Вильгельм Дильтей назвал Коменского «возможно, величайшим педагогическим умом, какой производила Европа» (см.: *Dilthey W. Gesammelte Schriften*. Bd. XI. — Stuttgart — Göttingen, 1961, с. 169; ср. Bd. IX, с. 160 след.). К началу XX в. основные педагогические сочинения Коменского были переведены на многие языки мира, в том числе на русский; что касается «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих», то, с легкой руки Пьера Бейля, это огромное сочинение считалось многими (такое мнение можно найти в некоторых старых энциклопедиях) существующим только в планах, фантазией Коменского. Только в 1935—1940 гг. после упорных поисков Дмитрию Чижевскому удалось в библиотеке детского приюта города Халле обнаружить основной корпус «Всеобщего совета». Лишь недавно он был наконец полностью опубликован Чехословацкой академией наук (*Iohannis Amos Comenii de rerum humanarum emendatione consultatio catholica. Editio princeps. T. I, Panegesiadem, Panaugiam, Pansophiam continens. — Pragaе, 1966. — 776 p.; т. II, Pampraediadem, Panglottiam, Panorthosiam, Pannuthesiam necnon Lexicon reale pansophicum continens. — Pragaе, 1966. — 719 p.*). Общий объем двухтомника — 175 авторских листов. Всесторонний историко-культурный и философский анализ этого огромного труда еще не осуществлен (см. о нем доклад: *Лордкипанидзе Д. О. Значение «Общего совета об исправлении дел человеческих» Я. А. Коменского для социалистической педагогики. — В кн.: Лордкипанидзе Д. О. Ян Амос Коменский. 1592—1670. М., 1970, с. 379—392*), однако исследователи подчеркивают, что «Всеобщий совет» — важнейшее, по личному признанию Коменского, произведение чешского мыслителя (см.: *Palocka J. Epilogus. — In: I. A. Comenii... consultatio ... , т. II, с. 685*) и что оно сыграло бы свою историческую роль, если бы было известно европейской обществу. Отмечается, что в своем первопроектном труде Коменский среди прочего предвосхитил идеи таких международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО, Постоянный международный суд справедливости, Всемирный совет церквей, экуменическое движение и многие современные реформы во всех аспектах человеческого общежития (*Spinka M. Introduction. — In: Comenius J. A. The labyrinth of the world and the paradise of the heart. Ann Arbor, 1972, p. IX*). Осознавая и по-своему решая во «Всеобщем совете» главную для европейской мысли начала Нового времени задачу утверждения человеческого субъекта и овладения мировой действительностью во всеоружии нового рационального научного метода, Коменский строит сложный синтез, в который входят сенсуализм и эмпиризм Бэкона, неоплатонизм Николая Кузанского и Кампанеллы, позднесcholasticкий аристотелизм Суареса, элементы картезианского обоснования субъекта и который хорошо «работает» в качестве теоретической базы для той педагогической и социальной практики, к которой Коменский стремится. Там, где он предпринимает разработку отдельных философских проблем (например, в теории «мира возможностей», развивающей теорию творящего posse — «возможности» Николая Кузанского, или в истолковании платоновского учения об идеях, см. с. 338 и 339 наст. т.), он достигает нетривиальных результатов, обеспечивающих за ним прочное

место в истории развития философских концепций. Коменский забегает при этом и догматизма, и слепой приверженности доктринам авторитетов, и «умножения мысленных существей», не утрачивая живой контакт с умопостигаемой реальностью, в чем ему неизменно помогает энергия, пластичность и образная сила его языка.

«Светочи Европы...»
(с. 285—293)

Посвящение «Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» «ученым, благочестивым, высоким мужам» (т. е. людям науки, церкви и политики) всей Европы является второй (и следовательно, более или менее поздней) редакцией предисловия к «Всеобщему совету». Первая представляла собой обращение к «могущественной тройке североευропейских государств, Польше, Швеции и Великобритании, а через их руки — ко всем королевствам и королевям, государям и государствам христианских земель» (см. «Паннutesия», гл. 12, см. с. 554 наст. т.). Посвящение «Светочам Европы...» дважды издавалось (вместе с «Пангерспей», «Панавпей» и «Паннutesей») при жизни Коменского без указания места и года издания очень небольшим тиражом в порядке пробно-показательной печати (исследователям, однако, было нетрудно установить, что издание было осуществлено в Амстердаме, во всяком случае, после 1656 г., когда по приезде туда Коменский впервые заговорил о планах издания там «Всеобщего совета», см. письмо Магнусу Гезенталеру 1 сентября 1656 г. и «Продолжение братского увещания...», § 122, наст. изд., т. 1, с. 70 и примеч.). Затем «Светочи Европы...» вышли (вместе с «Пангерспей» и «Историей чешских братьев») в Галле (1702). Наш перевод — по изд.: I. A. Comenii... consultatio catholica... — Pragaе, 1966, с. 27—38.

Исследователи отмечают сходство между формулой обращения Коменского и началом анонимной книги «Слава братства розенкрейцеров» (см. о ней «Лабринт света...», гл. XIII, примеч. 34): «К ученым, вождям и всем сословиям в Европе». О том, что во «Всеобщем совете» Коменский хотел довести до осуществления прозвучавшее в 1610-х гг. на всю Европу, но оставшееся неисполненным обещание розенкрейцеров, см. «Лабринт света...», примеч. 34.

¹ Consultare catholice характерным для стиля Коменского образом означает здесь одновременно «держат совет обо всем» и «совещаться всем вместе». «Кафоличность» по замыслу Коменского восстанавливает искаженную римским католичеством идею всеобщей, общечеловеческой истины.

² Т. е. прежних попыток исправления. У Коменского еще сохраняется идущая от схоластики строгая размеренность изложения («по пунктам»).

³ Буквально «полития». Начиная с платоновских диалогов «Государство» и «Политик» и аристотелевских «Политий» вплоть до сужения смысла термина «политика» в эпоху революций под эту рубрику подходило всё, что связано с разумным устройством общественной жизни. Ср. выше, с. 465.

⁴ Таким образом, данное внешне писалось уже после всего труда, где названием 3-й части остается еще «Пансофия».

⁵ Указание в скобках мест из Библии здесь и ниже принадлежит самому Коменскому. Встречающиеся у него ошибки с нумерацией мы исправляем; цитаты даем не по современным переводам Библии, а так, как он сам их приводил (по латинскому переводу с греческого, так называемой «Вульгате») и понимал.

⁶ Т. е. «Город Солнца», «Испанская монархия» и «Монархия мессии», где развиваются крайние теократические идеи. Об отношении Коменского к Кампанелле см. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 43.

⁷ Буквально «секты». См. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 24.

⁸ Цицерон. Оратор, 4.

- ⁹ Коменский стремится устранить «личный» момент, желая, чтобы сам метод философствования и изложения материала говорил за себя. Отчасти в этих целях первое прижизненное издание данного предисловия, «Панегерсии» и «Панавгии» вышло без указания автора, типографа, места и года издания. Ср. «Паннуетсия», гл. 7, пожелание Коменского, чтобы ученые критики были благосклонны к автору «Всеобщего совета», но строги к самому этому сочинению.
- ¹⁰ Коменский опирается здесь на авторитет Аристотеля, которому принадлежит это много цитировавшееся изречение (см. «О возникновении и уничтожении», II 10, 336a 27).

«Панегерсия»
(с. 295—309)

«Панегерсия» (от греч. *pan* — «всё» и *egeiro* — «поднимаю», «пробуждаю») публиковалась небольшим тиражом дважды при жизни Коменского (см. «Светочи Европы...», общее примеч. и примеч. 9). Это единственная часть «Всеобщего совета», вышедшая в Галле в 1702 г. (см. там же) и получившая относительную известность среди европейской общественности своего времени (особенно в кругах pietistes и в «тайных» обществах). Отрывки «Панегерсии» печатались в русском переводе И. Петровского в кн.: Памяти Яна Амоса Коменского. — СПб., 1895. Наш выборочный перевод — по изд.: I. A. Comenii . . . consultatio catholica... — Pragaе, 1966, с. 41—95.

- ¹ Идея бодрствования, проходящая через философскую мысль всех эпох (например, в древней Индии она легла в основу понятия «будды», букв. «пробужденного», т. е. как бы одиноко бодрствующего среди сна мира), в Европе XVII в. приобрела особую остроту. Паскаль выступил с утверждением, что с тех пор, как распят Христос (который как бы продолжает оставаться на кресте ввиду непрекращающейся греховности мира), христиане не имеют права предаваться сну, в смысле требования неослабной напряженности сознания. В числе аргументов против Декартова положения «Я мыслю, следовательно, существую» приводили (в частности, также и Коменский) тот, что в таком случае во сне «я», по-видимому, перестает существовать. При этом, однако, упускалось из виду, что за вышеназванным тезисом Декарта невысказанным образом скрывалось такое же, как у Паскаля, убеждение в необходимости постоянного обостренного бодрствования сознания как условия его причастности к бытию. Помещая в начале «Всеобщего совета» свою «Панегерсию», Коменский лишний раз обнаруживает свою чуткость к основным философским темам века.
- ² «Всеуниверсальным (экуменическим) советом» Коменский называет иногда лишь всемирный религиозный совет (см. «Панортосия», гл. 25), но чаще — совет всех вождей земли (см. «Паннуетсия»).
- ³ Т. е. стремление к полному овладению миром в своем логическом и психологическом завершении, пройдя через столкновение с другими столь же абсолютными человеческими волями, достигает гармонии с этими последними благодаря искусству «политики», законопослушного человеческого общежития.
- ⁴ При самом первом знакомстве с философскими и гуманитарно-научными изданиями XVI—XVII вв. бросается в глаза важная роль, отводимая в них указателям; они часто помещаются в начале книги и занимают заметную часть ее объема. Коменский не осуждает саму по себе практику сопровождения книги индексом; наоборот, он неоднократно и в самых серьезных контекстах говорит о необходимости этого (см., например, «Об искусстве пользоваться книгами», III).

⁵ Т. е. увеличивающаяся жажда новых открытий говорит об уменьшении доверия к имеющемуся знанию; древность была мудрее, потому что у нее этого доверия было больше.

⁶ См. «Светочи Европы...», примеч. 7.

⁷ Оговорка «Пифагор» вместо «Протагор», когда речь идет об изречении «Человек есть мера всех вещей», не раз встречается у разных старых авторов. Кроме того, об умении «восьмиплетиного ребенка» разумно говорить «о любой части философии» Коменский читал явно не у излагателей Пифагора; скорее всего, речь идет о знаменитом месте из платоновского «Менона» (82b—86b), где ничему не учившийся раис (это слово означает в греческом и «раб», и «мальчик») ведет правильное математическое рассуждение в ответ на разумно поставленные вопросы.

«Панаугия»
(с. 310—328)

При жизни Коменского выходила дважды малым тиражом (см. «Светочи Европы...», общее примеч.). Наш перевод — по изд.: I. A. Comenii... consultiatio catholica... — Pragaе, 1966, с. 97—162. Название «Панаугия» (от греч. pan — «все» и augē — «сияние») заимствовано у итальянского платоника Франческо Патрици (1523—1597): так именуется первая часть его «Новой философии вселенной», учение о свете как «образе Бога и его благодати», как первом источнике природного и духовного познания (три остальные части трактата Патрици, соответственно, — «Панархия», учение о всеедином, «Панпсихия», учение о мировой душе и «Панкосмия», учение о мироустройстве). Знакомство Коменского с этим сочинением Патрици явствует из предисловия к «Синопису преображенной в божественном свете естественной философии» (Лейпциг, 1633; второе издание, «пересмотренное автором спустя 28 лет после первого издания», — Амстердам, 1663; английский перевод первого издания под заглавием «Розенкрейцеровский божественный свет, или Синопис физики Я. А. Коменского» — Лондон, 1651), где, хотя и без упоминания Ф. Патрици и Б. Телезио, их философские принципы, наряду с учениями Парацельса о трех началах и Гуго Гроция о логическом выводе, названы в числе принимаемых Коменским основ «физики», т. е. философии бытия и природы. Если у Патрици свет — прежде всего бытийное и познавательное начало, то Коменского свет увлекает уже главным образом как начало просвещения всех самых глубоких слоев народа и самых отдаленных уголков земли, что позволяет говорить о чешском мыслителе как о предшественнике будущих идеологий просвещения (см.: Capek Jan Blahoslav. Comenius as the predecessor of the Enlightenment and of Classicism with particular regard to Panaugia. — Acta Comeniana, XXV, 1969, с. 35—46).

¹ Иак. 1, 17 («Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены»). Ср. небольшой трактат Николая Кузанского «О даре Отца светов» (1446), где все вещи рассматриваются как «явления», т. е. как «некие светы» (*Николай Кузанский*. Соч., т. 1.—М., 1979, с. 321—335).

² «Пустыня и пустота», древнеевр. (Быт. 1, 2: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»).

³ Коменский держался традиционного, идущего от Аристотеля («Физика», IV 6—9) представления о несуществовании пустоты (ср. в «Школе-игре, или Живой энциклопедии», I 2, 1: «Мир един и со всех сторон взаимно так связан, что нигде нет никакого пустого пространства»). Это, казалось бы, естественнонаучное положение имело одновременно и нравственный смысл: всякое исчезновение добра в душе имеет результатом не душевную пустоту, а заполнение души злом.

- ⁴ Матф. 14, 25—26 («В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его, идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак. И от страха вскричали»). То же, с упоминанием времени действия (ночь), — в Марк. 6, 49—50; Иоан. 6, 17—20.
- ⁵ Универсальный механизм — определяющее для эпохи барокко представление о миропорядке. Мир понимался как совершенные часы громадной сложности. «Моя цель, — писал И. Кеплер в одном письме 10 февраля 1605 г., — показать, что небесная машина устроена не наподобие божественного живого существа, а наподобие часов (кто считает эти часы одушевленными, тот славу художника приписывает его творению), в которых совершенно всякое разнообразие движений происходит от одной простейшей магнетической силы, подобно тому как часы движутся от одной простейшей гири» (цит. по кн.: *Comenius J. A. Vorspiele. Prodomus pansophiae. Vorläufer der Pansophie. Herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit einem Nachwort versehen von Herbert Hornstein. — Düsseldorf, 1963, с. 231*).
- ⁶ Ср. «Панортосия», гл. 2, об истории мира как драме, которая разыгрывается людьми по сценарию божественной премудрости.
- ⁷ Коменский по давно установившейся традиции делит философию на естественную (учение о бытии, «физику») и «теологическую» (учение о высших началах бытия, «метафизику»), а богословие, соответственно, на естественное, или «натуральное» (тоже рассматривающее природу и природные явления) и «мистическое» (говорящее о сверхприродном божестве). При рассмотрении совести «не в теологическом, а в природном смысле» берется во внимание ее антропологически-психологический аспект.
- ⁸ См. «Пансофия. Совет о создании книги «Пансофия», 1—4 и примеч. 5.
- ⁹ Т. е. Коменский априорно на основании божественной благодати выводит необходимость существования книги, содержащих подлинное божественное откровение; однако «найти» эти книги, т. е. на основании разнообразных исчерпывающих критериев установить их действительную божественность, предоставляется человеку, его разуму, опыту и мудрости.
- ¹⁰ Вера, сверхчувственная и сверхразумная способность, понимается здесь очень широко, не только как религиозная вера, но и как повседневное доверие и как всякое откладывание непосредственной проверки предлагаемых нам утверждений.
- ¹¹ Ср. у Декарта: «Я сомневаюсь, следовательно, я мыслю» (и тем самым приобщаюсь к истине бытия).
- ¹² В прослеживании этих «параллелизмов», основным из которых является параллелизм системы бытия, системы мысли и системы речи, заключается сущность «синкретизиса», метода сопоставлений, употребляемого Коменским наряду с анализом и синтезом. Существует мнение (*Kyrášek J. Didaktická uloha synkrise u Komenského. — Pedagogica, № 2. Praha, 1957, с. 244—253*), что синкретический метод (первоисточник которого — средневековая *analogia entis*, учение об аналогичном устройстве различных уровней бытия) приобрел у Коменского важное значение под влиянием его педагогического опыта, где сопоставления, сравнения, примеры, уподобления всегда особенно эффективны.
- ¹³ Сравнение миропорядка со строем войска идет от аристотелевского «Протрептика» (сохранился лишь во фрагментах), где из упорядоченности вселенной делается вывод о разумности ее первоначала.
- ¹⁴ Быт. 1, 31 («И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»).
- ¹⁵ О Хуане Лупесе Вивесе см. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 25 и 33. Коменский восторженно говорит о нем, например, в предисловии к «Синopsisу преображенной в божественном свете естественной философии».

«Пансофия»
(с. 328—382)

При жизни Коменского «Пансофия» была издана лишь в очень небольшой части (около половины предисловия, всего 14 страниц пн-фолио) в нескольких экземплярах пробной печати без указания места и года издания (ср. «Светочи Европы...», общее примеч.). В полном (незавершенном) виде опубликована в пражском издании 1966 г. (с. 163—776). Наш выборочный перевод — по этому последнему изданию.

На протяжении всего XVII в., особенно в его первые десятилетия, слово «пансофия» (от греч. *pan* — «всё» и *sophia* — «премудрость») широко употреблялось в ученых кругах как синоним умудренного благочестивого всезнания (в этом смысле и самого Коменского стали со временем называть пансофом). Розенкрейцеры сразу взяли его на вооружение, придав ему особый, мистический смысл обновляющего и объединяющего, «ключевого» знания. Так, в 1620 г. в Марбурге распространилась книга Теофила Швейхартса (псевдоним профессора математики и восточных языков в Альтдорфе Даниэля Швендтера, 1585—1636), где автор, представляя себя «старым пансофом», излагал «Главное дело» (богопознание), «Побочное дело» (самопознание) и «Пансофический конкорданс» между тем и другим; под пансофическим девизом «Всё от Единого, всё к Единому» он звал учеников к «пансофическому совершенству» (существовали и другие формы девиза пансофов: «От Единого, через всё, к Единому», «От Единого, через Единого, к Единому — все, всё, всесторонне, если мы не хотим погибнуть и исчезнуть навеки»). Это была лишь одна из многих книг розенкрейцеров-пансофов, которые предлагали жаждающему миру гармоническую связь между человеком и богом, человеком и миром (см. работу, в которой прослеживается употребление розенкрейцерами слова «пансофия» начиная с 1616 г.: *Begemann W. Zum Gebrauch des Wortes Pansophie vor Comenius.* — Monatshefte der Comeniusgesellschaft, Hft. 5, 1896, с. 210—221). В 1628 г. немецкий философ-мистик Якоб Бёме написал «Пансофическое таинство». В 1630 г. учитель Коменского, «христианский пансоф» И. Г. Альштед включил раздел «Пансофия» в свою «Энциклопедию всех наук» (см. о нем «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 51). В 1633 г. ростовский врач и филолог Петр Лауренберг (1585—1639) издал книгу под заглавием «Пансофия, или Философское воспитание», с которой Коменский был знаком, однако считал, что в ней не содержится истинной мудрости, ничего не говорится «об ее источнике Христе, ничего — о будущей жизни и о пути к ней», так что он, Коменский, получил от прочтения этой книги лишь стимул к занятиям собственной пансофией. В 1641 г. некий Н. (или Т.?) Харрисон, изобретатель нового метода составления каталогов и индексов, предложил английскому парламенту план написания «Пансофии», в которой содержались бы извлечения из 60 000 авторов; Коменский пытался лично познакомиться с Харрисоном, но нет свидетельств о том, что ему это удалось. Все «Пансофии» и проекты таковых в XVII в. перечислить, конечно, невозможно; к 1640-м гг. появляются «Пансофии», написанные под влиянием самого Коменского, например «Пансофия» поэта, мистика и алхимика Фридриха Менгуса (1593 или 1594—1659). Несравненно больше, чем все другие сочинения этого рода, на Коменского повлияли пансофические идеи человека, который, возможно, своей юношеской «игрой с алхимией» и произвел всю шумиху с розенкрейцерами, однако сам всегда относился к тайным обществам и к тайным мудрецам с должной прожорливостью, — Иоганн Валентин Андрез (см. о нем «Лабиринт света», общее примеч. и примеч. 34), которому Коменский оставался всю жизнь благодарен за то, что Андрез «зажег факел» его мысли (см. «Великая дидактика. Привет читателям», 14; от Иоганна Андреза, пишет Коменский Гезенталеру 1 сентября 1656 г., «я почерпнул почти все первоначала моих пансофических размышлений») и, еще конкретнее, за то, что Андрез внушил ему идею пансофии не как

сокровенного «алхимического» знания, а как проекта исправления всего человеческого мира (см.: *Blekašad M. Comenius.* — Oslo; Praha, 1969, с. 153, 214).

Конечно, в действительности Пансофия Коменского сложилась со временем во вполне самостоятельную философскую систему, основной пафос которой — распространение просвещения, воспитание человечества, построение обновленной культуры, — очень далекий от увлечения ранних пансофов тайными союзами и тайноведением, делает Коменского предтечей эпохи Просвещения (см. об этом «Панавгия», общее примеч.). Чешский педагог понимал эту оригинальность своей установки, когда говорил о том, что ставит у себя на родине перед школой задачу воспитания всего человека, тогда как за границей, особенно в Германии, школу обычно рассматривают как рассадник учености и эрудиции. При ориентации на всеобъемлющее воспитание пансофия как идея исправления человеческого мира оказывалась не просто теоретической базой дидактики, а совпадала и с существом, и с практической целью последней. Каждое слово любого школьного учебника, согласно Коменскому, должно быть выверено пансофией. Наиболее решительной попыткой осуществить эти принципы в педагогической практике был проект создания «пансофической школы» на базе Шарошпатакской гимназии, куда Сигизмунд Ракоци пригласил Коменского работать в 1650 г. (см. сочинение Коменского «*Schola pansophica, hoc est, Universalis sapientiae officina... Saros-Patakini-Hungarorum felicitate erigenda.*» — *Sárospatak*, 1651). Коменский хотел здесь «открыть ученикам очи чувства, разума и веры», чтобы затем благодаря «орудию орудий», человеческой руке, и благодаря языку, приведенному в согласие с просветленной мыслью, усвоенная в школе мудрость стала плодотворной. Коменский не случайно искал возможностей сотрудничества между учеными педагогами и пансофиями (см. «Продолжение братского увещания...» = «Автобиография», 50, т. 1 наст. изд., с. 31). Он планировал издание таких учебников на национальном языке для общественных школ, чтобы из них без всякого изучения латыни даже дети простонародья и необразованные могли усвоить первоначала пансофии (письмо Главному казначею Польши Богуславу Лещинскому 19 января 1641 г.). Практическая направленность пансофии Коменского, всецело служащей достижению гармонии между мыслью, верой и действием, становится особенно рельефной при сравнении с чистой философией Декарта, с которым Коменский встречался и имел четырехчасовую беседу в 1642 г.; Декарт заявил ему — возможно, не без иронии, — что не собирается выходить из круга чистого мышления, хотя видит, что ему придется ограничиться лишь частью того целого, к которому стремится Коменский («Продолжение братского увещания...» = «Автобиография», 59). Коменский, со своей стороны, писал позднее (8 февраля 1645 г.) польскому астроному Яну Хевелиусу (1611—1687), что в Декарте ему «не хватает Декарта», т. е. он не видит единства между его личностью и философствованием. Просветительский, культурно-строительный, практический-организационный смысл своей «Пансофии» Коменский лишней раз подчеркнул, переименовав ее в последнем и, по-видимому, позднем варианте предисловия к «Всеобщему совету» в «Пантаксию» (от греч. *tatto* — «упорядочиваю», «соподчиняю»), «искусство всеобщего упорядочения», хотя в тексте «Всеобщего совета» термин «пансофия» остался без изменения.

«Пансофия», самая обширная часть «Всеобщего совета», является и самой незавершенной. Многие главы не дописаны, у некоторых лишь намечены заглавия, текст пестрит сокращенными отсылками к разнообразной литературе, которую Коменский надеялся со временем привлечь для развешивания соответствующих тем. Весь корпус «Пансофии» разделен на восемь «ступеней» и восемь «миров». Начальный из этих миров, «мир возможности», вбирает в себя все, что только может быть во всех остальных мирах и вообще где бы то ни было; он чистая и неограниченная «мощь», свернуто и сосредоточено заключающая в себе что угодно, а потому и не входит в счет миров в качестве одного

из них, являясь «основой (basis) всей «Пансофии». Мир возможности именуется также «идеальным», но не в том смысле, что он соответствует какой-то идее, а просто потому, что в нем так или иначе коренятся все мыслимые идеи каких бы то ни было вещей. В отличие от мира возможности все остальные семь миров Коменский называет «мирами осуществившейся идеи» (mundi ideati), «сотворенными мирами», хотя, опять-таки, два первых мира, мир божественного ума и ангельский мир, еще так близки к миру возможности, их идеи еще настолько первоначальны и близки к источнику, что оба они, будучи, как и все прочие, тоже «мирами осуществившейся идеи», вместе с тем остаются также и «идеальными» мирами, причем мир божественного ума — в большей степени, чем ангельский мир. В божественном уме из чистой возможности (мощи) творятся все идеи всех миров; мир ангелов (т. е. вестников) служит передачей творящих идей земному материальному миру. Начиная с третьего, материального мира (это четвертая ступень «Пансофии», поскольку ее первой ступенью был исходный мир возможности, изъятый из порядкового счета миров), мы уже нигде не имеем дела с чистыми, а всегда только с осуществившимися идеями. Если материальный мир, природа есть осуществление божественных идей, то мир искусства (т. е. мир человеческого творчества) представляет собой плод усилий человека создать, в подражание окружающему его миру, свой материальный мир. Следующий, пятый, «нравственный» мир (шестая ступень «Пансофии») возникает как распространение творчества и труда человека не только на материю, но и на свою собственную душевную, т. е. психологическую и социальную, природу с целью подчинить ее справедливому закону и прекрасному порядку. Шестой, «духовный» мир (седьмая ступень «Пансофии») представляет собой еще более драгоценное усилие человека, а именно попытку обнять своим творчеством самую глубокую и неисследимую основу человека, его абсолютно свободную волю, эту, по выражению Коменского, «бездну», которая у не осознавшей свое духовное измерение личности являет собой хаос волеи, порывов, стремлений, обманчивых страстей, губительной погоня за призраками блага и счастья. Овладение бездной человеческой свободы совершается действием самой же свободной воли, которая не подавляет и не ограничивает себя, а учится находить подлинный простор своего действия не в ограниченном мире, а в неограниченной бесконечности бога, в «океане» безбрежного божественного блага. Наконец, поскольку не только материальный (третий) мир явился неполным, ослабленным изображением первоидеи, но и человеческие попытки создать свой мир искусства тоже не достигают всего желаемого совершенства, а при создании нравственного и духовного миров человек проявляет, соответственно, все меньше и меньше умения, да и самой охоты заниматься ими, то для того, чтобы ступени «Пансофии» не были ступенями безнадежного исхождения от лучшего к худшему, Коменский в конце ее говорит о «вечном» мире, который является тоже миром вполне осуществившейся идеи, но на этот раз уже не человеческой, а снова божественной: это — идея полного восстановления и возрождения всего, что гибло в предшествующих шести мирах. Впрочем, то, что «вечный мир» (т. е. мир, включающий всё, что было хорошего во всех мирах, однако уже без опасности гибели или перемены) творится Богом и по божественной идее, нисколько не исключает возможности и человеческого «сотрудничества»: больше того, целью всей Пансофии и было научить человека восходить по ступеням несовершенного, временного делания к такому материально-душевно-духовному творчеству, которое прикоснулось бы к бессмертию. Последняя часть «Пансофии» кратко говорит о «пользе» этой универсальной системы знания. Три непосредственно следующие за «Пансофией» части «Всеобщего совета», а именно «Пампедия», «Панглоттия» и «Панортосия», названы здесь плодами «Пансофии». Это значит, что «Пангерсию», «Панавгию» и «Паннутесию», эти окаймляющие части «Всеобщего совета», Коменский не считает непосредственно связанными с системой «Пансофии».

- 1 Следует помнить, что пансофией Коменский называет то свою «Пансофию», то некое будущее, долженствующее возникнуть из объединенных усилий всех светлых умов сочинение, которое выйдет за рамки простой книги и станет как бы живым воплощением премудрости.
- 2 Диалогичность не выдержана на всем протяжении «Пансофии»: иногда собеседников только два (критик и автор, ученик и автор), причем нередко они не обозначены даже буквами, а чаще всего идет монологическое изложение материала.
- 3 А.— Мечтатель, Б.— Исследователь, В.— Судья, однако иногда А.— Спрашивающий, Б.— Автор.
- 4 «Всё» (греч.).
- 5 Имеется в виду знаменитый текст Премудр. 11, 21 («...но Ты всё расположил мерою, числом и весом»), под эгидой которого проходило все точное и «математическое» мышление средневековья и начала Нового времени. Коменский в своих сочинениях цитирует его или вспоминает о нем десятки раз. В данном случае для него речь идет о том, чтобы, полагаясь на размеренно-упорядоченное строение мирового бытия, насадить в пансофии строгий, однозначный, «математический» метод мысли. О математичности пансофического знания у Коменского см. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 53.
- 6 Три книги Бога — мир (природа), дух (и человеческий ум), Священное писание. Этот образ можно встретить у Бэкона, Кампанеллы и других современников Коменского.
- 7 Форма машины мира, понимаемая здесь еще в старом, «существенном» смысле слова (форма как эйдос, идеальная сущность), — это природа, поэтому от нее нельзя «отойти»: как бы ни действовал человек, законы природы остаются ненарушенными.
- 8 В основу параграфа положен Пс. 8, 5—9 (после слов о «младенцах и грудных детях»): «Что есть человек... что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» и т. д.
- 9 Имея лишь триста человек войска, но зная, что мадианитяне опасаются его, Геден выставил против них свои отряды ночью лишь с трубами и светильниками; испуганные внезапно загоревшимися огнями и громом труб, полчища врагов бежали в смятении (Суд. 7, 9—23).
- 10 Еще один признак недоработанности «Пансофии»: Коменский забывает о принятом им ранее условном буквенном обозначении участников диалога (см. выше — примеч. 3), которых теперь только двое (И.— Исследователь, Ю.— Юноша).
- 11 Форма — здесь: устройство (ср. выше — примеч. 7).
- 12 *Напечатления* вечных божественных помыслов в человеческом уме Коменский понимает не как врожденные идеи, а как предрасположенность к восприятию разумного строя мира, которая должна быть введена в действие волевым усилием и воспитанием, т. е. в конечном счете человеческим творчеством.
- 13 Ср. Николай Кузанский. Охота за мудростью, Пролог: «... для желающих философствовать — что я и называю охотой за мудростью — опишу области охоты, а в них некоторые места и приведу их в поля, переполненные, по-моему, желанной добычей» (Николай Кузанский. Соч., т. 2.— М., 1980, с. 345).
- 14 Здесь можно видеть развитие положений Николая Кузанского о «точности» в творящем начале (см., например, «Простец о мудрости. Книга вторая», 39: «Абсолютный прообраз, который есть не что иное, как абсолютная точность, правильность, истина, справедливость или благо, свернуто заключает в себе все, что может быть образовано...» — Николай Кузанский. Соч., т. 1.— М., 1979, с. 381).

- ¹⁵ Ср. с тезисом Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую». Коменский, однако, не полагается на достоверность мыслящего и действующего субъекта; он ищет за ним и в его основе более высокую, вечную реальность божественной личности. Коменский оказывается, таким образом, наместо традиционной философии Коменского созвучна картезианской философии субъекта не в конкретных положениях, а в интенции: Коменский еще продолжает говорить о мире идей и об иерархии миров, но все это уже подчинено у него задаче утверждения человека, обеспечения устойчивости его позиции среди всей окружающей действительности.
- ¹⁶ *Закон причинности* — положение о том, что для всего в мире должна быть причина. *Закон превосходства* — положение о том, что эта причина по своей мощи должна превосходить наблюдаемые следствия. *Закон отрицания* требует, чтобы причина всего во Вселенной была не подобна ни одной конкретной вещи в большей мере, чем другой. Эти «законы» — традиционные приемы философской теологии (начиная с «теологии» Аристотеля), при помощи которых она восходила от явлений наблюдаемого мира к познанию творца мира.
- ¹⁷ «*Малый мир*» и «*малый бог*» (греч.). Положение о человеке как микрокосме существует с глубокой древности, в европейской философии — с Анаксимена и пифагорейцев; в эпоху Коменского оно пользовалось огромной популярностью, особенно среди философов платонически-пифагорейской традиции, к которым принадлежали и розенкрейцеры. Для своей педагогики Коменский делал из этого положения тот вывод, что учащийся не нуждается в навязывании ему чего бы то ни было извне: он сам в качестве микрокосма заранее уже обладает в себе всей полнотой знания, она только скрыта, и ее надо умело развернуть («Чешская дидактика», 5, 2).
- ¹⁸ Т. е. ближайшее к человеку, а именно он сам, попадает в поле зрения человека в последнюю очередь: человек сам по себе, существенное в нем, — это, по Коменскому, ум, который обычно занят множеством вещей, не обращающий внимания на себя.
- ¹⁹ См. выше — примеч. 17.
- ²⁰ Ср. у Николая Кузанского («Об ученом незнании», III 4, 207): «... Всесовершенный человек совсем не обязательно должен выделяться какими бы то ни было привходящими свойствами, за исключением того, что относится к интеллекту».
- ²¹ Жизненный дух (неоплатоническое *пнеума*) — в античной и средневековой философии промежуточная инстанция между душой и телом, связующее звено между ними.
- ²² Коменский держится здесь платонического представления о том, что жизнь — результат действия неизменной, неумирающей мировой (космической) души, которая по-разному проявляется в разных живых существах или уходит из них, подобно тому как человек может сосредоточивать свое внимание на разных предметах, переводить его с одного предмета на другой или совсем его не сосредоточивать.
- ²³ Это перечисление причин тоски (которым параллельны причины пресыщения) «конструруется» у Коменского при помощи десяти аристотелевских категорий (см.: *Аристотель*. Категории, гл. 4), а именно (в том порядке, которому следует Коменский) категорий сущности, места, времени, количества, качества, действия, претерпевания, расположения, отношения, обладания. Такой способ построения и организации понятий путем проведения рассматриваемого предмета через определенную категориальную сетку восходит к «Великому искусству» каталонского философа и богослова Рамона Луллы (1235—1315), который разработал технику комбинирования понятий на основе элементов и даже строил для этой цели «логические машины». Почти все свои классификации Коменский получает сходным мето-

дом «механического» перебора логических возможностей. Всего чаще он организует понятия по тринадцатому принципу.

²⁴ *Реальное различие* — в античной и средневековой философии различие, существующее внутри самой вещи независимо от того, в каких своих аспектах она предстает разным наблюдателям.

²⁵ *Интеллект*, или *ум*, в традиционном философском словоупотреблении обозначал всю человеческую способность воспринимать (вбирать в себя) новое — все, что расширяет человеческое существо за его прежние границы; поскольку такое расширение в принципе не имеет пределов, интеллект считался бесконечной потенцией. В отличие от современного понимания интеллекту приписывалась в связи с этим способность стремления, воли, любви.

²⁶ Ср. выше — примеч. 12.

²⁷ *Общее чувство*, согласно аристотелевскому учению, — это не привязанное ни к одному отдельному из пяти органов чувств и воспринимаемое каждым из этих органов ощущение движения, покоя, численности, фигуры, величины.

²⁸ Из этой фразы следует заключить, что Коменскому были известны не только главные тексты Николая Кузанского. Последний учит о рассудке как основе «предположений» (т. е. любых рациональных мыслительных конструкций) в трактате «О предположениях», см.: *Николай Кузанский*. Соч., т. 1. — М., 1979, с. 185—279.

²⁹ Здесь идет о себе знать тяготение Коменского к тринадцатому расположению всего понятийного материала. Ср. выше — примеч. 23.

³⁰ Здесь число, мера и вес, которые, согласно Священному писанию, пропихивают все творение (см. выше — примеч. 5), получают у Коменского широкое символическое перетолкование: вес — тяготение человеческого духа, мера — заложенный в человеческом уме критерий истины и лжи, число — иптимное ощущение человеком своих потенций.

³¹ См. с. 363 наст. т.

³² *Mens* (ум) Коменский понимает в связи с *mensurare* (измерять) подобно тому, как это делает Николай Кузанский в диалоге «Простец об уме», 1, 57: «Умом (*mens*) является то, от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей».

³³ Коменский называет волю центральной способностью души, потому что, согласно его философии свободы, которая представляет собой едва ли не наиболее разработанную часть всего его мировоззрения, даже познание мира еще не гарантирует человеку правильное пользование этим миром, не исключает возможности произвольного, насильственного или опустошительного отношения к нему. Лишь свободно принятое решение встать на сторону Творца мира против сил зла впервые делает человека, которому мир всегда подчиняется, спасителем и обновителем не только мира, но и самой природы (см.: *Blekestad M. Comenius...*, с. 692).

³⁴ *Вергилий*. Эклога 2, 65.

³⁵ «*Злорадство*» (греч.) — термин аристотелевской психологии (*Аристотель*. *Этика* Николахова, II 6, 1107a 10; 7, 1108b 1; *Риторика*, II 9, 1386b 34 и др.).

³⁶ Ср. *Аристотель*. О душе, III 8, 432a 1.

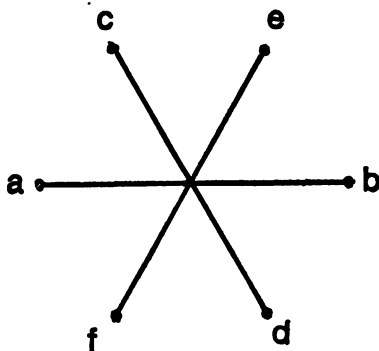
³⁷ Хиромантия в эпоху Коменского была предметом серьезных исследований. Она была освящена авторитетом самого Аристотеля, который считал возможным заключать по линиям на ладони, например, продолжительность человеческой жизни (Фрагменты, № 261, 1526a 18, 20; «Описание животных», I 15, 493b 33; «Проблемы», X 49, 896a 37).

³⁸ *Стол Пифагора*, или счетная доска (абака) Пифагора, — таблица, разделенная на квадратные поля, в которых расписаны производные чисел, расположенных в верхнем горизонтальном и в левом вертикальном ряду.

Здесь: распространенный с античности, но особенно популярный в средневековой Европе и Азии небольшой счетный инструмент, похожий на современные счеты, но имевший на каждой спице не по 10, а по 4 и 5 подвижных или неподвижных бусинок (весь инструмент умещался на ладони). Полусогнутая ладонь образует точное подобие такой абакки. Начиная с XIV в. абакки в Европе постепенно вытеснялись другими (в основном письменными) способами счета, в немалой мере вследствие распространения арабской системы счисления.

- ³⁹ *Imitatio* — «подражание», может быть переведено также «изображение», «воссоздание», «воспроизведение».
- ⁴⁰ Еще один пример конструирования понятий у Коменского: единство, истина и благо как верховные свойства божества проецируются на искусство человека как образа божия, и оказывается, что искусство обладает сходными тремя моментами: единству соответствует включение вещи в единство человеческой практики, истине — следование закономерностям вещи, благу — употребление вещи для желаемых целей. Тем самым между двумя рядами явлений (сущностью бога и сущностью искусства) намечается параллелизм, прослеживание которого и составляет суть синкризиса.
- ⁴¹ В действительности *diaitasthai* — «вести определенный образ жизни» возникло как глагол от имени существительного *diaita* — «образ жизни», «продовольствие».
- ⁴² Быт. 3, 19.
- ⁴³ Согласно Библии, Адам жил девятьсот тридцать лет, его сын Сиф — девятьсот двенадцать лет, сын Сифа Енос — девятьсот пять лет и т. д. Всех дольше жил Мафусаил — девятьсот шестьдесят девять лет (Быт. 5).
- ⁴⁴ Т. е. ввиду сходства между человеком — микроскопом и космосом изучение анатомии человека способно приоткрыть устройство Вселенной.
- ⁴⁵ В общепринятом антично-средневековом «разделении частей философии» последняя имела две части, а именно высшую, теоретическую (созерцательную), и низшую, практическую. В практической опять-таки различались «деятельная» часть, куда входили этика, политика, экономика и обе системы права (т. е. гражданское и каноническое право), и «исполнительная» (низшая) часть, куда входили ткацкое, военное, мореходное искусства, сельское хозяйство, охота и лишь после нее — медицина.
- ⁴⁶ Категории сущности («что») соответствует природа болезни, категории причины («почему») — этиология болезни, категории качества («какое») — характер протекания болезни. Ср. выше — примеч. 23 и 40.
- ⁴⁷ Домпций *Ульпиан* — римский юрист II—III вв. н. э.
- ⁴⁸ *Диоптра* — круг на штативе с неподвижным внешним окаймлением, на котором нанесены деления — градусы, и подвижным (вращающимся) визирным устройством в середине круга. Расположенный горизонтально, применялся для измерения расстояний на местности; расположенный вертикально, служил для измерения высоты предметов.
- ⁴⁹ Различение между знанием, что вещь *есть*, и знанием, *что* есть вещь, идет от Аристотеля («Вторая аналитика», II 1).
- ⁵⁰ Ср. выше — примеч. 5.
- ⁵¹ Эти намечаемые Коменским моменты познания соответствуют «направлениям разыскания», о которых говорит Аристотель во «Второй аналитике», II 1.
- ⁵² Согласно правилу: «Определение вещи совершается через ближайший к ней род и через ее видовое различие».
- ⁵³ О *знающем незнании* см. «Предвестник всеобщей мудрости», 110 и примеч. 84.
- ⁵⁴ *Парресия* (от *par* — «всё» и *rhesis* — «речь», «высказывание») — свобода, прежде всего — свобода слова (понятие древнегреческой демократии).
- ⁵⁵ *Цицерон*. О законах, I 22.

- ⁵⁶ О параллелизме вещей см. «Панавгия», гл. X, конец, и примеч. 12.
- ⁵⁷ Из той огромной роли, которая отводится понятию механизма в философии Коменского, нет никаких оснований делать выводы о «механицизме» его мировоззрения. Говоря о мире как машине, он имеет в виду лишь гармоничность, взаимосогласованность, закономерность мироустройства, его открытость для точного, «математического» исследования. О математике у Коменского см. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 53; о понятии мировой машины — «Панавгия», примеч. 5.
- ⁵⁸ *Квинтилиан*. Риторские установления.
- ⁵⁹ О школе как игре см. выше, с. 381, 503 и др.
- ⁶⁰ Коменский говорит о весах, у которых центр вращения коромысел совпадает с центром тяжести взвешиваемого груза. В отличие от простых весов такие весы в случае точного уравновешивания груза и гири останутся неподвижными при любом положении коромысел. Вот приводимая им схема таких весов:

- ⁶¹ Т. е. даже премудрость, в которой человеческое искусство соприкасается с божественным, «соблюдает число, меру и вес (см. примеч. 5).
- ⁶² Эта *столастика* так же не имеет отношения к средневековой школе философии, как «кафоличность» Коменского — к католицизму.
- ⁶³ О тождестве, или равенстве, как основании нравственности учил Николай Кузанский («О предположениях», II 17, 183: «Закон «делай другому то, что хочешь, чтобы делали тебе» представляет равенство единства. Если хочешь быть праведным, ты должен делать только то, что не отступает от равенства...»).
- ⁶⁴ «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное...» (Еккл. 3, 1).
- ⁶⁵ «Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать» (Еккл. 11, 4).
- ⁶⁶ *Сенека*. Письма к Луцилию, 25, 4. Во второй половине фразы Сенека цитирует Эпикура.
- ⁶⁷ Коменский берет этот термин в его старом широком значении (ср. *Аристотель*. Политика, I 3—13).
- ⁶⁸ См. «Предвестник всеобщей мудрости», примеч. 21.
- ⁶⁹ Коменский говорит подробнее о причинах передачи детей на воспитание «самым уважаемым мужам и женам» в «Пампедии», гл. V.

Пампедия
(с. 382—452)

Над этой частью «Всеобщего совета» Коменский работал, очевидно, в 1645 г. до конца своей жизни. Написана на латинском языке. Впервые полный текст «Пампедии» был опубликован в чешском переводе в 1948 г. (Прага). Как самостоятельное произведение в латинском оригинале была издана в Гейдельберге в 1960 г. вместе с немецким переводом. Академическое издание оригинала — Прага, 1966 г. (в т. II первого полного издания «Всеобщего совета», с. 9—135).

Будучи важнейшей составной частью «Всеобщего совета», пампедия необходима для внедрения пансофии, для искоренения порчи (безнравственности, бесчеловечности, взаимной распри, вражды и несправедливости и т. д.), для созидания и упрочения рая на земле, для глобальной реформы всего человеческого общежития. Короче: пампедия — необходимое средство для парторгосии, т. е. всеобщего исправления дел человеческих.

Мир не может быть исправлен без исправления людей. Средством изменения нравов к лучшему выступает педия, которая открывает человеку источник света и потому несет свет миру; в педии обучение и воспитание образуют неразрывное целое. Жизнь и мир — единая школа; они рассматриваются в педии с воспитательной точки зрения. Но способствовать исправлению мира педия может только в том случае, если она «пампедия». Пампедия — это новая наука, созданная Коменским. Это не педагогика, поскольку педагогика имеет своим предметом формирование личности ребенка и юноши; но это и не андрогогика, т. е. воспитание взрослых. Предмет пампедии охватывает всю жизнь человека от зачатия до могилы. Проблемы целей, содержания и возрастной специфики становления и совершенствования личности могут быть решены исключительно в рамках предмета пампедии: только в перспективе всей жизни человека.

В четвертой части своего последнего труда о законах и процессе воспитания Коменский окончательно предстает перед нами как основоположник совершенно новой, оригинальной, им созданной науки: пампедии. Ухватив в гениальном предвидении неизбежные тенденции, логику дальнейшего развития этой области знания, Коменский нашел для нее точное название: пампедия означает формирование целостного, всесторонне развитого человека, науку об обучении здоровых и больных, молодых и старых, цветущих и умирающих всему, что необходимо для достойной жизни и достойной смерти, обучении всеми способами и на протяжении всей жизни непрерывно. Таким образом, Коменский заложил основы науки о непрерывном образовании практически каждого человека в любом возрасте, любого социального положения, в любом уголке земного шара.

В отличие от коммунистических утопий Т. Мора и Т. Кампанеллы, а также в отличие от антифеодальных эгалитарных и демократических утопий начала XVII в., излагавшихся главным образом в форме романов-путешествий, описаний «блаженных островов» и т. п., Коменский во «Всеобщем совете» разрабатывал теорию политических и социальных реформ. Коменский был первым, кто создал утопическую социальную теорию, предлагавшую решение не отдельных общественных проблем, а всех задач человеческого общежития без единого исключения.

Разрабатывая теорию всемирного общежития, не знающего войн, раздоров и междоусобиц, Коменский не имел другой логической возможности, как только предназначить воспитывающее обучение всему и всесторонне всем, ибо каждый человек, чтобы сознавать себя составной частью человечества, должен изучить, понять, полюбить, уметь делать то же самое и притом в точности то же самое, что и любой другой человек во всех уголках земли. Три главные предпосылки пампедии — единство знания, единство человечества и

единство человека — убраны в первоначально-христианские одежды, которые не только не скрывают, но подчеркивают своим происхождением социалистическую сущность их содержания. Религиозная оболочка, в которую облечена демократическая утопия Коменского, носила социалистический характер в том смысле, в котором Фридрих Энгельс говорил о «социализме» первоначального христианства (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22, с. 467—469).

Коменским впервые была сформулирована великая идея всестороннего всеобщего образования.

Но пампедия не только утопия, точнее ее составная часть, призванная обеспечить успех всех человеческих дел и во всем, во всех отношениях, — пампедия еще и законченная философия воспитания, она еще и (в очень неточной современной терминологии) педагогическая антропология вкупе с педагогической психологией. Наконец, пампедия — это еще и обоснование задач, далеко не решенных и сегодня, остающихся вызовом будущему.

Понятия «все», «всё», «всеми способами» — очень емкие категории, лежащие в основе не только пампедии, но и пансофии. Более того, эти категории связывают пампедию и с панортосией, стало быть, со «Всеобщим советом» в целом. «Все» — это предмет пансофии, цель панортосии, эта все люди без единого исключения. «Все» — это и простой народ, и женщины, и больные, и калеки, и малыши, и старые, и повсеместно живущие. Понятие «все» дедуцируется Коменским из посылки первоначального христианства о том, что все люди — дети бога. В противном случае, утверждала идеология апостольского коммунизма, люди не получили бы в дар жизнь. Более того, эта одаренность человека жизнью уравнивает всех людей, поскольку жизнь принципиально одинакова (эту идею Коменский подробно развивает в «Пампедии»).

«Всё» — объект пансофии, объект пампедии, содержание образования и воспитания, содержание жизни любого человека. «Всё» — это бог, мир и человек в их структурном и содержательном единстве. «Всё» — это самая главная, т. е. высшая и абсолютная одинаковая для всех людей, мудрость, высшее знание. Речь идет об уравнивании всех людей высочайшей культурой. Коммунистический смысл этой идеи заключается, в частности, в том, что обладание всеми людьми равно высочайшей культурой предполагает и в качестве своей предпосылки, и в качестве своего следствия уничтожение разделения труда: с уничтожением привилегий на высшие совершенства, несомы высшей культурой, одновременно устраняется и социальная привилегия: все не только знают всё, но и все делают всё.

«Всеми способами», т. е. всесторонне, всеми существующими и возможными способами, методами, — это одновременно и единство, универсальность метода пансофии, и дополнительное содержание пампедии. Всесторонне — значит полностью, во всех отношениях: развитие чувств, ума, речи, умений, способностей, навыков делать, творить, работать. Если две предыдущие категории отражали и выражали единство человечества и единство мудрости, то содержанием данной категории выступает единство личности. Речь идет об органическом слиянии нравственности с интеллектом и волей. В этой категории отрицается частичный человек и утверждается целостная личность как идеал и цель воспитания.

Пампедическое преломление категорий «все, всё, всесторонне» есть конкретизация основных категорий «Всеобщего совета» как теории исправления всех человеческих дел. Ибо требование последнего распространяется у Коменского на *omnia, omnibus omnimode esse emendanda* — все, для всех и всеми способами исправляемые дела человеческие.

¹ Провозглашая счастье целью человеческой жизни, Коменский предусматривает гармонию счастья личности и общества. Обоснованию этой гармонии посвящено сочинение Коменского «Всяк своего счастья кузнец», где утверждается, что счастье — не случайность, а необходимый результат разумной человеческой деятельности, шмющей конечной целью высшее бла-

го. Поэтому счастье не должно быть только личным, но сообразовываться с общим благом. И в данном отношении Коменский несет в своей теории коммунистический элемент, в отличие от раннебуржуазных идеологов, склонных все преимущества, даваемые высшей культурой, считать прерогативой именно индивидуальности (см.: *Холодняк М. А.* О сочинении Коменского «Всяк своего счастья кузнец». — В кн.: Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского: По поводу 301-й годовщины его рождения. СПб., 1893, с. 61—63).

- ² Коменский выступает как провозвестник и непосредственный предшественник идеологии Просвещения — теоретической подготовки буржуазных революций. Нельзя не увидеть в Коменском связующее звено между неоплатонизмом и пантеизмом Возрождения с его гуманистическим идеалом всесторонне развитого человека и «царством разума», основанного на «естественном равенстве» — идеалом эпохи Просвещения, уповавшей на распространение знания как на панацею от социальных зол.
- ³ В идее наделенности умом всех заключен не только бесспорный демократизм Коменского, но и поразительная по смелости идея природного равенства умственных способностей всех людей. Этим утверждением Коменский противостоял не только своему времени, но, практически, всем предшествующим тысячелетиям развития западной цивилизации. Идея природного равенства человеческих умственных способностей стала достоянием только XVIII в. — прежде всего французского материализма. Даже наиболее передовой, наиболее смелой гуманистической науке (да и искусству) эпохи позднего Возрождения и первой половины XVII в. свойственно объяснение индивидуальных различий между людьми природным неравенством их умов (Хуан Варте, Сервантес, Шекспир и др.).

Сравнить с высказыванием К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу французского материализма XVIII в.: «Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о природной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека... — и коммунизмом и социализмом» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 145).

- ⁴ И в данном отношении, в требовании каждому человеку желать блага для человечества в целом, Коменский предвосхитил эпоху Просвещения. Его своеобразный «интернационализм» получил у просветителей форму космополитизма, выражавшего идеи освобождения индивида от феодальных оков. В педагогическом отношении эту идею с большой силой продолжил в XVIII в. Иммануил Кант, который в своих лекциях «О педагогике» указывал «на необходимость воспитывать в молодых людях способность любить других людей, а также помнить о том, что все мы граждане мира... Этот последний интерес следует сделать близким для детей, чтобы они мог согреть им душу. Благо мира должно радовать их даже и тогда, когда оно не приносит выгоду ни их отечеству, ни им лично».
- ⁵ Здесь и далее Я. Коменский развивает материалистические идеи Аристотеля об имманентности души определенному телу. В отличие от Аристотеля, Коменский не только утверждает, что душа неотделима от тела, но и устанавливает, хотя и робко, связь между ними, зависимость. Однако дальше Коменский не мог пойти, оставаясь на теологических позициях. Бесстрашное, не перед чем не останавливающееся, трезво-научное исследование природы человека как своеобразного «модуса» природы вообще было уделом последовательного материализма, представителем которого был великий современник Коменского Б. Спиноза. Но, даже только приближаясь к Спинозе в программе интеллектуального и нравственного совершенствования человечества, покоящейся на материалистическом фундаменте,

- Коменский вносил огромный вклад в эту «программу, которой с тех пор и следует все развитие мировой культуры в ее лучших, действительно прогрессивных тенденциях и течениях» (Ильенков Э., Науменко Л. Три века бессмертия. — Коммунист, 1977, № 6, с. 65).
- 6 Коменский противостоит здесь, как и повсюду, учению католической церкви о наследственности первородного греха, имманентной греховности человека, идее, из которой следует необходимость страдания человечества и искупления прирожденной ему вины. Коменский утверждает: мир принадлежит человеку, первородный грех которого снят Христом, и от человека самого зависит возможность провести на земле счастливую жизнь и исправить все человеческие дела. Ср. «Великая дидактика», V 17; XXXIV 23—28; «Пампедия», IV 10; «Панортосия», XXIV 2.
 - 7 Имеется в виду 4-я ступень (часть) «Пансофии», т. е. 3-я часть «Всеобщего совета».
 - 8 Имеется в виду «искусственный мир», т. е. мир, созданный человеческим трудом, мир вещей, созданных человеком для человека, — 5-я часть «Пансофии».
 - 9 О механико-математическом методе, отчасти применявшемся Коменским наряду с Декартом и Спинозой, см. примеч. к «Новейшему методу языков».
 - 10 О педагогическом значении идеи богоподобия см. примеч. 1 к «Материнской школе» в наст. изд., т. 1.
 - 11 *Анахарсис* — скифский царь VI в. до н. э. Считался мудрецом. Критически изучал греческие нравы, образ жизни и культуру. Идеализировал народы Севера.
 - 12 Коменский продолжает разрабатывать свою великую идею компенсирующего воспитания и обучения, выдвинутую им в гл. X «Новейшего метода языков» (см. примеч. к этому трактату в наст. изд.). Эта идея делает Коменского основоположником дефектологии. Педагогический оптимизм Коменского блестяще подтвердился достижениями дефектологии XX в., особенно обучением и воспитанием слепоглохонемых детей.
 - 13 Сократ и Платон действительно выступали с критикой софистов, но не с обличением их якобы «пустой и хвастливой болтливости». На самом деле софисты — профессиональные учителя философии и красноречия 2-й половины V — 1-й половины IV в. до н. э. пользовались диалектикой при разработке своей скептической теории познания и других проблем вовсе не «для разглагольствования на любую тему». Кроме того, софисты не могли быть подражателями сторонников энциклопедического образования, поскольку эпоха последних относится к Александрийскому периоду, к III в. до н. э.
 - 14 Поверхностность разного рода несистематизированных сводов разрозненных знаний Коменский осуждал еще в «Лабиринте света».
 - 15 Т. е. общаться с низшими тварями, с людьми, с богом. См. 5-ю часть «Пансофии» — «Мир человеческого труда», 6-ю часть — «Нравственный мир» и 7-ю — «Духовный мир».
 - 16 Коменский ставит проблему бессмертия человека как педагогическую проблему. Пожалуй, в воспитании характера, направленности и целей личности это очень важная проблема. Представления человека о смысле жизни и о содержании счастья, отношение к смерти и трактовка проблемы бессмертия составляют ядро мировоззрения, а поведение свое человек строит, как известно, в соответствии именно с представлениями о ценности жизни, в соответствии со своими идеалами силы, красоты, добра и правды. Поэтому для науки о воспитании нет более важных вопросов, чем о целях человеческой жизни, о смысле бытия, о конечных результатах всех усилий людей по устройству их земных дел.
 - 17 *Ювенал.* Сатиры, 10, 356.

- ¹⁸ Проблему свободы воли Коменский решает в духе раннего христианства: акцент делается им на моральном самосовершенствовании человека посредством свободной воли и ответственности за свои поступки. Для времени Коменского было прогрессивным подчеркивание им не помощи со стороны бога, не веры в божью благодать, но акцентирование самостоятельности человека. Коменский интегрировал в свое понимание свободы воли и новый подход к оценке личности и ее места в мире, которым ознаменовалась эпоха Возрождения. По сути дела Коменский вплотную приблизился, хотя и не мог принять целиком, к спинозистскому решению проблемы — свобода есть осознанная необходимость (см., например: *Новиков К. А.* Свобода воли и марксистский детерминизм. — М., 1981, с. 21—31).
- ¹⁹ Цитата из диалога Сенеки «О блаженной жизни», I 3.
- ²⁰ Здесь особенно четко видно, что Коменский распространяет свое требование формирования познавательной и нравственной самостоятельности на все поведение человека, особенно настаивая на освобождении от власти всяких авторитетов, на принятии личностно совершенно самостоятельных решений во всех важнейших вопросах жизни. Прогрессивный характер этого требования не нуждается в комментариях.
- ²¹ *Цицерон.* Об обязанностях, I 4, 13.
- ²² *Гораций.* Послания, I 1, 39—40.
- ²³ Теорию «второго рождения» в XIX столетии подробно разрабатывал Гегель. Как и Коменский, Гегель связывает второе рождение с воспитанием, понимая под последним присвоение индивидом общечеловеческой культуры.
- ²⁴ В этой формуле Коменского содержится зародыш идеи «отрицательного воспитания», подробно развитой в следующем веке Руссо и Кантом. Коменский, Руссо и Кант относили требование «отрицательного воспитания», т. е. требование не мешать природе, только к первоначальному, раннему воспитанию. Впоследствии эту идею пытались применить к детям школьного возраста филантрописты и неоруссоисты, теоретики педоцентризма.
- ²⁵ Имеется в виду пансофический метод, применяемый во «Всеобщем совете».
- ²⁶ Коменский предвосхищает свойственное буржуазным общественным отношениям разделение труда, приводящее к формированию не целостной, а частичной личности. В развернутом виде проблема эта войдет в политэкономическую литературу только в XVIII в. (А. Смит, Ф. Кене, А. Р. Тюрго и др.). В эпоху Коменского разделение труда с точки зрения уродующего влияния его на человека начал исследовать У. Петти, хорошо осведомленный о взглядах Коменского и во многом соглашавшийся с ним в своих теоретико-воспитательных работах, посвященных проблемам трудового воспитания и подготовки молодежи к трудовой жизни. Благодаря работам Петти многие прогрессивные идеи Коменского стали достоянием Дж. Беллера и Р. Оуэна.
- ²⁷ См.: *Гораций.* Послания, I 4, 15.
- ²⁸ См.: *Гораций.* Послания, I 4 (письмо к Тибулу).
- ²⁹ См.: *Овидий.* Фасты, I 216.
- ³⁰ Цельность личности рассматривается Коменским как предпосылка счастья: наряду с правильностью и красотой проживаемой жизни ее полнота, таким образом, входит у Коменского в понятие счастья. См. примеч. к III 16.
- ³¹ Сравнить с «Внутренним вкушением мудрости» Николая Кузанского, например «Игра в шар», II 70—71.
- ³² Название одной из сократических школ древнегреческой философии — киники происходит от названия холма в Афинах Киносарг, где основатель этой школы Антисфен занимался с учениками. Признавая вместе с Сократом, что счастье человека совпадает с добродетелью, киники, однако, отвергали внешней человеку этический критерий. Пропагандируя личный примером крайне упрощенную форму кинизма, некоторые последователи этой школы дали основание считать кинизм скорее образом жизни, чем

философией, что дошло до нашего времени в специфическом значении слова «цицик». Отсюда — этимология, на которую опирается Коменский.

- ³³ Под школами здесь Коменский понимает научные направления.
- ³⁴ 6000 лет, т. е. со дня творения (согласно христианской традиции летосчисления).
- ³⁵ Цицерон. Тускуланские беседы, 3, 1, 2.
- ³⁶ Требуя противоположного (т. е. соприкосновения человека с возможно большим числом вещей), Коменский и в этом пункте приближается к спинозизму: чем больше познаем мы отдельные вещи, тем больше познаем бога, т. е. всеобщую, универсальную природу вещей, мировую материю; чем больше вещей охватывает наше активное действие и чем глубже и всестороннее мы научаемся действовать «по форме самих внешних тел», тем более активным компонентом в бесконечной цепи причинно-следственных отношений природного целого мы становимся, тем чище мы выявляем подлинную природу вещей (см.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. — М., 1974, с. 52—53).
- ³⁷ В положении о действиях воли по разумным основаниям как сущности свободы заключено ядро подробнейшим образом развитой И. Кантом этики.
- ³⁸ Т. е. по закону, который воля сама себе сознательно выбирает. Это положение целиком вошло и в кантовскую этику, и в его педагогiku.
- ³⁹ Здесь Коменский следует сократовской идее «никто не ошибается добровольно».
- ⁴⁰ Идею избавления человечества от плохих, лишних и вредных книг подробно и с большой силой развивал И. Фихте, в частности в «Основных чертах современной эпохи».
- ⁴¹ Человека делает человеком, по Коменскому, усвоение Софии — мудрости, т. е. высших и притом всех достижений человеческой культуры.
- ⁴² Сенека. О краткости блаженной жизни, 3, 3, 2.
- ⁴³ Цицерон. Об ораторе, II 8, 325.
- ⁴⁴ Коменский обобщает в данном случае реальный исторический опыт общественного воспитания в секте чешских братьев.
- ⁴⁵ Этот случай рассказан в трактате о воспитании Куровда Никосфена (Париж, 1581).
- ⁴⁶ В требовании сделать школу моделью гражданского общества, государства заключено зерно социально-педагогической идеи школы как школы общества, идеи, которой суждена была долгая судьба в буржуазной педагогике XIX—XX вв. (П. Барт, Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер и др.).
- ⁴⁷ См.: Сенека. Письма к Луцилию, 6, 4.
- ⁴⁸ 2 Цар. 12; 3 Цар. 1.
- ⁴⁹ Идея обучения как примера и помощи со стороны учителя есть модификация основного закона воспитания, сформулированного Коменским еще в «Материнской школе» и «Аналитической дидактике».
- ⁵⁰ Овидий. Искусство любви, 3, 595, 6.
- ⁵¹ Коменский предлагает не церковный праздник св. Григория перенести на другое время, а начало учебного года, традиционно совпадавшее с праздником св. Григория (12 марта), перенести на зимнее время, ближе к началу нового года.
- ⁵² Под методом обучения Коменский всегда подразумевал органическое слияние «техники», методики преподавания с содержанием изучаемого учебного материала.
- ⁵³ Панорамней Коменский называет систему предметной, изобразительной и словесной наглядности, призванной обеспечить единство чувственного и словесного сознания. «Мы совершенно забыли слова Коменского, что изучение слов и вещей должно идти параллельно», — опираясь на это основоположение Коменского, П. П. Блонский требовал, чтобы формирование

умственных способностей осуществлялось в единстве познания объективного мира и знаковых систем. Предметные уроки, уроки логики и уроки грамматики должны быть одним и тем же (Задачи и методы новой народной школы. — В кн.: Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2-х т. Т. 1. — М., 1979, с. 45).

⁵⁴ Сформулированные здесь Коменским вопросы — что знать, во что верить, что делать, на что надеяться — стали в XVIII в. содержанием учения И. Канта. Все созданное Кантом призвано было ответить на основополагающие вопросы человеческого бытия: что я могу знать, что я должен делать, на что я могу надеяться, что такое человек (см., например: Тракаты и письма. — М., 1980, с. 332).

⁵⁵ Т. е. в «Театре мира» — см. выше: IV 3; V 28.

⁵⁶ Различая в совокупности учеников, находящихся на одной и той же ступени продвинутой, «начинающих, продолжающих, завершающих», Коменский по сути дела выдвигает требования дифференциации обучения, его индивидуализации в рамках фронтальной работы в классе. Это глубоко реалистический и диалектический момент: единство, обеспечиваемое одинаковой ступенью продвинутой работы класса, различно внутри себя. Практическое значение этого положения огромно. Фронтальная работа в классе эффективна только тогда, когда доступна «начинающим», но предусматривает и другие виды труда для более сильных школьников, «продолжающих» и, конечно же, для нескольких наиболее продвинутых учащихся — «завершающих».

⁵⁷ *Сенека*. О краткости блаженной жизни, 7, 4.

⁵⁸ См.: *Платон*. Государство. 336 с.

⁵⁹ Предусматривая поощрение учителем вопросов ученика, Коменский конкретизирует требование активности обучения.

⁶⁰ «Пансофия», «Пампедия», «Панортосия», «Панглоттия» — части «Всеобщего совета», соответственно III, IV, V, VI.

⁶¹ Совет света — одно из международных учреждений, проект которого разработан Коменским в «Панортосии». Совет света призван заботиться о просвещении во всем мире. Членами этого совета должны стать ученые всех народов мира (см. «Панортосия», 16, а также «Дорога света», 18).

⁶² *Аполлодор Афонский* — выдающийся древнегреческий ученый II в. до н. э., филолог, историк, историк литературы.

⁶³ *Центон* — произведение, составленное из разрозненных стихотворных строк античных поэтов.

⁶⁴ Т. е. в указателях источников изречений и их авторов.

⁶⁵ В латинском оригинале — «среди литературных воров».

⁶⁶ Матф. 5, 15.

⁶⁷ Поворот от мнпмого знания — мнения к истинному знанию — науке — великое счастье и великая боль, сравнимая с привыканием глаз, ослабевших в полутьме, к ослепительному свету яркого солнца. (Это идея Платона, см. «Государство», V 476e—480; VII 514—519.)

⁶⁸ В этом своем требовании Коменский идет вслед за Декартом, считавшим любое знание достоверным только при условии, что оно было получено (и изложено) математически строгим методом, «доказано», как в геометрии. «На одних доказательствах» Коменский построил свою аналитическую дидактику (см. примеч. к «Новейшему методу языков» в наст. изд.).

⁶⁹ *Эпохэ* (греч.) — «остановка», «прекращение», центральное понятие древнегреческого скептицизма, введенное Пирроном, — «воздержание от суждения». Коменский не призывает к скептицизму, он требует только воздержания от скороспелых суждений.

⁷⁰ Латинское выражение употребляется здесь в смысле «в этом деле надобно еще тщательно разобраться». В древнеримском праве эта формула означала воздержание судьи от решения по неясному для него делу.

- ⁷² *Нормы Поликлета* — нормы идеальной красоты, строго математически выверенные. Поликлет из Аргоса (2-я половина V в. до н. э.) — скульптор и теоретик искусства. Поликлет считается основоположником канонов идеальной красоты человеческого тела, выраженных цифрами и иллюстрируемых его статуей «Дорифор».
- ⁷² *Зевксис* — древнегреческий живописец конца V — начала IV в. до н. э., знаменитый правдоподобием своих изображений и мастерски примененной светотени. *Агафарх из Самоса* — греческий художник конца V в. до н. э., известный достижениями в разработке перспективы.
- ⁷³ Подробнее об этом см. след. раздел «Всеобщего совета» — «Панортосию».
- ⁷⁴ Подробно о категориях пансофической метафизики см. ч. I «Пансофии».
- ⁷⁵ Не совсем ясное место; возможно, Коменский требует ежегодного издания списков книг, появившихся в течение года.
- ⁷⁶ ἀταξία — «непорядок», «злоупотребления».
- ⁷⁷ *Аподиктическими* — достоверными, правдивыми, истинными.
- ⁷⁸ *Пангномика* — антология остроумных и мудрых кратких паречений всех времен и народов.
- ⁷⁹ О содержании панхронии см. «Открытая дверь языков», словарная статья «История». Имеется в виду не наука об изменении времени, а историческая хронология как последовательность исторических событий во времени, список всемирной истории.
- ⁸⁰ *Панистория* — основа пансофии, повествующая о процессе развития природы, а не только о всемирной истории человечества.
- ⁸¹ Коменский продолжает гуманистическую традицию защиты язычников перед христианством.
- ⁸² *Яков Прижирсий*. Сочинение о заблуждениях врачей.
- ⁸³ *Вергилий*. Энеида, 10, 283.
- ⁸⁴ *Теренций*. Сам себя наказавший, 483.
- ⁸⁵ *Воттон* — см. текст Коменского, с. 418.
- ⁸⁶ *Панглоттия* — 5-я часть «Всеобщего совета», 4-я глава называется «Наилучший путь к исправлению языков», где Коменский выступает против многозначности слов, неточности определений понятий и многочисленных исключений из правил грамматики. Позитивную программу создания всемирного логического однозначного языка, разработанную Коменским, использовал Лейбниц, пытавшийся формализовать язык. Дальнейшая история этих идей Коменского прослеживается в математической логике XIX—XX вв.
- ⁸⁷ *Протей* (греч. миф.) — морское божество; мог превращаться в зверей, воду и деревья; в переносном смысле: переменчивость, непостоянство, капризность.
- ⁸⁸ Идее параллелизма мышления, языка и действия Коменский посвятил специальный трактат «Всеобщее триединое искусство».
- ⁸⁹ О синкризисе как методе познания см. «Похвала истинному методу» и примеч. к нему.
- ⁹⁰ Имеется в виду применение теоретических знаний на практике, упражнения.
- ⁹¹ Сделать обучение механическим — значит «технологизировать» его путем сообщения учащимся того, что на современном языке науки называется ориентировочной основой действия, т. е. программой правильного выполнения действия.
- ⁹² «Всеобщим учителем» или «панпедическим наставником» (VIII 34) Коменский называет учителя, способного обучать всех всему и всесторонне.
- ⁹³ По сути дела, Коменский излагает идеи поэтапного природосообразного воспитания.
- ⁹⁴ *Катон старший* (234—149 до н. э.) — римский писатель и политический деятель.

- ⁹⁵ Цицерон. Об обязанностях, I 28, 100.
⁹⁶ Сенека. Письма к Луцилию, 112, 19.
⁹⁷ См. примеч. к VIII 29 (1).
⁹⁸ Горацій. Наука поэзии, III.
⁹⁹ См. примеч. к I 14.
¹⁰⁰ 2 Тим. 3, 15; 1 Тим. 4, 7—8.
¹⁰¹ *Lucidarium* — светильник. Этим словом назывался сначала учебник латинского языка Коменского, известный ныне как «Мир в картинках».
¹⁰² *Сааведра* — автор книги «Идея принципов христианства, изложенная в ста параграфах» (Мюнстер, 1640; Брюссель, 1649).
¹⁰³ «Живой азбукой» открывается «Мир в картинках» Коменского. Рядом с каждой буквой в «живой азбуке» помещен рисунок животного, производящего те звуки, которые сходны со звуком, обозначаемым соответствующими буквами (например, буква «ш» иллюстрируется изображением змеи, издающей шипение, и т. п.).
¹⁰⁴ *Сфинкс* — здесь: учебник, состоящий из загадок и отгадок.
¹⁰⁵ Названия классов и учебников совпадают, потому что в каждом классе должен изучаться один учебник, по Коменскому (ср. «Великая дидактика», гл. 29).
¹⁰⁶ «Разуметь» — *зареге*, «действовать» — *агеге*, «говорить» — *логуй* создают аббревиатуру *SAL*, что значит «соль», т. е. «соль мудрости», пансофии. Целокупность мира, природы, человека, мышления, бога познается, по Коменскому, пансофически — в результате совместной деятельности разума (*S*), рук (*A*) и речи (*L*). *SAL* входит в понятие «всё» и как содержание образования, и как метод обучения (см. примеч. к названию I гл. «Пампедии»). Ср. «Пампедия», гл. I, а также трактаты «О культуре природных дарований» и «Выход из схоластических лабиринтов».
¹⁰⁷ *Гален* (129—199) — греческий врач, работавший в Риме, автор знаменитых комментариев к произведениям величайшего врача древности — Гиппократ (V—IV вв. до н. э.) и работ по логике и философии.
¹⁰⁸ Сведения о Плинии Старшем, римском писателе и ученом I в., Коменский почерпнул в книге Дрехеля «Золотой рудник» (1638, с. 18).
¹⁰⁹ Ср. с палубленным Коменским латинским выражением «*Fabricando fabricamus*» — «Мы создаем себя трудясь», неоднократно упоминаемом в большинстве произведений Коменского.
¹¹⁰ Ср. *Сенека*. О краткости жизни, 7, 3.

«Панортосия»
(с. 453—469)

При жизни Коменского печаталась лишь первая треть этого произведения, которое он писал с 1645 г. до конца жизни. В полном (отчасти не завершеном у самого Коменского) виде опубликовано в пражском издании 1966 г. (т. II, с. 205—378). Наш сокращенный перевод — по этому изданию. Отрывки из «Панортосии» в переводе Ю. В. Богданова см. в кн.: Трактаты о вечном мире. — М., 1963, с. 66—81.

«Панортосия» — политическая философия Я. А. Коменского. Она строится на основе пансофии, так как только просвещенный, нравственный и сознательно творящий человек способен, по Коменскому, предпринять универсальную реформу, приступить к учреждению царства справедливости на земле. Этим ожидание преобразования мира, захватывающее Коменского, решительно отличается от еретического хилиазма всевозможных толков, чье ожидание тысячелетнего царства было по существу пассивным и опиралось на более или менее сомнительные историческо-софские расчеты, а не на веру в безграничность творческих потенций человека (см. о «хилиазме» Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», общее примеч.). Философ

свободы, Коменский неоднократно подчеркивает, что лучшее устройство мира не будет навязано человечеству свыше, оно может быть лишь делом никем и ничем не понуждаемой человеческой воли.

- ¹ Коменский говорит в этой главе не о том, что приближается конец мира, а о том, что мир и человеческая история ни в коем случае не могут окончиться прежде, чем произойдет преобразование мира и изгнание из него зла.
- ² На соборе в Констанце (1414—1418) был осужден Ян Гус. На Базельском соборе (1432—1439) сильная группа немецких, чешских и других епископов выступила против папы в борьбе за большую местную самостоятельность и равноправие церковных иерархов; одно время они добились большинства на соборе, но постепенно проиграли в единоборстве с папой, который сначала объявил собор недействительным, а в 1439 г. осудил всех его участников как «схизматиков и еретиков». На Тридентском соборе (1545—1563) римско-католическая церковь начала контрреформацию, восстановила дисциплину в своих рядах и приняла важнейшие постановления, определившие ее облик на несколько столетий вперед.
- ³ *Сенека*. О блаженной жизни, I 3.
- ⁴ *Цицерон*. Парадоксы стоиков, 26.
- ⁵ *Ювенал*. Сатиры, 6, 223.
- ⁶ Маловероятная этимология.
- ⁷ 1 Тим. 1, 9 («...закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокорных...»).
- ⁸ *Эфоры* (греч.) — начальники, буквально «наблюдающие».
- ⁹ *Ахитофел* — советник царя Давида, составивший «сильный заговор» против него (2 Царств 15—17). До того как имя Макнавелли стало нарицательным, коварных политиков отождествляли с этим библейским персонажем.
- ¹⁰ См. «Пансофия», 6-я ступень, гл. 7—9.

Композиция

*«Всеобщего совета об исправлении дел человеческих» **

Обращение к «светочам Европы, ученым, благочестивым, высокопоставленным мужам». Призыв отвлечься от своих злободневных занятий и рассмотреть предлагаемый проект, касающийся блага всего человечества. Перечисление семи частей труда. Почему именно христианская Европа должна перед лицом всего мира предпринять пренические и мироустроительные усилия. Необходимо стремиться к прекрасной гармонии бытия. Полезность, необходимость и безвредность предпринимаемого дела. Призыв к его беспристрастному и благосклонному рассмотрению (т. I, с. 27—36) **.

Часть первая «Всеобщего совета», «Панегерсия» (Всеобщее пробуждение). *Гл. 1.* Необходимость пробуждения человечества к осознанию своего блага, начиная с пробуждения самих себя (45). *Гл. 2.* Пробуждение самих себя в молитвенном обращении к Творцу, с обильными библейскими цитатами (46—48). *Гл. 3.* Возможность и необходимость приглашения всех без исключения людей на совет об исправлении человеческих дел. Организация обмена посланиями, собраний на местах, всемирного совета (48—49). *Гл. 4.* Высокое достоинство человеческой души и познание, религия, политика как три специфически человеческих рода деятельности. Проявление образа божия в человеческих уме, воле и деятельной способности. Философия,

* Составил В. В. Библихин.

** Страницы в круглых скобках — по пражскому изданию 1966 г. (см. комментарий к «Всеобщему совету» выше, с. 511).

вера, государственный порядок как три плода трех видов человеческой деятельности; мудрость, благорасположение божества и мир на земле как цель человеческих стремлений (50—53). *Гл. 5.* Отпадение расстроенных человеческих дел от идеала: незанятость ума, извращенность воли, корыстное отношение к божеству; незнание истины, омертвление премудрости в книжном знании, несовершенство и темнота частных языков; искажение веры атеизмом, эпикурейской жадностью наслаждений, идолопоклонничеством; увлечение внешним ритуалом в богослужении (каппизм), небрежение о вечной жизни, взаимное ненавистничество и религиозные преследования. Аналогичное извращение общественно-государственной жизни: отсутствие порядка, жестокость и бездарность правителей. Вывод о полном расстройстве всех человеческих дел (53—59). *Гл. 6.* Подробный разбор безобразия и вредности пороков ума, веры и отношения к ближнему (59—64). *Гл. 7.* Со времен первого упадка человеческих дел и вплоть до сих пор в философии, религии, государственной жизни делаются постоянные попытки исправления, однако тысячи разрозненных предприятий лишь увеличивают день ото дня хаос в человеческом мире. Пример медицины, с усложнением которой возросло и число болезней, юриспруденции, где число разнообразных законов возросло до полной неразберихи, философии, которая разбрелась в беспечном разнообразии мнений, и религии, расколовшейся на множество верований (64—69). *Гл. 8.* Необходимость поддерживать в себе бодрость духа и надежду на добрые корни человеческой природы. Тождество человеческой природы зовёт людей к объединению всех своих усилий. Всеобщее исправление человеческих дел — не сверхчеловеческая задача, а исполнение божественной воли о человечестве (69—76). *Гл. 9.* Попытка исправления человеческого мира должна быть предпринята на новых, еще не изведанных, всеобщих (catholicis) путях единения, опрощения и свободного волеизъявления. Разъяснение этих понятий. Единство земной обители и единство прародителей как база единения людей; Бог как источник изначальной простоты человеческой души и мира; свобода воли как божественное начертание в человеке. Отклонившись от единства, простоты и свободы, человечество должно вернуться к той точке своего движения, где оно сбилось с пути. Предметом исправления должна стать *вся* масса пороков, субъектом — *все* люди, орудием — *всевозможные* находящиеся в их распоряжении средства (76—85). *Гл. 10.* Делу должен предшествовать совет и принятие решения. Общие правила ведения совета (содержательность, полезность, конкретность, общая заинтересованность в принятии решения и т. д., всего 26 правил). Допущение к совету всех, выслушивание всех, с требованием искренности и благожелательности от всех (86—88). *Гл. 11.* Приглашение на мирный совет об исправлении дел всех народов, языков, вероисповеданий, в особенности философов, богословов, политиков, с призывом к чистосердечию, взаимному доверию, согласию, любви, деловитости, непредвзятости, упорству, миролюбию. Общее обращение к Богу как залог успешного начала (89—94). *Гл. 12.* Молитва рода человеческого к правителю Вселенной (94—95).

Часть вторая «Всеобщего совета», «Панавгия» (Всеобщее просвещение).
Гл. 1. Почему автор предпринимает рассмотрение света и как он будет его проводить. Свет или нечто подобное свету — наиболее универсальная, простая, ненавязчивая и свободная среда, способная установить единение между людьми. Премудрость как свет ума, изначальный свет как источник мировых идей (101—102). *Гл. 2.* Виды света — вечный, внешний, внутренний — и соответствующие виды тьмы (102—103). *Гл. 3.* Панавгия есть всеобщий свет ума, совершенно показывающий всем людям все их благо и истину, почему надлежит освободить от тьмы прежде всего ум. Мудрые и глупцы. Единственный способ решения неясностей — выведение их на яркий свет и рассмотрение всего без насилия и ненависти; единственный способ вы-

браться на путь единения, простоты и свободы — движение в полноте света (102—106). *Гл. 4.* Подобно тому как умному свету учат примером, наставлением и исправлением, так Бог воспитывает человеческий род с помощью трех светильников (трех книг, трех театров, трех зеркал, трех законов, трех сводов правил, трех источников света): мир (мастерская божественной премудрости), человеческий врожденный ум (божественный наставник), слово Писания (107—109). *Гл. 5.* Природа, первый источник умного света, сотворена Богом, неприметно учит человека, служит ему, разворачивает в себе всю полноту божественной премудрости. Для разумного созерцателя природы она являет умный свет и обещает ему всемогущество, в рамках своих сил и возможностей (109—110). *Гл. 6.* Человеческий дух и ум, второй источник умного света, именуемый также совестью и сознанием, есть чудодейственная сила познания и освоения всего в мире, образ божий в нас. Врожденные понятия («любое целое больше своей части» и др.), врожденные инстинкты (воля к свершению, свобода выбора и др.), врожденные способности (силы) — неотъемлемые свойства человека. Знание истины, добра, долга; числа, меры, веса. Безграничность человеческого познания, безошибочность врожденного света, однако при необходимой заботе о его чистоте (111—116). *Гл. 7.* Слово божие, третий источник света, безусловно существует, хотя книги божественных откровений не должны быть предметом слепой веры. Критерии и признаки отличия истинно божественного слова от подложного: благочестие, здравомыслие, простота писателей; свидетельствование церкви и мучеников; ясность стиля, чистота наставлений, согласие между истинами откровения, душевная крепость. Евангелия во всем отвечают критериям истинности; согласие Нового завета с законом Моисея. Напротив, Коран не во всем является божественным откровением. Призыв ко всем другим народам мира представить для разбора и оценки имеющиеся у них божественные книги (116—123). *Гл. 8.* Человек созерцает божественный свет тройным оком чувства (непосредственное зрение), разума (отраженное зрение) и веры (преломленное зрение) (123—125). *Гл. 9.* Подобно тому как внешнему зрению помогают очки, телескоп и микроскоп, так оку ума помогает тройкий метод: синкритический (сравнивающий), аналитический (разрешительный) и синтетический (сочетательный). Искусство применения всех методов при ведении совета об исправлении человеческих дел. Все последующее рассуждение должно быть строго научным (*mathematica*), т. е. быть построено на четких определениях, четких постулатах, четких теоремах и четко сформулированных проблемах (125—128). *Гл. 10.* При правильном восхождении к источникам умного света мы откроем «пангармонию» простейших начал бытия, которая в свою очередь усилит и упорядочит излияние света. Эта пангармония проявляется в разных областях познания: в виде параллелизма в геометрии, симметрии в оптике, в виде красоты, согласия, благолепия. Для преодоления заблуждений необходимо искать гармонии (параллелизма, согласия, симметрии) во всех трех «книгах божиих». Виды гармонии в мире, человеческом уме, писании и восхождении от этих частных видов гармонии к величайшей пангармонии, связующей все в мире. Хвала пангармонии (128—132). *Гл. 11.* Доказательство всего сказанного выше о свете на примере физического света в 78 теоремах о свете («всякий луч распространяется по прямой», «никакой луч не исчезает бесследно в сфере своего действия», «при ослаблении света подступает мрак», «свет не бежит от тени и от мрака, наоборот, мрак боится света и бежит от него» и т. д.). Темнота подчиняется «закону света» (132—142). *Гл. 12.* Вслед за вышензложенной теорией света следует практика применения света для изгнания тьмы и обеспечения видения, в 21 «проблеме» с решениями (142—146). *Гл. 13.* Древние не знали универсального света, потому что Бог соблаговолит лишь постепенно открывать людям умный свет; потому что люди по своей природе представляют собой как бы ветви единого дерева челове-

чества, которые не одновременно расцветают и плодоносят; и потому что подлунный мир представляет собой как бы школу, поделенную на классы. Будучи творением, а не Богом, человек способен лишь шаг за шагом осваивать «книги божины». Тем не менее со временем человеческий ум получает все более помощи для своего развития, а именно растут знания, взаимное общение, распространяются школы, науки, изобретена типография, расширяется мореходство, оптическое искусство позволяет при помощи подзорных труб лучше рассмотреть небесные тела. Теперь остается широко распахнуть универсальный путь всеобщего света перед людьми (146—150). *Гл. 14.* Бесконечное разнообразие мира, занятость людей повседневными делами и «смешение языков» препятствуют универсальному просвещению, однако эти препятствия можно преодолеть, разработав пансофию, всеобщую мудрость, пампедию, всеобщую культуру ума, и панглотику, универсальное искусство языка. За этими тремя разделами «Всеобщего совета» будет следовать панортосия, т. е. всеобщее исправление в собственном смысле слова. Возможность, основания и методы разработки названных дисциплин (150—154). *Гл. 15.* Для восприятия всеобщего света очи людей должны избавиться от бельма предассудков, для чего настоятельно необходимо полагаться только на божины книги, а не на человеческие измышления, во всем доверять только своим собственным глазам, неизменно храня при этом внутренний душевный мир (154—160). *Гл. 16.* Прошение к Отцу светов о ниспослании полноты просвещения (160—162).

Пансофия (третья и главная часть «Всеобщего совета»). Обращение к «императорам, царям, государям и правителям общественных дел» как «земным богам» с призывом быть достойными «земными заместителями» небесного Бога (165). Посвящение Герарду Де Гееру, сыну и наследнику долготелнего покровителя Коменского Людовика Де Геера (167). Обращение к Творцу «неба, земли и всех бед» и к «смертным обитателям земли». Призыв к людям выбраться из мрачных лабиринтов заблуждений, пробудиться и дружно взяться за дело всеобщего спасения. Просьба не смущаться малостью, несовершенством и неполнотой предлагаемой «Пансофии»: она — лишь начало, замысел, который осуществят все люди совместными усилиями. Предупреждение о том, что автор пользуется не строгим философским, а общедоступным, и к тому же диалогическим стилем (в дальнейшем это намерение исполнено лишь частично). Пансофия — панацея от всех болезней человеческого рода, как бы сокровищница истинных идей, школа избавления от мнений и приобретения знаний; она предназначена для всего человеческого рода без различия вероисповеданий (169—175). Совет о создании книги «Пансофия». Смысл премудрости — в упорядочении всех человеческих помыслов, слов и действий, и такому упорядочению должна послужить единая, всеохватывающая, ясная и истинная книга, как бы краткое собрание всей человеческой мудрости. Необходимость, возможность и осуществимость такой книги доказываются в форме пяти «проблем» (задач) с их «решениями». Автор возлагает надежды на «пансофическое востановление», составленное из еще не испорченных пороками и заблуждениями детей, прошедших мудрую школу. Подкрепление этой мечты цитатами из Библии (Пс. 8, 2—9; Ис. 28, 29; Иоан. 4, 11; Откр. 2, 24) (179—194). *Первая ступень* и основание всей «Пансофии», мир возможности. *Гл. 1.* Мир возможности есть умопостижимое: представление о предпосылках (идеях) всех реально существующих вещей, например, для того чтобы римлянин Бозций впервые изобрел часовой механизм, идея этого изобретения должна была сначала существовать в своей собственной возможности. И подобно тому, как, даже если бы мир и время не существовали в действительности, они существовали бы в вечной возможности (в своей идее), так, даже не зная помыслов всех существующих в мире людей, каждый человек по инстинкту ощущению возможностью своего ума в известном смысле как бы заранее уже познал и всех людей,

и весь мир, и все свои безграничные способности в этом мире (199—203). *Гл. 2.* Мысль, вращаясь в мире возможности, заранее (априорно) располагает пределами, внутри которых располагаются вещи и события. Эти пределы — «начало», «середина», «конец»; «ничто», «всё». При помощи этих пределов мысль охватывает числом и формой любое множество, разнообразие и бесформенность вещей. При помощи понятий и слов она способна охватить также и сущности и акциденции вещей. Мышление есть всегда упорядочение (203—208). *Гл. 3.* Ничто, нечто, всё как предметы мысли, речи, действия, понимания или непонимания, избрания или отвержения, стремления или пренебрежения (имеется лишь план главы) (208). *Гл. 4.* Система общих понятий (тема не развита, подчеркнута лишь упорядоченность человеческих помыслов) (208). *Гл. 5.* Система общих всем людям желаний и стремлений: тяга к пользе, добру, высшему благу (208—210). *Гл. 6.* Система общих всем людям способностей и порывов (предварительные заметки) (210—211). *Гл. 7.* Разделение мира возможности на субстанции, акциденции и др. («недостатки» (следы некогда имевшего бытия) (211—212). *Гл. 8.* Комбинаторика и классификация комбинаций помышлений, речей и поступков. Определения понятий «сочетание», «сопряжение», «связь», «соотнесенность» и др. (212—213). *Гл. 9.* Виды объединений помыслов, речей, поступков (213—214). *Гл. 10.* Мир возможности, или мир идей, необходимо рассматривать как ключ ко всему, о чем идет речь в других «мирах» «Пансофии». Советы читателю о правильном применении света ума: первопонятия — как бы буквы алфавита, которые необходимо научиться складывать, соблюдая полноту, упорядоченность и связность во всяком действии. Человеческий ум — не область света, а самый свет, поэтому он сам для себя является и учителем, и книгой; источник мудрости — самопознание, источник благородия — верность себе, источник мужества — самообладание. Краткое описание последующих семи миров «Пансофии». Разрозненные замечания об исправлении книг и налаживании библиотечного дела трудами Совета света (214—225). *Вторая ступень* «Пансофии», вечный мир. Введение о мире вечной действительности, который отражается в нашем уме как в зеркале (231). *Гл. 1.* Разнообразные доказательства существования бесконечной сущности (233—236). *Гл. 2.* Бесконечная сущность — не вещь, не понятие, не слово, не субстанция, не акциденция, не недостаток, а нечто более высокое, чем все это. Она всемогуща, неограниченна, является источником бесконечной любви, проста, не находится ни в каком отношении к конечным вещам, не противоположна ничему, не имеет начала или причины, не имеет цели вне себя, не изменяется, не претерпевает изменений; это — благой, святой и блаженный, ибо ни в чем не нуждающийся, Бог. Бог един, но в то же время троецн (многочисленные доказательства его триниства). Три ипостаси (лица) Бога разделены между собой, однако не подлежат соположению, взаимоподчинению (субординации) или соупорядочению, а также сравнительной количественной оценке (236—246). *Гл. 3.* Бог пребывает в непоколебимом покое, и вместе с тем внутри себя он производит действия осуществления, порождения и любовного связывания, а вовне себя — действия промышленя, изъявления своей воли в слове своего откровения и сотворения. Источник сотворения — вечные любовь, премудрость и всемогущество. Как бы от лица божества («монолог Бога») Коменский говорит о божественных причинах мира, о его перархичности, о мере бытийности, о пространстве, времени, числе, мере, весе, действиях внутримировых вещей, о причинах зла в мире, о единстве, истине, благе как источнике бытия, о становлении, множественности и взаимопорождении вещей, о создании умопостигаемого и телесного миров, о сотворении человека, о возникновении мира искусства, мира нравственного сознания, о познании человеком вечности. Вся эта большая глава представляет собой метафизику в форме захватывающего драматического диалога между божественной Любовью, Пре-

мудростью и Всемогуществом («Любовь: Итак, подарим нашему творению в спутники Вечность? Премудрость: Подарим, и пусть в нескончаемые веки оно хвалит и славит деяния наши. Всемогущество: Вечность вещам можно будет придать задним числом — так, чтобы вещи хотя и имели начало, но не имели конца, подобно тому как числу мы дали в качестве начала единицу, конца же ему никакого не предначертали...») (246—263). *Третья ступень* «Пансофии», умопостигаемый ангельский мир. Вступление о необходимой троичности сотворенного мира, тремя ипостасями которого являются идеальный мир в божественном уме, мир духовных умопостигаемых ангельских существ и, наконец, осязаемый материальный мир; первый мир подобен закрытой книге, второй — открытой, третий — не только открытой, но и вслух читаемой (269—271). *Гл. 1.* Между миром в божественном уме и вещественным миром должен существовать еще один промежуточный, содержащий в себе упорядоченные духовные начала вещей. Библейские свидетельства об ангельском мире (273—274). *Гл. 2.* Умопостигаемый мир ангелов сотворен до создания неба и земли (274—276). *Гл. 3.* Материей для создания ангельского мира послужило вечное Ничто; сначала божественное всемогущество создало как бы сгустки Ничто, придав им смутное бытие, а затем божественная любовь вдохнула в эти сгустки жизнь, т. е. некоторое значение, силу и волю; в свою очередь, вечная премудрость сообщила им знание и движение (276—277). *Гл. 4.* Ангелы, т. е. чистые умы или духи, составляют в своем ангельском мире стройную структуру бестелесных существ (277—279). *Гл. 5.* Превосходя знанием человека, ангелы, однако, не всеведущи. Коменский ставит, но не успевает разобрать вопрос о речи ангелов (279). *Гл. 6.* Ангелы обладают волей и чувствами (279). *Гл. 7.* Будучи не связаны телом, ангелы весьма подвижны и неостановимы в своем действии (280). *Гл. 8.* Время жизни и число ангелов известны лишь Богу; их страсти — ликование перед лицом Бога; они не знают смерти; их любовь пламенна; их совершенство не допускает приращения — хаотических, безлюбивых, искусительных, в высшей степени дисгармонических созданий (282—283). *Гл. 10.* Ангелам как простым и первичным созданиям правит непосредственно Бог (284). *Четвертая ступень* «Пансофии», материальный мир. Вступление, выражающее радость по поводу достижения ступени материального мира, доступного человеческим чувствам и подлежащего «механическому» анализу наподобие громадной машины (289—291). *Гл. 1.* Телесный мир — театр божественного всемогущества, несомненно сотворенный для человека как школа его восхождения к богопознанию. Описание шести дней творения, по Моисею (295—301). *Гл. 2.* Природа, художница материального мира, представляет собой внутреннюю («врожденную») силу всего. Четырнадцать положений о природе («природа не испытывает нужды в необходимом», «природа действует ради определенной цели», «всякий излишек враждебен природе» и т. д.) (301—305). *Гл. 3.* Материя, дух, свет (или огонь) — три начала этого мира, обитающие, соответственно, в сере, соли и ртути (305—308). *Гл. 4.* Первое и постоянное действие природы — движение (с описанием всевозможных видов движений тел и стихий), а результат движения — изменение вещей: их порождение из семени, материнского начала и тепла; их возрастание под влиянием притяжения дополнительной материи, т. е. питания; их уменьшение, видоизменение и гибель (308—317). *Гл. 5.* В мире имеется семь ступеней субстанций: элементы (материя, дух, свет — первые элементы, не существующие в мире в чистом виде; под действием света с его движением и теплом хаотическая материя складывается в элементарные тела), пары (описание царов и ветров), небесные тела и метеоры (к которым относятся туман, облака, дождь, снег), минералы (включая металлы, руды и окаменелости), растения, живые существа и, наконец, человек (о последних двух ничего не сказано) (317—338). *Гл. 6.*

Описание самодвижущихся существ — животных. Способность к ощущению отличает их от растений. Питание животных (с перечислением органов пищеварения), их жизненные органы (дыхание, кровообращение, теплообмен), их органы чувств, представляющие как бы отдельные каналы одного общего чувства (с разбором вопроса о сне), их двигательная способность (движения чувств и телесные движения), их произносительная способность (краткое описание «орудий голоса»), их оборонительная и воспроизводительная способность. Классификация животных по способу и среде передвижения (338—353). *Гл. 7.* Человек как вершина всего матерьяльного мира, «живое существо, обладающее свободой действия и предназначенное для господства над всеми творениями и для вечного собеседования со своим Творцом». Человек отличается от животных разумом, речью, разнообразием производимых действий, но в первую очередь — абсолютной свободой воли; именно последняя, а не разум есть высшая человеческая способность. Строение человеческого тела (сказано только о мозге), строение человеческой души (страсти, способности). Дух, или ум, как образ божий, состоящий из трех бесконечных сил: разума, воли и деятельной способности. Строение человеческого разума с его способностями изобретения, суждения и памяти. Строение воли, состоящей из желаний, свободы выбора и сознания (или совести), с классификацией желаний. Строение деятельной способности с описанием руки (как орудия орудий) и речи. Учение о человеке как микрокосме и малом боге. Болезни человека, его вырождение и уродство (353—377). *Гл. 8.* Время и пространство как первые «акциденции» мира. Мир имеет пределы (ибо не может быть бесконечным), однако нельзя ответить на вопрос, где находится мир: он — нигде, ибо полон собой и вне себя не имеет ничего, ни даже пространства. Мир ни тяжел, ни легок. Он полон действий и претерпеваний, находящихся в вечном круговороте. Он прекрасен благодаря своему упорядоченному разнообразию. Он обладает цветом, звуком, запахом, вкусом, осязаемостью (378—384). *Гл. 9.* Многосложность и ступенчатость мира отражает божественную премудрость. Время мира будет длиться как бы бесконечно. Земля ширит в средоточии мира. Еще раз о совершающихся в мире действиях и претерпеваниях, идущих от трех первоначал (материи, духа, огня) и от трех элементов (воздуха, воды, земли). Премудрый порядок в смене лета и зимы. Пронизанность мира пангармоническими соответствиями и созвучие каждой части мира целому (ибо в своем основании все вещи едины). Совершенство мира, наличие зачатков разума у животных, кругообращение в мире; снова о вырождении и уродках. Сочетания, или сопряжения, вещей (384—394). *Гл. 10.* Предводитель матерьяльного мира Бог хранит его и правит им, что позволяет из наблюдения природных вещей познавать творца (огонь — гнев божий, время — подобие вечности, пространство — намек на безмерность Бога, и т. д.). Познавание мира учит о существовании Бога, о его единстве (ввиду единства мира), триничности (ввиду триничности начал мира, материи, света и духа), бесконечности, всесовершенстве. Божественное знание отличается от человеческого и ангельского всевременностью, вседущностью, неограниченностью, полнотой, действительным характером. Бог хранит мир и управляет им с помощью самих же своих творений, с помощью ангелов (в исключительных случаях) и путем непосредственного воздействия на творения (через присутствие в них). Отрицать действующее в мире провидение — значит отрицать Бога; причем божественная забота простирается вплоть до мельчайших вещей в мире. Для человека божественное провидение иногда выступает в облике судьбы. Бог может совершать сверхъестественные чудеса; наоборот, дьявол и вообще создания ограниченной (не бесконечной) силы совершать чудеса не могут. Мир может устареть (суша сравняется с водой, солнечный свет ослабнет), однако ввиду неустойчивости начал мира — материи, духа, света — мир не может погибнуть и уничтожиться: Бог обновит его, по всей вероятности, огнем (394—414). *Пятая ступень* «Пав-

софии», мир искусства. Вступление о мире искусства как первом из трех миров, сотворенных человеком в подражание Богу (остальные два — мир чувственный и духовный) (421—423). *Гл. 1.* Опираясь на свое всемогущество в материальном мире, человек творит мир искусства, имсущий, как и божественный мир, три начала, а именно: материю (все создания Бога), дух (стремление к господству) и свет (изобретательность ума) (425—426). *Гл. 2.* Искусство творит, во-первых, применяя вещи, во-вторых, управляя ими и, в-третьих, подражая им: все, что возможно для природы, возможно и для искусства, хотя не природа повинуется искусству (она «равнодушна к нашим гипотезам»), а искусство следует за природой. Некоторые общие правила эвристики (426—431). *Гл. 3.* В основе человеческих искусств лежит умение обращаться с началами телесных образований — материей, духом, огнем (светом). Классификация небесных тел, минералов и веществ по признаку световосности, сгораемости, раскаляемости и невосприимчивости к огню. Свойства и качества огня, света, луча. Теоремы о луче и свете («луч невидим в прозрачной среде», «свет есть рассеянный луч» и т. д.). Пиротехния, искусство света и огня (сохранение, создание света в светильниках — кратко, оптика — кратко общие принципы). Химия как часть пиротехники (кратко). Магия как изучение сокровенных свойств света, с рекомендацией строить для наблюдения природы высокие башни на горах и выкапывать глубокие колодцы в низинах. Уранотехния как искусство наблюдения и предсказания небесных явлений; кратко об астрологии, включающей этическое и нравственное применение света для воспитания человеческих душ. Аэротехния и анемотехния как искусство использования ветра для вентиляции подземных шахт, для мореплавания, возможно, также и для воздухоплавания и для потехи. Гидротехния, с описанием усовершенствованного Архимедова винта. Геотехния как овладение землей (кратко). Геометрия (кратко) (431—442). *Гл. 4.* Минеротехния, или искусство добычи и применения ископаемых. Металлотехния, с экскурсом в алхимию (кратко) (442—443). *Гл. 5.* Фитотехния и гилотехния как садоводство и лесоводство (кратко) (443—444). *Гл. 6.* Зоотехния как использование живых существ для труда и развлечения, а также для медицинских и образовательных целей (445—446). *Гл. 7.* Искусство управления человеком. Его цель — познание Бога; его ценность — ничтожна, если его ничему не обучить, и всеобъемлюща, если его обучить всему, а потому главное руководство человеком есть его обучение. Соматотехния как забота о теле и его действиях. Искусства жизни: искусство долгожительства и избежания смерти, искусство здоровья (диететика и медицина), искусство хорошего самочувствия (пропуск в тексте, с отсылкой к разделу о здоровье). Искусства ума как познание истины, добра, возможного и должного. Математика, или искусство самообучения через чувственное восприятие, разумный анализ воспрнятого и расспрашивание других людей (эротематика) или чтение книг (анагностика). Аксиомы и правила познания вещей («чтобы знать — учись», «человеческий ум свободен и хочет руководства, а не принуждения», «труд познания облегчается благодаря продвижению от общего к особенному» и др.). Гностика как искусство познания, с теоремами о познании («знание не есть мнение», «вера не есть знание, но уверенность, что другие знают», «кто знает, что он многого не знает, тот больше знает» и др.). Дидактика как искусство обучения через пример (показ), наставление и обучение подражанию, с дальнейшим подразделением примера (показа) на демонстрацию и чувственное восприятие, наставления — на определение вещи, подразделение ее на части и сравнение с другими вещами, подражания — на побуждение к имитации, руководство имитирующими действиями и их исправление. Требование ясности, быстроты и увлекательности преподавания. Синкритическая дидактика и ее правила: самостоятельное и непосредственное рассмотрение вещей, пояснение вещей через их противопоставление. Диалектика как искусство спора и ведения

беседы и ее правила (строгое ограничение темы, выяснение спорных пунктов, требование ясности речи). Диалектика как искусство отличения разнообразных мнений от истины путем многостороннего и тщательного анализа выдвигаемых положений. Диалектика как искусство примирения мнений. Искусство убеждения, его виды и методы. Искусства ума, имеющие дело с разнообразием умственных способностей человека, случаями гениальности, пороками ума (косность, рассеянность, неметодичность) и лекарствами от этих последних. Искусство медитации, отрешения ума и его сосредоточения на избранном предмете. Описание метода «спекулятивной эвристики», направленного на обнаружение сущностей (чтойностей) вещей через рассмотрение их цели (назначения) и формы. Прагматическая эвристика — на примере постройки дома (кратко). Искусство суждения — с правилами суждения («не судить о вещи, не познав ее», «остерегаться того, что не установлено чувством, разумом, верой» и т. д.) и советами по применению силы суждения в деле познания истины вещей (чувства могут обманывать, разум не всегда надежен, авторитет подлежит проверке истинной, доводы других людей должны быть проанализированы). Искусство памяти и запоминания. Искусство языка как умение ориентироваться в своей речи на истину вещей, с подразделением этого искусства на грамматику, риторику, ораторское искусство, полиглоттию, стеганологию (тайную речь); искусство письма и подчиненные ему орфография, каллиграфия, тахиграфия, полиграфия, стеганография (тайнопись), типография. История, ее цель (самоотчетность человеческих действий) и польза (удовольствие, возрастание познаний, подражание великим деяниям); похвала энергичному и лаконичному стилю, законы красочного стиля, одобрение аттического стиля. Критика текста (кратко). Анагностика, искусство чтения и понимания книг, с советами читать серьезные книги, выбирать из них необходимое, «анатомически» разбирать слова, мысли и предмет описаний. Искусство разумного обращения к людям и общения с ними. Искусство писания книг, с классификацией книг на исторические, пророческие, догматические, полемические; ответственность авторов, берущихся писать новые книги, и требование отчетливости, краткости и искренности при написании книг. Правила устройства библиотек и благоразумного пользования ими. Защита себя и товаров от холода и жары (кратко). Оптика — кратко (несколько основных понятий и названия цветов по-латински и по-чешски). Акустика — кратко (названы лишь два вида звучания — простое и отраженное, эхо). Искусства действия с десятью «прагматическими наставлениями» («не братья за дело, не имея опыта», «не поручать дела человеку, который относится к нему без охоты», «заблаговременно приучаться к исполнению дела» и др.). Искусство ремесленных искусств — кратко (два общих правила). Искусства претерпевания, т. е. безболезненного перенесения голода, холода, жары (лишь названо). Таттотехния, искусство упорядочения чего бы то ни было (кратко) (446—522).

Гл. 8. Топотехния, искусство размещения или укрытия на местности (кратко). География (кратко). Астрономия (кратко), с рекомендацией не отклоняться от показаний чувств. Хронотехния, искусство умелого использования времени (с советом использовать каждый вечер как напоминание о смерти), умелого подражания времени (его быстроте и подвижности), умелого измерения времени (устройство часов, календаря). Эккурс: проект новой системы мер длины, исходя из диаметра Земли; проект новой системы мер веса, исходя из массы Земли. Некоторые замечательные свойства простых чисел. Описание различных типов весов. Искусства качества, а именно их комбинаций (кратко). Снова (кратко) о таттотехнии (искусстве упорядочения). Искусства использования (лишь названы). Развлекательные искусства (живопись, музыка, кулинарное искусство, искусство удобной утвари, украшений). Шутливые искусства (игры). Искусства показа чудес, знамений, использования случайностей. Искусство обращения зла на пользу (ибо всякое зло есть в

аспекте всей вселенной добро) (522—539). *Гл. 9.* О совершенстве мира искусства (лишь названы какие-то забытые или неизвестные искусства, имеющие дело с огромными массами матерпала или, наоборот, с крошечными вещами) (539). *Гл. 10.* О Боге как первом источнике всех человеческих искусств и изобретений. Об «искусстве знаков» — физиогномике, семiotике, каббале (кратко) (539—541). *Шестая ступень* «Пансофии», нравственный мир. Вступление о высочайшем искусстве управления самим человеком, правителем мира (545—547). *Гл. 1.* Основание нравственного мира — неизменность человеческой природы, стремящейся к самопознанию и самообладанию. Материя нравственного мира — сам человек как свободное существо, дух нравственного мира — врожденное человеку желание достижения цели, свет нравственного мира — совесть, наглядный пример творения и закон Бога (549—550). *Гл. 2.* Творец нравственного мира — человеческое благоразумие, т. е. смиренное и нерасточительное управление самим собой и другими; оно проявляется не столько в рассуждениях, сколько в действиях и опирается на доводы разума и на опыт своих и чужих заблуждений (550—555). *Гл. 3.* Благоразумие по отношению к самому себе есть этика, или господство над собой. Такое господство возможно, оно является одновременно труднейшим и легчайшим делом в мире. Основание этики — познание человеком своей животной, разумной и духовной (божественной) природы, которая благодаря своей многосложности и легкоподвижности нуждается в постоянном руководстве. Руководству подлежат воля и аффекты, трудовые навыки, склонность к получению удовольствия. Мерилом овладения собой становится самодостаточность человека, довольствующегося малым и необходимым. Предостережение против разрушительных страстей: сластолюбия, опьянения, лени, жадности, заносчивости. Советы о том, как управлять собой в несчастье, и наблюдения, помогающие терпеливо переносить беды («невynosимое не длится долго», «наше терпение — показатель нашего совершенствования в Боге», «терпение — лучшее средство от бед» и др.). Кузнец своей судьбы (ср. одноименное сочинение Коменского) — человек, благоразумно управляющий собой (555—570). *Гл. 4.* Благоразумие в обращении с другими есть симбиотика, или искусство общения. Основа взаимобщения людей — согласие, справедливость и взаимное доверие, украшение человеческого общения — вежливость, исполнтельность и скромность, особенно в обращении с дальними. Советы сдерживать язык и любить молчанье («беседуя с ближним, будем считать, что беседуем с Богом», «допустимо отчасти умалчивать истину» и др.). Правила поддержания дружбы и искренности с друзьями (570—577). *Гл. 5.* Благоразумие в управлении своими семейными делами. Она требует обязательных хозяйственных и духовных познаний, постоянного внимания и душевной бодрости. Человек должен управлять человеком разумными доводами, а не силой, прибегая к наказанию, только когда все другие средства воздействия испробованы. Обязанности отца семейства по отношению к супруге, детям, дому, прочим домочадцам. Советы выбрать жену благочестивую, стыдливую, благоразумную и, по возможности, красивую и богатую. Обязанности детей, наследников и слуг (кратко) (577—584). *Гл. 6.* Благоразумие в управлении коллективами молодежи, или схоластика (искусство устройства школ), требует помнить о том, что дети — существа, не менее взрослых наделенные свободой воли, и о том, что дети с раннего младенчества являются общительными, «социальными» созданиями (584—585). *Гл. 7.* Благоразумие в управлении государством, или политика, должно отправляться от представления о человеческом обществе как о едином организме, упорядоченные части которого выполняют каждая свои необходимые функции. Демократия — естественнейший строй, аристократия — наиболее обеспеченный от тирании и хаоса, монархия — совершеннейший, ибо подражающий мироправителю и самодержцу Богу; однако каждому строю грозит пзращение и трудно определить, какой

из них лучший. Три части политической науки — учение об основании, управлении и защите государства (585—588). *Гл. 8.* Идея монархии требует, чтобы к трону были приближены философы, ученые политики и богословы. Войны между государствами неизбежны, однако заключение одного-единственного мира ценнее, чем множество военных триумфов. Приложено о монархии: возможно такое устройство человеческого общества, когда власть будет иметь все, однако даже тогда необходимо, чтобы высшую должность занимал мудрейший человек. С другой стороны, даже монархия не есть подчинение всех одному человеку, но подчинение всех через одного человека Богу (588—591). *Гл. 9.* Совершенство нравственного мира — в полноте добродетелей, постоянства, искренности, благоразумия. Счастлив правитель, воле которого следуют все, но для этого его воля должна следовать благоразумию, благоразумие — мудрости, а мудрость — Богу (591—954). *Гл. 10.* Нравственным миром управляет Бог через самих же людей, через ангелов и сам непосредственно, а именно поскольку он поддерживает и сохраняет человеческую природу, позволяет совершаться всему, что может совершаться, и препятствует совершаться тому, свершения чего он не хочет. Аксиомы о блаженной и доброй жизни («блаженно жить может только добрый», «добродетель — своя собственная награда» и др.) (594—597). *Седьмая ступень* «Пансофии», духовный мир. Вступление о богопознании и богообщении. *Гл. 1.* Духовный мир есть мир общения с Богом; материей этого мира является бездна, или хаос, свободной человеческой воли, его духом — божественный дух, стремящийся оформить эту хаотическую материю, а его светом — образ божий в нас. В падшем состоянии человеческая воля одержима порывом к мнимому благу и находится в беспорядочном разброде; сотворение духовного мира совершается действием божественного слова, истинно понятого Писания. О способах истолкования Писания: буквальном, или историческом, нравственном, аллегорическом и анагогическом. К Писанию надо подходить не как к дереву познания, а как к дереву жизни; при чтении его надо ставить себя на место тех, к кому Писание обращается или о ком оно говорит; истину божественных слов надо как бы подтверждать своим исполнением их (605—611). *Гл. 2.* Религия есть духовное благоразумие в возвышенном общении с Богом как таковым, т. е. как верховным существом. Бог никогда не использует в обращении с человеком свое всемогущество, а всегда действует, только привлекая к себе человеческую свободную волю; поэтому общение человека с Богом есть школа, в которой человек восходит от страха к познанию, мужеству, благоразумию, пониманию, мудрости и душевному богообщению. Средства, или орудия, общения с Богом — вера, любовь и надежда. Ступени теотехники (искусства общения с Богом) — искусство полагаться на Бога, искусство подражать Богу и, наконец, высшее искусство — склоняться Бога к исполнению нашей воли (смягчение гнева божия, стяжание его расположения). Отдельные соображения о человеческом состоянии до падения, после падения и в благодати (611—621). *Гл. 3.* Бог не мог не дать своему разумному творению свободу воли, потому что она — благо; хотя человек пал, злоупотребив этой свободой, и в результате совершенно извратился телом (оно стало смертным) и душой (в ней поселилась тьма, греховность и сластолюбие), причем продолжает грешить и теперь, однако даритель свободы воли не является виновником греха: грех совершается человеком потому, что он похож на свободу, похож на владение собой, похож на благо (621—631). *Гл. 4.* Связь между Богом и человеком восстанавливается через единого богочеловека Христа (631—639). *Гл. 5.* Иисус из Назарета, Бог и человек в едином лице, восстановил распавшиеся после Адама всеобщность, простоту и свободу человеческой природы и научил людей пути спасения через веру, любовь и надежду (639—653). *Гл. 6.* Таинства христианства (653—657). *Гл. 7.* Совершенство Христа не может не вести к восстановлению и возрождению человечества, как обещано Писа-

нием; для этого необходима не только божественная работа, но и наше сотрудничество. Корень возрождения — предание себя божией воле, его полнота — познание себя (своей сотворенности, своего падения и осуждения), возвращение к Богу, соединение с Христом верой, любовью и надеждой, исполнение божией воли; путь достижения — неотступный духовный опыт. Разъяснение любви к самому себе, к ближнему и к Богу. Разъяснение христианской надежды на достоверное спасение через веру в Бога. Техника каждодневной духовной борьбы, противостояния Сатане, умерщвления телесного греховного начала, устойчивости против искушений, самоотречения. Совершенная религия как восстановление и возрождение человека (658—685). *Гл. 8.* Три вида религиозных союзов: души с Богом, души с ангелами и благочестивых и святых людей между собой (Церковь). Первый долг христианина — подражание Христу в простоте, святой чистоте и добродетели; три корня последней: доброе намерение, смирение и самоотречение. Ангелотехника как искусство общения с ангелами, и демонотехника как умение ненавидеть, остерегаться или избегать Сатаны. Устройство Церкви, ее сохранение, ее единство и распространение (проповедь, писанием, примером святой жизни и мученичеством, но никогда не оружием), ее защита от раскола, увеличение ее философского и богословского опыта (685—699). *Гл. 9.* Украшение церкви, соблюдение ритуалов и церемоний, избегание нечестия, идолатрии. Извращения религии: политеизм, псевдоапостольство, духоборчество (699—701). *Гл. 10.* Бог правит духовным миром через самих людей, через ангелов, через свое непосредственное участие (провидение). Учение о блаженстве, душевном покое и богопознании спасаемых, о состоянии душ непосредственно после смерти и о будущем Церкви (воскресении святых) (701—724). *Восьмая ступень* «Пансофии», вечный мир. Вступление о том, как постепенное отпадение ангельского, материального мира, мира искусства, нравственного и духовного миров от идеального мира (ибо искусство не может поспеть за природою, о нравственности люди заботятся меньше, чем о внешнем искусстве, а о своих духовных и религиозных глубинах еще меньше, чем о нравственности) выполняется Богом, который вновь возвращает всем этим мирам простоту и совершенство, вбирая их в свою вечность (729—730). *Гл. 1.* Подобно тому как дни творения завершились субботой, днем покоя, так всякое временное движение в мире рано или поздно будет поглощено вечностью (после завершения всего круговорота вещей). В вечности все люди духовно (а следовательно, бодро и деятельно) воскреснут, подвергнутся страшному суду, получат заслуженную имп долю и, поскольку время прекратится, уже ничего не смогут в ней изменить (глава не закончена) (731—738). *Гл. 2.* О художнице вечного мира, славе божией (глава не написана) (738). *Гл. 3.* В вечности составы распадутся на простейшие элементы и обнаружатся причины всех божьих дел (глава не написана) (738—739). *Гл. 4.* О божественном всемогуществе, подчиняющем себе все силы мира и ада (глава не написана) (739). *Гл. 5.* О милосердии божьем (глава не написана) (739). *Гл. 6.* О божьем правосудии (глава не написана) (739). *Гл. 7.* По-видимому, в будущем вечном мире преобладающая часть людей окажется спасенной, подобно тому как спасено большинство ангелов; возможно также, что спасутся все, кроме добровольных грешников. Спасенные будут пребывать в блаженном созерцании себя, ангелов и Бога, во всезнании и наслаждении Богом, в божественной хвале и вечном успокоении (739—747). *Гл. 8.* Свойства вечного царства и единство, которое совершится в нем (глава не написана) (747—748). *Гл. 9.* Осужденные будут вечно подвергаться мукам, пропорциональным их греху, во мраке, хаосе и огне. Хотя вряд ли существует чистилище как особое загробное состояние, однако не исключено, что люди, которые не верили и не совершали добрых дел, но и не грешили упрямо против Бога, как не подлежащие ни аду, ни небесной радости, будут оставлены в смертном сне без пробуждения навеки. Правда,

многое, касающееся вечного мира, пансофии неизвестно (748—751). *Гл. 10.* Божественные благодать, премудрость и всемогущество правят вечным миром; Бог явит в нем себя полностью: оправданным — в блеске славы, осужденным — в виде вечного Ничто. Итак, мир начался в тишине и молчании, а завершится в ликованиях славы; начался в хаосе, а завершится в блаженной красоте (глава не дописана) (751—752). *Последняя часть* «Пансофии», описание ее полезности. Введение о плодах пансофии (757—758). *Гл. 1.* Пансофия есть свод универсального знания, светильник человеческого разума, устойчивое мерило истины вещей, неизменное расписание человеческих жизненных занятий и, наконец, лестница восхождения к Богу. В своем учении о мире возможности пансофия опровергает скептиков, в учении о материальном мире — денстов, в учении о мире искусства — невежд и простецов, в учении о нравственном мире — макнавеллистов, в учении о духовном мире — всех еретиков и схизматиков, в учении об ангельском и вечном мире — саддукеев. Главный плод пансофии — свет, открываемый в человеческом уме, мире, Писании; мир человека с самим собой, с другими людьми и с Богом; здравие тела, души и духа; и, наконец, радость. Попутно пансофия помогает преодолеть путаницу, царящую ныне в школах, государстве, церкви; неразбериху в библиотечном деле; беспорядок в ведении повседневных дел. Дальше, пансофия помогает понять не только книги мира и ума, но и создания человеческого таланта, освобождая тем самым из-под гнета авторитетов (глава не дописана) (759—765). *Гл. 2.* Панавтогносия (всецелое познание себя на основе познания Бога и мира) как плод пансофии пробуждает человека к постоянной самоотчетности, самосоразмерению с другими людьми и с миром, обращению всего на свете к достижению конечного блаженства (глава не дописана) (765—766). *Гл. 3.* Панавтономия, второй плод пансофии, позволяет человеку полагаться только на свое чувство, разум и волю, на вещи мира и на Бога, обеспечивая ему таким путем полную свободу (глава не дописана) (766). *Гл. 4.* Панавтократия, третий плод пансофии, позволяет человеку спокойно и уверенно владеть собой (глава не дописана) (767). *Гл. 5.* Панавтаркия, четвертый плод пансофии, позволяет человеку как малому богу во всех сферах своего существования вполне довольствоваться собой (глава не дописана) (767—768). *Гл. 6.* Памедия, пятый плод пансофии, указывает доступный и действенный путь возвращения умов всех людей в мире (глава не дописана) (768—769). *Гл. 7.* Панглоттия, шестой плод пансофии, поможет так усовершенствовать языки мира, что все жители земли смогут беседовать между собой, понимать друг друга, приходить к взаимному согласию и жить между собой в сладостной гармонии (глава не дописана) (769—770). *Гл. 8.* Панортосия, седьмой плод пансофии, исправит от ошибок и преобразит философию, политику, религию, возведя их к столь очевидным первоначалам, что азиаты, европейцы, африканцы и американцы смогут, отложив ненависть, достичь единства (глава не дописана) (770—771). *Гл. 9.* Всеединение, восьмой плод пансофии, объединит людей через учреждение Экуменического совета народов, который, разобрав, исполнив и утвердив книгу «Пансофия» (в качестве канона для понимания трех божьих книг), определив для каждого народа его долю в работе всеобщего восстановления, навеки закрепит исправленные нормы человеческого существования. Кроме Христа, никого не будут называть царем царей, епископом епископов (папой) или философом философов. Диспуты и споры будут запрещены и заменены братскими беседами. Экуменический совет народов навеки покончит с распрями, утвердив единство в необходимом, свободу в необязательном, любовь во всем (глава не дописана) (771—774). *Гл. 10.* По обетованию Писания, на земле наступит праздник праздников. Правильно учрежденная пансофия станет «универсальной алхимией», золотым искусством, день ото дня увеличивающим пансофической свет, в сиянии которого станет ясно, что как от единого Бога через всю вселенную все при-

шло к единому Человеку, славе божней, так от единого Человека через всю вселенную все должно возвратиться к единому Богу; род человеческий возрадуется великому свету и исполнится божественного ликования, благодаря Всемогущего. Заключительная молитва «несотворенному свету» Иисусу Христу о ниспослании своего светоносного огня всей земле, чтобы воспламенить сердца разумного творения к божней любви и хвале (глава не дописана) (774—776).

Часть четвертая «Всеобщего совета», «Пампедия» (всеобщее воспитание). Вступление о необходимости для всех людей приобщиться к свету, порядку и истине бытия, с призывом ко всем прийти на совет о всеобщем воспитании (т. 2, с. 11—12). *Гл. 1.* Универсальная культура есть формирование в человеке его полной человечности (15—16). *Гл. 2.* Доказательство необходимости универсальной культуры (17—23). *Гл. 3.* Понятие цельного человека как обладателя всесторонне развитых разума, языка и деятельной способности. Искусства, до сих пор ограничивавшиеся частными человеческими умениями, необходимо распространить на все его бытие. Предлагается 14 проблем («вселить в человека любовь и заботу о будущей жизни», «так пройти здешнюю жизнь, чтобы достичь жизни вечной», «постоянно пользоваться в этой жизни здоровьем» и т. д.) с их решениями (23—34). *Гл. 4.* Ставится задача «интегрального», «реального» и вместе с тем природосообразного, гармоничного и увлекательного воспитания. Сложность, своеволие, греховность, испорченность человека мешают этому, но возвращение к простоте, следование велениям разума, послушание Богу и отдаление всего скандального и злого от зрения и слуха помогут преодолеть помехи. Бесконечным способностям человеческого духа соразмерно лишь обучение всех, всему и всесторонне (34—40). *Гл. 5.* Предлагается проект охвата «школой» всех людей и всех семи эпох человеческой жизни (рождение, младенчество, детство, отрочество, молодость, мужество, старость). Идея «публичных» (общественных) школ, где в порядке увлекательной игры наставники и дети строили бы свое «малое хозяйство», «малое государство», «малую церковь», а в целом как бы «малый райский сад», с развлечениями, прогулками, театральными представлениями, беседами (40—46). *Гл. 6.* Предлагается проект перестройки книжного дела (панбиблия) (46—54). *Гл. 7.* Идея универсального наставника — «пандидаскала», благочестивого, честного, благородного, усидчивого, благоразумного знатока всех наук, обладающего талантом простоты и способностью не стесняться, а поощрять свободную волю учеников. 24 проблемы («уверенно привести человека от крайнего мрака невежества к свету ярчайшего знания», «сделать так, чтобы выученное не забывалось», «сделать так, чтобы человек учился всему с увлечением» и т. д.) с их решениями (54—70). *Гл. 8.* О трех классах «школы рождения»: благоразумие при вступлении в брак, соблюдение здорового и умеренного образа жизни ради блага будущего потомства, забота о беременной матери (70—72). *Гл. 9.* О шести классах «школы младенчества»: посвящение новорожденных Богу; кормление материнским молоком; приучение к словам человеческой речи начиная с полугода, затем обучение стоянию на ногах и ходьбе; забота о том, чтобы чувственное восприятие младенцев не загромождалось ничем суетным, ложным, уродливым, неблагочестивым ввиду исключительной впечатлительности детского ума; обучение младенцев нравам по благочестию через личный пример, рассказы о Боге, краткие молитвы и наставления, по возможности без телесных наказаний, кроме случаев крайнего и вызывающе дерзкого неповиновения; первое обучение азбуке, чтению односложных слов, прекрасным изречениям, символу веры, десяти заповедям, табличке умножения, чтению книжек с картинками (72—85). *Гл. 10.* О шести классах «школы детства»: уроки чтения, письма, скорописания и чистописания; рассказы о мире, человеческой душе и Священном писании; изложение этики на примерах постоянства солнца, возрастания дерева, красоты розы и т. д.; театрализованное и диалогическое

изложение истины божественного откровения (всемогущество Бога, могущество и свободная воля человека, боговдохновенность пророков и апостолов); ознакомление с главными библейскими историями; развитие детской сообразительности на загадках и задачах из физики, астрономии, логики, грамматики, Библии, с обучением языкам и музыке (85—97). *Гл. 11.* О шести классах «школы отрочества»: грамматика (с обучением языкам), физика, математика, этика, диалектика, риторика (97—103). *Гл. 12.* Школа юности (молодости) охватывает полноту мудрости, добродетели и веры, обозревает весь мир, всю сферу ума, весь объем Писания, во всех своих разбирательствах и доказательствах опирается на неопровержимую и бесспорную пансофию, делает первые попытки управления семьей, школой, государством. Она состоит из трех частей: академия с классами пансофии, панбиблии и панепистемы; аподемия, т. е. школа странствия, для «проветривания» души, для развлечения и для ознакомления с образами жизни; избранье жизненного дела (103—111). *Гл. 13.* Школа возмужания, или жизненной практики, распространяется на всю деятельную жизнь человека; ее цель — деяния любви, мудрости, добродетели в материальной, общественной и религиозной сферах. Школа в собственном смысле слова (школа-игра) здесь оставлена, нет обязательных учебных и специальных наставников, однако сама профессия человека становится для него школой, чтение и изучение важнейших книг продолжается, человек становится собственным наставником в науке жизни. Жизнь как школа, долг, труд, путь, опасность, комедия, сцена славы — вот предмет постоянного раздумья человека, проходящего через три класса школы жизненной практики: класс избранья жизненного занятия и начала работы, класс упорного труда, борьбы и возрастания в добродетели и достатке, класс приближения к старости и пожинания первых плодов своего труда (111—122). *Гл. 14.* Школа старости, полноты человеческой мудрости, счастливого завершения жизни и блаженного вступления в бессмертную жизнь учит правильно наслаждаться плодами прожитой жизни, правильно проводить остаток дней и правильно завершать земную жизнь, сохраняя до последнего часа жизненные силы и трезвость ума благодаря разумному и воздержному образу жизни (122—129). *Гл. 15.* Школа смерти, являясь последним «классом» школы старости, заслуживает выделения в самостоятельную ступень подобно тому, как в «Пансофии» после перечисления семи миров (от мира возможности до духовного мира) особо выделяется вечный мир (129—130). *Гл. 16.* Благодарение Богу за то, что он показал путь к нампедии — расчистке Авгиевы конюшни мира, воспитанию всего человеческого мира, школе как живой типографии, запечатляющей премудрость не на бумаге, а в человеческих сердцах (130). Приложение: начальное обучение чтению и письму. Обращение к наставникам первых наук, родителям и педагогам о необходимости воспитывать в человеке образ божий и о первых шагах обучения письму. Коменский рекомендует вручить начинающим грифельные доски со слегка вырезанными очертаниями букв для удобства их обведения грифелем или по крайней мере с прописью букв прочной красной краской на черном фоне для последующего прорисовывания мелом. После получения первых навыков в рисовании букв следует переходить к письму чернилами в тетради. Дети любят рисовать, поэтому письмом можно преподавать почти одновременно с чтением. Следует вызвать в ребенке любовь к буквам, показать их элементы, затем целые буквы, потом пригласить писать их в алфавитном порядке и наконец переходить к словам, словам и простейшим фразам (131—135). Таблица элементов букв (от точек разной формы к овалам), примеры шрифтов, сплаларий, словарь рифмующихся слов (от односложных до многосложных), список простейших изречений, список простейших молитв (136—139). Три диалога между наставником и учеником об искусстве чтения, письме и о более высоких ступенях обучения (139—145).

Часть пятая «Всеобщего совета», «Панглоттия» (всеобщая культура языков). Обращение европейцев к народам, племенам и языкам всего мира о единстве человеческого рода и о необходимости закрепить его взаимным дружеским общением (149—151). Вступление о недостаточности осуществления пампедии в одной части света и о необходимости преодолеть языковое варварство, найдя способ распространять культуру просвещенных народов на весь мир (153). *Гл. 1.* Различные языков — причина взаимонепонимания, ненависти между народами, дикости большей части света. Множество языков создано как бы дьяволом для того, чтобы препятствовать распространению христианской истины (155—157). *Гл. 2.* Три способа преодолеть «смешение языков»: «окультуривание» каждого языка; обучение всех народов несколькими культурным языкам; выработка или изобретение одного простого, ясного и совершенного языка, который нес бы просвещение всем народам. Третий способ самый простой (157). *Гл. 3.* Идея совершенного языка с богатым словарем, ясным и недвусмысленным значением слов, четкой упорядоченностью частей речи. Совершенный язык велик, как сам мир, широк, как ум, и хранит гармоническое согласие между вещами, понятиями и словами (157—158). *Гл. 4.* Панглоттия, приведение всех языков мира к культуре и совершенству и создание всей необходимой пампедической и пансофической письменности на каждом языке. За это дело должны взяться европейские культурные народы. Когда всем языкам будет придан культурный строй, можно будет связать все соседние народы путем издания двуязычных книг, а затем создать универсальный лексикон всех мыслимых букв, слогов и сочетаний слогов с указанием их значений в разных языках (158—162). *Гл. 5.* Полиглоттия, введение наряду с племенными языками нескольких всеобщих культурных языков (таких, как еврейский, греческий, латинский). Последние подлежат некоторому упрощению, и, благодаря созданию рациональных учебников и учреждению повсюду филологических и полиглоттических школ, на изучение второго (культурного) языка у каждого человека будет уходить не более месяца. Коменский предусматривает также возможность такого усовершенствования языка, при котором сами буквы и слоги будут непосредственно выражать элементы вещей (метафизические первоначала), так что звуки слов, будучи правильно приложены к вещам, сделают предложение самопомятым (162—164). *Гл. 6.* Моноглоттия, введение единого мирового языка. Для этой роли не годится ни один из известных языков: еврейский древен и прост, но груб, шероховат, беден и изобилует омонимиями; греческий богат и осящен Новым заветом, но в нем слишком много лексик, нестандартных словообразований и диалектных вариантов; латинский точнее других языков и уже известен многим народам, но имеет трудную систему словоизменения и не целен, будучи лишь слепком с греческого; славянский имеет природные основы, удобное словосложение, богат по звуковому составу, но часто неблагозвучен, разбит на множество диалектов, изобилует бесчисленными аномалиями; германский удобнее прочих благодаря краткости и незамысловатости корней и простоте словосложения, но корни его, в отличие от славянского языка, не природны и в смысле его слов много аномалий. Новый, намного более простой, приятный и совершенный язык будет кратким и энергичным носителем премудрости, гармоничным и созвучным пансофии (164—169). *Гл. 7.* Для создания нового языка можно собрать лучшее из старых языков, придав их элементам строй, отвечающий природе вещей. Каждой вещи будет соответствовать одно слово, простой — простое, сложной — сложное; сродные вещи будут обозначаться сходными словами; собственные имена будут тоже по возможности значимыми; названия несуществующих и ненужных вещей будут отброшены; множественное число будет обозначаться удлинением коренного глагольного; все склонение и спряжение будет приведено к одному типу. Коменский предлагает ввести идеографическое письмо, но не такое трудное и уродливое, как китайское, а

состоящее из простых и очевидных знаков. Для метафизических понятий он предлагает буквенные обозначения, или особые значки (Q — мир, G — часть мира (творение), Z — смерть и т. д.) (169—178). *Гл. 8.* Все словообразование и построение фраз в новом едином языке будет сведено к нескольким простейшим правилам. На основе 200, от силы 300 корней, к которым добавляются стандартные суффиксы, с помощью словосложения будет строиться весь словарный запас языка. Только лень и косность мешает предпринять попытку создания всемирного языка (169—184). *Гл. 9.* Преодоление разноязычия должно идти по всем трем вышеуказанным направлениям: всякий существующий язык следует превращать в инструмент универсальной культуры (панглоттия), всякому человеку должен быть показан легкий путь овладения несколькими языками (полнглоттия), для всего человечества должен быть создан один совершеннейший язык (моноглоттия) (184—186). *Гл. 10.* Радостный монолог человечества, видящего близкую перспективу преодоления «смешения языков», и моление к творцу о даровании всем единого языка (186—188). Приложение: проект нового гармонического языка. В нем 23 буквы и 36 звуков; буквы обозначаются комбинациями точек, линий или кривых. Значением обладают уже буквы (звуки): А — нечто пространное и крупное, И — малое и тонкое, О — округлое, светлое и всеобщее, У — угловатое, темное и ничтожное, Р — жесткое и т. д. Не допускаются слова с произвольным значением: само их звучание должно выражать природу обозначаемой вещи, причем слова с противоположным значением должны иметь по возможности противоположный порядок звуков (если «тоб» — «хороший», то «бот» — «плохой»; если «маг» — «большой», то «гим» — «маленький» и т. д.). Каждый корень имеет обязательно полную и единообразную систему (дерево) производных слов (так, если «мсл» — «говорящий», то «амсл» — «молчащий», «емел» — «закрывающийся», «имел» — «мало говорящий», «лечущий»; «умел» — «много говорящий», «кричащий», «омел» — «говорящий обо всем» и, параллельным образом, если «бар» — «везде», то «абар» — «нигде», «обар» — «повсюду» и т. д.) (189—204).

Часть шестая «Всеобщего совета», «Панортосия» (всеобщее исправление). Вступление о возможности перейти к созданию «единой машины» человеческого общежития после того, как пансофия озарила мир, панедия — умы, а панглоттия изгнала тьму взаимного непонимания (207—208). *Гл. 1.* Ради своего счастья люди должны избавиться от бесчисленных сомнений и забот и заниматься делами, правильность которых установлена от Бога. Если всем предшествовавшим попыткам реформировать человеческую жизнь недоставало всеобщности, опоры на простые первоначала и на свободное волеизъявление всех, то, значит, первой задачей должно стать учреждение единства мира, когда, как в искусном часовом механизме, все его части так связаны и переплетены между собой, что каждая на своем месте и в свое время участвует во всеобщем движении. И, как часы измеряют время, источником которого является движение неба, так в мире, подчинившемся гармонии совершенных часов, источником движения будет распространение воли небесного отца на земную историю. В мире света, согласия и покоя осуществляются все благие обетования Ветхого и Нового заветов (211—215). *Гл. 2.* Всеобщее преобразование мира похоже на мечту и сон, однако оно непременно наступит. История мира подобна драме, которую разыгрывает с сынами человеческими божественная премудрость, а во всякой драме ход действия проясняется и развязка наступает к концу. Кроме того, человек, следуя своей изобретательной и стремящейся к познаниям природе, со временем возрастает искусством и умениями, восходя к божественному свету (пример умножения библиотек и изобретения типографии). Наконец, не только многочисленные пророчества Писания, но и творения новых (*Аугустин*. О граде Божьем, кн. 20, гл. 7—9) и новейших писателей (Иоахим Флорский, Катерина Спенская, особенно Кампанелла) свидетельствуют о возможности торжества

золотого века на земле, не в грубом сказочном смысле тысячелетнего неслыханного изобилия, а в августиновском смысле тысячелетия как полноты времен, когда на земле восторжествует справедливость (215—230). *Гл. 3.* Всеобщее исправление дел осуществит Христос, но при обязательном сотрудничестве человека, которое, впрочем, не представляет слишком большого труда, потому что в мире все уже готово к преобразению. Правда, современная школа, церковь, государственная жизнь представляют собой агневы конюшни, вычистить многослойную грязь которых не под силу человеку; и все же, как Геракл смог расчистить конюшни, направив в них воды реки Алфея — т. е. чего-то первоначального, от «альфа», первая буква алфавита, — так очистительные воды прольются и на нашу грязь, если мы тоже обратимся к незамутненным источникам философских учений, религии и политической мудрости: эти источники — небесного происхождения, и чтобы они наполнились всей силой, достаточно лишь устранить преграду нашей темноты и косности, объединить все ручьи знания в один поток и с помощью лавины и панглотти смыть и очистить все закоулки мира (230—240). *Гл. 4.* Исправление мира способны начать только христиане, потому что только среди них расцветают науки и искусства, учреждено разумное богочитание и известны законы истинного гражданства (240—241). *Гл. 5.* Толкование идеи исправления как такового (что такое исправление, каковы его субъект и объект и т. д.) (242—247). *Гл. 6.* Призыв преодолеть главную помеху всеобщего исправления, душевную косность, беззаботность, порожденные ленью ума предрасудки, упрямство и слепое рвение (247—249). *Гл. 7.* О преодолении безрассудного и дерзкого отношения к божеству (249—251). *Гл. 8.* О прекращении бесчеловечности: раздора, ненависти, вражды. Путь возвращения к человечности через всеобщую «амнистию», т. е. взаимное прощение друг другу обид и нанесенного вреда, через терпимость и через примирение. Любовь должна пересилить чувство бесполовой мести. Сознание слабости и непостоянства человеческой природы и пример божьего долготерпения — основа взаимной терпимости, особенно важной в отношениях между искателями истины, служителями Бога и властью мущин. Терпимость возможна даже по отношению к явно заблуждающимся, потому что мудрец умеет учиться даже на глупости. Примеры смягчения и примирения крайних взглядов: в споре об исхождении Святого Духа можно сойтись на том, что он исходит от Отца через Сына, ибо источник всего в Боге должен быть единым, однако поскольку Отец и Сын едины, Дух принадлежит им обоим, будучи единым с ними; в вопросе о том, являются ли будущие события следствием божественного предзнания или же божественное предзнание является следствием открытости будущего Богу как всевременному существу, можно сойтись на том, что, поскольку для Бога нет прошлого и будущего и для него все присутствует сразу, божественное провидение определит будущее так, что заранее видело его; в вопросе об оправдании верой или делами можно сойтись на оправдании тем и другим, но не так, что отчасти оправдываемся верой, отчасти делами, а так, что то и другое является необходимым условием для нашего оправдания; в споре о пресуществлении евхаристических хлеба и вина можно сойтись на том, что при наличии веры Бог сам найдет возможность совершить пресуществление, и доиспытаться до образа его действий нечестиво, а называть, чем являются хлеб и вино по отношению к божественной плоти и крови, можно по-разному (образом, типом), лишь бы не представлять все в виде «голых знаков»; в споре о возрасте крещения можно сойтись на необходимости избегать и крайностей позднего крещения (как в случае Константина Великого), и крайностей слишком раннего крещения, не понимающих смысла таинства младенцев, остановившись на обряде конфирмации в юном, но сознательном возрасте (251—266). *Гл. 9.* О преодолении безрассудного, слепого, насильственного обращения с вещами (озверелой тупости, отчаявшегося безразличия и гу-

бительной неопытности) путем постоянного упражнения чувств в обращении к самим вещам, вместо мнений о вещах. Эскурс об искусственном, ребяческом характере античной (греческой) философии (266—269). *Гл. 10.* Вся философия, религия и политика должны быть воссозданы совершенно заново, но по прадревним «идеям» божественной премудрости. Условия возрождения: полное очищение желанного блага от всякой примеси зла; полное устранение малейших причин смещения и беспорядка; полный отказ от принуждения и восстановление неестественной свободы воли, познавшей свое благо; универсализм во всем; полное отсечение всего произвольного и случайного, сосредоточенность на «едином необходимом» (ср. одноименное сочинение Коменского); повсюду в мире должны быть очаги обновленной жизни — кафедра истины, алтарь единой религии, справедливый суд; полное изгнание призраков, химер, видимостей, для чего всякая теория должна иметь подкрепляющую ее практику; обеспечение и достоверность во всем (269—280). *Гл. 11.* Новая всеобщая философия будет состоять, во-первых, из всеобщей истории, естественной истории, истории искусств и истории нравственности; во-вторых, из упорядоченной системы всеобщих понятий, с описанием человеческих «инстинктов» (душевных движений) и способностей; в-третьих, из свода всех имеющихся в мире боговдохновенных писаний в точных переводах и с указаниями. Философия будет отталкиваться от наблюдения бытия и продвигаться путем бесспорных («математических») доказательств. Вместе с тем даже эта новая христианская философия, которая, в отличие от церинтатической, не будет углубляться в далекие от жизни мелочи, останется лишь частью пансофии (глава не дописана) (280—285). *Гл. 12.* Новая политика приведет все народы земли к согласию и устранил самые причины войны, сделав верховным законом «Не делай другому то, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и делай то, чего хотел бы себе». Образом правления обновленного мира будет сочетание аристократии, демократии и монархии (285—288). *Гл. 13.* Новая поистине католическая религия охватит собой всю полноту божественных откровений, повелений и обетований; она просветит все народы земли. Ее новизна не будет противоречить возврату к древнейшей религии, которую Бог внушил некогда патриархам, и к истинно понятным откровениям Нового завета. Немногочисленность догматов, простота обрядов, не препятствующий свободе порядка, полнота и истинность во всем сделают ее орудием учреждения царства божия на земле через веру, любовь и надежду (288—294). *Гл. 14.* Новый всеобщий язык возвратит на землю прежнее райское единство общения и поможет быстрее распространить среди всех народов разумные познания, человеческие нравы и настроения (294—297). *Гл. 15.* Учреждение трех высших судилищ, или трибуналов, закрепит новый счастливый порядок вещей. Это — Коллегия света, проводник божественного просвещения; Консистерий святости, хранитель религии; Судилище мира, блюститель справедливости. Все три инстанции будут вполне единодушны (297—300). *Гл. 16.* Коллегия света, светильник мира, направит свое внимание на саму себя как собрание служителей света, на подлежащий распространению свет, на школы как мастерские просвещения, на школьных наставников как носителей света, на методы обучения, на книги, на типографию, на новый язык, на две другие высшие инстанции как на помощников в распространении просвещения и, наконец, на источник просвещения, Иисуса Христа (300—303). *Гл. 17.* Судилище мира будет следить за соблюдением всеми людьми благоразумия в управлении собой, сохраняя человеческое общество и все его отправления. Все земные государи подчинятся этому судилищу, так чтобы высшее господство в мире не принадлежало ни одному человеку, кроме Христа, «нового Адама» (304—306). *Гл. 18.* Экуменический консисторий, или Синедрон земли, восстановит первоизданную чистоту мира (устранив, в частности, элементы язычества, наводившие Церковь при Константине) и будет просвещать верных гармоническим разъ-

яснением Писаний. Обращение лицемеров, неверных, еретиков, раскольников будет совершаться никоим образом не силой, а, наоборот, проявлением благосклонной человечности и искусства убеждения (306—310). *Гл. 19.* Напоминание о необходимости универсального подхода («все — все — все-сторонне») к преображению мира, с советами действовать благоразумно, серьезно, упорядоченно, настойчиво (310—314). *Гл. 20.* Всякое преображение мира человек должен начинать с самого себя, преодолев обычное людское пренебрежение к своему истинному благу. Постоянное внимание к себе, следование во всем поведению высокому образцу, память о «единном необходимом» (блаженстве как цели земной жизни) — способы самоисправления. Как несчастен не преобразивший себя! Зато в преображенном зримо сияет образ божий (314—318). *Гл. 21.* После себя необходимо прийтаться за исправление, упорядочение семьи, ближних и домашних (каждый дом должен стать как бы школой, с беседами отца семейства за обеденным столом, утренним пением, чтением Писаний; как бы малой церковью; как бы государством со своим правителем, судьей, гражданами). Комениский рекомендует заводить в семьях письменные «законодательства» наподобие того, которое он сам ввел для своих домашних («пусть всякий в чистом сердце чтит Бога», «всякий относись к другому со вниманием», «из дома без причины и без разрешения старшего никто не выходи» и др.). В благоупорядоченной семье обитает добродетель, согласие и любовь божия (318—324). *Гл. 22.* После устроения семьи исправление общества необходимо начать с заботы о школах. Они не для похвалы ученостью, не для подготовки к занятию выгодных местечек, не для тонкого наслаждения словесностью и науками, а для воспитания молодого народа в духе веры и гражданственности. Хорошие книги, упрощенный и приближенный к вещам метод обучения, строгая дисциплина нравов, признание высшего авторитета только за Христом — вот способы борьбы против извращения школы. Эскурсы о школьных книгах: языческих древних авторов надо изъять (кроме избранных изречений), потому что они писали не для детей, обращались не к нашему веку, для их чтения потребны особые занятия латинским языком, для их понимания требуется знание мелких подробностей современной им истории, а главное, они отвлекают от христианства; книги христианских авторов, выражающие слишком частное мнение их создателей, следует тоже изъять, оставив лишь «одни божественные воды, изливающиеся из божьего источника», и лучшие книги с реальным, поучительным содержанием (исторические изложения, избранные мысли и др.). (322—330). *Гл. 23.* Реформированная церковь должна уподобиться школе с тремя классами: детей и необразованных простецов (начинающие), изучающих Писание (продвинувшиеся) и сердечно усвоивших таинства веры (совершенных). Как в школах, так и в церкви надо отменить словесные состязания и диспуты, чтобы никто не говорил только от своего личного имени, чтобы все говорилось ради общей пользы и чтобы во всем царил не холодное любопытство, а стремление к более божественной жизни. Вместо диспутов пусть будут мирные собеседования и наблюдения силы Святого Духа. Ничто не мешает расписывать храмы орнаментом и символическими изображениями таинств веры, хотя, поскольку живописные изображения отвлекают, они допустимы для детей и в частных храмах, но не в общественных; а изображения невидимого божества, которое изображает только само себя своими деяниями в мире и церкви, вообще недопустимы. Ради большей вместимости архитектура храмов должна быть круглой или восьмигранной. В храмах допустимо пение не только псалмов, но и всевозможных, в том числе новозаветных, духовных песен. Поскольку «всякое дыхание должно хвалить Господа», в храмах, помимо человеческого голоса, должны звучать и органы, и трубы, и всевозможные музыкальные инструменты, ради большего воспламенения любви в сердцах: «Прочь предрассудки! Прочь суровая мрачность!» Имущество Церкви либо отменяется, либо на-

правляется на пользу бедных, нуждающихся и припелльцев. Монастырям Коменский уделяет роль школ, распространителей книжного просвещения и мест воспитания в духе благочестия и мудрости будущих государственных деятелей (330—349). *Гл. 24.* Реформа государства имеет первой целью отмену войн и разоружение; оружие можно сохранить разве что против диких зверей, а метательные снаряды можно перелить на колокола. Отменяются также массовые убийства и религиозные распри. Новое государство не потерпит обмана и насилия в судах, праздных среди своих граждан («кто не хочет работать, да не ест»), порнографических изображений, похотливых и грязных песен, выдуманных историй (наподобие «Амадиса Галльского»), трактиров и игорных домов, ростовщиков, монополий и олигополий. Однако мало устранить зло, если не заменить его позитивными, добрыми порядками, общественным миром, согласием и благочестием. Философы, политики, богословы реформированного государства постараются о том, чтобы храмы были не только местами богопочитания, но и приютами для сирот, бедных, стариков, больницами для недужных; чтобы повсюду были воздвигнуты школы для всех; чтобы в жизни семей и малых общин воцарилась дисциплина, хотя и не обязательно сразу лишать нарушителей ее жизни, а необходимо перевоспитывать их; чтобы по всей стране для облегчения более благоразумного пользования временем были установлены солнечные или автоматические часы; чтобы молодежь имела возможность страстновать на чужих землях, но не превращалась в бродяг, а возвращалась домой и делалась полезными гражданами и т. д. Холостяцкое состояние недопустимо: все способные должны вступать в брак и растить детей. Законы должны быть полными, всем доступными, судьи — свободными от каких-либо страстей, внимательными, неприхотливыми (349—360). *Гл. 25.* Экуменические советы, собрания епископов всех христианских земель станут инстанцией примирения всех религиозных споров (360—371). *Гл. 26.* Коменский рисует образ лучшего мира: истинная философия явит основания всех вещей, так что ни в малом, ни в большом не останется ничего неизвестного («Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным», Лук. 8, 17); завеса спадет с глаз всех народов и все просветится истинным божественным светом; все царства мира подчинятся царю Христу и вместо дьявольского принципа «Разделяй и властвуй» утвердятся другой: «Объединяй и царствуй». После шести тысяч лет труда, страданий, войн, убийств начнется Суббота, седьмая эпоха мира, тысячелетие (которое можно понимать символически как полноту времен) счастливого покоя, предшествующее наступлению блаженной вечности. Всякая тварь возрадуется освобождению от рабства у суеты, и начнется непрекращающийся праздник. Если это сон и мечта, то лучше так мечтать, чем гибнуть в поисках мирского греховного и ненадежного счастья; а кроме того, лишь стремление к бесконечному и вечному способно утолить жажду человеческого ума (371—376). *Гл. 27.* В связи с приближившимся или приближающимся блаженным состоянием мира — хвалебный гимн «Учителю учителей, Царю славы, Государю мира, Отцу всех» (376—378).

Часть седьмая «Всеобщего совета», «Паннунесия» (всеобщее по шренню). Предисловие о необходимости подстегнуть увидевших свою задачу людей к началу всеобщего исправления (381—382). *Гл. 1.* Мало наблюдать больше; надо начать действовать — осторожно, настойчиво и без унынений (385—387). *Гл. 2.* Ответы на возражения сомневающих: пускай до сих пор мы имели дело лишь с идеями исправления, но идея, замысел есть сильнейшая деятельная сила; пусть даже эти идеи пока еще несовершенны, но человек не Бог, он продвигается медленными шагами, и Альберт Великий потратил 30 лет на создание говорящей человеческим голосом статуи, а искусство книгопечатания, изобретенное то ли в 1440, то ли в 1450 г. Фаустом, Гутенбергом, Лаврентием из Гарлема или Янсоном Галлом, потребовало нескольких десятилетий для своего усовершенствования; пускай для своего

преображения мрр должен переродиться, но так пль пначе «вся тварь совокудно стенает п мучится родами» (Римл. 8, 22), п, значит, мрр неизбежно должен возродиться в муках, подобно тому как невозможно задержать возрастание плода в материнском чреве (387—390). *Гл. 3.* Писание зовет нас начать исправление, свое п мира, скоро, мощно, благочестиво (390—392). *Гл. 4.* Автор начинает увещание с самого себя, пересиливая в себе самом сомнения п колебания п вознося моления о божественной помощи (392—396). *Гл. 5.* Автор обращается с увещанием к христианам как наиболее жаждущим оздоровления мира. Они могут содействовать делу всеобщего преобразования, сердечно возжелав о нем, молясь о нем, мирно беседуя о нем, начав преобразать самих себя, отказавшись от вражды, взаимно примирившись, ведя безупречную жизнь, подавая всем пример, не отступая от принятого намерения (396—400). *Гл. 6.* Автор поощряет к работе исправления ученых, церковные п мирские власти (400—405). *Гл. 7.* Особое обращение к «мужам света, мудрым п образованным». Они пщут философского камня, квадратуры круга, вечного двигателя, однако им предстоит дело более великое. Прежде всего от них требуется помощь в тщательной проверке «Всеобщего совета»; п пусть они подробно разберут его, будучи благосклонными к сочинителю, но суровыми к сочинению. Впрочем, независимо от достоинств «Всеобщего совета», ученые должны последовать примеру автора: по мере сил распространять свет, совершенствовать книги, улучшать школы, просвещать народы, п делать все это смиренно, щедро, скоро, мужественно, единодушно, мирно (405—411). *Гл. 8.* Обращение к людям церкви с призывом отбросить любовь к себе, оставить предрассудки, отказаться от упрямства п взаимных осуждений, начать дело преобразования с самих себя (411—417). *Гл. 9.* Призыв к мирским властям не противодействовать «Всеобщему совету», не давать никому чинить препятствия исправлению человеческих дел п, больше того, самим на деле приняться за него — оять же начиная с самих себя. Если власть имущие не хотят прислушиваться к мирным советам, то пусть подумают о том, что приближается последний день мира, когда стгорят в огне небо п земля вместе со всеми их арсеналами, укрепленными замками п орудиями войны; так не лучше ли уже сейчас привести все на земле в согласие с вечным строем? (417—421). *Гл. 10.* Увещание к насмешникам, циникам, софистам, богохульникам п тиранам, мирским мудрецам, псевдобогословам: напрасно бороться против божьих замыслов, глупо строить на песке; время тиранов прошло, победил Галилеянин, п ангел уже призвал небесных птиц «пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников» (Откр. 19, 18) (421—425). *Гл. 11.* Обращение к героям, исправителям мира: к героям науки п знания, которые воссоединят п очистят истину, усовершенствуют «Всеобщий совет» (либо одному человеку такой труд не под силу), опрокинут все заблуждения; к героям Церкви, которые вооружатся огнем божьей ревности; к героям политики, которые проложат пути для грядущего века. Образы античных героев (425—431). *Гл. 12.* Особое обращение к европейцам, п прежде всего к государствам п республикам севера Европы. Их мореплавателям открыты все края мира, на их землях процветает изучение языков п философии, они знакомы с политической мудростью, им ведомы разнообразные науки п искусства; почему же не посвятить поделиться с другими своим благом? Некогда Коменский хотел посвятить свой труд государям североευропейских стран; позднее войны между ними п внутренние междоусобицы заставили его отказаться от этого намерения, п все же он продолжает ожидать от Севера гибели для «мирского Вавилона» п пипятилвы в деле созыва Экуменического совета (431—434). *Гл. 13.* «Увещательное слово» к Экуменическому совету. Составленный из выдающихся представителей власти, церкви п науки, он явится живым образом небесного совета п началом нового, лучшего мира (глава не дописана) (434—436).

«Книга книг, карманная библиотека, или Реальный пансофический лек-

сикон. Предупреждение автора. Лексикон дает понятия всех вещей, о которых говорит «Пансофия». Он служит объединению всех отраслей пансофического знания в некую цельность, связанную единой системой. Лексикон следует «Великому искусству» Раймунда Луллия в своем методе упорядоченного выведения производных понятий из основных. В лексиконе соблюдается параллелизм трех областей: бытия (реальных вещей), мысли (понятий) и языка (слов, обозначений). При его построении применяется синтез (синтетически выводятся определения, структуры, аксиомы), анализ (подразделение родов на виды) и спикризис (принцип параллелизма) (441—447). Собственно словарь (незавершен: большинство слов оставлено без толкований) (449—681).

Благоразумие (*prudencia*) — (1) умение заботиться о будущем, (2) навык правильно вести себя в сомнительных обстоятельствах (то есть выбирать полезное и беречься от зла). Состоит из трех частей: (1) понимание цели и предвидение исхода, (2) отыскание средств для достижения цели, (3) умение их использовать.

Восприятие (*perceptio*) — претерпевание, вызванное в одной вещи прикосновением другой; совершаясь телесно, оно называется ощущением, душевно — познанием. Таким образом, здесь сходятся (1) действующий объект, (2) претерпевающий субъект, (3) взаимодействие обоих.

Воля (*voluntas*) — способность разумной души обращаться к вещам, в которых наш разум увидел добро, и отвращаться от зла. Состоит из (1) склонности к добру, (2) факта выбора, причем (3) свободного, не вынужденного. Заметь: свобода — одной сущности с волей, ведь воля перестает быть волей, если воление недобровольно. *Аксиомы*. Воле присуще хотеть. Воле присуще хотеть только добра, будь оно действительным или мнимым. Воля не меняется в зависимости от предмета, даже когда речь идет о противоположностях (потому что хотеть в случае хотения и не хотеть в случае нехотения — дело одной и той же способности). К большому благу воля стремится больше; к малому — меньше; к настоящему ее стремление настоятельней; к отсутствующему — слабей; истинное добро предпочитают кажущемуся. Цельность воли сохраняется укреплением намерения продолжать начатое.

Воображение (*imaginatio*) — способ схватывать в душе образы вещей или существующих, или возможных, или желательных, или устрашающих. *Аксиомы*. Воображение разрастается до бесконечности. Образ не переходит в бытие, а остается в нашем уме, поскольку мы — не творцы вещей.

Государство (*respublica*) — сообщество свободного народа, соединенного узлами законов и стремящегося к общему благу.

Гуманность (*humanitas*) — стремление никогда не оскорблять людей, а, скорее, во всем быть им полезным. При исполнении этого правила в душе его называют расположением, честностью, невинностью, в обращении — приветливостью, в речи — любезностью, в деле — услужливостью. *Аксиома*. Гуманность уместна для всех, хотя бы потому, что все — люди и с людьми вступают в отношения.

Знание (*scientia*) — достоверная осведомленность о достоверной вещи. Его недостаток — сомнение или незнание, его кажущееся присутствие — мнение, его противоположность — ошибка. Состоит из (1) истины вещи, (2)

ее истинного впечатления в душе, (3) достоверного ощущения ее истинности, при котором знающий знает, что он знает. Первая истина — от вещей, вторая — от органов чувств, от разума, от убедительных доказательств, третья — от их надлежащего подтверждения. *Аксиомы*. Знание есть знание, что знаешь, то есть что твое знание истинно и безошибочно; такое знание может быть только обоснованным. Мудрому присуще желание знать постижимое и не знать непостижимого. Достоверное знание, что такие-то вещи там-то не могут быть достоверно познаны — добрая часть знания. Знание — не мнение, а именно знание. Лучше знать, чем держать на веру. Чем больше твердых оснований для знания, тем оно прочнее. Поскольку знание есть обоснованное знание, совершенное знание какой-либо вещи есть проникновенное в ее причины, причем (1) все, (2) во всем, то есть в целом и в частностях, и (3) всецело: истинно, надежно, реально.

Искусство (ars) — умение правильно обращаться с вещами и с природой вещей, или разумом и опытом приобретенная способность действовать, направляющая произвольное действие. *Аксиомы*. Искусство подражает природе. Искусство совершенствует природу, а не извращает ее. Искусство против природы бессильно. Искусство может сделать то, что допускает природа. Искусство, не следующее природе, больше вредит, чем помогает. Сколько человеческих занятий, столько искусств (следовательно, без числа).

Истина (veritas) — соответствие вещей своему началу, или сущности вещи — самой вещи (соответствие вещи с идеей, мысли с вещью, слова с мыслью). Истина всех вещей вытекает из единства: оно порождает из себя благо. В самом деле, что-либо существующее истинно когда-то, где-то, насколько-то, и то, что истинно, является таким-то и таким-то: в силу этого оно действует, или претерпевает, или приводит что-либо в порядок, или приносит пользу, или удовольствие. Истина состоит (1) из того, с чем соотнобразуются, (2) из того, что соотнобразуется, (3) из действия соотнобразования. *Аксиомы*. Истина какой-либо вещи, существуя, является ее сущностью. Сколько сущности, столько и истины. Все существующее существует постольку, поскольку истинно. Истина сама учит себе, сама судит. Истину надо всего больше искать там, где ее всего больше. Истинному охотней веришь.

Логика (logica) — искусство мыслить. Заметь: логика, какой учат в школах, собственно говоря, есть просто некая диалектика, которая учит способу выражать уже известное и бесполезное и болтать о неизвестном. *Вопрос*. Чем отличается метафизика от логики? *Ответ*. Метафизика есть, собственно, врожденный свет ума, несущий в себе и являющий собою число, меру и вес, согласно которым устроено все в мире. Истинная логика — руководство ума, искусство, приобретенное с помощью метафизического света мысли или наблюдений, прилагать к вещам эти абстрактные формы числа, меры и веса, чтобы можно было исследовать все, что скрыто в вещах, упорядочивать все беспорядочное или неправильное, прояснять все неопределенное и устанавливать все в своей истине.

Метод (methodus). Слово «метод» страдает у тех, у кого оно возникло (у греков) двусмысленностью: оно означает искусную уловку в злых или добрых целях и равносильно в первом случае коварству, обману, интриге, во втором — стратегии. Но в особенном значении (оно уже стало самым употребительным) метод — пособие для преподавания, позволяющее учить и учиться короче, легче и надежней. *Аксиомы*. Метод служит предмету, не предмет методу. Синтетический метод помогает строить вещи, аналитический — их познавать, синкритический — то и другое.

Мудрость (sapientia) — умный свет души, в котором и с помощью которого мы созерцаем основания вещей. Ее модусы: природный свет — философия (Рим. 1, 20), свет божественного откровения — теология (2 Кор. 2, 6—7), свет совести — целомудрие (Иов 28, 28). Вершина мудрости — во всем смотреть, (1) что должно быть сделано, (2) какими средствами, (3) каким способом. При начале каждого дела хорошо обдумай цель; посмотри, какими средствами ты мог бы достичь этой цели; наконец, удостоверься в способе хорошо использовать средства. Если умеешь все это — ты уже мудр и будешь счастлив.

Мышление (cogitatio) — рассмотрение вещей в уме. Следовательно, здесь нужны, как и при внешнем рассмотрении, (1) внутреннее око, ум, (2) какая-нибудь вещь, предмет, (3) свет, то есть внутреннее ощущение, — сила воображения, представляющая уму то, что надлежит осмыслить. Как ночью внешнее видение не состоится из-за отсутствия света, так во сне или в обмороке мышления нет из-за отсутствия ощущений. Модусы мышления: (1) в присутствии вещи, ощущаемой внешним или внутренним чувством; (2) в отсутствии вещи, когда память возвращает ее воображению, причем здесь опять же два случая: при бодрствовании общего чувства — воспоминание, во сне — сновидение; (3) придумывание совершенно новой вещи, никогда не воспринимавшейся чувствами. *Аксиомы*. (1) Где ум, там какое-нибудь мышление. (2) Опять же, где мышление, там что-нибудь, о чем мыслят. (3) Во всякой мысли есть движение от одного к другому. (4) Все, что можно разумно помыслить, существует в вещах (Панавгия, V 8).

Незнание (ignorantia) — недостаток знания в душе. Здесь три части: (1) ум, (2) знания, (3) недостаток, или отсутствие. *Аксиома*. Вещи суть то, что они суть, даже если не постигаются, как солнце есть солнце, даже если слепой его не видит. Есть незнание вредное и грубое, не понимающее даже вопроса: другое — знающее незнание, осведомленность человека о собственном незнании и о причинах, из которых оно вытекает. *Аксиома*. Незнание лучше мнимого знания. Незнание своего незнания делает безрассудным, дерзким, самоуверенным; сознание незнания — жаждущим знания, а здесь начало мудрости.

Опыт (experientia) — познание вещей собственными чувствами. Для этого нужны (1) чувственно ощущаемые вещи, (2) чувства, (3) внимание и старание, продолжающиеся вплоть до достижения полной достоверности, то есть тщательная проверка. *Аксиомы*. Никто без опыта не знает вещи достаточно. Опыт требует частого повторения. Опыт — медленный путь к знанию, зато верный, если он не слепой. Опыт многих, приобретенный одинаковыми или разными способами, надежней. Однократному опыту доверяться нельзя. В свете опыта многое оказывается невероятным. Горький опыт хорошо учит (его назначение — достоверность знания). По распространенной поговорке («Глупый учится задним умом») выходит, что опыт — удел недалеких, однако он — путь к мудрости («Не испытав, что человек знает?» — говорит Сирах). Но безрассудный и неблагоразумный опыт — действительно глухое дело.

Память (memoria) — способность души, вызывающая былое в воображении и снова предлагающая его для размышления. Требования к памяти: (1) легкое схватывание, (2) прочное удержание, (3) скорое воспроизведение.

Понимание (intellectus) — познание, какова внутренне вещь, воспринятая чувствами извне; это высшая способность души, видящая в ясном свете вещи, хорошо познанные рассуждением. Здесь выпадают: (1) вещь, замкнутая в себе, (2) вещь, раскрытая рассуждением, (3) ясный свет познания, без

обманчивых представлений. *Аксиомы*. Понимание никогда не обманывает, если не было ошибки в предпосылках. Чего не может понять понимание, того не может создать природа вещей, — например, тело без места.

Речь (*sermo*) — явственное изображение вещей (отсутствующих или как бы отсутствующих) голосом, жестами (как делают немые или актеры) или письменными знаками. Для этого нужны (1) некое ощущение, которое один ум должен передать другому, (2) внешние знаки, замещающие представления мысли, (3) взаимопонимание, благодаря которому знаки воспринимаются в том же смысле, в каком передаются. *Аксиома*. Речь без мысли не речь, а личина речи: речь есть не что иное, как образ мысли. Модусы: жест — чувственный, звук — слышимый, письмо — зримый. Речь бывает (1) прозаическая, свободно текущая, (2) связанная ритмом или размером, (3) модулированная пеннем.

Синкрисис (*syncretis*) — деятельность мысленного сопоставления вещи с вещью (Панавгия IX 15). Синкрисис тройка: (1) редукция, при которой вещь сопоставляется со своим началом (идеей), (2) дедукция, при которой вещь сопоставляется со смежными вещами (с другими воплощениями идей), (3) дидукция, при которой вещь сравнивается со своими частями или видами. Здесь раскрывается бездна для размышления: ведь все можно сравнивать со всем. Для синкрисиса нужны (1) какая-нибудь вещь, (2) другая вещь (похожая на первую, или от нее отличающаяся, или ей противоположная), (3) их взаимосопоставление. Синкритический метод — это сосредоточение ума на всеобъемлющем, увлекательном и надежном познании, доказательстве и упорядочении одних вещей при помощи других. Ведь (1) таким путем удастся осветить всего больше вещей, поскольку подобные вещи имеют подобное основание; (2) познание гармонии вещей в самостоятельном исследовании приносит нам высочайшее наслаждение; (3) синкритический метод, будучи хорошо поставлен, надежным путем дает полное познание, ясное подтверждение и неопровержимое доказательство истины. Это ключ к тайнам, подлинно нить Ариадны и указание, как пройти через все лабиринты и выбраться из них.

Синтез (*synthesis*) — составление частей в целое. Здесь необходимо знать, (1) какие части нужны для получения такого целого, (2) по какому порядку их надо расположить в одно целое, чтобы они не мешали, а помогали друг другу, (3) какими связями и какой силой их надо связать, чтобы при смещении одной вещи смещались все. Путь осуществления этого — (1) усмотрение идеи в мысли, (2) разработка ее в предварении, в зачаточной форме, (3) осуществление ее в реальном действии.

Учитель (*doctor*) — тот, кто умеет, хочет и может привить ученику свое учение. Требования: (1) задача учителя учить истине, (2) учить ясно, (3) учить мудро. Истина, о которой никто ничего не знает, бесполезна, туманная истина мало полезна, не имеющая надежного доказательства — сомнительно полезна, потому что не обеспечена от ошибок. *Аксиома*. Кто не учит, напрасно имеет знания (как напрасен свет, который ничем не освещает, ведь задача света — освещение). Учит плохо, кто учит неясно (как тусклый свет). Мало научит, кто не приводит надежных доказательств.

Учить (*docere*) — делать так, чтобы известное кому-то одному узнал и другой. Здесь нужны три стороны: (1) обучаемый, ученик (который 1. способен учиться и 2. жаждет до учения), (2) обучающий — учитель, который должен уметь, мочь и хотеть учить, (3) способ преподавания учения, куда входят приемы, правила, упражнения.

Учиться (discere) — стараться узнать, чего не знаешь, или постигать какую-нибудь неизвестную вещь при помощи вещи известной. В изучении участвуют три стороны: (1) неизвестная вещь, (2) жажда познать эту вещь, (3) средство, путем которого мы достигаем познания, а именно что-либо известное. Изучение — некое движение, при котором что-то движущееся и покоившееся начинает двигаться от данного предела к другому, отдаленному. Заметь: то, что было с самого начала известно, называют исходной точкой познания. *Аксиомы*. Что нам не неизвестно, тому мы и не учимся (см. «Новейший метод языков», гл. X 9). Учиться легче, чем отучиваться. Все, чему мы учимся, должно быть (1) единым (будь это что-нибудь короткое или длинное), (2) истинным (истинно наполняющим чувства), (3) добрым (радостным или полезным).

Философия (philosophia) — (1) любовь к мудрости; (2) изучение той мудрости, при помощи которой человек может достичь совершенного познания вещей, доступных познанию, и, овладев им, пользоваться полученным знанием для сохранения жизни и здоровья; (3) в особом знании — умственное изучение причин в вещах; (4) отсюда — раздумья человеческого ума над книгой природы. *Аксиома*. Философия поможет достичь совершенства теология.

Школа (schola) — (1) собрание учащихся и учащих полезным вещам. (2) Отсюда школа — это место, где люди должны приобщаться к свету мудрости. Виды школ: академия и гимназия. Школа складывается из учащихся, преподавателей и их работы.

**Библиографический указатель изданий
произведений Я. А. Коменского
и литературы о нем***

Дореволюционные издания произведений Я. А. Коменского

Коменский Я. А. Избр. соч.—Ревель: изд. журн. «Гимназия», 1892—1897.

Ч. I. Открытая дверь языков: Лат. текст с рус. пер., портр. Коменского и введением / Сост. Г. Янчевецкий, 1892—1893.—113 с., портр.— Прил. к журн. «Гимназия», 1892, № 3, 5, 10; 1893, № 3/5, 6/7, 8/9, 11/12. Ч. II. Великая дидактика / Пер. Н. Регема, 1893.—342 с.— Прил. к журн. «Гимназия», 1892, № 3, 5, 10; 1893, № 1/2—11/12; 1894, № 3—12; 1895, № 2, 3, 5—7, 9—12. Ч. III. Диоген-циник на сцене или об удобном любомудрствовании / Пер. с лат. Г. Янчевецкого, 1893.—62 с.— Прил. к журн. «Гимназия», 1893, № 3—5, 8—9, 11/12; 1897, № 2.

Коменский Я. А. Избр. пед. соч. / В пер. А. Адольфа, С. Любомудрова.— М., кн. маг. «Нач. школа», 1893—1894.— (Пед. б-ка).

Ч. I. Великая дидактика, с портр. Коменского, очерком его жизни и деятельности и объясн. примеч.— М., 1893.— XXVII. 308 с.; 2-е изд.— М., К. И. Тихомиров, 1902.— XXVI. 308 с.; 3-е изд.— М., К. И. Тихомиров, 1906.— XVI. 308 с.; 4-е изд.— М., 1912.— XXV, 311 с.; Ч. II. Мелкие сочинения, примыкающие к «Великой дидактике»: С введением и объясн. примеч.— М., Т-во А. А. Левенцова, 1894.— VII, 279 с.; 2-е изд.— М., К. И. Тихомиров, 1911.— VII. 279 с.

Содерж.: 1. Материнская школа. 2. Очерки народной школы. 3. Речь о точной номенклатуре вещей. 4. Воскресший Форций, или об изгнании лениности из школ. 5. Правила доброй нравственности, собранные для юношества. 6. Законы благоустроенной школы. 7. Пансофическая школа. 8. Выход из схоластического лабиринта.

Коменский Я. А. Великая дидактика.— СПб., 1875.— XIV. 282 с.— Прил. к журн. «Наша нач. школа» на 1875 г.

Коменский Я. А. Великая дидактика.— СПб.: изд. ред. журн. «Семья и школа», 1875—1877.— II, 292 с.

Прил. к журн. «Семья и школа», 1875, № 1—4, 8, 11; 1876, № 1, 6, 7; 1877, № 1, 4, 5 / Первый рус. пер. Богданова под рук. С. И. Мпропольского.

Коменский Я. А. Великая дидактика / Пер. с лат. А. Щепицкий.— СПб.: 1893.— XIV. 326 с., портр.— Очерк жизни Я. А. Коменского.

Рец.: *Ермилов В.* Золотые правила.— Вестник воспитания. М., 1894, № 4, с. 240—250.

Коменский Я. А. Великая дидактика: Лат. текст с рус. пер. А. Адольфа, С. Любомирова, с иллюстрир. очерком жизни и деятельности Коменского и указателем имен и вещей.— М.: К. И. Тихомиров, 1896.— XLVII, 596 с., ил.

Коменский Я. А. Из «Великой дидактики». Гл. VI, VII, IX / Пер. под ред. И. А. Шляпкина.— В кн.: Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. СПб., 1893, с. 38—53.

* В настоящий краткий указатель вошли издания, вышедшие на русском языке. Газетные статьи не включены. Указатель составлен Н.А. Рут.

Коменский Я. А. Великая дидактика: (Изложение глав I—IV, IX) / Пер. под ред. И. А. Шляпкина. — Рус. нач. учитель. СПб., 1894, № 2, с. 56—73; № 3, с. 109—113.

Коменский Я. А. Великая дидактика. Гл. XXIV (с некоторыми сокр.) / Пер. с лат. — В кн.: О цели образования. Вышний Волочек, 1905, с. 53—65. — (Религ.-филос. б-ка; Вып. VIII).

То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1913, с. 28—40.

Коменский Я. А. Видимый свет: На лат., рос., нем., итал., франц. языках, представлен с рестром российских слов / Пер. Шадена; Предисл. К. А. Чеботарева. — М.: Моск. ун-т, 1768. — 24, 477, 27 с.

2-е изд. Под заг. «Видимый мир». — М.: тип. Новикова, 1788. — 22. 554 с. Рец.: *Коршунов М. А.* О книге Иоанна Амоса Коменского «Видимый свет». — Известия II отд. им. Акад. наук. СПб., 1855, т. IV, вып. 4, с. 199—206.

Коменский Я. А. Единое есть на потребу: (Unum necessarium): Прил. к труду Ф. Палацкого «Жизнь А. Коменского». — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1869, янв. — февр. (одна глава).

Коменский Я. А. Законы благоустроенной школы / Пер. с лат., с предисл. и примеч. П. Ф. Каптерева. — Рус. школа. СПб., 1893, № 9—10, с. 305—342.

Отд. оттиск. — СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1893. — 45 с.

Коменский Я. А. Зрелище вселенных: На лат., рос. и нем. языках. Изд. для нар. училищ Российской империи / Перераб. Ф. И. Янкович де Мирнево. — СПб., 1788. — 8. 142 с., ил.

То же. — 2-е тиснение. — СПб., 1793. — 8. 142 с., ил.

Коменский Я. А. Зрелище вселенных: На лат., рос. и нем. языках. Изд. для нар. училищ Российской империи. — СПб., 1808. — VIII, 142 с., ил.

Коменский Я. А. Зрелище вселенных: На франц., рос. и нем. языках / Перераб. Ф. И. Янкович де Мирнево. — СПб.: Комис. об училищах, тип. Брайтгофа, 1788. — 8, 142 с., ил.

2-е тиснение. — СПб., 1793. — 8, 142 с., ил.

Коменский Я. А. Лабиринт мира и рай сердца (1623) / С чеш. яз. пер. Ф. В. Ржиги. — Н. Новгород: тип. губерн. правления, 1896. — 2, VI, 158 с.

Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца / Пер. с чеш. Н. П. Степанов. — СПб.: И. А. Сафонов, 1904. — 2, 188 с.

Коменский Я. А. Из «Лабиринта света». Гл. 10. Путешественник обозревает сословие ученых / Пер. с чеш. М. Соколова. — Славянский ежегодник. Киев, 1884, вып. 6, с. 164—174.

Коменский Я. А. Несколько глав из сочинения «Лабиринт мира». — Гимназия. Ревель, 1896, № 2, с. 1—8; № 3—4, с. 9—16.

Коменский Я. А. Материнская школа / Пер. с нем. М. Н. Воскресенской. — СПб.: изд. ред. журн. «Образование», 1892. — II, 64 с.

Пер. по 1-му нем. изд., 1633.

Коменский Я. А. О культуре природных дарований / Пер. с лат. Л. Н. Модзалевского. — СПб.: ред. журн. «Образование», 1893. — 44 с. Речь, произнесенная по поводу преобразования Шарош-Патакской гимназии в Венгрии.

Коменский Я. А. Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству / Собрал Н. Бантыш-Каменский; С лат. пер. надзиратель И. У. — СПб.: тип. Крылова, 1792. — 39 с.

Коменский Я. А. Устав материнской школы: с чеш. подлинника (1628) / Пер. Ф. В. Ржиги. — Н. Новгород: тип. губерн. правления, 1893. — XIV, 110 с., портр.

Коменский Я. А. Школа — театр: [Из «Дверп языков». Драмат. представление] / Пер. с чеш. и предисл. Л. Модзалевского. — СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1895. — 24 с.

То же.— В кн.: Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского по поводу 302 годовщины его рождения. СПб., 1895, № 2, с. 41—62.

Советские издания произведений Я. А. Коменского

Коменский Я. А. Избр. пед. соч.— М.: Учпедгиз, 1939—1941.— (Пед. б-ка).

Т. 1. Великая дидактика / Пер. с лат. Д. Н. Королькова; Под ред. и с биогр. очерком и примеч. А. А. Красновского, 1939.—320 с., ил., портр.

Т. 2. Отдельные произведения / Пер. с лат. В. В. Ивановского, Д. Н. Королькова, Н. С. Терновского; Под ред. с вводными статьями и примеч. А. А. Красновского, 1939.—288 с.

Т. 3. Мир чувственных вещей в картинках или изображение и наименование всех главнейших предметов в мире и действий в жизни / Пер. с лат. Ю. Н. Дрейзина; Под ред. и со вступ. статьей А. А. Красновского, 1941.—351 с., ил.

Рец.: *Гончаров Н. К.* Великий педагог.— Школа взрослых, 1940, № 3, с. 65—68; *Гончаров Н. К.* Замечательное творение великого славянского педагога.— Сов. педагогика, 1941, № 11—12, с. 91—92; *Жевлаков Н. А.*— Сов. педагогика, 1942, № 1—2, с. 73—75; Крупнейший педагог.— Сов. педагогика, 1940, № 7, с. 116—118; *Чехов Н. В.*— Нач. школа, 1941, № 10, с. 38—40; *Чувашев И. В.* Первая иллюстрированная книга для детей.— Дошк. воспитание, 1942, № 9, с. 40—42.

Коменский Я. А. Избр. пед. соч. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. А. А. Красновского.— М.: Учпедгиз, 1955.—651 с., ил., портр.

Коменский Я. А. Дидактические принципы: (Отрывки из «Великой дидактики») / Со вступ. статьей А. А. Красновского.— М.: Учпедгиз, 1940.—91 с., портр.— (Б-ка учителя).

Коменский Я. А. Избранные страницы: Из кн. «Великая дидактика» / Материал подобрал Н. М. Верзилин.— Биология в школе, 1975, № 5, с. 16—19.

Коменский Я. А. Материнская школа / Пер. Д. Н. Королькова; Под ред., с вводной статьей и примеч. А. А. Красновского.— М.: Учпедгиз, 1947.—104 с., ил.

Коменский Я. А. Мир чувственных вещей в картинках, или Изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни / Пер. с лат. Ю. Н. Дрейзина; Под ред. и со вступ. статьей А. А. Красновского.— 2-е изд.— М.: Учпедгиз, 1957.—351 с., ил.

Ян Амос Коменский: Высказывания о пед. мастерстве. К 375-летию со дня рождения. С примеч. ред.— Нар. образование, 1967, № 3, с. 94—95.

Дореволюционная литература о Я. А. Коменском

Алексеев В. Г. Плоды воспитательного обучения в духе Коменского, Песталоцци и Гербарта. (Гольдене Ауэ и Киффгойзер).— Юрьев: К. Маттисен, 1906.—119 с.

Адольф А. Что такое школа по воззрениям Коменского: Речь, произнес. 9 сент. 1894 г. на годичном акте в моск. 3-й гимназии.— М., 1895.—15 с.

Бахтин Н. Н. Великий славянский педагог — Ян Коменский.— Пг., 1915.—20 с., портр.

Рец.: *Налимов А.*— Рус. школа. СПб., 1916, № 5—6, отд. III, с. 19.

Бахтин Н. Н. Новые издания сочинения Я. А. Коменского.— Рус.

школа, СПб., 1912, № 9, отд. III, с. 50—52.

Библиогр. обзор книг Коменского.— Рус. школа. СПб., 1894, № 3, отд. II, с. 146—156.— Подпись: К. М.

Блонский П. П. Ян Амос Коменский.— М.: Тихомиров, 1915.—III, 121 с.

Рец.: *Нечаев А.*— Рус. школа. СПб., 1915, № 9—10. Пед. хроника, с. 128.

Бобров Е. А. А. Коменский в своих малых педагогических трактатах.— Нар. образование Виленского учебного округа.— Вильна, 1915, № 4, с. 181—191; № 5, с. 233—243; № 6, с. 295—301.

Будилович А. С. Дидактика И. А. Коменского в ее отношениях к славянской школе нашего времени.— Славянское обозрение. СПб., 1892, т. 1, март, с. 329—350.— Подпись: А. Б.

Будилович А. С. Еще к юбилею Коменского.— Славянское обозрение. СПб., т. 1, апр., разд. «Летопись».—VII, с. 557—559.— Подпись: А. Б.

Будилович А. С. Иоанн Амос Коменский (1592—1670).— Славянское обозрение. СПб., 1892, т. 1, февр., с. 173—187.— Подпись: А. Б.

Бунаков Н. Ф. Всемирный педагог-славянин: К 300-летию юбилею Я. А. Коменского.— Рус. нач. учитель. СПб., 1892, № 2, с. 53—63.

Васильков Н. Амос Коменский — основатель рациональной педагогической гниены: (Ко дню 300-летнего юбилея).— Вестник воспитания. М., 1892, № 3, с. 1—11.

Вейсман А. Амос Коменский и его дидактика.— Журн. М-ва нар. просвещения. СПб., 1892, ч. 282, авг., отд. 3, с. 33—67.

Великий славянский педагог (Я. А. Коменский).— Западно-рус. нач. школа. Киев, 1915, № 4, с. 16—24.— Подпись: В. Р.

Веригин Н. Я. А. Коменский как картограф своей родины.— Пед. еженедельник. Ревель, 1895, № 12, с. 112—113.

Воленс В. П. Амос Коменский о семейном воспитании.— На помощь матерям. СПб., 1894, № 3, с. 97—106.

Воскресенская М. Н. Я. А. Коменский: (Биография и краткий обзор его педагогических трудов).— В кн.: *Воскресенский В. А.* Педагогический календарь на 1891—1892 гг. Год второй. М., 1891, с. 181—206.— Подпись: М. В.

Воскресенская М. Н. Ян Амос Коменский: Его жизнь и пед. соч.— Образование. СПб., 1892, кн. 2, с. 99—122; кн. 3, с. 195—214.

Воскресенская М. Н. Я. А. Коменского «Великая дидактика».— В кн.: *Воскресенский В. А.* Педагогический календарь на 1892—1893 гг. Вып. 3. СПб., 1892, с. 175—196.

Гольцев В. А. Памяти Яна Амоса Коменского (1592—1892).— Рус. мысль. М., 1892, кн. 4, разд. XIV, с. 98—103.

Григорович В. И. И. А. Коменский, славянский педагог-реалист XVII ст.: Публ. чтения 26 нояб. 1870 г.— Одесса: тип. П. Францова, 1871.—21 с.

Грот К. Я. Переписка И. А. Коменского.— Славянское обозрение. СПб., 1892, т. II, май — июнь, с. 205—210.

Грот К. Я. Славянские основы идей и деятельности И. А. Коменского.— Славянское обозрение. СПб., 1892, т. II, май — июнь, с. 105—119.

Долгов И. И. Ян Амос Коменский: (По поводу 300-летия дня его рождения).— Витебск, 1896.—14 с.

Оттиск из Витебских губ. ведомостей.— № 78, 79, 80 и 81.

Ельницкий К. В. Ян Амос Коменский и его педагогические идеи: Публ. лекция, прочт. в день празднования 300-летнего юбилея Я. А. Коменского.— СПб., 1893.—66 с.

Ермилов В. Е. Реформаторы воспитания: Амос Коменский. Великая книга Локка.— М.: Сытин, 1905.—28 с.

Заседание общепедагогического отдела Пед. музея 18 апр. 1892 г. [О предложении Л. Н. Модзалевского о составлении специальной комиссии по переводу и изданию главнейших сочинений Коменского].— Рус. школа. СПб., 1892, № 7—8. Пед. хроника, с. 303—306.— Подпись: В. Г.

Заседание учебно-воспитательного комитета Пед. музея военно-учебных заведений и всех его отделов в память Я. А. Коменского 14 марта 1896.—

Рус. школа. СПб., 1896, № 4. Пед. хроника, с. 268—270. — Подпись: Т-в Н.

Каптерев П. Ф. Материнская школа по Амосу Коменскому. — Образование. СПб., 1892, кн. 4, с. 291—307.

Карцев Н. Великие педагоги после Коменского: О памяти Коменского и развитии его идей. — Рус. нач. учитель. СПб., 1894, № 5, с. 224—234.

Квик Р. Реформаторы воспитания / Пер. с англ. З. Перцовой. — М.: тип. М. Г. Волчаннинова, 1893.

Гл. X. Ян Амос Коменский, с. 79—96.

Отд. оттиск из журн. «Вестник воспитания». — М., 1893.

Амос Коменский. Основатель новой педагогики: Пер. с нем. — СПб.: тип. и лит. В. Оболенского, 1874. — 56 с. — Прил. к журн. «Школьная жизнь».

Амос Коменский и его «Didactica magna» (Великая дидактика). — Учитель. СПб., 1869, № 7, с. 214—222; № 8, с. 245—255; № 9—10, с. 286—299.

Я. А. Коменский и его педагогические труды: Ко дню 300-летия со дня рождения знаменитого педагога-славянина Я. А. Коменского. — Страницы. СПб., 1892, кн. 3, с. 554—570.

Ян Амос Коменский. — Рус. школа. СПб., 1892, № 3, отд. I, с. 8—23.

Кочубинский А. А. Ян Амос Коменский в исторических судьбах своего народа: Речь, произнес. в торжеств. собрании ист.-филол. о-ва при Новороссийском ун-те 16 марта 1892. — Одесса, 1893, — с. 1—25. — Оттиск из Записок Новороссийского университета.

Крыжановский М. Об отношении чехов к Коменскому: (По поводу 304-й годовщины дня рождения Коменского). — Рус. школа. СПб., 1896, отд. 1, № 7—8, с. 74—86.

Куликов Н. Коменский, педагог XVII в.: (По Люцу и Витштоку). — Журн. м-ва нар. просвещения. СПб., 1870, ч. 151, № 10, отд. 3, с. 189—195.

Леве Е. А. [О переподческом задании Общества Коменского в Берлине, выпущенном в Лейпциге в 1892 г.]. — Журн. м-ва нар. просвещения. СПб., 1893, ч. 285, февр. отд. Критика и библиогр., с. 482—485.

Марков Н. Педагог нового христианского мира славянина Амос Коменский. — Чернигов: тип. губ. правления, 1885. — 100 [III] с.

Извл. из № 14—16 Черниговских епарх. известий 1885 г.

Мижусев П. Г. Ян Амос Коменский: (великий славянский педагог). — СПб.: тип. М. М. Ледерле, 1896. — 60 с., портр. — (Нашему юношеству рассказы о хороших людях, № 16).

Мижусев П. Г. Педагогические «мечты» Я. А. Коменского в XVII веке и педагогическая деятельность в Европе и Америке накануне XX века. — Рус. школа. СПб., 1895; № 1, отд. 1, с. 77—91; № 2, отд. 1, с. 53—67.

Миропольский С. И. Ян Амос Коменский и его значение в педагогике. — Журн. м-ва нар. просвещения. СПб., 1871, ч. 155, май, отд. 3, с. 1—22; ч. 155, июнь, отд. 3, с. 97—135, ч. 156, июль, отд. 3, с. 1—66.

Миропольский С. И. Народная школа по идеям Коменского. — Семья и школа. СПб., кн. II, ч. 2; Наша нач. школа, 1873, № 2, с. 102—146; № 4—5, с. 270—333; № 6, с. 29—104.

Модзалевский Л. Н. Амос Коменский, основатель новой педагогики: (По поводу 300-летия со дня его рождения). — СПб.: тип. Н. Г. Мартынова, 1892. — 22 с., портр.

Модзалевский Л. Н. Письмо в редакцию: [О сочинениях Коменского, переведенных и перепечатанных на рус. язык]. — Рус. школа. СПб., 1893, № 2. Пед. хроника, с. 245.

Налимов А. Первоучители современной педагогики: [Коменский, Руссо, Песталотци]. — СПб.: тип. М. О. Вольфа [б. г.]. — 13 с.

Образцов А. Г. Просветительные заветы Я. А. Коменского и их современное значение. — СПб.: типолит. В. Местника, 1896. — 96 с.

Палацкий Ф. Жизнь Иоанна Амоса Коменского / Пер. с чеш. Н. Заде-

рацкого. — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1896, янв., с. 98—119; февр., с. 211—234.

Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского: По поводу 301 годовщины его рождения. [Сб. 1]. — СПб.: Пед. музей военно-учебных заведений, 1893. — 67 с., портр.

Содерж.: Введение. *Поповский М. Ю.* Отчет о деятельности Отдела Коменского за первый год его существования. *Леве Е. А.* Очерк деятельности международного Общества Коменского. *Вейсман А. Д.* О сочинении Коменского «Путь к свету». *Шляпкин И. А.* Отрывки из соч. Коменского «Великая дидактика». *Модзалевский Л. Н.* Сообщение: стихотворение Лейбница, посвященное памяти Коменского. *Холодняк М. А.* О сочинении Коменского. «Всяк своего счастья кузнец».

Рец.: *П. М.* — Рус. школа. СПб., 1894, № 2, отд. II, с. 214—217.

Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского: По поводу 302-й годовщины его рождения. Сб. № 2. — СПб., *Н. Г. Мартынов*, 1895. — 119 с., пл.

Содерж.: Введение. *Поповский М. Ю.* Отчет отдела за 2-й год деятельности. *Мижуев П. Г.* Педагогические идеалы Я. А. Коменского. *Карцов Н. С.* Великие педагоги после Коменского. *Аренс.* Амос Коменский: Стих. в пер. Л. Н. Модзалевского. Коменский. Школа-театр в пер. Л. Н. Модзалевского. *Вейсман А. Д.* О новейшей методике изучения языков Коменского. *Ржигза Ф. В.* Сообщение. *Холодняк М. А.* О некоторых предшественниках и источниках Коменского.

Педагогические мечты: Я. А. Коменский и Великая его дидактика. — Вестник воспитания. М., 1890, № 5, с. 1—11, № 6, с. 18—22; № 7, с. 33—40. — Подпись: В. Н. Д.

Поньрко П. Е. Ян Амос Коменский: (По Научному словнику Ригера). — Филол. записки. Воронеж, 1869, вып. 4, разд. «Славянский вестник», с. 1—8.

Попруженко М. Ян Амос Коменский, педагог XVII века: (Реферат, чит. в ист.-филол. о-ве, 6 марта 1892 г.). — Одесса, 1892. — 8 с.

Празднование 300-летней годовщины дня рождения великого педагога Я. А. Коменского в Тифлисской 2-й гимназии. — Тифлис, 1892. — 35 с., портр.

Рец.: *К. М.* — Рус. школа. СПб., 1893, № 7—8, отд. II, с. 259, 264—265.

Проект Положения о составе при Педагогическом музее Отделе Коменского. — Рус. школа. СПб., 1893, № 1. Пед. хроника, с. 249—251.

Ржигза Ф. В. Очерк жизни и деятельности Иоанна Амоса Коменского в 300-летнюю годовщину рождения славянского педагога XVII века — Н. Новгород, 1892. — 64 с.

Рожков А. Взгляды Локка и Коменского на дисциплину. — Для нар. учителя. М., 1913, № 10, с. 14—19.

Рубакин Н. А. Ян Амос Коменский, страдалец за веру. — В кн.: *Рубакин Н. А.* Люди мысли и труда. М., 1910 [обл. 1911], с. 186—209.

Рец.: *Н.* — Рус. школа. СПб., 1911, № 2. Пед. хроника, с. 102.

Семенов Д. Д. Ян Амос Коменский: (По поводу 300-летия со дня рождения). — Мир божий. СПб., 1892, № 2, разд. 2, с. 57—77.

Семенов Д. Д. Мастерская гуманности по идее Яна Амоса Коменского: (По поводу 300-летия со дня рождения великого педагога). — Вестник воспитания. М., 1892, № 3, с. 12—19.

Сент-Илер К. К. Ян Амос Коменский: Речь, произнес. в СПб. учит. ин-те 15 марта 1892 г. — Пед. листок. СПб., 1892, янв.—июнь, с. 3—13.

Словинский А. И. Основные принципы «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского. — Тифлис, 1892. — 17 с., портр.

Перепеч. из циркуляра по управлению Кавказским учебным округом за 1892 г. № 9.

Смирнов А. В. Христианский педагог Я. А. Коменский.— Православный собеседник. Казань, 1892, кн. 3—4, с. 286—329; кн. 5, с. 123—135.

Отд. оттиск.— Казань, 1892.—120 с.

Соединенное заседание учебно-воспитательного комитета и всех его отделов по случаю 303-й годовщины дня рождения Я. А. Коменского 19 марта 1895 года.— Рус. школа. СПб., 1895, № 5—6. Пед. хроника, с. 385—387.

Средняя школа Коменского и наши гимназии.— Славянское обозрение. СПб., 1892, т. 1, март, с. 351—358.— Подпись: А. Д.

Столянский Н. Предметные уроки: [Об «Orbis Pictus» Коменского] — Школьная жизнь. СПб., 1874, № 24, с. 521—530.

Тренюгина В. М., Кайданова О. В. В помощь голодающим: Иоанн Амос Коменский: Речь, прочт. на заседании Тифлис. о-ва взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц, посвящ. памяти И. А. Коменского по случаю трехсотлетнего юбилея со дня его рождения.— Тифлис, 1892.—28 с.

Содерж.: *Тренюгина В. М.* Жизнь, деятельность и личность Иоанна Амоса Коменского. *Кайданова О. В.* Основные идеи Иоанна Амоса Коменского.

Рец.: *К. М.*— Рус. школа. СПб., 1892, № 7—8, отд. II, с. 247—249.

Трехсотлетний юбилей Я. А. Коменского и предполагаемое чествование имени его в Германии.— Рус. школа. СПб., 1892, отд. I, № 2, с. 86—90.— Подпись: К. М.

300-летний юбилей отца народной школы Амоса Коменского в С.-Петербург. 1592—1892: Собр. речей гг. Каптерева, Миропольского, Модзалевского и Сент-Илера.— СПб.: *Н. Г. Мартынов*, 1893.—66,3 с., с. портр.

Содерж.: Предисловие. *Модзалевский Л. Н.* Жизнь и характер Коменского. *Каптерев П. Ф.* Материнская школа по Амосу Коменскому. *Миропольский С. И.* Значение Коменского в истории педагогики, его воспитательные идеалы, принципы обучения и организация учебно-воспитательного дела в школах. *Сент-Илер К. К.* Значение Коменского в истории воспитания и обучения. Гимн Коменскому — слова В. С. Карцева, муз. В. И. Главача.

Рец.: *К. М.*— Рус. школа. СПб., 1893, № 7—8, отд. II, с. 259—265.

Фесенко И. И. Иван Амос Коменский — великий славянский педагог.— Харьков, 1892.—24 с.— Перед загл.: Ф.

Фесенко И. И. Идеи Яна Амоса Коменского и закон эволюции.— Рус. школа. СПб., 1903, № 7—8, отд. 1, с. 179—190, № 9, отд. I, с. 119—142.

Флоринский Г. Ян Амос Коменский — друг человечества: Публ. лекция.— Киев, 1892.—28 с.— (Университетские известия. Киев, 1892, № 3).

Холодняк М. А. Несколько заметок об изданиях сочинений Яна Амоса Коменского, хранящихся в Виленской публичной библиотеке.— Журн. м-ва нар. просвещения. СПб., 1895, ч. 298, март, отд. I, с. 222—226.

Холодняк М. А. Развитие женского образования до Я. А. Коменского и заслуги его в этом деле.— Рус. школа. СПб., 1897, № 5—6, отд. I, с. 70—85.

Шестаков П. Д. Иоанн Амос Коменский, педагог 17 века.— Воспитание. М., 1862, т. XI, № 1, с. 12—30; № 4, с. 176—192; № 5, с. 225—239.

Шляпкин И. А. Философское мировоззрение И. А. Коменского: (Речь к воспитанникам, произнес. в торжеств. собрании учт. пн-та 15 марта 1892 г.) — Рус. нач. учитель. СПб., 1892, № 5, с. 181—188.

Яичевецкий Г. Я. А. Коменский (1592—1892).— Гимназия. Ревель, 1892, № 3, с. 3—14.

Яреш Ф. Л. Коменский как реформатор в преподавании латинского языка.— Гимназия. Ревель, 1894, кн. 8, с. 425—446.

Яреш Ф. Л., Степович А. И. Ян Амос Коменский (1592—1670): Чтения в торжеств. собрании Киевского славян. благотворит. о-ва, сост. 15 марта 1892 г.— Киев, 1892.—65 с.

Содерж.: *Яреш Ф. Л.* Ян Амос Коменский, последний епископ чешских братьев. *Степович А. И.* Ян Амос Коменский, славянский педагог и мыслитель.

**Отдел Коменского Пед. музея военно-учебных заведений
(1890—1900)**
(Краткие сообщения и изложения докладов)

Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864—1914: Ист. очерк / Под ред. Я. Л. Барского.— СПб.: М. М. Стасюлевич, 1914.

Краткая история отдела, посвященного изучению Я. А. Коменского с 1891 г., с. 126—127.

Пед. музей военно-учебных заведений. 1864—1914: Указатель докладов и сообщений.— Пг., 1915. Раздел XVI. Доклады, связанные с именем Яна Амоса Коменского, с. 131—133.

Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1890—1891 и 1891—1892 гг.— СПб.: М. М. Стасюлевич, 1893.

Из содерж.: Торжественное заседание учебно-воспитательного комитета, посвященное 300-летию со дня рождения Я. А. Коменского, с. 56—171. *Модзалевский Л. Н.* Очерк жизни и заслуг Я. А. Коменского, с. 57—70. *Калтерев П. Ф.* Материнская школа по Амосу Коменскому, с. 70—76. *Миропольский С. И.* Значение Коменского в истории педагогики, воспитательные идеалы, принципы обучения, организация учебно-воспитательного дела в школах, с. 76—88.

В отделе иностр. языков: *Леве Е. А.* Ян Амос Коменский и взгляды его на преподавание языков, с. 116—171.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1893—1894 гг. СПб., 1895, с. 119—127.

Из содерж.: *Воскресенский В. А.* Программа сборника главнейших сочинений Коменского, с. 120—122. *Холодник М. А.* О сочинении Коменского: *Faber fortunaе*. Об источниках, которыми пользовался Коменский при составлении своих сочинений «*Janua linguarum*» и «*Orbis pictus*», с. 122—123. *Шаанебах.* «Великая дидактика» в переводе Любомудрова и Адольфа, изд. Тихомирова, с. 123. *Мижусев П. Г.* О взглядах на деятельность Коменского английского профессора Jaurie и американского профессора Hapus'a, с. 123. *Крыжановский М. С.* Об отношении чехов к Коменскому, с. 123—124. *Вейсман Л. Д.* «*Methodus linguarum novissima*» Коменского, с. 124. *Модзалевский Л. Н.* О «*Schola ludus*» А. Коменского, с. 124. *Пиотровский И. П.* О «*Rapegersis*» А. Коменского, с. 124. *Мижусев П. Г.* Педагогические идеалы Коменского и современная действительность, с. 126. *Карцев Н. С.* О великих педагогах после Коменского, с. 126—127.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1894—1895 гг. СПб., 1897, с. 110—132.

Из содерж.: *Холодник М. А.* О сочинениях Коменского в Виленской публичной библиотеке, с. 110—111. *Лященко А. И.* О задачах и деятельности общества «*Comenium*» в Праге. Коменский и Достоевский по чешским источникам, с. 111—113. *Образцов А. Г.* Об изучении преподавания языков по «Великой дидактике» Коменского, с. 113—114. *Квачала И. И.* Новейшие мои исследования и открытия о жизни и деятельности Я. А. Коменского, с. 114—117. *Карцев Н. С.* Драматические сцены из жизни Я. А. Коменского, с. 117—120. *Модзалевский Л. Н.* Пятая драма из «*Schola ludus*» Коменского, с. 120—124. *Вознесенский П. М.* Очерк философских воззрений Коменского, с. 128—130.

Отдел Коменского: Деятельность за 1895—1896 гг.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1895—1896 гг. СПб., 1897, с. 80—93.

Из содерж.: *Туликов Н. М.* Коменский и Декарт, с. 80—81. *Ястребов Н. В.* Петр Хельщичский, с. 81—83. *Мижусев П. Г.* Общедоступное жизнеописание Я. А. Коменского, с. 83—84. *Образцов А. Г.* Взгляд Коменского на значение и положение учителя, с. 84. *Карцев Н. С.* О пансофической системе

Коменского, с. 84—87. *Протейкинский В. П.* О духе и целях пансофической школы Коменского, с. 87. *Петров А. Л.* «Лабиринт света» Коменского в отрывках, с. 90. *Холодняк М. А.* Живое образование до Коменского, с. 90—93.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1896—1897 гг. СПб., 1898, с. 87—119.

Из содерж.: *Лютер Ф. А.* О переводе посмертного сочинения Я. А. Коменского «Specilegium Didacticum», с. 90. *Пиотровский И. П.* О сочинении Коменского «Panegesis», с. 90—91. *Вейсман А. Д.* О статье Бегемана в «Monatsch. d. Comenius», с. 91—93. *Вейсман А. Д.* Речь, посвященная Коменскому в торжественном заседании учебно-воспитательного комитета в память 305-й годовщины со дня рождения Коменского, 23 марта 1897 г., с. 94—106. *Образцов А. Г.* Благочестие как основа воспитательного учения Я. А. Коменского (речь 23 марта 1897 г.), с. 106—112. *Туников Н. М.* Л. Н. Модзалевский и отдел Коменского, с. 113—119.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений 1897—1898 гг. СПб., 1899, с. 187—220.

Из содерж.: *Квачала.* «История судеб «Великой дидактики» при жизни Коменского, с. 187—188. *Петров А. Л.* Рецензия на перевод Ржиги «Лабиринт света» Коменского в переводе докладчика, с. 188. *Квачала А.* Коменский и Ж. Ж. Руссо — ревнители просвещения и воспитания, с. 189—190. *Лавров С. В.* Ян Амос Коменский и педагоги Екатерининской эпохи, с. 193—206. *Нечаев А. П.* Философские основы педагогики Яна Амоса Коменского, с. 206—212. *Карцев Н. С.* Отзывы о Коменском выдающихся людей Европы, с. 212—220.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1898—1899 гг. СПб., 1900, с. 69—109.

Из содерж.: *Лавров В. С.* О Квицциллиане и Коменском, с. 70—71. *Колубовский Н. С.* О подготовке педагога в связи со взглядами Коменского, с. 75—85. *Образцов А. Г.* Заветы Коменского в «Новой школе», с. 86—92.

Отдел Коменского.— В кн.: Краткий обзор деятельности Пед. музея военно-учебных заведений за 1899—1900 гг. СПб., 1901, вып. II, с. 194—200. Из содерж.: *Леве Е. А.* Учебные планы реформенных школ в Германии, преимущественно франкфуртских, в сравнении со взглядами Коменского, с. 194—195. *Фесенко И. О.* Я. А. Коменский и основа педагогики как науки, с. 198—199.

Советская литература о Я. А. Коменском

Аккерман С. И. Дидактические правила Яна Амоса Коменского.— Учен. зап. Владимирского пед. ин-та, 1958, вып. 4, с. 301—313.

Альт Р. Прогрессивный характер педагогики Коменского / Пер. с нем. и примеч. А. И. Пискунова.— М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959.— 150 с., ил.

Ананьев Б. Г. Вопросы психологии обучения и воспитания в трудах Яна Амоса Коменского.— Сов. педагогика, 1971, № 2, с. 48—54.

Константинов Н. А., Пискунов А. И. Исследование о великом славянском педагоге. Роберт Альт. Прогрессивный характер педагогики Коменского. Берлин, 1954.— Сов. педагогика, 1956, № 8, с. 87—95.

Андронов И. К. Ян Амос Коменский (1592—1670) и его время: К 300-летию со дня смерти.— Математика в школе, 1970, № 6, с. 79—82.

Аранский В. С. Ян Амос Коменский: [К 300-летию со дня смерти].— Сред. спец. образование, 1970, № 11, с. 48—52.

Валаилов Г. Н. Я. А. Коменский — основоположник принципа проч-

ности (основательности) в обучении.— В кн.: *Баланюк Г. Н.* Выдающиеся педагоги о прочном усвоении знаний. Тула, 1973, с. 3—17.

Брамбора И. Последний период литературной деятельности Яна Амоса Коменского.— Сов. педагогика, 1964, № 7, с. 97—105.

Буяновский Д. С. Вопросы школьной гигиены в произведениях Яна Амоса Коменского (1592—1670): К 300-летию выхода в свет трудов.— Гигиена и санитария, 1957, № 5, с. 56—58.

Верзилин Н. М. Заметки методиста при чтении «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского.— Нач. школа, 1939, № 1, с. 7—9.

Вичаз И. Юбилей Яна Амоса Коменского в Чехословакии.— Славяне, 1957, № 1, с. 57.

Волков Г. Н. Я. А. Коменский и И. Я. Яковлев: (Опыт сравнительно-педагогического анализа).— Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1962, вып. 24, с. 128—141.

Высказывания выдающихся педагогов об основательности и прочности обучения: Коменский Ян Амос / Сост. А. В. Смирнова.— Нач. школа, 1945, № 2—3, с. 10—11.

Гаек П. Чествование в Чехословакии памяти Яна Амоса Коменского.— Нар. образование, 1957, № 6, с. 103—104.

Голант Е. Выдающийся чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский (1592—1670).— Семья и школа, 1957, № 7, с. 11.

Гончаров Н. К. Великий гуманист.— Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 75—80.

Гончаров Н. К. Международная конференция, посвященная деятельности Яна Амоса Коменского (Прага, сент. 1957 г.).— Сов. педагогика, 1957, № 12, с. 9—22.

Гончаров Н. К. Наглядность как дидактический принцип: [Коменский].— Сов. педагогика, 1967, № 5—6, с. 53—55.

Гончаров Н. К. Трехсотлетие «Великой дидактики».— Сов. женщина, 1957, № 4, с. 41.

Гончаров Н. К. Ян Амос Коменский и современность: [К 300-летию со дня смерти].— Сов. педагогика, 1970, № 9, с. 116—126.

Гриценко М. На родине Коменского.— Нар. образование, 1975, № 3, с. 92.

Джибладзе Г. Н. Философия Коменского.— Тбилиси: Ун-т, 1973.— 252 с.

Джибладзе Г. Н. Ян Амос Коменский и высшая школа: [К 300-летию со дня смерти].— Вестн. высш. школы, 1970, № 11, с. 83—86.

Дзюбинский С. Н. Новая книга о Яне Амосе Коменском: Чапек Э. Ян Амос Коменский. Прага, «Orbis», 1941.— Сов. педагогика, 1946, № 9, с. 108—111.

Жильцов М. О дидактических принципах Я. А. Коменского.— Нач. школа, 1937, № 1, с. 44—52.

Захаров В. Г. Коменский как основатель школы родного языка.— Каллипп, 1940.— 67 с., ил.— (Учен. зап. Калнинского пед. ин-та, т. IX, вып. 4).

Зенов М. Памяти великого чешского педагога Яна Амоса Коменского: [К 300-летию со дня смерти].— Сов. педагогика, 1971, № 1, с. 155—156.

Из высказываний классиков педагогики о внимании и интересе в обучении: Ян Амос Коменский / Сост. В. А. Хрусталева.— Нач. школа, 1939, № 9, с. 24—25.

Из высказываний классиков педагогики о наглядности: Ян Амос Коменский / Сост. В. А. Хрусталева.— Нач. школа, 1940, № 1, с. 4—5.

Из высказываний классиков педагогики об активности учащихся: Ян Амос Коменский.— Нач. школа, 1941, № 5, с. 10—11.

Казанцев И. Ян Амос Коменский.— Сов. Союз, 1957, № 4, с. 22.

Каиров И. А. Великий педагог Ян Амос Коменский: Сокр. докл. на торжеств. вечере, посвящ. Я. А. Коменскому 12 апр. 1957 г.— Сов. педагогика, 1957, № 6, с. 11—18.

Константинов Н. А. Великий славянский педагог.— К 300-летию выхода в свет «Великой дидактики».— Культура и жизнь, 1957, № 4, с. 59—61.

Красновский А. А. Материнская школа Я. А. Коменского.— Дошкол. воспитание, 1947, № 4, с. 39—46.

Красновский А. А. Ян Амос Коменский.— М.: Учпедгиз, 1953.—324 с., ил., портр.

Рец.: *Фрумов С. А.* Книга о великом славянском педагоге.— Сов. педагогика, 1954, № 7, с. 134—145.

Крупская Н. К. Амос Коменский (1592—1670): Текст записи из подгот. материалов к книге «Народное образование и демократия» / С предисл. Н. А. Константинова «Н. К. Крупская о великом чешском педагоге».— Доклады Акад. пед. наук РСФСР, 1957, № 4, с. 41.

То же.— Нар. образование, 1957, № 5, с. 105.

Кулагин П. Г. Развитие идеи межпредметных связей в «Великой дидактике» Я. А. Коменского.— В кн.: Межпредметные связи в процессе обучения. Рязань, 1976, с. 61—67.

Курдыбаза Л. Эволюция «Великой дидактики» Яна Амоса Коменского.— Сов. педагогика, 1957, № 12, с. 84—92.

Липник В. Н. Проблема интереса в педагогическом учении Коменского.— В кн.: Формирование познавательных интересов учащихся. Ярославль, 1973, с. 28—31.

Лордкипанидзе Д. О. Великий чешский педагог Ян Амос Коменский.— М.: Знание, 1957.—31 с., портр.

Лордкипанидзе Д. О. Дидактика Яна Амоса Коменского / Под ред. и с предисл. Е. Н. Медынского.— Тбилиси, 1941.—124 с.

2-е испр. изд.— М.: Учпедгиз, 1949.—128 с.

Лордкипанидзе Д. О. Значение «Общего совета об исправлении дел человеческих» Коменского для социалистической педагогики.— Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 87—93.

Лордкипанидзе Д. О. Международная конференция в Праге [посвященная изучению жизни и деятельности Яна Амоса Коменского, сент. 1957 г.].— Нар. образование, 1958, № 1, с. 106—107.

Лордкипанидзе Д. О. Прогрессивно-демократическая направленность мировоззрения Я. А. Коменского.— Тбилиси, 1970.—11 с.— [На правах рукописи].

Лордкипанидзе Д. О. Ян Амос Коменский: [К 365-летию со дня рождения].— Наука и жизнь, 1957, № 4, с. 57—58.

Мазуркевич А. Р. Ян Амос Коменский и прогрессивные педагоги Украины.— Сов. педагогика, 1970, № 11, с. 104—111.

Материалы научной сессии АПН РСФСР, посвященной 300-летию опубликования собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. (13—14 дек. 1957 г.) / Под ред. И. В. Чувашева, А. И. Пискунова.— М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959.—248 с.

Содерж.: *Каиров И. А.* Вступительное слово. *Пискунов А. И.* Жизнь и деятельность великого славянского педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670). *Фрумов С. А.* Демократические идеи Яна Амоса Коменского и его система народного образования. *Шабалева М. Ф.* Идея природосообразности в педагогической системе Яна Амоса Коменского. *Лордкипанидзе Д. О.* Дидактические идеи Яна Амоса Коменского. *Смирнов В. З.* Ян Амос Коменский о воспитании детей. *Корнейчик Т. Д.* Ян Амос Коменский об учителе. *Чувашев И. В.* Вопросы дошкольного воспитания в трудах Яна Амоса Коменского. *Свадковский И. Ф.* Дидактика Яна Амоса Коменского и современная

педагогическая наука. *Ананьев Б. Г.* Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского. *Лордкипанидзе Д. О., Зиневич Н. А.* Библиография трудов Я. А. Коменского и работ о нем, изданных в дореволюционной России и СССР.

Медынский Е. Н. Великий педагог: (К 285-летию со дня смерти Я. А. Коменского).— Славяне, 1955, № 11, с. 55—57.

Медынский Е. Н. Великий педагог Ян Амос Коменский.— Нач. школа, 1942, № 3—4, с. 28—34.

Медынский Е. Н. Великий славянский педагог.— Вожатый, 1942, № 7, с. 17—19.

Медынский Е. Н. Педагогика Я. А. Коменского — вклад славянской культуры в мировую: (К 350-летию со дня рождения).— Сов. педагогика, 1942, № 3—4, с. 94—98.

Международная конференция по работе Яна Амоса Коменского «Общий совет об исправлении человеческих дел».— Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 73—74.

Мирский Л. М. Физическое воспитание в педагогической системе Яна Амоса Коменского: (К 370-летию со дня рождения великого чеш. педагога).— Физ. культура в школе, 1962, № 3, с. 8—14.

Науменко Ф. И. Ян Амос Коменский и педагогика братских школ Укранины.— В кн.: А. С. Макаренко. Львов, 1971, кн. 8, с. 19—26.

Научная сессия Академии [посвященная юбилею Яна Амоса Коменского. АПН РСФСР, Москва, дек. 1957: Обзор работы].— Сов. педагогика, 1958, № 2, с. 153—154.

Ниорадзе Г. Юбилейная научная сессия в Грузии, посвященная Я. А. Коменскому. Тбилиси, дек. 1958 г.— Сов. педагогика, 1959, № 3, с. 157—159.

Невзорова А. Ф. Классики педагогики о дисциплине: Ян Амос Коменский.— Сов. педагогика, 1940, № 4—5, с. 134—135.

[О рукописях «Orbis pictus» в начале XVIII в.].— В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Акад. наук СССР. Л., 1956, с. 328—350.

Памяти Яна Амоса Коменского: [Междунар. конф., посвящ. 365-летию со дня рождения чешского педагога в Чехословакии].— Сов. педагогика, 1957, № 1, с. 121—122.

Педагоги прошлого об индивидуальном подходе к детям: Высказывания Я. Коменского.— Сред. школа, 1935, № 4, с. 33—35.

Пенчко Н. А. К 200-летию первого русского издания «Мира в картинках» Яна Амоса Коменского.— Доклады Акад. пед. наук РСФСР, 1957, № 3, с. 29—31.

Пискунов А. И. Великий педагог Ян Амос Коменский: К 375-летию со дня рождения.— Школа и производство, 1967, № 4, с. 67—69.

Пискунов А. И. Гуманизм и пансофия — фундаментальные идеи педагогической теории Яна Амоса Коменского.— Сов. педагогика, 1971, № 2, с. 54—60.

Пискунов А. И. Пансофические идеи Я. А. Коменского и отношение к ним прогрессивных русских педагогов конца XIX — начала XX в.— Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 80—86.

Пискунов А. И. Ян Амос Коменский.— Нар. образование, 1957, № 4, с. 99—104.

Плеханов А. Ян Амос Коменский о воспитании потребности в знаниях: к 300-летию со дня смерти].— Нар. образование, 1970, № 11, с. 109—112.

Попелова И. Ян Амос Коменский.— В защиту мира, 1957, март, № 70, с. 36—41.

Поуп Д. Д. Современное значение проектов Коменского об исправлении вещей в «Панортозии».— Сов. педагогика, 1967, № 12, с. 96—100.

- Прангишвили А. С.* Ян Амос Коменский и методологические вопросы психологии.— Тбилиси, 1971.—8 с. Отд. оттиск.
- Раушенбах В.* Коменский как методист в области преподавания иностранных языков. (1592—1670).— В кн.: Иностранный язык в школе. М., 1946, вып. 3, с. 46—56.
- Савинец В. К.* Демократизм педагогических идей Яна Амоса Коменского.— В кн.: А. С. Макаренко. Львов, 1971, кн. 8, с. 14—18.
- Смирнов А. А.* Ян Амос Коменский и проблемы психологии.— Вопросы психологии, 1970, № 6, с. 17—33.
- Смирнов В. З.* Я. А. Коменский о наглядности в обучении.— Учен. зап. Куйбышевского пед. и учит. ин-та, 1940, вып. 4. Кафедра педагогики, с. 145—161.
- Соколов Н. А.* Вопрос об отношении между воспитанием и развитием детей в истории педагогической науки. Я. А. Коменский.— Сов. педагогика, 1938, № 11, с. 100—102.
- Стейская В.* Ян Амос Коменский и книга для детей.— В кн.: Детская литература. М., 1972, с. 284—293.
- Струминский В. Я.* Генеральный провозвестник педагогической науки в XVII в. славянский педагог Я. А. Коменский. (1592—1670).— Сов. педагогика, 1957, № 7, с. 63—79.
- Сухорский С. В.* Ян Амос Коменский и современная советская дидактика.— В кн.: А. С. Макаренко. Львов, 1971, кн. 8, с. 5—13.
- Тумм-Альмединген Н. А.* Вопросы дошкольного воспитания в педагогической системе Я. А. Коменского.— Дошкол. воспитание, 1939, № 10, с. 18—30.
- Фролова О. А.* Ян Амос Коменский — великий чешский педагог и мыслитель о дошкольном воспитании.— Дошкол. воспитание, 1957, № 7, с. 6—15.
- Фрумов С. А.* Великий учитель учителей: К созову Междунар. конф., посвящ. памяти Я. А. Коменского.— Нач. школа, 1957, № 9, с. 8—14.
- Фрумов С. А.* Великое наследие: (К 285-летию со дня смерти Я. А. Коменского).— Сов. педагогика, 1955, № 12, с. 58—73.
- Ципро М.* Развитие Коменским принципов гуманистического воспитания.— Сов. педагогика, 1971, № 2, с. 60—64.
- Чернобаев В. Г.* Неизвестная рукопись проповедей Яна Амоса Коменского в Ленинградской публичной библиотеке.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена и ГИПИ, 1936, т. 2, фак. яз. и лит., вып. 1, с. 381—388.
- Чехов Н. В.* «Зрелище вселенных»: 280 лет замечательной книги.— Дет. литература, 1939, № 1, с. 80—81.
- Чуашев И. В.* Классики педагогики о значении игр и игрушек в воспитании детей: Высказывания Я. А. Коменского (1592—1670).— Игрушка, 1939, № 8—9, с. 20—21.
- Чуашев И. В.* Русские педагоги о Я. А. Коменском.— Сов. педагогика, 1957, № 6, с. 67—80.
- Чума А. А.* Учебные книги Яна Амоса Коменского в московских «разноязычных» школах начала XVIII века.— Сов. педагогика, 1960, № 12, с. 112—117.
- Шабалева М. Ф., Зиновьев С. И.* Великий гуманист и педагог: К 375-летию со дня рождения Яна Амоса Коменского.— Вестн. высш. школы, 1967, № 3, с. 49—52.
- ✓ *Шагинян М.* Отец народной школы Ян Амос Коменский: (К 365-летию со дня рождения).— Нар. образование, 1957, № 9, с. 75—83.
- Шагинян М.* Отец современной педагогики: [Фрагменты из книги «Чехословацкие письма». К 300-летию со дня смерти Яна Амоса Коменского].— Семья и школа, 1970, № 11, с. 20—23.

Шаронова Т. Г. Проблема дисциплины в педагогической системе Я. А. Коменского.— В кн.: Вопросы истории школы и педагогики. Минск, 1972, с. 198—208.

Швецов А. В. Жизнь и педагогическое творчество Яна Амоса Коменского.— Нар. учитель. Хабаровск, 1940, № 3—4, с. 21—39.

Ян Амос Коменский (1592—1670).— Сред. школа, 1936, № 3, с. 67—68.

Ян Амос Коменский и современность: Тезисы докладов науч. конф./ Под общ. ред. Г. Н. Волкова.— Чебоксары: Кн. изд-во, 1970.—86 с., ил.— Чуваш. отд-ние Пед. о-ва РСФСР. Чуваш. гос. пед. ин-т им. И. Я. Яковлева).

Библиографические источники

Леве Е. А. Русская библиография о Коменском.— Журн. М-ва нар. просвещения. СПб., 1893, ч. 290, нояб., отд. II, с. 140—146.

Палацкий Ф. Перечень всех сочинений Я. А. Коменского, по времени их составления: [На лат. яз.].— Гимназия. Ревель, 1892, № 3, с. 15—18.

* * *

Красновский А. А. Ян Амос Коменский.— М.: Учпедгиз, 1953.—324 с. Библиогр.: Пед. прозведения Я. А. Коменского в хронологическом порядке и литература о нем, с. 300—307.

Лордкипанидзе Д. О., Зиневич Н. А. Ян Амос Коменский: Библиография.— Тбилиси: Цодна, 1958.—46 с.— (НИИ пед. наук М-ва просвещения ГрузССР).

Лордкипанидзе Д. О., Зиневич Н. А. Библиография трудов Я. А. Коменского и работ о нем, изданных в дореволюционной России и СССР.— В кн.: Материалы научной сессии АПН РСФСР, посвященной 300-летию опубликования собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. М., 1959, с. 220—247.

Указатель имен

- Августин, Аврелий 36, 96, 178, 432
Агафарх 417
Александр Македонский (Великий)
18, 82, 126, 127, 434, 435
Альштед, Иоганн Фридрих 57
Анахарсис 390
Антонин Пий 18
Аполлодор Афинский 415
Ареций, Бенедикт 108
Аристотель 30, 81, 133, 332, 353
Архесилай 163
- Бернар Клервоский 26
Бозий 339
Буде, Иоан Франц 455
Бэкон Френсис 202, 362
- Валла, Лоренцо 455
Вальд, Петр 455
Вергилий 84, 107, 417, 420, 421
Вивес, Людовик (Хуан Луис) 68,
328
Воттон 416, 421
- Газенмюллер, Софоний 443
Гален, Клавдий 361, 362, 449
Ганнибал 18, 435
Геллий, Авл 38, 40, 91, 432, 448
Герберт, Эдуард 353
Гесиод 85
Гипократ 16, 361, 416
Горнбек 408
Гораций, Флакв Квинт 15, 30, 84,
156, 436
Гус, Ян 455
Гутенберг, Иоанн 206
- Давид 11, 18, 33, 67, 88, 98, 108, 144,
154, 336, 337, 378, 409, 447, 468
Декарт (Картезий), Рене 345, 346, 455
Демокрит 367
Диоген Синопский 80, 125
- Евклид 365
Елисей 29, 33
- Зевксис 417
- Иезавель 26
Иероним, Софроний Евсевий 36
Илия 29, 33, 130
Иойад 33
Иосафат 18, 33
Иосия 33
Исократ 83
Иустин 82
- Кальвин 455
Кампанелла, Томмазо 289, 367
Карл Великий 18
Кастеллио, Себастьян 68
Катон (Марк Порций Катон Старший)
36, 77, 431
Катулл, Гай Валерий 107
Квинтилиан, Марк Фабий 65, 118,
373
Кебес 77
Клавий, Христофор 356
Кленард, Николай 408
Климент Александрийский 15
Клоппенбург 90
Колумб, Христофор 93
Комес, Натал 107
Константин Великий, Флавий Вале-
рий Константин 1, 18, 33
Курций, Руф Квинт 68, 82
- Лаврентий, Янссен 206
Ликург 27, 158
Липсий, Юст 38
Лоранфи, Сусанна 5
Лубин, Эйлгард 175
Луллий (Луль), Рамон 455
Лютер, Мартин 97, 455
- Магни, Валериян 352
Мануций, Альд 68, 206
Меланхтон, Филипп 31
Мурет, Марк Антуан 84
- Нейфельд, Ульрих фон (псевдоним
Коменского) 352
Непот, Корнелий 68, 82
- Овидий, Публий Назон 15, 30, 77
Ориген 36

- Панноний, Ян 41
 Петрарка, Франческо 455
 Пизо, Якоб 41
 Пифагор 269, 308, 356
 Плавт, Тит Макций 415
 Плавтин, Кристоф 206
 Платон 22, 25, 30, 74, 102, 141, 337,
 339, 391, 407, 414, 425
 Плиний, Гай Секунд Старший 36,
 38, 79, 178, 449
 Плутарх 83
 Поликлет 417
 Примросий, Яков 421
 Присциан 66, 67
- Ракоци, Сигизмунд 25, 44
 Рамус, Петр 455
 Росций, Квинт Комед 71
- Сааведра, Фахардо Диего де 443
 Саллюстий Крисп, Гай 84
 Саул 378
 Сенека, Луций Анней 42, 49, 68,
 96, 113, 118, 131, 164, 178, 317,
 362, 379, 394, 404, 413, 420, 431,
 437, 459
 Скалигер, Юлий Цезарь 291
 Сократ 14, 93, 97, 117, 337, 367, 391,
 425, 427, 432, 434
 Соломон 12, 18, 19, 22, 33, 55, 85,
 87, 94, 96, 101, 107, 108, 116, 130,
 145, 184, 362, 367, 384, 395, 398,
 399, 409, 419, 437, 468
 Социн, Лелий 455
- Текстор (Равзий, Иоганн) 68
 Теренций, Публий 421
 Тибулл, Альбий 77, 377
 Турзо, Ян 41
- Ульпиан, Домиций 362
- Фемистокл 75
 Фогт 104, 111
 Форций, Иоахим Форций Ривгельс-
 берг 112, 113, 121, 122, 126, 206
 Фукидид 85
 Фауст, Ян 206
- Хрисипп 415
- Цезарь, Гай Юлий 29, 82
 Цельс, Корнелий 362
 Цицерон, Марк Туллий 25, 36, 71,
 77, 82, 84, 163, 219, 290, 371, 394,
 401, 420, 431, 462
- Шопп (Скиопний), Каспар 131
 Штурм, Иоганн 20
- Элиан 79
 Энный, Квинт 420
 Эпикур 398
 Эразм Роттердамский, Дешидерий (на-
 стоящее имя Герхард Герхардс)
 41, 42, 68, 121, 455
 Эрпений, Томас (Фома) Эрпен фон 113
- Юстин 68
 Юстиниан 18

Содержание

О развитии природных дарований	5
Об искусном пользовании книгами — первом инструментом развития природных дарований	34
Пансофическая школа	44
О пользе точного наименования вещей	99
Похвала истинному методу	105
Воскресший Форций	112
Законы хорошо организованной школы	133
Правила поведения	164
Выход из школьных лабиринтов	174
Живая типография	192
Фрагменты из учебников	208
Мир чувственных вещей в картинках	234
Всеобщий совет об исправлении дел человеческих	285
Свечки Европы...	—
Панегерсия	294
Панавгия	310
Пансофия	328
Пампедия	382
Панортосия	453
Издания пропозедеций Я. А. Коменского в России (<i>А. Чума</i>)	470
Комментарии	478
Библиографический указатель	560
Указатель имен	574

Ян Амос Коменский

Избранные педагогические сочинения

В 2-х т. Т. 2

Составители

Эдуард Дмитриевич Днепров

Иржи Курашек

Михаил Николаевич Кузьмин

Дагмар Чапкова

Зав. редакцией Ю. В. Василькова

Редактор К. П. Чулкова

Художник А. А. Рюмин

Художественный редактор Е. В. Гаврилин

Технические редакторы Т. Г. Иванова, Т. Е. Морозова

Корректоры В. С. Антонова, В. Н. Рейбелель

ИБ № 235

Сдано в набор 29.10.81. Подписано в печать 03.05.82. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага кн.-журн. Печать высокая. Гарнитура обычн. новоя. Усл. печ. л.
36,0. Уч.-изд. л. 39,89. Усл. кр.-отт. 36,5. Тираж 30000 экз. Заказ № 3405.
Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР

и Государственного комитета СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Москва, 107847, Лефортовский пер., 8

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28